

①

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
С. А. Рустам, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЛЕСЯ УКРАИНКА

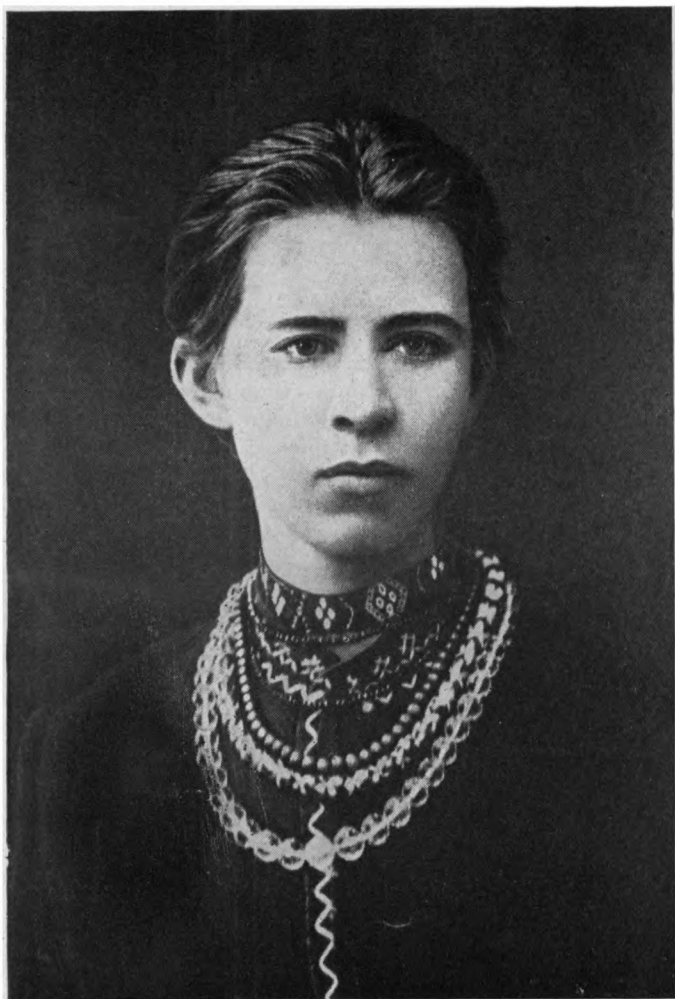
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Вступительная статья,
составление и примечания
С. М. Шаховского*

*Редакция стихотворных переводов
П. В. Жура*

Леся Украинка — псевдоним украинской писательницы Ларисы Петровны Косач (1871—1913). Нежная и суровая, мужественная и трепетная, проникнутая национальными украинскими мотивами, поэзия Леси Украинки направлена против любого гнета и деспотизма. Творчество прославленной поэтессы отличается высокой поэтической культурой, широким разнообразием жанров и тематики, глубиной философской мысли. В этом издании собраны лучшие образцы ее лирики, поэм, драматических поэм и стихотворных драм.

Переводы осуществлены известными советскими поэтами, мастерами перевода — М. Алигер, П. Антокольским, Н. Заболоцким, А. Прокофьевым, Вс. Рождественским, М. Светловым, Н. Ушаковым, Г. Шенгели и другими.

ПОЭЗИЯ ЛЕСИ УКРАИНКИ

К Лесе Украинке можно с полным основанием применить самоопределение Тараса Шевченко: «История моей жизни составляет часть истории моей родины». И если голос Шевченко — это выражение чаяний крепостного крестьянства, изнемогающего в тисках крепостной неволи, то Леся Украинка восприняла думы и стремления народа, который уже поднялся на социальную революцию. Поэтесса усвоила многие положения научного социализма и пропагандировала его на родном языке. К 1901 году относится ее перевод великих слов заключительного призыва «Манифеста Коммунистической партии»: «Робітники усіх країн, єднайтеся!»¹

Характерно и содержательно литературное имя поэтессы (настоящее имя — Лариса Петровна Косач). В тринадцать лет она напечатала первые публикации под псевдонимом Леся Украинка. В дальнейшем пользовалась этим псевдонимом постоянно и неизменно. «Под своими стихами, — отметил Микола Бажан, — она гордо подписывалась — Леся Украинка. Она была славной дочерью свобододобливой Украины. И в произведениях своих, подписанных этим простым и многозначительным псевдонимом, она воплотила все лучшее, что борьба и страдания, и горе, и величие народа воплотили в ее дочерях».²

В литературе Леся Украинка продуктивно проработала тридцать три года, прожив всего сорок два. Не знала она, что такое отдых, передышка, переключение на что-либо нетворческое. За свою недол-

¹ Леся Українка, Зібрання творів у 12-ти томах, т. 8, Київ, 1977, с. 131.

² Микола Бажан, Поэзия свобододобия и мужества. — «Правда», 1943, 1 августа.

гую жизнь она создала огромное количество лирических, эпических, драматических, публицистических произведений, научных трудов.

Не пришлось ей ни разу подолгу жить в одном и том же месте. Черниговка по отцу, полтавчанка по матери, она родилась на Волыни и считала себя волынянкой; часто приезжала в Киев, где училась и работала; бывала в Крыму, на Кавказе, в Одессе, Петербурге, Варшаве, Дерпте; печаталась преимущественно во Львове и Черновцах. «Без преувеличения, — писал О. Гончар, — можно сказать, что одновременно с близкими людьми будущую поэтессу формировала, воспитывала и готовила к творческому подвигу вся тогдашняя передовая Украина. Волынские и полтавские впечатления, киевские обыски, эхо краснопресненских баррикад — все это звало Лесю к тому труду, которому она посвятила себя до конца».¹

Леся Украинка свободно владела десятью языками, систематически писала статьи и стихи на русском языке, переводила с русского и на русский, писала по-французски и по-итальянски, но с родным языком не разлучалась никогда — ни в творчестве, ни в письмах, ни в отношениях с людьми.

Все ее творчество было отдано служению революционным идеалам. Недаром в 1905 году она призывала:

Новую песню слагайте, друзья.
Так, чтоб она засияла лучами,
Так, чтобы ясное красное знамя,
Следом за нею взлетев в небеса,
Реяло гордо, творя чудеса.

(«Люди идут и знамена вздымают...»)

Духом революционного мужества и свобододолюбия наполнены все творения великой украинской поэтессы.

1

Родилась Лариса Петровна Косач 25 февраля 1871 года в Новограде-Волынском (старинное название — Звягель). С детских лет она находилась в атмосфере литературных интересов, усваивала внимательное отношение к знаниям, к книгам, к фольклору и быту трудового люда.

Когда Лариса родилась, случилось несчастье — мать заболела тя-

¹ О. Гончар, Наша Леся. — Собр. соч. в 5-ти томах, т. 5, М., 1975, с. 457—458.

желой формой анемии, отец вынужден был заботы о ребенке взять на себя. Всю жизнь он был исключительно добр и нежен с ней. Сестра Ольга объясняет особую отцовскую любовь не только жалостью к болезненному ребенку, но и более существенными причинами: «...Возможно, потому, что он... умел быстро и точно определять цену каждого человека; и гораздо раньше других, даже раньше матери, он оценил Лесю так высоко, как она того заслуживала». ¹

Петр Антонович Косач внимательно следил за украинской литературой, хорошо знал мировую классику, а литературу русскую изучил досконально. Любимым его писателем был Салтыков-Щедрин. «Читать с отцом Щедрина было наслаждением, — вспоминает Ольга Петровна, — потому что отец до тонкостей знал, как следует расшифровать щедринские иносказания, и великолепно умел комментировать его произведения». ²

Мать — известная писательница Олена Пчилка — прививала детям уважение к родному языку, стремление к творчеству, создала, как не без гордости говорила, «литературную семью». Олена Пчилка организовала печатание ранних произведений дочери, проявляла неизменную заботу о ее здоровье, и Лесья Украинка сохранила к ней любовь и благодарность на всю жизнь. Но по мере формирования революционного мировоззрения Леси Украинки между нею и матерью появляются идейные расхождения, которые все время углубляются. Ко многим деятелям из окружения Олены Пчилки Лесья Украинка проявляла резко отрицательное отношение.

Детство Лариса провела в дружбе со старшим на полтора года братом Михайлом. Начальные знания Михайло и Лариса получали дома. Позже (1881—1883) в Киеве брат готовился к поступлению в гимназию, и сестра училась вместе с ним по той же программе, но успевала лучше. «Систематически, под руководством преподавателей, Лесья училась с Мишей всего две зимы, — вспоминает сестра Ольга, — а потом, когда ей было двенадцать с половиной лет, пришлось с ним расстаться на большую часть жизни... Из-за болезни Лесья уже никогда не училась больше систематически, никогда не посещала никакой школы, но стала все же высокообразованным человеком... Все эти знания Лесья добыла себе сама, благодаря своей огромной тяге к ним и своему необычайно сильному, живому характеру...». ³

Очень рано у Леси начинает проявляться интерес к общественным событиям. В автобиографическом стихотворении «Забутые

¹ Ольга Косач-Кривенюк, Из моих воспоминаний. — «Лесья Украинка в воспоминаниях современников», М., 1971, с. 31.

² Там же.

³ Там же, с. 41.

слова» поэтесса вспоминает, как девочкой плела венки и прислушивалась к пению подруги, юной революционерки:

И скорбные слова немели на устах.
И вновь срывались с губ, как гневные угрозы,
Как приговор всем тем, кто пролил кровь. . .

Воспоминание относится к Елене Антоновне Косач, сестре отца. В 1878 году она долго жила в семье Косачей. Ее, слушательницу акушерских курсов в Петербурге, арестовали весной 1879 года и сослали в Олонецкую губернию. Известие об этом поразило и огорчило Лесю, и она написала первое из известных нам ее стихотворений «Надежда» — поэтессе едва минуло девять лет. Теперь любое ее собрание сочинений открывается этим произведением.

Буквально с детских лет начиналось творчество. В те же годы случилась беда. В январе 1881 года девочка пошла на народные гулянья, у нее промерзли ноги, и она захворала. Как выяснилось, это оказался туберкулез костей, болезнь зловещая и в то время неизлечимая, с сильными болями. Всю свою последующую жизнь Лариса Петровна с горькой иронией однажды назвала «тридцатилетней войной с туберкулезом».

С середины 80-х годов семья Косачей по зимам жила в Киеве, в одном доме со своими близкими родственниками — поэтом и драматургом Михаилом Старицким и композитором Миколой Лысенко. В этом здании (теперь улица Саксаганского, 97, здесь во дворе находится музей Леси Украинки) зарождались многие культурные мероприятия — литературные, театральные, издательские.

Поэт и композитор заметили и поддержали талант Леси Украинки, привлекали ее к совместной работе. У них на дому образовался своеобразный «университет» для молодых литераторов. Участница занятий, дочь М. Старицкого Оксана вспоминает выступления подружковесницы: «Когда среди нас бывала Леся, она всегда привлекала внимание и занимала центральное место. . . Пока Леся сидела молча, ее наружность оставалась неприметной, но стоило ей воодушевиться, и она становилась необычайно привлекательной. У Леси были чудесные серые лучистые глаза; они светились таким умом, что озаряли все лицо внутренней красотой».¹

Для младших сестер и брата (в семье было шестеро детей) Лариса с юных лет стала наставницей, воспитателем. Девятнадцатилет-

¹ Оксана Стешенко, Светлой памяти товарища. — «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 101.

ня Лариса учила младшую сестру истории. Подходящего учебника древней истории не было, а на украинском языке учебников не было вообще, и юная учительница написала объемистый курс «Древней истории восточных народов». Уже после ее смерти сестра Ольга издала его отдельной книгой.

Приходится изумляться обстоятельности знаний молодого автора. И не только познаниям в такой специальной области, как история: Индии, Персии, Финикии, Ассирии, Вавилона, Иудеи, Египта и т. д., но и оценке явлений, педагогическим приемам, стилю изложения. Конечно, много наивного, заимствованного встречается в работе девятнадцатилетнего историка. Примечательно иное — воинствующе антирелигиозное направление мысли. К современности подводит автор свою читательницу и в понимании классовой структуры общества: «Земля же была разделена между царями, жрецами и воинами. Собственно, те люди, которые трудились на этой земле, не владели ею, работали как бы на чужой земле, на господской... Был тот трудовой народ похож на наш народ во времена крепостничества, его работа, его земля была чужой собственностью». ¹

Политическое развитие, научная эрудиция сочетались с наблюдением над окружающей действительностью. В начале 90-х годов в прогрессивном журнале «Народ» появились корреспонденции и статьи: Леси Украинки о религиозном фанатизме, о злоупотреблениях царских чиновников, о бедственном положении народных школ.

В это время Леся Украинка близко познакомилась с Иваном Франко и Михайлом Павликом, вела с ними переписку, встречалась лично, — семья Франко гостила у Косачей, а Лариса Петровна бывала во Львове. М. Павлик изумлялся широте интересов молодой писательницы, которой не исполнилось и двадцати лет: «Ну, а Леся просто ошеломила меня образованностью и тонким умом. Я думал, что она только в мире своей поэзии, но оказалось далеко не так. Для своего возраста это — гениальная женщина... Мы говорили с ней очень долго, и в каждом ее слове я видел ум, глубокое понимание поэзии, образованность и знание человеческой жизни». ²

В том же году И. Франко обратился к Олене Пчилке с просьбой разрешить издание произведений ее дочери в Галиции. В 1893 году первая книга оригинальных стихотворений Леси Украинки «На крыльях песен» была издана во Львове.

¹ «Стародавня історія східних народів. Видання перше Ольги Косач-Кривенюк», Екатеринослав, 1918, с. 158.

² Михайло Павлик, Письмо к Драгоманову. — «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 144.

Был у Леси Украинки период становления. В сборнике «На крыльях песен» его можно проследить по нескольким стихотворениям и поэмам, написанным в середине 80-х годов.

Иван Франко охарактеризовал некоторые из них как первые пробы пера, «уложенные в стихи детские впечатления», свидетельствующие, впрочем, о зарождении подлинного дарования.¹ В целом же книга представила читателю зрелое, оригинальное творчество молодой поэтессы.

Леся Украинка продолжала традиции Шевченко и его последователей, много восприняла из национального фольклора и массовых революционных песен, которые в ее время приобрели всенародную популярность. Она глубоко знала русскую классическую и современную литературу, мировую литературу от древнегреческой и средневековой итальянской до современной польской, немецкой, французской, английской и т. д. Академик А. И. Белецкий в специальном исследовании «Леся Украинка и русская литература 80—90-х годов» указывает, что украинская поэтесса «была вовлечена в круговорот русской культуры». Отсюда характер поэтической символики, не требующей от «друга-читателя» усилий для разгадки содержания. А. И. Белецкий указывает и на «преобладание принципа свободной импровизации над принципом мастерской обработки», «пристрастие к свободному лирическому выявлению чувств...».²

Но творческим устремлениям Леси Украинки условность и однообразие поэтики восьмидесятников вскоре оказались чуждыми. Мотивы ее стихов наполняются духом противоречия, спора, несогласия. Она начинает обращаться к форме стихотворного монолога, послания, к лиро-эпическим произведениям.

С годами от юношеских, почти идиллических стихов («На зеленом бугорочке...», «Лето красное минуло...», «Мама, зима настает...», «Тешься, играй, пока детство не минет...») поэтесса переходит к мотивам мужества и борьбы, которые звучали уже и в первой книге стихов. Намечились некоторые основные темы лирики: чувство прекрасного в природе, поиск «истинного пути», значение художественного слова, патриотическое служение родине.

¹ И. Франко, Леся Украинка. — «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 315.

² А. И. Белецкий, Леся Украинка и русская литература 80—90-х годов. — «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 428.

Пейзажные циклы «Крымские воспоминания», «Звездное небо», «Семь струн» дают возможность многогранно развернуть картину или выразить настроение. Любимая пора года — весна, когда происходит противоборство холода, сна, белого ужаса и сияния солнца, бодрости возрождения. Побеждает, конечно, весна. К символической этой победе поэтесса относится с присущим ей оптимизмом.

Но какими бы живописными ни были картины родного края, поэт-гражданин не может пройти равнодушно мимо страданий и неправды. Так, в цикле «Путешествие к морю» появляется образ разбросанных «заплат на нивах». В патриотических стихах — обращениях к родине часто слышатся рыдания, стоны, слезы. Но они никогда не эстетизируются, не утверждаются как норма отношения к действительности. Необходимо действие, решимость, — они приведут или к гибели, или к победе:

Победа или славная могила —
Одно из двух перед душой предстанет...
Какой бы путь нам жизнь ни присудила —
Восстанем мы, когда душа восстанет.
(«Все наши слезы мукой огневою...»)

Многое отвергала поэтесса в настроениях сверстников. В первую очередь — либеральную всей сутью, полусентиментальную, безвольную поэзию так называемой «эпохи безвременья». Здесь она не жаляет иронии, пользуется контрастами, четкими противопоставлениями

Фантазия, ты мне сказать должна,
Как облегчить людское злое горе?

Как новый мир из старого воздвигнуть?
Как чувства равнодушному постигнуть?
Как мысль живую в спящий ум вдохнуть?

Как время, что упущено, вернуть?
Как в безнадежности поверить целям ясным?
(«Fa»)

В то время, когда Леся Украинка выступила как поэт-патриот, певец борьбы, в украинской литературе существовали разные, зачастую антагонистические направления. По-прежнему подлинным властителем дум и эстетических вкусов оставался Тарас Шевченко. В 70—90-х годах традиции Шевченко продолжал и развивал Иван

Франко, который в течение длительного времени возглавлял революционно-демократическое направление и как художник слова, и как критик. В статье «Леся Украинка» (1898), написанной вскоре после публикации ее первого сборника стихотворений и поэм, Франко приветствует молодой и сильный талант, указывает на успешное развитие традиций революционной поэзии. Одновременно критик противопоставляет Лесю Украинку эпигонам, которые «пережевывали не столько мысли, сколько поэтические обороты и образы великого Кобзаря». ¹

Леся Украинка сумела по-новаторски раскрыть тему родины, наполнить понимание патриотизма современным содержанием, от личных мотивов подняться до широких социальных обобщений. «И в прекрасном цикле «Слезы — перлы», — писал Франко, — она горестно рыдает, но уже не о своей доле и не о доле какого-то героя или привередливого художника, а о всей родной стране, о народе, закованном в цепи. Таких рыданий много было в нашей поэзии, особенно после Шевченка. Леся Украинка первая и единственная умеет выразить здесь широкий диапазон чувств от тихой грусти до бешеного отчаяния и мужественного, гордого проклятья, являющегося естественной реакцией на холодное неверие». ²

Даже в ранней лирике поэтессе волнуют проблемы человеческого сознания и совести, долга и чести, личного поведения. Эти вечные для поэтессы проблемы наиболее ощутимы в главной теме ее лирики — теме революционной борьбы. Она звучит в стихах «Начало весны», «Когда я утомлюсь привычной жизнью...», «Повсюду плач и стон глубокий...», в циклах «Семь струн», «Слезы — перлы». Оптимизм, вера в победу, решимость — характерны для ее поэтического мировосприятия. В первой книге выделяется стихотворение «Contra spem spero!» — оно еще как будто очень абстрактно, но уже здесь лирический герой стремится преодолеть в борьбе любые преграды. Стихотворение «Предрасветные огни» стало программным для своего времени, а в дальнейшем — классическим, хрестоматийным. Поэтесса создает картины широкого плана, обобщающие представления о действительности: «властная ночь спрятала всех под черные крылья», «всё молчит, как в могиле». Ведь и Александр Блок писал о том времени: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», создав символ, который выразил содержание нового общественного движения, стал крылатой фразой.

¹ И. Франко, Леся Украинка. — Соч. в 10-ти томах, т. 9, М., 1959, с. 330.

² Там же, с. 316.

Леся Украинка своим пронизательным взглядом увидела новую силу, появившуюся на арене истории, и включила ее образ в программные стихи.

Огни предрассветные, солнце пророча,
Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря —
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

(«Предрассветные огни»)

В 1899 году вышла вторая книга стихов Леси Украинки — «Думы и мечты», в 1902-м — третья, «Отзвуки». Содержание, пафос, стиль ее лирики выкристаллизовались полностью. Основной мотив — призыв к освобождению, он звучит и в тексте, и в подтексте всех «дум и мечтаний», всех «отзвуков». К теме общественного долга Леся Украинка обращалась как поэт преимущественно лирического плана. С энергией и пафосом убежденного гражданина и одаренного художника она воспевала деятельную патриотическую любовь, ненависть к насилию, веру в неизбежность окончательной победы светлого начала.

Леся Украинка часто обращалась к традиционным формам. У нее можно встретить пейзажные зарисовки, ораторские обращения, стихотворную публицистику, злободневную сатиру. В зрелый период творчества все чаще поэтесса обращается к циклу как композиционному приему. «Мелодии» включают двенадцать произведений, «Крымские отзвуки» — семь, «Ритмы» — восемь и т. д. Крупнейший цикл «Невольничьи песни» является вершиной общественно-политической лирики Леси Украинки. Объединение ряда стихотворений расширяет возможности жанра, мысль автора выражается в разных аспектах, увеличивается количество образов, связанных единой идейно-тематической основой.

В конце XIX — начале XX века проблема новаторства стала особенно актуальной. Декаденты, отвергая классические традиции Шевченко, Старицкого, Франко, стремились доказать, что на основе реализма развитие искусства невозможно, что именно они выступают новаторами, реформаторами. Леся Украинка писала в статье «Заметки о новейшей польской литературе» (1900), что С. Пшибышевский и другие приверженцы «чистого искусства» представляются ей «лишенными всех прав состояния», так ограничены они в содержании и формах творчества. Впоследствии то же она говорила и об украинском декаденте Г. Чупринке.

Украинские поэты-декаденты М. Вороний, В. Пачовский, Н. Карманский воспевали «сумрак души», отчуждение от общественных интересов, крайний пессимизм. Характерны названия их сборников, типа «Из записок самоубийцы», «Ой люли, печаль» (Карманский), «Рыцарь-сам» (Чупринка) и др.

Именно этому направлению в литературе противопоставлял И. Франко мужественную поэзию Леси Украинки и других подлинных новаторов, которые вместе с ней развивали и совершенствовали реалистические традиции. Помимо поэтов старшего поколения — И. Франко, М. Старицкого, следует указать на творчество П. Грабовского, писателя — политического узника, к судьбе и творчеству которого Леся Украинка проявляла особый интерес. Близким другом в течение всей жизни был для Леси Украинки А. Крымский, выдающийся ученый, филолог-ориенталист. Его лирика внесла в украинскую литературу новые темы, мотивы и образы. Он много переводил восточных авторов. Близкими к реалистическому направлению были В. Самийленко, В. Шурат, М. Чернявский и другие.

Духовное содержание лирического героя соответствует политическому идеалу писательницы, ее этическим нормам. Неволя родины вызывает тяжкие раздумья, настроение скорби, угнетения:

И все-таки к тебе лишь мысль стремится,
Край горемычный, сторона родная!
Тебя лишь вспоминая,
От скорби сердце ноет и томится.
(«И все-таки к тебе лишь мысль стремится...»)

Но поэтесса отвергает безвольные слезы сочувствия; в характерном для ее стиля развернутом суждении слышна ирония:

Да стыдно слез, что льются от бессилья.
Моя земля их много проливала —
В них вся страна могла бы захлебнуться.
Довольно! Пусть не льются, —
Что слезы там, где даже крови мало?!

Эти слова подобны своеобразной воинской присяге, которая включает в себя жертву личным во имя общего идеала и цели:

Пришел один товарищ и промолвил:
«Пойдем, мы снова на войну уходим!

Не мы убьем, так нас они убьют.
Должны бороться мы, ты помоги нам!
Нельзя же в стороне сидеть спокойно
И наблюдать, как братьев льется кровь.
Нельзя терпеть позора. Наша смерть
Других научит, как им жизнь построить.
Пойдем, а за тобой пойдут другие».
И я пошла.

(«Грешница»)

В стихотворении «Другу на память» изображается картина ночной сходки, на которой звучат решительные призывы, у лирической героини зарождается классовое сознание:

Мы носим имена невольников продажных,
Не знающих стыда — пускай и так! —
Но как же называть воителей отважных,
Которых собирал в свои войска Спартак?..

В гражданской поэзии Леси Украинки предметом изображения часто становятся тайные сходки, исполнение запрещенных песен, приподнятое настроение участников собраний.

Героиня стихотворения «О, знаю, злых метелей прошумит...» сравнивает свою судьбу с закалкой металла для мечей:

Я знаю это, страшных жду ночей —
Когда среди них огонь тот загорится,
Где плавится железо для мечей,
Сталь ясная и твердая калится.

И если сталью стану я на том огне,
Скажите: «Новым человеком ты родилась».

Личный порыв и общественное настроение тут слиты с теми устремлениями, которые родились в эпоху революционного подъема. О подобном единстве Лесья Украинка писала И. Франко 13 января 1903 года: «И я понимаю Ваши стихи широко — может быть, слишком широко, скажете Вы, но помните, что я всегда ищу в произведениях поэта не автобиографии (особенно если он не хочет ее дать), а нечто такое, что не только его одного коснулось. И я, кажется мне, нашла это сразу, без усилий». ¹

¹ Лесья Украинка, Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, М., 1957, с. 390.

Леся Украинка стремится создать символику революционной темы. Так появился образ красного знамени. Еще освободительное движение в России находилось в подполье, почти не было случаев, чтобы знамя свободы появилось на улице, во главе демонстрации, взвилось над баррикадой. Но в речах агитаторов, в листовках, газетах и брошюрах оно упоминалось постоянно, как знак, как пароль. Оно стало незаменимым словом в массовых песнях. Писательница берет символ из действительности, вводит его в свою лирику вполне в духе новаторской практики. Этот образ является главным в известной песне «Красное знамя», сложенной польским студентом Болеславом Червенским во Львове в 1881 году. Лариса Петровна часто бывала во Львове, Черновцах, выступала там на студенческих собраниях и несомненно слышала песню. Еще более вероятно, что она была знакома с песней в русском свободном переводе Г. Кржижановского, — ее популярность была огромна. Какие вечеринки, сходки молодежи тогда обходились без коллективного пения?

.. Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести грѣм,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет.
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Леся Украинка в разнообразных сочетаниях использует символику красного цвета, определяя им «цветовую гамму» целого стихотворения. Часто употребляются его синонимы: огонь, кровь, пожар, цветок.

Аллегоричность эта была характерна для нелегальной прессы, привычна агитаторам и пропагандистам. В цикле «Крымские отзвуки» изображается красный цветок — основной образ всего произведения:

Но вот в высоте
На остром, на каменном шпиле блеснуло вдруг что-то, как пламя, —
Свежий, прекрасный, большой цветок лепестками раскрылся...
Нам, поэтам, назвать бы его «ломикамень»
И уваженье воздать ему больше, чем пышному лавру.

(«Отрывки из письма»)

Взгляд лирического героя стремится оторваться от покрытой пылью дороги и достигнуть горных вершин, «пылающих золотым пожаром»:

Там, на высотах, непреодолимо
Я жажду знамя красное поставить,
Где сам орел гнезда не смеет свить!

(«Как тяжело идти мне той дорогой. . .»)

Красный цвет имеет условный смысл лишь в стихах начала 90-х годов. В дальнейшем он конкретизировался. В украинской литературе Леся Украинка первая воспела красное знамя — «червону короговку».

О беспримерной общественной активности поэтесса писала, приводя в пример собственное оружие, — Иван Франко выделил среди ее политических стихов те, которые посвящены теме «слова»: «...Особой и необычайной художественной силой отмечены те, где поэтесса рисует печальное и безотрадное политическое положение своего родного края и ту безнадежную борьбу, которую ведет горсточка смелых, пылких душ с мрачным колоссом. Особенно яркими красками эта борьба изображена в стихотворениях «Fiat pox!» и «Грешница». Поэтесса хотела бы и сама включиться в эту борьбу, но она чувствует свое бессилие и хочет, чтобы хотя бы слово ее было твердой сталью и ранило врага».¹

Тема «слова» стала воистину сквозной, проявляющейся в различных мотивах и формах. Синонимами стали такие понятия, как «певец», «песня», «поэт». Они часто выносятся в названия стихотворений, ими начинаются первые строки, определяющие и название и начало изложения темы: «Слово, зачем ты не стала боевая. . .», «Поэт в дни осады», «Забывшие слова», «Песни про волю» и др.

В стихотворении «Вы, слова мои громкие. . .» отвергаются чуждые и враждебные понятия, утверждаются верные, нужные, справедливые. Осуждаются мягкотелость, слезливость, им противостоят «слова» ясные, горячие, воинственные:

Что не встанете вы, как морские валы,
И отважно не крикнете в небо,
Не заглушите грусти прибором своим,
Не развеете горькой печали моей
Сильным, яростным натиском бури?

И, наконец, заключительные строки, в которых изложена программа-идея, состоят из кратких, энергичных, поставленных в ряд глаголов боевого, батального содержания:

¹ И. Франко, Леся Украинка. — Соч. в 10-ти томах, т. 9, с. 335.

Сражайте, режьте, даже убивайте...
Сжигать, гореть должны вы...

Постепенно песенная форма становилась для поэтессы тесной, ибо не допускала изложения спора, диалога, а она стремилась показать то, что призывало к противоречию, несогласию, утверждению нового. Отсюда определение особого места Леси Украинки в истории украинской литературы, на которое указал Иван Франко: «Еще раз повторяю: читая мягкие и расслабленные или холодно-резонерские сочинения современных молодых украинцев-мужчин и сравнивая их с этими бодрыми, сильными и смелыми и вместе с тем такими простыми, такими искренними словами Леси Украинки, невольно думаешь, что эта больная, слабая девушка — едва ли не единственный мужчина во всей современной Украине».¹

Не следует односторонне понимать эту характеристику поэтессы. М. Рыльский писал: «Да, поэзия ее была мужественной, смелой, волевой, боевой, но в сердце у этого «единственного мужчины» — что, впрочем, отмечал и Франко — таилась глубокая нежность, чистая женственность, жажда любви. Таилась и иногда выливалась в словах, большей частью подернутых печалью, вызванной и обстоятельствами личной жизни, и условиями жизни общественной».²

3

Леся Украинка не хотела и не могла жить только искусством. Ей необходимо было непосредственное участие в общественной жизни. Находясь за границей, Лариса Петровна увлеклась мыслью о переезде во Львов, где тогда легче было печататься. М. Павлык поддержал это намерение, но при условии отказа от участия в политической жизни. Леся Украинка с чувством гражданского достоинства утверждает свое право призывать к действию и самой действовать. «Но отказаться, — пишет она, — от «всякой политики» в литературе и в моих сношениях с метрополией я никак не могу, так как не только убеждения, но и мой темперамент мне этого не позволяет... Тогда мне нужно отказаться и от моих стихов, моих самых искренних слов, ибо высказывать их и писать на бумаге, отстранившись от того дела, к которому они призывают других, мне будет стыдно».³

¹ И. Франко, Леся Украинка. — Соч. в 10-ти томах, т. 9, с. 337.

² М. Рыльский, Лирика Леси Украинки. — «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 447.

³ Леся Украинка, Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 422, 423.

Украина тогда была разделена между двумя монархиями. Прогрессивные деятели украинской культуры стремились к сближению обеих частей родины, ориентировались на освободительное движение в России. По мнению Леси Украинки, необходимо действовать так, чтобы политические свободы «пошли на пользу всему громадному и разнообразному составу российского государства». ¹ В ее статьях конца 90-х годов все определеннее сказывается знакомство с научным социализмом, с нелегальной периодикой русской социал-демократии. В 1897 году, находясь на лечении в Ялте, Леся Украинка познакомилась с Сергеем Константиновичем Мержинским, активным участником киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Мержинский, рассказывала поэтесса, обращал ее «в свою веру». В сентябре 1897 года она сообщает сестре, что «штудирует» «Капитал» Карла Маркса. В ялтинской библиотеке она брала журнал «Новое слово», в котором в 1897 году были напечатаны труды В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной заметки», статья Г. В. Плеханова «О материалистическом понимании истории», произведения М. Горького «Коновалов» и «Бывшие люди».

Первый съезд РСДРП состоялся в Минске, где в течение длительного времени Лариса Петровна жила на квартире С. Мержинского, вела переписку с В. Крыжановской-Тучапской и другими социал-демократами. Намек на арест делегатов съезда есть в письме Ларисы Петровны конца марта 1898 года: «В Киеве были у меня товарищи, теперь их один, два, наибольшее три, а остальные — «иных уж нет, а те далече». . .»

Значительное внимание в 1895—1901 годах Леся Украинка уделяла публицистике и литературной критике, писала на украинском, русском, французском языках, печаталась как в легальных, так и в нелегальных изданиях. Полемику она ведет на специальных собраниях, встречах, в открытых и частных письмах.

Самодержавие, считает она, может быть свергнуто в результате решительной борьбы; «мирные меры» не изменят положения; необходима политическая организация во главе с профессионалами-революционерами. В «Письме к товарищам» (1895) об этом говорится четко: «Деятели в литературе художественной еще находятся (хотя и не так много), деятелей же, которые настойчиво работают для нашей свободы, что сделали эту работу задачей своей жизни, — только два-три человека, только им уже не хватает сил». ²

¹ Там же, с. 158.

² Леся Украинка, Твори у 10-ти томах, т. 8, Київ, 1965, с. 9.

Через два года она выскажет более оптимистический взгляд на положение дел в России, отметит, что принципиальные социалисты становятся практическими политиками в интересах угнетенных классов. Ее поколение борцов за свободу, пишет она в 1897 году, «считает не крестьян, а рабочих более удобной почвой для своей пропаганды». ¹

Пройдут еще три года, взгляды писательницы утвердятся, и тогда она будет пропагандировать, ссылаясь на принципы научного социализма: «Ведь и сейчас в российском государстве возникают кое-где рабочие группы, о которых мы упоминали! Пусть пока они собираются украдкой, сначала тайно, а потом будут и явно; явно — когда наступит благоприятное время, а это благоприятное время настанет тогда, когда рабочие станут сознательными, поймут и свои права, и свое единство, и свою силу... *Рабочие всех стран, соединяйтесь! Соединяйтесь, как свободный со свободным, равный с равным!* Чья правда, того будет и сила!» ²

В эти годы Леся Украинка свои литературно-критические работы печатала в русском прогрессивном журнале «Жизнь». Направление журнала определялось в первую очередь его научными и публицистическими материалами — тут печатались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, некоторые молодые социал-демократы. Вторым значительным разделом была беллетристика, подбор которой определял М. Горький. Показательно, например, то, что за три года в «Жизни» были опубликованы переводы всех наиболее талантливых украинских прозаиков-демократов — Франко, Коцюбинского, Стефаника, Кобылянской, Мартовича, но не появилось ни одного произведения украинского писателя недемократического направления.

Для «Жизни» Леся Украинка в 1900—1901 годах написала шесть больших обзорных статей, охватив единым взглядом все важнейшие процессы в современной литературе Западной Европы и на своей родине; четыре статьи были напечатаны, две не увидели света — после четвертой книги журнала в 1901 году за публикацию горьковской «Песни о Буревестнике» царская цензура запретила издание.

В статьях «Малорусские писатели на Буковине», «Новые перспективы и старые тени», «Два направления в новейшей итальянской литературе», «Новейшая общественная драма» (статья была запрещена цензурой), «Заметки о новейшей польской литературе» ставились вопросы эстетики и социологии, истории и современной политики.

¹ Леся Украинка. Не так враги, как добрые люди. — Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 158.

² Леся Украинка. Послесловие к украинскому переводу брошюры «Кто чем живет». — Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 167.

Это были выступления в традициях русской «реальной критики», применительно к новому этапу освободительного движения; в них виднейшая украинская писательница в значительной степени применяла положения научного социализма при анализе современных литературных процессов.

Идея общественного долга, борьбы против рабства, деспотизма, бездуховности определяет смысл всех художественных произведений Леси Украинки XX века. Этим ее творчество близко по духу и пафосу к песням Горького. Ту же хвалу храбрым, «безумно храбрым» мы слышим в цикле «Ритмы». О своей «вольной песне» Леся Украинка пишет:

Не надо ей ни слез и ни сочувствий,
Ей надо лишь свободы и простора.
Безумный так свободу добывает. . .
Летит в безумье песня — берегитесь!
Скорбь жалости не знает, как и смерти!
*(«...Нет! Я покорить ее, видно,
не в силах...»)*

В начале XX столетия поэтесса вносит в лирику элементы эпические, драматические, создавая синтетические формы и их сочетания, продолжает создавать циклы: «Ритмы», «Осенние песни», «Песни про волю», «Весна в Египте», «Из путевой книжки». Темы и мотивы то проникают в глубь тысячелетий («Надпись в руине», «Ра-Менеис»), то поражают подчеркнутой злободневностью («Дым», «Песни про волю»); по форме стихотворения приближаются к романтическим балладам («Пленник», «То совершилось в дни священной Германдады...»), к народным песням («Песня», «Ой, пойду я в бор дремучий в сумерки, под вечер...»), а в ином случае становятся образцами политической сатиры («Веселый пан», «Практичный пан», «Пан-народолюбец»).

У Леси Украинки встречаются стихи, напоминающие дневник, философские сказки, венок своеобразных народных частушек-«коломыек» и т. д. Стихотворений, написанных после 1902 года, не так уж много, но они необычайно разнообразны. Доминирующее значение приобретают произведения развернутые, повествовательные, излагающие внутренние конфликты, изображающие человеческие судьбы. Речь идет не только о крупных произведениях, в которые введены диалоги, подробные описания мест действия и т. д. Еще выразительнее проявился жанровый синкретизм в таких стихах, как «Дым», «Надпись в руине», «Полярная ночь», а также в стихах на исторические сюжеты: «Забыта: тень», «Ниобея», «Ра-Менеис», «Пленник».

Украинская поэтесса пользовалась материалом из жизни разных народов, их истории и современности. Все это по аналогии сближалось с современностью и жизненными процессами родного народа. В таких вещах, как «Ра-Менеис», «Надпись в руине», «Дым», речь идет о непосредственных наблюдениях, о виденном и пережитом.

Раздумывая над тем, кто подлинный творец величественных сооружений древности («Надпись в руине»), Леся Украинка утверждает глубоко демократическую истину: памятники-пирамиды воздвигнуты народом, трудом рабов; время стерло в надписи имя деспота-царя; сохранилось величественное сооружение — создание народного гения. Изложение заканчивается афористическим выводом, который имеет форму лозунга, политического призыва: «Народу памятник — да сгинет царь!»

Лирический герой (или автор) излагает и свои убеждения, и искренние сомнения, и окончательные выводы. В стихотворении «Дым» изображено то, что открывается взору в чужой стороне, затем возникают воспоминания о родимом крае, ведется беседа с соседом в поезде, изображается фабричный пейзаж и, наконец, излагается окончательный итог, к которому приходит автор-украинка, наблюдая жизнь итальянских пролетариев:

И он проник, тот дым, мне прямо в сердце,
И сердце сжалось в немоте и больше
Не шепчет слов «чужая сторона».

О том, в какой мере расширился круг наблюдений поэтессы, насколько она умеет проникать в суть явлений, может свидетельствовать цикл «Весна в Египте». Когда она рисует словом пейзажи, то превосходно передает колорит, атмосферу, самое дыхание пустыни. Особенно выразительны картины природы — ветра, дождя, африканской жары, южной ночи.

Но в цикле есть и другое, пожалуй, основное для него: поэтесса увидела в чужой стране социальное неравенство, колониальный гнет.

Откуда же грохот и свист?
Слышится дробь барабана, трубы раздаются звучанье!
Эй, замолчите!
Кому эта песня нужна?
Им всё равно! Маршируют, гремят англичане,
Грозно вдоль Нила идут, чтобы вся трепетала страна.

(«Афра»)

Леся Украинка никогда не ограничивалась сочувствием к угнетенным, — ее вдохновлял протест, стремление к освобождению.

Среди униженных, угнетаемых она заметила зарождающуюся силу сопротивления колонизаторам, тот оптимизм, который присущ народу, способному себя защитить и освободить. Цикл завершается стихотворением «Тайный дар», в котором изображается духовная сила народа. Сколько веселья можно подметить в глазах женщины, хотя они прикрыты черными вуалями; шутит на ходу водонос; смеются дети феллаха. И даже полузабытая легенда пророчит освобождение:

«Боги, завидуя детям твоим, обрекли их на рабство,
Дам я народу оружие — полное радости сердце, —
Ни фараон, ни пришельцы не смогут убить в сердце радость».

Во втором цикле этих лет — «Из путевой книжки» — преобладает описание морских пейзажей. Стихотворение «На стоянке» напоминает обычный очерк, сценку с натуры. «Мечты в бурю» — подробный психологический этюд, изображающий пассажира, страдающего от морской болезни.

Все пять крупных стихотворений содержат материал, внешний по отношению к автору. И только в «Эпиллоге» появляются субъективные мотивы. Матросы своим напряженным трудом спасают корабль во время бури. Не в силах участвовать в этой борьбе, как же она им завидует, как восторгается трудом и смелостью в борьбе!

Кто еще не жил средь бури,
Тот цены не знает силе,
Тот не ведает, как люди
Труд, борьбу всегда любили.

Кто еще не жил средь бури,
Тот бессилен без веселья
И не ведает всей муки
Обреченных на безделье...

...Что ж осталось у такого?
Только дума-небылица...
Вам, борцы, — мои раздумья!
Больше нечем поделиться.

В одном из самых последних стихотворений Леся Украинка бодрым оптимистическим аккордом дополняет самохарактеристику:

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что с долей не боролась?
Дрожит ли у меня рука?
И разве слаб мой голос?

(«Кто вам сказал,
что я хрупка...»)

Поэтика Леси Украинки так же разнообразна, как и тематика. «Форма стихов Леси Украинки, — отметил М. Рыльский, — как и форма стихов ее учителя и друга Ивана Франко, поражает необычайным разнообразием строфики, метрики, ритмики... Мы видим у нее и канонические сонеты, октавы, секстины, гекзаметры, и вполне оригинальные построения строф, и пятистопные белые ямбы, к которым она охотно обращалась, потому что они давали широкий простор для выражения мыслей и возможность использовать и ораторские и разговорные интонации, и разнообразные формы «свободного стиха» (верлибр)». ¹

Поэтесса прекрасно знала литературную и народную речь, с большим тактом создавала неологизмы. В сочетании с художнической остротой зрения, великолепным даром видения мира эта способность делала Лесю Украинку, борца и гражданина, замечательным мастером поэтического слова.

4

В поэмах, созданных после публикации первого сборника «На крыльях песен», чувствуется возросшее мастерство Леси Украинки. Материалом для «Роберта Брюса, короля шотландского» и «Старой сказки» (1893) служит жизнь народов средневековой Европы. Это эпизоды войны против поработителей отчизны, угнетателей трудового люда. Поэтессе импонировал героизм борцов прошлого, их поучительный пример. В «Запеве» к «Роберту Брюсу» об этом говорится в самом начале повествования:

Давний сказ! Легенды речь живая!
Подлинное слито в ней с мечтами;
Только правда, звездочкой мерцающая,
Золотыми всюду бьет лучами.

Писательница революционно-демократического направления не только тщательно и логично отбирает факты исторического прошлого,

¹ М. Рыльский, Лирика Леси Украинки. — «Лесья Украинка в воспоминаниях современников», с. 451.

но и вносит новые положения в известный в мировой литературе сюжет. Образ героя-освободителя Роберта Брюса разрабатывался еще в поэмах, легендах, сказаниях XIV столетия. К нему, каждый по-своему, обращались Вальтер Скотт и Роберт Бернс. Леся Украинка многое, несомненно, из всего этого использовала. Но в ее произведении речь идет о том, чего не было у предшественников по теме. Когда английский король Эдуард полонил чужой народ, то сразу же обратился к местному рыцарству с призывом к классовому единению.

Сказал король наш: «Кто из вас
Помирится со мною —
Поместьем будет и людьми
Тот обладать в покое.

Крестьянина обложим мы
Налогом десятинным. . .

Лишь один шотландский рыцарь Роберт Брюс оказался подлинным патриотом, бросившим английскому королю перчатку. Соратниками его стали крестьяне, они перековывают плуги на мечи: «Что пахать? Чтоб нива в неволе хирела?» Единство патриотических и социальных стремлений изложено в поэме предельно четко — в этом ее главная идея и пафос.

«Старая сказка» — явление новое в истории украинской национальной поэзии и лучшее, наиболее зрелое произведение ранней Леси Украинки, во всяком случае среди ее лиро-эпических поэм XIX века. В сравнении с «Робертом Брюсом» она оказалась такой же выразительной по социальной актуальности, но более совершенной по компоновке сюжета, по стихотворной пластике. Живой организм этой поэмы отличается сложностью и гибкостью, в ней сказались, в частности, уже традиционные взаимосвязи со всемирной литературой.

Герой «Старой сказки» служит правде, интересам народа в ином плане, чем Роберт Брюс, — талантом певца. Сложны и изменчивы его взаимоотношения с рыцарем Бертольдо. Встретились они в мирное время, певец помог рыцарю завоевать сердце любимой Изидоры. Правда, на свадьбе «всех приветствовали шумно. . . только нашего поэта пригласить на пир забыли».

И в другой раз певец оказал услугу Бертольдо: во время войны поддержал боевой дух его войска. Сколько наобещал в этот раз рыцарь! «Много золота насыплю я певцу страны родимой! . . .» Но победитель, став графом, забыл заслуги воинов-крестьян, завел «пан-

ские» порядки. И тогда поэт стал слагать песни — призывы к восстанию.

Об актуальности поэмы в крупнейшей монографии о Лесе Украинке сказано: «Утверждая идею классовой непримиримости между трудящимися и эксплуататорами, поэтесса подводит читателя к мысли, что единственным выходом для трудящихся в эксплуататорском обществе является революционная борьба. С темой освободительной борьбы в поэме «Старая сказка» тесно связана проблема роли художника в жизни народа...»¹

Леся Украинка показала себя в «Старой сказке» подлинным мастером иронии. Певец поучает своих слушателей:

Мужика сыра землянка,
Барский замок — на помосте...
Что ж, недаром говорится:
«У господ белее кости...»

Может ли рука мужички
С белой ручкою сравниться?
«Кровь у графа голубая» —
Так недаром говорится...

Любопытствуют крестьяне:
Всюду ль эти кости белы?..
Кровь прольется ль голубая,
Если нож вонзится им в тело?..

Заключительные части поэмы непосредственно обращены к современности, — «сказка старая замолкнет, правда новая настанет».

Написанные спустя десять лет поэмы создавались на ином материале, в иной манере. Судьба малых народов в составе царской России привлекла внимание поэтессы. Их доля и недоля, их воля и неволя стали интересовать ее в связи с положением всех народов и объединенным освободительным движением.

Герой поэмы «Одно слово» (1903) — политический ссыльный; он и в Сибири стремится найти людей, которые поняли бы его, восприняли его мысли, устремления. Ссыльный изучил местный язык, был добр — не то что «тойон» (начальник), рассказывал о «тойонах»

¹ О. Бабишкін, В. Курашова, Леся Українка, Київ, 1955, с. 89.

на своей земле, таких же лютых и несправедливых, как и в Сибири. Тяжелую, тройную неволю переживает ссыльный: свободы нет на родине; он сам находится в ссылке; угнетаемые туземцы живут вокруг, но они еще не осознали своего положения — у них нет даже слова «свобода». Вполне вероятно, что прообразом героя послужил выдающийся украинский поэт Павло Грабовский, находившийся в Сибири с восемнадцатилетнего возраста, — его трагическую смерть переживала в 1902 году вся революционная Россия. Но образ имеет и типическое, обобщенное значение, — подобных героев действительность тех времен знала много.

Поэма «Одно слово» пронизана воинствующим интернационализмом, осуждением неволи во всех ее формах. В такой же мере существенны и художественные достижения, новаторство украинской поэтессы, когда она в эпических формах раскрывает психологию людей малоизвестных окраин, отражает их поведение, язык, мышление.

Более поздние поэмы — «Вила-посестра» и «Изоolda Белорукая» — исполнены глубокого драматизма. Вила — постоянный персонаж сербского героического эпоса. Такова вила и у Леси Украинки — соратница витязя-юнака в битвах, его «посестра», его совесть, его самый суровый судия.

От средневековой легенды о Тристане и Изоолде Леся Украинка взяла только сюжетную канву, но в корне изменила ситуации и характеры. Ее Изоолда Белорукая — девушка из народа, в ее внешности — подлинное величие и суровая красота. Она не может быть счастливой ценой отказа от своей сущности. Отсюда трагический финал поэмы, подчеркнутый образом черных парусов.

И по фабуле, и по идее «Изоолда Белорукая» — произведение своеобразное, далекое от пересказа «мирового сюжета». Леся Украинка разрешает важную нравственную и эстетическую проблему — верности долгу и творческому призванию. В поэме с глубоким мастерством раскрыта женская психология, что ставит центральный образ произведения в ряд с аналогичными героинями драм Леси Украинки последних лет творчества. «Совершенно очевидно, — пишет И. Е. Журавская, — что в эту поэму Леся Украинка вложила большее, чем свои представления о женской судьбе и о женской трагедии. Она здесь в своеобразной форме разрешает дилемму, стоявшую перед многими художниками той эпохи: можно ли жить и творить, не испытывая душевного разлада, в чуждом окружении? Подлинный поэт должен быть прежде всего верен себе. . .»¹

¹ И. Е. Журавская, Леся Украинка и зарубежные литературы, М., 1968, с. 79.

Печаль вилы-посестры проливается на землю живительным ливнем, победой кончается и борьба Изольды Белорукой с её соперницей — таков оптимистический итог подлинно драматических событий.

5

Новое в творчестве Леси Украинки с начала XX столетия проявилось в обогащении жанровых форм, главным образом драматургии. Психологическая драма «Голубая роза» (1896) стала первой попыткой в новом жанре, она написана прозой, предназначалась для сцены. В центре конфликта — переживания людей нездоровых, изнервничавшихся, несостоятельных и физически, и морально. Писательница почти сразу после создания драмы выразила неудовлетворенность ею. В письме к матери в октябре 1897 года она излагает свои сомнения: «Иногда у меня появляется какое-то очень скептическое и суровое отношение к этой драме, и тогда мне кажется, что в ней больше недостатков, чем достоинств. Это очень горькая мысль, а она у меня появляется все чаще и чаще...»¹

Только через пятилетие Леся Украинка снова обратилась к драматургии. Стихотворная драма становится главенствующим видом творчества на всю дальнейшую жизнь. Сама она варьировала жанровые определения — «драматическая поэма», «драматический этюд», «драма», «диалог», «драма-феерия».

Драматургия поэтессы создавалась на основе различных исторических источников, иногда на основе уже известных в литературе сюжетов, мотивов, образов. Она как бы открывала окна украинской культуры в широкий мир культуры мировой, оставаясь в кругу интересов своего народа и своего времени. Ее произведения достоверны в изображении быта, обычаев, характеров прошлого. Но, как в подлинно реалистических исторических произведениях, в них отражается содержание новой эпохи, герои наделены чертами современников автора.

Драматургию Леси Украинки называют «поэтическим театром» — это двадцать стихотворных диалогов, «маленьких драм» пушкинского типа, драматических поэм, стихотворных пьес. Родился украинский театр, связанный с художественной практикой выдающейся поэтессы.

Однако название «поэтический» не раскрывает полностью явления. Театр Леси Украинки можно было бы назвать и социальным,

¹ Леся Украинка, Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 283.

и интеллектуальным. Как драматург она охватила историю человечества за три-четыре тысячелетия: от эпохи, когда создавались древние цивилизации народов Малой Азии и Египта, через древнегреческое и древнеримское общества, через Средневековье, французскую революцию XVIII века, колонизацию Америки до современного быта родной Волины. Местом действия являются территории четырех освоенных тогда континентов — Европы, Азии, Африки, Америки.

Как деятель, близкий к освободительному движению, Леся Украинка придерживалась ясной и четкой программы: показать, что борьба за освобождение определяла исторический прогресс. Для этого писательница отбирала мотивы из истории или мифологии, так же как неоднократно поступали Шекспир, Байрон, Пушкин, Шевченко, Франко.

Демократизм писательницы проявился в том, что героями она избирала обыкновенных людей: певец, скульптор, строитель, адвокат, раб и т. д. Они действуют в повседневной жизни, но совершают значительные дела, проявляют силу характера. Личные, в том числе любовные, семейные интересы обычно находятся на втором плане, но общественное чувство героев настолько закономерно, что становится личным, интимным, эмоционально выраженным.

Первым опытом драмы в новом стиле следует считать «Одержимую», написанную в полном смысле слова «на одном дыхании», за одну ночь (18 января 1901 года), у постели умирающего С. Мержинского. О ее жанровом синкретизме и личном лиризме Леся писала: «Вы вот говорите, что в моей «Одержимой» не выдержан эпический тон и даже она лирична. Дело сегодня пошло на откровенность, и признаюсь, что я писала в такую ночь, после которой, верно, долго буду жить, если уж тогда жива осталась. И даже писала, не исчерпав скорби, а в самом ее апогее. Если бы меня кто-нибудь спросил, как я из этого живой вышла, я бы могла ответить: «J'en ai fait un drame»,¹ значит, судьба». ² Конфликт произведения построен на противоположных подходах к одной и той же этической категории. Речь идет о понимании гуманизма, о защите добра, о борьбе против зла.

Героиня драмы Мириам — воплощение бескомпромиссной воли и убежденности. Она любит Мессию, но не признает его морали всепрощения. Ей угрожают отлучением от общины, проклятьем, но она отвергает эти голоса, ибо у нее своя вера, своя «одержимость»

¹ «Я из этого создала драму» (франц.). — *Ред.*

² Леся Украинка, Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 395.

духом». В этом характере все — от прометеевского духа самой Леси Украинки, неоднократно выражавшегося в ее гражданской лирике.

Напряженного драматизма исполнены чувства Мириам к Мессии. Героиня любит в нем величие души, сочувствует его одиночеству и отрешенности. Но в его учении видит зло для всех тех, кто пойдет за ним; беда постигнет и самого прорицателя. Это противоречивое отношение определяет трагедию сознания героини и ее дальнейшую судьбу. Во многом героиня и герой подобны друг другу, в первую очередь жертвенностью по отношению к другим, бескорыстием. Но они контрастны еще в большей мере, — Мессия учит, что любить надо всех и за все, он прощает измену, двоедушие, тупость, безразличие, а Мириам презирает и проклинает всякое проявление зла. Любовь героя пассивна, любовь героини требует борьбы.

Мессия

Не проклинай, проклятия вернутся
К тому, кто произносит их.

Мириам

Пускай!

Я знаю всё, я проклята навеки
За то, что я злодеев ненавижу.
О, каждая усмешка фарисея
Мне ненавистней скорпиона злого,
И даже яд не столь мне ненавистен,
Сколь это злое выгнутое тело.
Я вся дрожу, когда его увижу,
В моих глазах тогда сверкают копыя,
В моих словах оружие бряцает...

Правда всецело на стороне героини. Мессии изменяют «и небо и земля», изменяют и один раз, и дважды. Гневное слово Мириам разит лицемерие, равнодушие, инертность. Но самое страшное, что проповедь всепрощения порождает рабскую покорность, служит победе темных сил.

Принципы Мессии абстрактны, беспредметны, они приводят к оправданию любого злодеяния и несправедливости. В основе своей они восходят к учению раннего христианства, но в начале XX века воплотились в так называемом «непротivлении злу насильем». Лесья Украинка неоднократно осуждала это учение в публицистике, в письмах, решительно выступала против него и в творчестве. Гуманизм Мириам исполнен решимости, активности и ненависти к утешителям.

Слова «раб», «неволя» часто слышны были накануне революции. Также часто о рабстве и неволе во весь голос говорят действующие лица пьес Леси Украинки. На тему освобождения из духовного рабства написана поэма «В катакомбах» (октябрь 1905 года).

Поэма создавалась в состоянии творческого «горения», — слово это писательница сама употребила в письме к А. Е. Крымскому: «Я слишком горела, когда писала, и ее идея слишком мне близка...» Было и другое: вдохновение живоилось обстоятельствами политической жизни. С радостью сообщает Леся Украинка о гармонии настроения своей музы и общественного настроения — «так очаровал ее суровый багрянец красных знамен и говор бурной толпы». Речь идет не только о «музе», ибо поэтесса соглашалась вести «самую черную работу в мужицко-пролетарской украинской газете... Таковую газету, к которой я хочу присоединиться, давно уже настойчиво требуют «голоса из народа»; народ готов даже деньги на это давать...».¹

Действие драматической поэмы «В катакомбах» происходит в Римской империи в середине второго века христианства. В катакомбах тайно собираются верующие. Пришли и патриции, и купцы, и рабы. Отпевают замученного раба Хариклея. Внимательно вслушивается неофит-раб в проповедь, — и тут он пытается найти пути к свободе. Как же удивился недавно обращенный в христианство, услышав от епископа:

Наш брат был у язычника рабом.
Он ныне раб господень, раб ничей.

Оказывается, новая религия накладывает сверх старого еще одно ярмо — добровольное. «Ярмо сладостное, иго легкое», — уговаривает проповедник.

Фабула небольшой драматической поэмы предельно насыщена. Помимо словесных пререканий с епископом, неофит-раб изображен во взаимоотношениях с другими членами общины. Чтобы унять бунтарство неофита-раба, патриции, купцы, дьяконы, церковные кликуши предлагают ему кто старую одежду, кто кусок мыла, кто пищу один раз в неделю, кто присмотр за ребенком, когда жена пойдет служить на оргию (обо всем этом драматург пишет в сатирическом тоне). Герой с достоинством отвергает милостыню, он не станет «нищим дедом в молодые годы».

Христианство проповедует: кто терпит в покорности, тот счастлив. Это услышал раб во втором столетии «христианской эры», то же

¹ Леся Украинка, Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 445.

самое провозглашалось с амвонов и в дни, когда создавалась драматическая поэма, — мораль оставалась неизменной. Неофит-раб многое узнает, учится думать, судить, решать. Его речи становятся агитационными, ораторскими:

Со мною рядом слышу плач и скрежет,
И точит червь мне сердце до сих пор.
Тот лютый червь привел меня и к вам
Искать свободы, правды и надежды.
А что я здесь нашел? Слова пустые
Да тщетные мечты о божьем царстве
И о царе царей в трех ипостасях,
Который над владыками владычит,
А им дает владычествовать нами. . .

Герой, покинув сборище господних слуг и прислужников, ня-правляется в лагерь восставших. Раб превратился в революционера, — Леся Украинка утверждает этот процесс как нормальный, естественный для освободительной эпохи.

В годы революционного подъема были созданы и некоторые другие драматические поэмы. Материалом для них послужила история разных эпох. «В доме работы, в стране неволи» — Древний Египет, «Три мгновения» — французская революция 1789—1793 годов. В первой из них затронут вопрос об отношениях трудящихся господствующего и угнетенного народов, осуждаются распри, в подтексте утверждается мысль о единстве. В «Трех мгновениях» речь идет о взаимосвязи политики и этики, — этот вопрос всегда волновал людей в революционные эпохи.

«Осенняя сказка» — это уже прямой отклик на революционное движение в России, хотя и в форме аллегорической сказки. Пьеса не была опубликована при жизни автора, возможно, потому, что окончательно не завершена. Леся Украинка сообщала в одном из писем, что не все в ней «одобряет и хочется написать несколько сильнее». Доработка не состоялась, рукопись сохранилась в черновом варианте и была напечатана посмертно. Показательно, однако, что наряду с традиционными сказочными персонажами — Принцессой, Рыцарем — выступают персонажи иного плана — рабочие, Строитель и т. п. Именно они высказывают уверенность в грядущей победе и призывают штурмовать оплот тирании.

Интеллектуализм творчества писательницы проявлялся в том, что каждое социальное явление она рассматривает обобщенно, углубляется в его истоки. Так было и с пресловутой буржуазной «свободой» в области морали, религии, быта.

В завершённой в 1909 году и вскоре опубликованной драме «В пуще» действие перенесено в XVII столетие, в колонию американских поселенцев. В их среде формально провозглашены равенство и независимость. В действительности же далеко не все равны и не все свободны. Конфликт начинается с того, что появляется человек, которому нужна не декларированная, а подлинная свобода. Скульптору Ричарду нужно совсем немного — право на самостоятельное творчество, возможность служить людям так, как он сам того хочет. Это право у него грубо отнимает проповедник Годвинсон. Носителем принуждения снова выступает служитель культа. Община, руководимая Годвинсоном, навязывает скульптору филистерские законы во всем — в творчестве, в быту, в мыслях.

Такая свобода — хуже «лишения всех прав состояния», как говорила в таких случаях Леся Украинка. Любимым искусством заниматься нельзя, а можно лишь лепить украшения для молитвенного дома; помочь бедной женщине и ее детям не дозволено, ведь ее муж отступился от пуританской секты; входить в любые отношения с индейцами запрещено: они «цветные» и низшая раса.

Монументальная драма во многом отличается от ранее созданных небольших драматических поэм. В ней три крупных акта, более двадцати действующих лиц, множество сцен повседневного быта. Но сохранилось основное — напряженность мысли, патетика утверждения, ораторские интонации в стихотворных монологах положительных героев.

Исторические темы Леся Украинка разрабатывала так, что для своего времени они воспринимались как актуальные. Это свойство сохранилось и в будущем. «В пуще» идет на современной сцене, как драма наших дней.

Эта же черта проявилась и в драме «Кассандра». Показательна ее творческая история: многоплановая пьеса была написана почти полностью за две зимы 1902—1903 годов, во время лечения в Италии. Завершенное по сути, произведение лишь в 1907 году, после окончательной редакции и некоторых дополнений, было подготовлено к печати.

Идейное содержание пьесы академик А. И. Белецкий определил так: «... Политическому борцу недостаточно знать правду — ему необходима воля к борьбе; ему недостаточно «сказать», а нужно „доказать вооруженной рукой“». ¹

¹ А. И. Белецкий, Античная драма Леси Украинки («Кассандра»). — «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 417.

На этот раз писательница обратилась к фабуле из античной литературы, которую прекрасно знала и продолжала изучать.

Из значительного числа действующих лиц выделяется образ героини, пророчицы Кассандры. Дарование ее трагично: она видит зловещую правду, грядущие несчастья и сознает их неотвратимость.

Драма состоит из восьми сцен, в большинстве которых главная героиня или вообще не присутствует, или является лицом эпизодическим. Лишь в четвертой и шестой сценах Кассандра является главным действующим лицом. Кассандре противостоит Елена, лишенная каких бы то ни было принципов, ее красота приносит лишь измену, предательство, гибель. Андромаха в эпосе Гомера — один из наиболее привлекательных женских образов; Леся Украинка изображает ее без всякой симпатии, — героиня старается сохранить только домашний очаг, сиюминутное благополучие.

Последовательным антиподом Кассандры выступает ее брат Гелен. Для него существует лишь голая выгода. Из личной корысти лжепророк усыпляет бдительность войска, посылает своих людей на очевидную смерть; он оказывается изменником родины, и его с радостью принимают в свою среду завоеватели. Как ни беспощадна правдивость Кассандры, она рождена любовью, а Гелен ко всему равнодушен. Их противостояние четко вырисовывается в словесных прениях, ведь пьеса построена главным образом на диалогах.

Мир героини сложен и многогранен. Кассандра способна радоваться счастью близких, но еще сильнее сочувствует их горю, которое всегда предвидит, но никогда не может предотвратить. Глубоко трагичны сцены ее встреч с любимым — ведь она предвидит его неминуемую гибель. Кассандра считает себя по духу дочерью Прометея, подобно ему несет людям правду, выступает против злой воли богов, призывает к бдительности, и тем сильнее ее страдания, что правде никто не верит. Пророческой силой и одновременно неумением убеждать других Кассандра напоминает Мириам.

Хотя Кассандра возвышается над окружением, однако ей недостает главного: деятельности, решимости в достижении цели.

6

В последнее пятилетие, буквально отвоеванное у смерти, Леся Украинка совершила настоящий подвиг как поэт и гражданин. Драмы 1905—1907 годов один из критиков определил как подступ к ка-

менному высокогорью, каким является творчество последних — наиболее плодотворных и художественно зрелых — лет жизни. Вот она приносит извинения, что не может работать систематически: «Я тогда только могу бороться (или скорее забывать о борьбе) с истощением, высокой температурой и другими угнетающими интеллект симптомами, когда меня попросту гальванизирует какая-либо *idée fixe*, какая-то непобедимая сила. Толпа образов не дает мне спать ночами, мучит, как новый недуг, — тогда уж приходит демон, более злобный, чем все недуги, и приказывает мне писать...»¹ Так были написаны пять монументальных драм: «Руфин и Присцилла», «Лесная песня», «Адвокат Мартиан», «Каменный хозяин», «Оргия».

Развитие творчества Леси Украинки определялось новыми задачами, связанными с общественным сознанием революционной эпохи. Свой индивидуальный стиль поэтесса называла «новоромантизмом» и рассматривала его как современный этап в истории литературных стилей вообще.

«Старый романтизм, — пишет она, — стремился освободить личность, — но только исключительную, героическую, — от толпы; натурализм считал ее безнадежно подчиненной толпе, которая управляется законом необходимости и теми, кто лучше всего умеет извлекать себе пользу из этого закона, т. е. опять-таки толпой в виде класса буржуазии; новоромантизм стремится освободить личность в самой толпе, расширить ее права, дать ей возможность находить себе подобных или, если она исключительна и притом активна, дать ей случай возвышаться к своему уровню других...»²

Монументальные композиции последних лет творчества Леси Украинки дают возможность показать развитие героев, сложные коллизии их становления. Почти всегда герои изображаются в момент максимального напряжения душевных сил.

Украинку-драматурга характеризует умение проникать в дальние страны и давние эпохи, проявляя при этом, подобно Пушкину, «дар перевоплощения». «С грациозной легкостью, — писал П. Антокольский, — переносится она из античности в XVI век, в средневековую Англию, в Испанию, в Америку времен первых поселенцев, из Палестины куда-нибудь за Полярный круг. Ее драматургия — это миры музыки, прикладных искусств, ремесел, природы, динамично

¹ Лесья Українка, Твори у 10-ти томах, т. 10, с. 359.

² Лесья Українка, Новейшая общественная драма. — Зібрання творів у 12-ти томах, т. 8, Київ, 1977, с. 236—237.

участвующей в человеческой драме. Все это движется и живет, во многих случаях впервые названное на украинском языке». ¹

Свои замыслы Леся Украинка воплощала в детализированном, достоверном материале. Примером этого могут служить произведения из античной истории, с подробными описаниями нравов, обстановки, быта и т. д. Все это явилось результатом глубокого изучения научных источников. «Не могу назвать другого писателя, который бы относился к своему труду с такой ответственностью, как Леся», — вспоминает А. Крымский. ²

В автохарактеристике, написанной за полтора года до смерти, Лариса Петровна говорит о становлении своего мировоззрения: «...я принадлежу к тем людям, которые если видят маленькое облачко, то им кажется уже, солнце погасло; а если увидят луч, то думают, что солнце живет в их душе; только я почему-то могу работать главным образом в облачное время, а в солнечное становлюсь по большей части не способной к выражению своих чувств в слове (хотя и то не всегда)... Если взвесить как следует, то перелома я никогда не испытала, хотя, конечно, эволюция была и у меня. Жизнь ломала вокруг меня только обстановку (ну, и кости мои, если случилось), а характер мой, сложившийся очень рано, никогда не менялся, да и вряд ли когда-нибудь изменится. Я человек эластически-упрямый (таких много среди женщин), со скептическим умом и фанатическим чувством, да и очень давно усвоенным «трагическим мировоззрением», а оно хорошо для закалки». ³

Личность Леси Украинки, ее характер определили единство трагического и возвышенного в ее произведениях. В известной мере можно говорить о драмах Леси Украинки как о новом виде — «оптимистической трагедии».

Проблема верности и измены стала основой драмы «Адвокат Мартиан», сюжет которой относится ко временам зарождения и утверждения христианства. Современниками Леси Украинки эта тема трактовалась различно. В большинстве случаев борьбу ранних христиан против языческого Рима изображали в героическом ключе. О романе Г. Сенкевича «Камо грядеши?» в статье «Заметки о новейшей польской литературе» поэтесса упоминает как о произведении, вполне лояльном к учению католицизма. Леся Украинка, напротив, во всех без исключения произведениях резко критикует христиан-

¹ Павел Антокольский, Леся Украинка. — Сб. «Испытание временем», М., 1945, с. 64.

² Агафангел Крымский, Из воспоминаний искреннего друга. — «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 265.

³ Леся Украинка, Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 481—482.

ство, начиная с его древнейших истоков. По ее убеждению, первые христиане, честные, благородные герои, заблуждаются, принося себя и близких в жертву новому Молоху, деспотичному, бездушному, кровавому.

Действие драмы «Адвокат Мартиан» отнесено к III веку новой эры, когда владыки Рима особенно жестоко преследовали сторонников Христа, — их казнили публично, вынудили уйти в тайные общества, в подполье. Герой драмы Мартиан скрывает свои христианские убеждения и таким образом, продолжая адвокатскую практику, спасает единомышленников. Мартиан один из самых сложных характеров в драматургии Леси Украинки. Община и церковный клир обязывают его приносить в жертву не только себя, но и близких, он становится невольным соучастником гибели сына ближайшего друга. От него отрекаются жена, сын, дочь, не желая повторять судьбу мужа и отца. Адвокат, блестящий оратор в судах, бессилен перед логикой своих детей, которые следуют за матерью в мир реального, земного существования.

А главное, христианство уже не то, чем было при своем зарождении, когда к нему тянулись униженные и оскорбленные. Ему не нужны подвижники, но нужны послушники; происходит резкое деление на мирян и пастырей.

Смирным выполнением приказов Мартиан, собственно говоря, защищает власть и имущество христианских пастырей. Мартиан продолжает служить однажды избранной вере, несмотря на личные и общественные лишения. Все рушится вокруг, остается полное одиночество; о непреклонности Мартиана никто даже не знает и не узнает никогда. В заключительной сцене Мартиан делает то, что продолжает считать единственным долгом, — готовит адвокатскую речь. Его секретарь Констанций с ужасом спрашивает: «Как можешь ты работать?» — и слышит внешне спокойный ответ: «Но я должен».

Герой диктует свою речь для судебного заседания, но секретарь выпускает палочку для письма («стиль») из рук; и тогда непоколебимый Мартиан, как указано в ремарке, «берет стиль и табличку и пишет медленно, но твердой рукой».

Итак, по мысли автора, христианство сковывает человеческое сознание, волю к подвигу, обрекает на покорность, делает слепым орудием. Даже цельные натуры, типа Мартиана, становятся невольниками реакционного учения.

Тема долга варьируется и в последней завершенной драме «Оргия». Ее героем является коринфский певец Антей, который остается верным своему порабощенному народу, всему искусству. Покори-

тели-римляне стремятся завладеть художественными ценностями, а заодно и художниками-греками. На Антея посыпались беда за бедой: в течение одного дня пришлось пережить измену ближайшего ученика, отступничество друга, побег любимой жены, танцовщицы Нерисы, к завоевателям. Все, буквально все из окружения Антея перекинулись в стан врагов Эллады. И тогда Антей защищает свою несомненную правду «твердой рукой» — убивает жену-изменницу и кончает жизнь самоубийством.

Однако сама писательница ставила выше «Оргии» две другие драмы. В письме к О. Кобылянской 21 марта 1913 года, — письме почти предсмертном, — она указывает, что «Оргия» не будет такой, как, например, «Лесная песня», «Каменный хозяин», потому что она «не горит теперь так, как горела над теми двумя драмами... так как, наверно, сгорела бы...». ¹

Лишь незаурядный талант мог создать одну за другой вещи, столь различные по материалу, тональности, стилю и одновременно такие взаимодополняющие друг друга. Скромная в самооценках, на этот раз украинская писательница сознательно задалась целью поставить родной язык и творческую мысль родного народа как равные среди равных в мировой литературе.

Поэтесса сообщала о побуждениях к разработке темы: «Я написала Дона Жуана! Вот того самого, «всемирного и мирового», не дав ему даже никакого псевдонима... Так или иначе, но вот уже и в нашей литературе есть Дон Жуан, собственный, не переведенный, оригинальный тем, что его написала женщина (это, кажется, впервые случилось с этой темой)». ²

Образ Дон-Жуана разрабатывали в течение столетий виднейшие мировые поэты и драматурги: Тирсо де Молина, Мольер, Гольдони, Байрон, Мериме; в России — Пушкин, А. Толстой. Сложилась определенная черта характера, которые варьировались у каждого автора. Пушкинский Дон-Жуан был для Леси Украинки, очевидно, ближе других — во время работы над пьесой она возила «Маленькие трагедии» с собой.

Каков же он, этот вариант героя? В. Г. Белинскому при анализе «Каменного гостя» Пушкина он представлялся таким: «Красавец собою, стройный, ловкий, он весел и остер, искренен и лжив, страстен и холоден, умен и повеса, красноречив и дерзок, храбр, смел, отважен... Для него жить значит наслаждаться; но среди своих побед он сейчас готов умереть; умертвить же соперника в честном

¹ Лесья Украинка. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, с. 521.

² Там же, с. 494—495.

бою и насладиться любовью в присутствии трупа — ему ровно ничего не значит».¹

Тут же великий критик замечает, что тему «можно или понять глубоко, или вовсе не понять».

В письме к О. Кобылянской, посланном вскоре после завершения драмы, Леся Украинка утверждала, что она «не имела в виду добавлять что-либо новое к установившемуся в литературе типу Дон Жуана, разве лишь подчеркнуть анархичность его натуры...» Однако на деле вышло и так и не так. В мировую версию украинская писательница внесла значительные изменения и дополнения, обусловленные опытом нового столетия, передовым мировоззрением автора, талантом мастера общественной драмы. Поэтому акцентированы социальные аспекты, волновавшие современников Леси Украинки.

Дон-Жуан придерживался принципов анархистской, индивидуалистической «свободы»; отсюда конфликт с лагерем тиранов, — он становится изгнанником, одиночкой. Но какая куца и эгоистическая эта непокорность, ибо превращается, в конце концов, в аморальность и анархическую распущенность.

Олицетворением каменного консерватизма выступает сначала Командор, позже такую же становится донна Анна и, наконец, главный герой, который отрекается от идеалов свободы и верности, «захлабывается» в «бездонном океане лицемерья».

Какое-то время «рыцарь воли», — это выражение поэтесса сама взяла в кавычки, — еще способен удивляться, иронизировать, но вскоре сознательно сдается «в плен». В заключительной сцене, уничтожив соперника и найдя общий язык с донной Анной, Дон-Жуан, примеряя плащ Командора, видит в зеркале свое лицо, которое стало похожим на лицо владельца замка. Круг замкнулся.

В «Каменном хозяине» Леся Украинка отрицает и разоблачает культ «сильной личности», «сверхчеловека», восплаемого в ту эпоху модным философом Ницше, его многочисленными последователями и эпигонами в литературе. Показательна ее резкая критика таких писателей, как Д'Аннунцио, Пшибышевский, в статьях, опубликованных в журнале «Жизнь». А именно этих авторов и их трактовку образа Дон-Жуана старалась утвердить декадентская теоретическая мысль в России и на Украине. К. Бальмонт писал: «Дон-Жуан — мститель и искатель... Дон-Жуан полон горячей завоевательской

¹ В. Г. Белинский, Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя. — Собр. соч. в 13-ти томах, т. 7, М., 1955, с. 569—570.

жадности». ¹ Этот образ, по мнению поэта-декадента, именно благодаря стремлению властвовать и поработать толпу стал мировым и популярным.

Леся Украинка продолжила версию «мирового образа», но изменила отношение к нему. Ничего героического, ничего привлекательного, — просто вариант «каменного хозяина», властителя-деспота. Отсюда — идея осуждения социального и морального насилия.

Образ Анны присутствует почти во всех сюжетах о Дон-Жуане, но только в ролях пассивных — вдовы, невесты или дочери Командора. Леся Украинка решительно ставит ее на один уровень с партнерами. Донна Анна тверда в стремлении стать супругой Командора. В Дон-Жуане ее привлекает свободолюбие, она и сама стремится к независимости от общества, но с тем, чтобы властвовать над обществом. В сюжете изложены различные перипетии вражды между анархизмом и деспотизмом, но побеждает «каменная власть», которая, однако, и сама погибает.

Всем трем «каменным хозяевам» противостоит единственная и одинокая Долорес. Прелестная и благородная девушка ради искреннего чувства жертвует положением, честью, жертвует собой для утверждения будущей справедливости. Ее альтруизм — полный контраст эгоизму остальных действующих лиц.

Характер «нежно-упрямой» Долорес, над которой «ничто каменное не имеет власти», был особенно близок душе Леси Украинки. Известно, что у автора было даже намерение сделать ее главной героиней.

«Каменный хозяин» — новаторское достижение украинской литературы и одновременно оригинальное явление в разработке одного из сложнейших мировых сюжетов.

Достижением национального искусства является и «Лесная песня», хотя ее значение обусловлено иными свойствами: это украинская драма всей своей сутью, материалом, духом героев, пейзажами, поэтикой, языком — в такой мере художник понял свой народ, выразил его заповедные думы и чаяния.

С детских лет у Леси Украинки сохранилось воспоминание о лесах Волыни, ее людях, их верованиях и песнях — они составили почву для фабулы пьесы. В более зрелом возрасте интерес к родному фольклору усилился. Вместе с матерью поэтесса собирала образцы декоративного искусства; композитору М. Лысенко доставляла

¹ К. Б а л ь м о н т, Горные вершины, кн. 1, М., 1904, с. 204.

мелодии волынских песен; с мужем, К. Квиткой, систематически собирала и публиковала народные песни с нотами — первое такое издание вышло в 1902 году.

Самое главное в отношении поэтессы к фольклору даже не в том, что она собирала, популяризовала его, а в «человековедческом», творческом подходе. Она продолжила традицию Тараса Шевченко, о которой А. В. Луначарский сказал в 1911 году (год написания «Лесной песни»): «Поэты-художники, владеющие всеми завоеваниями культуры, богатые интернациональным опытом, обладающие нежнейшей душой — продуктом сложной структуры современного общества, — эти художники благоговейно подходят к сокровищнице народной мудрости и красоты, черпают из нее полными горстями алмазы-самородки и шлифуют из них по всем правилам искусства прекрасные звезды-бриллианты». ¹

Культура, опыт, талант Леси Украинки как лирика и драматурга дали возможность возвысить образы национального фольклора до таких философско-этических высот, на которые в истории украинской литературы после Шевченко их не поднимал никто.

Конфликт происходит между антиподами: лесными существами, носителями всего здорового, естественного, и людьми, выразителями духовной ограниченности. «Лесная песня» в этом отношении — произведение, совершенно современное для его создательницы. Наступление моральной реакции было упорным и опасным. Проповедь маленького личного счастья-благополучия, ухода от общественных обязанностей в мир мещанского затишья угрожала многим. Поэтому против нее так решительно выступили передовые мыслители, литераторы. М. Горький опубликовал заметки о мещанстве; с резкой иронией писал об этом М. Коцюбинский в новелле «В дороге». В «Лесной песне» Леся Украинка также выступает с осуждением примитивного самоуспокоения.

Большинство действующих лиц драмы-феерии — сказочные существа, распространенные в украинском фольклоре: леший, русалки, водяной, перелесник, куц, потерчата, злыдни. В народном представлении они наделены человеческой внешностью, чувствами; помимо этого, они властны над силами природы, повелевают ими. Леся Украинка связала фольклорные понятия со стремлениями, чувствами, бытом людей. Фантастические образы природы в пьесе являются носителями красоты или уродства, созидания или разрушения; они любят и ненавидят, дружат и враждуют.

¹ А. В. Луначарский, Великий народный поэт. — Статьи о литературе, М., 1957, с. 417.

Образы людей, обитателей леса, — Лукаш и дядя Лев — также тесно связаны с бытием сказочных героев. И только два отрицательных персонажа — мать и Килина — противостоят своей сущностью, поведением, речью фантастично-живописно-музыкальному миру природы.

Героиня драмы — лесная девушка Мавка. Это мифическое существо, рожденное народной фантазией. Леся Украинка значительно усложнила образ, наделила его богатым нравственным содержанием. В ее драме Мавка — олицетворение животворных сил природы, воплощение всего живого, чистого, искреннего, благородного и вольнолюбивого. Вопреки предостережениям лесных обитателей, Мавка встречается с людьми и обнаруживает удивительные для нее противоречия в их мире. Среди людей есть такие, как дядя Лев — мудрец, знаток тайн леса, великой правды природы, носитель народной морали. Мудрый старик вызвал у Мавки доверие и уважение. А молодой его племянник Лукаш, который сам еще стоит на пороге жизни, привлекает ее своей одаренностью и искренним чувством, мастерством и сердечностью. В Лукаше она видит высокий духовно-творческий строй человеческой души.

Трагедия Мавки не в том, что она ушла из леса и живет среди людей, а в непоследовательности и колебаниях Лукаша. Он стоит как бы на распутье между двух сил, между противоречивых устремлений. Когда Мавка спасает его от лесной нечисти, он искренне увлекается ею, слушается советов дяди Льва. Но только на короткое время. Мать и Килина затягивают юношу в болото обыденности. Интересы у них мелкие, круг восприятий — узкий. Образы эти подчеркнута обыденны, насыщены бытовыми деталями, хотя имеют такой же аллегорический смысл, как и все другие. Мелочность матери и Килины особенно зримо проявляется в третьем действии, когда они ссорятся между собой из-за нищеты, постигшей семью. Драматург проявляет детальное знание сельского быта, умеет изобразить его в сочных жанровых картинах, в которых чувствуется осуждение не столько самих героев, сколько «идиотизма деревенской жизни». Жертвами этого страшного быта становится и героиня пьесы, и Лукаш, наделенный как многими положительными чертами, так и слабостями.

Судьба Лукаша трагична и по-своему оптимистична. После конфликта с семьей, разрыва с Мавкой он убегает из дому и блуждает по свету, но в дальнейшем возвращается в родные места. В развязке сюжета он добивается победы над собственной раздвоенностью, видит в будущем картину возрождения, весны.

Образы Мавки и Лукаша не противостоят друг другу, а взаимно дополняют, чаще всего составляют дуэты. Проблема «общество — человек — природа» разрешена по-новому, как пафос утверждения вольного, гармонического человека в результате общественного прогресса. В первом действии лесовичку пробуждают мелодии весны и надежды в игре юноши, направляют ее к людям. В единстве лучших черт Мавки и Лукаша — положительный идеал произведения. Когда же он ушел от любимой, то стал вурдалаком; когда она осталась одинокой, ее околдовал «Тот, кто в скале сидит».

«В гениальной драме-феерии Леси Украинки «Лесная песня», — писал Л. Новиченко, — краса нетронутой природы, чудесный мир наивной народной мифологии на первый взгляд целиком традиционно противостоят убогости и бескрылости существования людей, угнетенных и забытых своими будничными, практическими заботами. Вольное и прекрасное дитя волынського пралеса, Лесина Мавка погибает, столкнувшись с этим безжалостным «практичным» миром. Но ей предречено с этих пор и бесконечно воскресать («...Станет началом тогда мой конец»), ибо от человека она восприняла «то, что не умирает», — просветленную страданием, способную на самоотречение любовь. Древняя как мир проблема «первозданной красоты» и культуры тут возникает в новом, глубоко диалектическом освещении, вековечная антиномия получает возможность оптимистического, пусть и весьма нелегкого по своей сущности разрешения». ¹

Леся Украинка считала определение жанра своей пьесы как «феерии» неточным, неполным. Она предостерегала постановщиков драмы от «сказочных» трактовок. Мыслитель с развитым мировоззрением, она не могла ограничиться фантастическими сюжетами. У нее много сказочных персонажей, которых в украинском фольклоре нет вовсе, а мавка встречается редко, только в одном регионе Украины. Помимо этого писательница насытила драму крестьянскими реалиями, ее герои — носители определенных черт людей из народа: дядя Лев — мудрости трудового опыта; Мавка — доброты, искренности, самопожертвования; Лукаш — таланта и раздвоенности, светлого и темного; мать и Килина — ограниченности, мелочности.

Характерной особенностью «Лесной песни» является предельно конкретное изображение природы Волынського края Украины. Это закономерно для произведения, в котором действует столько детей земли и лесов.

¹ Леонід Новиченко, «Вся безліч животвору...». — Сб. «Життя як діяння», Київ, 1974, с. 122.

Трудно назвать другую пьесу, в которой природе была бы отведена такая роль. Она живет в символических образах и персонажах, декорации в пьесе меняются от действия к действию и, кроме того, изменяются в ходе действия. Развернутые тексты ремарок — не указания для постановки, а поэтичные описания пейзажей. Каждая картина начинается с пейзажа: пролог — это ранняя весна; первое действие — весна в полном цвету; второе — позднее лето; третье — начало зимы. Каждый пейзаж соответствует состоянию героев: весной зародилась любовь; летом она расцвела; осенью начала вянуть; зимой пришел ей конец; в заключительной картине последнего действия зима исчезает, природа оживает вновь.

Богатство образных средств сказывается и в преображении героини пьесы. В первом действии, когда зародилась ее любовь, Мавка напоминала «лесную царевну в звездном венке в темных косах». Очувившись среди примитивных людей, она вынуждена стать похожей на них и поступками, и внешностью, и одеждой. Изменения продолжают: Мавка облачается в багряные осенние одежды и украшает голову серебряной вуалью, но все это не может скрыть смертельной бледности лица. В заключительном действии героиня выделяется черным силуэтом на фоне белой стены. И только яркая гроздь калины краснеет на ее траурном облачении.

Богатое изобразительное дополнение к действию сопровождается музыкой, — Леся Украинка подобрала ее из народных мелодий и аранжировала сама. Мелодии, которые играет Лукаш в течение всей пьесы, также являются существенной частью содержания синкретической пьесы.

В «Лесной песне» Леся Украинка разрешила актуальную проблему своего времени, выразила благородную гуманистическую идею; в образах, лексике, в художественных средствах использовала и умножила богатства родного фольклора. Все это делает пьесу вершиной ее драматургии, одним из совершеннейших творений национальной классики.

Произведения украинской поэтессы стали частью художественного развития всех народов нашей родины. «Не удивительно, — писал академик А. Егоров, — что в нашей стране прокладывали дорогу социалистическому реализму и создавали образцы нового, социалистического искусства Максим Горький и Владимир Маяковский в России, Иван Франко, Леся Украинка и Михаил Коцюбинский на Украине, Янка Купала и Якуб Колас в Белоруссии, Юлюс Янонис в Литве, Ян Райнис и Андрей Упит в Латвии, Акоп Акопян в Армении,

Мирза Алекпер Сабир в Азербайджане, Эгнате Никошвили в Грузии и другие художники, что с исчерпывающей убедительностью доказано советскими исследователями». ¹

Умирала мужественная Леся Украинка, как надлежит бойцу: раньше чем упасть — надо сделать шаг вперед. . . Изнуренная неизлечимым недугом, напрягая остатки сил, диктовала она план своего так и не осуществленного замысла: живет в Александрии мудрец Феокрыт, который выступает против безумия религии; толпа фанатиков собирается его казнить, а рукописи сжечь; тогда маленькие дети мудреца ночью тайком крадут из отцовской библиотеки его рукописи, бегут за город, прячут в песках пустыни; опустившись на колени, молятся Солнцу: «Гелиос! Спаси наши сокровища! Тебе и золотой пустыне доверяем их!» — когда-нибудь люди непременно найдут сокровища вольнолюбивой мысли.

Траурной датой украинской литературы стало 1 августа 1913 года — в Сурами (Грузия) умерла Лариса Петровна Косач — Леся Украинка. Выражения соболезнования приходили в Киев от многочисленных организаций Украины, от студенческой молодежи Москвы и Петербурга, из Грузии и с Дальнего Востока, из Финляндии и Франции, Польши и Чехии. Одна русская читательница телеграфировала: «Кланяюсь праху великой украинской женщины» — и подписалась: «Великоруска».

Дооктябрьская «Правда» («Рабочая правда») в пятнадцатом номере за 1913 год в статье-некрологе определила сущность деятельности поэтессы: «Леся Украинка, стоя близко к освободительному движению вообще и пролетарскому в частности, отдавала ему все силы, сеяла разумное, доброе, вечное. Нам надо сказать ей спасибо и читать ее произведения. . . Леся Украинка умерла, но ее бодрые произведения долго будут будить нас к работе-борьбе. Добрая вечная память писательнице — другу рабочих!» ² Тут же газета поместила русский перевод стихотворения «Предрасветные огни», один из самых ранних иереводов произведений поэтессы.

После Великой Октябрьской революции мужественное и мудрое слово поэтессы получило широкое распространение. Ее сочинения издаются большими тиражами. Осуществленное в 1975—1978 годах Академией наук УССР последнее издание состоит из двенадцати монументальных томов. Пьесы «В пуще», «Кассандра», «Каменный хозяин» и особенно «Лесная песня» ставятся во многих театрах

¹ А. Егоров, Проблемы эстетики, М., 1974, с. 318.

² Цит. по сб.: «Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 308, 309.

Советской Украины, в театрах Москвы, Праги, Варшавы, Тбилиси, Фрунзе.

Переведенные на русский, белорусский, грузинский, армянский, узбекский, польский, чешский, немецкий, английский и другие языки, произведения Леси Украинки вошли составной частью в мировую литературу. Как справедливо определил Максим Рыльский, Леся Украинка «не только крупнейшая женщина-писательница в мире, но и один из наиболее оригинальных мировых поэтов».¹

С. Шаховский

¹ М. Рильський, Слово про Лесю Українку. — «Леся Українка у школі», Київ, 1966, с. 7.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. НАДЕЖДА

Ни доли, ни воли мне жизнь не дала,
Одна лишь, одна мне надежда мила:

Увидеть опять Украину мою
И всё, что мне любо в родимом краю,

На Днепр голубой поглядеть еще раз,
А там всё равно — пусть умру хоть сейчас,

Взглянуть еще раз на курганы в степях,
Вздыхнуть напоследок о пылких мечтах.

Ни доли, ни воли судьбой не дано,
Одной лишь надеждой мне жить суждено.

*1880
Луцк*

2. САФО

Над волнами моря, на круче,
В венке из лавровых ветвей,
Прекрасная дева сидела
С певучею лирой своей.

И в лад своей песне печальной
На лире играла она,
И сердца великая мука
Была в этой песне слышна.

С тоскою она вспоминала
И славу свою, и весь свет,
Людское коварство, измену,
Любовь и печаль своих лет,

Надежды свои и страданья...
И, сбросив лавровый венец,
В пучине шумящего моря
Нашла своей песне конец.

*3 ноября 1884
с. Колодяжное*

В—11 ПУТЕШЕСТВИЕ К МОРЮ.

Посвящается семье М. Ф. Комарова

1

Прощай, Волынь! Прощай, мой край любимый,
С тобою мне разлуки жребий дан,
Я — листик, с ветки сорванный родимой...
И мчит меня железный великан.
Передо мной чудесными коврами
Природа стелет темные луга,
Шумит Славута красными борами
И зеленеют Случи берега.
Под голубым высоким небосводом
Сверкают всюду речки серебром, —
То чародейка, вечная природа,
Стоцветные ковры раскинула кругом.

2

Дальше, всё дальше! Как плахты в заплатях,
За полосую легла полоса,
После закрыло всё тучей косматой
Душного дыма, и скрылись леса.
Горы веселые, доли в цветенье
Разом исчезли, как светлые сны,

НА КРИЛАХ ПІСЕНЬ

ТВОРИ

ЛЕСІ УКРАЇНКИ

НАКЛАДОМ АВТОРКИ

ЛЬВІВ 1892.

З друкарні Товариства імені Шевченка

Через минуту, нет — через мгновенье,
Скрылись за далью, они не видны! . .

Счастья прошедшего дни дорогие
Быстрое время сжигает в огне.
Вянут они, как цветы полевые.
Вспомнишь — как будто приснилось всё мне!

3

Краса Украины, Подолье!
Ты в милом покое предстало!
Как будто бы сроду недоля
И горе тебя не знавало!

Ой! за балочкой веселой
Хороши, пригожи села,
Хаты вишнями закрыты,
Светлой дымкою повиты,
Тополя стоят на воле,
Говорят с ветрами в поле.

Там нивы шумят золотые,
Простор без конца и без края,
Боры вековые густые
Друг другу там тайны вверяют.

Ой, зеленые овражки,
Стежки в солнце и в ромашках,
Словно ленты разноцветные,
К речке сходятся, заветные.
Речка в берег бьет сыпучий,
Льется, льется из-под кручи. . .

Краса Украины, Подолье!
Каким предо мной ты предстало!
Как будто бы сроду недоля
И горе тебя не знавало! . .

Солнце проснулось, солнышко встало,
 Всё озаряет и греет
 И, по степи разливаясь, огнем засверкало —
 Степь от него пламенеет.
 Ярко широкая даль розовеет,
 Где луч прольется искристый.
 Только лишь глянешь на запад, туман там синеет,
 Вот он клубится, росистый.
 Вон там село протянулось степное
 В балке веселой, зеленой,
 Легкою дымкой обвито оно голубую,
 Только на хате беленой
 Вижу зеленую крышу. А дальше — где гляну —
 Дальше всё степи без края,
 И лишь ветряк где-то вынырнет вдруг из тумана:
 Холм иногда замечаю.
 В небе ни тучки, блестит голубое;
 Тихо, и ветер не веет.
 Всюду, куда ни взгляну, предо мною
 Только трава зеленеет. . .

Как город велик, как дома в нем высоки,
 Людей там немало!
 Вот музыка вдруг заиграла.
 Расходятся всюду людские потоки
 Широкою лавою, валом.
 Но это чужбина! Как горько здесь всё же.
 От дома далёко,
 Как здесь тяжело, одиноко!
 И счастье тому, кто к огню где-то сможет
 Склониться и слухом и оком.
 Всё ж добрые люди меня повстречали
 В далекой чужбине,
 Там друга в хорошей дивчине
 Нашла я. Мы вместе у моря бывали
 Не раз тихим вечером синим.

Зажглись всюду звезды на небе спокойном,
Огни засверкали
В домах городских. Мы стояли,
Смотрели, как ярко на море раздольном
Несметные звезды сияли.

6

С душным городом время расстаться.
Сердцу хочется быть на просторе!
Вижу издали — волны искрятся,
Ходят вольно по синему морю.

Поднимается солнышко рано,
Море синее плещет, играет,
Его солнышко, встав из тумана,
Золотыми лучами встречает.

Что белеет вон там на раздолье?
То ли облачко легкое реет,
Где-то в небе гуляя на воле?
То ли парус на лодке белеет?

В море шумные плещутся воды.
Там волна на волну набегаёт,
Голубеет шатер небосвода
И края свои в море купает.

Алый свет протянулся с востока,
Глаз не сводишь с долины искристой;
За кормою дорога широко
Разбежалась лазурью лучистой.

Остается дорога за нами,
Там волна за волною в погоне,
Будто степью идут табунами
Белогривые быстрые кони.

А далёко на западе где-то
Среброудрые волны кивают —
«Нереиды», проснувшись с рассветом,
Первый луч в хороводе встречают...

И проходят походкою легкой —
Вот уж близко видна эта стая,
Вдруг опять чуть белеет далёко,
Откатившись к туманному краю. . .

Море! море! В бескрайном просторе
Ты движенья полно и покоя!
Забывая и счастье и горе,
Всё земное — лишь быть мне с тобою.

Хоть на час, хоть на миг бы единый,
Чтоб не видеть на свете иного,
Кроме этой лазурной долины
И простора ее голубого!..

7

Ой, высоко солнце в ясном небе встало
И лучи горячие всюду раскидало.
По волнам лазурным челн плывет по морю.
Вот и берег виден! Прибыли мы вскоре.

Вот уж солнце разбросало лучи золотые,
Осветило Аккермана башни крепостные.

Мы идем в турецкий замок древний, темный,
Чтобы нашу славу, беды наши вспомнить, —
Вспомнить нашу славу, казацкую волю
И злую неволю, тяжкую недолю.

Доля тут гуляла прежде с волею кровавой;
Ой, как трудно доставалась та горькая слава!

Эти башни круглые, суровые башни —
Стены и надежны, и хмуры, и страшны.
И повсюду в стенах крепостных бойницы,
А при хмурых башнях темные темницы.

В тех темницах люди наши принимали горе,
Слали думки крылатые через сине море. . .

А в темницах нету ни оконца,
Не видать ни света, ни ясного солнца;
А свет такой милый, хороший, лучистый.
Под солнцем сверкает лиман серебристый:

Его волны шумно в берег плещут, голубеют,
А вдали чуть-чуть заметны, как туман белеют...

Глянуть на лиман тот — и отрадно взору!
Здесь когда-то мчались волны по простору
С легкими челнами, с теми байдаками,
Что сюда ходили да за казаками.

Быстро казаки летели, братьев вызволяли...
За стенами крепостными вороги дрожали...

Слава, наша доля! Слава, мать родная!
Тяжко затоскуешь, тебя вспоминая!
Кровью вся покрыта горькая судьбина!
Кровью затопила долю Украина!

Ой, лиман с волною мутной, что шумит на воле,
Где же, где же наша слава, куда делась доля?

Иль на то казаки гибли в злой неволе,
Бились тяжело да искали всюду лучшей доли?
Иль на то лилися кровавые реки,
Чтобы всё пропало, забылось навеки?

Если ж так напрасно гибнуть рыцарям пришлось.
То ужель о них потомки думы все забросят?

Всё прошло! От громкой славы в дни былые
Лишь остались стены крепости немые.
Где ходили прежде турки-янычары,
Там пасутся мирно по лугам отары...

Где казак лихой расстался с буйной головою,
Вырос там бурьян колючий с крапивой глухою.

И цветок там вырос у темницы, в яме, —
Мы его сорвали, пусть он будет с нами.
Тот цветок, быть может, вырос из родного
Казацкого сердца, сердца молодого?

Думал ли казак тот разве, идя на чужбину,
Что цветок из сердца будет взят на Украину?

Грустно тут повсюду, здесь покой глубокий,
Ни души не встретишь в замке одиноком,
Минарет белеет возле замка стройный,
Молодой пастух в нем дом себе устроил.

Но и в доме-минарете пастуха не слышно, —
Поглядеть на дол зеленый он на башню вышел.

И с высокой башни как на море взглянет —
Видит, ходят волны быстро на лимане,
Бегут, исчезают волны в синем море...
Пастуха блуждает взгляд в морском просторе...

И для дум его заветных тут простор широкий,
Что же думает потомок рыцарей далеких?..

8

Уж солнце идет на покой;
Вечернее море темнеет,
Не плещется в берег волной
И, как изумруд, зеленеет.

Багровые искры дрожат,
Упав на зеленые волны,
Мигают огнем и горят,
Как будто сверкание молний.

Широко дорога легла,
Где волны корабль разрезает,
Как снег и как мрамор бела,
Но миг — и она исчезает.

Стал розовым пенистый край,
А искры то вспыхнут, то гаснут...
Луч кинут последний... Прощай,
День солнечный, ласковый, ясный!

Путь кончится вскоре, —
 Уж звезды над морем
 Сияют на небе повсюду,
 Встал месяц высоко,
 Мой дом недалёко —
 Я скоро на родине буду.

Огни городские,
 Как ленты цветные,
 Спускаются к морю, сверкая,
 И там над волнами
 Сияет огнями
 Корабликов легкая стая.

Минуты промчатся,
 Придется расстаться
 С тобой, величавое море!
 И вновь меня примет,
 Охватит, обнимет
 Земное привычное горе.

И где я ни буду,
 Тех дней не забуду —
 Останутся вечно со мною!
 Прощай, сине море,
 С волной на просторе, —
 С могучей свободной волною!

1888

12. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ МАРИИ СТЮАРТ

Que suis je, hélas! ..¹

Что я теперь, о боже! Разве жизни рада?
 Слаба, как тело, я, в котором сердца нет,
 Тень жалкая... Тоска затмила свет,
 Мне кроме смерти ничего не надо.

¹ О, что я такое! .. (франц.). — Ред.

Не злитесь на того, враги, кто признается,
Что он от дум властительных далек,
Кто в непосильных муках изнемог,
Недолго вам, враги, смирять себя придется.

Припомните, друзья, — ведь вы меня любили, —
Мне жизнь счастливой доли не дала,
И я добро творить была не в силе;

Желайте, чтоб конец страданиям обрела.
Уж если здесь была такой несчастной,
Пусть будет жизнь моя в ином краю прекрасной!

(1888)

13. ПРИРОДЕ

Я в детстве на твоём, природа, лоне
И радости и горе изливала,
Я матерью тебя всем сердцем величала,
Сложив перед тобой признательно ладони.

Ты искру божью в грудь мне заронила;
Надежда — как её я воспевала! —
Мне путеводною звездой стала
И видеть в людях доброе учила.

Когда ж почувствую, что угасает
Надежды милой луч — в свои, природа, руки
Прими вот это сердце в час разлуки,
И новый луч пускай ему сияет.

(1889)

14. К МОЕМУ ФОРТЕПЬЯНО

(Элегия)

Мой давний друг! Расстаться я с тобою
Должна надолго. И тебя мне жаль.
С тобой делилась я своей тоскою,
Тебе вверяла горе и печаль.

Ведь при тебе, о друг мой давний, верный,
Прошло всё детство раннее мое.
Едва коснусь тебя порой вечерней —
Передо мной прошедшее встает!

Встает картина: вот такой же вечер,
Сошлись друзья, и — весела, легка —
На клавишах твоих мотив беспечный
Играет чья-то нежная рука.

Но кто же тихо плачет там, в сторонке?
Чье там рыданье сдержанно звучит?
Своей тоски не превозмочь ребенку,
Душа его от горьких дум болит.

О чем я плакала, о чем рыдала?
Ведь было всё так весело кругом...
Ох, видно, горе я предугадала,
Что тучей встанет на пути моем!

Когда я клавиши перебирала,
Прекрасный мир рождался предо мной,
И мне надежда радугой сияла,
Летел далёко дум крылатый рой...

Надолго расстаемся мы с тобою!
Никто теперь твой не разбудит звук.
Не знаю я, как быть и мне с тоскою...
Прощай, мой давний, мой любимый друг!

15 марта 1890

15. CONTRA SPEM SPERO!¹

Прочь, осенние думы седые!
Нынче время весны золотой.
Неужели года молодые
Беспросветной пройдут чередой?

¹ Без надежды надеюсь! (лат.). — *Ред.*

Нет, я петь и в слезах не устану,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться стану,
Жить хочу! Прочь, печальные, прочь!

Я цветы на морозе посею,
В грустном поле, в убогом краю
Те цветы я горячей своею
И горячей слезой окроплю.

И холодного снега не станет,
Ледяная растает броня,
И цветы зацветут, и настанет
День весны и для — скорбной — меня.

Подымаясь с камнями в гору,
Буду страшные муки терпеть,
Но и в эту тяжелую пору
Буду песню веселую петь.

Всю туманную ночку промаюсь,
Буду в темень глядеть пред собой,
Королевы ночей дожидаясь —
Путеводной звезды голубой.

Да! И в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!

2 мая 1890

16. МОЙ ПУТЬ

Я вышла в путь свой раннею весною
И робко песню тихую запела,
И кто встречался на пути со мною —
Тех сердцем я приветствовала смело:
«Одной недолго сбиться мне с пути,
А вместе будет нам верней идти!»

Иду вперед и песни я слагаю;
В них не ищите мудрых прорицаний —
Я громким голосом не обладаю!
Но если звуки слышу я рыданий,
Я молвлю: «Брат мой, плачу я с тобой!» —
С рыданиями сливаю голос мой.

От разделенных мук не так ведь больно. . .
Когда ж в дороге долгой мне придется
Напев услышать радостный и вольный —
Моя душа, как эхо, отзовется.

Тогда тоской, от всех ее тая,
Не отравлю свободной песни я.

Коль взор я поднимаю к небосводу,
Светил там новых не ищу, тоскуя;
Увидеть *братство, равенство, свободу*
Сквозь пелену тяжелых туч хочу я —
Те золотые три звезды, чей свет
Сияет людям много тысяч лет. . .

И тернии ли встречу я в пути,
Или цветок увижу я душистый,
Удастся ли до цели мне дойти
Иль раньше оборвется путь тернистый, —
Хочу закончить путь — одно в мечтах, —
Как начинала: с песней на устах!

22 мая 1890

17

— A quoi penses tu?
— A l'avenir.

V. Hugo, 93¹

Когда я утомлюсь вседневной жизнью,
Вседневным лихом, что вокруг я вижу,
Тогда я думу посылаю в дали,
В стране мечты мои блуждают взоры.

¹ — О чем ты думаешь?

— О будущем.

В. Гюго. 93-й год (франц.). — *Ред.*

Что вижу я в просторе том далеком?
Я вижу будущее, век грядущий.
Мне представляется: в родном кругу семейном
Старик глубокий поучает внуков,
Правдивые рассказывает сказки
10 О том, что было в старину на свете.
Семья родная деда окружила,
Тут сыновья, и дочери, и внуки;
Одни с великим слушают вниманьем,
Глаза других мечтой сияют тихой,
А самый младший внук сел рядом с дедом
И ловит каждое его движенье
Пытливом взглядом, пылким и блестящим.
Дед говорит торжественно, негромко:
«Да, счастливы, что родились вы, детки,
20 В спокойное, безгорестное время.
Внимаете вы, словно страшной сказке,
Сей повести о давнем диком прошлом,
Да, детки, свет наш вольный, милый
Темницею казался давним людям;
И вправду был он нам тогда темницей:
Нередко был ярмом народ тогда народу,
В оковах слово вольное томилось,
Полчеловечества людьми не звали,
Упорно шел войною брат на брата.
30 Вы знаете, что звали там войною?
Войною звали там братоубийство
Во имя правды, воли, веры, власти;
Кровопролитье звали там геройством,
Повинностью общественной — смиренность,
Патриотизмом — злобу к иноземцам,
А набожностью — ярость фанатизма;
Смерть с голоду там звали нищетою,
Богатством же — награбленные земли,
Любовью к людям — барскую потеху;
40 Невежество там звали простотою,
Ученостью — бесплодное блужданье,
Бездушную расплату — правосудьем,
А своеволие деспотизма — правом.
Спесивым, чванным честь была и слава,
Униженным, обиженным — презренье.
Погиб, наверно бы, народ несчастный,

Когда б угасла маленькая искра
Любви той братской, что в отважных душах
Иных людей всегда горела тихо.
50 Но эта искра тлела, не сгасала,
А возгорелась пламенем великим
И осветила темнотищу ночи.
И в мире царство света утвердилось. . .
Вот так рассказывали старые мне люди,
Я ж не узнал такого лихолетья».
Так говорил старик. Внучонок младший,
Подняв лицо, смотрел светло и ясно,
Уста улыбкой милой трепетали,
Глаза пылали жаждой идеала.
60 И дед увидел и спросил у хлопца:
«Куда, скажи, дитя мое, ты смотришь?
Что видишь ты в просторе необъятном?»
— «Рассказывал ты страшные нам сказки,
Я рад, что не увидел лихолетья;
Но я страну в просторе дивном вижу,
Сияющую светом идеала,
Лучистым светом правды. . . Дед мой милый!
Здесь, на земле, такого рая нету!
Ты хочешь знать, что вижу я в просторе?
70 Я вижу будущее, век грядущий!»

10 июля 1890

18—24. СЕМЬ СТРУН

Посвящается дяде Михайлу

1

DO

(Гимн. *Grave*¹)

Доидет к тебе стон мой, несчастная мать Украина,
Звон первой струны донесется.
И ясно и тихо струна зазвенит над долиной,
И песня из сердца польется.

¹ Торжественно, серьезно (итал.). — *Ред.*

По свету широкому будет та песня скитаться,
С ней будет повсюду в раздолье
Надежда скитаться, чтоб там у людей допытаться,
Где спрятана светлая доля.

И песнь, одинокою птицей по свету летая,
Подруг своих встретит, быть может,
И, быстро взвиваясь, их звонкоголосая стая
Далекие дали встревожит.

За синее море она полетит и за горы,
И, может, среди чистого поля,
Высоко-высоко взлетев в голубые просторы,
Узнает, где спрятана доля.

И, может, заглянет к нам песня с той долей желанной,
Заглянет и в дом наш родимый,
Дойдет до тебя, Украины моей бесталанной,
До матери милой, любимой!

2

RE

РЕвет, гудит погодушка,
Погодушка не пугает, —
Пришла ко мне невзгодушка,
Да за сердце не хватает.

Эй вы, тучи, эй вы, черны!
Моим чарам вы покорны,
Меч волшебный раздобуду,
Воевать и песней буду.

Дожди ваши мельчайшие
Превратятся в жемчуг белый,
Сломаются ярчайшие
Серебристых молний стрелы.

Я ж пушу свою невзгоду
Прочь на ту, на быстру воду,
Я развею свое горе
Вольной песней на просторе.

Ревет, гудит погодушка,
Погодушка не пугает, —
Пришла ко мне невзгодушка,
Да за сердце не хватает.

3

MI

(Колыбельная. Arpeggio¹)

МИлый сыночек мой,
Месяц да ноченька
Смотрят на нас.
Закрой же оченьки, —
Поздний уж час.

Ночью не маешься,
С горем не знаешься,
С тяжкой тоской,
Да повстречаешься
Скоро с бедой.

Горе напрасное!
Доля неясная
Ждет нас, мой свет, —
Злая ль, прекрасная, —
Где же ответ?

Время унылое!
Горе постылое!
Зла не избыть. . .
Дитяtko милое,
Жить — слезы лить!

Стыдно нам более
Гнуться пред долею. . .
Час твой придет
Биться с неволею —
Сон пропадет.

Милый сыночек мой,
Месяц да ноченька
Смотрят на нас.
Закрой же оченьки, —
Будет твой час!

4

ФА

(Сонет)

ФАнтазия! Ты чарами полна,
Ты сотворила мир в пустующем просторе,
Ты свет звезды зажгла в ночном дозоре
И мертвых будишь от немого сна.

Ты указала цель волне, бурлящей в море,
К тебе моя душа обращена:
Фантазия, ты мне сказать должна,
Как облегчить людское злое горе?

Как новый мир из старого воздвигнуть?
Как чувства равнодушному постигнуть?
Как мысль живую в спящий ум вдохнуть?

Как время, что упущено, вернуть?
Как в безнадежности поверить целям ясным?
Фантазия! Скажи, как в мире жить несчастным!

5

SOL

(Rondeau)

СОЛовьиная песнь о весне
Льется в мае, простор наполняя,
Но, с тоской этой песне внимая,
Сердце знает в ночной тишине:

Для других всё цветет в этом мае,
Я ж не вижу весеннего рая,
И звучит эта песнь в вышине,
Словно сказка, ко мне долетая
Во сне! . .

Песни воли в родимой стране,
Я живу, ваш призыв ожидая, —
Но лишь стоны в родной стороне!
Ох, неужто родимого края
Песни вольные слышатся мне —
Во сне?

6

LA

(Nocturno)

ЛАскали вы, ночи, весенней прохладой,
Куда ж вы от нас улетели?
Ужель не звенят, наполняя усладой
В саду соловьиные трели?

О нет, еще рано, ночь только в начале,
И чары ее всё чудесней.
Еще, не смолкая, звучат, как звучали,
Девичьи весенние песни.

Еще легкокрылым туманом витает
Весна голубая над нами,
А в сердце надежда цветет-расцветает
Опять золотыми цветами.

И мысли на крыльях мечты улетают
В страну притаившейся ночи.
Там, вспыхнув, играют, там ярко блистают
Весенние кроткие очи.

Там ясные звезды и тихие розы
Встречаются и расстаются.
Там шепчутся нежно-зеленые лозы,
Там гимны любовные льются.

И розы, и звезды, и темные лозы
Заводят беседы весною —
Про силу весны, про волшебные грозы,
Про вешнее чудо земное.

Я верю в те чары, я верю в ту силу,
Всем сердцем я их ощущаю,
Тебя же, фантазия, вестник их милый,
Сердечным приветом встречаю.

7

SI

(Settina¹)

Сильнее семь струн зазвучат под рукой,
Струна за струной, — я играю,
Чтоб песни летели по краю,
По милой, любимой отчизне родной,
И, может быть, кобза найдется,
На струны, звеня, отзовется, —
На струны мои да на голос глухой.
Быть может, играть будет кобза вольнее,
Чем тихие струны мои,
На вольные звуки свои,
Быть может, найдет она отзвук полнее,
И будет та кобза звучна, —
Но всё ж не сумеет она
Сердечнее струн моих спеть и вернее.

1890

25—28 В ДЕТСКОМ ХОРОВОДЕ

1

На зеленом бугорочке
Вишен белые цветочки.
Хатка там стоит меж вишен,
Словно то ребенок вышел

И глядит с холма далече,
Не идет ли мать навстречу.
Словно мать пришла к ребенку,
Солнце белую хатенку
Ясным светом озарило,
Как дитя, развеселило.

(1885)

2

Лето красное минуло,
Побелело поле;
Дети выглянули в окна —
Кончилось раздолье!
Скучно детям в темной хате.
Спрашивают дети:
«Для чего зима и холод
Есть на белом свете?
Вон всё поле снег засыпал,
Хоть найди из дому!
Знай сиди — гляди в окошко
В комнате знакомой.
В снежном поле замерзают
Бедные цветочки, —
Плачут дети, — не вернуться
Красные денечки».
— «Подождите, скоро теплый
Ветерок повеет,
Снова солнце золотое
Землю отогреет,
И земля зазеленеет
Травами, кустами,
Вновь весна укроет поле
Яркими цветами».

(1884)

3

«Мама, зима у ворот,
Снегом траву покрывает,
Птица в лесу не поет. . .

Мама, за летом вдогонку
Всякая ль птица летает?» —
Слышится голос ребенка.

— Нет, не всякая, — мать отвечает, —
Видишь, быстрая серая птичка
Возле хаты снует — не скучает?
Здесь осталась она, невеличка!

«Что ж она с птицами врозь?
Или не страшен мороз?»

— Не боится мороза она,
Не покинет сторонки родимой,
Не боится зимы нелюбимой,
Ждет, что снова настанет весна.

«Мама! Тех пташек ничем
Не испугать, непослушных,
То ли беспечны совсем, —
Слышишь, чирикают так,
Словно к зиме равнодушны!
Ишь, расчирикались как!»

— Нет у них равнодушья, сыночек,
Птаха малая мечется, ищет,
Где б воды раздобыть хоть глоточек,
Где б под снегом — хоть крошечку пищи.

«Разве ей песня нужна?
Лучше б искала зерна!»

— Песня птице — отрада одна, —
Голодна, а всегда распевает
И сердечко свое потешает —
Ждет, что снова настанет весна.

1891

Тешься, играй, пока детство не минет, —
 Это весна твоих дней.
 В мыслях твоих нет тоски и в помине,
 Грез твоих нету ясней.

Мысли с мечтою чудесною силой
 В дальний подымутся край.
 Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
 Ей улетать не мешай!

Есть незабытая бль-небылица:
 В сказочные времена
 Воду живую, чтоб людям напиться,
 Пташка достала одна.

Ей не страшны были дали, просторы,
 Скалы, моря не страшны.
 Перелетала высокие горы —
 Крылышки были сильны.

Так твоя дума, легко улетая,
 Полная вольной красы,
 Вмиг принесет из волшебного края
 Каплю целебной росы.

Если придут к тебе горе с бедою,
 Станет на сердце темно —
 Этой чудесной живою водою
 Вмиг оживится оно.

Пусть же мечтанье чудесною силой
 В дальний уносится край.
 Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
 Ей улетать не мешай!

1891.

Посвящается Ивану Франко

1

О милая родина! Край мой желанный!
Зачем всё умолкло в тебе, онемело?
Лишь пташка в лесу отзовется несмело,
Предчувствуя бури порыв ураганный,
И снова умолкнет. Как глухо, как тихо!
Ой, лихо!

Ой, где же ты, воля? Звездой неприметной
Зачем не сойдешь ты с дороги воздушной?
Порадовать землю несчастную нужно!
Ты видишь: всё скрыто здесь тьмой беспросветной
И правда бессильна с неправдою в споре.
Ой, горе!

О бедный народ мой! Страдая невинно,
В цепях мои братья почти бездыханны.
Увы, незажившие страшные раны
Горят на груди у тебя, Украина!
Кто тяжкое иго разбить нам поможет?
Ой, боже!

Когда ж это минет? Иль счастья не стало?
Проклятье рукам, онемевшим в бессилье!
Зачем и родиться, чтоб жить, как в могиле?
Уж лучше б смертельною мглою застлало
Печальные очи, чем жить нам в позоре!
Ой, горе!

2

В слезах я стою пред тобой, Украина...
О, горе мое! Для чего эта мука?
Чем может помочь тебе тяжкая эта кручина?
Она — небольшая услуга!

Ой, слезы, они мне всю душу спалили,
Следы огневые оставили с детства,
Те горькие жалобы сердце мое сокрушили!
И нет от страдания средства.

А мало ль нас плачет такими слезами?
Как можем мы, дети, утешиться снова,
Коль мать и в нужде и в неволе горюет
Где ж тут раздобыть нам веселое слово?
над нами?

Молва говорит о слезах материнских,
Что будто каменья они прожигают:
Неужто кровавые слезы детей украинских
Бесследно, упав, исчезают?

3

Все наши слезы мукой огневою
Падут на сердце — сердце запылает...
Пускай пылает, не дает покоя,
Пока душа себя перевозмогает.

Когда ж не хватит силы, если мука
Ударит в сердце бешеным ударом,
Тогда душа воспрянет от недуга
И ото сна пробудится недаром.

Она размечет все свои преграды,
Она заснуть, как прежде, не сумеет,
Она бороться будет без пощады,
Она погибнет или одолеет.

Победа или славная могила —
Одно из двух перед душой предстанет...
Какой бы путь нам жизнь ни присудила —
Восстанем мы, когда душа восстанет.

Так будем плакать, братья! Знать, бесчестье
Еще душа, томясь, перевозмогает:
Пусть сердце рвется, требуя возмездья,
Пусть не дает покоя, пусть пылает!

(1891)

Посвящается брату Михайлу

1

НЕПОГОДА

В темный вечер сижу у окна я.
Свищет буря средь Черного моря...
Гомон, стон. Чаек носится стая,
Бьются волны и плачут от горя.

Там, у берега, выставил ребра
Челн рыбацкий, разбитый волнами,
Словно зверь, что в пустыне недоброй
Весь засыпан сухими песками.

О спасении челн умоляет,
К небу ребра простер, несчастливый.
А из тьмы на него набегают
В злобной ярости вал белогривый.

Как из пушки ударит он крепко,
И по берегу гул пробегает.
Хочет челн разломить он, как щепку,
Давит, плющит, песком засыпает.

И совсем словно челн тот несчастный,
Занесенный песками морскими,
Этот край несказанно прекрасный
Умирает в плену меж чужими.

Конь, что вольными вскормлен степями,
Здесь, в пустынных местах, пропадает,
Закружил его ветер песками,
Он, в бессилье упав, умирает.

Всё же сердце живое в нем бьется,
Кровь еще не застыла живая,
А над ним уже кружится, вьется
Жадных хищников черная стая.

Рвет на части его озверело,
С диким криком, со злобным урчаньем,
И трепещет кровавое тело,
Расставаясь с последним дыханьем.

Море, силою, ярости полной,
Развернись неудержно и властно,
Подними свои буйные волны,
Затопи этот берег несчастный!

1891
Евпатория

2

БАХЧИСАРАЙ

Как зачарованный стоит Бахчисарай.
Сияет месяц золотистым светом,
Белеют стены в дивном блеске этом.
Уснул весь город, как волшебный край.

Серебряным деревьям, минаретам,
Как часовым, доверен сонный рай;
Среди кустов таинственным приветом
Плеснет фонтан во мраке невзначай.

Природа дышит сладостным покоем.
Над сонной тишью легкокрылым роем
Витают древние мечты и сны.

И тополя, вершинами кивая,
Неторопливо шепчут, вспоминая
Седые были давней старины. . .

3

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Хоть не разрушен он, во всех углах сурово
Таится пустота, ушедшие года.
Как будто только что промчалась тут беда,
Сметая грозной бурей след былого.

Фонтан чуть слышное в саду лепечет слово,
По камню медленно журчит, бежит вода,
Роняет капли слез, не молкнет никогда.
То плачет сам дворец средь сумрака дневного.

Жилище ханских жен — развалины одни.
Вон башня и сады, где в те былые дни
Гарема пленницы красу свою губили.

Здесь сила грубая с неволею царили.
Но сила умерла, погребена в руинах,
Неволя ж властвует и до сих пор в долинах.

4

БАХЧИСАРАЙСКАЯ ГРОБНИЦА

Бросает солнце стрелы без пощады,
На кладбище, где мирно опочили
Под камнями тяжелыми, в могиле,
Сыны аллаха, ждущие награды.

Ни дерева, ни розы, ни ограды. . .
Как страж, лишенный тени и прохлады,
Стоит гробница. Те, кто в ней почили,
Навеки имя под плитою скрыли.

Чужих краев певцы здесь побывали
И тени милой пленницы искали,
Но призрак здесь иной встает кроваво.

Нет, тут не отыскать красы гарема,
Марии грустной, пламенной Заремы.
Бахчисарая здесь почила слава.

5

ДОМИК НАДСОНА В ЯЛТЕ

Сумрачный дом. В этом крае далеко,
В зелени гор и приволье широком
Места веселого ты не нашел,
Скорбный поэт! Умирать одиноко
В сумрачный дом ты пришел.

Здесь не увидишь простора морского,
Шума совсем не слышать городского,
Стонут лишь мрачные сосны вокруг,
Эхо в горах повторяет сурово
 Каждый родившийся звук.

Стали в саду кипарисы стеною,
Оберегая жилище немое.
Лавры, как будто их сушит тоска,
Тихо поникли своей головою,
 Свежего ждут ветерка.

Около дома полно всё печали.
Грустную комнату мне показали,
Ту, где несчастный поэт умирал. . .
Всё, что убрать было можно, убрали —
 Скорби никто не убрал.

Темные окна — как очи слепые,
Комнаты бедные и неживые,
Зеркало тускло блестит на стене.
Только в него я взглянула впервые —
 Дрогнуло сердце во мне.

Здесь ведь навеки «огни догорели»,
Здесь ведь навеки «цветы облетели»,
Здесь только муза витает одна,
Что наклонялась у смертной постели,
 Горькой печали полна.

Умер поэт на чужбине далекой. . .
Дома, на севере, злобой жестокой
Было отравлено сердце его.
Муза витает в доме одиноко,
 Друга зовет своего.

(1892)

Кривидо моти мени руду звитанна,
Побестанно з не мана з. ауро....

Днеснакни ароматно деме
Кид сий предудно мене,-
Дочитани оми забитанни!

Дочитани оми переманни, урори
Спрогизану темпроду мори.
Уфе сондрани аромати ендра,
Дочитани оми все коритан
Ако обитанни из енде родои.

Кеавад, ето орудни, в коро дукане релван!
Бодана дуд прани мастанна!
Не биса дочитаннои мени,-
Дочитанни' оми ганани,
Ако мие горд не заграва.

37. ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ОГНИ

Глубокая ночь изнемогших в бессилье
Под черные спрятала крылья.
Повсюду погасли огни;
Все спят в этой черной тени,
Всех властная ночь покорила.

Кто спит, кто не спит — покорись темной силе!
Блажен, кого сны посетили!
Тем снам не витать надо мной...
Вокруг всё окутано тьмой,
Вокруг всё молчит, как в могиле.

Дурные виденья мне душу терзали,
Казалось — не встать от печали...
Вдруг, ясным сияньем маня,
Лучи разбудили меня, —
Огни вдалеке заблестали!

Огни предрассветные, солнце пророка,
Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря —
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

Вставайте, живые, в ком дума восстала!
Пора для работы настала!
Гони предрассветную сонь,
Зажги предрассветный огонь,
Покуда заря не взыграла.

1892

38—49. МЕЛОДИИ

1

Ночь была и тиха и темна.
Я стояла, о друг мой, с тобою,
На тебя я глядела с тоскою.
Ночь была и тиха и темна...

Ветер замер печально в саду.
Пел ты песню, я молча сидела,
Песня в сердце тихонько звенела
Ветер замер печально в саду...

Вдалеке полыхнула зарница.
Что-то дрогнуло в сердце моем!
Словно острым пронзило ножом.
Вдалеке полыхнула зарница...

1893 или 1894

2

Этой песни не пойте, не надо,
Не терзайте мне сердце, друзья!
Тихо дремлет печаль в моем сердце,
Не тревожьте ее забытья.

Не узнать вам, о чем я мечтаю,
Молчалива, бледна, в тишине.
Так же горестно, так же глубоко
Эта песня рыдает во мне.

1893 или 1894

3

Горит мое сердце — горячая искра
Печали зажглась, опалила меня.
Так что ж я не плачу, так что же слезами
Залить не спешу ее злого огня?

Душа моя плачет в тоске неизбывной,
Но слезы не льются потоком живым,
До глаз не доходят горючие слезы,
Печаль осушает их зноем своим.

Хотела бы выйти я в чистое поле,
К земле припадая, прижаться бы к ней
И так зарыдать, чтоб услышали звезды,
Чтоб мир ужаснулся печали моей.

1893 или 1894

Вновь весна, и вновь надежды
 В бедном сердце оживают,
 Снова зыбкие мечтанья
 Сны о счастье навевают.

О весна! Мечты-подруги!
 Сны, что вечно живы!
 Я люблю вас, хоть и знаю,
 Как мне неверны вы!..

1893 или 1894

Гляжу я на ясные звезды,
 И смутно в душе у меня,
 Смеются бесстрастные звезды,
 Немыми лучами маня.

Вы, звезды, бесстрастные звезды,
 Не те вы сегодня, не те,
 Что сладкую лили отраву,
 Моей отвечая мечте.

1893 или 1894

Стояла я и слушала весну.
 О, как она мне много говорила,
 То пела песню звонкую одну,
 То мне тихонько-тихо ворожила.

Она мне напевала про любовь,
 Про молодость, про радость и печали,
 Она мне всё перепевала вновь,
 Что мне мечты давно уж рассказали.

1893 или 1894

Я песнею стать бы хотела
 В тот миг, что сияет светло,
 Чтоб вольная песня взлетела,
 Чтоб эхо ее разнесло.

Под самые звезды бы взвиться
 Напевам звенящим моим,
 На волны бы им опуститься
 И слиться с простором морским,

Пускай бы звенели мечтанья
 И счастья заветного сны —
 Яснее, чем звезд трепетанье,
 Звучнее, чем рокот волны.

1893 или 1894

ПОБЕДА

Долго я не могла покориться весне,
 Долго слышать ее не хотела,
 Понапрасну она улыбалась мне,
 И звала, и сияла, и пела.

«Не зови ты меня, — говорила я ей, —
 Не поддамся чарующей силе!
 Что теперь мне, скажи, до улыбки твоей.
 Если в сердце темно, как в могиле?»

А весна отвечала: «Послушай, взгляни, —
 Всё моей покоряется воле:
 Лес давно позабыл про холодные дни,
 И цветами усеяно поле;

В небе вешнем грохочет раскатами гром,
 Туча стрелами молний искрится,
 И земля, покрываясь зеленым ковром,
 Покоряется мне, как царице.

Пусть же темное сердце твое оживет
И на песню мою отзовется.
На нее отзывается всё, что живет,
А ведь сердце твое еще бьется!»

Но шепчу я упорно: «Не верю весне!»
Только тщетным неверие было —
Всколыхнулись и слезы и песни во мне...
О весна! Ты меня победила!

14 мая 1893

9

МУЗЕ

Слети ко мне волшебницею милой,
Зарей румяной вспыхни надо мною,
Пусть луч твой светлый на меня падет,
Меня враждебная вновь одолела сила,
Я вновь побеждена, нет больше сил для боя,
Но я не жалуясь, я знала — это ждет.
Спокойна я и не хочу сражаться,
В моей душе иные есть желанья:
Хочу я в мире только мыслью жить,
Хочу твоей беседой наслаждаться
И на своем челе твое сиянье
Хотя б на миг короткий ощутить.

13 января 1894

10

Эта тихая ночь-чаровница
Покрывалом спокойным, широким
Распростерлась над сонным селом.
В небесах просыпалась зарница,
Будто в озере тихом, глубоком
Лебедь всплескивал белым крылом.

С каждым всплеском тех крыл лебединых
Сердце билось, в тоске сиротело,
Замирало в тяжелой борьбе.

Истомил меня злой поединок,
И мне песню пропеть захотелось —
Лебединую песню себе.

1893 или 1894

11

ДАВНЯЯ ВЕСНА

Была весна веселой, щедрой, милой,
Лучом играла, рассыпала цвет,
Она летела с быстротой стокрылой,
И птицы певчие за нею вслед.

Всё ожило, и всё вокруг запело —
Зеленый шум, — и звуков даль полна.
Заговорило всё и зазвенело,
А я лежала, — я была больна.

Я думала: «Весна для всех настала,
И всем подарки принесла она,
Лишь для меня подарка не достала,
Меня забыла светлая весна».

Нет, не забыла! Ветви протянула
Мне яблоня, склоняясь над окном,
Листочками зелеными качнула
И лепестки рассыпала кругом.

Ворвался ветер, и в жилище тесном
Про волю он весеннюю запел,
И вслед за ним примчались птичьи песни,
И милый отзвук леса прилетел.

Моя душа вовеки не забудет
Подарка, что весна мне принесла,
Весны такой уж никогда не будет,
Как та, что за окном тогда цвела.

1894

В ненастную тучу кручина моя собралась.
 Огнями-зарницами грусть моя в ней разгулялась,
 Ударила молнией в сердце,

И крупным дождем полились мои слезы.
 Промчалась та непогодь-буря грозой надо мною,
 Но всё ж не сломила меня и к земле не пригнула.

Я гордо чело подняла,
 И взором, омытым слезами, теперь я взглянула яснее,
 И в сердце моем зазвучали победные песни.

Весенняя сила в душе заиграла,
 Ее не сломили морозы суровой зимы,
 Ее не пригнуло туманом тяжелым к земле,
 Ее не разбила весны перелетная буря.

Пускай собираются новые грозные тучи,
 Пускай угрожают мне огненным, острым

оружьем, —

Я выйду одна против бури
 И стану — померяем силу!

1893 или 1894

50. НА МОТИВ ИЗ МИЦКЕВИЧА

...I znowu sobie zadaję pytanie:
 Czy to jest przyjaźń, czy to jest kochanie?

A. Mickiewicz ¹

О нет, я тебя не люблю. И женой твоей стать
 не мечтаю,

И о поцелуях твоих ни сон не твердит мне, ни бред,
 И в мыслях тебя никогда любимым я не называю.
 Себя вопрошаю: люблю ли? И так отвечаю я: нет...

Но только я сяду с тобой — и сердце как птица
 забьется,

Гляжу на тебя — от лица отвести не могу я очей,
 Когда же с тобой расстанусь, в душе у меня остается
 Твой образ, совсем как живой, и каждое слово речей.

¹ И снова себе задаю я вопрос: дружба ли это, или любовь?
 А. Мицкевич (польск.). — *Ред.*

Как много я в мыслях веду бесед с тобой мудрых
и милых,
Сияет мне, словно заря, очей опечаленных свет...
Ох, друг мой, не знаю, не знаю, сказать и сама я
не в силах,
Когда б ты спросил меня: любишь? — ответила б я тебе:
нет?

1893 или 1894

51

Раз вы затронули вопросы эти
О боге и о жизни на том свете, —
Я тоже мнение выскажу свое,
Отнюдь не так, как этот немец, важно,
Но, думаю, не менее отважно.

Сегодня я не буду говорить
Про Зевса, Одина, про Брамму, Иегову, —
Они скончались, их не оживить,
Век разговора требует иного —
Нам говорить бы надо: бог деистов,
Бог скептиков и бог детерминистов.
Но что же бог деистов скажет сердцу?
Я супа не люблю без соли и без перца.
А имя бога скептиков: «Не знаю», —
Такого я и богом не считаю.
Детерминисты мир построили так строго,
Что не осталось места в нем для бога.

Все трое — ни к чему, создать иного трудно,
Да и писать на эту тему нудно,
К тому ж у нас свободы слишком мало,
И без богов начальства много стало...

Теперь вопрос другой. Почтенный друг,
Поверьте слову: мне совсем не нужно
Посмертной жизни — радостей иль мук, —
И к ним я более чем равнодушна.
Загадочное «там» нас привлекать не может,
«Мир спиритизма» — упаси нас, боже!

В ад угодить, быть может, интересно,
Но он уже достаточно чудесно
Описан Дантом. И — замечу рядом —
Я всё же знаю, что зовется адом.

Попасть же в рай (надежда ль есть такая?) —
Там нет печали, горя, нет и счастья,
Но нет любви, сердечного участия —
Такого рая я не понимаю.

Ведь, кроме набожной, там нет литературы,
Я ж артистической, как знаете, натуры;
Поэзия, что сплошь религиозна,
Как всё, что чересчур тенденциозно,
Мне слуха ни одним не радует стихом,
Как вирши вашего ученейшего мужа.

(Мои покажутся вам много хуже) —
Закончить можно, думаю, на том.

1894

52. ПРОРОЧЕСКИЙ СОН ПАТРИОТА

(Посвящение редактору «Буковины»)

Что за диво новое, за чудо! . .
Пред зарей в святое воскресенье
Сон мне удивительный приснился, —
Будто бы я очутился в Риме,
Там я видел Колизей и Форум,
Капитолий со скалой Тарпейской,
С чьей вершины римляне когда-то
Сталкивали честных патриотов.
Только мне не нравилось всё это.
Тем, кто верен Святоюрским башням,
Древнерусским Золотым воротам, —
Что им эти Колизей и Форум,
Капителий со скалой Тарпейской?
Что нам эти цезари, герои?
И у нас князья бывали тоже!
А затем я Ватикан увидел
И отца святого в Ватикане.

Но и это, господа, не чудо,
Ибо даже и во сне позорно,
В Риме будучи, не видеть папы!
Выше всех пурпурных кардиналов
Восседал он в белоснежных ризах.
А внизу, на бархатной подушке,
Красовалась туфля золотая.
Верные католики всех наций,
Ползая смиренно у престола,
Лобызали золотую туфлю.
Вот и я пополз за ними следом —
Чтоб русину быть не хуже прочих!
Трижды вещь облобызав святую
(Так как был святейший в юбке),
Я на лик его святейший глянул
И окаменел от удивленья —
Хоть во сне ничто не удивляет.
Это было истинное диво:
Галицкое я узрел обличье
Под святою римскою тиарой!
Боже мой! Да ведь его так часто
В львовской семинарии встречал я!
Он узнал меня и так мне молвил:
«Возвратись теперь в свою отчизну,
Поспеш к ней с вестью благодатной,
Что любой русин отныне может
Волей бога быть всегда безгрешным,
Только б всем властям повиновался, —
«Несть бо власти, аще не от бога».
(Тут я неприметно улыбнулся:
Этому б он мог и не учить нас!)
Кто же прямо в рай попасть желает
И сиять, как мученик, в венце там, —
Весь комплект он «Русского Сиона»
Прочитать внимательнейше должен.
(Здесь — не знаю, признаваться ль, братья, —
У меня легонько сжалось сердце.)
Сверх того даю завет я верным —
Всем в поход отправиться крестовый
Против жалких, робких, малодушных.
Сеятелей вражеских влияний .
Нужно уничтожить без пардону, —

Будет вам за это рай на небе,
На земле ж — сие покуда тайна...»
Тут пластом я лег перед престолом,
Чтобы молвить нечто, но проснулся
И воскликнул голосом громовым:
«Гей, вперед, вы, галицкие братья, —
Пусть погибнем все мы, только надо
Своего иметь нам кардинала!
А уж сам добьется он престола».
Знать, не зря мне этот сон приснился —
Ведь моя говаривала бабка
(Воплощенье мудрости народной):
Сон, что снится в воскресенье утром,
Никогда впустую не бывает.

(1895)

53—66. НЕВОЛЬНИЧЬИ ПЕСНИ

Свободной Мысли вечная Душа —
Всего светлее ты в тюрьме, Свобода:
Там лучшие сердца всего народа
Тебя хранят, одной тобой дыша.

1

МАТЬ-НЕВОЛЬНИЦА

Был ясный и веселый день весенний,
К нам в комнату, в распахнутые окна,
Врывался шум потоков говорливых,
Что вниз бежали улицей нагорной,
И ветерок влетал, и, как ребенок,
Бросал он на пол со стола бумаги.
А вслед за ним влетала стая звуков,
Та песня города, что всем знакома,
Но в ней уже иные были ноты,
Весенние... Они звучали не для нас,
И не было веселья в нашем сердце,
А та весна, что за окном смеялась,
Нам принесла нерадостные слухи
И новости тюремные: в неволе
Сидит один, а тот сошел с ума,

А тот недавно вышел, но большой
Душой и телом, — был он арестован
Как раз в расцвете сил, надежд, мечтаний;
Над нами тоже тучей грозовою
Нависли темные угрозы власти.
Такой была для нас в тот год весна.

Сидели мы вдвоем и говорили;
Я с грустью слушала рассказ своей подруги
И бахромку рассеянно сплетала
На скатерти (подруге эту скатерть
В остроге мать когда-то вышивала).
Рассказ тот был отрывистым и тихим,
А голос от печали приглушенным;
Он скоро оборвался, как струна.
Всё стихло в комнате, лишь было слышно,
Как в ней играл малыш моей подруги
И маленьким похлестывал кнутом,
На стуле сидя — трогаясь в дорогу.
Я, глядя на него, тогда сказала:
«Ну, что же делать? Не печальтесь, друг мой,
Что, может, мы свободы не увидим,
Зато ребенок ваш ее увидит.
Что скажешь мне ты, маленький философ?»

Ребенок на меня взглянул разумно
И ясно любопытными глазами,
А мать его сказала торопливо:
«Молчите, пусть он этого не знает.
Мне помнится, еще ребенком часто
Я слышала от матери покойной:
«Как вырастешь, свободной будешь, дочка».
Она так весело и твердо говорила,
Что я поверила тогда в судьбу иную,
И верила, пока не подросла...
Так говорят и моему ребенку...
Иди играй, мой маленький, иди же!»
Ребенок вновь к игре своей вернулся,
Подруга села шить, а я — за книжку,
Наш разговор на этом был окончен...

И все-таки к тебе лишь мысль стремится,
Край горемычный, сторона родная!

Тебя лишь вспоминая,
От скорби сердце ноет и томится.
Мои глаза видали лишь насилье
И горе, но такого не видали.
Они б над ним рыдали,
Да стыдно слез, что льются от бессилья.

Моя земля их много проливала —
В них вся страна могла бы захлебнуться.
Довольно! Пусть не льются, —
Что слезы там, где даже крови мало?!

1895

ВРАГАМ

(Отрывок)

... Уж те глаза, что издавна привыкли
Взор потуплять и тихо слезы лить,
Сверкают молниями, искры мечут, —
Ужель их дикий блеск вас не пугает?
И та рука, не знавшая оружия,
Что так была доверчиво открыта,
Искала только дружеской руки,
Теперь в кулак сжимается от злости.
Ужель вам эти не страшны угрозы?
Уста, что сладко пели, что так нежно
Слова твердили кротких, тихих жалоб,
Теперь шипят от ярости, и голос
Охрипший их похож на свист гадюки.
Что, если жалом станет их язык? ..

1895

ПОЛНОЧНЫЕ ДУМЫ

Полно отныне! Ни жалоб, ни плача,
 Ни на судьбу нареканий, — конец!
 Слезы ль нахлынут волною горячей —
 Я их сдержу. Понесу тот венец,
 Что на себя возложила сама я.

Доля слепая, довольно мне власти твоей,
 Жизни поводья теперь у тебя отнимая,
 Буду сама пробираться дорогой своей!
 Думы-мечтанья, отныне прощаюсь я с вами,
 Ласково я размыкаю кольцо ваших рук,
 Долго печальными стану следить я глазами
 Вдаль отлетающий рой легкокрылых подруг.

.
 Вот и пропали, и след их туман застигает. . .

Только исчезли, как снова уже над челом
 Реют широкие крылья, пожаром пылают, —
 Новая мысль надо мною кружится орлом.
 Я зачарованно слушаю голос нездешний:
 «Будешь дотоле зарницею брезжить во тьме,
 Край твой печальный доколе зарей не осветится
 вешней, —

Нужно дорогу искать для идущих в тяжелом ярме.
 Глянут живущие в этой огромной темнице,
 Скажут: „Вот в нашем краю наступила весна, —
 В небе крылами жар-птицы блистают зарницы,
 Скоро рассвет загорится, хоть ночь и темна“».

Новая дума! Твой пламень и голос твой строгий
 Манят меня, я пойду за сияньем живым
 Через просторы, тернистою, дикой дорогой,
 Так, как скитальцы пошли за столбом огненным.
 Знаю, куда ты меня поведешь за собою, —
 Там беспощадно лютует во зле неусыпном война,
 Люди там гибнут на поле жестокого боя,
 Кровь там не льется — там тайная гибель страшна.
 Кличешь? Иду! Для тебя всё на свете покину,
 Снова вернусь в горемычный, печальный тот край,
 Где я в неволе погибну в лихую годину.
 Новая дума, с тобою и там будет рай!

1895

ТОВАРИЩАМ

Как позабыть в далекой стороне
 Дом неродной, что ближе был родного,
 Где часто приходилось слышать мне
 Всей правды обжигающее слово.

Суровые вопросы там впервые
 Передо мной вставали без прикрас;
 Там говорили мне борцы передовые:
 «Довольно нам, надеемся на вас.
 Приходит ваш черед — безвестной молодежи...
 Да только кто вы, где? Скорей ответьте нам!
 Ужели голоса, что так на плач похожи,
 Принадлежат не слабым детям — вам?
 Вы, может быть, на вызовы событий
 На все хотите дать один ответ, —
 Стонать, и плакать, и мечтать хотите,
 А сил у вас для твердых действий нет?

Быть может, так? ..» Упреки принимая,
 Как у позорного столба, тогда
 Стояла я, безмолвная, немая,
 Не зная, что ответить от стыда...

Зачем молчите вы? Довольны ли собою,
 И горькие слова не будят вас, не жгут?
 Или раздавлены унылою судьбою?
 Или пути иные вас влекут?

Утешьте стариков. Пускай укажут дело,
 Что можем мы идти их боевым путем.
 А если нет, тогда не бойтесь прямо, смело
 Сказать седым бойцам: «Не ждите, не придем».

1895

ПОЭТ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ

Грешно в годину слез и горя
Красу луны, небес и моря
И ласки милой воспевать.

(Девиз «тенденциозных»)

Тревога владычит в стенах городских,
Враги, как туман, навалились на них,
И голод грозит костью рукою,
И нет от лазутчиков вражьих покою.
Собрание собранью приходит на смену,
Но ссоры повсюду царят непременно,
Раздоры и крики: измена! измена!
Здесь время, как в тяжелой болезни, плывет,
Но город не умер, еще он живет.
Вот в церкви чету молодую венчают,
Вот мать ненаглядного сына качает,
И муж говорит своей юной жене:
«Идем рука об руку, голову выше!
А если погибнуть придется и мне,
Любимую рядом с собою увижу».
«Спи, дитяtko, — мать обращается к сыну,
Рожденному в эту лихую годину. —
Не будешь ты горя и голода знать,
Покуда на свете живет твоя мать».

Идет на свидание храбрый солдат,
От долгого боя усталый,
Глаза его милой счастливо глядят:
«Грустить казаку не пристало!»

«Проститься пришел, дорогая, с тобой,
Мы все, как один, отправляемся в бой,
Нашествия злого сносить не могу,
Скорее погибну, чем сдамся врагу.
А в поле милее, чем здесь, погибать.
Тебя только, звездочка, жаль покидать».
Из рук своей милой ружье он берет,
И ясную саблю она подает.
Целует она его, счастья желает
И, как на свидание, в бой отправляет:

«Пусть наша звезда тебя, милый, ведет!»
И милый на смерть, не колеблясь, идет.
У стен крепостных изнывает влюбленный,
Отвергнутый милой своей непреклонной:
«Мне худшего в жизни не выдалось дня!
Моя чаровница не любит меня!
Двойное отчаянье, гибель двойная,
Но как мне размыкать тоску, я не знаю!»
Вот песня с высокой стены полилась,
Над нею бессильна и гибели власть.
Стоит на стене песнопевец бесстрашный
И не прерывает он песни отважной.
Он шутит с бедой, над врагами острит,
И меткое слово стрелой летит.
И песня летит на широкий простор,
На площади слышно ее и в застолье.
Вот толпы ее подхватили, как хор.
И видит певец в неоглядном раздолье —
И небо, и море, и весь окоем.
И хочет он людям пропеть обо всем.
Весь мир отражается в песне, как в море:
И бледность звезды, и багряная кровь,
И черная злоба, и свет, и любовь,
И пламень пожара, и тихие зори.
Та песня, как море, в движенье всегда,
 То скалы срывает,
 То нежно взывает,
Как будто бурлит ключевая вода.
Все слушают песню — и смелый и трус.
Несчастный влюбленный уныло внимает,
И муж, наклонившись к жене, напевает.
И радостно это избраннику муз.
Без лавров нельзя. Ведь при солнечном свете
В толпе, меж людей, все поэты как дети,
Им застит глаза громогласная слава,
Которой не сыщешь и в битве кровавой.
Поверив в нее, и терновый венец
Принять не откажется юный певец.
Вот вечер прошел, вот и ночь наступила, —
И город и лагерь враждебный укрыла.
И очи небесные нежно глядят
На то, как войска утомленные спят.

Все спят, даже стражи... Везде тишина,
Знать, долгая ночь безгранично сильна —
Пред нею склоняются все под конец,
Но не подчинился певец.
Быть может, сиянье луны золотой
Мечты разбудило в груди молодой —
Им в сердце взволнованном тесно!
И быстро, как искры летят из огня,
Как хлещет со скал водопадов струя,
Летят громогласные песни.
И льются они, и не жаждут венка,
Летят они, лавров не просят.
И северный ветер несет их в века,
Под ясные звезды уносит.
Звенит в них веселье, рыданье и горе,
Шумит в них мечтаний и помыслов море!
Вокруг них отчаянья хаос зияет,
Но радуга счастья на небе сияет.
Не знает поэт, кто услышит его,
Не может он сердца сдержать своего.
Поет серенаду звезде своей ясной,
И музе, и ночи, и доле опасной —
Судьбе, что пред ним предстает...
И песня чарует врагов обозленных
И будит на стенах солдат утомленных,
Заснуть до зари не дает.

12 апреля 1896

7

ДРУГУ НА ПАМЯТЬ

Кто знает, милый друг, как скоро доведется
К беседам нашим возвратиться нам.
Пока от них еще так сердце бьется,
Я мысли грустные спешу доверить вам.

Припомнить прошлое — так иногда бывает —
Вы пожелаете когда-нибудь.
Ваш взгляд рассеянный мои стихи узнает,
И прихоть вам придет в них заглянуть.

Вы лето вспомните, и сад, и звезд паденье,
Высокое крыльцо, ночной наш разговор,
И наше пение, а в заключенье
Отрывистый, горячий, пылкий спор.

Признаться не боюсь, что вспомнить вам
случится

Жестокой ненависти ярый пыл.
Что ж! — ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил!

Когда вы вспомните, какие муки
Борцам за правду принесли враги, —
Так неужели не сожмутся руки
От жажды мщенья в кулаки?

Нет, одного боюсь, — смирится, к сожаленью,
Душа невольничья, и мстить не станет раб.
Когда б не угасала воля к мщенью,
Тогда счастливей жизнь у нас была б!

Голубки кротость, взор лучистый, ясный,
Патриция покой к лицу ли крепостным?
Бар вразумить не сможет раб несчастный
Словами — красноречием своим.

Так, мы — рабы, рабов печальней нету!
Феллахи, парии куда счастливей нас, —
В них разум не развит, их мысль не рвется
к свету,
А в нас огонь титана не погас.

Мы — парализованные с горящими глазами,
Наш дух могуч, но плотью мы слабы,
Хоть крылья гордые за нашими плечами,
Но мы к земле прижаты, как рабы.

Мы собственного не имеем дома,
У нас открыто всё тюремным сторожам:
И нам, оборванным и жалким, незнакома
Святая заповедь: «Мой дом — мой храм!»

У нас наука — клад, но он зарыт глубоко,
Дар — крепостной актер в театре у господ,
Смеется, шутит раб, душой скорбя жестоко,
Чтоб барский гнев смягчить, поклоны бьет.

Религия у нас известна темной славой:
Невежество и гнет жрецов Египта в ней.
Устав тюремный — вот с чем схоже наше право,
Связь родственная — нитки не прочней.

Народ наш как дитя, слепое от рожденья,
И солнца никогда он не видал,
Он для врага в огонь готов без рассужденья,
Своих вождей он палачам отдал.

Отвага наша — меч, он залит кровью,
Давно заржавевший, бряцает в ножнах он.
Так кем же, увлекаемым любовью,
Он может быть достойно обнажен?

Мы носим имена невольников продажных,
Не знающих стыда — пускай и так! —
Но как же называть воителей отважных,
Которых собирал в свои войска Спартак?..

Позорно мучиться и гибнуть молчаливо,
Когда в руках у нас, хоть ржавый, всё же
меч, —
Нет, лучше уж врагу отпор дать горделиво,
Да так, чтоб голова слетела с плеч!

17 июля 1896

8

ГРЕШНИЦА

Давно когда-то в дальней стороне
Была война, страшна и необычна,
И называлась белою войною.
Без боевых сигналов, без знамен,
Без громких выстрелов, без музыки военной,
Она лихим поветрием казалась,
Что прилетает на совиных крыльях.

И за солдатом погибал солдат,
Полки, как волны в море, исчезали.
В ночи на поединок выходили
И прятали за пазухой знамена,
И в темноте густой никто не видел,
Как светлое оружие сверкало,
Как падал наземь кто-то из бойцов
И как враги его закапывали в яму,
Порой еще живого. И когда
Начальство по утрам солдат считало,
Недоставало многих, самых лучших;
Но где они легли, никто не знал.
Тогда петлею больше воевали,
Оковами, отравой, подкопом,
Измена знаком боевым была.
Порою только огневой снаряд
Тишь гробовую разрывал внезапно
И ранил всех осколками своими.
Раз ночью девушка на битву вышла
(Тогда шли в битву женщины, мужчины,
И даже дети не сидели дома).
Она пришла с оружием: в руках
Был острый заступ, а в кармане бомба,
Набитая составом разрывным.
И девушка, идя, шептала тихо,
А на губах была усмешка злая:
«Ой, подкопаю вражье я гнездо!
Взлетят они высоко, будто птицы!»
Вот к темной подошла она стене
Высокого строенья. Притаилась.
Сторожевой патруль переждала
И начала копать упрямо, быстро...
До половины подкопала стену,
И бомбу разрывную подложила,
Проворно добыла огонь, и запылила
У бомбы трут, и поспешила к дому
С надеждой страшною, когда внезапно,
Как гром, ударив, бомба разорвала
До срока стену, острые каменья
Посыпались поблизости, как град.
И вот один тяжелый острый камень

Ударил девушку; подкошенной она
Упала, как цветок, подбитый градом.
И тут внезапно налетел патруль,
Пустились в поиски и подняли тревогу,
И девушку нашли. «Мертва иль без сознания?» —
Кричали воины. «Несите в лазарет! —
Распорядился старший. — Пусть там лечат
Ее монахини, а после будет суд».
И девушку тотчас же отнесли в больницу,
И приняли ее там сестры милосердия —
Здесь принимали всех. Ее препоручили
Монахине, молоденькой сестрице.
Лежала целый день без памяти она,
Под вечер лишь вернулось к ней сознание;
Открыв глаза, по сторонам взглянула.
Под белым сводом образ и лампада,
И белая постель, и бледный облик
Монахини, похожей на икону.

Б о л ь н а я

Где я и кто ты?

М о н а х и н я

Мир тебе, сестра!

Здесь божие жилище, ты в больнице,

А я твоя сестра, тебе служу.

Хвала всевышнему: к тебе вернулась память.

Б о л ь н а я

Ты слышала, что было этой ночью?

М о н а х и н я

Пусть бог простит того, кто это сделал.

Б о л ь н а я

Я...

М о н а х и н я

О, ты, сестра?.. Ты каешься, наверно!

Б о л ь н а я

Нет, каяться мне было бы грешно!

Скажи, ведь знаешь ты наверно, в замке

Погибли все? Или остался кто?

М о н а х и н я

Нет, миловал господь. Одна лишь башня
Упала. Никого там не было в то время.

Б о л ь н а я

О, что ты молвишь?!

(Зарыдала.)

М о н а х и н я

Утешься, бедная сестра, и лучше
Ты помолись со мною вместе богу,
Благодари, что помешал содеять зло,
Проси, чтоб мир твоей душе послал он,
Чтоб в сердце возвратил забытую любовь,
Слезами смой пятно ты это злое,
Что положил твой умысел коварный;
Простил бы только судия небесный,
А суд земной для праведных — ничто.

Б о л ь н а я

Ты думаешь, что суд меня пугает?
Конечно, быть среди гадюк противно,
Да я их не боюсь, суд для меня не страшен.
Небесный иль земной — не всё ли мне равно,
И ад и рай мне тоже безразличны,
Ведь я не верю в них.

М о н а х и н я

О господи, спаси
Заблудшую в несчастье тяжком душу!
Сестра, послушай, ты ведь молода,
Придется, может быть, тебе погибнуть...

Б о л ь н а я

Что ж!

Не жалко мне, что молодой погибну,
А жаль, о, как мне жаль, что пропаду напрасно.

М о н а х и н я

Никто у бога зря не погибает,
Без воли божией и волос не спадет.

Б о л ь н а я

Тебя я огорчить бы не хотела,
Да вижу, разговор оставить нам придется, —
Мы говорим на разных языках.

М о н а х и н я

О нет!

Есть у людей у всех язык единый —
То братская любовь.

Б о л ь н а я

Любовь, ты молвишь?

Нет, искренность вернее. . .

М о н а х и н я

Прогони

Дракона ненависти вон из сердца,
Пусть в нем останется одна любовь,
И мы пойдем, наверное, друг друга,
Как смог понять разбойника Христос.

Б о л ь н а я

Послушай, милая сестра, я вижу,
Что и жалеешь ты меня, и любишь,
Хоть я тебе чужая. Я хотела б,
Чтоб знала ты, сестра, кого ты любишь,
И знала бы, за что ты осуждаешь.
Сядь рядышком со мной и наклонись
Ко мне поближе, милая сестрица,
Забудь о том, что ты зовешь грехом,
Что святостью, внимательно послушай.

М о н а х и н я

Боюсь, что ты устанешь, ты больная.

Б о л ь н а я

Не бойся! Пусть умру — идея не умрет!
В такое лишь бессмертье надо верить.
У вас есть также исповедь пред смертью. . .
Меня ждет виселица — я то знаю.
Так слушай. Всё твердишь ты про любовь,
Она и мне наставница прямая.
Любовь меня учила ненавидеть.

И я была, как ты, когда-то кроткой, тихой,
И верила я в братскую любовь.
Тогда со мною вместе братья были,
Семья, подруги нежные мои.
Обиды все слезами я встречала,
И перед кривдою склоняла я чело,
Когда она мне на пути вставала.
Я матери с отцом была покорна,
Они же были ласковы со мною.
Я думала, что мир такой возможен
Между врагом и пленным. Но тогда
Вот это лихолетие случилось
И город наш осада обложила.
Боролся он и, как умел, сражался,
А после должен был открыть ворота,
И вот враги вошли в него с триумфом.
Я видела тогда: тех, кто склонялся ниже,
Тех больше притесняли чужеземцы.
Мои родители врагу сдались покорно,
А доброты не видели ни разу.
С тех пор мой разум будто помрачился,
Не знала я, где правда и где кривда,
А только знала, что обидно мне,
Обидно на врагов, за побежденных горько.
Тяжел был час. Товарищи мои
Пошли сражаться, звали и меня,
Но я в себе не чувствовала силы.
Тех, что остались, я чуждаться стала,
Или они меня, — пропала наша дружба.
В печали братья с сестрами ходили, —
Их грызла та ж тоска, что и меня.
Да что и говорить! У побежденных,
Конечно, счастья нет и быть не может.
Сперва я в монастырь, как ты, уйти хотела
Иль в сестры милосердия, да вера
Нужна при этом — веры я не знала. . .
Так день за днем тянулась жизнь моя.
Я видела, как лучшее всё гнило,
Как родичи мои по тюрьмам гнили,
Высокое вдруг становилось низким.
Тут ненависть во мне запылала
Ко всем, кто убивал мою любовь.

И ненависть всё больше разгоралась,
Куда ее девать мне — я не знала.
Так, может, собственным огнем себя сожгла б я,
Да суждено другое было мне.
Пришел один товарищ и промолвил:
«Пойдем, мы снова на войну уходим!
Не мы убьем, так нас они убьют.
Должны бороться мы, ты помоги нам!
Нельзя же в стороне сидеть спокойно
И наблюдать, как братьев льется кровь.
Нельзя терпеть позора. Наша смерть
Других научит, как им жизнь построить.
Пойдем, а за тобой пойдут другие».
И я пошла.

М о н а х и н я

А мать? А все родные?

Б о л ь н а я

Я в ту минуту о родных забыла,
Не вспомнила бы, может, и теперь,
Когда б свершила я большое дело, —
Победы счастьем я бы упивалась,
Не памятью — надеждою жила б.
Теперь же я совсем напрасно гибну
И мыслю про напрасную печаль,
Что может мать убить мою родную.
Сестер своих я вижу безутешных,
В печали братьев — и напрасно всё!..
О, если б раз хоть я могла увидеть
Моих любимых!

М о н а х и н я

Не горюй, сестра!

Когда бы только верить ты могла,
Как верим мы, утешилась наверно б.
Мы верим, что в другом, прекрасном мире
Увидим всех, кого мы так любили.

Б о л ь н а я

А зря! Вы верите, что есть и рай и пекло,
Что люди равными и «там» не будут.

Ведь мать моя преступной не бывала,
Не погубила никого на свете,
Ей райские врата должны открыться,
А для таких, как я, в раю не будет места!

М о н а х и н я

Всё победит раскаянье твое —
И грех и пекло перед ним исчезнут,
И райские врата оно откроет.
Сестра, припомни всех родных, любимых
И пожалей ты молодую душу, —
За что погибнуть, бедная, должна?

Б о л ь н а я

Ты помнишь, в вашей книге говорится:
«Никто любовью большей не владеет,
Как тот, кто душу за друзей положит».
Я кончила, довольна! Всё ты знаешь,
И коль осудишь, то за что — узнаешь.

Она умолкла. И, глаза потупив,
Монахиня в тиши сидела молча...

15 сентября 1896

9

МИНУТА ОТЧАЯНИЯ

О, горе тем, что родились в темнице,
Что мир увидели в тюремное окно!
Тюрьма — кольцо проклятой чаровницы,
Не разомкнется никогда оно!

О, горе тем глазам, привыкшим видеть сроду
Поросший плесенью сырой тюремный вал!
Весь мир им сер, как небо в непогоду,
Весь мир для них, как двор тюремный, мал.

О, горе узникам, приученным в неволе
Носить тяжелый ржавый груз оков, —
На волю вырвутся, но грубые мозоли
Напомнят каждому, кто он таков.

О, горе тем, с душой прямой и честной!
Когда еще им вера дорога,
Пускай попросят милости небесной:
«Пошли нам, боже, честного врага!»

О, горе нам! Пускай и совести и чести
Лишимся мы, зато падет навек стена,
Хотя бы под обломками, в безвестье,
Пропали мы и наши имена!

16 сентября 1896

10

О, знаю, злых метелей прошумит
Немало над моею головою,
Немало и надежд от сердца отлетит
Оборванной вихрями листвою.

Не раз еще охватит, как туман,
Меня отчаянья отравное дыханье,
Неверие в себя и в свой талант
И в то, что у людей на свете есть призванье.

Не раз в моей душе наступит перелом,
И очи глянут в бездну тьмы кромешной,
И у любви увижу над челом
Пятно или колпак шута потешный.

Не раз я без сознания упаду
Перед покрытым изваянием Изиды,
Не раз я с кораблем на дно пойду,
Ища пределов новой Атлантиды.

Не раз нестройно грянет голос мой,
Как посреди безлюднейшей пустыни,
И я подумаю, что жизнь — мираж пустой
И на земле нигде уж нет святыни.

И, может, станут дни проклятые являть
Ужасной смерти грозное виденье,
И, брошенной, придется мне опять
Не жить, а ждать от кары избавленья.

Я знаю это, страшных жду ночей —
Когда средь них огонь тот загорится,
Где плавится железо для мечей,
Сталь ясная и твердая калится.

И если сталью стану я на том огне,
Скажите: «Новым человеком ты родилась».
'А коль сломлюсь — не плачьте обо мне!
Посетуйте, зачем же сразу не сломилась!

7 сентября 1896

11

АНГЕЛ МЕСТИ

Во тьме таинственной, в середине ночи
Ко мне нередко странный гость летит,
Он взорами и манит и страшит, —
Как Марс кровавый, пламенеют очи.

Мне улыбается суровый тот посланец,
В улыбке ненависть я вижу и любовь,
На белых крыльях пламенеет кровь,
Как на снегу вечерних зорь багрянец.

Вникаю в смысл речей, ужасный и великий.
Меч у него в руках пылает огневой,
И в сердце у меня, как возглас боевой,
Рождается напев протяжный, дикий.

«Слова, слова, слова! — мой гость мне
отвечает. —

Я ангел мести, дела, а не слов.
Не думай же, что звук твоих стихов
Других, а не тебя, на битву посылает.

Вот меч, возьми его на подвиг благородный,
Мой меч не тяжек для отважных рук.
Иль ты боишься смерти, кары, мук,
Ты, гордая душой своей свободной?»

Он меч мне подает. Тянусь к мечу рукою,
Но падает рука, внезапно ослабев,
И гаснет в сердце огненный мой гнев.
«Уйди, — я говорю, — я не пойду с тобою.

Нет, жизни мне не жаль, а жаль мне человека,
Живущего во мне, живущего в другом,
Коль я его убью, — пусть и грешна я в том —
Позора не снесу, не доживу я века.

Твоя слуга Кордэ, нормандка молодая,
В тиранах видела тиранов весь свой век,
Но и в убитом ей явился человек,
Когда к нему вошла любимая, рыдая. . .»

Исчез полночный гость, пропал во тьме далече,
Оставив в сердце свой кровавый страшный след,
Но всё стоит в очах, мне с ним разлуки нет,
А душу мне гнетут неконченные речи. . .

1896

12

FIAT NOX! ¹

«Да будет тьма!» — сказал наш бог земной.
И стала тьма, и хаос всё покрыл,
Как перед сотвореньем мира. Нет, он гуще
Был, этот хаос, и блуждали в нем
Живые души, их давила тьма.
И призраки из хаоса вставали:
Болезни злые, бедность, голод, страх,
Необычайный страх знобил всем душу,
И самым смелым становилось жутко
От воплей и голодного стенанья,
Что подымалось, как со дна морского,
Из темной и большой толпы. Казалась
Частицей хаоса толпа людская
И голосом его. Порою раздавались
Во тьме глубокой крики: «Света! Света!»

¹ Да будет ночь! (лат.). — *Ред.*

И слышался в ответ могучий голос
Земного бога с возвышенья трона:
«Да будет тьма!» И хаос вновь царил.

О, не один потомок Прометея
Живую искру с неба добывал,
И много рук тянулось к этой искре, —
Она звездой казалась путеводной, —
И рассыпалась та большая искра
На маленькие искорки другие,
И каждый прятал искру, будто клад,
И с давних пор хранил в холодном пепле.
Она не гасла, тлела, как в могиле,
И не давала ни тепла, ни света.
А доблестный потомок Прометея
Наследовал удел печальный предка:
Изгнанье, муки, тягостные пути,
Смерть раньше срока в диком отчужденье. . .

И нынче так, друзья! И нынче тьма!
Эй, отзовитесь! Страшен этот хаос.
Отважный, вольный слышала я голос,
Он раздавался, как лесное эхо, —
Теперь умолк. И тишина страшнее,
Мне кажется, вдруг стала, чем была.
Друзья мои, потомки Прометея!
Нет, не орел грудь гордую терзал вам, —
То в сердце змеи лютые впились.
Вы не прикованы к той крутизне кавказской,
Что издали челом сияет снежным
И весть о Прометее подает!
Нет, вы схоронены в землянках, и оттуда
Не слышно звона кандалов, не слышно стона
И непокорных слов. . .

О ночи царь!
Наш самый лютей враг! Недаром ты боишься
Цепей кандалных музыки железной!
Боишься ты, что грозные те звуки
Пронзят собой и каменное сердце.
А чем же заглушишь ты дикий голос

Сплошного хаоса, и голод, и беду,
И те отчаянные вопли: «Света! Света!»
На них всегда, как будто эхо в даях,
Отважный, вольный голос отзовется:
«Да будет тьма!» Но этого ведь мало,
Чтоб хаос заглушить, чтоб умер Прометей.
И если ты силен безмерной силой,
Последний дай приказ: «Да будет смерть!»

25 ноября 1896

13

**ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ ЛИСТКА, СОЖЖЕННОГО
ДРУЖЕСКОЙ РУКОЙ В ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ**

Ой, была горяча моя песня!
Только с губ, зародившись, слетела —
Разгорелись глаза, словно жар,
И в груди распалился пожар.
Я сокрыть тебя в сердце хотела,
Но в сердечке моем было тесно.
Ой, была горяча моя песня!

Так была моя песня жарка,
Так, что, слыша напевный тот зов,
Вся, как роза, подруга пылала,
И слеза на ресницах сияла
От горячих, порывистых слов,
И дрожала при встрече рука! . .
Так была моя песня жарка.

Слишком ты горяча, моя песня!
Лишь тревожная хлынула тьмища,
Слово вспыхнуло пламенем строк
И спалило заветный листок. . .
Вместо песни лежит пепелище.
Ой, нет искорки новой чудесней!
Слишком ты горяча, моя песня!

26 ноября 1896

Слово, зачем ты не стала боевая,
 Что среди боя горит, как живая,
 Или не острый, безжалостный меч,
 Тот, что сечет вражьи головы с плеч?

Ты — мой клинок, закаленное слово,
 Я тебя вынуть из ножен готова.
 Только ты кровь мне из сердца прольешь,
 Вражьего ж сердца клинком не пробьешь!

Выточу, выострю меч для сраженья,
 Не пожалею ни сил, ни уменя.
 Будет сверкать на стене его сталь
 Вам на забаву, а мне на печаль.

Слово, оружие, готовое к бою,
 Мы не погибнем напрасно с тобою!
 Может, в руках неизвестных друзей
 Станешь мечом ты для их палачей.

Звякнет клинок и о цепи ударит,
 Эхо к твердыням тиранов направит,
 Встретит бряцание братских мечей,
 Звуки иных, не тюремных речей.

Мстители сильные вместе с тобою
 Выступят дружно, готовые к бою...
 Слово мое, послужи ты бойцам
 Лучше, чем служишь ты слабым рукам!

25 ноября 1896

67. ОТЗВУКИ

Пролетал буйный ветер над морем,
 Над безбрежным, широким простором:
 Волны белые встали высоко
 И от ветра взлетали всё выше,
 Зашумели, как полчища вражьи,
 Заглушили они буйный ветер.

Пролетал буйный ветер в пустыне,
По бескрайному, мертвому полю:
Закружились песчаные вихри,
Поднялись они к самому небу,
Словно страшные, злые титаны,
И, упав с высоты, разлетелись;
Смерть покрыла след буйного ветра.

Пролетал буйный ветер над башней,
Что стоит одиноко на круче.
Там нашел он Эолову арфу,
Разбудил ее длинные струны,
И ответили струны напевом,
Что нежнее звенящего ветра.
Буйный ветер замолк, улетая,
Только арфа протяжно звенела.

1896

68. ТОВАРИЩУ

Вы меня вспоминаете ль в вашей тюрьме,
Как я вас вспоминаю, больная?
Мы, подобно растениям в тумане и тьме,
Оба вянем, простора не зная.

Ох, судьбы моей тягостен мне произвол,
А приятель меня утешает,
Говорит, что мой случай «не так уж тяжел,
Ведь с другими похуже бывает».

Хоть советчики искренни — скучны они, —
Их унылые речи напрасны.
Им ли знать, как без солнца убийственны дни,
Как безлунные ночи ужасны!

И вернее болезни, неволи верней
Эта страшная мысль убивает,
Хоть и тешит она, убеждая людей:
«Ведь с другими похуже бывает!»

Если б слезы мы пили из чаш круговых,
Если б чашами меряли горе,
Хоть бы выпили тысячи кубков таких,
Слез осталось бы целое море.

Если б тысячи тысяч сплели мы венков
Для работников слова и дела
И на эти венки ветки терна пошли,
Всё бы роща его уцелела.

19 января 1897

69

Упадешь, бывало, в детстве,
Руки, лоб, коленки ранишь, —
Хоть до сердца боль доходит,
А поморщишься и встанешь.

«Что, болит?» — большие спросят.
Только я не признавалась.
Я была девчонкой гордой —
Чтоб не плакать, я смеялась.

А теперь, когда сменилась
Фарсом жизненная драма
И от горечи готова
С уст сорваться эпиграмма, —

Беспощадной силе смеха
Я стараюсь не поддаться,
И, забыв былую гордость,
Плачу я, чтоб не смеяться.

2 февраля 1897

ИМПРОВИЗАЦИЯ

В роще далекой, меж зарослей пышных,
 Ярко граната цветы расцветают,
 Как поцелуи на жарких устах
 Жарким другим поцелуям навстречу,
 Как поцелуи рубиновых уст...
 Спи, мое сердце! Пусть в роще далекой
 Ярко граната цветы расцветают...

Северный ветер дрожит, затихающий
 Между густыми душистыми лаврами,
 Словно томительный вздох,
 Будто бы лавры свидание тайное
 Прячут любовно от света лукавого
 В нежной прохладной листве...
 Спи, мое сердце! Пускай между лаврами
 Северный ветер дрожит затихающий...

Вот к кипарису цветущими гроздьями
 Нежно склонилась магнолия пышная,
 Как к своему жениху нареченному...
 В темных кудрях ее — цветики белые,
 Только они не покрыты фатой.
 Нежит любовь их, фатой не покрытая...
 Спи, мое сердце! Магнолия пышная
 Пусть к кипарису склоняется стройному.

Темного моря волна белопенная
 К камню прибрежному тихо ласкается,
 Нежность, любовь и сиянье лучистое
 Словно в подарок приносит ему;
 Камня прибрежного облик темнеющий
 Вдруг засветился навстречу возлюбленной.
 Нежность, любовь и сиянье лучистое...
 Спи, мое сердце! Пускай белопенная
 К камню волна, набегаая, ласкается...

1897
 Ялта

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА

Не сетуйте, друг, что стихом отвечаю ленивым,
 Рифмы, дочери трудных ночей, покидают меня,
 Смутной волною размер набегаёт,
 О преграду ничтожную вдруг разбиваясь
внезапно, —

Не ищите вы в нем понапрасну девятого вала,
 Могучей волны, что качается в такт с океанским
течением.

Раздумье теперь навеваёт мне Черное море —
 Дико, неверно оно, ни закона, ни лада не знает.
 Всё играло-шумело вчера
 При ясной спокойной погоде,
 Сегодня же тихо и ласково шлет к берегам свои
волны,

Хоть ветер и гонит неистово тучи седые.
 Так вот всегда и лежала б я рядом с живою водою,
 Смотрела б, как щедро бросает она
жемчуга-самоцветы

На прибережные камни;
 Как тени цветные от туч золотистых
 Идут, серебрясь, голубою равниной
 И вдруг исчезают;
 Как белая пена слегка розовеет,
 Как будто красавицы облик стыдливый;
 Как горы темнеют, покрытые белою дымкой;
 Они так спокойно стоят, —
 Ведь их стережет колоннада немых кипарисов,
 Высоких и важных.

Я только что вновь прочитала
 Ваш сильный, как будто бы сталью окованный,
 Вооруженный ваш стих.
 Чем заплатить я могу вам теперь за него?
 Сказку хотя б расскажу, а «мораль» выводите уж
сами.

Торной дорогой крутой
 Мы поднимались на взгорья Ай-Петри.

Вот уж проехали мимо садов виноградных
 Что, как прекрасный ковер, всё подножье горы
 кудрявых,
 покрывают,

Вот уже лавров, любимых поэтами,
 Пышных магнолий не видно,
 И ни прямых кипарисов, густо обвитых плющом,
 И ни шатрами нависших платанов.
 Только встречали мы ветви знакомые белой березы,
 Яворов, темных дубов, к непогоде и к бурям
 привычных.

Но и они уж остались далеко за нами.
 Чертополох, да полынь, да терновник росли
 у дороги.

Скоро их тоже не стало.
 Мел да песок, красноватые, серые камни
 Висли над нашей дорогой, бесплодны и голы,
 Будто льдины на северном море.
 Сухо, нигде ни былинки, всё камни кругом
 задушили,

Словно глухая тюрьма.
 Солнце горячие стрелы на мел осыпает.
 Пылью швыряется ветер.
 Душно... Ни капли воды... Словно это дорога
 в Нирвану,
 Страну побеждающей смерти...

Но вот в высоте
 На остром, на каменном шпиле блеснуло вдруг
 что-то, как пламя, —
 Свежий, прекрасный, большой цветок лепестками
 раскрылся,
 И капли росы самоцветом блестели на дне.
 Камень пробил он собой, тот камень, что всё
 победил,

Что задушил и дубы,
 И терновник упрямый.
 Этот цветок по-ученому люди зовут *Saxifraga*,
 Нам, поэтам, назвать бы его «ломикамень»
 И уваженье воздать ему больше, чем пышному
 лавру.

1897
 Ялга

ВОСТОЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Горы и кровью и пламенем вспыхнули —
 С солнцем, в лучах уходящим, прощаются,
 Так вот и сердце мое закручинилось —
 С милым, любимым моим разлучается.

Видишь, над морем, над волнами синими
 Чайки мелькают и кружатся, белые...
 Милый мой, где тебя сыщут, пропавшего,
 Думы мои быстrokрылые, смелые?

Ночью на башне огонь засветила я,
 Милый, любимый, тебя дожидаячись, —
 Пусть озарит он на море дороженьку,
 Чтоб ты не сбился, домой возвращаячись.

Светик мой! Буду я жить в ожидании,
 Сумрачною паранджою закрытая,
 Я посажу кипарисную веточку —
 Пусть вырастает, слезами политая.

А как воротишься, я покажу тебе
 Тот кипарис, его ветви широкие, —
 Всех минаретов он выше подыметсЯ,
 А ведь у нас минареты высокие.

*27 января 1897
 Ялта*

МЕЧТЫ

В раннем детстве нас прельщают
 Чудеса и необычность.
 Я любила в раннем детстве
 Были рыцарского века.

Только странно, что не принцы,
 Окруженные загадкой,

Не прекрасные принцессы
Разум мой очаровали.

Был мне дорог на картинках
Не надменный победитель,
Что, соперника повергнув,
Грозно требует: «Сдавайся!»

Нет, мой взгляд спускался ниже,
На того, кто, распростертый,
Рыцарским копьём пронзенный,
Говорил: «Убей — не сдамся!»

Не казался мне прекрасным
И отважный пышный рыцарь,
Добывающий оружием
Неприступную красоту.

Очаровывали сердце
Пленниц смелые ответы:
«Можешь ты меня прикончить —
Жить меня ты не заставишь!»

Дорогие годы детства
Пронеслись водой весенней,
Только шум воды весенней
Не забудется вовеки.

Он бессонными ночами
Надо мною раздаётся,
Так причудливо сплетаясь
С жарким бредом лихорадки.

Потолок над головою —
Как готические своды,
А на окнах — как решетки,
Веток призрачные тени.

Сквозь отверстия решетки
Красноватый свет пробился;

Что там — фонари ночные
Или отблески пожара?

Что шумит, не затихая,
Беспорядочно и глухо?
То в крови шумит горячка
Иль то битва за стенами?

Я сама ли застонала
От внезапной лютой боли,
Или стонет пленник рыцарь,
Изнывающий от раны:

«Эй, откликнись! Кто тут в замке?
Чье живое сердце бьется?
Другом будь, взойди на башню,
Погляди на поле битвы.

Погляди на поле битвы
И скажи: за кем победа?
Все ли вьются над полками
Наши честные знамена?

Если нет — сорву повязки!
Пусть ручьями кровь польется,
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за родину пролитой!

Нет, я слышу наши клики!
Вот они звучат всё громче...
Завяжите туже раны!
Жалко кровь терять напрасно!..»

Так ребяческая греза
Бушевала в лихорадке.
А теперь? Прошла горячка,
Но мечты не исчезают.

Мне не раз еще приснится,
Будто я в плену постылом

И невидимой рукою
Я окована цепями.

Будто верный меч не сломан,
Будто он в руках остался,
Только тяжкие оковы
Не дают рукою двинуть.

А вокруг темно и тихо,
Не шумит горячка в жилах,
И не слышен издалека
Дикий гомон с поля битвы.

Так и хочется мне крикнуть,
Точно рыцарь детской грезы:
«Жив ли кто? Взойди на башню,
Посмотри вокруг, далёко!

Посмотри: видны ли в поле
Наши честные знамена?
Если нет, то жить не стоит, —
Пусть же мне откроют вены!

Пусть ручьями кровь польется,
Пусть умру я тут, на камнях.
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за честный стяг пролитой!»

18 ноября 1897
Ялта

5

ЗИМНЯЯ НОЧЬ НА ЧУЖБИНЕ

— Утешь меня, Муза, моя ты отрада!
Грустит мое сердце в ночной тишине.
Куда ты пропала? А помнишь, как рада
Была ты на зов мой являться ко мне?

Муза

Напрасны упреки! Нет, я не пропала,
Я об руку стоя с тобою, ждала,
Что зов твой услышу, но ты тосковала
И слезы свои одиноко лила.

— О Муза, зачем вспоминать нам бывшее,
Не надо печали будить, ведь она,
Как хищная птица, не знает покоя,
Заснет на минуту — и вновь не до сна.

Настрой свою лиру — струна со струною
Негромкий пускай разговор поведет,
Пусть голос мой следом летит за тобою,
А песня по свету свободно идет.

Муза

Спой вместе со мною
Про то, как весною
Вся жизнь возрождается вновь,
Про первые встречи
И нежные речи,
Про первую в сердце любовь.

— Нет, Муза, не сладить мне с песней такою, —
Каким ее голосом я поведу?
Мой голос звучит непонятной тоскою,
А струны твои на веселом ладу.
Оставь эту песню...

Муза

Запой мне другую,
Пока не расстроился лад!
«Подковки сверкают,
Подружки мелькают,
Эй, пары, вставайте все в ряд!»

— Нет, Муза, неискренне песню мы пели,
Всегда мне чужой эта песня была, —
Когда все вокруг веселиться хотели,
Я тайные слезы тихонько лила.

Муза

Не знать нам с тобою
Веселого строя,
Я вместе с тобою спою
Печально, протяжно
О том, как отважно
Герой умирает в бою.
Готов среди боя
Он лечь головою,
Он знамя в бою сбережет.
Сраженный, он ляжет,
Товарищам скажет:
«Пусть вас это знамя ведет!»

— Нет, Муза, как меч эта песня, что к бою
Зовет и отвагу сердцам придает:
Ты в ней вспоминаешь о смерти героя,
А я вспоминаю бессилье свое.
Пока я больна, я бороться не в силах,
В заржавленных ножнах не трогай меча.
Я жажду покоя, я долго грустила,
И свежая рана моя горяча.

Муза

Вы слабые люди, с сердцами больными,
Что тяжелой тоскою томятся всегда.
Припомни, как звездами мы золотыми
Под небом родным любовались тогда.
Иль в этом краю от тебя **закрывают**
Небес красоту кипарисы **вокруг**,
Что вольная песня твоя не взлетает
До самого неба, как раньше, мой друг?
Ужель этих гор золотые вершины
Теперь для тебя — как темницы стена?
Я знаю, что в песне моей лебединой
Последняя скоро порвется струна.

— Стой, гордая Муза, напрасно, богиня,
Напевы твои безнадежно звучат;
Скорей мое бедное сердце погибнет,
Чем струны у песни твоей замолчат! . .
Припомни, как ясные звезды светили
Нам сквозь кипарисы ночью порою,
И светлыми в грусти мечты наши были,
На женщин похожие с грустной душой.
Пускай же сегодня туман без просвета
Окутает небо и сердце мое,
Но звезды горят в нашей песне пропетой,
Навек в ней оставив сиянье свое.
Припомни, как песней встречали рассветы,
Край неба зарей, как рубином, пылал,
И море от солнца пылало, а где-то,
Совсем в отдалении, звон пролетал.
Пускай наше счастье зашло вместе с солнцем
И ночь дождевая над нами плывет,
А завтра вновь солнце заглянет в оконце
И сердце проснется и вновь запоет.
Припомни, как днем мы стояли с тобою
На жаркой скале, на вершине крутой,
Училась я петь у морского прибоя,
А ты всё хотела понять его строй.
Пускай я отравлена злою тоскою,
Но в песне могла я всю душу излить.
Мы слушали песню морского прибоя,
Кто слышал ее, тот не может забыть.
Припомни, огнем на закате пылали
Вершины кремнистых утесов и скал
И в чаще граната цветы расцветали,
А в сердце огонь моих песен пылал.
Пускай мои песни и сад мой чудесный
Заснули, холодным окутаны сном, —
Весною цветы на гранате и песни
Опять запыхают огнем.

*15 декабря 1897
Ялта*

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ*(Драматическая сцена)*

Действие происходит в Тавриде, в городе Партените, перед храмом Артемиды Тавридской. Местность у моря. Море образует залив у скалистого берега. Побережье оголено и покрыто дикими серокрасными скалами; выше, по склонам гор, буйная растительность: лавры, магнолии, оливы, кипарисы, образующие целую рощу. Высоко над обрывом небольшой полукруглый портик. Всюду по склонам гор между деревьями белеют лестницы, которые спускаются к храму. Слева, на самой сцене, большой портал храма Артемиды с дорической колоннадой и широкими ступенями. Недалеко от храма, между двумя кипарисами, — статуя Артемиды на высоком двойном пьедестале; нижняя часть пьедестала представляет собой большую выступ в виде алтаря, на выступе горит огонь. От храма к морю идет дорожка, выложенная мрамором, она спускается к морю лестницей. Из храма выходит хор девушек тавридских в белых одеждах и зеленых венках. Девушки несут цветы, венки, круглые плоскдонные корзины с ячменем и солью, амфоры с вином и маслом, чаши и фиалы. Девушки украшают пьедестал статуи цветами, венками и поют.

Хор девушек*Строфа*

Богиня таинства, благая Артемида,
 Хвала тебе!
 Хвала тебе, недостижимо-ясной,
 Как свет луны!

Антистрофа

Горе тому, кто увидеть отважится
 Гордой богини нагую красу,
 Горе тому, кто руками нечистыми
 Тронуть одежды богини дерзнет, —
 Тени, сплетенные лунным сиянием,
 Будут прекрасней, чем образ его,
 Скорбная мать, на него поглядевшая,
 Сына родного не сможет узнать.

Строфа

Могучая защитница Тавриды,
 Хвала тебе!
 Хвала тебе, неумолимо-сильной
 Богине стрел!

Антистрофа

Горе тому, кто словами бесчестными
Грозной богине обиду нанес,
Горе тому, кто не склонит в покорности
Гордую голову, падая ниц.
Лунному свету добраться немыслимо
До глубины океанского дна,
Но Артемиды стрела неизбежная
Сердце безумца срязит наповал.

Из храма выходит Ифигения в длинной белой одежде, с серебряной диадемой на голове.

Строфа

Идет любимая богини жрица —
Поем ей честь!
Поем ей честь! Ее сама богиня
Нам привела.

Антистрофа

Из неизвестного края, далекого,
Нам Артемида ее привела,
Всё в этой девушке тайной окутано,
Род ее, племя и имя само.
В роще священной мы в ночь Артемидину
Жертвенный там совершали обряд,
И показала нам в лунном сиянии
Девушку эту богиня сама.

Тем временем Ифигения берет большую чашу у одной девушки и фиал у другой; третья девушка наливает в чашу вино, четвертая — масла в фиал. Ифигения выливает вино и масло в огонь, потом высыпает алтарь священным ячменем и солью, беря их из корзинок, которые подадут девушки.

И ф и г е н и я

(принося жертву)

Чутко внемли мне, богиня,
Слух свой ко мне обрати!
Жертву вечернюю я приношу, благосклонно прими.
Ты, что выводишь на путь мореходов по волнам
бушующим,

Наши сердца освети!
Пусть же, тебя прославляя, предстанем мы,
Сердцем, и телом, и мыслями чистые,
Перед твоим алтарем!

Хор

Слава тебе!
Сребропрестольная
И осиянная,
Дивно-могучая,
Слава тебе!

Ифигения

Ты, победившая, стрелами ясными
Ночи враждебную тьму разогнавшая, —
Нам свою милость пошли!
Темные чары, Эребом рожденные,
Нам помоги побороты!

Хор

Слава тебе!
Сребропрестольная
И осиянная,
Дивно-могучая,
Слава тебе!

Ифигения отдает девушкам чашу и фиал, делает знак рукой, и девушки уходят в храм. Ифигения ворошит костер на алтаре, чтобы он горел ярче, поправляет на себе украшения.

Ифигения

(одна)

Ты, Артемида, богиня-охотница,
Чести девичьей защитница верная,
Помощь свою нам пошли! . .

*(Падает на колени перед алтарем и в отчаянии
простирает руки к статуе.)*

Прости меня, великая богиня!
Устами я произношу слова,
А в сердце нет их. . .

(Встает, отходит от алтаря и смотрит на море.)

В сердце только ты,
Единственный, родной мой, край любимый!
Всё, всё, чем красен век людской короткий,
Осталось далеко, в моей Элладе.
Любовь и молодость, семья и слава

Покинуты за дальними морями,
А я одна чужая на чужбине,
Как тень, давно забытая родными,
Блуждающая по полям Гадеса,
Печальная и призрачная тень...

*(Поднимается по ступеням портала и прислоняется
к колонне.)*

Одно пристанище — холодный мрамор!
Я, помню, часто голову склоняла
На лоно матери моей любимой
И слушала, как ровно билось сердце...
Я так любила обвивать руками
Высокий юношеский стан Ореста,
Золотокудрого родного брата...
Латоны дочь, сестра родная Феба!
Прости воспоминания рабыне...
О, если б ветры принесли мне вести,
Как там живет мой царственный отец,
Как мать родная... А сестра, Электра,
Повенчана, наверно. А Орест?
Должно быть, он на играх олимпийских
Венки стяжает. Как блеснит красиво
Оливы серебристая листва
На златокудрой голове Ореста!
Наверно, ты не в беге победитель —
В метанье диска... Ахиллес всегда
Награду брал за состязанье в беге.
Он жив, мой Ахиллес!.. Теперь не мой, —
Там эллинка иль пленная троянка
Зовет его своим... О Артемида,
Спаси меня ты от меня самой!

*(Спускается по лестнице и садится на последней
ступени, под кипарисом.)*

Как грустно зашумели кипарисы!
Осенний ветер... Скоро будет зимний
По этой роще зверем завывать,
Закружится метелица над морем,
И небо с морем в хаосе сольются!
Я у огня скупого стану греться,
Недужная душой, больная телом,

А там, у нас, в далекой Арголиде,
Где расцветает вечная весна,
Там девушки аргосские пойдут
Фиалки собирать и анемоны,
И может... может, песни пропоют
О славной Ифигении, что рано
Погибла за родимый край... О Мойра!
Зачем тебе, суровой, грозной, надо
Глумиться так над бедными людьми?!
Стой, сердце, ты безумно! Стихны, гордости!
Не нам же, смертным, на богов идти,
Не нам бороться против грозной силы
Карателей земли и громовержцев!
Из глины мы сотворены... Но кто же
Вложил в нас душу и святой огонь?
Ты, Прометей, оставил нам наследство,
Большое, незабвенное! Ту искру,
Что ты для нас похитил на Олимпе!
Огонь ее горит в моей душе, —
Он дышит буйным пламенем пожара,
Он осушил мои девичьи слезы
В тот час, когда я смело шла на жертву
За честь и славу родины — Эллады.
Вы, эллинки, что слезы проливали,
Когда пришлось меня на смерть вести,
Теперь не плачете, что ваша героиня
Напрасно и бесславно угасает?

(Становится перед алтарем.)

Зачем же ты спасла меня, богиня,
В далекую чужбину завела?
Кровь эллинки была тебе потребна,
Чтоб загасить твой гнев против Эллады, —
Но кровь мою пролить ты не дала,
Возьми ее — она твоя, богиня!
Пускай не обжигает жил моих!

*(Достает из-за алтаря жертвенный нож, отбрасывает
плащ и заносит нож над сердцем, но быстро опускает его.)*

Так поступить потомку Прометея?
О нет! Кто мог идти на смерть отважно,
Тот должен всё с отвагою принять.

Когда для славы родины, Эллады,
Нужна такая жертва Артемиде,
Чтоб Ифигения жила в изгнание
Без имени, без славы, без семьи, —
Пусть будет так.

*(Печально опустив голову, идет к морю, останавливается
на верхней ступени лестницы, ведущей к морю, и некото-
рое время смотрит вдаль.)*

Аргос! В родных стенах
Я б умерла охотней во сто крат,
Чем здесь томиться! Водам Стикса, Леты
Не угасить мечты о родине моей!
Да, тяжело наследство Прометея!

(Спокойной и медленной поступью удаляется в храм.)

15 января 1898
Villa Iphigenia

7

ЗИМНЯЯ ВЕСНА

Тихо, тепло. Неужели и вправду весна?
Небо порой загорается отблеском ясного лунного света,
Золотом и серебром озаряются тучки;
Только прозрачная тучка окутает месяц —
Сразу он в ней засияет, как радуги отблеск далекий.
Звезды меж тучками водят свои хороводы,
Снег на вершине горы ослепительно блещет,
Так, что мне кажется, будто огни маяка засветились;
Залиты крыши домов серебристым сияньем,
Резкою тенью очерчен балкон с балюстрадой,
А кипарисы стоят у балконов, как башни высокие замка;
Словно литые, тяжелые листья магнолий
Скованы сном, недвижимы;
Тени латаний на мраморный пол прихотливо упали.
Лавры стоят зачарованно, как неживые молчат,

Тихо в саду, затихает и город, уж поздно.
Редкие окна домов городских еще светят
Золотом красным. Вокруг всё затихло;

Горный поток в темноте, словно мельничный жернов,
шумит:

Еле доносится песня далекая и замирает...
Редко по улице люди проходят беззвучно, как тени;
Море далекое ластится нежной мечтою.
Легкий туман кисеей укрывает уснувшие доли.
Тихо... тепло... Не могу я ни спать, ни работать.
Всё по балкону хожу своему. Он высокий и длинный,
Как пароходная палуба. Вижу я горы,
Неба широкий простор и далекое море,
Мыслям отсюда легко разлетаться по свету..

Так и ходила я взад и вперед; мои мысли сновали,
Словно на ткацком станке, когда нить оборвется и снова
сплетется.
Часто летели мечты мои в край дорогой и родимый —
Снегом покрытый, закованный льдами, лежит он вдали,
за горами.

Горы иные привиделись мне. Там дома, переулки,
Та же луна освещает сейчас этот город сиянием ясным.
Кто там спит? Кто не спит? И чьи светятся окна? ..

Вспомнилось вдруг почему-то мне старое мрачное
зданье,
Тяжкий замок на воротах, и стража у крепкой ограды,
А за оградой — вы, мой товарищ, в камерке тюремной.
Может быть, спать не придется вам в эту минуту?
Может быть, та же луна освещает холодные стены
Светом тоскливым и бледным? Вы, может, в окно
посмотрели

И при луне увидали дома, переулки и горы...
Нет, не могу я ни спать, ни работать. Как ночь и ясна
и длинна!
Быстро ушла я с балкона и крепко захлопнула двери.
Тяжко мне стало в саду, зачарованном ночью.
Дрогнули звезды внезапно, и небо померкло, —
Может, туман их закрыл или взор у меня помутился..

1898
Ялта

.. Незавершенным разговор прервался.
 Дрожит он, словно рваная струна,
 В груди моей. Лишь слова звук раздался —
 Душа могильным холодом полна.

Встает тоска, придавленная снами,
 До самых туч, великая, летит,
 Пылает скорбь, прибойными волнами
 Пожар тот устрашающий гудит.

Ох, тот пожар в других разбудит силы
 Те, что бастилии владык свергают в прах,
 Что кандалы сбивают с воли милой, —
 Он будит слово на моих устах!

Товарищ! Не могу хранить молчанье,
 Отмечена таким проклятьем я,
 Что словом отзываюсь на страданье:
 Звонка в нем дума скорбная моя.

Не заглушат года глухонемые
 Тех звонких дум, они звенят, звенят, —
 Так руки узников чуть движутся, живые,
 Хотя на них и кандалы гремят.

И где на всем вокруг лежит печать молчанья,
 Где сдержаны и жалоба и песнь,
 Где сдавлены проклятья и рыданья,
 Кандальный звон доносит людям весть.

Пускай звенят, пускай гремят оковы,
 Глушить не стану! Если бы могли
 Они, как эхо, растревожить снова
 Боль в тех сердцах, что мохом поросли;

О, если бы напомнить людям ныне
 О мучениках каменных ночей,
 О братьях за решетками стальными,
 Попавших в руки злобных палачей;

О, если б звон кандалный мог ударить
Перуном в эти сонные сердца,
Стыдом тупые лица затуманить,
Напомнить, что оружие ждет борца;

О, если б поднялось оружие для боя
И громче туч звучало грозových, —
Тогда умолкли сами бы собою
Кандалный звон и ропот слов моих.

14 июля 1898

78. ЗВЕЗДА ПОЭЗИИ

Импровизация

Светишь ты мне сквозь туман, светишь сквозь горькое
горе,

Звезда моя, с тучами споря!

Это лишь ты мне сияла огнем среди ночи,
Ясный открыла мне путь через темное бурное море
И обольщала мне новой надеждой усталые очи, —

Ты лишь, в унылом просторе!

Кто ты, сон иль мечта, я не знаю,
Только я верю в тебя и веры вовек не сломаю,

А коль сломаю, наверно сломлюсь и сама,
Ляжет гнетом постылая тьма.

Ты для жизни меня пробудила,

Ты и глаза мне открыла,

Подняла меня крыльев могучая сила,

Понесла меня ввысь по дороге лучистой,

Выше, всё выше,

В край, что всех краше и тише,

Где моя звездочка светит и ровно и чисто,
В край, где и счастье и горе душе одинаково милы,
В край, где улыбки и слезы младенчески ясны,
В край, где голов ни пред кем не склоняют уныло,
Где не слезами, а песней рыдает несчастный.

Я не печалюсь, что рано иль поздно я сгину,

Я не печалюсь, что милую землю покину,

Я не печалюсь — пускай моя жизнь и погаснет,

Свет твой, звезда моя, будет всё ярче, прекрасней.

Вновь певцы без меня будут петь,
Будут песни другие звенеть
Громко, ясно, отважно и гордо,
Воедино сольются аккорды,
Полетят они в те небеса,
Где бессмертно сияет краса,
И польется ответной волною
Песня та, что не сгинет со мною.

12 октября 1898

79. ЗАБЫТАЯ ТЕНЬ

Суровый Дант, изгнанник флорентийский,
Встает из сумрака времен средневековых,
И песни у него как те века.
В мистическом лесу он отыскал их
Средь хаоса причудливых видений.
Чей дух осмелился б за ним идти, скитаться
В таком лесу, какие б там, меж терний,
Цветы, красуясь, вечно ни цвели?
Собрал певец искусною рукою
Все те цветы и сплел из них венки,
Росой его небесною обрызгал,
Омыл его в священных водах Стикса
И положил на раннюю могилу
Прекрасной Беатриче Портинари,
Что раз ему когда-то улыбнулась,
А во второй прошла и даже не взглянула,
А в третий раз он видел Беатриче,
Когда она в гробу лежала неподвижно.
И для него она была как солнце,
Что свет, и радости, и жизнь дает,
Не ведая, кому всё то дарует.
И хоть зашло лучистое то солнце,
Он не забыл его ни в сумраке угрюмом,
Ни у домашнего огня в приветном свете,
Ни на земле, ни в небе, ни в аду
Он не забыл прекрасной Беатриче.
Она одна живет в его созвучьях:
Ведь в том краю, где Данте жил душою,
Другой жены себе он не нашел.

Такими он ее венчал цветами славы,
Какими ни одна из женщин не гордилась.
Вовек бессмертны Данте с Беатриче,
Владыка смерть не разлучила их.
Зачем же ты, мое воображенье,
Мне женщины другой рисуешь бедный образ,
Что робко встала между ними, словно тень,
Как будто сон томительный, неясный?
Нет ни венца на ней, ни ореола,
Ее лицо закрыто покрывалом,
Как бы густым туманом. Кто она?
Ведь ни один певец ее не славил,
Художник ни один не рисовал.
Лежит на дне истории глубоко
О ней воспоминанье. Кто она?
Жена поэта. Имени другого
Не сохранило время нам, как будто
Ей собственного имени не дали.
И не была она звездою путеводной,
Лишь тенью верной шла она за тем,
Кто был поводырем «Италии несчастной».
Она делила с ним изгнанья черствый хлеб,
Она огонь веселый разжигала
Ему в чужом жилище. И не раз
Его рука, ища себе опоры,
Ей на плечо с надеждой опускалась.
Ей дорога была поэта слава,
Но рук она не протянула к ней,
Чтоб взять себе хотя бы луч единый.
Когда погас огонь в очах поэта,
Она их набожной рукой своей закрыла.
Тень верная! А где ж ее судьба,
Где собственное счастье, радость, горе?
История молчит, и вижу в грусти я
Всю горечь дней далеких, одиноких,
В тревожном проведенных ожиданье,
Ночей бессонных, темных, как забота,
И долгих, как нужда, я вижу слезы. . .
По тем слезам, как по росе жемчужной,
Прошла в отчизну славы Беатриче.

25 октября 1898

80. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мечта далекая, надежда золотая —
Моя страна, к тебе стремлюсь душой,
Страшусь и радуюсь, высоко залетая. . .
Так птицы возвращаются домой.

Не кажется ли им, что в край родной с собою
Они иные песни принесут,
Что песни новые над темной их землей
Светлее молний в небе расцветут?

Уже бывало так. . . уже не раз бывало:
Искала я надежд в стране чужой —
На родине моей их слишком не хватало,
И силы не хватало молодой.

И всё же вновь и вновь о миге возвращенья
Я грезила в далекой стороне,
Но долгожданные, желанные мгновенья
Одни лишь тернии дарили мне:

Я стражу видела, оружие блестело,
Была граница хмурой каждый раз. . .
И сердце вновь и вновь задать вопрос хотело:
«К родным мы едем иль ссылают нас?»

Вокруг опять была знакомая, сплошная
Родной неволи старая стена.
И мысль свободная, как будто крепостная,
Бледнела вдруг, на скорбь обречена,

И мести ангел злой, суровый дух темницы,
Глазами жгучими пронзал меня,
Высокие мои мечтания орлицы
Своим неправедным мечом гоня.

Обезображены мои напевы были,
Те песни, что манили новизной,
И мысли в ужасе метались и скользили,
Как бабочки ночные над свечой.

Как в голой роще в дождь, не раз мне было
скверно,

Мне было горестно и тяжело,
Я содрогалась вся, как в темноте безмерной,
И сердце слезы вновь и вновь лило.

И на чужбину я мечтала возвратиться.
Там — вечная весна, казалось мне.
Так перелетная в неволе грезит птица
В дни осени о юге и весне.

5 июня 1899

81

Как я люблю часы моей работы,
Когда кругом всё затихает вдруг,
Всё сковано очарованьем ночи,
И только я одна, непобедима,
Торжественную службу начинаю
Перед моим незримым алтарем.
Летят минуты — я им не внимаю,
Вот полночь бьет — работы лучший час, —
Так звонко бьет, что тишь затрепетала,
Быстрее в моих руках забегало перо.
Идут часы. Куда они несутся?
И ночь осенняя мне кажется короткой;
Ночное бденье не страшит меня,
Оно мне не грозит, как некогда грозило
Неверною и черною рукою,
А манит ласково, как юное виденье.
И сладко так, и сердце счастьем бьется,
И мысли расцветают, как цветы,
Как будто кто-то надо мной склонился
И говорит волшебные слова,
И сразу будто вспыхнет пламя,
И молниями мысли озаряет.

Перед рассветом ночь еще чернее,
Пора и свет гасить, чтобы его
Рассвет не пристыдил своим сияньем.
Погаснет лампа, но глаза пылают.

Когда же сумерки в окно тихонько
Заглядывают, серые, и вещи
Вдруг начинают выступать из мрака,
Меня внезапно побеждает сон.

А утром в зеркале своем я вижу
Глаза усталые и бледное лицо,
И в памяти тревожно промелькнет
Знакомая мне с детских лет легенда
Про «перелесника». Бывало, говорила
Нам, малым детям, старая бабуся:
«Жила-была беспечная девица...» —
Про девушку беспечную, что долго
За прялкой перед праздником сидела
И не молилась, просьбам не внимая,
И не ложилась спать. И вот за то
К ней по ночам являлся «перелесник»,
Не призраком являлся и не бесом, —
Влетал в окно падучею звездою
И превращался в стройного красавца,
Пленявшего речами и глазами.
Он дорогие приносил подарки,
Дарил ей ленты, убирал цветами,
Невестой звал и косы расплетал ей,
Речами нежными он отравлял ей сердце,
И поцелуями он душу вынимал.
Чуть раздавался возглас петушиный,
Вдруг исчезал коварный «перелесник»,
И девушка, в цветах вся, засыпала
Сном каменным. А после целый день
Ходила бледная, как привиденье,
И всё ждала, чтоб вновь настала ночь,
Чтоб с «перелесником» опять вести беседу,
А те беседы кончились бедой...
«Да кто ж, бабуся, был тот «перелесник»?» —
Старуху спрашивала я. Она
Всегда крестилась только, повторяя:
«Да не в дому и не при малых детях,
Не при святом бы хлебе называть.

Не думай на ночь ты о нем, — приснится!
И я тебя послушалась, бабуся,

И никогда не думаю я на ночь
Про «перелесника», лишь зеркало мое
Мне про него напоминает утром.

19 октября 1899

82. IMPROMPTU ¹

Когда цветет никотиана
И точно светит из тумана,
 Как будто падшая звезда,
Вся бледная от тайной страсти,
 Всё вокруг становится тогда
Покорно непонятной власти.
 И если вы тогда вдвоем,
И возле вас сияют очи,
 Горя таинственным огнем,
Как отраженье звездной ночи,
 И голос милый вам звучит,
 Как будто в тишине журчит
Струя волшебного фонтана, —
 Бегите прочь от этих чар,
 Они зажгут в душе пожар,
Когда цветет никотиана.

Когда цветет никотиана,
Всё, всё тогда полно обмана,
 Опасна ночи тишина,
Как то затишье роковое,
 Когда коварная волна
Хранит молчанье гробовое.
 Вот-вот нахлынет звуков рой,
И встрепенется мысль, как птица,
 И вспыхнет в темноте порой
Воспоминания зарница,
 Как будто неизвестный друг
 Страницы развернет вам вдруг
Давно забытого романа, —
 О, если дорог вам покой,
 Не прикасайтесь к ним рукой,
Когда цветет никотиана.

(1899)

¹ Импровизация (франц.). — Ред.

Хотела бы, как плющ, тебя обнять я,
 Закрыв от мира, рядом быть с тобою;
 Но не боюсь и жизнь твою отнять я,
 Ты, как руина, будешь скрыт листвою.

Плющ ей дарует жизнь, он обнимает,
 Храня от непогоды камень голый,
 Но и руина держит, охраняет
 Товарища, не дав сорваться долу.

Им хорошо вдвоем, — как нам с тобою, —
 Когда ж руине рухнуть выйдут сроки,
 То пусть она укроет плющ собою.
 Зачем он нужен, плющ тот одинокий?

Затем ли, чтобы на земле валяться
 Израненному, смятому, без силы
 Иль к тополю в отчаянье прижаться
 И стать ему тогда страшной могилы?

(16 ноября 1900)

84—86. Л Е Г Е Н Д Ы

1

СФИНКС

Давным-давно под солнцем полуденным,
 Среди немой пустыни беспредельной
 И безысходно-мертвого простора,
 В душе раба, что в злой неволе вырос,
 Вдруг родилась мечта и овладела
 Своим творцом уверенно и сильно,
 Сильней, чем власть могучих фараонов,
 И принести ему велела камень
 С горячих скал из Ливии пустынной,
 И вытесать из камня изваянье —
 Загадку вечную векам грядущим.

И начал раб тесать горячий камень,
И всё вокруг пылало в час творенья:
И небо, и земля, и камень, и резец,
И сердце мастера; и огненной золою
Из-под резца летели прочь осколки.
И наконец над знойными песками
Созданье чудищем живым возникло, —
То тело льва лениво распростерлось,
Как бы жарой придавленное в полдень,
И человечья голова загадкой
Вздымалась гордо и смотрела прямо
Окаменевшим взглядом пред собою,
А на губах была улыбка злая.
Взгляд и улыбка та страшнее были
Убийственного солнца над пустыней.
И чудище то стало людям богом.
Ему веками возводились храмы
С колоннами, и жертвы приносили
Украшенные лотосами барки;
О нем слагали смутные легенды,
Густым, кровавым крашенные цветом,
И пели песни в честь его поэты,
И пирамиды книг нагромождали
Ученые, чтоб разгадать загадку
Очей таинственных и злобных уст.
А в книгах имена перечислялись
Того созданья: Солнце, Правда, Счастье,
Жизнь и Любовь и многие другие;
Но лучше всех пристало слово: Сфинкс —
Таинственное, как само созданье.

24 июля 1900

2

РА-МЕНЕИС

Дочь фараонова Ра-Менеис была гордой царицей,
Так хороша и страшна, как Урея, змея золотая,
Что обвивала собою венец двух Египтов.
Как из алмаза чело ее было, а очи — из темных
рубинов.

Нравом царица была словно Нила коварные воды,
Что вытекают из тайных ключей, никому не известных;
Власть у царицы была словно Африки знойное солнце,
Как могучий самум, засыпающий даже руины.
Весь Египет стонал, как могучий колосс над пустыней,
Тяжко властью томясь царственной Ра-Менеис:
Он порой шевелился, как лев, что цепями прикован,
Глухо рычал иногда, как подземный огонь,
Крепко придавленный гнетом горы каменистой.
Стоило ж только народу увидеть царицу
С гордым, как будто алмазным челом, и как только
В темных карих очах начинали искриться рубины,
Мигом лев тот народный царице к ногам припадал,
С улыбкою сфинкса царица ему наступала на шею.
Ра-Менеис даже в храме хотела быть равной богам.
Изваянья богинь по ее изваялись подобью,
И мастера поселили возле Египта в пустыне
Толпы колоссов, похожих на гордую Ра-Менеис.
И не осталось единой струны на египетских арфах,
Что не звучала б хвалой полновластной царице Египта.
Строила Ра-Менеис для себя пирамиду в пустыне, —
Больше легло там людей, чем камней раскаленных
под солнцем.
Но не успела еще заостриться вверху пирамида,
Как над Египтом осталось одно только солнце на небе:

Ра-Менеис на пурпурное ложе легла и не встала.
Тихо лежала царица в свивальниках, полных
бальзама,
С бледным лицом золотистым, как будто из кости
слоновой.

А над челом, как и прежде, сияла корона,
Двух Египтов венец, и змея золотая Урея...
Ра-Менеис положили в высокую красную барку,
И понесли ее, тихо качая, всё дальше и дальше
Мутные воды священного желтого Нила.
В белых одеждах жрецы на серебряных систрах¹
играли,

¹ С истр — музыкальный инструмент в Древнем Египте, подобен *triangolo* наших оркестров.

Черные женщины, плачем великим рыдая,
Платья свои разрывали и ранили тело до крови;
Красные капли густые падали в желтую воду;
Арфы печально рыдали, египтянки жалобно пели,
Лотоса цвет голубой к земле, увядая, склонялся.
И плыла эта красная барка, как солнце, на запад.
Но как только на берег песчаный, где были видны
издалёка

Царские горы-могилы, вынесли тело царицы,
Встал на дороге народ. Видел лев, что разорваны цепи.
Белых жрецов разогнал, утопил чернокожих невольниц,
Лотоса цвет растоптал и предал сожжению барку,
Тело царицы забросил далёко в пустыню, в пески.
Год за годом ей вихри могилу сыпучую там возводили,
Солнце палящий бальзам на умершую дочь проливало.

Время шло, пронеслись над Египтом века за веками.
Уж могилы царей превращаться в развалины стали,
Уж царей имена предавались в народе забвенью,
Разрушать стали руки безбожных гробницы и храмы,
И как только рука, или воздух, иль солнце касались
Тысячелетнего трупа, он, словно пыль, рассыпался.
И смеялись потомки тогда, что и мумии предков
не вечны. . .

Как-то к северу шел караван, чтоб отправить за море
Драгоценную кладь из руин фараонов забытых.
Саркофаг впереди возвышался пустой и огромный;
Черный камень на солнце блестел раскаленною бронзой,
Еле двигали десять верблюдов тот груз накаленный,
Вдруг человек, погонявший верблюдов, споткнулся,
Вниз посмотрел и отпрянул, ужаленный страхом, —
Он головку змеи у себя под ногами увидел,
И в глазах ее красные искры пылали на солнце.
«Ля Илляга! — сказал ему шейх каравана. —
Не пугайся ее: правоверным она не опасна.
Видишь, она золотая, глаза ж у нее из рубинов».

Стал поднимать он руками с земли ту змею золотую,
Но неожиданно вслед за змеей поднялась над песками,
С мертвым лицом и с двойною короной Египта,
Ра-Менеис поднялась, нетленная в смерти царяца.

И казалось, что взгляд ее тайный скрывают недвижные
веки

И злая улыбка дрожит на устах ее бледных.

И застыли погонщики перед нетленной царицей,
Только шейх правоверный остался, как прежде, спокоен,
Никогда не боялся он женщин, живых или мертвых,
Только привык он оценивать их на базарах.

«Нет цены в нашем крае, — подумал он, — женщине этой;
Значит, безумные джавры заплатят безумные деньги».
И приказал ту царицу с песка он поднять осторожно,
Положить в саркофаг и не грабить камней

самоцветных.

Царским ложем гробница тяжелая стала казаться,
Чуть заблестала над нею змея золотая Урея.

Но опустилась со скрежетом крышка из камня,
Скрылась навеки царица от ясного солнца пустыни...
Дальше песками сыпучими к морю пошел караван.

Без приключений он прибыл в порт многолюдный
и шумный.

Шейх не ошибся в расчетах: и вправду безумные
джавры

Деньги безумные дали за мертвое тело царицы

И повезли ее вдаль, через море, на север.

В северном крае далеко, в том городе вьюг и туманов,
Где так стремительна жизнь, как холодная горная речка,
Храм для богов всего мира поставили севера люди.
Он же гробницею был для всего, что когда-то царило,
Только уж не были боги богами, а всё неживое
Там потеряло навеки надежду воскреснуть для жизни.
В этот храм положить захотели гордую Ра-Менеис.

Плыл, пробиваясь сквозь волны, корабль и ночами
и днями,

Выдержал бури, не сбился в тумане с дороги,
В море он штиль переждал, миновал все подводные
скалы,

Дальше и дальше всё мчался, пронизанный ветром
холодным.

И чем дальше на север плыла неживая царица,
Тем холодней становилась гробница, нагретая солнцем,
И выступали по черному камню соленые слезы.
И привезли саркофаг к преддверию нового храма;

Был он холодный, тяжелый, как льдина на северном
море;
Подняли руки рабов его белых, чтоб в храм отнести
и поставить,
Но удержать не могли — он упал, и земля застонала.
Десять рабов искалечил и надвое сам раскололся.
Горе! То ложе разбилось царственной Ра-Менеис.
И друг другу промолвили новых времен фараоны,
Те, что безумной ценой за нее заплатили арабам:
«Пусть этот гроб раскололся, но наша царица осталась,
Тысячелетья прошли, но она и сейчас неизменна,
Наша царица прекрасная, гордая Ра-Менеис», —
И приоткрыли разбитую крышку того саркофага.
Что же там было? Остатки свивальников тонких, тугих
от бальзама,

Желтые кости, покрытые влажною пылью,
Черные пряди волос, между прядями теми
Матовым блеском сияла двойная корона Египта,
Рубинами глаз полыхала змея золотая Урея.
Холод жестокий безжалостен был к той нетленной
царице,
Что пролежала века под египетским солнцем палящим,
Черпая в волнах лучистых свою красоту и бессмертье.
Ра, бог полдневного солнца, в полуночном крае
не правил,
Правил там холод свирепый и едкая сырость туманов.
В землю навеки вернулась гордая Ра-Менеис.

25 июля 1900

3

ТРАГЕДИЯ

Рыцарь чувствует, сражаясь,
Что он ранен в грудь смертельно,
Прижимает панцирь к сердцу,
Чтобы кровь остановилась!

А прекрасной даме видно —
Побледнел ее любимый,
Он рукою грудь сжимает,
Дама шлет слугу поспешно.

«Господин, вас просит дама
Хоть на миг покинуть битву,
Чтобы вашу рану, рыцарь,
В башне мы перевязали.

Там у нас бальзам целебный,
Там и мягкие повязки,
Там давно для господина
Белая постель готова».

«Друг слуга, скажи спасибо
Даме, что тебя послала, —
Мне воспользоваться трудно
Приглашением любезным.

Если бы хоть на минуту
Снял с себя я этот панцирь,
Кровь бы хлынула потоком,
Жизнь моя оборвалась бы.

В мире есть такие раны,
Для которых нет бальзама,
Для которых нет повязки,
Кроме панциря стального».

«Господин, слова такие
Могут ранить даме сердце».
— «Если есть у дамы сердце,
Пусть его сожмет покрепче».

6 июня 1901
Кимполунг

87

Уста твердят: ушел он без возврата.
Нет, не покинул, — верит сердце свято.
Ты слышишь, как струна звенит и плачет?
Она звенит, дрожит слезой горячей
Здесь, в глубине, трепещет в лад со мною:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

Так вечно, в песнях ли хочу избыть я муку,
Иль кто-нибудь сожмет мне нежно руку,

Иль задушевный разговор ведется,
Иль губ моих губами кто коснется —
Струна звенит, как эхо, надо мною:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

Спустишь ли я в таинственные бездны,
В мир образов знакомых иль безвестных,
Видений темных, призраков, кошмаров,
Томящих душу, наводящих чары, —
Вновь голос твой, овеянный тоскою,
Звенит: «Я здесь всегда, всегда с тобою!»

Минутный сон смежит мне тихо вежды,
Уставшие от мыслей безнадежных, —
И сквозь тяжелый полог сновиденья
Я слышу, голос милого виденья
Звенит, овеян тайною тоскою:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

И каждый раз, как слышу голос вещей,
В глубинах сердца те цветы трепещут,
Что для тебя с любовью я растила,
Что взять с собой ты не хотел в могилу, —
Они дрожат и вторят в лад со мною:
«Пусть нет тебя, но я всегда с тобою!»

7 июня 1901
Kimpolung

88. КОРОЛЕВНА

«Королевна, свет мой ясный,
Вы себя навек сгубили.
Что связало вас со мною?
Я ведь рыцарь без наследства».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Мне обидно это слышать, —
За червонцы не привыкла
Продавать свое я сердце».

«Королевна, свет мой ясный,
Сану вашему пристали

Багряница и корона,
А не будничное платье».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Разве я для вас милее
В багрянице и короне,
Чем в простой одежде темной?»

«Королевна, свет мой ясный,
Я совсем бесславный рыцарь, —
От изменнической сабли
Умираю, лежа дома».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Жизнь изменника позорна,
А у вас довольно славы!
Вы избранник королевны».

«Королевна, свет мой ясный,
Чует сердце, что погибну, —
Кто же будет защищать вас
От хулы, от наговора?»

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Не страшусь я наговора, —
По своей живу я воле,
Я на то и королевна».

«Королевна, свет мой ясный,
Тяжело вам будет видеть,
Как меня схоронят люди
Попросту, совсем не пышно».

«О мой рыцарь, друг любимый,
Сердца мне не разрывайте,
Что мне пышные обряды,
Если вы в гробу уснете?!»

«Королевна, свет мой ясный,
Заклинаю вас любовью,
Будьте гордой и в печали,
Как пристало королевне».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Что мне страшное заклатье?
Нет на свете горя горше
Молчаливой гордой скорби. . .»

В сельской церкви на органе
Громко Requiem играют,
Хор рыдает Miserege,
Люди плачут De profundis.

Мертвый рыцарь спит во гробе,
Возле тела королевна
Стала тихо и спокойно,
Как невеста перед свадьбой.

Черною вуалью скрыта, —
Ни движенья, ни дыханья,
И горит спокойным светом
В пальцах свечка восковая.

Девушки в сторонке плачут,
Разговор идет в народе:
«Вот она, что так любила. . .»
«Глянь, себя не пожалела. . .»

«Говорят, босой бежала,
Стремена рукой ловила. . .»
«Кто же та, что стала молча
Возле гроба?» — «Королевна».

А в палате королевской
Бродит смутная тревога
Среди челяди дворцовой, —
Гневен, зол король сегодня:

Мечут стрелы злые очи,
И звенят стальные шпоры,
Руки стиснули сурово
Рукоять узорной шпаги.

Паж-ребенок на пороге
Встал смущенно и несмело
И промолвил еле слышно:
«Королевна ожидает...»

И властитель отозвался.
«Пусть придет, — промолвил гневно, —
Пусть услышит при народе
От отца навек проклятье».

Не успел король окончить
Слов безжалостных, недобрых,
Зашумели, загудели:
«Эй, дорогу королевне!»

Между рыцарей блестящих,
Дам, богато разодетых,
Проходила королевна
В темной будничной одежде,

Без убора и вуали,
С непокрытою косою,
Скорбных глаз не опуская,
Головы не наклоняя.

Смолкли рыцари в смятенье,
Дамы стихли, побледнели, —
Ждут, как грома среди бури,
Королевского проклятья.

Что же это? Тихо, грустно
Задрожал отцовский голос:
«Ты пришла, родная дочка?
Отдохни, присядь, голубка...»

Лишь услышала бедняжка
Эти ласковые речи,
Задрожала и упала,
Словно на землю росинка.

Как холодная росинка,
Что так долго трепетала,
Всю-то ночь, вверху на ветви
Ласки солнца ожидая. . .

Так в палате королевской
Жалость с горем неизбывным
Стали знатными гостями,
Что пришли без этикета.

20 июня 1901
Кимполунг

89—96. РИТМЫ

1

Вы, слова мои громкие, где вы теперь,
Что без вас мне немая печаль?
Разбежались вы звонкой весенней водой
По оврагам, по рощам, по балкам.
Что не встанете вы, как морские валы,
И отважно не крикнете в небо,
Не заглушите грусти прибором своим,
Не развеете горькой печали моей
Сильным, яростным натиском бури?
Я не затем, слова, растила вас
И кровью сердца своего поила,
Чтоб вы лились, как вялая отрава,
И разъедали души, словно ржа.
Лучом прозрачным, буйными волнами,
Звездой летучей, искрой быстрой,
Сияньем молний, острыми мечами
Хотела б я вас вырастить, слова!
Чтоб эхо вы в горах будили, а не стоны,
Чтоб резали — не отравляли сердца,
Чтоб песней были вы, а не стенаньем,
Сражайте, режьте, даже убивайте,
Не будьте только дождиком осенним.
Сжигать, гореть должны вы, а не тлеть!

26 августа 1900

Иль молниями только им носиться,
 Словам моим, что родились в печали?
 А почему бы не взлететь им к небу
 Серебряною жаворонка песней?
 И не рассыпаться, дрожа, над черной пашней,
 Как звонкий дождь, просвеченный лучами?
 Зачем не закружиться хороводом,
 Как будто листья, что срывает буря,
 Как будто выюжные алмазные снежинки?
 Иль только тем ясней звезда сияет,
 Чем ночи тьма вокруг нее чернее?
 Иль только в сказке из людей убитых
 Калина вырастает и чарует
 Сердца живых чудесною свирелью?
 Иль только в сказке лебедь умирает
 Не с криком смертным, а с прекрасной песней? . .

26 августа 1900

Когда бы солнца ясные лучи
 Могли бы чудом в струны превратиться,
 Я сделала бы золотую арфу;
 И всё в ней было б светлым — струны, звуки;
 Любая песня, что на прочих струнах
 Звенит, как голос непогожей ночи,
 Звенела бы на золотистой арфе
 Той песней, что звучит лишь только в снах
 Детей счастливых. Грусть бы улетела
 От звуков тех и уплыла бы вдаль,
 Как солнцем озаренные туманы,
 Что издали, как золото, сияют
 И кажутся не тучей, а мечтою,
 И, слитые в гармонию печали,
 Запели бы, как хоры в эмпиреях. . .

14 сентября 1900

Уплыть бы мне хотелось по теченью
 Офелией, украшенной цветами.
 Мои бы песни плыли вслед за мной,

ДУМИ І МРІЇ

Ї

ПОЕЗІЇ

Лесі Українки

НАКЛАДОМ

УКРАЇНСЬКО-РУСЬКОЇ ВИДАВНИЧОЇ СПІЛКИ

виробничої спілки в об'єднанні з перунами у Львові.

1899.

Как и вода спокойная, качаясь,
Всё дальше, дальше. . .

Легкими волнами

Меня б вода укрыла понемногу
И как ребенка бы запеленала,
Качала бы, как нежное мечтанье,
Так тихо, тихо. . .

Я ж, совсем покорна,
Дала б нести себя и убаюкать,
Плыла бы с тихой, еле слышной песней
И опускалась в голубую воду
Всё глубже, глубже. . .

А потом остался б

Лишь только отзвук на волнах чуть слышный
Моих напевов, как воспоминанье
Баллады старой и давно забытой,
Как смутный сон, печальный и кровавый.
Да как припомнить? Песня та звучала
Давно, давно. . .

Потом и звук исчез бы,
И на воде бы колыхались только
Мои цветы, что не пошли со мною
На дно реки. Они быплыли дальше,
Пока в залив спокойный не прибились,
У лилий белых водяных не встали б,
Склонились бы над сонною водою
Плакучие березовые ветви,
И там в затишье ветер бы не веял;
На лилии спускался б только с неба
И на цветы, что я рвала в безумье,
Покой, покой. . .

3 декабря 1900

5

. . . Нет! Я покорить ее, видно, не в силах,
Безумную песню, что встала из грусти,
Ни маски надеть на нее не умею,
Ни светлой одеждой ее приукрасить, —
Бьет черным крылом, словно хищная птица,
И ранит, как только хочу я насильно
Ее укротить. Эй, безумная песня!

В кого удалась ты такой непокорной?
Смотри, я смеюсь, когда сердце рыдает,
И взгляд мой и голос мне стали покорны,
И я так спокойна. А ты? Словно ветер,
Безудержна ты. И тебе всё равно,
Что, встретив, раздуешь огонь до пожара,
Что волны, столкнувши, разгонишь до бури,
Что темные тучи запутаешь в хаос,
Что домик убогий, приют мой последний,
Тяжелой лавиною в бездну ты свергнешь.
Тебе всё равно! Тот пускай и поплачет,
Кто искру опасную бросил в дороге,
Кто челн ненадежной доверил воде,
Кто темною полночью вышел в дорогу,
Кто домик убогий, приют свой последний,
Поставил высоко, у края обрыва.
Ты стала крылатой — должна ты лететь!

Да, песня, песня вольная! Не знаю,
На счастье иль на горе эта воля,
Но я еще оков ей не сковала;
Не знаю я, где взять для них железа
И на каком огне они куются.
Да, верно, уж ковать иль не ковать их,
Придет пора — и сами распадутся.
И встрепенется песня на свободе,
И вырвется из плена, как рыданье,
Что долго, приглушенное, таилось
В темнице сердца.

Не просите смеха
Вы все, кому от этой песни грустно,
Вы утешенья не найдете в ней,
Рожденной от отчаянья и скорби.
За горе скрытое она отмщенья хочет
Огнем, отравою, тоски мечом разящим.
Коль страшно вам — идите прочь с дороги!
Пускай промчится песня одиноко,
Как через море ледяное вихрь.
Не надо ей ни слез и ни сочувствий,
Ей надо лишь свободы и простора.

Безумный так свободу добывает,
Чтоб до конца стремиться в неизвестность...

Летит в безумьи песня — берегитесь!
Скорбь жалости не знает, как и смерть!

1 февраля 1901

6

Когда б вся кровь моя вот так же уплыла,
Как и слова! Когда бы жизнь моя
Исчезла так же вдруг, как исчезает
Вечерний свет! .. И кто меня поставил
На страже посреди руин и грусти?
Кто обязал меня, чтоб на земле я
Будила мертвых, тешила живых
Калейдоскопом радостей и горя?
Кто гордость мне вложил вот в это сердце?
Кто даровал отваги меч двуострый?
Кто взять велел святую орифламму
Мечтаний, песен, непокорных дум?
Кто приказал мне: не бросай оружие,
Не отступай, не падай, не томись?
Зачем должна я слушаться приказа?
Зачем уйти не смею с поля чести
Иль, наконец, упасть на меч свой грудью?
И что мне не дает промолвить просто:
«Да, ты, судьба, сильнее, — я покоряюсь».
Зачем при мысли о таких словах
Сжимаю я незримое оружие,
А в сердце зреют кличи боевые? ..

6 июня 1901
Кимполунг

7

Как тяжело идти мне той дорогой;
Широкой, битой, пылью сплошь покрытой,
Где люди мне напоминают стадо,
Где нет цветов, где не растет бурьян!

Зовет и манит издали вершина,
Что так пылает золотым пожаром!
Там, на высотах, непреодолимо
Я жажду знамя красное поставить,
Где сам орел гнезда не смеет свить!

Меня влечет горячее желанье
Пойти туда песками и кустами
И там послушать горной чаши гомон,
И заглянуть в таинственную бездну,
И с быстрыми потоками поспорить,
И между льдов пробиться самоцветных,
И эхо песней разбудить в горах!
Проводником пускай мне служит знамя,
Пускай поддержит на дороге скользкой,
Пока меня не выведет к вершине,
Преодолев свирепый горный ветер.

Когда ж меня на полдороге встретит
Лавина тяжкая, судьбой обрушась
На голову мою, — я упаду,
Как на постель, на белый снег нагорный.
Пусть обо мне колокола не плачут,
Пускай поет лишь вольный, звонкий ветер,
Пускай метель веселая кружится
И звезды снежные вокруг роятся,
И поцелуями холодными закроют
Мне пылкие доверчивые очи. . .

16 августа 1901

8

Зачем я не могу взлететь к высотам,
Туда, к вершинам ясным, золотым,
Туда, где тучка под луной сияет?
Я видела, как тучка та рождалась,
Как из потока звонкого возникла
Туманом белым, чуть заметным паром,
Как поплыла неслышно над водою,
Глубокими оврагами, всё выше,

И тихо поднялась, с трудом как будто,
И устремилась вверх. Она цеплялась
За зеленеющие гребни сосен
И за уступы оголенной кручи,
За шалаши пастушьи, там, на склонах,
Как человек, что, силы напрягая,
Взойти стремится на гору. И вышла,
И улыбнулась месяцу с вершины,
И так стояла девушкой светлой —
И засияла легкой и прозрачной,
Как ясная мечта. Кто в ней узнает
Ту влажную безрадостную тучу,
Что двигалась так тяжело по долине? ..

Ой, горы, горы, золотые кручи!
И отчего я к вам так порываюсь?
И отчего люблю вас так печально?
Ужели мне не суждено подняться
На ваши заповедные высоты?
Когда мне мощных крыльев не дано,
Чтоб я могла туда взлететь орлицей,
Туда, на высочайшие вершины, —
То жажду я пролить потоки слез,
Горячих слез, безудержных, внезапных,
Что рвутся из глубин сокрытых сердца
Источником живительной воды.
Пусть из них душа моя восстанет
И с мукою тяжелой устремится
На ту вершину, что сияет вечно
И кажется глазам издалика
Такой же неприступной, как и горы,
К которым я взлетаю лишь мечтою.
Тогда, быть может, дух мой, словно тучка,
На высоте внезапно изменился б,
Нагорным, чистым светом озаренный.

4 августа 1901
Буркут

I

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

То было так давно. Семь лет мне миновало,
 А ей, наверно, было двадцать лет.
 Сидели мы в саду. Цвело всё, расцветало,
 С каштанов осыпался белый цвет.

Ничем она меня тогда не забавляла,
 Мне все забавы были далеки,
 Мне б только с нею быть, — она же знала
 Одну забаву лишь — плести венки.

Я подавала листья ей, цветы и травы,
 От рук ее не отводя очей.
 Казалось, что плела она не для забавы,
 А чтоб оправу сделать для речей.

В ее речах слова, как волны, набегали,
 Как слезы о ее замученных друзьях, —
 Казалось, что цветы, бледнея, увядали,
 И скорбные слова немели на устах.

И вновь срывались с губ, как гневные угрозы,
 Как приговор всем тем, кто пролил кровь,
 И дикие пылали кровью розы,
 И, как цветы, слова пылали вновь.

Шумел зеленый сад, а голос пел любимый
 О воле золотой весенним днем,
 И ряст в венке цвел красотою дивной,
 И песни золотым лились дождем. . .

То было так давно. Уже давно на свете
 Тех слов призыв горячий отзвучал.
 Наверно, и она о них забыла:
 Кто помнит о венках, что в юности сплетал?

И я забыла их, не вспомню даже слова
Из тех бесед в далекие года,
Лишь цвет, звучанье их нежданное мне снова
Волнуют кровь теперь, как и тогда.

Те звуки не умрут, не онемеют, —
Всегда, как только лист от ветра зашумит
Или цветы на солнце запестреют,
Мелодия внезапно зазвучит.

Как будто звуки те на страже встали,
Чтоб душу каждый миг будить от сна,
Чтоб только розы в сердце не увяли,
Покуда вновь не зацветет весна.

9 июля 1900

2

ВЕЧЕ

И старость не пришла еще, а часто
Минувшее встает перед глазами;
И всматриваюсь я в него, как будто
Боюсь, что я уж больше не увижу
Моих воспоминаний светлый сад,
Что красовался пестрыми цветами,
В лучах мечты, как при закатном солнце.
И вновь встает воспоминанье детства,
Зовет меня: «Взгляни еще хоть раз!»

Мы во дворе разрушенного замка
Сошлись на вече важно и степенно,
Все гладкие, кудрявые головки.
И возрастом не маленькие: если б
Сложить все годы — вышло бы столетье.
Мы собрались все вместе, все двенадцать.
Мы были осмотрительны и знали,
Что мы живем в небезопасный век:
И у ворот поставили мы стражу,
Чтоб, если кто придет, предупреждала.

Совет держали мы. Союз наш тайный
Закладывали мы, куда совсем
Не получили доступа «большие».
Торжественно мы дали обещанье,
Что до конца хранить мы будем тайну.

Какую ж цель себе союз поставил?
Какую цель? «Большим» не обойтись бы,
Наверно, без нее; у нас, однако,
Той цели не было, была отвага,
Решительность, а может, героизм, —
И с нас довольно было. Вместе с нами
Была и маленькая Жанна д'Арк:
Вся тоненькая, беленькая, голос
Звенел звоночком, а ее глазенки
Зарницы голубые рассыпали,
И золотые кудри развевались,
Как орифламма. Мы ее считали
Оратором необычайной силы.
Она сидела в замковой бойнице,
Как будто в нише, и вокруг нее
Весеннего так много было неба
В той раме каменной; венцом лучей
Ее головку золотило солнце.
Она держала речь, и в ней так много
Больших по смыслу, важных слов звучало:
Свобода, братство, равенство, наш край...
Да, да, всё это было. Дальше слово
Сменил напев, и сразу всё собранье
Его единодушно подхватило.
А песни были «красные» такие,
Каких еще не слышал старый замок
И в дни, когда кровь красная ему
Не раз окрасила седые стены.
«Каленые ножи» в тех песнях были,
А в сердце у певцов была любовь
Ко всем «большим», что малыми считались
На жизненном пиру. Напев летел
За стены за зубчатые, катился
Зелеными лугами, прямо к речке,
Как будто плыть хотел он по теченью
К тем бедным селам, что вдали виднелись...

От стен высоких замка тень с зубцами,
Всё удлиняясь, двор собой накрыла,
В бойнице небо стало темно-синим,
Не стало и веночка золотого
На голове малютки Жанны д'Арк.
А мы всё пели... Вдруг нам наша стража
Знак подала: «Домой спешите, гуси.
Волк за горой!» И всё затихло мигом:
«Большие» шли!.. А мы, к стене прижавшись,
Смотрели, как нескладные фигуры,
Шатаючись и пишучи «мыслете»,
Блуждали долго во дворе у замка, —
«Большие» расходились из гостей.
Ой, видно, долог был и труден путь,
Что во дворе они заночевали...

И тайный сход наш разошелся тайно;
Шагали ножки маленькие тихо
В вечерней тьме; никто не отзывался,
Сжимали руки на прощанье молча
И за стеной все порознь разошлись...

Где вы, мои товарищи бывые?
Мы разошлись, как по лесу тропинки.
И разве не припомнится вам замок,
Все наши речи, песни, наша тайна?
Иль, может, вам, «большим» и мудрым людям,
Теперь уже не до ребячьих грез?

10 августа 1901

99—103. ИЗ ЦИКЛА «МГНОВЕНИЯ»

1

Талого снега платочки раскиданы...
Реденький дождик да неба свинец,
В робкой траве первоцветы чуть видные —
Это весна, это счастья венец!

Небо глубокое, солнце лучистое,
Пурпур и золото вялых ветвей,
Поздние розы, все в росах, душистые —
Осени вестники... Может, моей?

Что ж, не страшусь я прихода осеннего,
Радует душного лета конец —
Лишь не напомнили б часа весеннего
Реденький дождик да неба свинец.

11 августа 1900

2

Гей, пойду в зеленые я горы,
Где шумит сосновый бор, как море,
Понесу туда я свое горе,
Кину его в горные просторы.
Я свою кручину
На сосну закину,
В бор пущу свою тоску я —
Пусть найдет другую...

19 июня 1901
Кимполунг

3

Туча, дождь, а радуга дугою.
Что же это, девушка, с тобою?
Пашешь горе, сеешь грусть-кручину...
Перестань! Что толку, сиротина?

Те поля не рутой
Порастут густой,
А отравой лютой,
Горем да бедой.

Пусть тебя печаль бы окружала,
Знай свою пшеницу бы ты жала,
А в пшенице той мак с васильками
Меж колосьев пестрели-мелькали.

Заняла полоску —
Жни, не отставай,
А нагрянет туча —
Дела не бросай!

12 августа 1901
Буркут

4

Ой, как будто не печалюсь, всё же я не рада,
Что-то смутно-неприятно, на сердце досада.

Я откину ту досаду прочь на бездорожье,
А она взошла, красуясь, словно мак над рожью.

А я мак тот посрываю да сплету веночек,
Кину красный тот веночек в быстрый ручеечек:

Плыви, плыви, мой веночек, до самого моря,
Если буря не утопит, не избуду горя.

Ой, не утопила буря красный тот веночек,
От него ж волна морская покраснела очень.

Горька вода в синем море, горько ее пить;
Как бы мне свою досаду в море утопить?

20 августа 1901
Буркут

5

Ой, пойду я в бор дремучий, где сосна сухая,
Разожгу костер высокий — пусть запылывает!

Загорелась, запылала елка смоляная,
И горит моя досада, как хвоя сухая.

И огонь разбушевался, и досада вторит,
Рассыпает, словно звезды, искры на просторе.

Упадет, сверкая, искра звездочкой падучей,
Да как раз вонзится прямо в сердце, неминуче!..

Ну, лежи, досада, в сердце, если так уж вышло,
Буду я тебя баюкать, колыхать чуть слышно.

И прижмешься ты к сердечку, как дитя родное.
В колыбели теплой сердца будешь век со мною.

От толчка горячей крови колыбель качнется —
Спи, дитя, и днем и ночью, пока сердце бьется!..

20 августа 1901
Буркут

104. НИОБЕЯ

Дети, дети мои, разве я вас навек потеряла?
За что же наказана я? За то, что так верила гордо
В детей моих милых, в волшебную их красоту
И в славный мой род? За то, что я дочь Прометея?
Что же, злая богиня, тобою убитые дети
Разве не были лучшими между потомков людей и богов?
Ты убить их могла, красоты же их не запятнала,
И хоть горем измучила, всё же я дочь Прометея,
И для себя милосердья просить у тебя я не буду!
Если бы ты и хотела теперь проявить милосердье,
Ты не могла бы, нет власти твоей надо мною.
Вот я стою, вся из мрамора, в каменных тяжких оковах,
Только очи мои льют потоки палящие слез.
Слез моих удержать ты не можешь, о злая богиня,
Ведь Прометеева гордость бессильна была против них.
...Дети, дети мои! Как живыми я вижу всех вас,
Ваши лица в слезах предо мною дрожат, как лучи...
Где ты, старшая, — в белой одежде, пышна, величава,
Ты казалась богиней, была на меня ты похожа.
Но никто б твоей матери нынче во мне не узнал.
В мраморе этом я стала совсем не такую,
Как была я тогда, когда рядом с тобою стояла.
Ныне сестричке твоей, голубке моей сердобольной,

Бедную мать увидав, горько заплакать пришлось бы,
К доченьке третьей моей она бы в объятия упала, —
Та ведь была рассудительной, смелой, настойчивой,
доброй,

Всех от беды защитить готова была своим сердцем,
И потому к ней ласкались мои все малютки,
Слезы свои ей несли, она ж им дарила улыбку.
Дети мои! Вы и в горе и в радости все были вместе,
Словно пунцовые розы на кустике пышном,
А братья вокруг, словно ветки колючие розы, —
Каждый из братьев готов был изранить того,
Кто бы обидел сестричек. Мой старший, мой первый,
Был словно кедр на вершине горы, он не гнулся
под ветром.

О, зачем же, за что ж так напрасно погибла та сила,
Что давала всем братьям отвагу в бою и решимость?
Тихо упал его брат кипарисом покорным и грустным,
Третий же, младший, как плющ, крепко обнял
руками его,
Самый же младший, как ясный огонь, огонек мой
любимый,

О, как он вспыхнул, сгорая! Отцовская кровь
отозвалась!

Он победителем был и в последнее жизни мгновенье!..
Все полегли, как один, лишь оружие да диски остались,
Вон они меж украшений дочерних, меж кукол малюток,
Ныне уже бесполезные, может, на то лишь потребны,
Чтоб вызывать из очей моих снова внезапные ливни.

Если б могли эти слезы в очах моих остановиться!..
Не остановятся, нет! Будут литься вот так бесконечно.
Если же землетрясение иль бури порыв меня сбросит,
Камень о камень ударит, в мелкий песок разотрет,
Горные русла меня понесут тогда в море, рыдая,
И все волны морские века надо мной будут плакать.
Не умрет моя грусть, моя боль не исчезнет на свете...
...Ох, когда б хоть один, самый младший остался

со мною,

Мое милое дитяtko, сердцу родная малютка!
Может быть, он так крепко прижался б своими устами
К моей каменной груди, что в сердце бы жизнь
пробудилась,

И горячая кровь победила бы мрамор холодный,

И застывшие руки, что тянутся в тщетном призыве,
Обняли б снова его золотистое нежное тельце,
И уста мои бледные, оцепеневшие в горе,
Вновь бы могли целовать его глазки, как светлые искры.
Лучше б сердце разбилось и, как человек, умерла я,
Но не стояла бы страшным созданием, камнем в печали:
Мертвая я и теперь, и одни только слезы живые...

30 июня 1902

105

Острым блеском вдруг волны заискрились
После бури в прозрачную ночь,
Будто войско мечами булатными
Хочет снять вражьи головы прочь.

Блеск оружия, рокот раскатистый...
Будто встал возмущенный народ,
Будто сила народа могучая
Непреклонно на приступ идет.

Каждый меч — луч светила небесного, —
Вниз упав, снова блещет во мгле,
Каждый звук — отзвук силы бунтующей,
Изменяющей жизнь на земле.

Море, море, людское, народное,
Из чего ж ты оружие скуешь?
Что же будет, что станет на пустоши,
Вместо мира, что ты разобьешь?..

8 ноября 1902
San Remo

106. ДЫМ

«Дым, — я себе твердила, — даже дым
В родных местах нам сладостен и дорог» —
Покуда в итальянские края
Проворно нес меня спешащий поезд.
И грезилась мне дальние деревни:

Девчата с песнями идут с полей,
Неугомонно возятся хозяйки,
Встречают стадо, а потом отару,
Хозяева закончили работу,
Идут домой, не торопясь, степенно
И, высмотрев издалека дымок,
Чуть вьющийся над низенькой трубою,
Украдкой думают: «А вот и ужин».
И грезился мне вечер на лугах
Волынщины: вдали чернеют ели
Зубчатую стеною, к ним туман
Бесшумным тихим морем подступает, —
Кто в поле, кто в лесу, поберегись!
В белесой мгле плодится лихорадка!
Но те, кого не дома ночь застала,
Шагают с песней к лесу, на дымок, —
Ведь там костер горит, там их собратья,
Там сухо и тепло, роятся искры,
Как золотые пчелы, пляшет пламя...
«Пойдем-ка на дымок!..»

И я глядела
На сёла, где над трубами нет дыма
(Чуть-чуть огня довольно для «поленты»),
На клетки рисовых полей, «ризайи»,
Где невидимкой ходит малярия,
Не пуганная дымом и огнем, —
И откликом на стук колес немолчный
Звучало в мыслях у меня: «Чужбина».
...Туннель! И дым ворвался мне в окно
Горчайшей едкой тучей — скверный дым,
Ох, видно, скверен итальянский уголь,
Так не душил и дым в курной хатенке
Там, на Полесье: помню я, как пели
На свадьбе дружки — в горнице звенело
От чистых ясных голосов, хотя
Застлало дымом головы поющих.
Знать, дым от дров не так уж очи ест,
Когда к тому же это дым родимый...
...«Sampierdarena!» Слава богу! Значит,
Вот-вот и Генуя, а там и отдых,
И будет море, радостное небо
И древний город — гордость и краса

Отважного и вольного народа...
... «Вон Генуя», — и старичок почтенный
Указывает мне рукой в окно.
Гляжу — всё вдалеке закрыто мглою.
«Ах, сударь, — говорю, — надеюсь, редко
Бывают здесь подобные туманы».
— «Туман? Но это не туман, а дым.
Дым, как всегда. Да что тут удивляться!
Всмотритесь». Я всмотрелась. Словно мачты
В большом порту, из пелены белесой
Вдали торчали трубы. Целый лес!
«Там умножается богатство наше», —
Внушительно сказал мне собеседник.
Но стены фабрик были не хрустальны,
Не лился в окна свет того богатства, —
Там только что-то темное мелькало...
Мне вспомнился иной приморский город, —
Не итальянский, — и другой, и третий,
Стоящие над нашими морями,
А после — город над большой рекою,
Грохочущей на каменных порогах,
Как Рейн у скал, где день и ночь колеса
Перекрывают шумом гул стремнины...
А после — свекловичные полянки
В ботве курчавой, а за ними трубы,
Всё трубы непомерной высоты,
Как сосны без ветвей на косогорах...
Мы въехали в предместье. Вдоль дороги
Стояли, ненарядны и суровы,
Дома в пыли и копоти. За окна
Белье цеплялось нечистью голодной,
Назойливо ломящейся в жилища,
А сквозь стекло, бледны, как привиденья,
Вперялись в нас рабов каких-то лица.
А надо всем плыл дым, легчайший дым,
Что глаз не ест и что не душит разом,
Но, застилая голубое небо,
Крадет у солнышка его веселье,
Румянец пьет со щек и гасит взоры
И серостью уравнивает краски.
Его никто нигде не ощущает,
А он бесшестно, тайком, но внятно

И день, и ночь, и каждую минуту
Нам говорит: «Я тут, всегда я тут».
И он проник, тот дым, мне прямо в сердце,
И сердце сжалось в немоте и больше
Не шепчет слов «чужая сторона».

21 января 1903
San Remo

107. ПЛЕННИК

(Средневековый мотив)

В итальянские владенья
Войско сильное вступило —
За французскими полками
Вслед ворвались кондотьеры.

Словно вороны, слетелись
На привычную добычу,
Чтобы труп осиротелый
Растерзать, напившись крови.

Где оружие бессильно,
Там ползет тайком измена,
Словно уж, повсюду вьется,
Меч собою заменяя.

Где не справится измена,
Там разврат венчает дело,
Что от недруга осталось, —
То свои же доконают.

Горе тем, кто в бой неравный
Здесь кидается на гибель,
Горше тем, кто здесь от яда
Погибает, обесславлен.

Но всего на свете хуже
Тем, кто здесь в плену томится,
Как несчастный этот рыцарь
Габриель ди Капельеро.

Сам Баяр, отважный рыцарь,
Взял его на поле битвы
В плен, и вот сидит несчастный
В шумном лагере французском.

Не закован он в оковы,
Он не заперт в крепкой башне,
Не следит за пленным стража,
Окружив шатер Баяра.

Сдался он на слово чести,
Побежден в бою неравном,
А Баяр чистосердечный
Верит рыцарскому слову:

Шпагу пленному вернул он,
Дал коня, оруженосца,
И считать велел он гостем
Молодого итальянца.

И «гостит» тут против воли
Габриель ди Капельеро,
Ждет, томясь, покуда пленных
Обменяют друг на друга.

Из шатра глядит тоскливо
На далекую окрестность —
Край веселый итальянский
И в беде красой блистает.

В темных листьях померанцы
Светят золотом червонным,
А кудрявые оливы
Серебрятся по долинам.

Горы вырезались в небе
Чистым солнечным узором.
Что, однако, там белеет
На пригорке темно-синем?

Или снег там залегает,
Или тучи притаились,

Иль цветут каштаны в роще,
Иль поток играет горный?

Нет, не снег там и не тучи,
Не каштаны, не потоки, —
То пожарища дымятся,
Села жгут враги-французы. . .

Габриель ди Кастельнеро
Стиснул шпагу золотую.
«Эй, коня!» — слуге он крикнул.
«Конь оседлан, ваша милость!»

Речь французскую услышав,
Бедный рыцарь итальянский
Опустил клинок и тихо
«Прочь!» — сказал оруженосцу.

И закрыл глаза рукою,
И пред ним померкло небо,
И закрылось солнце тьмою,
Как в темницах венецейских.

Вот когда почуял зависть
Габриель ди Кастельнеро
К тем несчастным, что томились
В венецейских подземельях.

Ибо им не полагалось
Ни коня, ни слуг, ни шпаги,
Никаких «уставов» чести,
Только стены да оковы!

1903
San Remo

То совершилось в дни священной Германдады:
Монахи привели в застенки свой
Еретика пред очи Торквемады
На инквизицию. И слух идет такой:

Сначала мученик молчал, и только слезы
Текли по неподвижным складкам щек,
Молчал в ответ на все и пытки и угрозы,
Вот застонал — и мук прибавили еще.

Вот крикнул он. «Надежду я имею, —
Сказал палач — великий сердцевед, —
Железом и огнем теперь изгоним змея
Из грешника души, и в ней пребудет свет.

Добавьте-ка ему!» И вновь огонь взъярился,
И, мнилось, камень стен от ужаса дрожал.
Один монах не выдержал, взмолился,
Чтоб еретик скорей сознание потерял.

Он всё терпел. И тут свершилось диво:
Вдруг улыбнулись бледные уста,
Угасший взгляд воспламенился живо,
И молвил мученик: «Молю, ради Христа,
Прибавьте мне огня! Огонь — моя отрада.
Прошу вас, палачи, чтоб он сильней гудел!»
«Спалить его совсем, — зло крикнул

Торквемада, —

Надежды больше нет. Нечистый одолел!»

(1903)

109. НАДПИСЬ В РУИНЕ

«Я, царь царей, я, солнца сын могучий,
Гробницу эту выстроил себе,
Чтоб прославляли многие народы,
Чтоб помнили во всех веках грядущих,
Чтоб знали имя...» Дальше сбита надпись,
И даже самый мудрый из потомков
То имя царское прочесть не может.
Кто сбил ее — завистливый властитель
Иль просто время мощною рукою,
Никто не знает. Росписью узорной
Под нею слов начертано немало
Про славу безыменного владыки,
И царские показаны деянья:

Вот царь сидит высоко на престоле;
Народы с драгоценными дарами
Идут покорно, головы склоняя,
А он сидит, как истукан из камня,
Над ним цветные перья опахал.
Лицо его похоже на Тутмеса,
И на Рамзеса, и на всех тиранов.
Вот ухватил он за волосы сразу,
Одной рукою, несколько повстанцев,
И меч кривой над ними он занес.
Лицо его похоже на Тарака,
На Менефта, на всех других тиранов.
С лицом всё тем же львов он убивает,
Левиафанов ловит, птиц он бьет,
Полями едет по телам убитых,
И веселится по своим гаремам,
И подданных на битву посылает,
И мучит он работой свой народ,
Той страшною египетской работой,
Что имя царское должна прославить.

Народ идет, как волны в океане,
Без краю, без числа, на поле битвы
И триумфальный путь царю-владыке
Багрянцем крови красит в испупление,
Коньям тирана стелется под ноги,
А кто в живых из тех людей остался,
Тот гибнет на египетской работе.
Царь хочет для себя на их могилах
Построить памятник — да сгинет раб!
И раб копает землю, тешет камень,
Кирпич для стройки делает из глины,
Возводит стены, статуи большие,
Сам на себе, запрягшись, возит, строит
И создает великое навеки,
Прекрасное творит неповторимо —
Резьбу, картины, статуи, узоры.
И каждая колонна и рисунок,
Резьба и статуя, и даже камень
Незримыми устами произносят:
«Меня творил египетский народ
И тем навек свое прославил имя».

Давно в могиле царь с лицом тирана,
И от него осталась только надпись.
Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
Судьбою создан из его могилы
Народу памятник — да сгинет царь!

28 августа 1904

110

Не погибли золотые терны,
Только почернели,
Не засохли кровавые маки,
Только побледнели.

Приди, солнце, под мое оконце,
Свети, свети ясно,
Чтобы черные сверкали терны
Позолотой красной.

Загорись и ты, мое сердечко,
Запылай пожаром,
Коль ношу в тебе цветок кровавый,
То пускай недаром!

2 ноября 1904

111—118. ПЕСНИ ПРО ВОЛЮ

1

Люди идут и знамена вздымают,
Словно огни. Словно дым, наплывают
Толпы густые. Колышется строй,
Песня про волю звенит над толпой.

«Смело, друзья!» Что ж так песня рыдает?
«Смело, друзья!» Как на смерть провожает
Страшно, какой безнадежный напев,
Кто с ним на битву пойдет, осмелев?

Нет, не про волю та песнь! Про неволю
Плачет с какой-то неслыханной болью
Голос печальный, значение слов
Плач погребальный скрывает, суров.

«Смело, друзья!» Провожая на плаху,
Брату ль поют, чтоб не ведал он страху?
Плачут бессильно, рыдая над ним,
Будто его зарывают живым.

В страшное время мы жить начинали,
Шли мы на бой в предрассветные дали,
Нам эта песня твердила, звеня:
«Нет, не дожидаться вам светлого дня!»

Что вам до этого? Вы молодые,
Ныне к лицу вам и песни иные.
С вашей волей живется вольней,
Рано вам петь панихиду по ней.

Пусть расцветает она, величава!
Что вам далась эта песня-отрава?
С этою песней мириться нельзя,
Новую песню слагайте, друзья.

Так, чтоб она засияла лучами,
Так, чтобы ясное красное знамя,
Следом за нею взлетев в небеса,
Реяло гордо, творя чудеса.

*1 июля 1905
Колодежное*

2

Откуда льется гимн Марселя?
Неужто славы день настал?
Неужто цепи отзвенели?
Ужель насильник с трона пал?

Где наше оружие?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ведь это песня батальона,
Который в смертный шел поход,
Который под свои знамена
Скликал бестрепетный народ.

А наши где ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ужель разбиты казематы
В твердыне царской вековой?
Коль слышны звуки канонады —
Ужель последний грянул бой?

А где наши ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Быть может, вражьи челядинцы
Спешат свободу обуздать?
Иль то решили украинцы
За волю дружно постоять?

Так где ж наши ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ужель средь вражеской оравы
Не реют больше бунчуки?
И пред царем свои булавы
Уже не клонят казаки?

Взгляните ж, где ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Нет, от Москвы и до Варшавы
Жупаны алые кругом, —

Казачи «добывают славы»
Нагайкой, саблей и штыком.

В кого же из ружей
Прицелился строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

У нас же льется гимн Марселя,
Как будто славы день настал,
Как будто цепи отзвенели
И враг поверженный упал.

Где наше оружие?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

*1 июля 1905
Колодяжное*

3

«Нагаечка, нагаечка!» — поет иной подчас
И с присвистом и с топотом в лихой несется пляс,
А что же вас так радует, любезные друзья?
По чьей спине гуляла так «нагаечка твоя»?

Над нами ведь прошла она, родимая земля,
Недаром мы запомнили «восьмое февраля».
Коль будем мы раздумывать о том веселом дне,
Нагайка прогуляется еще раз по спине.

Над собственным позорищем мы шутим иногда.
Неужто мы, друзья мои, без всякого стыда?
Знать, песня не родилась, чтоб волю воспевать,
Коль кое-кто как бешеный пустился танцевать.

*1 июля 1905
Колодяжное*

Мечта, не предай! По тебе я так долго тужила,
 Столько безрадостных дней, столько бессонных
 ночей...

А теперь на тебя всю надежду свою возложила.
 О, не угасни ты, светоч бессонных очей!

Мечта, не предай! Ты лила свои чары так долго, —
 Жадное сердце мое насыщено ими до дна.
 Обольщенья пустые меня от тебя не отторгнут,
 Мне ни горе, ни мука, ни смерть не страшна.

Ради тебя от других отреклась я мечтаний,
 Уж не мечту, — ныне жизнь я свою отдаю.
 Пробил час, и, пылая, душа поднимает восстанье,
 Не сверну я с пути, на котором стою.

Жизнь за жизнь! Только так! Пусть мечта моя
 станет живою!

Слово оденется в плоть, если живое оно.
 Кто моря переплыл и сжег корабли за собою, —
 Обновленным вернуться тому суждено.

Раньше, мечта, ты парила орлом надо мною, —
 Буду сама я летать, мне свои крылья отдай,
 Я хочу пламенеть, я хочу жить твоею весною,
 А придется погибнуть за это — пускай!

3 августа 1905

115. ВЕСЕЛЫЙ ПАН

Право, нету силы-мочи, —
 одурели мужики!
 Лезут в очи, бесы ночи,
 всем дерзят, бунтовщики...

Ни малейшего покоя от хамья не стало!
 Гей, пойдите принесите скрипки и цимбалы!

Говорят, что голодают, —
очень жаль, ведь я не знал...
Обещаю: всё узнаю,
а сейчас я правлю бал!

Что? Они пришли за хлебом? — Ладно, ожидайте!
Гей, цимбалы! Ну-ка, гряньте! Скрипки,
заиграйте!

Что там? Бунт? А мы позвали
сотню конную сюда...
Ну-ка, взяли: спляшем в зале!
Эй, шампанского со льда!

О, уже нагайки хлещут... Что за стоны-вскрики?!
Гей, цимбалы! Громче, звонче! Веселее, скрипки!

7 марта 1906

116. ПРАКТИЧНЫЙ ПАН

Я не боюсь бунтовщиков:
Живу я с ними дружно
И не покличу казаков, —
Мне этого не нужно.

Когда в амбарах беднякам
Взять хлеб придет охота,
Навстречу им я выйду сам,
Сам распахну ворота.

Везите хлеб хоть на возах,
Грузите всё — и точка!
Я лишь проверю на весах
Груз каждого мешочка.

Ведь мой товар как раз для вас,
Родные «процентцы»!
Я знаю: вы мне в нужный час
Заплáтите проценты.

Сам взыскивать их не пойду,
Как ростовщик-жадюга!
Уж я себе таких найду,
Что всё вернут для друга!

7 марта 1906

117. ПАН-ПОЛИТИК

Что ж сделаешь?! Сменило краснобайство
Век рыцарства... И не копьем — пером
Уж борются с Иваном да Петром...
Пишу статью «О кризисе хозяйства».

Я знаю сам, что я не Цицерон,
Но все-таки, коль захочу я очень,
Любой словами будет заморочен...
Речь закачу я в «партии ворон».

Всяк проявляет хам свою натуру,
А нам молчать? Да это был бы срам!
Я поддержать готов хоть семь программ
И выдвинуть свою кандидатуру!

7 марта 1906

118. ПАН-НАРОДОЛЮБЕЦ

Вот послушайте, Иванко:
Чтобы звать вас к свету,
Я мужицкую задумал
Издавать газету.

На политику не будем
Время тратить даром,
Ведь политика приводит
Лишь к ненужным сварам.

Пусть паны, собравшись в Думе,
Тянут словопренья, —
Я ж хозяйственных вопросов
Подскажу решенья.

Научу навóзить землю,
Чтоб пшеница зрела...
Нет земли, вы говорите?
То пустое дело!

Расскажу вам, как на свете
Сено косят люди...
Нет у вас и сенокоса?
Э, да как-то будет!

Расскажу вам, как скотину
Выпасть толково...
Нет и пастбищных угодий?
Ну так что ж такого?

Научу, как бережливо
Относиться к лесу...
Не имеете и леса?
Да ну его к бесу!

Лучше я учить вас буду
Осушать болота...
Как так? Даже нет болота?
No, to mniejsza o to! ¹

Всё ж послушайте, Иванко:
Я зову вас к свету!
Хоть спалите, а купите
Сельскую газету.

7 марта 1906

119

За горой зарницы блещут,
А у нас темно и бедно.
Воды черные в затоне
Плещут неприметно.

¹ Ну, это не так важно (польск.). — *Ред.*

В небе молния сверкает,
А у нас во мраке тонет,
В черный гроб вода глухая
Светлую хоронит.

Но сверкающему свету
Покорится мрак глубокий
В час, когда всё небо вспыхнет
Бурей светлоокой,

В час, когда пронижет волны
Серебристыми мечами,
В час, когда на дно заглянет
Быстрыми очами.

И в ответ на это пламя
Свет в затоне разольется,
Если блеск высоких молний
В глубину прорвется.

28 августа 1907
Балаклава

120—125. ВЕСНА В ЕГИПТЕ

1

ХАМСИН

Хамсин, томимый страстью, разгулялся,
Он — рыжий — в небе над Египтом мчится,
Песка своим сухим крылом касаясь,
И обжигает пламенным дыханьем.
Какая-то неистовая свадьба!
Песок поет, как будто в дудку дует,
Тяжелую нарушив неподвижность,
И, вторя, камешки как в бубны бьют.

Так кто же там в слепящей желтой мгле
Затеял править пляску в честь хамсина?
Кто веет покрывалами сквозными,
Кружась так быстро, быстро в легком танце?..

Таинственные нежные плясуньи —
Пустыни скорбной ветреные дети!
«Прикрой глаза! Засыплю, иностранка!»
И тут хамсин плащом своим ревниво
От взора моего закрыл танцорок.
Никто не смеет видеть их. Араб
К земле склонился посреди пустыни,
Как в час молитвы. «Так! Молись! Молись!
Я старый бог, я твой могучий Сет,
Я разорвал на части Озириса
И тело разметал по всей пустыне.
Ох, как тогда Изида зарыдала...»

Былое вспомнив, весел стал хамсин,
И сдвинулась тогда пустыня с места
И в небо ринулась. И в желтом небе
Померкло солнце — око Озириса,
И показалось мне — весь мир ослеп...

2

ДЫХАНИЕ ПУСТЫНИ

Пустыня дышит. Ровное дыханье.
Песок лежит — спокойный, золотой.
Но каждая гряда и холм любой —
Всё о хамсине здесь воспомянье.

Феллах трудолюбивый строит зданье, —
Здесь мимолетных иностранцев рой
Найдет гостиницу и сад густой.
Феллах могуч: всё — рук его созданье.

Одна беда — оазисы в пустыне
Не для него... Вот он узоры пишет
Под самой крышей... Ткань на нем колыхет,

Скользит горячий ветер по холстине,
Пот осушает... дальше по равнине
Летит... опять, опять... Пустыня дышит.

3
АФРА

Тишь и безмолвие. Кажется воздух водою стоячей.
Оцепенели бананы, не вздрогнет их треснувший лист.
Даже мимозы и те изнывают в истоме горячей.
Грезят без грезы...

Откуда же грохот и свист?
Слышится дробь барабана, трубы раздаются звучанье!
Эй, замолчите!
Кому эта песня нужна?
Им всё равно! Маршируют, гремят англичане,
Грозно вдоль Нила идут, чтобы вся трепетала страна.

Только прошли, тишина опустилась за ними,
Будто завесой упала огромной, тяжелой, глухой.
Пальмы послушно, печально поникли ветвями сухими —
Можно подумать, сам бог придавил эти ветви рукой.

Небо от жара белеет и вот уже в пепле седеет, —
День без остатка сгорел в напоенной огнем тишине.
Бледная ночь; темнота растерялась, не смеет
В жгучую тишь снизойти. Ни единой звезды в вышине.

Мир будто мертв. Перед сном не откликнется птица.
Всюду летучие мыши бесшумно шныряют одни,
Будто восток призывают признать тишину и смириться.
Бархатным, тихим крылом тишину умножают они.

4
ВЕТРЕНАЯ НОЧЬ

Ночь черным-черна и глубока
(Знаю женские глаза такие),
Ветер крылья разбросал шальные.
Мчится он, бежит издалека.

Северный мой ветер разыгрался,
Стал горячим, как Сахары сын —
Пылкий и стремительный хамсин, —
С бедным севером давно ль расстался?

Там он, где кончается зима,
Мел снега одеждою сырою,
По глухим лесам стонал совою,
Забирался холодом в дома.

К золотой пустыне, как к подруге,
Может, страстью загорелся он
И несется, жаром опален,
Будто родился на знойном юге?

Будто пепел бросил мне в окно,
В темной комнате моей гуляет,
Зазвенел песком и улетает.
Что же, улетай, мне всё равно.

Ты чужой уже — не прежний ныне,
Не принес ты никаких вестей
Из далекой стороны моей,
Только песнь своей любви — пустыне.

5

ВЕСТИ С СЕВЕРА

Недаром ветер прилетал
Страны моей... Передо мною
Всё — за туманной пеленою,
Накрапывать и дождик стал,
И ветерок в мое жилище
Влетел холодный. Что ж, дружище,
Утратил ты недавний пыл?
Что ж, добрый молодец, остыл?
Иль не понравился пустыне,
Иль вспомнил милую свою —
Подружку в северном краю, —
Да и заплакал на чужбине?
И ветер шелестит листьями:
«Из бедной стороны твоей
Спешил я с этими слезами, —
Просила ж ты сама вестей!»

ТАЙНЫЙ ДАР

Плачет Египет недолго. Умыл свои гордые пальмы,
 Зелень полей плодородных над Нилом слезой окропил,
 Возобновил позолоту блистающей светом пустыни
 И улыбается снова: таинственны радости Сфинкса.
 Вижу, глаза египтянок смеются под черной вуалью, —
 Женщин рабынями сделал ислам, но глаза их

свободны!..

Песней товары свои славят женщины здесь и мужчины,
 Гордые головы их не склонились от ноши тяжелой,
 Будто на них почивают Египта двойные венцы.
 В красной одежде идет водонос, и как будто он

шутит —

Чистой водою звенит и желающим пить предлагает,
 Сладкую свежую влагу он льет из большого сосуда,
 Шуткой приправив ее, улыбается, плату беря.
 Нищие дети феллахов шалят, веселятся на солнце;
 Глазки горят любопытством. Повсюду головки детей...
 Только завидят туриста — бегут за ним, просят

подачки.

Дал или не дал — хохочут, как будто им всё нипочем.
 Лишь бы тростинка нашлась, а ребята сосут и довольны,
 Рады, как будто они государством-богатством владеют.
 «Радость откуда такая?» — к себе обращаюсь

с вопросом.

Мысль промелькнула в ответ — словно голос забытой
 легенды:

«В давние те времена, когда Нил родился здесь
 в пустыне,
 Мать положила его в колыбель и в роскошной —
 качала,

Нежный отец над ребенком склонился, с небес
 наблюдая,

Как не по дням — по часам вырастает любимое чадо,
 Как набирается сил и несет их уверенно в море...
 Нил родился, и к нему поспешили с дарами Гаторы.
 Семеро было богинь, и даров принесли они семь.
 Первая молвила так: «Я дарю тебе тучную землю».
 Проговорила вторая: «Три жатвы отбудешь в году».
 Третья промолвила: «Ра никогда о тебе не забудет».

Ветку простерла четвертая: «Это — защита от Сета». Пятая молча папирус и лотос пред ним положила. «Тайны свои сбережешь», — прошептала шестая ему. И, улыбнувшись сквозь слезы, за нею седьмая сказала: «Боги, завидуя детям твоим, обрекли их на рабство, Дам я народу оружие — полное радости сердце, — Ни фараон, ни пришельцы не смогут убить в сердце радость».

Так вот в начале веков обещали Гаторы!.. И верю: Слово премудрых богинь нерушимо во веки веков.

23—30 марта 1910
Египет, Гелуан

Примечания

Хамсин — южный ветер огромной силы, известный европейцам под именем самума. Зимой его не бывает, он начинает дуть весной.

Древняя египетская легенда говорит о том, как злой бог Сет убил доброго брата Озириса и как потом Изиды, жена Озириса, искала своего супруга, чтоб оживить его.

Афра — тяжелая горячая тишина.

Гаторы — древнеегипетские богини судьбы.

Ра — бог солнца.

Сет — злой бог.

126. СОН

Солнышко греет... Это Египет?
Это Египет... Синий шатер
Неба высокого полон сиянья.
Вьсь-то какая! — Вольно и радостно.
Это Египет...

Тихая ласка... Ты, Украина?
Да, Украина это моя...
Хата и садик, лужайки зеленые,
Пруд за ольхою, затянутый ряскою...
Вот — Украина...

Хватит скитаться... довольно блужданий...
Жизнь станет светлой... Край мой родной,
Вместе со мною от мук ты избавился.
Небо не плачет, и люди не хмурятся.
Спать бы и видеть всегда этот сон...
Жизнь станет светлой...

7 апреля 1910

127—130. ИЗ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ

1

НА СТОЯНКЕ

Вот на палубном настиле
Запылал костер высокий —
То согреть хотят матросы
Коченеющие руки.

И я вижу: в снежной вьюге
Пламя красное пылает,
Словно солнце, что закрыто
Непроглядной белой мглой;

А вокруг него мелькают,
Словно тени птиц огромных,
Итальянские матросы,
Зябко кутаясь в плащи.

Те плащи в родном Палермо
Их неплохо согревали —
Что ж теперь случилось с ними
В этом крае басурманском?

Пропускают зимний ветер,
Словно кружева сквозные,
И дрожит любая жилка...
О, негодные плащи!

В густо-белой сетке снега
Юнга-мальчик пробегает,
Словно рыбка, что попала
В роковой проклятый невод.

Мальчик пробует согреться, —
Верит он палермской крови,
Что в его струится жилах,
Больше, чем чужим огням.

Он не слышит, как большие
На него кричат сердито:
«Всё ты вертишься, бездельник! ..
Что за скверное созданье! ..»

От озлобленного крика
Нежный говор итальянский
Стал противным, как прибрежных
Диких чаек хищный крик.

Что ж, пускай! Давно привык он
К этим чайкам и ворчаньям,
Он не думает об этом,
И в мечтах его другое:

Скоро он домой вернется,
И на площади под солнцем
Ловко он сыграет в бабки,
Каждый выигрыш возьмет!

И с товарищами вместе
В пыль горячую он ляжет
Среди улицы, так просто,
И начнет болтать, болтать...

Даже рты поразевают
Кекко, Джанни, Паолино:
Ведь они всему поверят,
Племя «раков сухопутных».

Сколько он чудес расскажет!
И про змей подводных страшных,
И про турок-людоедов,
Про Великого Могола.

А они ему за это
Самых сладких апельсинов
Непрерменно наворачуют
У епископа в саду...

Тут его матрос ударил
По плечу, ругнув сердито:
«Да уйдешь ли ты с дороги?!
Вот душа без покаянья!»

У костра с другими рядом
Опустился он покорно
И к огню, как на молитве,
Протянул худые руки.

Легкий стан тихонько сгорбил
И застыл с лицом печальным,
Лишь в глазах перебегают
Ярко-огненные искры.

Ох, когда б скорее, мальчик,
Все мечты твои свершились,
Чтоб завидовать не стал им
Злой какой-нибудь божок...

17 января 1911
Стоянка в море близ Самсуна

•

ГРЕЗЫ В БУРЮ

Лежу я, с ног до головы укрыта,
От холода, чем можно, защищаюсь,
Чтоб не впивался он когтями в тело,
И ветер слушаю...

Как тонко свищет!

Шнурок от лота будто напевает.
Штурвал скрипит по-старчески уныло,
На бурю сетует, на трудный путь.
Машина бухает и тяжело стонет,
Как великана грудь в предсмертной муке...
Второй уж день мы по морю блуждаем,
Потерян путь, от берега отбились,
Никто не ведает, куда нас бросят
Шальные волны. И порою мнится,
Что без конца нам суждено скитаться,
Как мореходам проклятым в легенде.

Глаза закрою, сплю — не сплю и грежу.
Мне кажется, что будто мчусь я в санках
Дорогой снежною так быстро-быстро
С сугроба на сугроб, с горы в долину,
Скрипит снежок, поет в нем полозок.
А санки мчатся под навесом белым
Ветвистых елей, мимо колоннады
Высоких стройных сосен, через реки,
Закованные в сталь. Бушует ветер,
А звезды снежные меня целуют
В горячий лоб. И я лечу, лечу
В метелицу шальную, на погибель...
Вдруг санки с кручи быстро понеслись...
Ох!.. Я очнулась. То крепчает буря.
Ревет гудок, тревогу подает.
Стук, грохот, падает всё, что попало,
Никто и не жалеет — пусть погибнет!
Всяк, будто краб, цепляется упорно...
Блеснуло солнце, но чернеют волны,
Как будто крылья хищных птиц... А дальше
Покрыло всё слепую, белой вьюгой.

И вот я снова в грезы погружаюсь.
... Вот я лечу на диком скакуне
И, чуть не падая, держусь за гриву;
Конь мчится вскачь, едва хватает духу.
Как бьется сердце у него! Как будто
Готово разорваться... Конь, быстрее!..

За нами мчится лютая погоня.
 Неисчислимая орда большая,
 Она кричит, безумствует, хохочет
 Злорадным смехом людоедским. Злая,
 Орет орда. Ой, конь мой, конь, быстрее!
 То, может, пули тонко так запели?
 Что там гремит? То гром или стреляют?
 Что так шипит? Бичи из змей живых?
 Боюсь я оглянуться, и боюсь я
 Вдруг обомлеть, как только их увижу,
 Таких противных, чтоб с коня не рухнуть,
 Чтоб не достаться им на поруганье...
 Скачи, мой конь!.. Перелетели пропасть.
 Орда за нами. Вот она всё ближе!
 Сейчас вот бросится и разорвет нас,
 И выпьет кровь горячую до капли,
 Накроет черным роем наши трупы...
 Споткнулся конь!.. Упал...
 О сновиденья!
 Куда страшней вы настоящей бури.
 Уж лучше буду так без сна лежать я,
 Смотреть на белый потолок и видеть,
 Как тени бурных волн перебегают,
 И ждать — не заблестит ли луч отрадный,
 И слушать буду без видений страшных
 Напев могучий моря, — будь что будет!

20 января
 В море на бездорожье

8

ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!

О, мне чужая земля, какую родною ты стала!
 Мать-Земля, защити же дитя от напасти!
 Предало море меня, за любовь заплатило
 глумленьем.
 Слышишь? Со злою насмешкою чайки кричат
 до сих пор.
 Что это? Вижу, и ты от измены страдаешь?

Стала земля византийская грустною бедной вдовою
В тяжком покрове снегов: жарко любившее солнце
Нынче забыло ее и любит соперницу — тучу.
О, не печалься, Земля! Пускай столь коварного друга
Хочет другая пленить — дети с тобою остались,
Горе, измену, печали с тобою они разделяют,
Лишь переполнится чаша — вновь возвратятся они.
Счастье такое вовеки простым матерям недоступно.
Ты же счастливее всех. Радуйся жизни, цвети!

21 января
Перед Босфором

4
ЭПИЛОГ

Кто еще не жил средь бури,
Тот цены не знает силе,
Тот не ведает, как люди
Труд, борьбу всегда любили.

Кто еще не жил средь бури,
Тот бессилен без веселья
И не ведает всей муки
Обреченных на безделье.

Я завидовала людям,
Что без роздыха трудились
И, уставши до предела,
С ног на краткий час валились.

День и ночь — они на вахте,
Долог труд, а отдых малый,
День и ночь — они в работе,
Немота в спине усталой.

Видно, им тогда сдавалось,
Что страшнее нету муки. . .
Ох, борцы, когда б вы знали,
Как в бессилье вянут руки!

Леся Українка.

ВІДГУКИ.

Поезії.

Чернівці, 1902.

Накладом Николая Грабчука, ул. Кладовища ч. 1.

З друкарні „Австрія“.

Как лежать в постели тяжело
И, печалясь от недоли,
Уповать на милость бури,
На чужую прихоть воли.

Что ж осталось у такого?
Только дума-небылица...
Вам, борцы, — мои раздумья!
Больше нечем поделиться.

*15—21 января 1911
Черное море,
близ Анатолии*

131

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что с долей не боролась?
Дрожит ли у меня рука?
И разве слаб мой голос?

А если были в нем слышны
И жалобы и пени,
То это бурный плеск весны,
Не мелкий дождь осенний.

А если осень... Не беда,
Цветет ли кто иль вянет.
Увянув, ива у пруда
Златобагряной станет.

Когда же саваном зима
Накроет лес раздетый,
Цветам на гроб она сама
Рассыплет самоцветы.

Что ж, буду жить я, как живет
Волна в часы покоя —
Как будто спит поверхность вод,
Но море ждет прибоя.

1911

132. В ГОДОВЩИНУ

Он не один ее любил, —
Как «свет-красу дивчину»
Давно уж славили певцы
С восторгом Украину.

Ее перенимали смех,
Забавы, шутки, пляски,
Как дивные цветы, в венки
Ее сплетали сказки.

Тот полюбил в ней старину,
А тот мечту младую.
Он первый полюбил ее,
Как любят мать родную.

Пускай печальна и стара.
И нищенки беднее, —
Для сына верного она
Всех краше и милее.

И хоть калека будь она,
Убогая, слепая, —
Как рана, жарко в нем горит
Любовь его большая.

Украина видела не раз,
Как те певцы неожиданно
Под вечер забывали всё,
Что пели утром рано,

И, взяв дары ее, другой
Спешили поклониться.
Они не знали той любви,
Что смерти не боится.

Он первый за любовь свою
Знал тяжкие гоненья,

Но он ей до конца служил
Без страха и сомненья.

Всё вынесла, превозмогла
Любви сыновней сила.
Великий, жаркий тот огонь
И смерть не погасила.

18 марта 1911

ПОЭМЫ

133. РОБЕРТ БРЮС, КОРОЛЬ ШОТЛАНДСКИЙ

(Шотландская легенда)

Посвящается дяде Михайлу

ЗАПЕВ

Мы припомним давние былины,
Мы рассказ припомним величавый
Про шотландский дальний край старинный,
Что оваян вольностью и славой.

Давний сказ! Легенды речь живая!
Подлинное слито в ней с мечтами;
Только правда, звездочкой мерца,
Золотыми всюду бьет лучами.

Правда нам сквозь мглу блеснет густую,
Мы далёко мыслью понесемся,
Поглядим на бурю боевую,
Давней славы памятью коснемся!

1

То было лет пятьсот назад:
На край шотландский вольный
Английский шел король Эдвард,
Властитель своевольный.

Призвал он рыцарей своих,
Весь пышный цвет дворянский,
Чтоб в подданство себе забрать
Свободный люд шотландский.

Гремучим эхом клич летит
Шотландской стороною:
«К оружию все! На нас идет
Король Эдвард войною!

Эй, братья милые! Ужель
У нас оружия мало?
Ужели рыцарей у нас,
В Шотландии, не стало?»

Бойцы идут, земля гудит,
Сошлись два ополченья. . .
Немало будет в этот день
Кровавых приключений!

Сверканье копий, звон мечей
О панцири стальные;
Клич раздается боевой,
Ржут кони вороные.

Дерутся день, дерутся два,
На третий день, в печали:
«Эдвард над нами верх берет!» —
Шотландцы закричали.

Рать англичан разит, сечет,
Английский меч сверкает,
Шотландский меч к земле поник,
Их рать изнемогает.

Остановился тут Эдвард,
Труба отбой запела,
И стяг над войском поднялся,
Но не цветной, а белый.

Всяк замер и свое копые
На землю опускает;
Кричит герольд: «Король Эдвард
Шотландцев призывает

Изгнать войну с полей родных
И вновь покой отдать им,
Прийти к согласью без борьбы,
Как подобает братьям.

Сказал король наш: „Кто из вас
Помирится со мною —
Поместьем будет и людьми
Тот обладать в покое.

Крестьянина обложим мы
Налогом десятинным,
А рыцарь в вотчине своей
Да будет господином.

Но рыцарь должен к королю
Являться в ополченье,
За что получит он от нас
Почет и награжденье“».

И вмиг поникли знамена
Шотландии дворянской,
Кричат: «Да здравствует вовек
Эдвард, король шотландский!»

Все рыцари сдались ему...
Но нет, не все, — остался
С оружием рыцарь молодой —
Робертом Брюсом звался.

Эдварду он в лицо взглянул,
Как бы метнул зарницу,
Сорвал и кинул во врагов
Стальную рукавицу.

И тотчас шпоры дал коню,
Конь вороной вздыбился,
Помчался в горы, как стрела,
В ущелье темном скрылся.

2

Поехал Роберт по шотландской земле
Народ поднимать на восстание,
Повсюду своих разослал он гонцов
Крестьян созывать на собранье.

Когда же в долине широкой меж гор
Народное вече столпилось,
Явился к народу Роберт и сказал:
«Шотландцы! Измена свершилась!

Ни рыцарей нету у нас, ни дворян —
Все в слуги Эдварду готовы;
Но есть еще в селах шотландский народ,
Носить не привыкший оковы!

Так встанем немедленно все, как один,
За общее братское дело!
Оружье скуем из плугов! Что пахать?
Чтоб нива в неволе хирела?»

Тут все зашумели, как волны в прибой:
«Идем же бороться за волю
Иль буйные головы наши сложить
По вольному нашему полю!»

И вот уж в долине широкой меж гор
Крестьяне все лагерем стали;
Костры полыхали всю ночь напролет, —
Всю ночь там оружие ковали.

Наутро повсюду сверкали мечи;
Кому же мечей не хватило,
Хватило тем кос, топоров и ножей
И в сердце отваги и пыла.

У воинов не было светлых знамен,
Серебряных броней бесценных:
С крестьянских, с простых не сверкали щитов
Реченья девизов надменных.

У всех ополченцев один был девиз:
«За волю, за край наш свободный!»
Хоть слов тех никто на щите не носил,
Но в сердце хранил благородно.

И ринулись все они против дворян:
Роберт был вождем их желанным;
Из рыцарей, кроме него, ни один
Не вышел на помощь крестьянам.

Шотландское рыцарство всё перешло
На службу английскому трону —
Пошло охранять и мечом и щитом
Английскую власть и корону.

В несчастную пору шотландский народ
Оружье ковал боевое:
Их в первой же битве разбили враги,
Их много легло головою.

Второе сраженье — и снова беда!
Шотландское войско разбито.
Бой третий — и снова равнина кругом
Телами шотландцев покрыта.

Дворяне сильны, и отважных вождей
Немало у них отыскалось, —
Ни в горы загнать их, ни в лес заманить
Дружинникам не удавалось.

Широкие доли, просторы полей
Шесть раз были кровью политы.
Шесть раз прозвучал по Шотландии крик:
«Шотландцы, шотландцы разбиты!»

Хотя ни знамен, ни оружия они
Эдварду к ногам не сложили,
Но волю пытаюсь в боях защитить,
Все силы они истощили.

Погибли одни, а другие ушли,
Вернулись к родимому полю.
Без войска и славы остался Роберт...
Какую ж он выберет долю?

Идти ли, как сотни шотландских дворян,
Эдварду надменному сдаться,
Позор ли последний готовясь принять,
В стране побежденной остаться?

Нет, лучше не видеть, не слышать того,
Как родина гибнет безвинно!..
«О край мой родимый, прощай! Твоего
Прости бесталанного сына!

Свободным хотелось мне видеть тебя —
Судьба же сулила иное...
Далёко теперь, на чужих берегах,
Погибну за дело святое!»

Так молвил Роберт и отправился вдаль,
На нищенский берег ирландский;
Он думал — вовеки ему не видать
Бездольной отчизны шотландской.

В Ирландию должен зайти был корабль,
Что рыцарей вез в Палестину;
На том корабле и Роберт порешил
В далекую ехать чужбину.

Он с рыцарством храбрым в крестовый поход
Решился отправиться смело,
Чтоб жизни остаток и силы отдать
Во имя великого дела!

У безлюдного берега моря
 Одинокó лачуга стоит,
 В той убогой рыбачьей лачуге
 Рыцарь-латник уныло сидит.

То Роберт. Он глядит сквозь окошко,
 Не покажутся ль те корабли,
 Что должны отвезти крестоносцев
 К берегам палестинской земли.

Нет, ничто не виднеется в море,
 Не белеют ряды парусов;
 Резво плещет широкое море,
 Звучен голос привольных валов.

Но Роберту невесело видеть
 Ту веселую буйную даль:
 Только вспомнит он землю родную —
 И встает в его сердце печаль.

И Роберт, отойдя от окошка,
 Лег на лавку и взором повел
 По растресканной кровле; под кровлей
 Паутину паук себе плел.

И Роберт загляделся нежданно
 На работу того паука:
 Видел он, как прялась понемногу
 Паутинка, нежна и тонка,

Как по нити паук опускался
 И раскачивался всё сильней,
 Чтоб до стенки достать и тенета
 Закрепить и раскинуть по ней.

Но качнется лишь — нить оборвется,
 И на землю паук упадет,
 Но немедля вползает под кровлю
 И опять паутинку прядет.

Так шесть раз тот паук обрывался,
И шесть раз он под кровлю спешил,
Но в седьмой наконец удержался
И к стене свою нить прикрепил.

Тут Роберт поднимается с лавки,
За оружие хватается вдруг
И кричит: «Неужели же рыцарь
Будет волей слабей, чем паук?!»

4

Ой, то не сокол-островзор
Спустился в дол с вершины,
То прилетел смельчак Роберт
В шотландские долины.

На вороном коне своем
Он по стране летает,
В последний раз шотландский люд
На битву созывает.

«К оружию все! Жива ль еще
Былая доблесть ваша?
Мы за свободу пасть клялись —
И где присяга наша?»

Кто не зарекся вольным стать,
Готов да будет к бою!
Кто честь и славу не забыл —
К оружию! Кто за мною?»

Нет, не угас шотландский дух,
Восстать шотландцы рады!
Крестьяне вновь, в седьмой уж раз,
Собираются в отряды.

Не ожидал король Эдвард
В Шотландии волнения:
На отдых рыцари его
В свои ушли именья.

И для охраны только часть
Осталась небольшая,
Отвагу дерзкую свою
С беспечностью мешая.

Бойцы о выгодах войны
И о прибытках судят
И сколько подати король
Брать с покоренных будет.

Дворян шотландских тесный круг
Собрался с ними вместе:
Король права им возвратил
И не лишил поместий.

Поедут завтра же они
В родимые усадьбы,
Но все унылыми сидят;
С чего ж им тосковать бы?

Стыд и досада их сердца
Терзают сокровенно,
Им кажется, что целый мир
Кричит вокруг: «Измена! ..»

У англичан веселый пир
В разгульных песнях, кликах,
И так надменно их значки
Колышутся на пиках.

Крестьяне к войску подошли
Неслышно за горою,
Явились, как из-под земли,
И хлынули волною.

Как буря-вьюга, всё вокруг
Завыло, загудело;
Роберт летел на вороном,
Как молния б летела.

Свирепый бой, последний бой!
За кем победа? В дрожи
Бойцы английские кричат:
«Спаси нас, добрый боже!»

Шлет помощь им король Эдвард
Всё новыми бойцами —
Встречает их шотландский клич:
«Ну, нет! Победа с нами!»

Хоть помощь сильная пришла —
Напрасно, — слишком поздно!
Шотландцы гонят прочь врагов
И вслед кричат им грозно:

«Не приведется больше вам
Гулять в чужой отчизне!
Бросайте ж на землю мечи,
Чтоб не лишиться жизни!»

И под горою англичан
Шотландцы окружают,
Тем нет спасения — и все
Оружие бросают.

Тут вышел из рядов Роберт
Со словом долгожданным:
«Вот что поведает народ
Шотландский англичанам:

Наш край свободным был всегда,
И быть нам — меж свободных!
Вы видели, как бьемся мы
В защиту прав народных?

Пусть Англию гнетет Эдвард
Налогом десятинным,
Шотландец же земли своей
Да будет господином.

Крестьянам нашим ни к чему
Почет и награжденье,
И уходить не надо им
К Эдварду в ополченье.

Мечи мы ваши отберем, —
У нас верней лежать им,
А вас отпустим по домам,
Как подобает братьям.

Перескажите королю
Вот это наше слово,
И если мир ему не люб,
То в бой мы выйдем снова!»

И без оружия, без знамен,
В безрадостном молчанье
На родину свою пошли
Обратно англичане.

Сойдя в долину, всяк из них
На гору взор бросает,
И видят все: крестьянский сход
Роберта окружает.

Народ густой толпой покрыл
Весь склон горы зеленой,
А выше всех стоял Роберт.
У ног его — знамена.

Лежали грудями мечи,
Те, что в сраженье взяли;
Шотландских же знамен ряды
Вокруг него сияли.

Роберт, как видно, речь держал:
Он спорил, горячился,
Потом, блестящий скинув шлем,
Народу поклонился.

И было слышно, как вскричал
Всей грудью сход крестьянский:
«Хвала и честь! Вовек живи,
Роберт, король шотландский!»

5

Так Роберт за отвагу и твердость
Королем над шотландцами стал,
В Эдинбурге, преславной столице,
Всенародно венец восприял.

Торжество совершилось. На паперть
Выступает король. Как один,
Все кричат: «Слава, слава Роберту!
Здравствуй, наш навсегда господин!»

Но внезапно приветствия стихли,
Ждут шотландцы чего-то, — чего?
Кучка выборных малая вышла
Говорить от народа всего.

И приблизился старший к Роберту,
Поклонился, глазами повел
По столпившимся около людям
И такое посланье прочел:

«Божьей волей и волей народной
Наш король! Поздравляем тебя!
Под высокою властью твоею
Признаем мы охотно себя.

Если ты защищать будешь волю
И единство родимой страны,
Мы вовек уважать тебя будем,
Как отца дорогого сыны.

На войну позовешь ты — все вместе
Под знамена твои мы пойдем:
Мы готовы тебе и отчизне
И мечом послужить и щитом.

Если ты про народное дело
 Позабудешь — про волю и честь —
И другие, богатые земли
 Пожелаешь в покорность привести,

Мы тогда не пойдем за тобою,
 Чтоб чужое добро загрести:
Нам не тесно в родном нашем крае,
 Нам не надо в чужие идти!

Если ж ты ради роскоши станешь
 Продавать свой народ господам,
Защитить мы и сами сумеем
 Те права, что присвоены нам.

Ну, а если английской короне
 Ты предашь королевство свое,
Знай, что в ту же минуту с позором
 И владычество сбросим твое.

Мы тебя королем увенчали,
 И венец мы, коль надо, сорвем;
А пойдешь на народ ты войною —
 На тебя мы войною пойдем.

Дай нам, боже, всегда веселиться,
 Что избрали тебя в короли:
Да цветет при тебе, да блистает
 Честь и воля шотландской земли!»

«Дай-то, боже, — Роберт им ответил, —
 Буду знать я, на что я иду;
Дай нам, боже, в согласье сердечном
 Жить вовеки и в добром ладу!»

6

Добрый лад, сердечное согласие
 Выросли. Роберт берег свободу.
Не погибло, не пошло по ветру
 Обещанье, данное народу.

На шотландскую дивились волю
Пришлые, чужие, иностранцы;
Все твердили: «До скончания света
Под ярмом не станут жить шотландцы!»

Не угас и не погиб вовеки
Вольный дух шотландского народа,
Даже и врагам его старинным
Помогла шотландская свобода.

После англичане и шотландцы
Создали единую державу,
И шотландцы англичан учили,
Как любить свободу, честь и славу.

И за то хвала Роберту Брюсу:
Он борцом за край родной явился.
Да! И он у паука отваге
И упорству в деле научился.

Он покрыл себя великой славой,
И вовек не скроют славу эту;
Жить ей вечно в песне и преданье,
О себе рассказывая свету.

*Лето 1893
Гадяч*

134. СТАРАЯ СКАЗКА

Кто желает слушать сказку?
У меня она готова.
Но, пожалуйста, простите,
Что не всё в ней будет ново.

Люди добрые! К чему нам
За новинками тянуться!
Иногда полезно очень
На былое оглянуться.

Нет! Никто нам не расскажет,
И таких рассказов нету,
Чтобы кто-нибудь не молвил:
«Э! Мы слыхивали это!»

Если всё же интересно,
Эту сказку прочитайте,
Мне же вы не лавров пышных —
Хоть баранок связку дайте! . .

1

В дни былые, в дальнем крае. . .
Выбирайте сами место —
В сказке и в стихотвореньи
Всё возможно, как известно!

В дни былые, в дальнем крае
Проживал поэт когда-то.
Он владел большим талантом,
Напрокат нигде не взятым.

И хоть не был он красавцем,
Но уродом не был тоже, —
Человек обыкновенный,
На других людей похожий.

Наш певец — да что же делать,
Правду надо молвить смело:
Не певцом был, а поэтом —
Петь, признаться, не умел он!

Но его звучала песня
Звонкой радостью и смехом,
И неслась она по свету
Стоголосым звучным эхом.

Одиночества не знал он...
Под его убогим кровом
Молодежь не раз сходилась
Слушать новой песни слово.

Эта песня утешала
То улыбкой, то советом...
Благодарные за песню,
Помогали все поэту.

Что могли, то и давали —
Вот и вся его награда.
Холод с голодом неведом, —
Что еще поэту надо?

А когда зеленым шумом
Разговаривают травы,
Каждый день ходил поэт наш
Побеседовать с дубравой.

Так однажды рано утром
Он лежал в траве, мечтая. . .
Может, слушая дубраву,
Может, песню сочиняя. . .

Вдруг он слышит — шум и крики.
Зов охотничьего рога,
Лай борзых. . . На всю окрестность
Эхом поднята тревога.

Кони быстрые топочут,
Шум всё ближе нарастает,
И охотники толпою
На дорогу выезжают.

А поэт наш — вот несчастье! —
Лег на самую дорогу. . .
«Эй! — кричит он. — Осторожно!
Дайте мне пожить немного!»

Хорошо, что не за зверем
Кровожадно люди гнались —
О, тогда б они с поэтом
И не очень посчитались! . .

Впереди — сердитый рыцарь
Под кольчугою железной. . .
«Это, — молвит, — что за птица?
Ты не встанешь ли, любезный?»

«Не беда! — поэт ответил. —
Сам уйти с дороги можешь.
Если рифмы разбегутся,
Ты собрать их не сможешь!»

«Хороша твоя охота! —
Засмеялся громко рыцарь. —
От беды тебе скорее
Лучше с миром удалиться!»

«Я беды не испугаюсь!
О покое не забочусь!
Уходи-ка! Я — охотник,
На таких, как ты, охочусь!

Ведь ко мне с небес высоких
Рифмы-соколы слетают,
На того, кого мне надо,
Беспощадно нападают!»

«Ишь какой ты, дьявол, мудрый! —
Молвит рыцарь. — Не случилось
Мне встречать тебе подобных! . .
Мало времени осталось,

А не то б мы поглядели,
Кто кого скорей поймают! . .
Люди! Прочь его с дороги!
Пусть не очень рассуждает!»

«Что ж, — сказал поэт, — спасибо!
На руках меня несите!
Да о песнях не забудьте —
Вон, в траве листки возьмите!»

«Он, наверно, сумасшедший! —
Крикнул рыцарь. — Бог с тобою!
Знай, безумный, нашу милость —
Мы объедем стороною.

Подожди еще немного:
День пройдет, и ночь настанет —
Я подам тебе на бедность,
А сейчас я очень занят!»

«Ожидать тебя не буду, —
Так поэт наш отвечает, —
Кто кому подаст на бедность,
Этого никто не знает. . .»

Ничего на это рыцарь
Не ответил, прочь умчался.
Свист и топот. . . Лес дремучий
Гулким эхом отзывался.

Разбрелись ловцы повсюду,
Целый день они стреляли,
Только ни одной зверюшки
За день целый не поймали.

А когда к закату солнце
Над землей склоняться стало,
Смолкли трубы, шум и крики,
Тишина на луг упала.

Утомились люди за день,
Потихоньку голод гложет,
Кто еще в лесу блуждает,
Кто найти пути не может. . .

Едет рыцарь одиноко,
Смотрит сумрачный и строгий. . .
Глядь — поэт лежит, как раньше,
Поперек лесной дороги.

«Ты подачек ожидаешь?
Ждал, бедняга, целый день их! —
Рыцарь шарит по карманам: —
Я не взял с собою денег!»

Но поэт в ответ смеется:
«Золотом не дорожу я!
У меня богатства столько,
Что тебе еще ссужу я! . . .»

Загорелся гневом рыцарь —
Очень горд, упрям и смел он!
Только гордость и упрямство —
Всё богатство, что имел он.

«Хватит шуток! — крикнул гневно. —
Я с тобой расправлюсь люто! . . .»
А поэт ему: «Мне тоже
С господами не до шуток.

Мной воспеты небо, море,
И дубрава мной воспета. . .
Это все мои богатства —
Драгоценности поэта.

И при всем богатстве этом
Я свободен, счастлив вечно. . .»
Тут воскликнул рыцарь: «Боже!
Он с ума сошел, конечно!»

«Может быть, — поэт ответил, —
Мы с тобою в божьей власти!
Но действительно я счастлив,
И с меня довольно счастья!

Я на мир гляжу свободно.
Пролетают думы-птицы,
Для которых нет на свете
Ни заставы, ни границы.

Всё, что только захочу я,
Сотворю в одну минуту,
И летит над облаками
Мысль моя, на крыльях будто.

Вечно молод, вечно весел,
Словно звонкий ветер в поле,
Сам свободный, никогда я
Не сгибал чужую волю».

Но в ответ смеется рыцарь:
«Друг! Нельзя ли покороче?
Я не верю этой басне —
Ты-то счастлив, да не очень!

Что мне все твои мечтанья?
Это — мнимая свобода.
Я бы всё за графский титул,
За земной бы замок отдал.

Я бы отдал все богатства
Всей страны твоей незримой
Лишь за сладость поцелуя
Милой девушки любимой! . . .»

Что-то рыцарю ответить
Наш поэт уже собрался,
Но вот солнце закатилось,
Светлый месяц показался.

Молодежь пошла с работы
Под вечерним тихим светом
И сердечными словами
Поздоровалась с поэтом.

И поэт взял мандолину,
Струны тут заговорили,
И слова чудесных песен
Рядом с музыкой поплыли.

Очарованные песней,
Все задумчиво стояли,
А у девушек безмерно
Очи радостью сверкали.

Очарован, неподвижен,
Долго рыцарь слушал песню:
«Сколько силы в этом слове!
Он, наверное, чудесник!»

2

Летним вечером однажды
Наш поэт сидел без дела . . .
Целый день в своем жилище
В одиночестве сидел он . . .

Молодежь ушла с рассвета —
Дни горячие настали,
И товарищи поэта
Урожай с полей снимали.

Так сидел он неподвижно,
Слушал песни, что звучали
Всюду в поле — и к поэту
В мирный домик долетали.

Песни смолкли. Скоро ночь
Темнотою всё укрыла,
С ветром спорили деревья,
Речка быстрая бурлила.

И поэт в своей лачуге
Молча слушал шум далекий,
Он глядел во тьму ночную,
Полон думою глубокой.

Вдруг он слышит — кто-то едет,
Лошадь у крыльца заржала,
Кто-то слез с коня, оружие
Еле слышно забряцало.

Что за чудо? Кто приехал?
Чья-то тень окно закрыла. . .
Удивлен поэт наш. «Кто там? —
Неизвестного спросил он. —

Если вор, то ты ошибся:
Ты у бедного поэта».
— «Это я, — ответил голос, —
За услугой, за советом. . .»

«Кто же ты?» — опять спросил он.
«Я — Бертольдо, рыцарь славный!»
И поэт узнал тот голос.
«А! Охотник! Друг недавний!

Заходи, хотя, признаться,
Темноват приют поэта, —
Для себя, когда я дома,
Я не жгу напрасно света.

А для гостя мне не жалко...»
Огонечек заискрился —
В гости собственной персоной
Властелин Бертольд явился.

«Добрый вечер!» — «Добрый вечер!» —
Рыцарь хмуро отозвался...
Посидели, помолчали,
Разговор не начинался...»

«Чем могу тебе помочь я?» —
Наш поэт сказать решился,
Рыцарь тихо отвечает:
«Я, мой друг, увы, влюбился!»

И поэт ему: «Скажи мне,
За каким пришел советом?
Может быть, и помогу я
В очень сложном деле этом...»

«Я влюблен, я погибаю, —
Молвил рыцарь, — дни и ночи
Вижу я перед собою
Изумительные очи!»

«Что ж, — поэт ему ответил. —
Взять за ручку да жениться!»
— «Ох, другой, как видно, рыцарь
С ней навек соединится!»

Под балкон любимой донны
Каждый вечер прихожу я,
И в безудержной печали
Ночи грустно провожу я.

Но в ответ на вздыханья
Ничего не получаю!
Чем привлечь к себе, скажи мне,
Сердце милой? Я не знаю!

Может быть, по вкусу милой
Будут больше серенады? ..»
— «Да, — сказал поэт, — для птички
Повкусней приманку надо!»

«Голос есть. . . Но со стихами,
Знаешь, не выходит что-то. . .»
— «Да! — поэт ему ответил. —
Это трудная охота.

Поэтические лавры
Не для каждого, кто хочет, —
Конь поэзии крылатый
Норовист, капризен очень. . .»

«Помоги! — взмолился рыцарь. —
Для тебя нет дела проще!
Ты — волшебник! Ты — чудесник!
Помнишь дивный вечер в роще?

Ты своим стихом чудесным,
Песней все сердца растрогал. . .
Ты один найти мне можешь
К сердцу милому дорогу!

И за это всё, что хочешь,
Я отдам тебе в награду!»
— «Нет, — поэт ему ответил, —
Обещаний мне не надо.

Никакой не надо платы
Мне от друга дорогого!
Подожди — и серенада
Будет в миг один готова.

Но для этого мне нужно
Имя знать твоей любимой...»
— «Имя милой — Изидора,
Красоты непостижимой!»

Призадумался поэт наш,
Глядь — и через миг единый
Что-то вывел на бумаге,
Снял со стенки мандолину,

Показал слова Бертольдугу,
Мандолину сунул в руки
И стихи учил запомнить,
Повторяя для науки:

«Начинаешь петь, а дальше
Струны так перебираешь:
Ut-fa-la-sol-fa, mi-re-sol...
Дальше сам ты подбираешь».

«Вот спасибо!» — молвил рыцарь...
Не успел поэт проститься,
А уж рыцарь в чистом поле
На коне летит, как птица.

Мчался рыцарь через степи,
Через доли, через горы,
И коня остановил он
У окошка Изидоры.

Под окошком у любимой
Мандолина заиграла...
Неизбывных чувств потоком
Серенада выплывала:

«Гордо, пышно и лучисто
Светят звездные просторы —
Ни одной звезде высокой
Не сравниться с Изидорой!»

Святят чистые алмазы,
Красотой прельщают взоры,
Но чистейшим бриллиантам
Не сравниться с Изидорой!

Много спрятали жемчужин
Океанские просторы,
Ни одной из тех жемчужин
Не сравниться с Изидорой! . . .»

И лишь только серенада
Отзвучала по просторам,
Звездами полюбоваться
Тихо вышла Изидора.

И когда, устав от песни,
Мандолина замолчала,
Сверху вдруг к ногам Бертольда
Роза нежная упала.

И исчезла Изидора.
Тихо . . . Пуст балкон, как прежде,
И прильнул Бертольд устами
К розе — сладостной надежде.

3

Боже, боже! Что наделать
Может с сердцем серенада!
Не томится грудь Бертольда
Томной грустью и досадой.

И улыбка Изидоры
Всё приветливей, яснее,
С очарованным Бертольдом
Всё любезней и милее.

И колечко Изидоры
На руке его сияет,
Он невестою любимой
Изидору называет.

На богатой, пышной свадьбе
Длилось шумное веселье,
Танцевали, выпивали
Забавлялись всю неделю.

Всех приветствовали шумно,
Медом, винами поили...
Только нашего поэта
Пригласить на пир забыли.

Ясно, — хлопоты большие,
Отдохнуть минутки нету!
Где, кому какое дело
До забытого поэта?

Время птицею летело,
Жизнь, как сказка, протекала...
И не знал Бертольд, что горе
У ворот его стояло.

Захотел король могучий
Покорить чужие страны,
И герольдов разослал он
Звать бойцов на подвиг бранный.

И среди гостей веселых
В замке рыцаря Бертольда
Рог раздался громогласный
Королевского герольда.

«Ты прощай, моя супруга,
Миновали счастья годы!
Променять всё это надо
На далекие походы».

И осталась молодая
Изидора одинокой, —
В воскресенье утром рано
Вышел рыцарь в путь далекий.

Толпы рыцарей отважных
Вышли в путь порою ранней, —
Там, за морем за далеким,
Проживают басурмане.

Через дебри и пустыни
Войско шло, не уставая.
Не один вздохнул глубоко
О своем родимом крае.

Но когда уж слишком тяжко
Грусть людей одолевала,
Чтобы грусть рассеять, песню
Начинали запевалы:

«Не грусти, когда наскучат
Бесконечные скитанья.
О своем родимом крае
Не умрут воспоминанья!

В песнях родины найдешь ты
Утешенье в скорбной жизни,
Придадут тебе отваги
Думы о родной отчизне.

Не печалься — не напрасны
Это горе, эта мука:
Край родной любить сильнее
Учит долгая разлука!»

Над глухой пустыней дикой
Раздавалось это пенье,
И находит каждый воин
В этой песне утешенье. . .

Впереди большого войска —
Трое выбранных старейших:
Карлос, Гвидо и Бертольдо,
Трое рыцарей храбрейших.

Едут, едут... перед ними
Три дороги... Порешили,
Чтоб расстались командиры,
Три дороги разделили.

Карлос выбрал путь направо,
Гвидо — левую дорогу,
А Бертольд шагает прямо...
«Путь счастливый!» — «С богом!» —
«С богом!»

Счастье храброму Бертольду
Улыбалось поначалу, —
По пути завоевал он
Городов чужих немало.

Вот уже столица вражья
Пред Бертольдом вырастает...
Тут-то счастье боевое
Полководцу изменяет.

То ли рыцари успели
От походов утомиться,
То ль решили басурмане
Не сдавать своей столицы —

Но держался город крепко
Перед рыцарской когортой,
Две атаки отразил он,
Так же с третьей и с четвертой.

И пришлось Бертольду плохо, —
Край чужой, чужие люди,
Страшный голод, войско гибнет...
Что-то будет? Что-то будет?

Месяц тянется осада,
Рыцарей погибло много.
Нарастает среди войска
Недовольство и тревога.

Воины идут к Бертольду,
Подступают с криком грозным:
«Выводи ты нас отсюда!
Прочь веди, пока не поздно!

Ты зачем сюда привел нас?
Это путь прямой к могиле,
Видно, хочешь, чтобы все мы
Даром головы сложили!

Ненавистен этот город!
Надоела нам осада!
Эту славу и победу —
Ну их к черту! — нам не надо!»

И хотел Бертольд утешить
Злое войско умным словом,
Но наполнился весь лагерь
Шумом диким, бестолковым.

Все схватились за оружие,
Смертью б дело завершилось...
Кто-то крикнул громко: «Стойте!»
Войско вдруг остановилось.

И певцы перед войсками
Вышли стройной чередою,
На плечах несут оружие,
Лютни держат пред собою.

И один сказал спокойно:
«Ни к чему шуметь вам боле.
Наказать теперь Бертольда
Всё равно ведь в вашей воле.

Мы вам многое расскажем,
Но язык у нас чудесней,
Так как нам присуща песня,
Мы про всё расскажем песней!»

Тут один из них тихонько
Струны пальцем задевает,
Улыбается лукаво,
Песню тихо начинает:

«Жил да был отважный рыцарь,
Воевал он в жизни много —
Шел он в долгие походы
Лишь от печки до порога.

Языком своим длиннющим
Штурмовал он вражью силу.
Вы слышали, как он хвастал:
«Я — один, их — триста было!»

Этот вот отважный рыцарь
Был в бою и после боя
Жив и цел домой вернулся:
Талисман имел с собою.

Талисман такой известен,
Рассказать о нем несложно, —
Талисман тот — изречение:
«Убегай, пока возможно!»

«Убегай, пока возможно!» —
Все певцы тут подхватили. . .
И солдатам стыдно стало,
Книзу очи опустили.

И оружие заблестело,
Загремело по просторам:
«Лучше смерть в бою отважном,
Чем прийти домой с позором!»

И тогда пошли на приступ
Так решительно и смело,
Что на милость город сдался,
Еле ночь прийти успела.

Басурманский царь сдается,
Вражье логово разбито.
И дорога в край родимый
Широко теперь открыта!

Светел, радостен Бертольдо,
Всех певцов своих созвал он,
И, когда они собрались,
Им такую речь сказал он:

«Вечно будем мы гордиться
Трубадурами похода!
Я обязан дать награду
Вам от имени народа!»

И певцы в ответ: «Спасибо!
Нам наград твоих не надо!
Тот, кто выучил нас песням, —
Тот достоин лишь награды!»

«Где ж он? Где? — спросил Бертольдо. —
Что ж он прячется меж вами?»
— «Он не здесь, — певцы сказали, —
На войне он не был с нами.

Он в родной стране остался,
Чтоб делить печали с нею,
Не одну семью утешить
Звонкой песнею своею. . .»

«Знаю этого поэта,
Песню вечно молодую,
И теперь его по-царски
Щедро отблагодарю я!

Дал бы бог теперь счастливо
Нам прийти к семье любимой —
Много золота насыплю
Я певцу страны родимой! . . .»

Из намерений хороших
Сбита ада мостовая, —
Здесь, конечно, потрудился
И Бертольд, не уставая.

Уж давно Бертольд вернулся
В мирный дом, в гнездо родное,
Снова зажил мирной жизнью
Вместе с милою женою.

Расцветает вечный праздник
В освещенных ярко залах...
Много у него богатства...
Много золота в подвалах,

И богатые трофеи,
Что добыл он в схватках жарких,
И награда за победу —
Королевские подарки.

Много денег и сокровищ!
Графом стал наш славный рыцарь!
Будто сам король могучий,
Он живет и веселится.

И кругом — куда ни глянешь —
Это всё его владенья,
Вся округа, каждый житель
У Бертольда в подчиненье.

И сперва Бертольд казался
Благородным и счастливым,
Он с подвластными своими
Честным был и справедливым.

Но недолго это длилось,
Он менялся постепенно,
Все увидели, что в графстве
Наступили перемены.

На вино, на угощенье,
На роскошные наряды,
На турниры и забавы
Очень много денег надо.

Граф привык в далеких войнах
Грабить всех без сожаленья,
И теперь в краю родимом
В этом ищет он спасенья.

Бесконечные оброки,
Злая барщина, налоги,
Всюду крепкие заставы
Граф поставил на дороге,

Трудно даже рассказать вам,
Что за стон там раздавался.
Как в аду, страдали люди,
Как в раю, граф наслаждался.

Граф разгуливал по замку,
А в ярме стонали люди. . .
И казалось, бесконечно
Продолжаться это будет.

Всюду горькою волною
Стон народный разливался,
Этот стон в душе поэта
Тяжким эхом отзывался. . .

И однажды в пышном замке
Слышит граф плохие вести —
Стража верная доносит,
Что волнуются предместья,

Что певцы бунтарской песней
Недовольство разжигают
И к восстанью за свободу
В этой песне призывают.

И певцов сажают в тюрьмы,
В каземат сырой и тесный,
Но ничто не помогает —
Не смолкают эти песни.

И вскричал Бертольд: «Пустое!
Я возьму их жестко в руки!»
Вдруг он слышит — где-то рядом
Раздаются песни звуки:

«Мужика сыра землянка,
Барский замок — на помосте...
Что ж, недаром говорится:
«У господ белее кости...»

Может ли рука мужички
С белой ручкою сравниться?
«Кровь у графа голубая» —
Так недаром говорится...

Любопытствуют крестьяне:
Всюду ль эти кости белы?..
Кровь прольется ль голубая,
Если нож вонзится им в тело?..»

«Что за черт! — Бертольд воскликнул. —
Поскорей певца ловите,
В кандалы его закуйте!
Эй, скорей! Скорей бегите...»

Из-за стен огромных замка
Снизу голос вдруг ответил:
«Эй! Бегите, слуги графа,
Да поймайте в поле ветер!

И напрасно так — не стоит,
Граф вельможный, волноваться:
Ныне нас поймаешь десять —
Завтра нас увидишь двадцать!

Нас к боям ведет, к победам
Командир великой рати...
Он у нас отважный рыцарь,
Вы же с ним знакомы, кстати...»

Как сквозь землю провалился
Тот певец — следа не стало...
А Бертольд сидел и думал,
И тихонько прошептал он:

«„Ое у нас отважный рыцарь“ —
Вот всего восстанья корень!
Но его забавам злым
Положу конец я вскоре!»

Он к себе двух самых верных
Слуг покорных вызывает
И к поэту с порученьем
Прямо на дом посылает:

«От меня ему скажите:
Помню я еще доньше,
Как его прекрасной песней
Утешался на чужбине.

И теперь вот я желаю
Заплатить ему сторицей —
Я дарю ему прекрасный,
Лучший дом в моей столице.

Пред его большим талантом
Преклоняюсь я покорно,
И его намерен сделать
Я певцом своим придворным.

У меня его, скажите,
Ждут почет, богатство, слава,
Только должен он оставить
Все опасные забавы!»

Слуги выполнили точно,
Быстро это порученье,
Принесли они поэту
В графский замок приглашенье.

Он с усмешкой слушал речи
Соблазнительные эти
И, когда они замолкли,
Так спокойно им ответил:

«Передайте господину:
Платы я не принимаю!
Если что-нибудь дарю я,
То назад не отнимаю.

Я ему его богатства —
Пусть он вспомнит — заработал!
Очень я о том жалею.
Лучше бросил бы в болото!

Нет! Из рук его вовеки
Громкой славы не возьму я!
Могут дать такие руки
Славу лишь одну худую!

Золотых венков не надо,
С ними счастья не добуду,
Буду золотом увенчан —
И поэтом я не буду!

Не поэты те, чьи мысли
Вольно не живут на свете, —
Их опутали навеки
Золотые эти сети.

Не поэт, кто забывает
О страданиях народа,
Золотыми кандалами
Он сковал свою свободу.

Вы пойдите и скажите:
Не боюсь я графской мести!
И, пока я жив, до гроба
Не сложу оружия чести!»

И вернулись обратно
Слуги в замок и сказали:
«Так и так поэт ответил,
Мы напрасно убеждали...»

И вскипел Бертольд, услышав
Слово гордого ответа.
Снова слуг он посылает
Уговаривать поэта.

«Передайте слово в слово:
Пусть опомнится, покуда
Я терплю, и передайте —
Больше я терпеть не буду!

Если он стихи не бросит
И восставших не покинет —
Я его в тюрьму отправлю,
Пусть он там, проклятый, сгинет!...»

И спешат к поэту слуги,
Вот они у цели скоро.
Слуги ближе, слуги слышат
Мандолины переборы.

Заглянули в окна слуги,
Видят — общество большое,
Все сидят вокруг постели
Молчаливою толпою.

Третий день лежит поэт наш,
Сокрушенный злым недугом,
Вкруг него сомкнулись люди
Тесным и печальным кругом.

А поэт или играет,
Или пишет торопливо,
Раздает народу песни...
Слуги входят молчаливо.

Сразу вышли все из дома,
Лишь один поэт спокойно
Посмотрел на слуг Бертольда,
Поздоровался достойно.

Молча слушает угрозы,
Улыбается при этом...
Слуги кончили. Певец их
Угостил таким ответом:

«Передайте господину,
Что поэт готов в дорогу.
Пусть еще двух слуг, скажите,
Он пришлет вам на подмогу.

Не могу я встать с постели,
Графу вы передадите...
Вам нести меня придется
В новую мою обитель.

Но останусь я свободным
В глубине сырой темницы —
Думам вольным нет на свете
Ни заставы, ни границы!

Слово вольного поэта
Не запрете вы в темнице —
Полетит оно по свету,
Полетит крылатой птицей!

Грусть, тоска со мною будут,
И от общества такого
Втрое крепче станет сила
Поэтического слова!

От родимого народа
Не услышу я упрека
В день, когда в темницу вами
Буду брошен я жестоко! . . .»

В тесной каменной темнице,
За решеткой долго жил он,
За народ без сожаленья
Тихо голову сложил он.

Но остались на свободе
Те потомки молодые,
Что в наследство получили
Эти песни огневые.

Наступил конец терпенью,
И убили графа люди.
Угнетенья и неволи,
Люди думали, не будет.

Но осталось от Бертольда
Молодое поколение,
Юный граф принял в наследство
Гордость, золото, имения. . .

Живы графские потомки,
Всюду тюрьмы воздвигают,
А наследники поэта
Слово правды закаляют.

Слово правды призывает
Добывать на счастье право.
Беспощадна эта схватка,
Хоть она и не кровава!

И когда трубой победы
Боевая песня грянет —
Сказка старая замолкнет,
Правда новая настанет. . .

12 ноября 1893
Киев

135. ОДНО СЛОВО

Их было трое здесь, чужих людей;
Теперь их нет. Один тогда же умер,
Как только к нам приехал. Был он слаб,
Как девушка, и всё дышал он жаром,
И ничего не ел, лишь снег да лед,
И умер потому. Другой уехал
Невесть куда, на родину, быть может,
А может, дальше, — мы не разобрали,
Что он сказал. А третий здесь остался
И долго жил в избе — совсем один, —
Иначе не хотел. К нему, бывало,
И я, и сын, соседи заходили.
Придем к нему — он говорит: «Садитесь!»
(Бывало, так по-нашему и скажет —
И это слово, и слова другие.)
И мы садились. Он поил нас чаем,
К огню пускал и так чего-нибудь
Давал, когда попросим, а случится,
Что ничего и нет, — мы так сидели:
Он смотрит в книжку, мы все — на него,
И долго так, пока не станет скучно.
А спать в избе не позволял с собою:
«Идите, — скажет, — буду спать один,
Один останусь», — и покажет палец —
Один, вот так один в избе он будет.
А кто уйти не хочет, он за плечи
Возьмет его и выведет за дверь.

Не бил, а выводил нас; он ни разу
Не бил нас. А рассердится, тогда
Кричал, ногами топал, что-то много
Всё говорил по-своему, но мы
Его не понимали. Иногда
Сердился почему-то наш «чужой», —
Его не разберешь. . . Но всё ж был добрый,
Не то что наш тойон! Мы говорили:
«Он, может, глупый, потому и добрый?»
Но разве глупый в книжках понимает?
Он знал, откуда и куда идет
Река, и кто чем болен, кто умрет,
Кто выздоровеет. Он немало знал,
О чем не знает глупый. Мы, бывало,
Всё спрашивали: умный ли он, все ли
У них такие? Он смеялся только,
Не отвечал иль не умел ответить,
А может, не хотел. Потом он мог
И говорить по-нашему, и петь
Он песни научился. Смотрит в книжку,
Что сделал сам, и песни напевает,
Как мы когда-то пели, слово в слово.
А невода тянуть и расставлять капканы
Не научился он, как ни хотел.
Мороза он боялся. Редко-редко
На холод выходил. Тогда лишь только,
Когда был всполох виден, выходил он,
Он любовался им и на морозе, —
В их стороне такого не бывает.
В их стороне зимою светит солнце,
И что-то там растёт, чего здесь нет,
И что-то есть еще, чего не знаем.
Он обо всем хотел нам рассказать.
Но здесь никак всё это не зовется,
Сказал «чужой» — нет слов у нас таких!
Он говорил по-своему слова.
Как звать и то и се, я знал тогда,
Теперь забыл, теперь уже я стар,
Тогда еще был молод. И «чужой»
Был молодым, а борода большая. . .
Еще пока здоров был, борода
Была поменьше, а как захворал —

То выросла она по самый пояс,
Как будто в сказке. . . Наши не такие!
Он говорил, что болен оттого лишь,
Что в стороне живет чужой. Кто знает?
Он ел, и пил, и спал — всё как здоровый.
Не говорил о хвори, а худел!
Сначала всё лежал, смотрел на стену,
Ни с кем не говорил и выгонял,
Того, кто заходил к нему. Потом
Он сам зашел однажды к нам. И много
Нам говорил, и песни пел свои —
Всё о таком, чего у нас не встретишь.
Мы слушали, а после все уснули.
Проснулись мы — он плачет. Мы спросили:
«Обидел кто тебя?» — «Нет», — он ответил.
Так и пошел и больше не вернулся.
А мы к «чужому» часто приходили,
Когда лежал он. Он уж не был злым
И никого не выгонял, и только
Порою плакал и смеялся вместе,
И всё одно какое-то там слово
Хотел сказать нам так, чтобы понятным
Оно нам стало, думал — будет легче,
Когда расскажет. Мы не разобрали:
О чем он говорил, того здесь нет.
Он говорил, что если б то, одно,
Ему кто дал, то он бы стал здоровым.
Мы спрашивали, что это — растенье
Или еда, одежда, зверь иль птица?
Сказал, что нет! Раз мой отец спросил:
«А если б мать, отец с тобою были,
Брат иль сестра, или жена, — тогда б,
Наверно, ты здоров был, — это их
Здесь нет, — не их ли так зовут у вас,
Как не зовется здесь никто?» Подумав,
В ответ он головою покачал
И говорит: «Нет, больше б тосковал я,
Когда б они в пустыне этой были,
Когда бы умирали без того же,
Что так меня живило». И отец
Спросил его: «А в вашей стороне
Есть много этого?» Он вновь подумал,

И стали у него глаза такие,
Как у оленя, что на стуже плачѣт.
«Нет, — молвит, — и у нас его немного,
Мы больше мучимся, добыть пытаюсь,
Чем радуемся там ему; но всё ж
Порой нам кажется, что мы имеем
Хоть капельку или вот-вот достанем,
Или забудем хоть, что нет его.
Но мы хоть все-таки живем. . . Ну, я не знаю,
Как там по-вашему. . . Не так, как тут живут!»
На это я сказал: «Да ведь у вас
И пищи больше и всего». — «Не то, —
Сказал «чужой», — я вовсе не о том.
Вот если кто из юрты выйти хочет,
А тут его не пустят, да привяжут, —
То, как по-вашему, где он сидит?»
— «Конечно, в юрте», — все мы закричали.
«А если бы не в юрте, а в другом
Каком-то месте, где он сам не хочет, —
То как назвать?» Тут мы не угадали.
Один сказал: «В лесу», другие: «В поле»,
Всё без толку, не то. А я молчал:
Зачем и говорить, когда не знаешь?
«Чужой» опять заговорил: «Ну, ладно,
А как зовется это, если птица
Есть у кого, что долго не летала,
И если тот ее летать отпустит,
Куда он выпустит?» Мы говорили:
Кто — «в поле», кто — «в тайгу», а кто —
«на снег».

Он рассердился и ко мне — с вопросом:
«Ну вот, когда тебя тойон посадит
В холодную. . .» — «За что меня посадит?
Всё заплатил я!» — говорю «чужому»
И рассердился сам. Он засмеялся:
«Ну, не тебя — еще кого-нибудь,
То что ему всего там тяжелее:
Что не дают ему ни пить, ни есть,
Иль то, что родственников нет в холодной,
Иль что домой его не отпускают
И делать не дают, что он захочет?»
— «Да как кому, кто что и больше любит», —

Сказал отец. «Чужой» повеселел
(Не знаю, почему). И вновь спросил он:
«Вот если любит кто, чтобы пускали
Ходить повсюду, делать всё, что хочешь, —
То как сказать, что любит он? Но только
Одним сказать лишь словом? Ну, кто

скажет?» —

Сказали мы: кто — «делать», кто — «ходить»,
А кто — «не знаю». Сморщился «чужой».
«Нет, — говорит, — не то, не знаю слова.
Ну, я вам так без слова расскажу,
Вы только лучше слушайте!» — «Ну ладно», —
Сказали мы, хоть нам уж надоело,
Но было жаль «чужого»: он больно.
Стал говорить он: «Лучше для меня бы,
Когда ходить повсюду было б можно
И делать всё. Вот этого и нет».
Мы засмеялись: выдумал «чужой»!
Ходил он всюду, где и мы ходили,
Сам разве не хотел, когда мороз;
А то ходил за рыбой, на охоту,
И раз далёко ездил он к «чужим»,
К тойону ездил, да и к нам являлся,
Везде бывал и делал, что хотел;
Смотрел он в книжку, сам он делал книжки,
И шил, и чай варил, ел, что хотел,
Что было: ведь никто не отнимал!
«Кто ж не дает тебе ходить, работать? —
Я говорю. — Не мы?» — «Да нет, не вы!»
— «Тойон? Так он когда еще приедет!
А ты тем временем везде ходи
И делай всё, что хочешь! Мы не скажем
Тойону». — «Тех тойонов очень много,
Не только ваш один», — сказал «чужой».
«Так те живут далёко, не приедут
Они совсем сюда, ты их не бойся,
Ведь не узнают!» — говорим «чужому».
А он махнул рукой: «Что говорить вам!
Не знаете! Куда я здесь пойду?
И что смогу я сделать в ваших дебрях?
Я не могу совсем от вас уехать,
Нет у меня здесь. . . эх, не знаю слова!»

И как умолк «чужой», то так до ночи
И просидел и нам не отозвался.
Не знаю до сих пор, что с ним случилось,
Что злой такой он в этот вечер был.
Зачем ему какое-то там слово?
Ну, нет и нет! Ведь много было слов
В той книжке у него — и говорил бы
Себе, как хочется, а мы не знаем,
У нас и книжек нет и мало слов.
Да, о «чужом» всего не досказал я.
Так, знаете, он умер! Всё ходил я
К нему. И вот однажды я пришел,
Спросил я, отчего он умирает:
От стужи или от какой болезни,
Не перенял ли от кого заразу?
(Так о других порой он говорил,
Когда кто умирал.) «Ведь ты же умный,
Знал о других, и о себе знай тоже!»
А он мне отвечал: «Я умираю
Из-за того, чему здесь нет названья,
Хоть есть его без меры в вашем крае.
А то, что оживить меня могло бы,
Не называется никак, нет слова,
Но нет и самого его у вас.
Когда б хоть слово было, может, я
И жил бы с вами. . .» И «чужой» заплакал,
Сказав о том, и я заплакал с ним.
Ведь было жаль «чужого» — добрый был!
А слово то сказал мне раз «чужой»
По-своему, но я его забыл.
Оно чужое, что им называть нам!
Не нужно нам оно! «Чужим» вот нужно.
Сказал «чужой», что так вот умирает
Не он один, еще умрет немало. . .
Уж мы им говорили б это слово,
Когда кто из «чужих» так заболает,
Но что же, если нет его у нас!
Зачем оно, что значит это слово?
То, может быть, заклятье или чары,
Что без него и люди умирают. . .

136. ВИЛА-ПОСЕСТРА

Боже, то не дивное ли диво?
Не нашел юнак, с кем побрататься,
Меж юнцов не встретил побратима,
Не нашел меж девушек посестры.
Вилу белую в горах он встретил,
Вилу белую с волшебным взглядом,
Обменялся с нею перначами.
Белое лицо ее целуя,
Руку ей пожал, назвал: «Посестра!»
— «Побратим!» — она ему сказала,
И они помчались вместе в горы.
Едут рядом по горе зеленой.
И промолвил побратим посестре:
«Ви́ла, ви́ла, ми́лая посестра,
Видишь ли, что там внизу чернеет?
Воронье ли черное слетелось,
Или гору турки обступили?»
— «То не воронье внизу чернеет,
Это турки гору осаждают,
Осаждают, тучей окружают,
Скоро к нам со всех сторон подступят».
— «Ви́ла, ви́ла, ми́лая посестра,
Убегай, пока жива, отсюда!
У тебя крылатый конь волшебный, —
Как взовьется — не догонят турки
На своих арабских иноходцах!»
— «Ми́лый побратим, побойся бога!
Что за слово ты сейчас промолвил?
Разве я затем с тобой браталась,
Чтобы изменить тебе позорно?
Хочешь — убежим с тобою вместе, —
Сильный конь мой вынесет обоих».

Побратим тогда ответил гордо:
«Рыцарю бежать не подобает!»

Ничего тут вила не сказала,
Буйные коню связала крылья,
Чтоб один не вздумал вверх подняться,
А потом связала и поводья,
Чтобы кони врозь не разбежались:
«Это судьбы наши я связала».
Побратим упрашивает снова:
«Вила, вила, милая посестра,
Хоть и разум у тебя волшебный,
Всё же сердце у тебя девичье, —
Если нас враги кругом обступят,
Как бы ты, сестра, не испугалась!»
Не сказала вила тут ни слова,
Только взгляд загадочный метнула,
Как пернач, сверкающий и острый.
Что-то витязь вновь хотел сказать ей,
Но кругом их турки обступили,
Воронами хищными закаркав,
Юнака с посестрою схватили,
На спине хотят связать им руки,
Увести в турецкую неволю.
Но глядят они орлиным взглядом
И врагу в неволю не сдаются,
Хоть и знают, что уж нет спасенья, —
Не хотят оружия позорить.
Покарай ты, боже, янычара!
Он рассек коню на крыльях путы.
Конь, почуяв крылья на свободе,
Как шарахнется, как вверх взовьется,
Разорвал шелковые поводья,
И взлетел он с вилой к самым тучам.
Проклял тут юнак свою посестру:
«Пусть тебя господь накажет, вила,
Братское нарушила ты слово!
Пусть вовеки не узнает счастья
Тот, кто побратается с тобою!»
Золотой пернач юнак отбросил,
Надвое сломал кривую саблю:
«Сгинь, оружие, если гибнет верность!»

Видит вила гибель побратима,
Падает с высот стрелой из лука,
Да не на гору она упала —
На зеленую сосну в долину,
Зацепилась белым покрывалом,
Словно тучка, что сплыла с вершины.
Вила саблю острую хватает,
Белое срезает покрывало,
Будто серна, вверх она взбегает,
К своему юнаку-побратиму.
Добегают до поляны горной. . .
Горе, горе! Ни следа не видно,
Только вся трава черна от крови.
Смотрит вила: скалы да обрывы.
Но какой дорогой скрылись турки
И куда девали побратима?
Жив ли он, иль душу отдал богу?
Зарыдала, закричала вила:
«Ой ты, конь, крылатое виденье!
Где ты там под тучами гуляешь?
Загубил ты душу побратима,
Помоги же отыскать мне тело!»
Кличет вила, и зовет, и свищет, —
Говорят в долинах люди: «Буря!»
Кличет вила, а сама блуждает
По горам, заглядывает в бездны —
Побратима своего всё ищет.
Помутился с горя вещей разум,
И померк в печали взгляд волшебный, —
Не узнать в ней прежней вилы белой.
Так не день, не два она блуждала,
Всё коня из тучи выкликая,
Наконец он зов ее услышал,
Прилетел из далей неизвестных
И упал на землю, словно пуля.
Закипело сердце вилы белой:
«Ой ты, конь, изменник ты проклятый!
Если бы тебя убить могла я,
Всё бы мне на сердце легче стало! . . .»
Вещий конь тогда ответил виле:
«Госпожа, не проклинай напрасно.

Если б я тебя не вынес в небо,
Оба вы тогда бы в плен попались.
Не на то ты вилой уродилась,
Чтоб тебя вязали злые люди!»
Молча вила тут коня седлает,
А в груди змея как будто вьется...
Вещий конь ей говорит словами,
Госпожу свою он утешает:
«Госпожа моя, ты не печалься,
Не печалься, в горе не вдавайся,
Мы найдем с тобою побратима.
Если он живой — его спасешь ты,
Если мертвый — честно похоронишь.
И не будет между вас измены».
Молча вила на коня садится
И пускает по ветру поводья.
Конь под ней рванулся птицей вещей,
Где гора — орлом перелетает,
Мечет в бездну взгляд свой соколиный,
По долинам ласточкою вьется,
По-над городом летит совою,
Темень огненным пронзает взором.
Так три дня летели и три ночи
И в Стамбуле-граде опустились.
Вила здесь турчанкою оделась,
Пропосту оделась, как крестьянка,
Улицами ходит, площадями,
Где идет невольников продажа,
Юношей встречается немало,
Да не видно побратима вилы...
Вот уж вила у палат султанских.
У султана белые палаты,
А под ними черные темницы,
Там в неволе пленники томятся,
Света солнца их глаза не видят.
Только ночь укроет все дороги,
Подойдет к стенам темницы вила,
Обволакивает всё туманом,
Насыляет крепкий сон на стражу.
Припадает ухом всюду к стенам,
Чтобы хоть единый звук услышать.
Вещий слух у вилы-чародейки,

Но молчит темница, как могила.
Лишь на третью ночь посестра слышит —
Кто-то тяжело застонал в темнице:
«Покарай, господь, посестру вилу!»
Как услышала те стоны вила:
«Горе мне! То голос побратима!»
Поясной кинжал снимает вила,
В стену бьет и твердый камень рушит,
Пробивает узенькую шелку,
Подает свой голос побратиму:
«Не кляни меня, любимый брат мой,
Вспомни бога со святым Иваном!
Я тебе не изменила, милый,
Предал нас обоих конь крылатый.
Враг ему рассек на крыльях пути —
Конь взлетел со мною к самой туче.
Видит бог — того я не хотела!
Вот стою я здесь у стен темницы,
Я пришла к тебе сюда на помощь».
Отозвался юный витязь виле:
«Что ж, спасибо, милая посестра,
Что пришла сюда ко мне на помощь.
Только жалко — поздно спохватилась,
Долго ж ты для турок наряжалась!»
Облилось тут кровью сердце вилы:
«Побратим, не гневайся напрасно!
Если б ты меня сейчас увидел,
Не сказал бы — вила наряжалась...»
Кротко виле побратим ответил:
«Что ж, давай помиримся, посестра.
Что прошло, то больше не вернется,
А меня спасать теперь уж поздно.
Вот спасибо — шелку прорубила,
Хоть увижу светлый луч в темнице,
Бог мою еще не принял душу.
Если б он ее скорее принял!
Верно, обо мне и смерть забыла».
И опять ему сказала вила:
«Побратим, к чему слова такие,
О живом живой и думать должен.
Стража спит, на улицах безлюдно.
Я окошко прорублю пошире,

Я спущу тебе покров свой белый,
По нему ко мне ты доберешься.
Только свистну — мигом конь примчится.
Будем мы в горах через минуту!»
Побратим ей снова отозвался.
Говорит он, как ножами режет:
«Что прошло, того уж не воротишь,
Больше нет в горах мне прежней воли.
Тело мне ремнями переело,
И железо кости перегрызло,
А темница очи помутила,
Горький стыд повысушил мне сердце,
Что сломал я славное оружие
И живой попался в руки туркам.
Не мила и жизнь теперь мне стала,
Ни в темнице, ни на вольной воле!»
Отвечает вила побратиму,
Заклинает побратима богом:
«Я сама спущусь к тебе в темницу,
Все-таки спасу тебя оттуда:
Лишь бы только нам добраться в горы,
Я тебя там вылечу, мой милый,
Я недаром вила-чародейка,
Исцелю тебе любые раны».
Ничего не отвечает виле
Побратим и только тихо стонет:
«Жаль трудов твоих, посестра вила!
Не от славных ран я погибаю.
Подойди — и всё сама увидишь,
И лечить меня ты не захочешь.
Если ты мне верная посестра,
Сделай мне последнюю услугу:
Жизнь мою возьми чем только хочешь,
Было бы оружие почетным,
Схорони ты страждущее тело,
Чтоб над ним злой враг не надругался.
Если просьбе ты моей откажешь,
У тебя предательское сердце».
Зарыдала, затужила вила
И кукушкой закуковала:
«Что сказал ты, побратим любимый?
Подыму ли на тебя я руку?»

Тут невольник обратился к богу:
«Ты за что меня, господь, караешь?
Не дал ты мне, боже, побратима,
А послал в посестры эту вилу.
Вот теперь и помощи не вижу,
Слышу только жалобы девицы.
У меня без них немало горя».
Тут ни слова не сказала вила,
Лишь махнула белым покрывалом,
Молния широкая блеснула,
Ослепила всех турецких стражей,
Все тюремные спалила двери,
Осветила путь посестры к брату.
Только раз на брата посмотрела
Вила белая — и сжалось сердце.
Перед ней лежал не юный витязь,
А старик совсем седой, как голубь,
Грубыми изрезанный ремнями,
А из ран просвечивают кости.
Он не встал навстречу виле белой,
Только тихо звякнул кандалами.
Вновь махнула вила покрывалом,
Осветила ясно всю темницу.
«Вот я здесь, взгляни на вилу, брат мой!»
Отозвался пленник еле слышно:
«Я не вижу — очи помутились!»
Сжала крепко грудь свою посестра,
Чтоб от муки сердце не порвалось,
Не могла она сказать ни слова,
Только еле слышно просвистела,
Чтоб к себе коня позвать скорее.
Мигом конь услышал тихий посвист,
Он уже в воротах бьет по камню.
На руки берет посестра брата
И перед собой в седло сажает.
Только не сидит он в нем, как рыцарь,
А дрожит и гнется, как ребенок.
Плача и стеная, вилу просит:
«Не носи меня, сестра, высоко!
Сердце ноет, жутко мне и тяжело!
Лучше ты оставь меня в темнице. . .»
Тихо, тихо вила отвечает,

Как из-под земли выходит голос!
«Побратим, прижмись ко мне покрепче,
Поддержу тебя я, ты не бойся».
Обняла посестра побратима,
Крепко левою рукой прижала,
Правой занесла кинжал блестящий
И вонзила так глубоко в сердце,
Что сразил бы он две жизни сразу,
Если б вила смертной уродилась.
Но осталась жить посестра вила,
Только сердце обагрилось кровью.
Конь почуял запах крови свежей,
Взвился вверх он искрою кровавой,
В горы дикие стрелой помчался
И в долине вдруг остановился.
Стал копать своим копытом землю,
Быстро яму черную он вырыл.
Вила белая с коня тут сходит,
Подымает вила побратима,
Пеленает белым покрывалом
И кладет на вечный сон в могилу.
Рядом с ним кинжал она хоронит,
Чтобы витязь не был безоружным.
Землю черную полою носит,
Высоко могилу насыпает,
И гора уже до неба встала.
Схоронила вила побратима,
На коня вскочила, закричала:
«Ой, неси меня, неси в просторы!
Горе давит! Сердцу стало тесно!»
Конь взлетел высоко, выше тучи —
Госпожу выносит на просторы.
Погребенья песнь заводит вила —
Люди говорят: «То гром весенний».
Вила слезы горькие роняет —
Люди говорят: «Весенний дождик».
Над горами радуги сияют,
По долинам оживают реки,
В горных долах травы буйно всходят,
И печаль заоблачная тихо
К нам на землю радостью спадает.

137. ИЗОЛЬДА БЕЛОРУКАЯ ¹

1

Тристан, в лесу блуждая,
Ловил зеленый шум,
Хотел ему поведать
Тоску любовных дум.

Качает ли березу
Приветный ветерок —
Он тотчас вспоминает
Изольды голосок.

Проглянут ли сквозь ветки
Синея небеса —
Он вспоминает грустно
Изольдины глаза.

В отчаянье из чащи
Выходит он — и вот
Над рожью золотою
Звонящий зной плывет.

¹ Основой для этой поэмы послужил средневековый роман «Тристан и Изольда», который был широко распространен во многих вариантах, на разных языках, во всех европейских — в том числе и славянских — странах. Содержание романа — роковая и несчастная любовь рыцаря-вассала Тристана к королеве Изольде Златокудрой. Любовь возникает внезапно — от волшебного напитка, выпитого ошибочно. В некоторых вариантах упоминается также и вторая Изольда — Изольда Белорукая, которую Тристан любил во время разлуки с первой возлюбленной Изольдой Златокудрой.

И он о Златокудрой
Изольде вспомнил вновь,
Упал в траву и плачет.
О, горькая любовь!

Пришла на поле жница,
Свою межу нашла,
Услышала рыданье
И ближе подошла.

Судьбою необорной
Была ее краса,
И черною печалью
Была ее коса.

Был сумрачен и грустен
Ее горящий взгляд, —
Забудет рай небесный,
Кто взглянет в этот ад.

У девушки той голос —
Как будто скрипки зов,
Что собирает мертвых
На танец из гробов.

И вывела Тристана
Она из темных грез
Движеньем рук лилейных,
Умильным током слез.

Спросил он: «Как зовешься,
Скажи, коль тайны нет?»
— «Изольдой Белорукой», —
Он услышал ответ.

«Единственное имя
В юдоли и в раю!
Изольда, ах, Изольда!
Прими любовь мою!»

Так нежно меня ты ласкал,
 Возлюбленный, милый,
 Так в очи печально смотрел, —
 Мне сердце щемило.

Ты губы мои целовал
 И белые руки,
 И слезы текли и текли
 От счастья и муки.

Шептал ты недавно еще
 Так пылко и страстно,
 Зачем же, зачем же ты глух
 На зов мой напрасный?»

«Изольда! Изольда моя!
 В очах твоих черных
 Хотел бы я видеть лазурь
 Обителей горних.

Изольда! Изольда моя!
 Когда бы волною
 Твоя золотилась коса,
 Как поле ржаное!

Твой голос, Изольда моя,
 Порывист, мятежен.
 Когда б он, как шелест берез,
 Был ласков и нежен!»

«Не стоит о том горевать
 И плакать Тристану!
 У матери крестной я всё,
 Что хочешь, достану.

Моргана ведь крестная мне.
 Поможет мне фея...»
 — «Беги же, Изольда, беги
 К Моргане скорее!»

«Ах, крестная, фея Моргана,
 Мою измени красоту!
 Хочу быть светла и прекрасна,
 Как ангелы в божьем саду».

«Нет, крестница, дочка Изольда!
 Я прелесть твою создала,
 Еще в колыбели младенцу
 Подарок живой принесла.

Ведь в прелести гордой, Изольда,
 Земное твое торжество. . .»
 — «Печален и темен мой облик —
 Мой милый рыдал от него.

Дай золота мне и лазури,
 Хочу быть светла и ясна,
 Чтоб милый смотрел улыбаясь,
 Как весело блещет весна!»

«Ну что ж, моя дочка Изольда!
 У солнца ведь золото есть,
 Морскую попросим русалку
 Осколок лазури принесть».

«Позволь еще, крестная фея,
 Чтоб нежен был мой голосок,
 Чтоб милый, заслушавшись песен,
 От них оторваться не мог».

«Нежнее, чем листья березы,
 Волшебная прялка шумит,
 И каждый в том звуке услышит,
 Что сердце людское томит.

Что хочешь, любимая дочка,
 Тебе измененным даю.
 Одно изменить я не в силах —
 Не трону я душу твою».

Опять в ночном лесу Тристан,
 Сам-друг с былою мукой,
 И ждет как будто и не ждет
 Изольды Белокурой.

Вспорхнула пташка ли в кустах,
 Иль ветерок пронесся —
 Внезапно встретился Тристан
 С Изольдой Златокосой.

Всё те же очи и коса,
 И тот же голос милый...
 Душа Тристана в небеса,
 Ликуя, воспарила!

«Привет, единая моя!
 Привет, моя царица!
 Из-за моря ли приплыла
 Сегодня, чаровница?»

Как отпустил тебя одну
 Твой муж, король проклятый?
 Иль для Тристана своего
 Убить его смогла ты?

Но где же кубок золотой,
 Где зелье колдовское?
 Охотно выпью всё до дна,
 Не надо мне покоя!

Напиток нам зальет печаль,
 Рожденную разлукой».
 — «Тристан! Ужель не помнишь ты
 Изольды Белокурой?»

«Она забыта навсегда,
 Как тень минувшей ночи».
 — «А что, Тристан, когда забыть
 Она тебя не хочет?»

«Пускай идет в Ерусалим
Босой, простоволосой!
Теперь я встретился с тобой,
С Изольдой Златокосой!»

«Тяжки грехи твои, Тристан.
Их тьма неумолима!
Ты им прощенья не найдешь
В стенах Ерусалима».

«С тобой, любимая, готов
Идти на смерть и муки!»
— «Тристан, довольно праздных слов,
Смотри на эти руки!

Ты помнишь ли, кого послал
Сегодня в грот Морганы?
Куда теперь меня пошлешь
С моей сердечной раной?

Пускай исчезла тьма очей.
Зато душа темнее,
Чем черный камень гробовой,
Мне не расстаться с нею.

Пускай же вновь моя коса
Цвет траурный наденет!
Пускай же мне печали цвет
До гроба не изменит».

5

Тристан, как ребенок, ослаб,
На сердце кручина.
Ему не помогут теперь
Все чары Мерлина.

А фея Урганда ему
Промолвила мудро:
«Изольде тебя излечить
Одной — Златокудрой.

От смерти она отвратит,
Спасет от недуга».
Он слышит и за море шлет
Любимого друга.

И другу дает он наказ:
«Воротишься с милой —
Ты белое на корабле
Поставишь ветрило.

А нет — черный парус поставь,
И мне бы хотелось,
Чтоб он, словно саван, потом
Укрыл мое тело».

6

«Ступай же, Белорукая, на берег,
Прошу тебя, молю тебя, иди!
Там есть утес, высокая стремнина,
Взойди на кручу, в море погляди,

Где ветер гонит северные волны.
Вернись скорей и расскажи о том,
В тумане нет ли белого ветрила
На горизонте дальнем и седом».

И молча Белорукая Изольда
Взошла на кручу и глядит в туман...
Ах, что белеет — парус ли далекий,
Иль это гребня пенного обман?

Она вернулась, и спросил он жадно:
«Что там вдали, видны ли паруса?»
— «Маячит чей-то парус на просторе...»
— «Он бел?» — «Он черен, как моя коса».

И вмиг душа Тристана обрывает
Нить ожиданья, горя не тая,
И легкокрылой птицею несется
Далёко, в неизвестные края...

«За мною, Златокудрая Изольда!
Тебя давно Тристан твой верный ждет.
Не бойся в этих скалах заблудиться, —
Изольда Белорукая ведет.

Мы две сестры. Нас имя породнило,
Как две зари: я — вечер, ты — рассвет;
Мы запылали заревом единым.
Так суждено, и в этом чуда нет.

Однажды в жизни светлый час недолгий,
Как и тебе, мне был судьбою дан...»
— «Сестра моя! Страшит меня твой голос!
Скажи всю правду! Умер мой Тристан?!»

«Пусть, Златокудрая, господь рассудит,
Чьим был Тристан, твоим или моим,
Но все-таки склониться в час кончины
Досталось мне, а не тебе над ним,

Не подняла ты черного ветрила,
Не траурна — светла твоя краса,
Но милый в гроб не ляжет без покрыва —
Его покроет черная коса».

21 июля 1912
Кутаис

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

138. ОДЕРЖИМАЯ

Драматическая поэма

1

Берег озера Гадаринского. Далеко на горизонте около берега смутно виднеются лодки, толпа народа тучей покрыла далекое побережье. Миряма, «одержимая духом», в глубокой печали блуждает меж камнями, потом поднимается на вершину скалы и смотрит не на берег, а в глубь пустыни: она видит кого-то вдали.

М и р и а м

Он там сидит всё так же неподвижен,
Как эти камни, что вокруг чернеют.
Опять над ним, как вижу я отсюда,
Нависли думы тучею тяжелой,
Свет молнии из них вот-вот прорвется
И озарит всю землю. О, когда ж
Рассеет он томительную тучу?
Хотя б меня та молния убила,
Я жажду, жажду, чтоб она слетела
И прояснила лик его прекрасный.
Насытил он толпу, телам и душам
Всем дал покой, а сам в пустыне этой
Пасет стада бессонных размышлений.
Нет им преград, ему же нет покоя...
Какой он одинокий, боже правый!
Ужель ему нельзя ничем помочь?
Ужель всегда он будет одиноким?
«Придет Мессия судьей на землю» —
Так сказано в пророчестве, и только.
И милосердие и правда — миру,
А для Мессии что? Ужели слава?

«Исчезнут войны, смерти и болезни,
Настанет мир и счастье для людей. . .»
А для Мессии? Снова «слава в вышних»?
И только слава? О, какая ж мука
Мессией быть, который мир спасает!
Всем счастье дать — и быть всегда несчастным,
Несчастливым, ибо вечно одиноким.
Кто мог бы дать Мессии избавленье
От одиночества, от страшной славы?

*(Подавленная внезапной усталостью, садится под скалой
и склоняется на камни.)*

Зачем же я вослед за ним блуждаю?
Зачем? Сама не знаю. Верно, дух
Завел меня на верную погибель.
Ну что ж! Пускай! Уж лучше тут погибнуть.
Чем где-нибудь еще. Погибну здесь.
Я изострила зрение в пустыне,
Как соколиный взор, — я всё следила,
Не бросит ли свой взгляд он на меня?
Не поглядел он и не обернулся. . .
Знать, слишком дерзкою была надежда!
На что же я надеялась? Не знаю!

*(Раскачиваясь, как те, кто причитает над гробом, тихо
поет печальную восточную песню, долго, без слов.)*

Об этом можно петь, но лишь словами
Сказать нельзя.

(Снова поет.)

Какая шла толпа
Вослед за ним в пустынной Галилее!
И каждый мог притронуться к одежде,
К концу плаща Мессии, только я
Не прикоснулась, ибо ничего я
Просить не собиралась: ни здоровья,
Ни утоленья голода. Не знаю,
Зачем я шла с толпою. . .

(Снова поет.)

Ником̄у

Не отказал он в ласке и совете.
Кто в чем нуждался — то он и давал.

(Поет.)

А в чем же я нуждаюсь? О Мессия,
Ты знаешь это?

Незаметно для Мириам Мессия приблизился к ней из-за скалы,
придя из пустыни, и склонился над нею.

Мессия

Знаю, Мириам!

Мириам

(испугалась)

Учитель! Ты ли?

Мессия

Женщина, не бойся,
Я дам тебе покой.

Мириам

О, не хочу,
Не нужно мне покоя!

Мессия

(ласково и вместе строго)

Мириам,

То дух тебя смущает. Как не хочешь?
Покоя хочет всякий.

Мириам

Разве ты
Не отвратился от того покоя,
Которым наслаждался в Назарете?

Мессия

Но ты равняться хочешь...

Мириам

(порывисто)

Нет, Мессия,
Равнять себя не смею я с тобой.
Я слабое, несчастное создание.

Мессия

Зачем же ты чуждаешься покоя?
Он — утешение для всех несчастных.

Миррам

(с внезапной смелостью)

Ты сам лишен покоя, сыне божий!

Мессия

Но до меня тебе какое дело?

уничтожена, обескуражена, закрывает лицо покрывалом и
поворачивается, чтобы идти прочь.

Мессия

Стой, Миррам! Скажи, в меня ты веришь?

Миррам

(не открывая лица)

Я верю, что ты — божий сын, Мессия,
Ты всем, но лишь не мне, несешь спасенье.

Мессия

Лишь не тебе?

Миррам

Ты сам сказал, учитель.

Мессия

Я это не сказал.

Миррам

Но я-то знаю.

Прости, учитель, я должна идти.

(Хочет уйти.)

Мессия

Куда идешь?

Миррам

Не знаю. Так, в неизвестность.

Мессия

Зачем?

Мириам

Затем, что нужно.

Мессия

Но зачем же?

Мириам

Ты знаешь. Ты — Мессия. Я не знаю.

Мессия

Останься здесь.

Мириам молча останавливается.

Скажи мне, ты слыхала,

Что говорил я людям?

Мириам

Да, Мессия.

Мессия

Ты приняла мои слова?

Мириам

Вовеки

Я не забуду их.

Мессия

И вслед пойдешь им?

Мириам

Они всегда пойдут вослед за мною,
Взывая: «Ты идешь путем неправым!»
И, как на уголь жаркий, наступать
Я буду на слова твои святые,
Следы мои от них нальются кровью.

Мессия

Упряма речь твоя, ты как рабыня,
Которая не внемлет господину,
Хотя его отлично знает волю.
Таких рабов суровый ждет удел.

М и р и а м
(падая на колени)

О, горе мне! Коль я достойна кары,
Ее теперь с меня никто не снимет.

М е с с и я

В тебе не много веры. Если б ты
Хоть зернышко имела...

М и р и а м

О, я верю,
В тебя безмерно верю, сыне божий,
Но я в себя не верю! Я не верю,
Что в силах я принять твое ученье.

М е с с и я

Твое смирение хуже, чем гордыня.

М и р и а м

О, во сто раз, я это слишком знаю,
И в том мой ужас.

М е с с и я

Ты не возводи
Напраслины на собственную душу, —
Такою черной быть она не может.

М и р и а м

О нет, учитель, нет, она чернее,
Чем обгорелый дом пустопорожний,
Чернеющий в развалинах, и влага
Твоих речей живительно-целебных
Души моей не в силах исцелить!
Ведь влага — средство от огня живого,
Сгоревший дом никто не поливает.

М е с с и я

Но что тебе всю душу опалило?

М и р и а м

Не знаю, ненависть или любовь.

Мессия
К кому же ненависть?
Мирнам
К врагам, учитель.

Мессия
Своим?

Мирнам
Твоим.

Мессия
Я их любить учу вас.

Мирнам
'А я люблю... не их.

Мессия
Для нас с тобою
Они, однако, ближние.

Мирнам
Но я
Бегу от них, как будто от ехидны.

Мессия
Они не знают, что творят.

Мирнам
Ехидна
Не знает также, но ее растопчет
Любой из нас.

Мессия
Но если бы ехидна
Не испускала собственного яда,
Она была б не хуже, чем голубка.

Мирнам
Она расстаться с ядом не захочет.

Мессия

О царстве божьем на земле ты знаешь?

Миррам

Но я его теперь нигде не вижу.

Мессия

Ты мало веришь: смотришь и не видишь.

Миррам

О да, не вижу! Свет твоей души
Меня слепит. Чем ты для нас яснее,
Тем та ехидна мерзостней голубки.
Я мало верю? Нет, я слишком верю,
И эта вера жизнь мою погубит.
Я верю, что ты — свет наш, и такого
Наш темный люд доселе не приемлет!
Я верю, что ты — слово, и такого
Глухорожденный этот мир не слышит!
Иной, быть может, нужен им Мессия?
Быть может, сына божьего им мало?

Мессия

Пока еще слепые не прозрели,
Им слова недостаточно для веры, —
Нужны дела.

Миррам

Ты сотворил им чудо.

Мессия

Да, чудо сотворил я над водою, —
Воды здесь мало, нужно крови.

Миррам

(с ужасом)

Крови?

Чьей нужно крови, господи?

Мессия

Моей.

М и р и а м

Пусть им она на голову прольется!

М е с с и я

Не проклинай, проклятия вернутся
К тому, кто произносит их.

М и р и а м

Пускай!

Я знаю всё, я проклята навеки
За то, что я злодеев ненавижу.
О, каждая усмешка фарисея
Мне ненавистней скорпиона злого,
И даже яд не столь мне ненавистен,
Сколь это злое выгнутое тело.
Я вся дрожу, когда его увижу,
В моих глазах тогда сверкают копья,
В моих словах оружие бряцает,
И так полна я ненависти лютой,
Как будто сторож я у царской двери,
Который рад пронзить мечом любого,
Кто замышляет зло на властелина.

М е с с и я

Ты и меня так люто ненавидишь?

М и р и а м

(с упреком)

Учитель!

М е с с и я

Ты, быть может, скажешь — любишь?

М и р и а м

Ты так сказал.

М е с с и я

Я так сказал: кто молвит,
Что любит бога, брата ж ненавидит, —
Лукавит тот.

М и р и а м

И, значит, тот не любит,
Кто душу отдает?

М е с с и я

Что значит — душу
Свою отдать?

М и р и а м

То значит: быть готовым
Проститься с жизнью собственной во имя
Своей любви.

М е с с и я

Но это б называлось —
Проститься с телом. Где же тут душа?

М и р и а м

А кто отца покинет, мать и братьев,
Семью, любовь — всё то, чем жил доселе,
Для ближнего, — ужель и тот не любит?

М е с с и я

Кто от всего отрекся в этом мире,
Лишь от себя не в силах был отречься, —
Не любит тот.

М и р и а м

О господи, какой
Ты жертвы хочешь?

М е с с и я

Жертвы не хочу я —
Одной любви.

М и р и а м

И всех любить должна я?

М е с с и я

Да, всех.

М и р и а м

Итак, любить всех ближних, кроме
Тебя, учитель, — это невозможно.
Тебя ж и всех — людских не хватит сил,
За что должна любить я их, учитель?

М е с с и я

Лишь маловерным нужно знать, «за что».

М и р и а м

Как маловерные любить умеют!
Какое пламя эта их любовь!

М е с с и я

А та любовь, что от тебя хочу я,
Должна, как солнце, всем давать сиянье.

М и р и а м

О, что мне делать? Нет такого солнца
В душе моей. Ночь, ночь, слепая ночь.

М е с с и я

И для тебя еще зажжется солнце.

М и р и а м

(с внезапной надеждой)

Учитель, если б только ты позволил
Пролить мне кровь!

М е с с и я

За что же? За людей?

М и р и а м

Нет, не за них.

М е с с и я

Тогда зачем напрасно
Идти на смерть?

М и р и а м

Быть может, не напрасно,
Быть может, кровью искупить могу я...

Мессия

Кровь без любви не может искупить.

Мириа м

Быть может, кровь свою пролить могу я,
Чтоб не лилась твоя святая кровь!

Мессия

Ты хочешь искупить меня?

Мириа м молча кивает головой.

Напрасно!

Мириа м

Пускай напрасно, но позволь погибнуть —
Не за тебя, так лишь с тобою вместе!

Мессия

Ваалу жертвы праздные приносят,
А я не принимаю их.

Мириа м

Мессия!

Мессия

Нет, для тебя, несчастная, отныне
Я не Мессия. Ты меня не знаешь.

(Уходит.)

Мириа м остается в пустыне одна.

2

Гефсиманский сад. Двенадцать учеников спят непробудным сном. Мессия молится. Мириа м тихо крадется вдоль садовой стены и останавливается в глубокой тени, откуда ей виден Мессия, весь залитый лунным сиянием.

Мессия

(к ученикам)

Вы спите? Полно спать! Моя душа
Скорбит смертельно. . .

Ученики не отвечают, спят.

М и р и а м
(про себя)

Боже, снова он
Томится одинокий! Эти люди
Тверды, как камни... Вон вдали лежит
Тот ученик, которого учитель
Всех больше возлюбил, а он всех крепче,
Наверно, спит: он самый молодой.
Лишь я одна не сплю, страдая рядом,
Но, как стена, нема я: неприметна,
Как эта тень; как будто я отныне
Не человек и нет во мне души.
Я подойду к нему...

(Несколько выходит из тени, но снова прячется.)

Нет, я не смею...
Он снова скажет, как тогда сказал:
«Но до меня тебе какое дело?»
Что я ему скажу? Моя душа
Теперь еще чернее. Я не только
Его врагов отныне ненавижу,
Но и друзей. О, этих еще больше!
Вы, лежебоки! Свет в глухую полночь
Не будит вас? Кровавый луч пожара
Ленивых глаз ужель не достигает?
Пусть вечный сон сдавил бы ваши груди,
Кошмарами душил вас без конца!
Мне во сто раз, чем вы, милее гады, —
Наверно, в них теплее кровь течет.

*(С отвращением отворачивается от спящих.
Смотрит на Мессию, прислушивается.)*

О чем так долго молится?

Мессия
(вполголоса)

Да минет
Меня, отец мой, эта чаша...

М и р и а м

Боже,
Ужели до небесного престола
Не долетит столь жаркая молитва?
Ужель волкам отдать ты сына хочешь?

Мессия

Но всё ж пускай твоя свершится воля,
А не моя.

М и р и а м

Сам Вельзевул, наверно,
Почувствовал бы жалость.

Мессия

(ученикам)

Спите вы?
Довольно спать! Моя душа скорбит
Смертельно.

М и р и а м

Даже камни из пустыни
Ему тройным ответствовали эхом,
Но эти — нет, напрасная надежда!
Я отзовусь... Какой злой дух стесняет
Мои слова? Учитель! Сыне божий!
О свет души моей! Ужели ты
Не видишь, как я гибну здесь от скорби,
От боли, от тревоги? И ничем,
Ничем тебя утешить не могу я!
...Я отзовусь... Нет, голоса не хватит,
А если хватит, дико зазвенит он
В ночи, подобно голосу шакала,
Затем что в сердце мука. Не могу я,
Не в силах видеть этого! Прощай!..
О Мириам, ты проклята от бога!

(Не замеченная Мессией, быстро выбегает из сада.)

3

На Голгофе. Ночь. Три креста с распятыми, уже мертвыми. Вдалеке стража, других людей нет, только одна М и р и а м под крестом Мессии.

М и р и а м

Он им простил. Он их за всё простил,
Все это слышали. Теперь навеки
Его слова им будут утешеньем.

Лишь я одна осталась непрощенной:
Я не могу простить их за него.
Я за него всё в мире ненавижу —
Врагов, друзей, толпу, народ безумный,
Который здесь кричал в ожесточенье:
«Распни его, распни!», и тот закон
Людской, который допустил невинно
Убить его, и тот закон небесный,
Что за грехи безумных поколений
Потребовал страданий, крови, смерти
Того, кто всех любил и всем прощал.
Он умер, преданный землей и небом,
Несчастный, одинокий. А теперь
Сижу я здесь, одна на целом свете,
Напрасно слезы лью и проклиная
Всё то, что он любил, и с каждым словом
Теряю на спасение надежду.
И вечно, вечно буду одинокой
На том и этом свете. Никогда
Печаль моя не кончится, и сердце
Объято будет беспредельной мукой.

Придут наутро верные друзья,
Отрекшиеся от него трикраты,
Придет семья, которая досель
Пророка в нем не видела, и снимут
Его с креста — ведь он уж не живой
И больше мучиться за них не может, —
Ленивыми слезами окропят
И тело спеленают, и смиренно
Под наблюденьем стражи унесут,
В пещере погребут и разойдутся.
Потом, быть может, соберутся вместе,
Чтоб вспомнить равнодушными словами
О том, кого не берегли при жизни!
О, как бы я теперь хотела бросить
Всем им в лицо слова тоски и яда,
Горячие, как угли! Пусть бы выжгли
Бесстыдные их очи, что посмели
Здесь видеть беспредельные страданья
Того, чьего мизинца все не стоят!

Я знаю, если бы явилась я
С лицом от ненависти искаженным,
Они пришли бы в ужас и спросили:
«До нас до всех тебе какое дело?»
'А я на то... Что б я на то сказала?
Смолчала б я: для ненависти лютой
Нет голоса, нет места на поминках
Того, кто всех любил и всем прощал...
О горе! В час, когда они сойдутся
Почтить того, кого я так любила,
Чужда я буду всем и одинока,
Никем не признана — ведь сам Мессия
Не признавал меня... О сыне божий!
Пусть в жизни у меня всё, всё неправда,
Но верь мне, верь, что я тебя любила.
Не отреклась я, скажешь, от себя?
Я отреклась! Я собственную душу,
Которую не захотел Мессия
Принять как жертву, — прокляла навеки.
Не то ли горе самое большое,
Когда нельзя отдать за друга душу?

Тьма постепенно окутывает гору, крест и женщину, стоящую подле креста.

4

Площадь в Иерусалиме. Боязливо оглядываясь, пробегают люди; иногда они сходятся небольшими группами, украдкой перекидываются несколькими словами и расходятся снова. М и р и а м медленно идет по площади. Навстречу ей И о а н н а, одна из последовательниц Мессии.

И о а н н а
(к М и р и а м)

Да будут вечно мир с тобой и радость,
Сестра моя.

М и р и а м
Ни с радостью, ни с миром
Я не знакома так же, как с тобой.

И о а н н а
Прости, что обращаюсь к незнакомой, —
У нас такие радостные вести.

М и р и а м

Что мне до них?

И о а н н а

Они — любому радость:
Мессия наш воскрес!

М и р и а м

Воскрес? Мессия?!

И о а н н а

О, тише, бога ради, — лишь услышат —
И донесут тотчас синедриону.

М и р и а м

Бойтесь вы, что ныне за Мессию
И вам придется кровь пролить в мученьях,
Как пролил он за вас?

И о а н н а

Настанет время —
Прольем и мы.

М и р и а м

Ты чем, скажи, торгуешь?

И о а н н а

Сказала б я, что твой вопрос некстати.

М и р и а м

А ты не знаешь, где теперь Мессия?
На небе, верно?

И о а н н а

Нет, он на земле,
В народе ходит.

М и р и а м

Значит, есть надежда,
Что он за вас вторично кровь прольет,
Когда наступит время!

(Горько смеется.)

Я не верю,
Что он воскрес: не стоите вы чуда.

И о а н н а

Он не глядит, кто стóит, кто не стоит.

М и р и а м

Да, правда, он не видел никогда,
Что здесь из вас никто его не стоит.
Но что воскрес он, всё же я не верю.

И о а н н а

Но он же сам нам это предсказал!

М и р и а м

Воскреснуть ради этого народа?
На это не хватило б и Мессии!

И о а н н а

Должно быть, я ошиблась, потому что
Ты не из нас, приверженцев его.

М и р и а м

Приверженцев и без меня довольно.

Иоанна со страхом скрывается в толпе.

М и р и а м

(ей вослед)

Не бойся, не скажу синедриону,
Он не милее для меня, чем ты,
Но ненавистен столь же.

Мимо проходит старый галилеянин.
Мириам оборачивается к нему.

Что, отец,

Иль это правда, что воскрес Мессия?

С т а р и к

Такая ж правда, как и то, что он
За всех нас пролил кровь свою святую.

М и р и а м

Нет, не за всех он пролил! Значит, ложь!

С т а р и к

Как не за всех?

М и р и а м
Он за меня ни капли
Не проливал.

С т а р и к
А, ты в него не веришь!
(Хочет скрыться в толпе.)

М и р и а м
Я верую в него!
Старик останавливается.

И даже больше,
Чем ты, чем все.

С т а р и к
Так приходи сегодня
К нам на собранье.

М и р и а м
(с отращением)
Чтобы я пришла
Скрываться в подземельях вместе с вами?
Мне нечего на вашей сходке делать,
Пока пятна на лбу моем не видно.

С т а р и к
А у кого пятно?

М и р и а м
У всех у вас!
Вы допустили, чтобы наш Мессия
Кровавый выкуп дал за ваши души,
И было вам принять его не больно!
Вы оплатили, правда, — кто слезою,
А кто к врагам усердною любовью. . .

С т а р и к
Он сам велел врагов своих любить.

М и р и а м
А вы и рады! Так оно спокойней!
Душа спаслась, и тело не погибло!

Старик
(со страхом)

Откройся, женщина, ты кто такая?

Миррам
Я духом одержимая.

Старик
Мессию
Моли, несчастная, чтоб он избавил
Тебя от духа злобного ценою
Своей пречистой и невинной крови.

Миррам
Чтоб исцелил меня ценою крови?
Своей пречистой крови? Значит, старец,
Ты думаешь, что я себя ценю
Дороже крови нашего Мессии?
Так слушай же: пусть в огненной геенне,
Пусть в беспредельном сумраке придется
Мне пребывать с душой своей вовеки, —
Не омрачит мою святую радость
Сам князь греха; я вечно буду рада,
Что на меня не пала кровь Мессии,
Что за меня не проливал он крови
Ни капли.

Старик
Как, скажи, случилось это?

Миррам
Я ненавистью от греха спаслась.

Старик
Кого ж ты ненавидишь?

Миррам
Всех на свете —
Себя и вас.

Старик
А кровь его святая
И за тебя лилась, да зря, как видно:
Ты дар его сама не приняла.

М и р и а м

И не приму! Ведь я не Астарот,
Чтоб кровь и муки принимать в подарок!

Незаметно подходит слуга синедриона и с ним
римский преторианец.

С л у г а

О чем толкуете?

С т а р и к

(замялся)

Да видишь...

М и р и а м

О Мессии!

С т а р и к

И не о том мы вовсе говорили.

П р е т о р и а н е ц

А кто он, девушка, Мессия этот?

Пока преторианец и слуга слушают Мириам, старый галилеянин
прячется в толпе народа.

М и р и а м

А тот, кого недавно вы распяли.
Вы знаете, он царь был иудейский.
Теперь он вновь пойдет по Галилее,
Ведь он воскрес, воскрес в великой славе!
Ну, берегись теперь и царь, и цезарь,
И весь синедрион их нечестивый!

П р е т о р и а н е ц

(хватает ее за руку и кивает слуге)

Давай веревку! Чтобы не брыкалась,
Стреножим козочку.

М и р и а м

Меня? Веревкой?

(Ловко нагибается, хватая камень
и бьет слугу по голове.)

Хоть одного, но всё же заклеимила!

Ее снова хватают за руки и связывают.
Слуга, вытирая кровь, помогает связать Мириам.

Всю вашу кровь пролить бы я хотела,
Чтоб отомстить за жертву.

Преторианец

Что за жертва,
Коль вы толкуете, что он воскрес?

Мириам

Так что ж? Ужель минувшее забыто?
Он пережил три вечности в три ночи,
Три принял смерти. Разве он, воскреснув,
Забыл навек измену, муку, смерть?
Простить он может, но забыть не может!
О, будьте прокляты!

Слуга

Кто?

Мириам

Все вы! Цезарь,
Синедрион, и царь, и весь народ!

Между тем сторонники Мессии разошлись с площади, и на шум
сбежалась толпа иудеев, фарисеев и саддукеев.

Слуга

(кричит народу)

Эй, слушайте, она нас проклиняет!

Голос из толпы

Кто эта женщина? и что ей нужно?
За что ее связали? Бунт? Измена?

Мириам

Я проклиная вас проклятьем крови!

Слуга

Чем платят прокливающим?

Голоса из толпы

Камнями!

Люди собирают камни и с диким ревом набрасываются на Мириам.

М и р и а м

Мессия! Если за меня ты пролил...
Хоть каплю крови даром... я теперь
Всё за тебя отдам... и жизнь... и кровь...
И душу... безвозмездно!.. Не за счастье
На небесах... нет... за мою любовь!

(Падает под градом камней.)

18 января 1901

139. В КАТАКОМБАХ

Драматическая поэма

1

Катакомбы близ Рима. В подземелье, слабо освещенном масляными плошками и тонкими восковыми свечами, собралась небольшая христианская община. Епископ кончает проповедь. Слушатели и слушательницы стоят набожно, покорно и тихо.

Епископ

Восславим, братья, господа Христа,
Что посадил с собою одесную
Замученного брата Хариклея.

Хор

На небе слава господу Христу,
Что от земных оков освобождает,
Что из тюрьмы грехов выводит души
К престолу света вечного.

Диакон

Аминь.

Епископ

Наш брат был у язычника рабом.
Он ныне раб господень, раб ничей.

Неофит-раб

Господень раб? Там тоже есть рабы?
А ты мне говорил, что в царстве божьем
Нет ни хозяев, ни рабов!

Епископ

Да, правда!
Мы все равны пред богом.

Неофит-раб

И рабы?

Епископ

Рабы господни, брат мой, не забудь!
Сказал Христос мое не горько иго,
Не тяжело бремя. Понимаешь?

Неофит-раб

(после тяжелого раздумья)

Нет.

Не в силах. Этих слов не понимаю.

Рабыня-христианка

(внезапно прорицает в беспамятстве)

Уже легла у дерева секира!..
«Я ввергну древо срубленное в пламя», —
Сказал господь!.. Приди, приди, приди,
Исус, сын божий! Преклонилась долу
Твоя пшеница, — ждет она серпа...
Доколе, господи? Рахиль рыдает,
Нет у нее детей!..

Бесвязная речь переходит в иступленное бормотание.
Некоторые женщины тоже начинают плакать. Не выдерживает кое-кто и из мужчин.

Епископ

(властно и громко)

Прочь, сатана!

Ты здесь бессилен.

(Подходит к пророчице, бьющейся в судорогах, и кладет руку ей на голову.)

Дочь моя, да будут

Тебе защитой вера и молитва

От наваждений дьявола.

Постепенно под его взглядом женщина стихает и бессильно склоняется на руки подруг, поддерживающих ее.

Христианка

(одна из тех, кто поддерживает пророчицу, робко отзывается)

Вчера,
Святой отец, ее ребенка продал
Хозяин греку из Коринфа.

Епископ

Смолкни!
Апостол нам на благо заповедал:
«Пусть женщина на сборищах молчит»,
Между тем пророчицу уводят. Молчание.

Неофит-раб

(подходит к епископу; голос его дрожит, но полон отчаянной решимости)

Прости, отец, но я не понимаю,
Как это может быть не горьким иго
И легким то, что тяжело?

Епископ

Мой сын,
Когда ты добровольно склонишь выю
В ярмо Христово, сладостно то будет
Душе твоей; когда захочешь сам
Взять крест на рамена, ужели тяжек
Покажется тебе он?

Неофит-раб

Но зачем же
В ярмо нам добровольно запрягаться
И крест носить по своему желанью,
Когда и так замучила неволя?
Так натрудили душу и загривок
Кресты и ярма нам, — терпенья нет!
Не для того пришел я в вашу церковь,
Чтоб новый крест или ярмо найти.
Нет, я пришел сюда найти свободу
По слову: несть раба — несть господина.

Епископ

И ты найдешь свободу эту, сын мой,
Как только встанешь под ярмо Христово.

Равны рабы господни меж собою.
Свой путь мирской ты под ярмом пройдешь
И в царство божье внидешь. В оном царстве
Иных владык не будет, кроме бога,
Отца всевышнего. Твоя гордыня
Сравнилась бы с гордыней сатанинской,
Когда бы ты отцовой божьей власти
Не признавал.

Неофит - раб

Святой отец, помилуй,

Какая у раба еще гордыня!
Пусть будет так, пускай отец всевышний
Царит над нами! Но когда ж настанет
То царство божье? Где его искать?
Тот говорит: на небе царство божье,
А этот: на земле...

'Страстно ждет ответа, глядя на епископа.)

Епископ

Прав тот и этот.

Неофит - раб

Но где же на земле оно?

Епископ

Вот здесь.

Неофит - раб

Как, в Риме?

Епископ

В нашей церкви.

Неофит - раб

В катакомбах?

Епископ

Не говори «вон тут» иль «где-то там».
Оно везде, где бог в смиренных душах.

Неофит - раб

Когда ж он будет в душах всех людей?

Епископ

Тогда, когда Христос сойдет на землю
С небес еще раз.

Неофит-раб

(грустно)

Брат один сказал,
Что миновать должно тысячелетье
До нового пришествия Христова...

Епископ

Он еретик. Никто из нас не знает
Ни дня, ни часа...

Неофит-раб

(радостно перебивает)

Значит, царство божье
Начаться может каждый день и час?

Епископ

Конечно, да.

Неофит-раб задумывается и снова мрачнеет.

Что загрустил ты, сын мой?

Неофит-раб

Я думаю... ты говоришь, что здесь
Меж нами царство божье... Почему же
Меж нами есть патриции, плебеи,
Да и рабы?

(Оглядывает собравшихся, многие из них потупились.)

Христианин-патриций

(выступает несколько вперед)

Душа твоя, мой брат,
Смущается напрасно. Я — патриций,
А он — мой раб.

(Показывает на старика.)

Но то мирское дело,
А пред всевышним оба мы как братья.

Неофит-раб
(старому рабу)

Ты раб ему для видимости только?

Раб-старик

Нет, господину верно и смиренно
Служу я не за страх, но и за совесть,
Как бог велел.

Неофит-раб

Но если вы равны,
Зачем же ты служить ему обязан?

Раб-старик

По божьей воле он рожден владыкой,
А я рабом.

Неофит-раб

Есть, значит, в царстве божьем
Владыки и рабы?

Раб-старик молчит.

Патриций

Он здесь не раб.
Я ноги здесь ему омыть согласен.
Вкушали мы Христову плоть и кровь
С ним рядом, за одним столом.

Неофит-раб
(старому рабу)

А дома
Вы тоже за одним столом едите?

Раб-старик

Нет, этого, мой брат, совсем не нужно.

Неофит-раб

А почему?

Раб-старик

Да так... Не подобает...

Епископ
(неофиту-рабу)

Не искушай его. Он духом прост.
А царство божье для таких ведь близко.
Кто терпит всё смиренно, те блаженны.
Им всё равно, как их зовут в миру —
Рабами иль владыками.

Неофит-раб
Отец мой,

Не всё равно!

(С порывом.)

Когда бы ты услышал,
Как плакало вчера мое дитя,
Покорный этот, тихий наш младенец,
До вечера без молока оставшись, —
На оргии прислуживала мать,
И даже забежать не удалось ей,
Чтоб покормить ребенка. И теперь
Ребенок захворал, но и заплакать
Жена не смеет: господин не любит
Слез на глазах рабынь своих красивых.

Епископ

Не надо плакать, если б и скончался
Ребенок ваш. Ему большое счастье
На небе уготовано.

Неофит-раб

А детям

Господским разве меньше будет счастья,
Когда в невинном возрасте умрут?

Епископ

(несколько смущенный)

Невинные пред господом равны.

Неофит-раб

(мрачно)

Двойное счастье у детей господских:
Один раз на земле, второй на небе...

Р а б - с т а р и к

Брат, не завидуй, не губи души,
Не загрязняй ее святости чистой.
Хозяин твой язычник. Пусть глумится
(А христианам это не пристало), —
Он вашей чистоты не оскорбит,
Пока жена и ты смиренны духом.

Н е о ф и т - р а б

Эй ты, старик, не жги словами сердце!
Прости, но знаешь... вымолвить мне стыдно.
Да что там стыд рабу!.. Скажу всю правду:
В чем «чистота» или «смиренье духа»?
Душа воспалена, когда я вижу,
Как с оргии порой жена приходит
В угаре пьяном и с огнем в глазах
От непристойных песен. В косах свежий
Венок цветущий, — кажется, что ярче
Пылает он в жилище нашем грязном...
Жена спешит господскую тунику
Скорей сменить на рабские лохмотья,
Чтоб в нашей «чистоте» не замараться.
И у жены не раз в минуты эти
Я слезы видел... К роскоши привычка,
Как ржавчина, ей разъедает сердце.
Ей тяжело без роскоши... И я
Не мог не бить ее за эти слезы,
Хотя и знал я, что еще противней
Ей станет бедный дом наш...

П а т р и ц и я

Слушай, брат,

Ты обратил бы лучше в нашу веру
Жену свою, — рассталась бы не плача
Она с мирским весельем.

Н е о ф и т - р а б

Господин,

Иль брат мой, как здесь принято, — ты знаешь,
Что обращать жену в другую веру
Я не решаюсь. Пусть уж лучше плачет
О чистых платьях и домах господских,

Чем станет слезы лить о чистоте
Души своей и тела. Так иль эдак,
Ей всё равно спасенье недоступно.
Что в ней изменится, когда узнает
Про грех и святость? Лучше пусть не знает!

Епископ

Кто не по воле согрешил, невинен.

Неофит-раб

А мы, рабы, и сами ведь не знаем,
Что делаем невольню, что по воле.
Грех или нет, а мука остается.
Признаться трудно... Я не знаю сам,
Мой ли ребенок, иль господский отпрыск.
А может быть, — отцом был кто-то третий...
Да и жена не знает... И люблю я
Ребенка, но, бывает, ненавижу...

Старуха

Грех ненавидеть, ведь дитя невинно.
(*Посмотрев на епископа, замолчала.*)

Епископ

И женщина порою скажет мудро.

*Молодая, изможденная, бедно одетая женщина шепчет что-то на
ухо почтенной вдове-диаконисе.*

Диакониса
(*епископу*)

Дозволишь ли сказать, честной отец?

Епископ

Да, но короче.

Диакониса
(*показывает на молодую женщину*)

Юная сестра
Желает оказать услугу брату.
(*Показывает на неофита-раба.*)

Епископ

Но чем же?

Диакониса

Просит, чтобы его жена
Ребенка заносила к ней в то утро,
Когда на оргию служить уходит.
Сестра сама ребенка кормит грудью
И молоком поделится охотно;
Она старательно за ним присматривает.

Епископ

(молодой женщине)

Благое дело, дочь моя, пред богом.
Молодая женщина покорно склоняет голову.

Диакониса

(неофиту-рабу)

Жене скажи, чтоб принесла ребенка
На Малый Форум. Пусть она отыщет
Дом Деодата-плотника и с верой
Отдаст дитя сестре Анцилодее
И может быть спокойна за присмотр.

Анцилодея

(молодая женщина, тихо говорит неофиту-рабу)

Ты мне окажешь милость, добрый брат!

Неофит-раб

(смущенно)

Благодарю, сестра!

Патриций

Я дам тебе

Немного из одежды, хоть не новой,
Поношенной рабынями, но чистой.
Мы выдаем так щедро, что излишком
С твоей женою могут поделиться.
Ваш господин, как видно, не из щедрых.

Неофит-раб

(сдержанно)

Спасибо, господин!

Епископ
(поправляет)
Твой брат...

Неофит-раб
(равнодушно)

Пускай!

Купец-христианин
Жена, сказал ты, любит чистоту,
А в доме грязь. Придешь ко мне ты в лавку.
Я мыла дам бесплатно. Господин ваш
Для вас жалеет мыла.

Неофит-раб
(едва скрывает насмешку)
Видно, так...

Диакон-старик
Ты, верно, часто голоден бываешь.
Язычники не слишком сытно кормят
Рабов своих. Так можешь приходить
По воскресеньям на агапы наши, —
Так называются у нас обеды
Для бедняков. Получишь пищу, брат мой,
Для тела и для духа, ибо часто
По окончании трапезы нашей
Епископ и старейшие приходят
Христовой плоти с нами причаститься,
Подать нам благочестия пример
И ноги братьям вымыть. Приходи же
Ко мне на крытый двор. Я маслодел,
Зовусь Агатофилом. Возле терм
Мое жильё. Тебе покажет каждый,
Где проживает «тот чудака-богач,
Что любит угощать всю голытьбу», —
Так обо мне язычники болтают.

Неофит-раб
(ничего не отвечает диакону и некоторое время стоит
молча, схватившись за голову)

Вот до чего я дожил! Стыд и горе,
Что смолоду, как нищий, собираюсь!

Кого же мне проклясть? Отца родного,
Что продал за долги меня в неволю,
Иль те долги, иль богача того,
Торгующего душами людскими?
Иль день, когда на свет я родился?

Епископ

Одумайся, несчастный! Успокойся
И отгони от сердца злобный голос
Гордыни, ибо это смертный грех, —
Твои проклятья, да еще в то время,
Когда так щедро братья предлагают
Свою благую помощь.

Неофит-раб

Помощь, помощи!

Она пронзила сердце мне насквозь.
Взгляни на эту женщину больную!

(Показывает на Анцилодею.)

Сама в нужде, куда уж помогаты!
Сама как тень. Моя жена здорова
И молода. И только сын мой бедный,
Как сирота, без молока остался.
Чужую грудь придется взять младенцу,
Не то умрет, пока родная мать
На оргиях прислуживает пьяным.
А мне придется нищие обноски
Сбирать с рабов по тряпке для рабыни,
Для женщины, что с горя загуляла.
Ведь некогда и пряхсть рукам здоровым.
Нет времени, — ведь что ни день, то праздник.
Ты говоришь: грешны мои проклятья,
А то не грех — голодных объедать
И голых обирать? Да и кого же?
Работников, рабов, своих же братьев...

Диакон

У нас дают и бедный и богатый.

Неофит-раб

Да, я забыл, что раздобуду мыло
У брата-торгаша совсем бесплатно,

Чтобы слегка прикрасить рабский облик,
Чтобы не так уже глаза колол он
Богатым братьям в царстве вашем божьем.
А то еще придет наш бедный брат
Хотя бы раз в неделю на агапу
И бросит грязные свои лохмотья
На мрамор рядом с белою туникой
И тогой вышитой.

(Патрицию.)

Благодари
Товарища за даровое мыло,
Ведь, может быть, захочешь вымыть ноги
Мне ради христианского братанья, —
Пускай хотя бы выглядят почище.
Я дома их чуть-чуть обмою мылом,
Честь окажу патрицианским ручкам.

Патриций вспыхивает, но сдерживается и только посматривает на епископа.

Епископ

(еще тихо, сдержанно, но сурово)

Какой злой дух тебе смущает сердце?
За что ты братьев собственных поносишь
Обидными и едкими словами?
Чем провинились мы? Что против братьев
Имеешь ты?

Неофит - раб

Я с жалобой пришел,
С великой жалобой. Я был рабом,
Невольником. Я продан был в неволю,
Насильно был захвачен. А теперь
Меня вы нищим сделать захотели,
Чтобы спокойно руку я тянул
За коркой хлеба. Вы мне навалили
Сверх горького ярма — другое, слаще,
Сверх тяжкого — другое, чуть полегче.
И вы хотите, чтобы вам я верил,
Как будто легче станет мне от веры!

Епископ

Мы искренне с тобою говорили,
По слову божьему.

Неофит-раб

А я не верю
Ни искренности вашей, ни словам.
А если искренне помочь хотите, —
Вот ваш алтарь, там много серебра
И золота. Взамен агап могли бы
Вы из неволи выкупать рабов.

(Патрицию.)

Ты, господин, и даром отпустил бы.
А мы тогда добудем сами хлеба,
Сошьем одежду...

Епископ

Кто такие мы?
Как изменить посмеем волю божью —
Кому рабом, кому свободным быть?
О чем печешься? «Не единым хлебом
Жив человек, но также всяким словом,
Из божьих уст услышанным».

Неофит-раб

Но мало
Мне слов и хлеба. Мне нужна свобода!
А иначе не жизнь, а прозябанье.
Я потому и с жалобой явился,
Что вы, взамен той жизни и свободы,
Обетованной людям в царстве божьем,
Даєте пищу, платье и слова.

Епископ

Не все слова равны друг другу, сын мой.
Слова господни нам спасают душу,
А не дела людские.

Неофит-раб

Где ж они?
«Терпи да покоряйся», — я услышал
От вас сегодня. Именно они

Спасают наши души? И за них
Идут на крест, на казни, на мученья,
На растерзанье в цирках христиане?

Епископ

Идут с великим словом на устах,
Которого людской бессильной речью
Не передашь.

Неофит-раб

Какое ж это слово?

Епископ

То слово — бог. Он альфа и омега,
Начало и конец. Им мир наш создан,
Им всё живет. Иных же во вселенной
Богов не существует, кроме бога.
Бог — это слово, это жизнь и сила.
А те, что некогда звались богами
В язычестве, то идолы слепые
Иль злые духи, слуги князя тьмы.
За то и мучат нас и распинают,
Что не хотим мы идолам служить,
Что князя тьмы не почитаем богом,
Что ходим не во мраке, а в сиянье.

Неофит-раб

(страстно подхватив последние слова)

«Что ходите не во мраке, а в сиянье», —
И, значит, послушанье и терпенье,
Как маску мима, вы с лица сорвали,
Не служите, не слушаетесь кротко
Того, чьей власти не признали души,
С кем вам велит бороться ваша совесть?
Я верно понял речь твою, отец мой?

Епископ

Да, лишь одно мне следует прибавить:
Бороться послушаньем и терпением.

Неофит-раб

(упавшим голосом)

Я снова ничего не понимаю.
Бороться послушаньем, — как же это?

Епископ

Мы с духом боремся, а не с людьми,
Мы подати беспрекословно платим,
Мы цезаря смиренно почитаем,
Не восстаем ни действием, ни словом
Против земных властей. Но князю тьмы
Ни жертв, ни преклонений не справляем.

Неофит - раб

А кто же этот цезарь, эти власти,
Да разве же не слуги слуг того,
Кто вами наречен был князем тьмы?

Епископ

Да, если служат идолам. В ином же —
Начальники, поставленные богом.

Неофит - раб

Каким же это богом?

Епископ

Бог единый
На небеси, Бог-слово, Бог-любовь,
Господь наш, Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух.

Неофит - раб

Так это он нам цезаря поставил,
Патрициев дал и преторианцев
И поднял над рабами богачей?

Епископ

«Нет в мире власти, аще не от бога».
Господь наш бог, предвечный наш владыка
Над прочими владыками земными.
Они в его руке. И он карает
Владык неправедных, отнюдь не мы.
«Отмщенье мне, и аз воздам», — сказал он.

Неофит - раб

Когда случится это?

Епископ

Кто постигнет

Пути господни?

Неофит-раб

Может быть, когда

Наступит во вселенной божье царство,
Когда Христос придет вторично к людям?

Епископ

Тогда, мы верим, будет божий суд.

Неофит-раб

А что потом?

Епископ

Единое стадо,
Единый пастырь.

Неофит-раб

А при нем не будет

Помощников, наместников господних,
Неправедных начальников над нами?
Тогда уже не будут больше люди
Свободны в мыслях и рабы телесно?

Епископ

Не знаю, не дано обетованья
Ни от Христа, ни от его посланцев.

Неофит-раб

Ах, вот как! Так пускай не наступает
То царство божье и вовеки!

Раб-старик

(в невыразимом ужасе)

Боже!

Спаси нас от греха! Что говорит он!

Вся христианская община выражает возмущение; отдельных слов не слышно, но говор и гул нарастают, как волны, наполняя всё под-
земелье, и отголоски достигают темных переходов катакомб.

Епископ

(поднимает руку вверх, громко)

Мир, братья, вам!

(Неофиту-рабу.)

Покайся, нечестивец!

Назад возьми безумные слова.

Тебе на том придется свете горше,

Чем было в жизни. Кто на этом свете

Не хочет царства божьего дожидаться,

Утратит царство божье и на небе,

Он будет ввергнут в лютую геенну,

Там пламень негасимый, плач и скрежет,

Там точит червь бунтующее сердце.

Неофит-раб

(страстно)

Нет, не покаюсь. Ты, отец, напрасно

Геенною страшишь меня. Я вижу

Геенну ежечасно, ежедневно,

Со мною рядом слышу плач и скрежет,

И точит червь мне сердце до сих пор.

Тот лютый червь привел меня и к вам

Искать свободы, правды и надежды.

А что я здесь нашел? Слова пустые

Да тщетные мечты о божьем царстве

И о царе царей в трех ипостасях,

Который над владыками владычит,

А им дает владычествовать нами

Отныне до пришествия второго,

А может, и потом, и после смерти,

Там, в небесах, в грядущем царстве божьем

Жизнь временную вечная продолжит.

Придется, может быть, бесплотным душам

Бороться «послушаньем и терпением»,

И рабская душа

(показывает на раба-старика)

не перестанет

Служить смиренно, не за страх, за совесть

Душе патрицианской всемогущей,

Он

(на торговца)

взвесит на весах добро и зло
И чистоту разделит по крупнице.
Тот

(на диакона)

раз в неделю будет угощать
Духовной пищей голых и голодных,
Таких, как мы. А мы-то, бедняки.
Стоять мы будем тихо и послушно,
Как нищие стоят пред господином,
Пока нам знак подаст отец епископ
Или хоть слово вымолвить позволит,
А может быть, велит пропеть осанну
Царю царей, всевышнему отцу,
Владыке всех рабов своих небесных?
Нет, право же, не лучше ли гореть
В геенне лютой до скончанья века,
Чем оставаться в рабстве беспросветном,
Откуда смерть освободить не может.

Епископ

(уже несколько раз пытался прервать эту речь и стучал посохом, гневно и грозно заглушает голос неофита-раба)

Прочь! Уходи от нас, исчадьё тьмы!
Оставь собранье! Для чего ты здесь
Общину христианскую смущаешь?
В нору сокройся, отпрыск злой ехидны,
Откуда вылез на погибель душам!

Неофит-раб

О нет! Ты прогонять меня не смеешь!
Я к вам пришел по слову твоему,
Поверив обещаньям вероломным,
Что будто бы найду любовь и мир.
Вы отняли навеки у меня
Последний мир, последнюю любовь
Навеки отравили. И теперь
В душе моей пустыня. Я не знал,
Что значит грех, я знал одно несчастье.

Вы научили, что такое грех,
Бесчестье перед богом. Я-то верил,
Что смертью кончаются все муки.
А вы передо мной открыли вечность
Мучений адских за проступок легкий.
Так подарите же теперь защиту
И от бесчисленных грехов тяжелых.
Вы ближнего любить меня учили, —
Так научите защищать его!
А не любуйтесь, опуская руки,
Как в тяжком рабстве погибают братья.
Всё ваше милосердие — как заплата
На вретище дырявом и гнилом, —
И оттого еще заметней бедность.
Или чужого молока довольно
Ребенку вместо материнской ласки?
Иль чистая туника даст как прежде
Жене моей былую чистоту?
Иль я забуду на собранье вашем
Позор и горе моего жилища?
Не хлеба я прошу у вас, не слова,
Но жадно жду любви неоскверненной,
Без зависти, без подлых помышлений,
К надежде ясной сердцем порываюсь,
Хоть увидеть издалека свободу,
Чтобы мой сын, мой внук, мой дальний правнук
Дождался дня, когда само названье,
Позорное названье «раб» исчезнет.
Хочу уверовать в святую силу,
Что просветит и самый темный разум,
Сберет людей в свободную общину,
Без пастыря, без сторожа-владыки,
Не в стадо с пастухом своекорыстным,
С овчарками, трясущееся вечно
От воя львов, волков, лисиц, шакалов,
Гиен и прочих хищников коварных.
Не я один томлюсь духовной жаждой,
Не я один изголодался сердцем.
Немало нас таких. Мне говорил
Один товарищ-раб, что здесь, за Тибром,
Недалеко от гнилостной мареммы,
Восставшие рабы разбили лагерь.

Измучены своим извечным рабством,
Они решили разорвать оковы
И сбросить с шеи вековое иго.

П а т р и ц и й

Ты думаешь, они надолго сбросят?

Н е о ф и т - р а б

Хотя б на миг, а постараться стоит!
Я среди вас на вечную свободу
Рассчитывал. Но, видно, и на миг
Вы «легкого ярма» не в силах сбросить.
Так лучше не печалиться о *вечном*,
На *временном* пока остановиться,
Взамен агап — на оргии кровавой.

П а т р и ц и й

Скажи уж — на позорной крестной казни!

Н е о ф и т - р а б

Эй, христиане! А с какой поры
У вас позорной эта казнь зовется?
Зачем же вы пугаете крестом?
Ведь и Мессия ваш не устыдился
Висеть с двумя разбойниками рядом
На том кресте.

П а т р и ц и й

Он освящает крест,
А не разбойники. Он спас их души,
А не они его. . .

Н е о ф и т - р а б

Ого! Да так ли?

А может, он и не царил бы в небе,
Над душами людскими не владычил,
Когда б не проливалась эта кровь
Разбойников, восставших и мятежных,
На страх рабам и всем, кто «духом прост»?
А может, «послушанье и терпенье»
С лица земли давным-давно б исчезли,
Когда бы призрак этих двух распятых

Разбойников кровавых не страшил нас
Угрозою погибели напрасной!

Молодой христианин

Кто терпит и покорен, не страшится
Идти на смерть во имя сына божья,
За всех за нас распятого.

Неофит - раб

Так значит,
Он был распят, чтоб распинали нас?
Так где ж оно, в чем искупленье было
Вселенского греха, когда и ныне
Кровавое творится искупленье?

Епископ

Грех искуплен на небе. Не от мира
Сего господне царство. Смертно тело.
Душа блаженна присно и вовеки.
Спаситель отдал кровь и плоть свою
Насытить верных. А таким ничтожным
Рабам, как ты, совсем не пригодился
Тот дар святой, и гибнет он напрасно.

Неофит - раб

А разве мало гибли мы напрасно,
Закланные пред идолом неправым,
Да и доньше гибнем за царя,
Нам присудившего навеки рабство?
Кто смерил путь, уставленный крестами,
Рабами, нами пройденный в веках?
Кто взвесил кровь, что и досель не пала
На палачей и снова отягчает
Потомков тех замученных героев?
По этой крови, как по багрянице,
Разостланной для цезарских триумфов,
Прошла богов бесчисленных фаланга
С земли на небо. Сколько же ей стлаться,
Чтоб шли и шли бесплотные тираны,
Чтоб мертвенные, призрачные боги
Бесценный пурпур крови попирали?

Своей же крови я не дам и капли
За кровь Христову. Если это правда,
Что был он богом, пусть хоть раз прольется
Напрасно божья кровь и за людей.
Мне всё равно, один ли бог на небе,
Три бога, или триста, хоть мирьяды, —
Ни за какого гибнуть не хочу:
Ни за царя в незнаемом Эдеме,
Ни за тиранов на горе Олимпе.
Ни у кого не буду я рабом —
С меня довольно рабства в этой жизни.
Я честь воздам титану Прометею.
Своих сынов не делал он рабами,
Он просветил не словом, а огнем,
Он мятежом боролся — не покорством,
Не трое суток мучился, а вечно,
И всё же не назвал отцом тирана,
Но деспотом вселенским заклеил,
Предвозвещающая всем богам погиль.
Я вслед за ним пойду. Но я погибну
Не за него, — не требует он жертвы, —
Но лишь за то, за что и он страдал.
Пусть никого мой крест не ужаснет.
И если только запыхает в сердце
Святой огонь и хоть короткий миг
Я проживу не как несчастный раб,
А вольный, непокорный, богоравный, —
Тогда и на смерть весело пойду,
Тогда без жалоб на кресте погибну.

Внезапно Анцилодея раздражается безудержными рыданиями.

(Ласково.)

О чем, сестра? Что так тебя смутило?
Иль это я обидел дерзким словом?

Анцилодея

Нет, брат... ты не обидел... только грустно...
Мне жаль тебя... Наверно, ты погибнешь.

Епископ

Не плачь. Лукавый раб не стоит слез.
Он поклонился духом Прометею,

А это сатана, предвечный змий,
Что искушал на грех и непокорность.
Рабу такому нет у нас прощенья,
Нет благодати. Он уже погиб.
Оставим нечестивца. Отречемся.
Уйдем от зла и благо сотворим!

Неофит-раб

Я встану за свободу против рабства,
Я выступлю за правду против вас.

Вся община двинулась со свечами в руках. Епископ впереди. Неофит-раб уходит один, другим переходом, в другую сторону.

4 октября 1905

140. КАССАНДРА
Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кассандра — дочь троянского царя Приама, пророчица, жрица Аполлона.

Поликсена — ее сестра, молодая девушка.

Деифоб — ее старший брат, предводитель троянского войска.

Гелен — второй ее брат, предсказатель и жрец.

Парис — третий брат Кассандры.

Елена — жена спартанского царя Менелая, бежавшая с Парисом в Трою.

Андромаха — жена Гектора, брата Кассандры.

Левке

Хризе

Айтра

Климена

Креуза

} рабыни Андромахи.

Старая рабыня Поликсены.

Долон — молодой троянец, прежний жених Кассандры.

Ономай — царь лидийский, сватающий Кассандру.

1, 2, 3, 4-й часовые — стража города Илиона в Трое.

Флейтист.

Кифарист.

Синон — эллин, шпион.

Агамемнон Атрид — царь аргосский, главный предводитель ахейского войска.

Менелай Атрид — его брат, царь спартанский.

Одиссей — царь Итаки.

Диомед }
Аякс } рядовые командиры ахейского войска.

Клитемнестра — жена Агамемнона.

Эгист — родственник и наместник Агамемнона.

Троянки, троянцы, горожане, часовые, рабыни,
воины троянские и греческие.

Действие происходит во время греко-тройанской войны в Трое.
Эпилог — в Элладе.

1

Комната в женской половине дома Приама. Елена сидит на низком резном стуле и прядет пурпурную шерсть на золотом пряслице; она пышно одета, на поясе висит круглое серебряное зеркало. Кассандра входит в комнату, задумчивый взгляд ее падает на Елену, словно пронизывает ее и словно видит сквозь нее что-то еще.

Кассандра останавливается посреди комнаты и стоит молча.

Елена

Сестрица, радуйся!

Кассандра

И ты, Елена,

Возрадуйся: не сестры мы.

Елена

Я знаю,

Что ненавистна я тебе, как смерть.

Кассандра

И ты и смерть — ведь вы родные сестры.

Елена

Кассандра!

Кассандра

Так зови меня, Елена,

А не сестрой.

Елена

(удивленно)

Нет, я тебя уж больше

Не назову сестрой. Но почему

Себя ты не зовешь сестрою смерти?

Тебе бы это больше шло к лицу.
Вот именно к лицу!

К а с с а н д р а

Возьми, Елена,
Вот это зеркало.

Е л е н а

Зачем?

К а с с а н д р а

Возьми же.

Елена неохотно повинуется и берет зеркало в руки.

К а с с а н д р а

(становится с нею рядом)

Смотри: вот ты и я, — но друг на друга
Мы непохожи.

Е л е н а

Кто же это скажет?

К а с с а н д р а

Когда бы я была со смертью схожа,
Была б и на тебя похожа.

Е л е н а

Прочь!

Зачем ты смерть напрасно накликаешь?

К а с с а н д р а

Так разве же сестра сестре убийца?
Сестра сестре обычно помогает.

Е л е н а

А ты затем пришла ко мне, Кассандра,
Чтоб упрекать? Ну что же, упрекай.
Вы радуетесь все, когда я плачу.

Кассандра берет из ее рук зеркало и держит перед ее лицом. Елена хмурит брови, но не плачет и не отворачивается. Лицо ее проясняется.

Кассандра.

(Драматична поема).

Діячі:

Кассандра — дочка Троїанського царя Пріама,
пророкиня, окричана, вбога.

Поліксена — її сестра, молода дівчина.

Гейфод — її найстарший брат, воєначальник.

Гелен — дружина її брата, вісунки і фіриси.

Парис — наймолодший брат Кассандри.

Гелена — дочка спартанського царя Менелая,
що втекла з Парисом у Трою.

Андромеда — дочка Тейфора, брата Кассандри.

Лаврі

Іриси

Вітра

Клімена

Креуса

Рабині Андромеди.

К а с с а н д р а

Нет, плакать ты не можешь, как и смерть.
Смотри: твое лицо опять спокойно,
Вновь та же сила у тебя в глазах,
Большая сила — всех ты покоряешь,
Всех смертных и Кассандру вместе с ними.

(Опускает зеркало.)

Идешь ты — и с почтением пред тобою
Седые люди головы склоняют
И восклицают: «Ты богоподобна!»
Ты глянешь — и мужи вдруг каменеют
И тихо шепчут: «Ты непобедима!»
Ты поцелуешь — сразу взгляд погаснет
У младшего из сыновей Приама,
Волной могучей к сердцу хлынет кровь,
И онемееет сердце вдруг и слово,
Поблекнет память, и лицо поблекнет,
И весь он твой, и для него уж больше
Нет ни отца, ни матери, ни дома,
Ни края отчего. . . Троянки, плачьте!
Погиб бесславно молодой Парис!

Е л е н а

Что ж брату своему ты смерть пророчишь?

К а с с а н д р а

Он для меня уже давно погиб.

Е л е н а

Жестокая! Я знаю, как с Парисом
Всегда ты враждовала.

К а с с а н д р а

Нет, неправда,
Любила я его.

Е л е н а

Зачем же ты
Отца и мать просила, чтоб не брали
Его к себе в тот день, когда пришел он
От бедных пастухов, тех, что его
Укрыли от пророчества худого?

К а с с а н д р а

То не было пророчеством худым.
Ведь было б только счастьем для Париса,
Когда бы жил он вместе с пастухами.

Е л е н а

Но почему ж, скажи мне, Деифоб,
И Гектор, и Гелен, и братья все,
И сестры все, и ты сама, Кассандра,
Должны в палатах жить, один Парис
Пусть прозябает в шалаше пастушьем?

К а с с а н д р а

А прозябать в палатах разве лучше,
Как прозябал Парис в твоих хоромах?
И Деифоб, и Гектор, и Гелен
Не прозябают: Деифоб в совете,
А Гектор на войне, Гелен во храме
Живут душой и телом. А Парис?
Он жил тогда, когда играл на дудке
Среди отар. Молчит Парис в совете,
Оружье надевает, словно цепи,
И боги с ним в беседу не вступают.

Е л е н а

С ним Афродита говорит!

К а с с а н д р а

О нет!

Он раб ее, кто говорить с ним будет!
Она велит — он слушает, и только.

Е л е н а

Лишь ты одна с богами можешь спорить.
Они тебя за это и карают.

К а с с а н д р а

Их сила в каре, а моя — в боренье.

Е л е н а

Ты потому и спорила с Кипридой,
Когда она Париса посылала

Ко мне плыть в Спарту? Ну и что ж, Кассандра,
Тебя Киприда, видимо, сильнее!

К а с с а н д р а

Меня, Елена? Нет, тебя с Парисом.

Е л е н а

Парис послушался, но не тебя.

К а с с а н д р а

Глухой не слышит — где же тут победа?

Е л е н а

Да кто ж твои бы прорицанья слушал?
Не говорила ты, да и не знала,
Чем кончится всё это.

К а с с а н д р а

Ничего

Не знаю я, лишь только то, что вижу.

Е л е н а

Да что же видеть ты тогда могла?

К а с с а н д р а

Я видела, как юноша красивый
С веселым сердцем на чужбину плыл
Не мудрецом, что послан был народом,
Не воином отважным, не купцом;
И легкодумный лоб в пастушьей шапке
Был не суров — красив. И я сказала:
«Мужи троянские, вы шлемы куйте,
Кладите в них в тройном размере медь!»
А позже... ох, страшна была минута,
Как прибыл он, а с ним и ты, Елена,
И я тогда смертельный поцелуй твой
Увидела...

Е л е н а

Неправда! Нет, Кассандра!
Париса я тогда не целовала.

К а с с а н д р а

И все-таки я видела его,
Тот поцелуй, в ту самую минуту,
Когда едва земли коснулась нашей
Твоя, Елена, белая нога
В сандалях красных. Ранила ты землю.

Е л е н а

Ты крикнула тогда мне: «Кровь и смерти!»
Того тебе вовек я не забуду.

К а с с а н д р а

Я не тебе ведь крикнула, Елена...
Была тогда я заново рожденной
И криком боли новый мир встречала.
Я видела: Парис, на нас не глянув,
Устами лишь приветствовал троянцев.
Я видела: на помыслы его
Сандалией ты красной наступила.
Я крикнула: «Ячмень несите, соль,
Идет за жрицей роковая жертва!»
Развеял ветер золотые пряди
Твоих волос. «Арес, палимый жаждой,
Летит стремглав на поводу Киприды,
Как жеребец, готовьте гекатомбу!» —
Взывала я и видела: на море
Чернели корабли, и волн багрянец
Рулями резали, рвались ветрила...
На шлемах же у воинов ахейских
Вздымались грозно гривы...

Е л е н а

Ты безумна!
Ахейцы разве к нам в тот день приплыли?
Мы больше года прожили спокойно!

К а с с а н д р а

Я видела в тот день войска ахейцев.
Теперь я вижу: Менелай тебя
Взял за руку...

Е л е н а

Прочь уходи, злодейка!
Неправда всё! Неправда! И вовеки
Того не будет! Лучше разобьюсь я,
Упав на камни со стены высокой башни!

К а с с а н д р а

(уверенно)

Твой Менелай взял за руку тебя, —
Едва он взял, уж ты его ведешь.
Ты впереди, он за тобою следом...
Моря чужие, край чужой минуя,
Плывет корабль ваш и несет вас к дому...
Огни погасли на руинах Трои,
Над Илионом в небе дым исчез...
А ты сидишь на троне, ты царица,
Прядешь свою пурпуровую пряжу
На пряслице золотом, и долго нитка
Всё тянется, всё тянется...

Е л е н а

Неправда!

К а с с а н д р а

Богopodobна ты!.. Непобедима!
Эпиметея дочь!

Е л е н а

Так ты опять?

Вот новое безумство, как ты смеешь
Мне говорить: Эпиметея дочь?

К а с с а н д р а

Был Прометей, и был Эпиметей.
Известно, что они родные братья.
Жизнь и огонь дал людям Прометей
И знал, что муки ждут его за это.
Все муки принял на себя провидец, —
Среди сынов праматери Земли
Его страшнее всех карает Мойра.
Эпиметей не знал невзгод обычно,
Его поступок догоняла мысль.
А в жены взял себе он ту Пандору,
Что смерть и горе людям даровала.

Он был счастливым с ней, и никогда
Никто не называл его несчастным.
Родные дети матери одной,
Но братьями назвать их невозможно,
А ты хотела, чтоб тебя Кассандра
Сестрою называла. Нет, Елена,
Неправду говорить я не могу.

Е л е н а

Нет, всё, что говоришь ты, всё неправда!

К а с с а н д р а

Эпиметей сказал так Прометею —
И был счастливым. Радуйся, царица!
(Уходит.)

2

Покой Кассандры. Кассандра пишет книгу Сибиллы на длинном пергаменте. Возле нее большой треножник с курением.

П о л и к с е н а

(в белой одежде, красные ленты и красные цветы граната в косах)

Кассандра, милая, родная, знаешь:
Я счастлива теперь! Какой красивый
Мой Ахиллес, мой нареченный! Часто
Я вижу со стены: он едет полем,
Как Гелиос прекрасный, так он светел.
С Атридами в раздоре он и хочет
С моим отцом быть в мире и согласье.
Считают мирмидонцы и троянцы,
Что брак наш будет очень плодотворным,
Что из него родится мир и сила,
И что святая Троя не погибнет,
И не умрет вовек народ Приама!

К а с с а н д р а

Прости меня, сестрица, не могу я
С тобой сейчас беседовать. Ты видишь —
Пишу я книгу, и теперь должна
Вести беседу с яснокудрым богом.

Поликсена

Нехорошо завидовать, Кассандра!
Я ни при чем, что Ахиллес меня,
А не тебя из всех царевен выбрал, —
Не девушка ведь мужа выбирает,
А он ее. И я не виновата,
Что не могла ты угодить Киприде.

Кассандра

Я не завидую тебе нисколько!
(Заслоняет лицо покрывалом.)

Поликсена

Не будь, родная, на меня в обиде.
Я счастлива сама, и я забыла,
Что слово «брак» моей Кассандре горько
С тех самых пор, когда Долон неверный
Ее навек оставил.

Кассандра

Поликсена,
Что говорить об этом! Я ведь знала,
Что я ему супругою не буду.

Поликсена

Зачем же ты подарки принимала?

Кассандра

Любила я его. А те подарки —
Ведь это всё, что мог он дать Кассандре.
Могла ли и от них я отказаться?
Он щедро их давал, а я брала их
Себе на память о минутах счастья:
Ведь знала я, что их немного будет.
Смотри: вот эта золотая змейка
Мою десницу обвивает так,
Как будто память возле сердца вьется.
(Показывает браслет на руке выше локтя.)

Долон не виноват, я виновата,
Что взгляд мой не умел сказать «люблю»,
Хоть от любви всё сердце разрывалось,
Он глаз моих боялся. Говорил он:

«Убили наше счастье эти очи
Холодными и острыми мечами».
Они всегда бывали неизменны
Перед богами и перед любимым.
Но не имел Долон над ними власти,
Никак не мог он взгляд моих очей
От тайны повернуть к живому счастью.
И знала я, что в них, в моих глазах,
Мое несчастье, только что мне делать?
Ослепнуть, что ли? Где он может взяться
У птицы вещей, этот нежный взгляд
Воркующей голубки?

Поликсена смотрит ей в глаза.

Поликсена!

Не всматривайся ты в мои глаза,
Не спрашивай меня, не говори
Мне ничего. Ты хорошо ведь знаешь:
Тебя я больше всех сестер любила.
Не говори ни слова.

Поликсена

Нет, Кассандра,
Не думай ты, что я тебе враждебна,
Как все. Ведь ты совсем не виновата,
Что ты больна, что затуманил разум
Тебе твой бог, что всюду зло ты видишь,
Где даже нет и признака его,
Что ты себе и людям портишь радость.
И мне тебя, голубка, очень жалко.

(Садится на низенькую скамейку у ног Кассандры.)

Ты расчеши мне волосы, сестрица,
Мне мать моя их расчесать велела.
Ты видишь, как запутались они?
Да и цветы из них никак не выну.

(Вынимает из-за пояса золотой гребень и маленькое круглое зеркало.)

Вот гребешок.

Подает гребень Кассандре, та послушно берет, начинает развязывать ленты, вынимать из волос цветы. Поликсена смотрит в зеркало.

К а с с а н д р а

(шепчет)

Хорошая какая

Моя сестричка! В жертву самых лучших
Завистливые боги выбирают.
О, лучше б жертвенным мечом теперь же
Я жизнь ее перерубила сразу,
Пока она еще не знает горя.

П о л и к с е н а

(видит в зеркале глаза Кассандры)

Кассандра, как я глаз твоих боюсь.
Зачем ты смотришь так? И что ты шепчешь?

К а с с а н д р а

Нет, ничего, я так. А ты сказала,
Что я больна. Так, может, это правда,
Да, я больна. Не обращай внимания.
Я вспомнила вдруг нашего Троила.
Он до того был на тебя похож...
Я помню — он лежал мечом пробитый...
Спокойный, тихий, светлый... Поликсена,
Ты уж забыла, чей был этот меч
В груди у брата нашего Троила?

П о л и к с е н а

Зачем, Кассандра, вспоминать об этом?
На то война.

К а с с а н д р а

Да, так, на то война:
Убийце брата женихом назваться
Его сестры...

П о л и к с е н а

Но брат давно убит,
И я его едва припоминаю,
Ведь Ахиллес тогда совсем не знал,
Кого он убивал.

К а с с а н д р а

А мы-то знаем.
Наверно, Ахиллес того не знал,

Что той порой, как он искал послов,
Чтобы к тебе их сватами направить,
Твой брат, наш Гектор, принимал решение,
Чтоб корабли ахейские поджечь.
В тот самый час, когда цветы граната
Ты в волосы вплетала, Гектор наш
На голову надел свой шлем походный.

Поликсена

Так что ж? Он мирмидонцев не затронет,
И Ахиллесу это безразлично,
Так, как и мне.

Андромаха
(вбегает)

Вы слышали ли, сестры?
Мой Гектор, говорят, убил Патрокла.
Ведь Ахиллес же самым лучшим другом
Патроклу был!

Кассандра

Ой, горе, кровь, отмщенье!
Вот он, твой брак несчастный, Поликсена!

(Берет из-за треножника ножницы и обрезает косы Поликсены.)

Поликсена

Ой, горе нам!

Кассандра

Где траур, Поликсена?

Андромаха

Что делаешь, Кассандра?

Кассандра

(в пророческом самозабвении)

Андромаха,

Сестра по брату траур надевает,
Вдове по мужу траур тяжелее,
А сирота погибнет в колыбели.

А н д р о м а х а

Зловестница ты! Чтоб ты онемела!

П о л и к с е н а

Зачем же ты мне сразу не сказала,
Что горе близко? Может, задержать
Могла б я Гектора...

К а с с а н д р а

Ох, Поликсена!

Я всюду слышу горе, вижу горе,
А показать его я не умею,
Сказать — вот тут оно или вон там.
Но знаю я, что где-то есть оно,
Что отвратить его никто не может,
Никто, никто. Ох, если б можно было,
То я сама бы отвратила горе!

П о л и к с е н а

И отвратила б, если б ты сегодня
Сказала Гектору: в бой не ходи.

А н д р о м а х а

Ты это знала, что ж ты не сказала?

К а с с а н д р а

Хоть и сказала б, кто бы мне поверил?

А н д р о м а х а

Да как же верить, если ты всегда
Не вовремя пророчишь и некстати?

П о л и к с е н а

Всегда пророчишь горе, а когда
И от кого придет оно, не скажешь.

К а с с а н д р а

Я этого не знаю, Поликсена.

А н д р о м а х а

Так как же можем верить мы словам?

К а с с а н д р а

То не слова, я всё, всё вижу, сестры,
Что говорю. Я вижу: Троя гибнет.

А н д р о м а х а

Но от кого же? Кто ее разрушит?
Атриды? Ахиллес?

К а с с а н д р а

Не знаю, сестры!
Я вижу только: Троя погибает.
Брак дочери Приама с Ахиллесом
Окрашен кровью воинов троянских,
Постыдный брак не спас бы нашей Трои.
Вино живое будет вам на свадьбу.
И мертвецы взывают: «Крови, крови!»
...Ах, сколько, сколько вижу крови черной!
И палачам детей своих колени
Отец наш обнимает... Слышу крик...
Рыдает, плачет, стонет, воеет, воеет...
То наша мать! Ее ведь это голос.

А н д р о м а х а

Всесильный бог, лиши Кассандру слова!

Кассандра хватается за голову и с ужасом смотрит вдаль. Поликсе-
на бросается в объятия Андромахи.

3

Комната Андромахи. Рабыни прядут и ткут, некоторые вышивают
и шьют. Андромаха ткет большой белый плат, обходя вокруг высо-
кие кросна.

А н д р о м а х а
(рабыням)

Левкэ, Хризэ, идите вы к воротам,
И ты Айтра; быстрее возвращайтесь
Да, обо всем разведав поподробней,
О Гекторе мне вести принесите.

Рабыни уходят.

Климена

(старая рабыня)

А что ж ты, госпожа, сама не выйдешь?
Не так бы ты печалилась, увидев,
Как твой герой разит своих врагов.

Андромаха

Я не могу, Климена, я пугаюсь
Мечей бряцанья, топота коней,
Их ржанья, пыли, а всего сильнее
Смертельного напева вражьих стрел!
Когда всё это слышу я и вижу,
Мне кажется, что хаос встал из бездны,
Что ни людей уж нет и ни богов,
А только смерть повсюду торжествует.
Когда ж не вижу лютой я войны,
Тогда не страшно мне, тогда я верю,
Что Гектора никто не одолеет,
Что он герой превыше всех героев.

Креуза

(молодая рабыня)

И правда, госпожа, какое счастье,
Что можешь ты про мужа своего
Сказать такую правду.

Кассандра

(входит неожиданно)

Правда! Счастье!
Ты очень их легко соединяешь!

Андромаха

(с невыразимым страхом)

Ну, что тебе, Кассандра? Ты, должно быть,
Здесь у меня веретено забыла?
Креуза, поищи...

Кассандра

Нет, нет, не надо.

Ни прясть, ни ткать уж больше я не буду.
Есть траур у меня, а ты на саван
Уже давным-давно сама напярла.
Успеешь ли, не знаю, только выткать.

А н д р о м а х а
Зачем так говоришь ты? Я на ложе
Для Гектора наткала полотна.

К а с с а н д р а
Я так и говорю.

А й т р а
(входит)
Наш повелитель
Сразился с Ахиллесом.

А н д р о м а х а
Ох!.. И что ж?!

А й т р а
Он, кажется, его одолевает.

А н д р о м а х а
Да кто кого?

А й т р а
Наш господин, конечно.
Там Поликсена в обморок упала,
Увидев Ахиллеса в затрудненье.

А н д р о м а х а
Бесстыжая, как видно ей не брата,
А мирмидонца жалко?

К а с с а н д р а
Это Мойра
На Поликсену наложила руку.
Не ты несчастней всех на белом свете,
Так не суди несчастных. Вдов немало,
А между братом выбирать и милым
Не часто может женщина.

А н д р о м а х а
Да что ты!
Ты, будто пьяная, в одно смешала
Догадку с правдою.

К а с с а н д р а

Вино с водою

Смешаются, — одним напитком станут.

Левке входит и молча останавливается.

А н д р о м а х а

Ну что, Левке?

Левке

Не посылай меня

К воротам, госпожа...

А н д р о м а х а

А что случилось?

Левке

Покуда ничего... Но не могу я...

Ох, сам Арес бы убежал оттуда,

Не то что смертный...

А н д р о м а х а

Что ты говоришь?

Кто ж убегает?

Левке

Господин... твой муж...

А н д р о м а х а

(замахивается на нее ткацким челноком)

Неправда! Как ты смеешь?..

К а с с а н д р а

(останавливает ее руку)

Не поможет

Твоя рука против десницы Мойры.

А н д р о м а х а

Прочь, злая вестница! Ты виновата,

Коль есть в ее словах хоть доля правды.

Ты отняла у Гектора отвагу,

Сломила дух зловещими речами,

Убила веру, верность. Никогда

Не покидал мой Гектор поля битвы, —

Надежду нес и приносил победу
И славу. Но надежду ты убила
Проклятыми словами: «Мечь и смерть!»
Бери же на себя позор, бесславье,
Что бедный брат из боя принесет.

К а с с а н д р а

Когда б хоть их принес, я приняла б.

(Дрожит и, не в силах устоять, садится на первый свободный стул.)

Ох, Андромаха, как бы я хотела,
Чтоб не были мои слова правдивы!

А н д р о м а х а

А если бы ты их не говорила,
И не пугала нас, и мы б не знали
Злой правды, наш бы дух не угасал.

К а с с а н д р а

От этих слов зловещих, Андромаха,
Я отрекаюсь.

А н д р о м а х а

Поздно уж, Кассандра,
Наш дух угас.

К а с с а н д р а

(невольно)

И жизнь уже угасла!
Ой, горе! Что же делать? Вижу, вижу.
Вон Ахиллес в погону устремился,
А Гектор падает... Позор и ужас
Его убили, а не меч Пелидов.

А н д р о м а х а

Нет, ты сама, сама во всем повинна.
Не стыд, не ужас и не меч, а ты,
Коварная, коль говоришь ты правду!
Ну, где ж они? Я больше ждать не в силах
Известий. Я пойду, пойду сама...

Кассандра
(удерживает ее)

Я не скажу, ни слова не скажу.
Не буду предвещать... Я только вижу.
Ослепните вы, злые очи!

Хризе
(вбегает)

Горе!

Наш господин пал от меча Пелида!

Андромаха цепенеет, рабыни ухаживают за ней, плача.

Кассандра
(охваченная горем, говорит, словно в беспамятстве)

Не стыд, не ужас и не меч, а я
Своею правдой погубила брата...

(Закрывает лицо покрывалом.)

4

Часть площади около Скайских ворот, окруженная стеной. По правую сторону, в глубине, храм, по левую — ворота. Смеркается. Длинные тени стелются через площадь. Небольшой отряд троянцев посредине, между воротами и храмом, тихо о чем-то совещается. В середине отряда Долон, бывший жених Кассандры, к нему обращаются собравшиеся. Кассандра с Поликсеной идут от храма через площадь, обе в черных траурных одеждах, только у Поликсены обрезаны косы и непокрыта голова, а Кассандра закутана с головой в длинное черное покрывало.

Кассандра
(останавливает Поликсену и стоит неподвижно)

Какие подозрительные люди,
Смотри, смотри, собрались там...

Поликсена

Да нет же,

То Агенор, Гелен и Деифоб,
А среди них Долон!

Кассандра

Ох, и Долон!

Поликсена
Что так вздохнула ты и застонала?

Кассандра
Так, ничего.

Поликсена
Ты позабыть не можешь,
Что он тебя...

Кассандра
Голубка Поликсена,
Не про себя я думаю теперь.

Поликсена
Про что ж?

Кассандра
(складывает умоляюще руки)
Сестра родная, дорогая,
Не спрашивай, прошу тебя, молю,
Не заставляй и говорить! Быть может,
И правда, что в словах моих отрава,
Глаза же убивают в людях силу!
Ослепнуть я хотела б, онеметь бы...
О, это было бы большое счастье!

Поликсена
Одумайся, Кассандра, кто же может
Хотеть того, чтоб сделаться калекой?

Кассандра
Кто, Поликсена? — Я хочу.

Поликсена
Родная,
Пойдем отсюда.

Кассандра
Нет, я не пойду.
Должна я насмотреться на Долона...
Нет, ничего... Мне только б насмотреться.

Я не пойду... не в силах... Если хочешь,
Иди одна.

Поликсена

Нет, я с тобой останусь.
Одной тебе здесь быть не подобает.

Кассандра

Кассандре всё равно, что подобает,
Что нет, — она обязана лишь делать,
Что ей на долю выпало.

Тем временем отряд окончил совещание и разошелся. Долон, оставшись без товарищей, приближается к царевнам.

Долон

Царевны,

Приветствую вас.

(Хочет идти дальше.)

Кассандра

Стой, Долон!

Долон

Что скажешь

Ты мне, царевна?

Кассандра

(смущенная, думает, о чем бы спросить. Она всё время, пока говорит с Долоном, стоит с низко опущенным на глаза покрывалом, так что лица ее почти не видно.)

Собственно, хотела..

Тебя спросить я... по душе ли были
Тебе дары в тот поминальный день
По Гектору?..

Долон

(немного удивленно)

Я очень благодарен
За милость и за честь.

Кассандра

Зачем же ты...

Скажи, не взял теперь щита с собою?

Д о л о н

Зачем же щит? Он разве нужен будет,
Пророчица?

К а с с а н д р а

(испуганно)

Нет, нет, Долон, о нет!

Д о л о н

(задумчиво)

Да, правда, я пойду в опасный путь...
Но только щит разведчику помеха...
Украдкой должен я пробраться в лагерь
Ахейский, за ночь обо всем разведать,
Подслушать разговоры и вернуться
Украдкой.

П о л и к с е н а

Прости, хоть не к лицу мне,
Как девушке, гражданских дел касаться,
Но я спрошу: зачем же молодого
Тебя на это старшие избрали?

Д о л о н

У молодого ловкая походка,
Он ступит легче,

(смеется)

убежит быстрее!

К а с с а н д р а

(про себя)

Как можно убежать!

Д о л о н

Что ты сказала?

Кассандра молчит.

Д о л о н

Я знаю, я того не заслужил,
Чтоб ты со мной, царевна, говорила...

А только я хотел... Нет, я не стою...
Прощайте же, царевны!..

(Наклонив голову, собирается идти.)

К а с с а н д р а

Погоди!

Что ты хотел?

Д о л о н

Спросить...

К а с с а н д р а

Спросить!.. Не надо!

Не спрашивай, я не люблю расспросов.

Д о л о н

Так я пойду...

К а с с а н д р а

Нет, спрашивай меня,

Отвечу я.

Д о л о н

Пророчица, скажи:

Вернусь ли жив я из моей разведки?

К а с с а н д р а

Ты почему меня спросил об этом?

Спросил бы у Гелена, разве мало

Есть в Трое предсказателей?

Д о л о н

Нет, поздно

Теперь искать их.

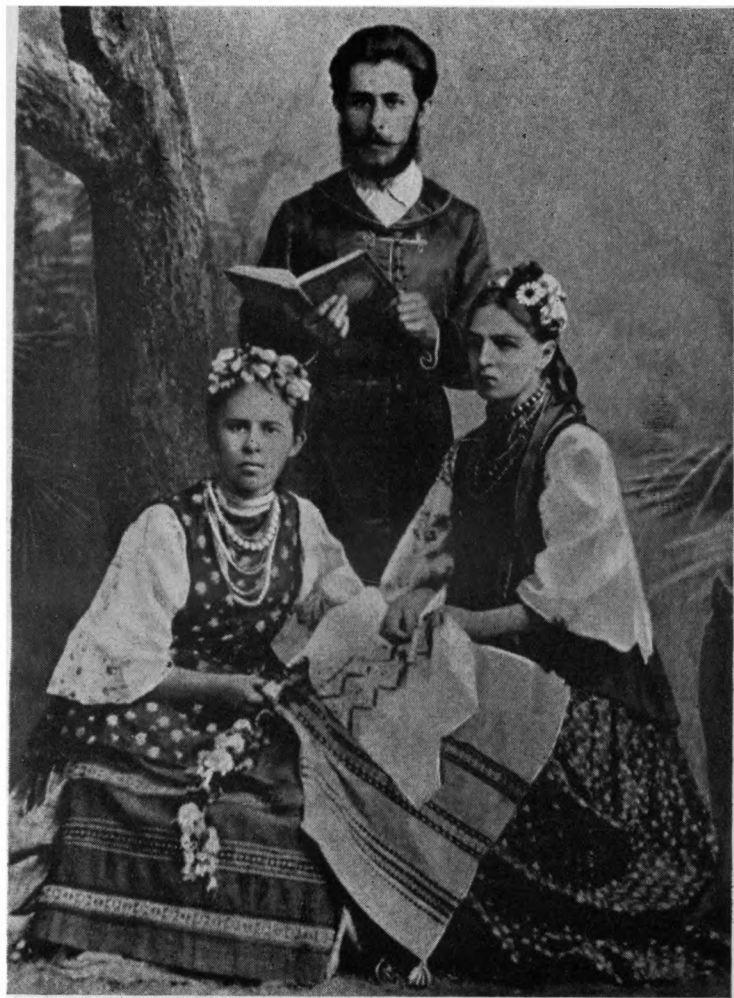
К а с с а н д р а

А на что тебе

Мое пророчество? Ведь про Кассандру

Худая слава в Трое. Кто ей верит?

Никто.

Д о л о н

Не знаю сам я, почему,
Но всё же мне хотелось бы услышать
Ответ на это только от Кассандры.

К а с с а н д р а

Ты ей поверишь?

Д о л о н

Может быть, поверю.

К а с с а н д р а

(горько)

И только «может»?

Д о л о н

Огорчил тебя?

К а с с а н д р а

О нет, привыкла я, что мне не верят.

Д о л о н

А всё ж выслушивают предсказанья.

К а с с а н д р а

На горе!

Д о л о н

Что ж, хочу я знать его!

К а с с а н д р а

А если бы я вдруг тебе сказала —
Я не скажу, я только так, к примеру, —
Чтоб отказался ты идти в разведку,
Послушался бы ты?

Д о л о н

Скажу по правде:

Не мог бы я послушаться тебя,
Хотя бы ты и смерть мне предвещала.
Нечестно было бы отречься тайно,
Забуть о том, что восхвалял открыто,
К чему пришел я сам по доброй воле.

К а с с а н д р а

Зачем же знать, что ждет тебя в грядущем?

Д о л о н

Судьбе в глаза люблю смотреть я прямо.

К а с с а н д р а

О нет, Долон, ты этого не любишь
И не любил, ты говоришь напрасно!
Для глаз таких еще ребенок ты.

Д о л о н

Ребенок? Нет. Я совершеннолетний.
В совет я вхожий и для войска годный,
Не мальчик я давно!

К а с с а н д р а

Но для того ж,
Чтоб встретить взгляд судьбы, пожалуй, мало
Всех этих качеств.

Д о л о н

Вижу я, царевна,
Что ты мне не желаешь дать ответа
И лишь напрасно время трачу я,
А у меня его совсем немного.

К а с с а н д р а

(вздрагивает при этих словах)

А кто сказал?

Д о л о н

Дано мне назначенье,
Чтоб я пришел, пока луна не встанет.

К а с с а н д р а

Теперь луна ведь очень рано всходит!

Д о л о н

Вот потому и дорого мне время,
И так его я потерял немало.

Поликсена

А ты дождался бы безлунной ночи.

Долон

Война не ждет, царевна, — если б мы
Еще ночей безлунных дожидались,
То, может быть, луна бы осветила
Руины Трои. Я пойду, царевны.
Счастливы будьте!

(Идет к воротам не оглядываясь, исчезает в них.)

Кассандра молча машет ему вслед рукой, а когда он выходит по ту сторону ворот, она припадает к плечу Поликсены и горько рыдает.

Поликсена

Ну о чем ты плачешь?

Кассандра

В последний раз я говорила с ним!
Что я ему сказала? Ледяные,
Суровые слова, как те мечи
Врагов, что зверски заколоть хотели б
Единственного, милого Долона!..
Что ж я не бросилась к его ногам?
Богов не умоляла Олимпийских,
Чтоб он не шел в такой опасный путь?
Что ж не сказала: «Не ходи, погибнешь!»
И почему не задержала взглядом?
Он испугался б этих глаз зловещих,
И может... может, он бы мне поверил, —
Он сам сказал, — послушался бы, может.
Перед лицом судьбы ведь он ребенок,
И не пошел бы он на их огонь,
Когда бы явно смерть свою увидел.
Ох, а теперь... Единственное счастье —
Погибнет там...

Поликсена

Кассандра! Успокойся!

Он жив еще!.. О чем же ты так плачешь?
Ведь правда, даже страшно! Не годится,
Услышать могут! Нам пора домой,

К а с с а н д р а

Пускай услышит целый мир. Не в силах
Я замолчать... О, ты еще узнаешь,
Как тяжело любимого утратить!

П о л и к с е н а

Кассандра, хватит! Что ты говоришь мне?
Пойдем, боюсь я, здесь темно и страшно.
Уж поздно...

К а с с а н д р а

Поздно... и луна уж скоро
Осветит поле... Там теперь Долон мой
Так одинок, как будто кипарис
На раздорожье... Хрупкий он такой,
Молоденький и нежный, не для битвы,
Для лиры, для кифары он родился
И для весенних песен... Как те руки
От тяжких смогут защитить мечей,
Что подняты над ним... Спасенья!..

П о л и к с е н а

С ума сошла?.. Ведь соберутся люди!
А там еще ахейцы всполошатся!

Тише!

К а с с а н д р а

Ахейцы? Я замолкну... Я не буду...

(Долгое молчание. Кассандра дрожит всем телом, сначала плотно закрывает лицо покрывалом и стоит неподвижно. Потом открывается и шепотом говорит, сжимая руки Поликсены.)

Пойдем к воротам... Ты иди за мною...
Мне здесь так страшно... Я судьбы пугаюсь...

П о л и к с е н а

Как мы пойдем? Не видно и ступеней.

К а с с а н д р а

О нет, темно не очень, я всё вижу...

(Протягивает руки в пространство.)

О Артемида, ясная богиня,

Молю я, погаси ты свой светильник
На эту ночь, на эту только ночь!
Пусть меньше грез любимые узнают, —
Они и так счастливы! Неужели,
Чтоб им, счастливым, грезилось блаженство,
Несчастной мне ты посылаешь грезу,
Последнюю отчаянную грезу,
Что мой любимый где-то есть на свете,
Хоть мой не суженый, но мой любимый.
И, может, правду люди говорили,
Что в жизни раз и ты любовь узнала,
Ее назвали чистою любовью, —
Молю я: сжался!

Поликсена
(дрожит)

Ну довольно, хватит.

Кассандра
(останавливается, потом говорит изменившимся голосом)

И правда, хватит, что мои моления?
Против судьбы бессильны даже боги:
Они законам вечности подвластны,
Как смертные, а солнце, месяц, звезды —
Светильники в огромном храме Мойры,
В нем боги и богини — только слуги,
Своей жестокой госпожи рабы.
С мольбой к ней обращаться — труд напрасный.
Ей не знакома ни печаль, ни милость,
Она слепа, глуха, как будто Хаос.
И умолять ее рабов — напрасно
И низко, а рабынею рабов
Не стану я!

Поликсена

Несчастливая, опомнись!
В такую пору ты гневаешь богов?
Немало, кажется, они карали
Тебя за дерзость? Или хочешь кары
Ты большей?

К а с с а н д р а

Но какой еще? Не может
Раба судьбы, богиня Артемида,
Зажечь ни на одну минуту раньше
И погасить луну в высоком небе,
Как предначертано самой судьбою
Спокон веков. Нет, не боюсь я кары!
Пойдем к воротам.

Обе идут по ступеням на стену возле ворот. Пока они идут в темноте тихо, на горизонте за стеной небо начинает слегка краснеть.

П о л и к с е н а

(стоя на стене над воротами)

Что там? Не пожар ли?
Долон ахейский лагерь запылал?

К а с с а н д р а

(тоже над воротами)

Нет, это не пожар...

П о л и к с е н а

А что же?

К а с с а н д р а

Стой!

Молчи!

Долгое молчание. Небо всё яснее, из-за горизонта показывается полная луна. Кассандра закрывает лицо плотно обеими руками и стоит, будто окаменев.

П о л и к с е н а

(прижимается к Кассандре)

Родная!..

К а с с а н д р а

Как судьбы мне страшно...
Она так смотрит, и таким огромным
И белым оком...

(Показывает на луну.)

Ой, она всё видит?

Нигде, нигде нет от нее спасенья!..
А я теперь не вижу! Где Долон?

Поликсена
Припал и лезет по валам тихонько.

Обе царевны стоят некоторое время неподвижно, но их черные фигуры резко выделяются при лунном свете.

Теперь поднялся... к лагерю пошел.

Кассандра
Идут, о горе!

Поликсена
Кто? Где?

Кассандра
Эти двое.
Идут... идут...

Поликсена
Луна, ты видишь, скрылась
За тучу, и Долон к земле прижался.
Они не видят.

Кассандра
Да, но я, я вижу!
(Громко кричит.)

Долон!

Поликсена
Безумная, услышал он!
Встал, побежал! Уже за ним погнались...

Кассандра порывается кинуться со стены в поле, сестра удерживает и борется с нею.

Кассандра
Пусти меня... пусти меня... пусти!
Я буду с ним... Пусти меня!

Поликсена
(*изо всей силы кричит*)

Спасите!

Эй, люди! Слушайте, сюда скорее!

Прибегают часовые и помогают Поликсене удержать Кассандру.

Кассандра

Прочь от меня! Его, его спасайте!

Первый часовой

Кого?

Кассандра

Долона! Там его пытаются.

Второй часовой

Где?

Кассандра

В поле там. Ой, помогите, люди!
Скорей туда!

Первый часовой

Царевна, мы не можем,
Нас только двое! Мы в ахейский лагерь
Пошли бы на заведомую гибель.

Кассандра

А где же все троянцы? Где укрылись?
Все умерли? Эй люди, люди, люди!

Начинают сбегаться на площадь люди.

Поликсена

Народ идет...

Кассандра

Пусти меня!

(*Исступленно сопротивляется, потом отступает назад,
обессиленная борьбою и разбитая страхом.*)

Уж поздно!..

Дейфоб и Гелен

(Подшли с людьми к Кассандре и, взяв ее за руки, хотят увести от ворот)

Иди домой, сестрица!

Кассандра
(отталкивает их)

Уходите!

Убили вы его!

(Внезапно затихает и говорит совсем убитым голосом.)

Нет, это я...

Послушно дает себя вести и идет еле переступая, так что ее скорее несут, чем ведут. Луна прячется за тучу, и темная группа людей, которая ведет Кассандру у стены, еле виднеется, а дальше сливается с глубокой тенью от храма.

5

Покой Кассандры. Нет никого.

Дейфоб
(входит)

Сестра! Кассандра! Где же ты? Рабыни!
(Хлопает в ладоши и зовет.)

Рабыни, — эй!

Из соседнего покоя входит старая рабыня.

Старая рабыня
Что, господин?

Дейфоб

Послушай!

Куда ж девались у сестры служанки?
Я никого дозваться не могу.

Старая рабыня

Пророчица рабынь всех распустила,
Сказала — хватит быть мне госпожою,
Пора трудиться, скоро это может
Понадобиться.

Дейфоб

Вот еще капризы!

А чья же ты?

Старая рабыня

Царевны Поликсены.

Дейфоб

Ну, всё равно мне, позови сестру.

Старая рабыня

Какую? Поликсену?

Дейфоб

Нет, Кассандру,

Да быстро.

Старая рабыня

(идет, ворча)

Быстро! Пряткий вишь какой.
Немолодые ноги, — где тут быстро...

(На пороге.)

Да вот она сама. Скорей, царевна,
Там братец дожидается...

(Выходит.)

Кассандра

(с пряслицем за поясом и с веретеном идет и прядет.)

Ну, здравствуй!

Дейфоб

И что, сестра, ты выдумала, правда?
Рабынь всех распустила, а сама
Из рук не выпускаешь пряжи.

Кассандра

Братец,

Решила я заранее привыкнуть
К тому, что неизбежно.

Д е и ф о б

Речь рабыни!
Так никогда б царевна не сказала.

К а с с а н д р а

А как сказать?

Д е и ф о б

«Нам царствовать по-царски
Или погибнуть!»

К а с с а н д р а

Все мы, все погибнем.
Не будем царствовать.

Д е и ф о б

Сестра, не надо.
Пророчеством своим меня не потчуй.
Беда и только: брат — пророк, сестра —
Пророчица; в своем родимом доме
От прорицания родных нет места.
Взялась за пряжу. Это — хорошо.
Сказать по правде, девушке приличней
Всё это, чем пророческие речи.
Пряди себе, не прорицай.

К а с с а н д р а

Мне, брат мой,
Самой бы лучше заниматься пряжей,
Чем всем предсказывать одно несчастье.

Д е и ф о б

Пряди, пряди, немало белых ниток
На свадьбу нужно будет обрученной,
На брачные одежды, на подарки.

К а с с а н д р а

И ты уж, брат, я вижу, стал пророком,
Да жалко, что не вовремя, не к месту.

(Обиженно отворачивается.)

Д е и ф о б

И вовремя и к месту. Но, сестрица,
Я тратить не привык слова напрасно,
И что скажу, то, значит, надо слушать,
Вот ты хоть и пророчица, сама
Своей судьбы никак не разгадаешь,
А я тебе скажу, что мы решили
Тебя просватать в жены Ономаю,
Царю лидийскому.

К а с с а н д р а

Не рано ль, брат мой,
Ты говоришь мне властно: «Мы решили».
Пока ведь не рабыня я еще,
Свою имею волю.

Д е и ф о б

Нет, Кассандра,
Все девушки, царевны и рабыни,
Должны своей семье повиноваться.

К а с с а н д р а

Я, брат мой, не рабыня, не царевна,
И больше, чем они, а может, меньше.

Д е и ф о б

Не для загадок я пришел сюда,
Не для пустых речей. Скажу я прямо,
Что ты просватана. Царь Ономай
Тебя желает взять себе в награду
За помощь, за союз против врагов.
Он хвастался, что в бой пойдет сегодня
И всех своих лидийцев поведет.
Еще и солнце не зайдет, как будет
Разбито наголову вражье войско.
«Коль это правда, — мы сказали, — завтра
Ты в свой шатер и поведешь Кассандру».

К а с с а н д р а

«Коль это правда...» Только я скажу:
Неправда это.

Д е и ф о б

Я не удивляюсь,
Что ты, троянка, дочь царя Приама,
Самолюбиво можешь отказаться
Подать спасенье и семье и Трое.
Атрида дочь была куда достойней,
Недаром эллинки против троянок
Так восхваляются, что среди них
Та Ифигения была, что смело
Всю жизнь свою девичью положила
Во славу своего народа.

К а с с а н д р а

Брат мой,
Не знаешь ты цены всем женским жертвам.
Нет, жертва Ифигении была,
Скажу тебе, ничем не тяжелее,
Не больше тех, что принесли другие.
О, сколько жертв тяжелых, но бесславных,
Те женщины несли, чье даже имя
Нам неизвестно. Если пожелал бы
Моей ты жертвы кровью, я могла б,
Наверно, принести ее, но, брат мой,
Я не могу, ведь я не героиня.

Д е и ф о б

Теперь я вижу, ты — сестра Париса,
Не Гектора. Наш Гектор мог отдать
И жизнь свою, жену свою оставить
И сына сиротою для спасенья
И чести Трои. А Парис готов
Лишь для одной Елены погубить
Весь край родной. Вот так и ты, Кассандра, —
Для тени слабосильного Долона,
Хоть он и не всегда тебе был верен,
Ты всех нас утопить готова.

К а с с а н д р а

Брат мой!
Не оскорбляй его несчастной тени!
Ты говоришь, что слаб он был, изменчив.

Зачем же он пошел тогда на гибель,
Когда не поступил так ни один
Из братьев, что героями считались?
Иль потому, что Гектор был уж мертвым,
А Деифоб лишь на словах отважным?

Деифоб

Я для разведок стар. А ты, Кассандра,
Ты молода судить того, кто старше.

Кассандра

Всех старше в мире правда, брат мой!

Деифоб

Оставим мертвых. Дело ведь не в этом,
А в том, что совершить сейчас должна ты
Для счастья, для спасенья нашей Трои.

Кассандра

А кто сказал, что в этом лишь спасенье?

Деифоб

Последняя возможность только в этом,
А будет ли спасенье — неизвестно,
Но всё же ты должна пойти на это.
Когда убьют лидийца — люди скажут:
«Так суждено!» А если ты откажешь,
То скажут все, что ты нас погубила.
Царь Ономай к тебе придет тотчас же,
Чтоб ты ему сама сказала слово
«Согласна», — и тогда его лидийцы
Все как один готовы будут к бою.

Кассандра

Мой брат, была тройная бы измена
Себе самой, и правде, и лидийцам,
Когда б одним-единственным я словом
Погнала войско целое на гибель.

Деифоб

Тебе милей лидийцы, чем отчизна.

К а с с а н д р а

Зачем же нам губить их понапрасну?
Не мог спасти нас Гектор богоравный,
Куда ж спасти лидийцам нас?

Д е и ф о б

Кассандра,
Забыла ты, что был тогда Пелид,
И богоравный и богорожденный,
Теперь уж нет его.

К а с с а н д р а

Так говорила
Пентезилея, дева-амазонка,
Что до поры за Троию умерла.

Д е и ф о б

Ну что Пентезилея! Амазонка!
Не женщине спасти ведь Илион.

К а с с а н д р а

То правда, брат, и значит — не Кассандре.

Д е и ф о б
(гневно)

Не приставай к словам!

С т а р а я р а б ы н я
(входит)

Там тот, чужой,
Всё требует, чтобы его позвали.

К а с с а н д р а

Скажи ему, чтобы он шел сюда,
А ты оставь нас, брат.

Д е и ф о б

Так что ж ты скажешь?

К а с с а н д р а

Что бог мне повелит.

Д е и ф о б

Ну, помни же:

Коль бог велит сказать, что «не согласна», —
В глазах людей изменницей ты будешь
Отныне и до века.

К а с с а н д р а

Деифоб!

Д е и ф о б

Да, так и назову тебя я первый
На площади публично. Не забудь.

(Выходит.)

О н о м а й

(входит и останавливается у порога)

Молчание.

Царевна, радуйся!

Кассандра молчит.

Твою стыдливость

Я уважаю глубоко, но всё же
Хотелось бы услышать мне то слово
Единое, что должен я услышать.

К а с с а н д р а

А ты уверен, что его услышишь?

О н о м а й

Мне в этом слове твой отец и брат
Ручались.

К а с с а н д р а

Что ж, от них его ты слышал,
А я тебе его не обещала,
Да ты меня и не просил о нем,
А ты его уже своим считаешь.

О н о м а й

Прости, царевна, девушки, я знаю,
Иные речи любят, только я
Не склонен к ним. Мой разговор короткий:

Не ты меня, а я тебя посватал,
Ты мне понравилась, и дело ясно, —
Хочу, чтоб стала ты моей женою.

К а с с а н д р а

Как можешь ты хотеть меня взять в жены?
Ты видишь, я душою не твоя.

О н о м а й

Когда моими будут эти очи,
Уста и стан твой гордый и красивый,
Куда же денется твоя душа?
Ведь и она тогда моею будет.

К а с с а н д р а

Не больше, чем душа твоих рабынь.

О н о м а й

При чем мои рабыни здесь, Кассандра!
Царицей будешь ты, как подобает
Моей жене и дочери Приама.

К а с с а н д р а

Но ей не подобает жить в неволе,
Хоть и царицею.

О н о м а й

Я ж не беру тебя
С мечом в руках, пойдешь по доброй воле.
Я мог с ахейцами соединиться,
Разрушить Трою и тебя, царевна,
В плен захватить, но я хочу по чести
Взять от отца тебя и отплатить
Большой услугою.

К а с с а н д р а

Купить, вернее,
Меня ты хочешь, царь?

О н о м а й

Да, все герои,
И даже самые большие, так
Жен покупали.

К а с с а н д р а

Где же здесь геройство?
Герой не ищет никогда корысти.

О н о м а й

Геройство возмещается наградой.
Народ и боги это признают.

К а с с а н д р а

А разве мало славы?

О н о м а й

Славы хватит
И так, царевна, мне, да не хватает
Жены, и в жены я беру тебя.

К а с с а н д р а

Берешь. Но я еще ведь не решила.

О н о м а й

Царевна, правду говоря, я честь
Хотел тебе беседою доставить,
Как жрице бога и царевне Трои,
Нет в Лидии обычая такого —
Невесту спрашивать, когда отец согласен.

К а с с а н д р а

Знай, Ономай, союз такой не будет
С Кассандрою счастливым.

О н о м а й

Не пугай,
Пророчица, меня ты предсказаньем.
Я думаю, судьба ведь любит сильных,
Отважных, смелых, — каждая из женщин
Должна любить таких, а коль не любит,
То полюбить захочет всё же.

К а с с а н д р а

Царь!

Не знаешь ты меня, вот так и судишь.

О н о м а й
Я женщин многих знаю.
К а с с а н д р а
Но Кассандра
Меж ними не была.

О н о м а й
Вот и хотел бы
Я в жены взять ее.

К а с с а н д р а
На горе взял бы.
Я не люблю тебя.

О н о м а й
Полюбишь.
К а с с а н д р а
Нет, вовеки
Не полюблю того, кто так коварно
Бедой воспользовался.

О н о м а й
Кто так славно
Спас от беды твой край?

К а с с а н д р а
Не чванься, царь,
Еще у Зевса это на коленях.

О н о м а й
А если б так случилось?

К а с с а н д р а
Благодарность
И похвалу б тебе я воздала,
Когда бы ты не требовал в награду
Меня...

О н о м а й
Я вижу, ты умна, царевна!
«Хвала и благодарность» — вся награда.

Да если дам голодному я мяса
Со своего стола, то я услышу
Хвалу и благодарность.

К а с с а н д р а

Прославляли
Хоть раз тебя спасенные тобою?

О н о м а й

Не раз, не два! Скажу тебе, царевна,
Что побежденные, пожалуй, славят
Еще не так. Я то и это знаю.
Цена всему одна здесь, потому что
Бессилье силу славит. Только силу
За это лишь отдать — ума лишиться!
Я не безумец — жизнью рисковать,
Губить войска, чтоб слово «благодарность»
Сказали по-троянски. Я услышу
Его от женщин по-лидийски, дома,
Когда войска верну назад из боя.

Молчание.

Так что ж, царевна?

Хочет идти. Кассандра молчит, но, видимо, борется с собой. Ономай медлит, заметив это.

Д е и ф о б

*(входит. Заметив нерешительное состояние обоих,
пристально и грозно смотрит на Кассандру)*

Ты согласна?

К а с с а н д р а

Да!

О н о м а й

От всей души?

К а с с а н д р а

Коль жизнью рисковать,
Губить войска решился ты за то лишь,
Чтоб я сказала: «Вот уста твои,
И стан, и эти очи», — я согласна.

Когда лидийцы жен своих оставить
Готовы вдовами, чтобы владыке
Добыть невесту, — хорошо, согласна!
От всей души я говорю.

О н о м а й

Как странно
Ты говоришь, Кассандра. Ну, довольно
С тобой нам спорить, мне пора идти,
Чтоб делом заслужить себе награду.

К а с с а н д р а

Какой успех, такая и награда.
Прощай же, Ономай!

О н о м а й

Прощай, Кассандра!

Ономай и Деифоб уходят. Со двора слышен глухой шум большой толпы.

П о л и к с е н а

(вбегает)

Кассандра, боже, что ты натворила!

К а с с а н д р а

Сестрица, я должна была дать слово.

П о л и к с е н а

Дала ты слово? Значит, всё неправда?

К а с с а н д р а

(холодно)

Совсем, как видно, стала ты безумной, —
Не разберу, за что коришь и хвалишь.

П о л и к с е н а

Хвалю за то, что выполнила волю
Отца и брата, и семьи всей нашей.

К а с с а н д р а

Так, значит, и твою?

Поликсена

Ну что ж, сестричка,
Конечно, смерть страшна.

Кассандра

А для спасенья
Жалеть не стоит даже и сестры?

Поликсена

Но ведь тебе же хорошо там будет,
Царицей будешь в Лидии богатой,
Ее недаром золотой зовут.

Кассандра

На золото не зарится Кассандра.
С нее достанет одного колечка.

(Смотрит на Долоново кольцо на правой руке.)

Поликсена

(ласково)

Да, знаю я, сестра, как это трудно —
Забуть любимого, но что же мертвым
Иное нужно, кроме слез и жертвы?
Долону же ты справишь гекатомбу,
Как богу. Лидия богаче Трои,
Ведь ты, сестра, царицею там будешь.

Кассандра

За нелюбимым?

Поликсена

Ну так что же делать?
Таких из нас немного, что идут
По доброй воле, по любви. Такая
Уж доля женская — не сердце слушать,
А волю близких; хорошо, как близких,
А то не раз и победитель гордый
Принудит стать невольницу женою.
Антея ведь за Деифоба шла,
Как поневоле, не любя, а стала
Теперь она ему женою верной
И детям нежной матерью.

К а с с а н д р а

Сестрица,

А если б вновь просватали тебя
После Пелида за кого другого?

П о л и к с е н а

Так что ж. . . я знаю, что другой не будет
Таким, как был Пелид, и всё же мне
Не хочется остаться одинокой.
И я пошла б, когда бы кто посватал, —
Не мужа бы, так я детей любила б,
И если не любовь, то хоть покорность,
Хозяйственность и верность принесла б
Я мужу в дом.

К а с с а н д р а

А если ничего бы

Дать, кроме ненависти и проклятий,
Ты не смогла, что принесла б ты мужу?

П о л и к с е н а

Ты стала страшной, говоря об этом!
Кассандра, признавайся, — значит, правда,
Что гибель ты в проклятьях предвещала
Лидийцам и ему?

К а с с а н д р а

Откуда знаешь?

П о л и к с е н а

(немного смущенно)

Мои рабыни были под окном,
Сушили шерсть и слышали случайно
Ваш разговор. Не знаю только, как
Лидийцам стало всё это известно.
Ты шум слыхала? То кричало войско
Лидийское: «Мы не пойдем на гибель,
Кассандра заклала! Домой вернемся!
Пусть гибнет Троя, как и суждено ей».
Домой пошли уж несколько отрядов.

К а с с а н д р а
(невольню)

Хвала богам!

П о л и к с е н а
Бесстыдная Кассандра!

К а с с а н д р а
Но ведь погибли бы они напрасно,
Ведь смерть их — обручение мое.

П о л и к с е н а
Зачем же ты царю давала слово?

К а с с а н д р а
Не бери моей горячей раны!
Мне это слово душу придавило
Бесчестьем и тягостным позором.
Слепая ненависть и принужденье
То слово дали, а не я, сестрица!
Я так царя глубоко презирала
И всё его бессмысленное войско,
Толпу его рабов! Я так охотно
Сказала — на погибель им — «согласна»!

П о л и к с е н а
Страшна и непонятна ты, Кассандра.

А н д р о м а х а
(входит)

Хвала богам! Пошли уже лидийцы!
Пошли на бой. Царь Ономай сказал:
«Я получил согласие Кассандры».
Гелен уверил, что по птицам видел
Счастливым знак на брак и на победу,
А Деифоб сказал — неправда это,
Что прокляла царя ты и лидийцев,
И, успокоившись, они пошли.

К а с с а н д р а
Гелен сказал, что он по птицам видел
Счастливым знак на брак и на победу?
Неправду он сказал!

А н д р о м а х а

Да что, Кассандра,
Довольно с нас твоей жестокой правды,
Зловещей и губительной, так дай же
Нам хоть неправдою пожить в надежде.
Ох, я от этой правды уж устала.
О, дай ты мне хоть сон, сестра, хоть грезу!
Дай верить мне хоть день, что мой сыночек
Астианакс — останется в живых он,
Что не погибнет от руки враждебной
И будет сильный, властный, богоравный,
Как был его отец, мой милый Гектор!
О, дай ты мне хоть сон, сестра, хоть грезу!

К а с с а н д р а

Для сна, для грезы погубить готова
Ты это войско? Стыдно, Андромаха!

А н д р о м а х а

Не стыдно, нет, любая мать вам скажет,
Что я права. И что мне чужеземцы?
И почему я их должна жалеть?
А может быть, и правда, что спасают
Они нам Троию? Может быть, и правда?

К а с с а н д р а

И только «может»?

А н д р о м а х а

Хватит и того,
Надежда есть, Кассандра, есть надежда!

К а с с а н д р а

Прошу тебя, сестрица Поликсена,
Пошли свою рабыню за Геленом.

П о л и к с е н а

Пошлю.

(Уходит.)

А н д р о м а х а
Зачем тебе Гелен?

К а с с а н д р а

Хочу я
Его спросить, а то себе не верю.
Уже свершилась, видишь, божья кара:
Не только люди, а сама Кассандра
Изверилась в Кассандре. Я не знаю,
Всё это правда ли, что вижу ныне.

А н д р о м а х а

А что ж ты видишь?

К а с с а н д р а

Хватит, Андромаха,
Расспрашивать меня, чтоб проклинать.
На голове моей и так проклятья,
Как тяжкая железная корона,
А надо лбом сплелись слова обиды,
Как будто змеи над челом Медузы,
Шипят и отравляют, глушат разум...
Веди сюда рабынь своих, вели им
Взять флейты и кифары, чтоб сдружили
С напевом нежным музыку, — они
Сон и мечту наклинут золотую
На очи, утомленные от слез.
А финикиянка, твоя рабыня,
Та, что и змей заговорить умеет,
Пусть усыпит в тебе змею тревоги, —
И ты заснешь, и ничего худого
В том сне не будет — ни войны, ни смерти,
Ни страха, ни Кассандры.

А н д р о м а х а

Не глумись!
Я верю все-таки: придут лидийцы.
Придут с царем, с победою. Прощай!

(Уходит.)

Тот же покой Кассандры. Кассандра и Гелен.

К а с с а н д р а

Так ты скажи по правде всё мне, брат мой,
Какое ты по птицам знал предвестье.

(Смотрит ему в глаза, Гелен опускает их.)

Г е л е н

Да что там! Прорицатели судеб,
Мы оба знаем хорошо, что птицы,
И кровь, и дым от жертвы — это только
Покров и украшеньё голой правды
Для глаз людских. Сама же эта правда
На женщину почтенную похожа,
Которой без одежд ходить позорно.

(Смеется.)

К а с с а н д р а

Но женщина сама я, значит, правду
Могу я видеть и нагой.

Г е л е н

Скажи мне,
Кто видел правду голую хоть раз?

К а с с а н д р а

Я видела ее, и даже часто!

Г е л е н

Ты думаешь, что ты ее глазами
Своими не испортила?

К а с с а н д р а

О брат мой,
К моей ты ране жгучей прикоснулся,
Я всё стерплю, я искренне желаю
Тебе свой дать совет, ведь ты мудрейший
Из братьев всех, твой ум так гибок, тонок,
Он -- как огонь.

Гелен

А может быть — как уж?
Фригийский ум, Кассандра. Мы, троянцы,
За долгую осаду научились
Ужами извиваться. Что же делать?
Когда б ты видела, как Деифоб
Перед лидийцем ползал, ты б сказала,
Что и другой брат гибким стал и тонким.

Кассандра

Не говори мне про такую гибкость,
В ней для меня не мудрость, только мерзость.
Скажи ты откровенно мне, как брат
Сестре любимой: вправду ли ты думал —
По птицам ли, иль просто — всё равно, —
Что в браке лишь моем спасенье Трои
И что спасенье принесут лидийцы?

Гелен

Ты задала мне трудные вопросы.
По правде, думал я и так и сяк.

Кассандра

Как это понимать?

Гелен

А так. Сначала
Поверил я, увидев это войско
Бесчисленное, всё в щетине копий
И свежее по силе и отваге,
Что эллинам, измученным войною,
Осадой утомленным, не осилить
Царя, который жаждет так победы.
И я уверен: если б та победа
Была в руках Елены, Поликсены,
Иль Андромахи, иль кого другого,
А не в твоих, она была б за нами.

Кассандра

И ты уверен в том, что всё несчастье
Исходит от Кассандры?

Г е л е н

Пусть не всё,

Но многое.

К а с с а н д р а

Что говоришь ты, брат мой?

Г е л е н

Хотела знать ты правду, я исполнил
Твое желанье, не мое, сестрица.
Не упекаю я тебя, Кассандра.
Такой характер у тебя. Как видно,
Повинны боги в том, что правду дали
Познать тебе, а сил тебе не дали,
Чтоб правдой управлять. Ты только видишь
И, безучастно руки опуская,
Стоишь бессильно перед тем виденьем
Жестокой правды, словно изваянье,
Как будто смотрит на тебя Медуза,
И только страх наводишь на людей.
А правда оттого еще страшнее,
И люди тщетно тратят силы, разум,
В отчаянье бросаются на гибель;
Тогда ты говоришь: «Я предвещала».

К а с с а н д р а

А что б ты сделал?

Г е л е н

То, что и теперь.

Я с правдою борюсь, и я надеюсь,
Что скоро буду ею так же править,
Как рулевые кораблями правят.

К а с с а н д р а

А Мойра, брат, безжалостная Мойра?
Ее ведь воля целым миром правит,
А ты вдруг ею править замышляешь?

Г е л е н

Не так, Кассандра. Мойра повелела,
Чтоб был и свет, и море, и погода,
Чтоб был корабль, и рулевой, и штормы,

И скалы, и заливы, чтоб была
Борьба, победа, чтоб была надежда,
И правда, и... неправда.

К а с с а н д р а

Если так,
То Мойра хочет, чтоб была Кассандра.

Г е л е н

И чтобы шел Гелен против Кассандры.
Я эту правду вижу, и борюсь я,
Чтобы троянский нам корабль стащить
С той мели, на которую Кассандра
Его загнала правдою своею.

К а с с а н д р а

А ты его неправдою спасаешь?

Г е л е н

Что правда? Что неправда? Эту ложь,
Что сбудется, — все правдою зовут.
Солгал однажды как-то раб и мне,
Что мой фиал украден, потому что
Ему искать фиала не хотелось;
Пока же он ленился, в самом деле
Фиал украден кем-то был. Где правда
Была тут и где ложь? Чертою тонкой
От правды ложь когда-то отделялась,
А в настоящем и черты не стало.

К а с с а н д р а

Кто скажет то, во что и сам не верит,
То это будет ложь.

Г е л е н

А если скажет
Хоть в доброй вере, только по ошибке,
Совсем некстати — это будет правда?

К а с с а н д р а

А как же ты, Гелен, как отличаешь
Ты ложь от правды?

Г е л е н

Да никак. Я просто
Их не тревожу.

К а с с а н д р а

Как же ты пророчишь?
Что людям говоришь?

Г е л е н

Да то, что надо,
То, что полезно или что достойно.

К а с с а н д р а

Ты разве никогда того не видишь,
Что неминуемо должно случиться?
Ужель тебе не скажет в сердце голос:
«Так будет, так! Так будет, не иначе!»

Г е л е н

По правде говоря, так не бывало.

К а с с а н д р а

Так нам понять друг друга очень трудно.
Но как ты можешь говорить публично:
«Мне это бог открыл...» или: «Я видел...
Я слышал голос тайный», — если то
Неправда?

Г е л е н

Снова правда и неправда!
Слова оставим эти, нет в них смысла.
Ты думаешь, рождает правда слово?
Я думаю, рождает слово правду.
А как же нам назвать такую правду,
Что изо лжи родится? Иль ни разу
Такого ты не видела рожденья?
Не раз я видел. Слово плодовито:
Рождает больше, чем Земля-праматерь.

К а с с а н д р а

Но ты сказал: «Я делаю, что надо,
Что честно и достойно». Так зачем же
Прикидываться вещим мудрецом?
И разве это честно и достойно?

Гелен

Конечно же! Когда б отец и братья
И с ними все троянцы и троянки
Лидийцев умоляли и просили,
Всё это было б ни к чему, — лидийцы
Сказали б только: «Закляла Кассандра,
Пророчица, — война и брак несчастны».
А я пришел с достоинством жреца,
В пророческой короне, и высоко
Я поднял вверх посеребрённый посох.
Всем чужеземцам, я сказал: «Молчать
И ждать! Я выпустил из храма
Священных голубей!» Замолкли мигом
И шум и разговоры. Я сказал:
«Царь Ономай обидел Аполлона, —
Засватал он пророчицу его,
Не попросив согласия стреловержца,
И бог за то свой гнев ему изрек
Устами вещими Кассандры. Можно
Еще предотвратить тот гнев великий
Богатой гекатомбою из белых
Волов, что не бывали под ярмом».
— «Я обещаю!» — крикнул царь лидийский.
А я сказал: «Я вижу голубей,
Они вернулись и птенцов уж кормят,
И это знак, что будет брак счастливым!»
И словом тем я победил тебя,
Пророчица-сестра.

К а с с а н д р а

Надолго ль, брат мой?

Гелен

А вот увидим! Правда, что на поле
Воюют не лидийцы, не ахейцы,
А ты и я. Отвагой управляет
Гелен, отчаяньем Кассандра правит.

К а с с а н д р а

А если вдруг Кассандра одолеет?
Чем оправдает он свою неправду?

Гелен

Публично скажет: «Ономай себя
Сам погубил, он вместо гекатомбы
Дал только обещанье Аполлону».
Себе ж он скажет: «Сломано оружие,
Но мы найдем другое. Всѣ ж честнее
С оружием погибать, чем без него».

Кассандра

Зачем же сам ты не пошел сегодня
Не с посохом — с мечом, с копьем на битву?

Гелен

Меч и копье не для меня оружие.
Людские души — вот мое оружие,
А вместо стрел — крылатые слова.
Борьба народов — вот мой поединок!
Всем этим правлю я — фригийский разум.
А эта диадема, этот посох —
Как знаки власти над царями всеми.
Я равного себе не знаю здесь
Меж всех властителей и всех героев.
Ты только равная и даже выше,
И до конца нам предстоит бороться.

Кассандра

О, и сама не знаю я сегодня,
Хочу ли я победы над тобою!
Мне ненавистен этот брак, как смерть,
Он так же страшен мне, как гибель Трои.

Гелен

Но у тебя же ведь фригийский разум.
Ты слышала, как боги укрывают
Своих избранных порою в тучу?
Есть у меня тайник под алтарем.
Когда ты станешь с Ономаем рядом,
Чтоб принести богам на свадьбе жертву,
От жертвы дым пойдет сернистой тучей,
А как рассеется, взамен Кассандры
Пустое место будет, понимаешь?

К а с с а н д р а

Советовать такое — стыд, позор!
По-твоему, «достойный» это выход?

Г е л е н

Зато, сестра, полезный, безопасный.

К а с с а н д р а

Себя мечом убить бы я хотела!

Г е л е н

И тем бы раздражила Ономая
И заодно нарушила бы слово.
Вот это бесполезно и нечестно.

(Смотрит с улыбкой на нее.)

Мы разные, но равные по силе,
Хотя бы в мыслях, если не в делах.

П о л и к с е н а

(входит)

Царь Ономай убит, и все лидийцы
Пустились наутек. Ой, горе, горе!

Г е л е н

Ты победила, радуйся, сестра!

К а с с а н д р а

(вещим голосом)

Не я, а Мойра. Я ее орудье.
Фригийский разум тонок, изощрен —
Его согнула Мойра и сломила
Своей тяжелой твердою десницей.
Она кует оружие из народов,
А ты и я — мы гвозди в том оружье.
Себя переоценивать не будем.

А н д р о м а х а

(вбегает и иступленно бросается к Кассандре)

Ты — злая гибель, всех нас погубила!

К а с с а н д р а

(спокойно показывает на Гелена)

Спроси его, зачем он не спасал?

Как предсказатели, равны мы оба.

(Вынимает из-за пояса пряслице и садится пряхь.)

7

Большая площадь, с храмом посередине, на небольшом возвышении. Справа, в глубине, двор царя Приама, ближе к сцене — разные другие здания города Илиона. Налево, ближе к сцене, — Скайские ворота. Ясное утро, площадь залита солнцем. Большая толпа троянцев то входит, то выходит в ворота, собирается перед храмом, шумит то громче, то тише, порой совсем затихает и ждет чего-то, насторожившись.

С царского двора выходит Гелен в праздничной белой одежде, в серебряной короне, с белым посеребренным посохом в руке, идет торжественной, величественной походкой.

Г о л о с а в н а р о д е

Гелен идет! Дорогу прозорливцу!

Г е л е н

(всходит на возвышение в галерее храма и дает знак посохом, стукнув им трижды о мраморный помост, начинает речь величаво-веющим голосом)

Отцы и братья! И родная Троя!
Воззрили боги мудрые Олимпа
На наши слезы и на гекатомбы,
И враг был без оружия побежден.
Зевс эллинам вложил в сердца решимость
Покинуть нашу Троию добровольно.
Вы видите — исчез ахейский лагерь,
Один лишь конь на том остался месте, —
Богам троянским дали в дар ахейцы
Того коня. Не пышный, деревянный,
И не богатый был подарок этот.
Но он дороже серебра и злата,
И мрамора, и камня дорогого.
Подарок мирный лучше, чем добыча,
Что на войне взята ценою крови.
Ахейцы нас покинули по воле

Своей и всех богов, в знак уваженья
Оставив свой подарок. Честь ахейцам!

Люди

Ахейцам чести!

Голос Кассандры

(из храма)

За кровь, за смерть, за слезы!

Деифоб

(оборачиваясь к дверям храма)

Молчи, Кассандра!

Гелен

(к троянцам)

Вам, мужам троянским,

Советую я дар доставить в храм

И поместить с Палладионом рядом.

Кассандра

(появляется в дверях с черным посохом и простирает его, словно загораживая вход)

Я не пускаю в храм.

Гелен

(отстраняет ее своим посохом)

Пусти, Кассандра!

Кассандра

(снова загораживает)

Мне власть дана не допускать к святыне.

Мужчины да не смеют приближаться

К подножию Паллады. Я — охрана

Палладиона. Прочь, Гелен, отсюда.

Смотри за голубями!

(Смотрит ему в глаза, он опускает посох.)

Страшный дар!

Проклятый дар!

Народ ропщет, видимо изумленный.

Г о л о с и з т о л п ы
Гоните прочь ее,
Зловестницу!

В т о р о й г о л о с
Молчи! Она царица!

П е р в ы й г о л о с
Так что ж? Все прорицания Кассандры
В печенки вьелись нам. Довольно, хватит
Терпеть!

Т р е т ь и й г о л о с
Убить ее!

Какой-то юноша замахивается копьем.

Г е л е н
(сдерживает знаком руки)
Не троньте, люди!
Не проливайте крови — там святыня!

Д е и ф о б
Но как же, брат, нам поступить с подарком?

Г е л е н
Мы для подарка новый храм построим
И «храмом мира» назовем. Пока же
Пускай он во дворе побудет царском.

(К Деифобу.)
Приставь к нему почетную охрану.

К а с с а н д р а
Слепой побитых сторожами ставит!

Д е и ф о б
Кассандра!

Г е л е н
Брат, и вы, троянцы, лучше
На царский двор коня переведите.

Деифоб дает знак трогаться и сам идет к Скайским воротам.

Голоса из народа

Гелен нам приказал, идемте, братья!
Гелена боги пусть благословят!
Он — око наше ясное! Наш разум!

Кассандра

Одно лишь око, да и то с бельмом!

Весь народ идет за Скайские ворота.

Гелен

Кассандра, слушай, для чего меня
Испытываешь колкостями теми?

Кассандра

Испытываю, станешь ли ты зрячим.

Гелен

Но это же безумно! Дело ясно:
Ахейский лагерь опустел; на море
Нет ни челна, ни пятнышка не видно.
Разведчиков далеко рассылали
Мы с Деифобом, юношей быстрейших —
И конников и пеших. И не видно,
Чтоб где была охрана, или стража,
Иль что другое.

Кассандра

Не приносит враг
Дары напрасно.

Гелен

Но подарок этот —
Знак мира. Или ты не понимаешь?

Кассандра

Конечно, нет. Когда бы среди моря
Пылающий огнем горящий уголь
Плыл по волнам — то был бы это знак
Воде от пламени на мир? Но кто бы
Всё это понял?

Гелен

Люди — не стихии,
Людской беде и гневу есть предел.
Ведь за войну уж подросло немало
Ахейнок, и, может, Менелай
Найдет жену моложе, чем Елена.

Кассандра

Вчера Елену на воротах Скайских
Он видел утром.

Гелен

Что ж?

Кассандра

Иди скорее
В ее покои, там о том подумай,
Что ты сказал.

Гелен

(задумывается)

Тем временем в Скайских воротах показывается толпа вооруженных троянцев. Гелен показывает на них Кассандре.

Ты видишь копья те
И те мечи? Твоя предосторожность
Здесь не нужна. Вон часовой трубач.
Труба имеет голос. Троя — ухо.

Кассандра

Немой глухого будет караулить!

Гелен

Кассандра, хватит! Глух я для тебя,
А для меня твои слова — немые.
Мы до конца договорились — хватит.

Деифоб

(с отрядом вооруженных людей ведет связанного эллина к Кассандре и Гелену)

Сюда его, сюда! Пускай рассудят
Всё это дело наши прозорливцы
И скажут нам, что с этим чужеземцем
Должны мы сделать. Брат и ты, Кассандра,

Решите это. Мы его застали
У деревянного коня на поле.
Блуждал он как безумный, слезы лил,
Ломая руки, и слова бессвязно
Выкрикивал. Вот взяли мы его.
Мы без труда в нем эллина узнали.
Теперь у нас возникло разногласье:
Одни за то, чтоб отпустить его, —
Он здесь покинутый и сумасшедший,
И нам он зла не причинит, наверно.
Другие говорят: разведчик это.
Убить его, чтоб не было беды.

Пока Деифоб говорит, подходят люди, мужчины и женщины, кто с поля, от Скайских ворот, кто со стороны города, и собираются толпой.

Голоса из толпы
Убить! Убиты!

Один голос
За что же?

Второй голос
Так, из мести.

Третий голос
Из осторожности.

Четвертый голос
Накажет Зевс
За кровь невинную.

Деифоб
(громким голосом)

Молчите, люди!
Не вам судить его. Гелен, скажи нам,
Убить его иль отпустить на волю?

Гелен
Ни то, ни это. Убивать безвинных —
Не к чести нашей и небезопасно.
Ведь если вдруг дознаются ахейцы,
Что эллина убили без вины,
Опять они начнут, пожалуй, смуту

На долгие года. Но есть опасность
И отпустить такого чужеземца.
Пускай себе живет, но лишь в оковах,
Под строгую охраню.

С и н о н
(пленный эллин)

О царь
Иль вещей прозорливец! Я не знаю,
Как должен называть я господина...
Но вижу на лице твоём я разум
Божественный. Пойми же, о премудрый,
Ты душу эллина. Я из Эллады.
Ее зовут же вечной колыбелью
Святой свободы. Кровный сын Эллады
Дышать не может без родной стихии,
А если б мог — не хочет.

К а с с а н д р а
Этим словом
Ты смерть достойно в Трое заслужил.

Г е л е н
Зачем же смерть? Пусти его на волю,
Когда ни в чем он не виновен.

К а с с а н д р а
Брат мой!
Что есть вина? Виновна ли гиена,
Что смертью, трупами должна питаться?

Д е и ф о б
Ты разве знаешь мысли чужеземца,
Что ты его с гиеною равняешь?
А если знаешь, то скажи нам ясно,
Что он задумал на погибель нашу?

К а с с а н д р а
Не знаю ничего я, только вижу
Гиены лживый взгляд и только слышу
Пронзительный и хищный голос...

(Исступленно.) Ой!

Гиены бродят по руинам Трои.
И лижут кровь горячую, живую,
И теплые обнюхивают трупы,
И радостно скулят. . .

(Стонет, закрывая лицо руками.)

Люди стоят в тяжелом молчании, потом начинают перешептываться. Синон тревожно оглядывается по сторонам.

Д е и ф о б

(берет Кассандру за руку и трясет. Тихо)

Сестра, опомнись!

Довольно этих темных, страшных слов,
Что придавили всех, как дымной тучей.

(Громко.)

А если ты гиену в чужеземце
Увидела, убей, мы разрешаем.

Г е л е н

(подает ей жертвенный меч)

Вот меч тебе!

К а с с а н д р а

(смущенно)

Нет, брат, я не умею

Мечом владеть.

Г е л е н

Уметь должна бы жрица

Любую жертву заколоть, коль надо,
Своей рукою.

К а с с а н д р а

Разве это жертва?

Г е л е н

Да, жертва прозорливости твоей.

К а с с а н д р а

А что же сам ты жертву не заколешь?

Г е л е н

Слепой вслепую кровь не проливает,
Пускай твое всевидящее око

Рукою правит верною, а сердце
Пускай руке прикажет и глазам.

Д е и ф о б

Пусть будет так. Пускай хоть раз Кассандра
Почувствует доверие людское.
Коль неповинен эллин, пусть за кровь
Покается Кассандра перед Зевсом,
Суду людскому предстоит молчать,
Ручается за это сын Приама.

Гелен вкладывает меч в руку Кассандры. Кассандра молча берет меч. По знаку Деифоба Синона подводят ближе.

С и н о н

*(протягивает Кассандре связанные руки и падает
на колени)*

Пророчица! О, как же, недостойный,
Я умолю пречистую тебя?
Тебе всё мелкое, людское чуждо,
Ты, богоравная, глядишь, как Мойра,
На боли сердца слабого, людского...
И, может быть, семьи родимой горе
Тебе, как и богам, святое дело.
А я, несчастный, без семьи на свете,
Я — без отца и матери, я — сирий.
Ведь ты, всевидящая, знаешь это...
Есть только дома у меня невеста,
Которой дорог я. О да, я знаю,
Что для тебя слова мои — пустое...
Ты если б знала... если бы ты знала,
Как рвется сердце от разлуки тяжкой
И как душа страдает от тревоги!..

Среди троянок движение, вздохи, некоторые вытирают слезы.

К а с с а н д р а

(хочет преодолеть собственное волнение)

Встань, говори со мной спокойно, эллин.

С и н о н

(встает)

Прости меня, уста мои спокойно
Никак не могут говорить об этом... .

Прости, они дрожат. . .

(Закрывает лицо плащом и умолкает, потом открывается и продолжает дальше.)

Зачем, несчастный,
Моей я не послушал Левкотеи?
Она меня вот так же умоляла,
Как вот тебя сейчас я умоляю.
«Не убивай меня! — она взывала. —
Над молодостью ты моею сжался!»
Но, как скала, стоял я и на черный
Смотрел корабль, на волны за кормою.
И к морю обратилась Левкотея:
«Ой, море, море! Ты моя разлука!»
И много раз несчастная, рыдая,
В слезах слова разлуки повторяла. . .
Я слышал их, пока не зашумела
Вокруг вода, темнея и чернея. . .

*(Берется за голову и тихим, словно далеким голосом
стонет, говоря.)*

«Ой, море, море, ты моя разлука! . . »

К а с с а н д р а
(озабоченно)

Оставлен ты нарочно?

С и н о н
(покорно)

Да, царевна.

К а с с а н д р а

Зачем же?

С и н о н

Ох, царевна, я не знаю!
Я сонным был оставлен, а проснулся,
Смотрю — как перст один я среди поля.
Видать, давно был в гневе на меня
Могучий Диомед, что я публично
Безжалостным назвал его Хароном,

В то время, когда он и с ним другие
Троянского разведчика убили.

К а с с а н д р а
(напряженно)

Когда?

С и н о н

Давно, царевна, это было,
Еще был жив Пелид, но только в гневе
Жесток был Диомед — он рассердился,
Что я посмел за пленника вступиться,
Которого он сам хотел убить.
А мне тогда так было жаль троянца.
Такой он молодой был и красивый,
Так жалобно просил о милосердьи...
О, горе! Так и я теперь взываю,
Да за меня здесь некому вступиться...
Хотя б единым словом... Все молчат...
Смерть неизбежна... Для чего же медлить
Последние минуты под мечом?!

(Падает на колени и наклоняет голову.)

Рази мечом своим неумолимым!

К а с с а н д р а

Гелен, я сомневаюсь — может, правда
Невинен чужеземец? Что ты скажешь?

Г е л е н

Без птиц, сестра, сказать я не могу.

Д е и ф о б

Мне колебание такое странно.
Ты войско целое людей невинных
Единым словом отослать на гибель
Могла когда-то, их не пожалев.
Так что ж тебе какой-то чужеземец?
Ужель он милости твоей достоин
Лишь тем, что заступился за троянца
За одного? Лидийское же войско
Хотело целую спасти нам Трою,
А милости твоей не получило.

Кассандра

(в отчаянном порыве вздымает меч над Синоном, но рука ее задрожала, и она медленно опускает меч, не коснувшись Синона)

Ты отнял у меня воспоминаньем
Остаток сил... Кровь, пролитая зря,
К богам взывает — наказать Кассандру.
Багряной тучей застилает очи
И разум мой... ох, непроглядной тучей!

Меч выпадает из ее рук.

Рука бессильна... Сердце замирает...
Тьма... тьма...

(Шатается и падает на руки Гелену.)

Гелен

Царевне дурно! Помогите,
Троянки, сестры!

Троянки несут Кассандру в глубину храма.

(Синону)

Эллин, ты свободен!
Твоей кончины боги не желают.

8

Та же самая площадь. Вечереет. Ночь надвигается быстро, темная, безлунная, только звезды сияют ярко, как это бывает в холодные ветреные ночи. На площади поставлена стража: один часовой у царских ворот, другой у Скайских, третий около храма, четвертый ходит вокруг, охраняет троянские дома. Все вооружены, как перед боем. Стража некоторое время безмолвствует. С царского двора слышны звуки музыки и веселого праздничного шума.

Первый часовой

(от царских ворот)

Ну праздник, братцы!

Второй часовой

(от Скайских ворот)

Вот так это праздник!

Кто пьет, гуляет, ну а стража стой
И сторожи — кого, зачем — не знает.

Третий часовой
(от храма)

Не стало Гектора — ума не стало.
Тот наше время зря не изводил,
Не издевался над подвластным людом —
Сам был герой и цену знал другим, —
А эти...

Четвертый часовой
(тот, который ходит вокруг, приближается к третьему и
говорит шепотом)

Ты бы, брат, поостерегся.
Ведь там Кассандра, их сестра.

Третий часовой

Ну что ж!
Она с родными — как огонь с водою.
Вот как живут.

Четвертый часовой
Но всё ж они родные!

Третий часовой
Пускай бы Гадес их гуртом забрал!
Они же все доверились троянцам,
А пуще всех вот эта злая птица —
(кивает на храм)

И в ней всё зло!

Четвертый часовой
Цыц... Вон Парис идет!

От царского двора приближаются Парис и Синон. Парис
в праздничной яркой вышитой одежде, без оружия, на голове во-
круг красного фригийского колпачка веночек из роз, из-под него спа-
дают на плечи длинные кудри.

Парис

Что? Охраняете? Брат Деифоб
Меня прислал взглянуть. Ну как, прилежно
Вы охраняете?

Первый часовой
(уныло)

Да охраняем.

П а р и с

Что ж вы не веселы?

Первый часовой

Веселья мало

Всю ночь стоять тут без питья и пищи
В день праздника.

П а р и с

Да, правда. Подожди,
Придумать что-то надо.

К а с с а н д р а

(из храма)

Не дремлите!

П а р и с

(вздвигнув)

Кто это там?

Первый часовой

Сестра твоя, Кассандра.

Она там стережет Палладнон.

П а р и с

Ах, вот в чем дело!

(Вздвигивает опять и беспокойно оглядывается.)

Ночь-то холодна!

Четвертый часовой

С гор ветер, без огня придется трудно.

П а р и с

А вы идите принесите дров.

Костер зажгите.

Ближние часовые идут.

Синон

Холодно, конечно.

Парис закутывается плотнее в плащ.

Твоя золотокудрая подруга
Теперь огонь, наверно, разжигает,
В него насыпав разных благовоний.
Дым от курения, как будто греза,
Над снежно-белым лбом, ласкаясь, вьется.

Парис молчит, размечтавшись смотрит на царский двор.

А очи светозарные, наверно,
Слезой подернулись. Она одна
Сидит, прядет и думает всё думу,
А ты пируешь иль стоишь на страже.

Парис

(тихо, как будто про себя, не глядя на Синона)

Какой в том смысл? Не лучше ли уйти мне?
Ну, что случится тут?

(Собирается уходить.)

Кассандра

(появляется в дверях)

Парис, останься!

Куда идешь ты?

Парис

(смущенно)

Я? Я — за плащом...

Ночь холодна...

Кассандра

Ночь холодна? Напрасно

Ты так уж, брат мой, холода боишься,
Не в том твоя погибель.

Парис

О Кассандра,

Когда же ты оставишь эти речи
О горе, о погибели напрасной?
Всё кончилось уже — война и горе, —
Пора и отдохнуть.

К а с с а н д р а

Как это быстро
Забыл ты горе! . . Подойди поближе
И посмотри туда.

Парис делает знак Синону, чтобы тот уходил, и подходит к Кассандре; она показывает ему рукою долину, освещенную луной. Синон уходит.

К а с с а н д р а

Что там на поле?

П а р и с

Там? Там могила. . .

К а с с а н д р а

Позабыл ты — чья?

Парис молчит и опускает глаза.

К а с с а н д р а

В ней Гектор наш, в ней нашей Трои слава.

П а р и с

Уж он давно погиб. . .

К а с с а н д р а

А ты остался!
Так, значит, радуйтесь и веселитесь,
Троянцы?

П а р и с

Никогда еще, сестрица,
Меня ты словом так не убивала.

К а с с а н д р а

Я никогда не видела еще
Тебя таким, мой брат. Вот эти розы
Колючками в мое вонзились сердце,
Кровь каплет из него.

П а р и с

Кассандра!

К а с с а н д р а

Хватит!

Иди, иди к ней, торопись, постылый,
К прекрасной и чарующей Медузе,
Окаменей, пред нею на колени
Упав, — вот так и слава наша пала.

П а р и с

Но разве пала? Победили мы!

К а с с а н д р а

Победой это ты зовешь? Вся слава,
Вся наша честь потеряна давно.
Украденная есть у нас Елена
Да деревянный конь. И в самом деле —
Победа славная!

П а р и с

Сестра, послушай,
Коль для того меня ты задержала,
Чтоб я выслушивал слова такие,
Я не согласен.

(Поворачивается, чтобы идти.)

К а с с а н д р а

Ну так уходи!

И пусть не говорят, что понапрасну
Потеряна и честь и слава Трои.
Пускай Парис упьется той любовью,
Из-за которой ходим мы в печали,
Пускай тем счастьем сердце утешает,
Которое мы оплатили горем
Извечным! Цель была в том не плохая
Войны погибельной. Так заверши
Великую победу у Елены
В ее дворце роскошном.

Парис собрался было уйти, но при первых словах Кассандры оставился и стоит в нерешительности.

К а с с а н д р а

Где твой меч?

П а р и с

А меч зачем?

К а с с а н д р а

Вооружен ты славно —

И колпачком, и вышитым хитоном,

И розами, и черными глазами!

Достаточно их для твоей победы?

П а р и с

(вспыхнув)

А для твоей недостает чего же?

Спросил бы я: Кассандра, где твой меч?

В твоих руках он был уже сегодня.

Что ж не принес тебе он чести, славы?

Молчишь, пророчица? .. Иль онемела?

К а с с а н д р а

(словно пришибленная)

Прости, мой брат... И правда... Что ж... Иди...

П а р и с

(с детской радостью, забыв гнев)

Да, я пойду... Я ненадолго, правда...

Нет, ты не думай.

(Уже на ходу.)

Я ведь за плащом,

Уж очень холодно... Вернусь я скоро...

Быстрой походкой уходит и скоро исчезает в воротах царского двора. Кассандра идет в храм и задергивает за собой завесу на дверях храма. Слышен голос флейты, бречание кифары и песни. Вскоре появляется Синон с флейтистом и кифаристом, которые несут вдвоем большую амфору вина. Синон с корзиной овощей и с фиалом около пояса, весь в цветах, на руках у него много венков. С другой стороны идут с дровами и кусками мяса часовые, разводят перед храмом огонь, жарят мясо. Музыканты ставят амфору на песок и начинают играть.

С и н о н

(поет, флейтист и кифарист аккомпанируют)

На полях Асфоделонских,

По долине Елисейской

Ходят, славою повиты,

Тени доблестных героев, —
Почему ж они грустны?

Хор часовых

На полях Асфоделонских
И в долине Елисейской
Не цветут цветы.

Во время пения третий часовой отвязывает от пояса Синона фиал
и начинает пить и угощать других.

Синон

(поет)

И над Стиксом мутноволным,
И над Летою тяжелой
Ходят, лаврами повиты,
Тени наших незабвенных, —
Почему ж они грустны?

Хор

Только в Стиксе мутноводном,
Только в Лете невеселой
Не вино — вода.

Синон

(поет)

Там, у Гадеса в палатах,
Перед тронном Персефоны,
В незакатной славе встали
Тени воинов-героев, —
Почему ж они грустны?

Хор

Ведь у Гадеса в палатах,
Перед тронном Персефоны,
Песни не звучат.

Первый часовой

(поет грубым голосом и не в лад)

Вдоль по берегу Коцита
Ходят грустные герои,
Вьются жертвенные дымы,
Льется кровь от гекатомб.

И о чем они горюют?

(Кричит.)

Припев давай!

Кифарист

Отстань, я не желаю!

Первый часовой

(поет дальше один)

Нет ни сала, нет ни мяса,
Нет ноги воловьей жирной, —
Только дым да кровь.

Пятый часовой

Что-то не в лад.

Первый часовой

Пустое, лишь бы кстати.

Синон

Садитесь, братья, к огоньку поближе.
Хвала богам, что есть на этом свете
Вина, и песен, и цветов немало.

Первый часовой

Да и мясца!

(Хлопчет около стряпни.)

Синон

*(раздает всем венки и первому, который стряпает,
сам надевает венок на голову)*

Налейте же и мне.

(Ему наливают, он пьет. Второму часовому)

А что же ты не пьешь? Не вкусно разве?

Второй часовой

(нерешительно)

Да нет воды...

Третий часовой

А для чего вода?

Сегодня чистое мы пьем! Гуляем!

Второй часовой
Да чистое-то в голову вступает...

Третий часовой
Еще чего! Ну, так не пей совсем!
Ты охраняй, как велено, ворота.

Второй часовой
Какой ты умный!

Третий часовой
Ты молчи да пей,
Когда дадут.

Второй часовой пьет, фиал вновь наполняют, и он переходит из
рук в руки.

Третий часовой
Ну что ж один фиал?
Ведь так и очереди не дождешься.

Четвертый часовой
(смеется)
Пойди да у Кассандры попроси
Хоть жертвенные чаши, там вон, в храме.

Голос Кассандры
(из храма)

Знай службу, стража!

Первый часовой
Слышь, Кассандры голос!
Царевна, дай жаркое нам поджарить,
Мы угостим тебя.

Все смеются.

Третий часовой
Ишь, догадался!
(Снимает с головы шлем, наливает вина и пьет.)

Чем не фиал?
По его примеру другие делают то же самое.

Первый часовой

Что и сказать, смысленый!
Вот и жаркое. Ешьте, братья, ешьте!

(Снимает один кусок с копья и делит мечом каждому по кусочку.)

Второй часовой

(ест)

Что ж, хоть и сыро, — было бы горячим.

Синон

Вот перцем, на, немножечко приправь.

Второй часовой

Нет, обожжет.

Третий часовой

А ты вином пригасишь, —
Амфора велика!

Четвертый часовой

А если выпьем,
Еще достанем.

Едят мясо, режут мечами, едят плоды и пьют шлемами вино; чем дальше, тем больше они пьянеют. Музыканты в это время играют.

Второй часовой

Вы еще бы спели.

Третий часовой

А ты?

Второй часовой

Да нет, один я не умею.

Синон играет на флейте, потом передает ее флейтисту, тот продолжает игру, кифарист подхватывает, остальные начинают петь.

Над речкою сад-виноград поднялся.

Ой, сад-виноград мой!

Когда пойдет к той речке Левкотея,

Обвей ее, дружок ты мой кудрявый. . .

Первый часовой
Такой не надо!

Кифарист
А какую хочешь?

Первый часовой
(поет без музыки нескладным речитативом)

Женку храни не храни,
Не сбережешь — труд напрасный,
Будь ты хоть бог олимпийский,
Как кривоногий Гефест!

*(Качнувшись, спотыкается и падает. Мурлычет, вспоминая: «Как кривоногий Гефест... Кривоногий Гефест...»
Потом замолкает и засыпает.)*

Второй часовой
Вот это песенка!

Третий часовой
Спокойной ночи!

Пьют дальше. Флейтист и кифарист играют без песен. Все, кроме музыкантов, пьяны, ложатся около огня и засыпают. Синон тоже ложится, притворяется, будто спит.

Флейтист
(перестает играть)
Вот и уснули. Ну, а нам что делать?

Кифарист
И нам заснуть.

Флейтист
Нет, пировать пойдем.

Допивают вместе остаток вина и идут к царскому двору. На сцене некоторое время тихо, все спят, только издалека слышны звуки музыки, песен и веселый шум.

Голос Кассандры
(из храма)

Эй, слушай, стража!

Полная тишина. Звуки затихают. Синон приподнимается и настороженно оглядывается вокруг.

Г о л о с К а с с а н д р ы

Сторожи, не спи!

Синон срывается, бежит к царскому двору и исчезает в воротах.

К а с с а н д р а
(в дверях храма)

Не спите, стражи!

(Замечает спящих часовых)

Заклинаю встать!

Кассандра подходит к часовым и пробует их разбудить. Кое-кто шевелится, бормочет что-то бессвязное, но ни у кого нет сил проснуться.

К а с с а н д р а
(приближается к царскому двору, кричит)

Эй, кто живой? Эй, кто живой? Троянцы!

Навстречу ей из царских ворот выходит Синон, а за ним вооруженные эллины: Менелай, Агамемнон, Одиссей, Аякс, Диомед. Они скрещивают копья и загораживают Кассандре дорогу.

А я к с

Стой, девушка! Ты кто?

О д и с с е й

Это сама

Безумная Кассандра, иль не знаешь?

К а с с а н д р а
(хочет пробиться сквозь преграду)

Троянцы! Эй, измена! Эй, троянцы!

А г а м е м н о н

Ее схватите, рот ей завяжите!

Кассандра быстро оборачивается и убегает в храм; там она припадает к Палладиону, крепко обнимая статую.

К а с с а н д р а
Не троньте! Здесь я под святой защитой!

Аякс

Еще что!

Диомед

Знай, ты пленница отныне!

Диомед хватает Кассандру за ту руку, в которой посох, Аякс схватывает ее за волосы. Свободной рукой она пытается удержаться за пьедестал Палладиона, статуя шатается и вместе с пьедесталом падает. Воины вытаскивают Кассандру из храма, не отбирая посоха, связывают ей руки ремнями от мечей, а потом привязывают к колонне в портике храма над лестницей. В это время Синон, Менелай, Агамемнон и Одиссей открывают Скайские ворота, а Диомед возвращается в храм и приближается к Палладиону.

Диомед

(кричит)

Наш, наш Палладион! Сюда, герои!

В открытые ворота рядами движется ахейское войско.

Кассандра

(кричит, собрав всю силу)

Проснись же, Троя! Смерть к тебе приходит!

В царском дворце и в домах вспыхивают тревожные огни. Эллинское войско быстро заполняет всю площадь и растекается в разные стороны по улицам Трои. Вскоре поднимается в городе страшный вопль, перебегают через площадь троянцы, безоружные, в праздничной одежде; за ними вдогонку вооруженные эллины, одних хватают, других убивают. Через некоторое время начинается пожар. Чем дальше, тем меньше беглецов и догоняющих, но чаще появляются победители-эллины, которые гонят копьями впереди себя, как стадо, толпы взятых в плен связанных троянцев и троянок, одних вводят в храм, других выводят за Скайские ворота, некоторых заставляют сесть на землю на площади, тогда они падают ниц и голосят. Пленниц из Приамовой семьи выводят и сажают в портике храма около Кассандры. Когда суeta понемногу утихает, рядом с Кассандрой оказывается Андромаха, Поликсена и несколько других женщин.

Андромаха

(рыдает)

Дитя мое, единственный сынок мой!

Зачем тебя я родила на гибель!..

Тебя убили!.. Бросили на камень!..

Поликсена

Ой, горе, горе! Мать моя! Отец мой!

Наложницею станет ваша дочка!

Другие женщины из царской семьи
Теперь нам быть рабынями навеки!..
Рабынями... Далёко на чужбине...

А н д р о м а х а
(Кассандре)

Что ж ты молчишь? Что смерть не предвещаешь?
Теперь нам смерть была бы утешеньем!

К а с с а н д р а
(со страшным спокойствием, каким-то мертвым
голосом)

Другим утешиться иные могут.

А н д р о м а х а
Тебе — проклятье!

К а с с а н д р а
(как и раньше)

Знаю, мне — проклятье!
Страшнейшее увидела я нынче:
Троянки и в неволе, и живые,
Обходят кросна, разделяют ложе,
На радость элинам детей рожают...
Проклятие глазам, что видят это!

А н д р о м а х а
Устам проклятье за слова такие!

К а с с а н д р а
Проклятье мне, молчать я не умею!
Ведут в храм связанных троянцев из царской семьи, среди них
Г е л е н.

Г е л е н
(проходя мимо Кассандры)

Ты победила, радуйся, сестра!

К а с с а н д р а
Ты победил, сказав мне это слово.
Мой разум сломлен, твой же в мир пойдет.
С ним победить ты сможешь победивших,
А мой с пожаром вместе и угаснет...

Е л е н а

(бежит через площадь, за нею Менелай с мечом)

Спасите, братья эллины! Спасите!
За что же наказать меня он хочет?
Взята я в Трою силой вероломной,
Я пленницей несчастною жила,
Об отчем крае слезы проливала.

Ахейцы нерешительно расступаются перед нею, но не отталкивают, когда она хватается за кого-либо из них, стремясь спрятаться под их защиту.

М е н е л а й

На этом вот мече — Париса кровь,
Что крови твоей жаждет!

К а с с а н д р а

О Парис!

П о л и к с е н а

О братец мой!

А н д р о м а х а

Несчастный!

Е л е н а

(окруженная молодыми воинами, вдруг гордо)

Господин мой,

Ты правда хочешь наказать меня?
Или затем ты пролил море крови
За честь мою и за свою, чтоб ныне
Пятнать ее, позорить самому?
Так вот какой ты почести дождалась,
Царица Спарты? Кто ж теперь поверит
Невинности спартанок, если царь
Изменницей назвал свою царицу?

(К воинам)

И вы, спартанцы, тоже с ним согласны?

В о и н ы - с п а р т а н ц ы

(окружающие Елену)

Она и богоравна и невинна!
Ты, царь, жену свою хулишь напрасно!

Менелай
(Елене нежно)

Прости меня, я вспыльчивый, ты знаешь.

Елена
(улыбается и протягивает руку)

Я вижу, царь мой, ты не изменился.

Менелай протягивает свою руку Елене. Елена берет его за руку и ведет между рядами ахейцев за Скайские ворота, в поле; все раступаются перед нею с ропотом удивления.

Андромаха
Она опять царица, мы — рабыни!
Где ж, боги, правда ваша?

Кассандра
Ха-ха-ха!

Одна из троянок
(другой)

Кассандра засмеялась... Ой, как страшно!
Я не слыхала, чтоб она смеялась.

Кассандра
(растерянно смотрит, как языки пламени играют по царским строениям)

Сюда скорее тех цветов огнистых!
Гранаты зацвели! Вот свадьбы час!

За сценой слышен голос старой женщины, она страшно рыдает, словно воет.

Поликсена
(с ужасом прислушивается)
То наша мать!

Кассандра
То свадебная песня!
Мать наряжает дочерей к венчанью!
Кассандра всё неправду говорила.
И нет руин! Есть жизнь!.. Есть только жизнь!..

Голос старой женщины звучит всё громче. Внезапно его покрывает грохот падающего здания. Заревو пожара заливают сцену.

Занавес

ЭПИЛОГ

Действие происходит в Элладе спустя долгое время после разрушения Трои. Дом аргосского царя Агамемнона в Микенах, пышно украшенный снаружи, дорожка от дверей до ворот выстлана пурпурной тканью. На небе грозовая туча. Порой сверкает молния, но дождя нет. Царица Клитемнестра с царским наместником Эгистом наблюдают, как рабы и рабыни кончают украшать дом.

Клитемнестра
(Эгисту)

Нигде вовек царь ни один не знал
Подобной встречи.

Эгист

Правда, Клитемнестра.

(Внимательно глядя ей в глаза.)

А пурпура тебе не жаль?

Клитемнестра

О нет!

Мне никого и ничего не жалко!

Эгист

А почему ты вздрогнула?

Клитемнестра

Ты видишь,

Как молния слепит.

Вестник

(вбегает, задохнувшись)

Царь едет! Царь!

Клитемнестра
(рабам)

Открыть ворота настезь! Эй, рабыни,
Вы под ноги цветы бросать готовьтесь.

Громко стучит колесница. Рабы открывают настезь ворота. В них появляется Агамемнон, ведя за руку Кассандру. Рабыни бросают им под ноги цветы. Клитемнестра и Эгист встречают Агамемнона еще в воротах.

Клитемнестра

Мой царь, мой муж любимый! Я не верю
Такому счастью!

(Обнимает Агамемнона.)

Эгист

Брат мой, брат мой милый!

(Целует Агамемнона.)

Клитемнестра

(показывает на Кассандру)

А это кто с тобою?

Агамемнон

Дочь Приама,

Пророчица Кассандра.

Эгист

А Гелен?

Тот, что теперь из Трои возвратился
И в Дельфах волю божью возвещает, —
Он брат ее? ..

Кассандра

А! ..

Агамемнон

Правда. Я хотел бы,
Чтоб ей почтенье было в нашем доме,
Как жрице, как царевне подобает.
Для нас она не пленница.

Клитемнестра

Исполню

Твою я волю, царь, хоть и не знаю
Кассандры...

Кассандра

А тебя я знаю: ты же
Мать Ифигении.

Клитемнестра заслоняет лицо покрывалом.

Ага멤нон

(Кассандре)

Зачем, Кассандра,
Зачем ты ей напомнила об этом?

Кассандра

А как об этом сам ты мог забыть,
Когда ты дочь родную отдал в жертву
Разгневанной богине? Ты забыл,
Кто были Ифигении родные,
Ты помнил, что нужна богине жертва,
Чтобы скорей погибла наша Троя.

Ага멤нон

Я вижу, ты со мною всё враждуешь.

Кассандра

Царь, у тебя есть враг куда сильнее,
Так что тебе Кассандра?

Ага멤нон

Расскажи,

Где этот враг и что он мне готовит.
Я не страдаю недоверьем. Слушать
Слова твои я искренне намерен
И в сердце схоронить их. Говори!
Слова святые приговором станут
Для дома моего. Твои советы
Исполню я послушно!

Кассандра

Я? Тебе?

Давать совет? Да разве же мы в Трое?
Здесь разве дом Приама?

Ага멤нон

(с некоторой досадой)

Нет, конечно.

Ведь там бы так не верили тебе!

Кассандра

Мне и не надо верить.

Агамемнон
Я обидел

Тебя, царица?

Кассандра

Царь, ты вспомнил поздно,
Об этом мог спросить ты в Илионе.
А для таких бесед теперь нет места
На целом свете. Лучше замолчать нам.

Клитемнестра

Так эллинка вовек бы не посмела
Сказать царю!

Эгист

(вполголоса)

Троянская натура
Известна людям. Вот и Андромаха
Такое мужу задает порою,
Что странно, как он терпит.

Кассандра

Андромаха?

Она вовеки не была троянкой.
Женою Гектора она была.
Сегодня эллина она жена. Довольно.
Не эллинка она, и не троянка.

(Клитемнестре.)

Как ты сама. Ты не жена ведь, правда.

Клитемнестра

(Агамемнону)

Так это есть твое желанье, царь,
Чтоб так твоей женой пренебрегали?

Агамемнон

(взволнованный, печально)

Когда б одно бы лишь пренебреженьем!..
Здесь, может быть, иное...

(Клитемнестре.)

Клитемнестра!

Уж всё ль спокойно в нашем доме?

Клитемнестра

Всё.

А что могло случиться в нем плохого?

Кассандра

Мать Ифигении про то спросила.

Клитемнестра снова закрывается.

Эгист

Я пленницу давно б молчать заставил.

Кассандра

Так говорит лишь тот, кто был царем

И кто привычки этой не утратил,

Хотя для двух царей тесны Микены.

Агамемнон

Прошу пожаловать в мой дом, царевна.

(Клитемнестре.)

Жена, веди нас.

Кассандра

(хватает его за руку)

Стой! Ужель пора

Нам выходить на путь кровавый?

Агамемнон

(Клитемнестре и Эгисту)

Как же

Пророчество ее вы разьясните?

Эгист

Ей не осмелиться вступить на пурпур.

Известно, это не к лицу рабыне.

Клитемнестра

Она же сумасшедшая, не слушай.

Агамемнон

(тревожно, умоляя)

Царевна! Объясни, что ты пророчишь?

Наш дом уже судьбу свою отныне

Связал с твоей судьбою.

Кассандра

(с удивительным спокойствием)

Царь, я знаю...

Но ты не верь мне, ты царицу слушай,
Считайся с тем, что родич твой сказал,
Словам моим не придавай значенья.
Пророчицей была Кассандра раньше, —
Она сгорела на пожаре Трои,
И вещие слова ее истлели,
А ветер их унес далёко в море...
Лишь только искорка одна осталась
Здесь, в этом сердце, у простой рабыни,
И, вспыхнув на мгновение, погасла.

(Смотрит на свой посох.)

Как странно... И откуда этот посох?
И чей он? И откуда диадема?

(Снимает с головы диадему и бросает под ноги Клитемнестре, потом ломает посох и тоже бросает на землю.)

Теперь здесь ничего нет от Кассандры.
Царица, дай же мне теперь работу, —
Я всё умею, кроме прорицанья.

Агамемнон

(берет ее за руку и ведет в дом)

Царевна ты! Всегда ты ею будешь.

Клитемнестра

(Эгисту шепотом)

Нам нужно два меча. Точи острей.
Ты бей его, а я ее ударю.

Сильный ветер и проливной дождь. Клитемнестра и Эгист поспешно уходят в дом.

Занавес

5 мая 1907
Ялта

141. В ПУЩЕ

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ричард Айрон — скульптор.

Эдит — его старая мать.

Кристабел — его сестра, вдова.

Дэви — сын Кристабел, подросток.

Джонатан — скульптор, товарищ Ричарда.

Джошуэ Кембл — старый приятель семьи Айронов.

Джоанна (Дженни) — его дочь, молодая девушка.

Жена Риверса.

Годвинсон — учитель и проповедник.

Калед Педдингтон — старший по возрасту гражданин в колонии.

Иеремия Ортвин

Джон Милс

Метью Филдинг

Абрагам Смит

} наиболее уважаемые граждане
в колонии Массачусетса.

Магистр — учитель арифметики в Род-Айленде.

Брайд — органист и учитель пения там же.

Брукли — швея.

Чарли — ученик Ричарда.

Второй ученик.

Мак Гарди

Джонс

О'Патрик

} граждане в Род-Айленде.

Мессер Антонио — торговый посол из Венеции.

Индянка — дикарка, молодая девушка.

Граждане в Массачусетсе, школьники в Род-Айленде.

Действие происходит в XVII столетии в Северной Америке; *первые* два действия — в небольшой фермерской колонии в Массачусетсе, последнее — в Род-Айленде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дом, грубо сколоченный из бревен; большой камин, на нем бюст, статуэтки и несколько обломков античной скульптуры. Эдит и Кристиа бел моют стол и скамьи и тихо напевают мелодию гимна без слов. Со двора слышен стук топоров, свист пилы, возгласы работающих людей. Наконец раздается голос:

«Пора на отдых! На сегодня хватит!»

Ричард и Дэви входят в дом усталые. Ричард в фартуке с инструментами каменщика, у Дэви в руках ведро и кисть.

Р и ч а р д

Ну, печь готова, даже побелили.

(Снимает фартук и вешает вместе с инструментами на гвоздь.)

Конец!

(Садится на скамью перед камином.)

Как я устал! А ты, малыш?

Д э в и

Я? Так, не очень. Дядя, подожди,
Я принесу дровец, в огонь подбросим;
И славно будет! Напечем каштанов,
Есть у меня еще, — стрельба начнется!

(Выбегает.)

Р и ч а р д

(расправляет усталые руки)

Туман сегодня, холодно и сыро,
Как там у нас, над Темзою.

К р и с т а б е л

(вздыхает)

Ох, Темза!

Теперь ее не видеть нам вовеки...
За что господь нас покарал изгнанием?

Э д и т

Ты не ропщи на бога, дочка, — грех!
Ведь не в изгнание он нас отправил,
А в край обетованный. Так когда-то
Израиля он в Ханаан повел
Из рабства, из Египта. И тогда
Такие тоже были, что роптали
На трудный путь. Что им за это было?
Ты лучше вспомни и смирись душою...

Входит Дэви с хворостом и растапливает камин.

К р и с т а б е л

Я покоряюсь, мама. Только тяжело
Бывает мне порой, когда я вспомню,
Что где-то Джона моего могила.

Э д и т

«Оставьте мертвым мертвых погребенье».
За морем гроб, а здесь — твой сын живой,
Брат, мать, вся христианская община.

Кристабел, вздохнув, начинает прибирать комнату.

Сегодня нам почтенный Годвинсон
Публично разъяснение прочитает
О том, что значит «новый Ханаан».
Пойдешь, мой сын, слушаешь?

При этих словах Дэви тихо, но проворно укладывается на скамью
и укрывается плащом.

Р и ч а р д

Нет, мама.

Э д и т

А почему?

Р и ч а р д

Устал и... так сказать...

Мне кажется, что в этом разъясненье
Не много будет нового...

Э д и т

Ой, сын мой,
Дух суемудрия в тебя закрался.
Отец покойный совершил ошибку,
Тебя в далекий папский край отправив...
Лукавым Римом ты отравлен.

Р и ч а р д

Мама!

Лукавый Рим нисколько не виновен,
Что Годвинсон почтенный не оратор.

Э д и т

Для искренней души, простого сердца
Не красноречье нужно — только правда
Да слово божье.

Р и ч а р д

Я и сам читаю

Священное писание. Там есть
И красноречие.

Э д и т

Твои слова

Просты как будто, а звучат лукаво.

Р и ч а р д

Ну так забудь их, мама, успокойся.
Да разве же ты Ричарда не знаешь?
Немного он в отца пошел.

К р и с т а б е л

Отец —

Ты помнишь — был всегда шутлив и весел...

Э д и т

Но он ведь был всегда богобоязнен.

К р и с т а б е л

Я это и сказать хотела, мама.

Э д и т

Пойдем, пора, а то без нас начнут
Читать господне слово. Ведь уж скоро,
Как только отдохнем мы от работы,
Придется нам небесное оставить
И за земное взяться. Не упустим
Господня часа.

К р и с т а б е л

Да ведь я готова.

А Дэви где?

(Замечает его.)

Что это? Он заснул?

Вставай, мое дитя!

Р и ч а р д

Оставь в покое,
Сестрица, мальчика, — хоть он и мал,
А ведь работал он совсем как взрослый.

Э д и т

(пробует разбудить Дэви, но тот крепко спит)

Сном молодым заснул, и не разбудишь.
Бог с ним, пойдем, а то мы опоздаем.

Р и ч а р д

Нет, подождите. Белла, где мой воск?

К р и с т а б е л

(встревоженно)

Зачем тебе?

Р и ч а р д

Лепил бы на досуге.

Э д и т

Вот для забав находишь и досуг.

Р и ч а р д

Нет, для меня всё это не забава,
Ты знаешь, мама, спорить ни к чему.
Так где же воск? Ты, Белла, не видала?

К р и с т а б е л

Ты так давно не вспоминал о воске...

Р и ч а р д

Да всё минуты не было свободной.
Сам о себе я забывал не раз.
Работал днем, а ночью спал как мертвый,
Я стал волком, как вавилонский царь,
Не знаю только — за какой проступок,
И вот на время стал я человеком.
Так где ж мой воск?

К р и с т а б е л

Ох, братец мой, прости!
Они просили, мама приказала...

Р и ч а р д

Я ничего не понимаю, Белла.

Э д и т

Твой воск община для свечей взяла,
Чтобы при них читать господне слово.
Почтенный Годвинсон испортил зренья,
Читая при лучине.

Р и ч а р д

Мама, мама!

Э д и т

Послушай, сын!

Р и ч а р д

Я не могу и слушать!
Уйдите от меня, я сам не свой!
Уйдите с глаз!

Э д и т

Так матери сказал ты?

Р и ч а р д

Тебе сказал, другому б не сказал,
А просто...

Э д и т

Что? Ну, говори! Побил бы?

Р и ч а р д

Оставьте вы меня!

К р и с т а б е л

Оставь ты, мама,
Пускай он успокоится. Пойдем же.

Э д и т

(посмотрев на сына, идет к двери)

Так оскорбить родную мать! За что же?
За этот воск! Пусть бог тебя простит!

Эдит и Кристабел выходят.

Р и ч а р д

(один; некоторое время молчит)

Пусть бог простит — кого? Того, наверно,
Кто сам не знает, что творит. Да что там!
Прощать или карать — господне дело.

А людям это ни на что не нужно.

И если б отомстил я за неправду

Или простил, как наш закон велит,

Неправда от того б не изменилась,

Она бы угнетала, словно камень,

И — грешное иль праведное сердце —

Всё грызла бы. А мне сидеть отныне,

Смотреть на неприкаемые руки,

Лишенные любимейшей работы,

Единственной, что украшала жизнь, —

Всё это горше мне и тяжелее,

Чем муки совести...

Д э в и

*(как только женщины вышли, вскочил со скамьи;
подкрался к Ричарду, пытается обратить на себя
его внимание, но тот не слышит)*

Послушай, дядя,

Лепить ты можешь только ли из воска?

Р и ч а р д

А что тебе?

Д э в и

(садится на полу у его ног и внимательно смотрит в глаза)

Нет, дядюшка, скажи!

Р и ч а р д

Могу из глины, но ее ведь нет.

Д э в и

А как же нет! А печь-то мы лепили?

Р и ч а р д

Та глина не годится. Ты ведь знаешь,
Что печь — не статуя.

Д э в и

(обиженно)

Я знаю, дядя.

Да я хотел сказать. . . Нет, не скажу.
Опять рассердишься.

Р и ч а р д

Не на тебя же.

Не обращай вниманья.

Д э в и

Вот что, дядя, —

Я как-то пробовал лепить из хлеба. . .

Р и ч а р д

Ты пробовал лепить? Не пробуй, Дэви.

Д э в и

А почему? Ты думаешь, что плохо?

Мне кажется — не хуже, посмотри!

(Вынимает из кармана и показывает Ричарду фигурку из хлеба.)

Вот видишь — Годвинсон. Он длиннополый,
Круглоголовый, с книжкой в руках,

Широкий рот от уха и до уха,
А уши вон торчат. Такой он, правда?

Р и ч а р д

(начинает присматриваться, потом берет у Дэви фигурку)

Дай рассмотрю.

(Улыбается.)

А правда — Годвинсон!
Ты что — впервые вылепил фигурку?

Д э в и

Нет, я лепил, когда мы были в море,
Лепил всё время.

Р и ч а р д

Как же я не видел?

Д э в и

Я прятался от бабушки и мамы,
Они не любят этого.

Р и ч а р д

Зачем же
Ты от меня скрывался? Ишь какой ты!

Д э в и

Да как-то стыдно было показать,
Всё выходило плохо.

Р и ч а р д

(присматриваясь к фигурке)

Вот что, Дэви,
Нос у него длиннее должен быть...
А голова опущена...

Д э в и

И правда!
Так можно ведь поправить, хлеб-то свежий.

Р и ч а р д
...и набок склонена,
(*поправляет*)

вот так, а руки
На книжке сложены.

Д э в и
Нет, в книжку палец
Заложен, будто бы закладка в тексте.
(*Передразнивает гнусавым голосом.*)
«Раздел десятый, первый стих Осии...»
(*Смеется.*)

Вот если б я умел лепить, как ты!
Я вылепил бы всех: старуху Стокли,
Сову в больших очках, что в воскресенье
Не позволяет нам сражаться в бабки,
И Дика толстого, что гимн поет,
Как яблоко печеное наморщась.

Р и ч а р д
Зачем таких всё хочешь ты лепить?

Д э в и
Люблю смешное.

Р и ч а р д
Разве ты не любишь
Красивого?

Д э в и
Конечно, я люблю,
Да только это выдумать всё надо,
Куда уж мне...

(*Ласкается к Ричарду.*)
Дай посмотреть мне, дядя,
На то, что ты лепил на корабле.

Р и ч а р д
Что — интересно?

Дэви

Очень!

Ричард

Ну, достань

Вон там, в шкафу.

Дэви

(возле шкафа)

А можно мне достать,
Что из Италии привез ты?

Ричард

Нет.

Ты что там делаешь?

Дэви

Читаю надпись,
Да по-латыни трудно разобрать.

(Медленно читает.)

«Pereat mundus, fiat ars». Что значит?

Ричард

«Пусть мир погибнет, но живет искусство».

Дэви

Искусство?

Ричард

Ну конечно — и ваянье,
И музыка, и живопись...

Дэви

Понятно.

Кто ж так сказал?

Ричард

Да эта поговорка
В Венеции у скульпторов была,
В их круг и я был принят.

Дэви

Вот, наверно,
Там весело жилось!

Ричард

Да, да, мой мальчик..

Дэви

И как ты мог покинуть этот круг?

Ричард

А кто же мог бы от нужды избавить
И кто заботился бы в этом крае
О бабушке, о маме, о тебе?

Дэви

И сам себе я как-нибудь помог бы.

Ричард

Как твой отец?

Дэви

О, мой отец несчастный!
Скажи, за что они его убили?

Ричард

За книжку.

Дэви

Что в ней было?

Ричард

В ней писал он,
Что не к чему иконам поклоняться,
Что церковь англиканская греховна...

Дэви

Но это ж правда! Бабушка сказала,
Что так и по Священному писанию!

Ричард

Ты думаешь, за правду не карают?
Дэви с фигуркой в руках молча задумался.

Д ж е н н и

(молодая девушка в очень простой одежде; входит и останавливается на пороге)

Ах, извините! Вы одни?

Р и ч а р д

Прошу вас!

И мать и Белла скоро возвратятся.

Дженни стоит и мнет край фартучка, но не входит.

Д э в и

(смотрит на фигурку, которую держит в руках, потом на Дженни)

Смотрите-ка, мисс Дженни, ваш портрет!

Д ж е н н и

Где?

(Приближается.)

Д э в и

Вот.

Д ж е н н и

(делает вид, что не находит сходства)

Да разве это мой портрет?

Одета, как принцесса.

Р и ч а р д

Разве дело

В одежде? Ведь и вы могли б одеться Принцессою.

Д ж е н н и

Да что вы! Где же мне...

Я девушка простая...

Р и ч а р д

Но поверьте,

Никто не удивился бы, увидев
В такой одежде вас.

Д ж е н н и

Да что вы, мастер,
Вы говорить привыкли комплименты.

Р и ч а р д

Вам кажется, что я привык?

Д ж е н н и

А как же,
Ведь вы бывали в обществе блестящем
И даже при дворе у короля.

Р и ч а р д

У живописцев короля, скажите!

Д ж е н н и

Не всё ль равно! К вам приходили дамы,
Заказывали вам свои портреты...

Д э в и

Ну, это что! Вот если б вы слышали,
Что дядя рассказал нам о балах,
Комедиях и разных маскарадах,
Что он на свете повидал, — вот это
Есть что послушать!

Р и ч а р д

Не болтай-ка, Дэви!

Д ж е н н и

(Дэви)

Ты думаешь, что дяде интересно
Об этом мне рассказывать?..

Р и ч а р д

Но, Дженни,
А вам-то — интересно ли вам слушать?..

Д ж е н н и

Людей бывалых каждый рад послушать.

Дэви

Ну, дядя, расскажи про карнавал,
Про город на воде... Как он зовется?

Ричард

Венеция?

Дэви

Да! Да!

Дженни

А там красиво?

Ричард

Царицею морей зовут тот город —
Я колыбелью красоты назвал бы.
Когда, бывало, голубою ночью
На этот город мраморный смотрел я,
Казалось мне, что не людские руки
Дворцы вот эти белые творили,
Что сами поднялись они из моря,
Подобные серебряным туманам...

Дженни слушает внимательно, опершись на камин.
Ричард засмотрелся на нее и остановился.

Дэви

Ну дальше, дядя! Что же ты молчишь?

Ричард

Дай дерево и ножик.

Дэви

А зачем?

Ричард

Так, постругать, чтоб легче говорилось.

Дэви подает, Ричард строгает, взглядывая на Дженни.

...Бывало, в дымке черные гондолы,
Вдали серебряные паруса,
Что к городу плывут от горизонта, —
Казалось мне — таинственные звезды
Венеции в подарок посылают

Все лучшие мечты, и принимает
Она их бережно, качая тихо,
Тихонько, чтобы их не напугать. . .

Дерево вдруг ломается у него в руках, он с досады бросает его
в огонь.

Дай глины, Дэви.

Дэви

Той, обыкновенной?

Ричард

Хотя бы той.

Дэви выходит и быстро возвращается с глиной.

*(Говорит сначала без Дэви, потом, не прерывая
рассказа, берет глину и говорит дальше, вылепляя что-то
из глины.)*

Бывало, так и утро
Придет, а я красавицей любуюсь,
Что все зовут Венеция. Как только
Ударит в стены первый солнца луч,
Вдруг стены вспыхнут золотым пожаром,
А море сразу будто засмеется,
Проснувшись и увидев красоту
Царицы пышной. Как она прекрасна
В тот ранний час, когда восходит солнце,
Пока еще не пробудились люди,
А кое-кто еще недавно лег, —
Венеция не любит ночью спать —
Ведь в это время мрамор оживает
И на строеньях каменные люди
Какую-то мистерию дают,
И мраморные лица, изменяясь,
Вдруг оживают в солнечном сиянье.
Они красивы! Говорит недаром
Простой народ, что никсы и русалки,
Из моря выплыв, поднялись на стены,
Чтоб посмотреть, насколько мир широк,
И так на этот город засмотрелись,
Что не заметили, как скрылся месяц.
Тут солнце выстрелило в них лучами,
И вмиг русалки все окаменели, —
Ведь им не велено смотреть на солнце.

Дэви

А есть русалки в море?

Ричард

Для того,

Кто в это верит, есть.

Дэви

Я буду верить, —

Тогда увижу их?

Ричард

Увидишь, Дэви.

Дженни

А мне отец сказал — грех в это верить.

Ричард

Но как же быть?

Дженни

Читать господне слово —

И станет ясным разум.

Ричард

Но мечта

Останется.

Входят Эдит и Кристабел; за ними Годвинсон и Джошуэ Кембл, оба коротко остриженные, Годвинсон в длиннополой одежде не то ученого, не то духовного лица, Кембл в простой пуританской одежде.

Годвинсон

Мир сему дому.

Ричард встает, молча кланяется. Дэви и Дженни отходят в сторону; Дженни здоровается с женщинами, Дэви прячется за перегородку.

Кембл

Мир вам!

Р и ч а р д

Почтенный мистер Кембл, как вы живете?

К е м б л

(не отвечая Ричарду, обращается к Дженни)

Ты здесь зачем?

Д ж е н н и

(смущенно)

Я только что пришла...

Я к госпоже... пришла...

К е м б л

(посматривая на Ричарда)

Послушай, дочка.

Ты это «госпоженье» мне оставь.

Все братья мы и сестры во Христе,

И «ты» нам надо говорить любому,

Хотя бы даже королю. Понятно?

Д ж е н н и

Я понимаю...

К е м б л

(Ричарду)

Слушай, молодец,

Хоть ты не свыкся с нашей простотою,

Привычки нечестивые забыть

Тебе пора бы.

Р и ч а р д

У меня и нет их.

Г о д в и н с о н

Тот, кто три года жил среди папистов,

Тот, верно, их привычки перенял.

Р и ч а р д

Италия от нас отстала в вере,

Однако может научить и нас

Обычаям.

Э д и т
(Кристалел)

Готовь для брата завтрак.
Коль мы пойдем, то надо собираться.

Кристалел хлопочет около печи. Дженни помогает ей, они разговаривают.

Р и ч а р д
Куда? Я никуда не собираюсь.

К е м б л
Мы только что решили на собрание —
Построить дом для нашего отца,
Для Годвинсона.

Р и ч а р д
Мне казалось...

Г о д в и н с о н
Дом

Есть у меня, но вот община хочет
По доброте своей построить мне
Дом каменный. Не столько для меня, —
На это бы я сам не согласился, —
Как, собственно, для блага всей общины,
Чтоб в этом доме люди по субботам
Встречались для божественной беседы.
Сейчас так неудобно в тесноте,
Хоть я сказал общине: жаль труда...

К е м б л
Что там, отец, ведь если вся община
За дело дружно примется, то скоро
Окончится работа. До зимы,
Наверно, выстроим.

Р и ч а р д
Зима уж скоро.
К тому же вряд ли, чтобы все могли
Приняться за работу.

К е м б л
Почему же?

Р и ч а р д

Да не у всех ведь есть еще жилища.

Э д и т

Зато для всех огонь духовный будет
Гореть в жилище, где живет учитель

К е м б л

Бери с собою, Ричард, инструмент
И мальчика...

Р и ч а р д

Он очень утомился,
И слишком мал он для такой работы.

К е м б л

Ну, приходи один.

Р и ч а р д

Да я не знаю...

Приду ли.

К е м б л

Почему?

Р и ч а р д

Я буду занят.

Давно уже я обещал соседке
Поставить печь в ее убогом доме;
Управлюсь вот с домашними делами
И к ней пойду.

Э д и т

Я думаю, что всё же
Соседка эта может подождать.

Р и ч а р д

Я думаю совсем иначе, мама.

К е м б л

Община ведь решила, чтобы братья
За дело всем.

Р и ч а р д
Я не был на собрание.

К е м б л
Ты мог прийти.

Р и ч а р д
Меня никто не звал.

Э д и т
Нет, я звала.

Р и ч а р д
Но ты мне не сказала,
Что на собрание будет обсуждение...
Я думал, что собрание для молитвы.

К е м б л
А так и было. Только заодно
Мы и дела решили обсудить.
Да всё равно ведь — был ты или не был,
Но если уж община вся решает,
Обязан каждый выполнять решение.

Р и ч а р д
Кто может с принуждением бороться,
Тот делает всё только по желанью.

К е м б л
А разве нет желанья у тебя?

Р и ч а р д
Позвольте мне уже об этом думать.

К е м б л
Общину не интересуют мысли
Тех, кто противится ее решениям.
Что хочешь думай — должен подчиниться.
Общины власть — ведь это власть господня.
Иные мысли пусть молчат при ней.

Р и ч а р д
Так говорить не должно пуританам.

Годвинсон

Но почему не должно? Поясните!

Ричард

Ведь если мы не за свободу мысли,
Тогда не знаю я — за что боролись.

Годвинсон

За слово божье и за власть общины.

Ричард

А в чем, скажите, эта власть общины?

Кембл

А в том, что ни король и ни парламент
Менять не смеют приговор общины,
Свободной, не зависимой от них.

Годвинсон

(с угрозой в голосе)

Община все негодные наросты
Рубить имеет право и бросать
В огонь, никто их защищать не смеет.

Ричард

(Годвинсону)

В такой общине полная свобода
Всем фарисеям.

Годвинсон

А к чему вы, Ричард,
Сказали это?

Ричард

Sapienti sat¹.

Годвинсон

(встает)

Вот это вежливо.

¹ Умный поймет (лат.). — Ред.

Э д и т

Сын, ты забыл,
Что младший ты, что говоришь ты с гостем.
Простите, уважаемый учитель,
Его за неразумные слова.

Р и ч а р д

Я, мама, не сказал ведь *mea culpa!*¹

К е м б л

К чему здесь католические речи?

Г о д в и н с о н

(берется за шапку)

Ну, оставайтесь с миром!

Э д и т

О, учитель,
Вы от меня не отойдете в гневе,
Не станете наказывать сурово
Меня за невоздержанного сына.

Г о д в и н с о н

Я очень уважаю вас, Эдит, —
И я останусь.

Входит и останавливается у порога очень бедно одетая женщина,
несколько раз кланяется присутствующим.

Ж е н щ и н а

Мир честному дому.

Р и ч а р д

Мир, женщина, и вам.

Женщина всё стоит у порога, вид у нее приниженный, забытый.

Входите, просим.

Г о д в и н с о н

(Кемблу)

Я что-то не могу ее припомнить.

¹ Моя вина! (лат.). — *Ред.*

Кембл
(Годвинсону)

Она давно не ходит на собрания.
Ведь это Риверса того жена,
Что после выборов бежал в Род-Айленд.

Годвинсон
Лукавый человек. Мutil общину.
Зачем она пришла?

Женщина
(Ричарду)
Почтенный мастер,
Я к вам пришла, хочу спросить...

Ричард
Я знаю,
Я не забыл. Сегодня я приду.

Женщина
Простите... докучаю... я б не смела,
Но бедность, горе... Осень наступила,
А даже негде развести огонь,
Чтобы согреть своих детей несчастных!

Годвинсон
У вас нет дома?

Кембл
Дом, конечно, есть.

Женщина
Да дом-то есть, еще мой муж построил
Лачужку, но без печи, — видит бог,
Там сыро, как в подвале; лихорадкой
Болеет самый маленький, самой же
И головы мне не поднять утрами.
И так беда была, — теперь, как видно,
Совсем конец пришел... нет ниоткуда
Ни помощи, ни доброго совета...
Община сердится... А что поделатъ?
Ну, уж пускай бы я... а то ведь дети...

(Плачет.)

Р и ч а р д
(Годвинсону)

Так, значит, отвечают и младенцы
За грех отца?

Г о д в и н с о н
Я, мастер, за общину
Не отвечаю. Пусть она решает.

К е м б л
(женщине)

Ты знаешь что, бедняга, — подожди.
Вот выполним общинную работу,
Подумаем и чем-нибудь поможем.

Ж е н щ и н а
(боязливо глядя то на Ричарда, то на Годвинсона и
Кембла)

Я подожду... да только вот беда
С ребенком... как бы он не умер...

Р и ч а р д
(зовет)

Дэви!

Дэви выходит из-за перегородки.

Где инструмент? Пойдем-ка, сложим печку!

Дэви собирает в углу инструмент, принесенный в начале действия.

К р и с т а б е л
(стоя у печи)

Да ты поел бы хоть сначала, Ричард.

Р и ч а р д
Я не хочу, потом. Быстрее, Дэви!

Дэви
Да я уже готов.

Р и ч а р д
(женщине)

Ну, так идем!
(Молча кланяется Годвинсону и Кемблу
и выходит вместе с Дэви.)

Женщина

(кланяется всем низко)

Ну, оставайтесь с господом.

Кембл

Прощай.

Женщина еще раз кланяется всем и выходит вслед за Ричардом и Дэви.

Годвинсон

Эдит, ваш сын вступить, как видно, хочет
С общиной в поединок!

Кембл

Нет, отец,
Мне кажется, ты слишком строго судишь.
В том, что несчастную он пожалел,
В том нет греха. Ведь милосердье к бедным
И есть обязанность христианина.

Годвинсон

Семья страдает за свое бесчестье.
И женщина в беде как будто стала
Овцой покорной. . . Но душа в ней волчья.

(Кемблу.)

Ведь вот она не слушала тебя!
Ей, видишь, мастер нужен — не община.
Господь ее накажет, как Сапфиру,
Ананья нечестивую жену,
Что покрывала мужа прегрешенье
Перед общиной. И Ричард, верно,
Пошел помочь ей не от доброты.

Кембл

Не придирайся так, отец, он храбрый, —
Сказать по правде, храбрых я люблю;
Что ж, он горяч, как молодой бычок,
Ходить в ярме еще не научился,
А всё ж характер у него хороший,
Я знал его ребенком. С давних пор
С покойным Джеком мы хлеб-соль делили.

Эдит, ты помнишь, как со стариком
Мы англиканцам задавали жару?

Э д и т

Брат Джошуэ, да разве я забуду,
Каким ты был товарищем для Джека.

Г о д в и н с о н

*(сел у камина, собираясь помешать угли; нагнулся за
кочергою и неожиданно увидел фигурку из хлеба,
валявшуюся на полу; поднял ее, присмотрелся,
потом встал. Эдит)*

Эдит! Ваш сын, наверно, это делал?

(Показывает и кладет перед нею на стол фигурку.)

Э д и т

(подавленная)

Я ничего с ним не могу поделать,
Учитель. Сердце рвется у меня
Из-за того, что он идет на гибель.

Г о д в и н с о н

Жалею я, что набожную мать
Господь карает нечестивым сыном,
Но больше не могу я оставаться
В том доме, где хозяином ваш сын.

Э д и т

Отец! Учитель!

Г о д в и н с о н

Нет, я не могу.

Уйду. Бог с вами!

(Уходит быстро.)

Э д и т

(всплескивает руками)

Господи, за что ты

Караешь нас?

К е м б л

Да что он там нашел?

(Присматривается к фигурке.)

Ха-ха-ха-ха! И здорово похоже!

Как вылитый отец наш Годвинсон!
Сказать по правде, может, нечестиво,
А хорошо. Вот посмотри-ка, Дженни.

Д ж е н н и

(подходит, улыбаясь)

Из-за чего разгневался учитель?
Людей же ведь рисуют на портретах —
Так почему лепить нельзя?

К е м б л

Да видишь,
Портреты нарисованы, а то,
Что леплено и резано, — кумир,
А не портрет.

Д ж е н н и

Я думала, отец,
Что лишь богов подобия — кумиры.

К е м б л

Нет, сказано, чтобы никто не резал
И не лепил «подобья никакого», —
Всё это мерзко богу.

Д ж е н н и

Ну, а если
Фигурку кто-то слепит для забавы,
И это грех?

К е м б л

Да как тебе сказать?
Не то что грех, но всё ж нехорошо...
А почему ты спрашиваешь?

Д ж е н н и

(смущенно)

Так...

К е м б л

Я удивляюсь Ричарду! Хороший
И честный человек, а всё не может
Он эти глупости оставить.

Э д и т

Брат,
Ты слишком добр, — не глупости, а грех,
Великий грех всё это, крест мой тяжкий
И сердца моего живая рана.

К е м б л

И ты, сестра, уже впадаешь в грех
Отчаянья. Еще ведь Ричард молод,
А так как он и пьянствовать не любит,
И с девушками не гуляет, должен
Развлечься он — ведь кровь-то молода.
Вот женится да гнездышко совет,
Оставит все забавы.

Э д и т

Дай-то, боже,
Мой брат, чтобы пророческими были
Твои слова — ведь стынет кровь моя,
Когда я вижу все забавы эти.

(Показывает на фигурки в открытом шкафу.)

К е м б л

(присматривается и узнает в одной из фигурок Дженни)

Эге! Джоанна, что это такое?

Д ж е н н и
(смущенно)

Я, папочка, не знаю.

К е м б л
(сурово)

Ну, так знай,
Что я забав таких не разрешаю,
Чтоб я о них не слышал!

Д ж е н н и

Хорошо.

К е м б л

А Ричарду скажи, чтобы не смел он,
Чтоб уничтожил всё!

Д ж е н н и
(невольно)

Ах, папа!

К е м б л
(сурово)

Дженни!

Д ж е н н и

Я ничего.

(Тихо, Кристабел.)

Послушай, Кристабел,
Как я грешна, — мне очень жаль фигурку!
(Идет к перегородке.)

К е м б л

Куда ты, Дженни? Нам пора домой,
Я ничего не ел с утра.

Э д и т

Останься,
Брат Джошуэ, позавтракай у нас
Чем бог послал.

К е м б л

Нет, я пойду, сестра.
Пора уже идти мне на работу,
Ведь мой топор за мною не придет,
А сам за ним идти домой я должен.

Э д и т

Брат Джошуэ, а может, и меня
Проводишь ты туда, где будут строить?

К е м б л

Зачем тебе туда?

Э д и т

Пойду работать
С общиною.

Кембл

Но женщин не зовут,
Строительство — не женская работа.

Эдит

И женщина всё сможет, если надо.

Кембл

Ну, в этом крайней надобности нет.

Эдит

Зачем мне крайней надобности ждать?
Мой род привык всегда во всем быть первым.
Не служит сын мой богу и общине —
Я, мать, пойду за сына, но позорить
Родню мою не дам.

Кембл

Эдит, сестра,
Прекрасно сказано, но сила женщин
На деле не равняется словам.

Эдит

Носить кирпич и глину замесить
И я сумею. Братья по общине
Не будут презирать меня, надеюсь.

Кембл

Решай сама, как знаешь. Заходи,
Сестра, ко мне, и, если ты так хочешь,
Я провожу тебя. Мир вам!

Эдит и Кристабел

Ну, с богом!

Кембл и Дженни выходят.

Эдит

Дай, дочка, мне позавтракать, потом
Найди отвес, лопату и рядно.

Кристабел

Так, значит, мама, вправду ты пойдешь?

Э д и т

Когда же говорила я неправду?

К р и с т а б е л

А можно, мама, мне пойти помочь?

Э д и т

Кому же хочешь ты помочь?

К р и с т а б е л

Тебе.

Э д и т

Останься дома.

К р и с т а б е л

Почему?

Э д и т

Так надо.

Молчанье. Кристабел готовит завтрак. Эдит раскрывает Библию и читает. Ричард и Дэви быстро входят, запыхавшись.

Р и ч а р д

Дай, Беллочка, позавтракать скорее.

К р и с т а б е л

Как быстро ты вернулся!

Р и ч а р д

Из-за Дэви.

Я вижу, он от голода томится,

А без меня идти домой не хочет.

Пришлось вести мальчишку на кормление.

Пока Кристабел готовит кушанье, Ричард быстро ходит по комнате, видимо взволнованный.

О боже, сколько на земле несчастья!

Ты, Беллочка, не можешь и представить,

Как обнищала Риверса жена

В сырой землянке и с детьми больными.

И не она одна... таких немало.

(Ходит молча, затем останавливается перед Эдит.)

А знаешь, мама, может быть, и правда
Грешно так жить, как я сейчас живу.

Э д и т
(радостно)

Ах, наконец ты, Ричард, понял это!
Благословен господь!

Р и ч а р д

Сегодня я
Увидел близко горести людские.
Я только знал художников лишения,
Я видел бережливость, труд бессонный,
Но корчей голода еще не видел
И не слышал его ужасных воплей,
Не обращал вниманья. Разве, мама,
Не тяжкий грех такое равнодушие?
Но жил я среди грез и красоты.
Всё выше я и выше подымался
На крыльях грез — и вот упал на землю.
Ох, мама, как же я ушибся страшно!
Как будто эти крылья надломились.
А как они плескали буйно!

Э д и т

Сын мой,
Но этих грез тебе как будто жалко.
Хотя ты понял сам, что вместо грез...

Р и ч а р д

Да, вместо грез здесь думают о хлебе,
И я за это камня в них не брошу...

Э д и т

Не хлеба одного здесь люди просят —
И слова божьего, — не забывай!
И мы служить обязаны всем сердцем
Тем, кто дает нам слово божье.

Р и ч а р д

Мама!

Христос давно нам дал его. То слово
Он под замком не спрятал в тайнике,
И каждый может взять его свободно,
А передатчиков не нужно нам...

Э д и т

Так говорят род-айлендцы, тебя же
Сбивает Риверса жена, — так пусть
Накажет бог ее!

Р и ч а р д

Не проклинай!

Судьба и так беднягу наказала.
Подумай, мама: люди, что назвали
Себя «святыми», «божьими сынами»,
Не хлеб, а камень братьям подают!
Они ломают крылья грезам ясным!
Их надо проклинать бы...

Э д и т

Хватит слов,

Ведь что ни слово — новый грех.

Р и ч а р д

Да, хватит.

Ведь что ни слово — новая отравка
Для нас обоих, мама.

К р и с т а б е л

Завтрак стынет.

Эдят, Ричард и Дэви садятся к столу, Кристабел им прислуживает, едят в молчании. Эдит встает первая, берет отвес и лопату, вскидывает на плечо рогожу и направляется к двери.

Р и ч а р д

(Кристабел)

Куда уходит мама?

К р и с т а б е л

На работу...

Э д и т

(оборачиваясь, стоя на пороге)

Я, сын мой, за тебя иду работать.

(Медленно выходит.)

К р и с т а б е л

(Дэви)

Пошел бы ты да бабушке помог.

Д э в и

Как скажешь, дядя Ричард?

Р и ч а р д

Как ты хочешь...

Д э в и

Хочу пойти с тобой.

(Начинает снова аккуратно есть.)

Ричард сидит, не прикасаясь к еде.

К р и с т а б е л

Ты, Ричард, ел бы...

Р и ч а р д

Не естся что-то, Беллочка...

Молчание.

К р и с т а б е л

Тут Кембл

Кричал на дочь за эту вот фигурку,

Ее велел он уничтожить.

Р и ч а р д

(гневно)

Нет!

Мне этого никто велеть не может!

Кто-то стучит в дверь.

За мной, должно быть.

(Встает.)

Кристабел

(открывает и выглядывает за дверь)

Боже! Джонатан!

Ты видишь, Ричард?!

Ричард

(бросается к Джонатану и горячо здоровается с ним)

Ты откуда взялся?

Я думал, ты в Голландии осел.

Джонатан

Осел, да вот не усидел...

Ричард

Что ж так?

Рассказывай-ка, что с тобою было.

Сядь, Джонатан!

(Усаживает за стол, придвигает ему еду.)

Да вот покушай с нами.

Джонатан

Спасибо, я не голоден, я ел;

Мы сделали с женой себе шатер

И кое-как покушали.

Кристабел

Да что вы!

Сейчас ведь невозможно жить в шатре;

Пока постройтесь, у нас живите.

Согласен, Ричард?

Ричард

Ну конечно, Белла.

Джонатан

А ваша мать...

Кристабел

О, наша мама будет

Вам очень рада. Я сейчас пойду

И приведу сюда супругу вашу.

Где вы остановились?

Джонатан

Как сказать вам?
В том месте, где община что-то строит,
Там рядом и раскинули мы лагерь.

Кристабел

Да, я найду.

(Выходит.)

Ричард

Так почему ты, друг мой,
Не усидел в Голландии? Там, что ли,
Работы не было?

Джонатан

Да нет, не то.

Я разочаровался в старом мире.
Тот древний мир состарился в грехах,
Закостенел в привычках нечестивых,
И даже новой веры дух живой
Его, как труп, не воскресит вовеки.
И понял я, зачем в далекий край
Израиля бог вывел из Египта, —
Не стал бы он избранником иначе.
Египетская скверна вековая
Его бы одолела, как проказа.
Я расскажу когда-нибудь подробней
О всех моих несчастьях, а теперь
И вспоминать не хочется. Как рад я,
Что можно мне теперь о них не думать.

Ричард

А всё ж дорогу новому искусству
Голландия открыла. Я простил бы
«Египетскую скверну» ей за это.

Джонатан

Ты только говоришь, а не простил же
Венеции ты всех ее грехов
За чистоту прекрасного искусства.

Ричард

Простил не меньше, чем Христос блуднице.

Джонатан

Всё ж признаешь ты, что она блудница.

Ричард

Нет, этого сказать я не хотел, —
Так было бы, мой друг, неблагоприятно.

Джонатан

Зато правдиво. Побоялся я,
Что если там останусь, то погрязну
В ее распутстве.

Ричард

Этого совсем

Я не боялся.

Джонатан

Так зачем бежал ты,
Как от жены беспутной Потифара?

Ричард

Припомни инквизицию. К тому же
Ты знаешь сам, что нас обоих ждали
Важнейшие обязанности.

Джонатан

Правда,

А всё ж покинул ты без сожаленья
Венецию.

Ричард

Тебе так показалось?
Я этого и сам тогда не понял...

(Немного задумался.)

Но это правда! Я оттуда рвался,
Я сыт был этой пышностью, пирами,
Венецианок нежной красотой,
Венецианцев льстивыми речами.
И что страшнее — пуританской шеи
Я гнуть по-католически не мог,
И я не в силах был переступить

Через высокие пороги дождей,
И во дворцах богатых меценатов
На ровном месте спотыкался. Там
Заморскими цветами расцветают
Избранников таланты, но в теплице
Скорее увядают, чем цветут.
Потомки великанов измельчали,
Изнеженная гибнет красота.

Д ж о н а т а н

Художники там, правда, разленились,
Как женщины продажные в безделье,
Те, что от солнца божьего отвыкли,
Живя в лучах искусственного света.

Р и ч а р д

Как видно, все слова искусство это
Договорило — и вот-вот как будто
Готово онеметь.

Д ж о н а т а н

Да, это верно.
Как это страшно, Ричард! Вот и мы,
С искусством мы судьбу свою связали.

Р и ч а р д

О, наши судьбы, брат мой, не погибнут!
В Италии еще остался свет.
А здесь у нас едва-едва светает.
Еще поборемся. Мы, слава богу,
Родились не холопами магнатов,
Иные звезды в нашем гороскопе.
Плывя сюда, я многое продумал.
То был великий мыслей океан. . .
Мне не забыть, как часто вечерами
На корабельной палубе сходилась
Община наша, как семья большая,
И там, при свете вечного костра,
Что сам господь зажег высоко в небе,
Певала гимны. И казалось, будто
Из черной бронзы отлиты фигуры
Певцов, такой исполненные силы,

Что в свете звезд гигантскими казались,
И столько новой красоты в них было,
Неведомой в том мире итальянском,
Где я учился азбуке искусства! . .
И как мечтал я, что в общине этой
Я разожгу в далеком новом крае
Живой огонь извечной красоты. . .
О, это были жаркие мечтанья. . .
Когда б ты знал. . .

Д ж о н а т а н

И что ж, они погасли?

Р и ч а р д

Нет, не погасли, но чуть-чуть померкли.
Я вижу — в этом новом крае надо
Сначала дебри дикие расчистить,
А после можно разжигать огонь.

Д ж о н а т а н

Какие дебри? Эту пушу, что ли?

Р и ч а р д

Нет, нет, беда совсем не в этой пуше,
Хоть и она немало силы губит.
Тут даже не найти хорошей глины.
Да неизвестно — может, и отыщем. . .
Среди людей здесь терний злых немало.

Д ж о н а т а н

А кто ж они такие?

Р и ч а р д

Обживешься
И сам увидишь. . . Ох, мой Джонатан,
Как этот день был для меня тяжел. . .
Да, слава богу, он принес мне радость!

(Кладет руку на плечо Джонатана.)

Мой друг сердечный, мой товарищ верный,
В святом искусстве мы с тобою братья!

Сам бог тебя привел ко мне на помощь,
Перевернем теперь мы горы! Правда?

(Смеется радостно и шутливо трясет Джонатана за плечи.)

Джонатан

Ой, ой,пусти! Я ж не гора!.. Ну, братец,
Ты тут набрался силы Голиафа,
Тебе идет на пользу эта пуща!

Ричард

На пользу всё! И тернии, и пуща,
На пользу всё! Ничто не страшно мне!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же дом, что и в первом действии, только лучше обставленный. На камине много эскизов, миниатюр и разной скульптуры. По стенам инструменты скульптора и живописца. Много полок, на одних — скульптура, на других — новая посуда. В одном углу гончарный станок. Весь дом имеет вид не то студии скульптора, не то гончарной мастерской; много неоконченных работ. На движущихся подставках стоят бюсты, накрытые мокрыми тряпками. В глубине устроен альков; вместо постели в нем маленькая эстрада; на эстраде стоит молодая девушка, индианка, в своей дикарской одежде. Ричард лепит с нее статую в натуральную величину; он работает с большим рвением, то приближается, то отходит от статуи, присматривается, поправляет то позу девушки, то позу статуи. Движения его быстры, энергичны, в них видно увлечение, вдохновение.

Ричард
(про себя)

Вот так... так будет лучше. Нет, вот так!
Так хорошо!.. Стой, девушка, спокойно!
Устала, может?

Девушка качает отрицательно головой.

Ну, еще постой,
А я тебе за это дам монисто
Хорошее, блестящее. Ты любишь
Монисто?

(Сняв с полки, показывает девушке монисто. Та улыбается и всплескивает руками.)

Эх, испортила всю позу!

(Идет и поправляет ее позу.)

Ты смейся, только не маши руками!

(Показывает жестами, что руками махать нельзя, и сам смеется.)

Стучат в дверь.

Г о л о с

(за дверью)

Что, дома мастер Ричард?

Р и ч а р д

Дома, дома!

Как только послышался стук, дикарка бросилась и задернула занавес алькова.

Д ж о н а т а н

День добрый, Ричард!

Р и ч а р д

Здравствуй, Джонатан!

Давно тебя не видел я. Ты что-то
Мой дом обходишь стороной.

Д ж о н а т а н

Да нет.

Не обхожу.

Р и ч а р д

Садись же, будешь гостем,
А я тем временем работать буду.

(Открывает девушку.)

Джонатан сразу поворачивается спиной к Ричарду и девушке.

Ведь глина сохнет. некогда лениться.

Джонатан молча раскрывает большую книгу, которая лежит на столе, и склоняется над нею.

(Придает позу девушке, берет ее за работу, напевая и разговаривая. Поет.)

Ой, белый цветик на лилее
Увидел я.
Лети за милою мою,
Душа моя!

(Говорит.)

А у меня, дружок, сегодня праздник,
Смотри, какую глину я нашел!
В Италии цены такой бы глине
Не знали скульпторы.

(Подает Джонатану комочек глины.)

Джонатан
(берет в руки)

Да, глина хороша.

Достать бы мне.

Ричард

Ты, видно, стал работать?

Ну, слава богу, очень рад, что снова
К работе ты вернулся.

Джонатан

Я вернулся,

Да с новым сердцем и с иной душою, —
Отбросил спесь и со смиренным духом
На службу господа себя я отдал.

Ричард

В чем служба эта?

Джонатан

Да в делах общины.

Ричард

В каких?

Джонатан

Приносит день свои заботы.

Р и ч а р д

(работая, слушает невнимательно; поет.)

В долине синие цветочки

Увидел я.

Кому, скажи, плетешь веночки,

Краса моя?

Д ж о н а т а н

Что ты поешь там?

Р и ч а р д

Песню флорентинцев.

(Поет.)

Как пламя, красный цвет граната...

Девушка опускает руку.

Снова?

Устала, что ли? Ну, постой минутку,

Я скоро отдых дам.

(Поправляет позу.)

А знаешь, друг мой,

В ней будет что-то новое, наверно,

Вот в этой статуе, — давно я сердцем

Так не горел, как нынче. День и ночь

Не отступал бы от работы. Правда,

Что не всегда модель найдешь такую!

Искал я целый год — нашел сегодня.

Как это дикое дитя прекрасно!

Взгляни-ка, Джонатан!

Д ж о н а т а н

Послушай, Ричард,

Сказать по правде, я совсем не думал,

Что можешь ты до этого дойти.

Р и ч а р д

Что ты в виду имеешь?

Д ж о н а т а н

Ты же знаешь.

Р и ч а р д

Нет, право, я не знаю.

Д ж о н а т а н

Успокойся!

Да кто ж не знает, что модель такая
Для молодого скульптора? Хотя бы
Ты христианку взял! . .

Р и ч а р д

(бросает работу, удивленный)

О Джонатан,

Когда бы Годвинсон сказал мне это,
Не удивился б я. Но то, что вдруг
Мне, мастеру, ты, мастер, говоришь,
И удивляюсь я и сожалею.
Когда б ты был художник настоящий,
Ты был бы чист в фантазии и в мыслях,
Ты б знал, что в час торжественный работы
Живем мы не на этом грешном свете, —
Что мы тогда в краю мечты прекрасной,
В том царстве божьем, о котором долго
И тщетно люди на земле мечтают!

Д ж о н а т а н

Ты думаешь, что ты его нашел?

Р и ч а р д

Да, думаю и знаю.

Д ж о н а т а н

Ты счастливый.

Р и ч а р д

Ну что ж, довольно мне уж быть несчастным!
Довольно скорби, плача и рыданий,
Довольно стона, скрежета зубов.
Земля не ад, не прокляты ведь люди,
И радости не грех, а божий дар!

Д ж о н а т а н

А если вправду радости от бога,
То что в тебе теперь их породило?

Девичье тело, грешная краса!
И этим соблазнить других ты хочешь.
И это — «царство божье на земле»? . .

Р и ч а р д

(подходит молча к девушке, дает ей монисто, нанизанное на нитку, задерживает альков, закрывает мокрой рогожей статую и возвращается к Джонатану)

Пусть грешная краса не соблазняет
Твоих святых очей. О Джонатан!
И кто бельмом глаза твои окутал?
Другой был взгляд когда-то у тебя.
Я так был рад, когда ты к нам приехал
В колонию. Приветствовал я друга
В тебе, мой Джонатан! Ужель теперь
В тебе врага перед собою вижу?

Д ж о н а т а н

(задумался, затем подает Ричарду руку)

Нет, не врага перед собой ты видишь, —
Так быстро не становятся врагами,
И я надеюсь, что еще с тобою
Мы общею дорогою пойдем.
Тебе вот я кажусь теперь ослепшим,
Мне кажется — ты не прозрел еще.

Р и ч а р д

Ну, хорошо, не будем больше спорить.
Ты что читал тут?

Библию? «Исход»?

(Заглядывая в книгу.)

Д ж о н а т а н

Хотел я у тебя просить совета. . .

Р и ч а р д

Да что ты, брат? Я богослов плохой.

Д ж о н а т а н

Нет, здесь не богословье, здесь другое:
Община для молитвенных собраний
Подсвечник заказала. Здесь возможно

Художника как будто примирить
С христианином. Но община хочет,
Чтобы подсвечник был похож на тот,
Что в Библии описан. Вот послушай:
«...И ты резной подсвечник должен сделать,
А стебель, чаши, и круги, и листья
Должны быть у него...» Не понимаю —
И сколько чаш, и что там за круги.
Не разберу! Вот, прочитай и ты.

Р и ч а р д

(читает про себя, потом отстраняет книгу)

Вот мой совет: закрой ты эту книгу
И не гадай над этим текстом, если
Еще ты хочешь мастером остаться.

Д ж о н а т а н

Остаться я хочу христианином.

Р и ч а р д

Ведь ты себя в неволю отдаешь
Египетскую! Ведь община наша
Вся с Годвинсоном вместе понимает
Прекрасное, как эта вот дубина
И даже меньше!

Д ж о н а т а н

Ричард, будь доволен,
Что это при товарище сказал ты, —
Ведь если вдруг слова твои услышат
Община и учитель...

Р и ч а р д

Испугал!

Всё это я готов в глаза сказать им:
Что правда, то не грех. Я и сказал
Им то же самое, когда хотели
Они, чтобы я финики лепил
Над окнами и над дверями в школе, —
Так Годвинсон всё выдумал премудро,
В Писанье где-то вычитав об этом.

(Смеется.)

Джонатан

Хотел тебе сказать я, между прочим:
Напрасно ты поссорился с общиной,
Особенно же с Годвинсоном.

Ричард

Что мне

Твой Годвинсон?

Джонатан

А то, что он в общине —
Большая сила.

Ричард

Пусть большою силой
В общине будет он, а я — один.
На том и кончим.

Джонатан

Что ж, против общины
Один идти ты хочешь? Для чего
Твой этот труд, скажи?

Ричард

Для красоты.

Джонатан

Кому она понадобится?

Ричард

Мне

И тем, что вслед за мной пойдут.

Джонатан

Но где же

Ты видишь их?

Ричард

Да вот хоть Дэви наш.

Джонатан

Кто? Этот мальчик?

Р и ч а р д

Мальчик, да. Но больше
Улыбка Дэви значит для меня,
Чем все проклятья Годвинсона. Что же
Касается общины, я даю
Ей то, что нужно.

(Показывает на посуду.)

Вот мы и в расчете.

Д ж о н а т а н

Нет, Ричард, нет, еще не все расчеты.
Твоя почтеннейшая мать...

Р и ч а р д

Довольно!

Об этом я не говорю ни с кем.
Хочу, чтоб только знал ты, что вовеки
Я в доме у себя рабом не буду.

Д ж о н а т а н

В кого такой отчаянный ты, право?

Р и ч а р д

Такой весь род: виклифовцев, лоллардов,
И «независимых», и «равноправных»,
И всех, кто были предками моими.
И все они свободы добивались
От короля, парламента, от церкви,
А я — от них. Кровь наша такова.

Д ж о н а т а н

Твои слова горды, но в них душе
Покоя нет.

Р и ч а р д

На что он мне, покой?
Я жив еще, и рано мне на отдых.

Д ж о н а т а н

Скажи мне: неужели ты всегда
Уверен так в себе? И неужели
Не знаешь ты ни муки, ни сомненья?

Р и ч а р д

Нет, как не знаю! Всѣ, что говоришь ты,
Я говорил себе не раз, не два,
Но победил все муки и сомненья,
Они все пережиты навсегда.
Мне говорят и разум мой, и сердце,
И вера, что мой путь правдив. Но есть
Сомнения другие — победить
Гораздо их труднее в одиночку.
Ты, Джонатан, мне руку дал недавно
На дружбу. Ты один лишь в этой пуще
Помочь бы мог мне, если б захотел.

Д ж о н а т а н

О, если б смог я, дело не в желанье.

Р и ч а р д

Так вот что, брат, прошу тебя: скажи,
(открывает статую)

Скажи мне, чем грешит моя работа?

Д ж о н а т а н

Мне кажется, что всем она грешит.

Р и ч а р д

Грешит или греховна?

Д ж о н а т а н

Да, греховна.

Р и ч а р д

Забудь на время, что ты стал святым,
И посмотри, как ты смотрел когда-то.
Вот если бы в те дни, когда мы вместе
С тобой в дворцах бродили итальянских,
Увидел бы ты где-нибудь неожиданно
Вот эту статую, — что б ты сказал о ней?!

Д ж о н а т а н

Сказал бы я: «Прекрасное творенье».

Р и ч а р д

А если бы тогда тебя спросили,
Что изменить в ней?

Д ж о н а т а н

«Ничего!» — сказал бы.

Да только я сказал бы как язычник.
А как христианин я говорю:
Разбей ее!

Р и ч а р д

Я всё отдам, но вылью
Ее из бронзы!

Д ж о н а т а н

Ричард, должен я
Предостеречь тебя, пока не поздно...

Входит Дэви.

Д э в и

Тебя там, дядя, спрашивают люди.

Р и ч а р д

Зови их в дом.

Д э в и

Я звал, да не идут.
Они хотят поговорить с тобою
В саду, в прохладе.

Р и ч а р д

Что они за люди?

Д э в и

Да из Род-Айленда. Ты выйди к ним.

Р и ч а р д

Иду. Ты, Джонатан, еще побудь здесь.

(Выходит.)

Джонатан

Твой дядя ничего еще не знает?

Дэви

Да вы ж сказать хотели.

Джонатан

Не успел.

Ты сам скажи.

Дэви

Скажу, не беспокойтесь!

Без вас я знаю, что мне надо делать.

Джонатан

Сегодня ты не очень вежлив, Дэви.

Дэви

Отстаньте от меня.

(Направляется к двери.)

Джонатан

Куда ты, Дэви?

Дэви

Пойду узнать, над чем они колдуют.

Джонатан

Стой, подожди, и я с тобой пойду.

Оба уходят. Индианка выходит из алькова, расхаживает по комнате и рассматривает, улыбаясь, свою статую.

Дженни

(внезапно вбегает)

Ой, горе! Где же Ричард? Ради бога!

(Видит индианку.)

Ты кто такая? И зачем ты здесь?

Индианка молчит, враждебно смотрит на Дженни, прислонившись к пьедесталу статуи. Дженни вдруг посмотрела на статую.

Ах! Значит, правда у него живешь ты?

(Злобно наступает на индианку.)

Прочь, прочь отсюда, я тебя убью!

Хватает попавшуюся под руку палку и замахивается на индианку. Та с резким криком хватается скульпторский молоток, замахивается им, как томагавком, и, в свою очередь, наступает на Дженни. Э д и т и К р и с т а б е л вбегают на крик со двора. Индианка мгновенно прячется в альков. Дженни плачет.

К р и с т а б е л

Сестрица Дженни, что с тобой, родная?

Э д и т

Что здесь случилось? И о чем ты плачешь?

Подходят обе к Дженни.

Д ж е н н и

(отстраняет их, по-детски сопротивляясь)

Уйдите прочь, не трогайте, оставьте!

Я больше не приду к вам никогда... .

Отец недаром не пускал... . О, горе!

Какая я несчастная!

(Рыдая, выбегает из комнаты.)

Э д и т

Что с нею?

К р и с т а б е л

Ох эта Дженни, ну совсем ребенок,

И слезы ей недороги.

(Задумывается и вздыхает.)

Ой, мама!

Э д и т

О чем вздыхаешь?

К р и с т а б е л

Ты же знаешь, мама!

Э д и т

К чему здесь жалость!

К р и с т а б е л

Мамочка! Родная!
Так, значит, к нам они придут сегодня?

Э д и т

Да.

К р и с т а б е л

Ричарда должна ты защищать.

Э д и т

Нет, защищать должны мы только правду.
Ее одну.

К р и с т а б е л

Но он ведь сын твой, мама.
Он — кровь твоя. Вот если бы на Дэви
Кто напал, я б кинулась, как пламя.

Э д и т

Я потеряла сына, а теперь
Еще и дочь мою ты отнимаешь.

К р и с т а б е л

Что говоришь ты, мама, бойся бога!
Как можешь от детей ты отречься?
Ведь это грех! Христос нам завещал...

Э д и т

(берет со стола Евангелие, раскрывает его на закладке)

Христос нам завещал... Вот посмотри-ка.
Читай внимательно и вслух. Вот здесь.

К р и с т а б е л

«...Не думайте, что я пришел принести мир на землю.
Не мир пришел я принести, но меч. Я пришел отлучить
сына от отца его, и дочь от матери ее, и невестку от све-
крови ее. И враги человека домашние его...»

(Останавливается со стоном.)

Понять всё это, мама, я не в силах!

Э д и т

Читай, читай же.

К р и с т а б е л

О Христос, сын божий!

(Читает ослабевающим голосом.)

«Кто любит отца или мать более, нежели меня, недостойн меня; кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостойн меня...»

(Голос ее срывается.)

Э д и т

(дочитывает сама суровым печальным голосом)

«...и кто не примет креста своего и не пойдет за мною, недостойн меня».

Р и ч а р д входит. Кристабел при его появлении быстро уходит за перегородку. Эдит остается над книгой, но не читает, смотрит перед собой печальным невидящим взглядом.

Р и ч а р д

(садится на скамье у камина, рассматривает на мать; тихо говорит сам с собою)

Какая мать печальная сегодня...
Наверно, это я ее печалю...
Но маме грусть, по-моему, к лицу.
Красива старость у нее!.. И взгляд,
И линии простые, и одежда —
Ну, прямо Mater dolorosa!¹

(Берет с камина воск и лепит, всматриваясь в мать.)

Э д и т

Сын!

Что делаешь?

Р и ч а р д

Так, забавляюсь, мама.

(Быстро продолжает лепить.)

¹ Скорбящая мать — название богоматери в католической религии (лат.). — Ред.

Э д и т

Опять забавы...

Р и ч а р д

Что же в них плохого?
Христос любил играющих детей.

Э д и т

Но у тебя не детские забавы,
И сам ты не ребенок.

Молчание.

Слушай, сын!

Снова молчание. Сын всё лепит.

Р и ч а р д

Я, мама, слушаю. Ты говори!
(Лепит всё быстрее.)

Э д и т

Ты как-то сам сказал, что грех так жить,
Как ты живешь.

Р и ч а р д

Давно уж это было.
Теперь я думаю совсем иначе.

Э д и т

Что ж именно?

Р и ч а р д

Я думаю, что в мире
У всех свое призвание и — свой крест.

Э д и т

Какое же, скажи, твое призвание?

Р и ч а р д

Искусство и мечта.

Э д и т

Ты говорил,
Что не мечты, а хлеб насущный нужен.

Р и ч а р д

Но я потом другому научился.

Э д и т

Где ж научился ты?

Р и ч а р д

Вот в этой книге.

Что у тебя в руках. Я прочитал

Одну в ней как-то притчу.

Э д и т

Про таланты.

Наверно, понял ты ее не так.

Р и ч а р д

Нет, та, что я читал, гораздо проще.

Она понятна малому ребенку.

Про Марфу и Марию я читал.

Э д и т

Но разве это притча?

Р и ч а р д

Пусть не притча.

Всё дело в том, как понимать ее.

Э д и т

А как ты понимаешь?

Р и ч а р д

Очень просто:

Заботы дня над Марфой тяготели,

Мария жаждала того, что вечно.

Э д и т

Ты думаешь...

Р и ч а р д

Идти вслед за Марией.

Кристабел
(из-за перегородки заплаканным голосом)
Брат, подойди ко мне.

Ричард
А что там, Белла?
(Оставляет работу на стуле перед камином и идет за перегородку.)

Эдит
(быстро подходит и смотрит на оставленную Ричардом работу)

Мое лицо! О господи, спаси!
Помилуй... Он погиб, погиб навеки...
Ричард и Кристабел выходят, взявшись за руки.

Кристабел
Послушай, мама, посмотри на нас.
Эдит делает отстраняющее движение рукой и, наклонив голову, выходит из комнаты.

Ричард
Что это с матерью сегодня, Белла?
Ты тоже странная...

Кристабел
Нет, ничего...
Теперь уж всё прошло... Скажи мне, Ричард,
Что там к тебе за люди приходили?

Ричард
Купцы род-айлендские.

Кристабел
А зачем?

Ричард
Они меня в Род-Айленд приглашают
Учителем. Дают большую плату.

Кристабел
Ты согласился?

Р и ч а р д

Нет.

К р и с т а б е л

Но почему?

Р и ч а р д

Ты удивляешься?

К р и с т а б е л

Нет... так... но всё же

Ведь хорошо заплатят... может, стоит.

Р и ч а р д

Чтоб я оставил здесь свою семью

За эту плату?

К р и с т а б е л

(с героическим усилием)

Ты о нас не думай

И согласишься. Тебе ведь будет лучше.

Р и ч а р д

Да ты меня как будто выгоняешь?

Я и тебе, как видно, надоел?

Кристалбел закрывает лицо фартуком. Ричард, удивленный и взволнованный, подходит к ней. Неожиданно входит Джонатан, при входе осматривает всю комнату.

Д ж о н а т а н

Никто сюда не приходил?

К р и с т а б е л

Никто.

Джонатан быстро выходит.

Р и ч а р д

О ком спросил он? Кто же быть здесь должен?

К р и с т а б е л

Кто?.. Я не знаю... может... нет, никто!

(Взволнованная, мечется по комнате, затем начинает покрывать статую рогожей.)

Р и ч а р д
Да что ты делаешь, сестра? Опомнись!

К р и с т а б е л
Засохнуть может ведь.

Р и ч а р д
Я очень рад,
Что ты о ней заботишься, да только
Не трогай, Беллочка, я сам накрою.

(Накрывает статую рогожей.)

Что-то стукнуло. Кристабел вздрогнула.

Р и ч а р д
Чего ты? Это ставня.

Молчание.

К р и с т а б е л
Может, лучше
Тебе бы, Ричард, все-таки поехать?

Р и ч а р д
Куда?

К р и с т а б е л
В Род-Айленд... Так, хоть ненадолго.

Р и ч а р д
Зачем это? С какой же стати?

К р и с т а б е л
Видишь,
Не все тебя в общине любят, Ричард.

Р и ч а р д
Вот новость! Я всё знаю, я привык.

К р и с т а б е л
Ты так непримирим. Хоть иногда бы
Ты уступил.

Р и ч а р д
Но как я уступлю?
Я не могу отречься от искусства.

Кристабел

Да не совсем... а может, так, на время...

Ричард

Как Петр отрекся от Христа?

Кристабел

Не знаю!

Когда захочешь, сам найдешь и способ.
Так было б хорошо тогда... И мама
Была б такой счастливой...

Ричард

О, я знаю!

Вам хочется, наверно, чтоб скульптуре
Я изменил? Не изменю вовеки.
А если изменил бы, как Иуда,
Повесился б, наверное, как он.

Дэви внезапно вбегает в комнату.

Дэви

Они идут.

Кристабел

Ой!

Ричард

Кто?

Дэви

Все старики

И Годвинсон.

(Убегает в боковую комнатку.)

Ричард

Так вот что! Понимаю...

Ну что ж, пускай идут. Не бойся, Белла!

Входят Годвинсон, Кембл, Калеб Педдингтон, Абрагам Смит, Джон Милс, Иеремия Ортвин, Метью Филдинг и еще несколько стариков. За ними Эдит и Джонатан. Момент неловкого молчания.

К е м б л

День добрый, Ричард, ты не ожидал нас?

Р и ч а р д

Не ожидал, но я прошу вас, будьте
Гостями.

Г о д в и н с о н

Мы пришли сюда не в гости,
Но высший долг заставить может нас
И в капище зайти.

Р и ч а р д

(вскипел, но сдержал себя)

Подобной речи

Я в этом доме не слышал. По правде,
Когда бы я всех этих честных граждан
Не видел здесь, я знал бы, как ответить.

(Присутствующим)

Отцы мои, прошу садиться.

Старики садятся в ряд на скамьях, за столом. Эдит стоит в стороне, Джонатан садится на последней скамье, ближе к Ричарду.

К а л е б

(Ричарду)

Сын мой,

Ты должен граждан поблагодарить,
Что, о тебе отечески заботясь,
Они пришли и, среди них старейший,
Я потрудился сам к тебе прийти...

Р и ч а р д

(сдержанно)

Благодарю за честь.

К а л е б

Хоть мы должны бы
Тебя на суд общественный позвать...

Р и ч а р д

На суд? Я не преступник!

Джонатан
(тихо Ричарду)

Разве можно
Речь старшего перебивать!

Калеб
(Ричарду)

Напрасно
Вскипел ты, Ричард. Мы вот и решили
Тебя на суд общественный не звать,
А вместе всем прийти к тебе сначала
И посмотреть самим, как ты живешь,
Всё разузнать. Немало разговоров
Мы разных слышим.

(Кемблу)

Джошуэ, скажи!

Кембл

Мне легче было бы молчать об этом.
Ведь это всё... Ну, как сказать яснее?

(Ричарду)

Вот видишь ли... родную дочь мою
Ославил ты...

Ричард

Я, Джошуэ? Да что ты!
Я уважаю дочь твою, ни разу
Ей даже слова не сказал пустого,
Я сам считал бы это непристойным.

Кембл

Не знаю... О тебе и сам я думал,
Что ты достойный юноша. Однако
Смутил ты Дженни все-таки.

Кристабел
(выходит из-за перегородки)

Отец,
Побойся ты греха! Да что ж плохого
Могло случиться с Дженни в нашем доме?

Ты знаешь и меня и нашу мать.
Да разве б мы обиду допустили?

Э д и т

Община знает — я не покрываю
Ошибок сына. И, однако, я
Скажу, что обольстителем он не был,
Насколько мне известно, никогда.
А чтоб он свел с ума твою Джоанну...

К е м б л

(торопливо)

Да я не говорю, что свел с ума,
Совсем не такова моя Джоанна.

*(Останавливается, словно размышляя сам с собой и ища
выражения своим мыслям.)*

Но все-таки смутил ее он душу
Тем, что он вылепил ее подобье
И нарядил принцессою. С тех пор
Она совсем как будто помешалась.

*(Овладев мыслью, оживляется и говорит быстрее,
растерянность его исчезает.)*

Знать ничего не хочет, лишь наряды;
Я зеркало разбил ей, так она
Всё в воду смотрит, на себя любуясь.
А в статую свою она влюбилась
Так, будто бы душа ее навеки
Переселилась в дьявольскую куклу.

(Ричарду)

За это я тебя и обвиняю,
Что статуи проклятой не разбил ты,
Как я просил, и тем поставил Дженни
На путь соблазнов гибельных.

Ричард собирается что-то сказать. Джонатан встает перед ним.

Д ж о н а т а н

(общине)

Отцы,

Позвольте мне промолвить слово!

К а л е б

Если
По существу сказать ты хочешь, можно.

Д ж о н а т а н

Признаюсь я, что говорить об этом
Не так легко. Не виноват же Ричард,
Что на уме у девушки наряды?
И статуя тут ни при чем, конечно.
Как видно, такова натура женщин.
И ты, отец, ничем не доказал,
Что Ричард будто бы ославил Дженни.
Зачем же ты сказал такое слово?

К е м б л

Знай, что на ветер слов я не бросаю...
А почему «невесткою Эдит»
Все женщины дразнить Джоанну стали?
Да что и говорить? Я видел сам,
Как на нее засматривался Ричард.
Зачем же он слепил с нее подобье?
Да разве мало девушек у нас?

К р и с т а б е л

Отцы мои, поверьте мне, что брат мой
Не сватал Дженни.

К е м б л

То-то вот и есть!
Не сватал, а смушал ее.

К р и с т а б е л

Вы лучше
Ее спросите. Коль боится бога,
Она сама должна сказать вам правду!

К а л е б

Брат Джошуэ, пусть Дженни к нам придет
И скажет всем нам, обещал ли Ричард
На ней жениться. Если Дженни скажет

И подтвердит, что вправду обещал,
То должен будет он на ней жениться.
Община не простит ему обмана.

К е м б л

Но девушке, пожалуй, будет стыдно
Публично здесь рассказывать об этом.

А б р а г а м С м и т

(говорит отрывисто, решительно, строго, но с оттенком добродушия)

Обязана. Общественное дело.
Так молодежь распустится — что ж будет?

К е м б л

Кого-нибудь послать бы.

К р и с т а б е л

Я пошлю.

(За перегородку, Дэви)

Беги, сынок, за Дженни, да скорее.

К е м б л

Скажи, что ей отец велит прийти.

(Общине)

Иначе не осмелилась бы, знаю.

Дэви уходит.

К а л е б

Пока она придет, займемся делом;
У нас ведь есть о чем поговорить.

(Ричарду)

Так вот, слух о тебе идет недобрый,
Что с дикарями водишься ты в пуще,
Приводишь их сюда...

Р и ч а р д

Отец, не знал я,

Что нам завещано пренебреженье
К созданьям божьим. Сам Христос ходил

К самаритянам и к ханаанеям, —
Чем дикари здесь хуже тех народов?

Г о д в и н с о н

Смотрите, братья, как себя он дерзко
С Христом равняет!

(Ричарду)

А скажи, зачем же,
Зачем Христос бывал у тех неверных?
Ведь не затем, чтоб идольскую нечисть
Перенимать у них и подражать ей?
Ведь ты не скажешь сам, что ты ходил
К тем дикарям, чтобы Христову веру
Им передать?

Р и ч а р д

(Калебу)

Отец, ты уверял,
Что вы меня судить не собирались,
А тут уж и судья нашелся. Знайте же,
Что отвечать ему я не намерен.

Г о д в и н с о н

(встает, собравшимся)

Судите, братья, вы меж ним и мною.

(Показывает на Ричарда рукой.)

Вот этот человек мне сразу стал
Как камень преткновенья на дороге,
Хоть никогда ему я зла не сделал;
Наоборот, я о душе его,
Как о своей, заботился — и что же?
Брат Джошуэ вам может подтвердить,
Как грубо надо мною надругался
Сей ненавистный идолосоздатель.

(Кемблу)

Ты, верно, помнишь то изображение,
Что он слепил в насмешку надо мною?
Я по одежде в нем узнал свой образ.

К е м б л

(прячет невольную улыбку)

Да как не помнить! Так оно, наверно,
Хранится и поныне.

(Ричарду.)

Покажи.

Г о д в и н с о н

(торопливо)

Я вовсе и не требую показа.

Р и ч а р д

Зачем же? Я могу.

(Идет и достает из шкафа ту фигурку, которую когда-то слепил Дэви.)

Вот, посмотрите.

Кое-кто из присутствующих не может удержаться от смеха и прячется за соседа.

И е р е м и я О р т в и н

(тихо своему соседу Филдингу)

А я б узнал не только по одежде.

Г о д в и н с о н

(гневно)

Вы думаете, может, послушанье
Он обнаружил тем, что показал?
Его поступок низкий и бесчестный
Должна сурово осудить община,
А если нет, тогда я буду знать,
Что мне пора искать другого места,
Где приклонить бы голову я мог,
А здесь ее покрыть бесславьем смеет
Любой насмешник, не боясь возмездья.

К а л е б

Почтенный наш учитель, успокойся,
Не отдадим тебя мы на глумленья

Молодчикам.

(Берет в руки фигурку Годвинсона.)

Признайся лучше, Ричард,
Зачем фигурку эту ты лепил.

Ричард молчит. В ту минуту в комнату входят Дженни и Дэви и останавливаются у порога. Дэви остолбенел, увидев свою фигурку в руках Калеба.

Мы понимаем так твоё молчанье,
Что ты ничем не можешь оправдаться,
Что понял тяжесть своего проступка.
И наш совет отеческий тебе —
Бесчестье покаяньем искупить.
Учитель наш братолюбив, ты знаешь,
И он тебе простит по-христиански,
Когда его публично ты попросишь.

Г о д в и н с о н

(торопливо)

Фигурку ж уничтожишь.

К а л е б

(Годвинсону)

Да, конечно.

(Ричарду)

Тут, сын мой, долго размышлять не надо.
Вот подойди да поклонись учтиво,
Скажи: «Отец, я грешен перед богом
И грешен пред тобой». Ну, что ж ты медлишь?

Р и ч а р д

Я извиняться перед ним не буду.

К а л е б

Так, значит, будет суд.

Ричард склоняет голову в знак согласия.

Д э в и

(порывисто)

Но это я,
Я сделал, а не дядя Ричард!

Годвинсон
(Дэви)

Правда?
Кто ж научил тебя так делать, мальчик?

Дэви
Никто, я сам! Ну, вот ей-богу, сам!

Годвинсон
Ты не божись, божиться грех, запомни.
(Общине)

Судить ребенка я не собираюсь,
Но я надеюсь, что в его семье
И так его за это не похвалят.

Эдит
За это он наказан будет строго.

Кристабел
(Калебу)
Простите мальчика, он извинится.

Калеб
А всё же для примера надо высечь.

Дэви
(Кристабел)
Повешусь, если ты меня побьешь!

Кристабел тихо уговаривает его, он качает головой со слезами на глазах.

Ричард
Племянник мой не всю сказал вам правду:
Не он один, а мы вдвоем лепили.

Дэви порывается что-то сказать. Ричард удерживает его жестом.

Как старший, я за всё ответить должен,
И я готов. Я сам прошу суда,

Но перед этим разрешить позвольте
Другой вопрос.

(Калебу)

Вон дочь твоя пришла,
А девушке так долго у порога
Стоять не подобает.

К а л е б

Это правда.

Сейчас ее мы обо всем расспросим.

Во время сцены с Дженни Годвинсон перелистывает Библию и отмечает закладками какие-то тексты. Кристабел уводит Дэви за пегородку.

(Дженни)

Скажи нам — обещал ли Ричард Айрон
Жениться на тебе?

Дженни молчит, опустив глаза.

Что ж ты молчишь?

Община просит — отвечай же.

Дженни закрывает лицо рукавом и всхлипывает.

Р и ч а р д

Дженни,

Я вас прошу на всё ответить ясно.
Почтенный ваш отец меня бесчестит,
Публично упрекая в том, что я
Как будто соблазнял вас.

Д ж е н н и

(вспыхнув и преодолевая стыд)

Ну так что ж!

А кто же называл меня принцессой,
Русалкой... и... и я уже не знаю,
С кем сравнивал еще? Кто вздор болтал,
Чтоб только удержать меня?

Р и ч а р д

Поверьте,

Намеренья мои невинны были,
Но если я смутил неосторожно
Покой сердечный, знать бы мне хотелось...

А б р а г а м С м и т
Да что там! Поженитесь — и конец!

Д ж е н н и
(в порыве злого упрямства)
Нет, ни за что я за него не выйду!

К е м б л
(смущенно)
Ну нет, ты, дочка, говоришь неправду.
Ведь это ты капризничаешь. . .

Д ж е н н и
Нет!
Я не хочу! Я разве из последних,
Чтоб он меня. . .

(Снова закрывается фартуком, и благодаря этому слова заглушаются.)

К е м б л
(сердито)
Джоанна, хватит нюнить!
Ну что тебе не по душе — скажи?
Да говори скорее!

Р и ч а р д
Ведь и правда
Вам надо объяснить свои слова,
Меня вы оскорбили.

Д ж е н н и
(Ричарду с угрозой)
Хорошо!
Я объясню.

(Общине)
Послушайте же, люди!
Давно уж есть у Ричарда жена,
Так пусть же с нею остается он!

Бежит к алькову, раздвигает занавески и показывает рукой на дикарку, забившуюся в угол. Община в ужасе. Кое-кто отворачивается, кое-кто плюет с отвращением, кое-кто всплескивает руками.

Кембл

(встает и подходит к Дженни)

Уйдем скорей. Пусть с этим домом будет
То, что с Содомом и Гоморрой было!

(Берет Дженни за руку и выходит в крайнем гневе.)

Дикарка, уловив момент, пока община еще не опомнилась, стремглав
убегает в открытые настежь двери.

Эдит

Как смел ты в нашем доме греховодить?
Хотя б меня с сестрою постыдился!

Ричард

Я объяснить могу всё это, мама...

Эдит с негодованием отворачивается. Кристабел, закрыв лицо руками, уходит за перегородку.

Годвинсон

(Общине)

О чем еще спрашивать нам, братья?
Всё видели мы ясно. Это значит
Поймать на месте преступленья.

Абрагам Смит

Правда!

Филдинг

Неслыханная дерзость!

Калев

Святотатство!

Джон Милс

Мы не допустим этого!

Иеремия Ортвин

Конечно!

Годвинсон

(берет со стола Библию)

Я думаю, что прочитать нам стоит,
Как поступал Израиль с тем, кто так же
С языческой женщиной грешил.

Р и ч а р д
Так ставить вам вопрос я не позволю!

Г о д в и н с о н
(общине)
Не думает ли он еще отречься?
Кем он считает всех нас?

А б р а г а м С м и т
Дураками!

Д ж о н а т а н
Отцы мои, позвольте молвить слово.

Ф и л д и н г
Ну что ж, известно, ты его товарищ,
Ты будешь заступаться.

Д ж о н а т а н
Я, отец,
Общине был всегда послушным сыном,
Обманывать ее грехом считаю,
А правду я ценю и ставлю выше
Людской приязни.

К а л е б
Что же, говори.

Д ж о н а т а н
Я говорил с товарищем об этой
Дикарской девушке. Он уверял,
Что он ее привел не для распутства.
Уверен я, что Ричард мне, как другу,
Признался бы по правде.

К а л е б
А зачем же
Она ему нужна?

Д ж о н а т а н
Отец почтенный,
Я эту цель считаю недостойной,

Однако же и не такую мерзкой,
Как вам казалось, — он привел дикарку,
Чтоб статую с нее лепить. И правда,
Я видел сам, как он ее лепил.

Г о д в и н с о н

И эту цель ты не считаешь мерзкой?
Нет, из язычницы творить кумир —
Тягчайший грех! Он заповедь господню
Великую и страшную нарушил,
Теперь уже на много поколений
Нам будет мстить господь, коль сами мы
Не отомстим. А то, что Ричард делал
Вот это не один,

(показывает на свое изображение работы Дэви)

но и подростка
На эту мерзость подстрекал — всё это
Великий грех. Священное писанье
Нам говорит:

(раскрывает Библию)

«Кто малых сих введет
В соблазн, тому бы лучше было
Повесить жернов мельничный на шею
И в море его бросить».

Р и ч а р д

(саркастически указывая на изображение Годвинсона)

И кумиром это
Считаешь ты?

Г о д в и н с о н
(глядя в Библию)

Считаю, что уста
И праведные осквернит беседа
С подобным нечестивцем.

(К общине)

Кто скрывает

В своей, бесчестьем скованной, душе
Грехи такие — нет тому прощенья!

К а л е б

Оно как будто бы и так. А всё ж
Тут не мешает десять раз отмерить,
И уж потом как следует отрезать.

Д ж о н а т а н

Так, мой отец! Сама святая мудрость
Сейчас твоими говорит устами!
Тяжелые грехи на душу принял
Несчастный мой товарищ! . .

Р и ч а р д

Джонатан,
«Целуя, предаешь»?

Д ж о н а т а н

Нет! Подтверждаю
Свою жизнь: я ведь жил не лучше,
Но мне простил господь мои грехи, —
Когда я стал уже у края бездны,
Наставил он меня на путь правдивый.

А б р а г а м С м и т

В последний час господь простить нас может.

Д ж о н а т а н

(Абрагаму Смиту)

Поэтому-то Иисус Христос
Велел прощать не только то, что . . .

Г о д в и н с о н

*(который старательно всё время перелистывал Библию,
порой отрываясь для реплик, делает внезапный жест
Джонатану, так что тот от неожиданности замолкает,
а Годвинсон обращается к Калебу)*

Брат мой,
Ошибся ты, что ты ему позволил

Публично говорить. Вот посмотри,
Что сказано.

(Подсовывает книгу Калебу и читает, делая пропуски и нажимая на особенно важные слова.)

Калев следит глазами по книге за чтением и беззвучно шевелит губами, словно повторяет за Годвинсоном, кивая в такт чтению головой.

«Всякий резчик и строитель... сердце свое отдает, чтобы добиться большей красоты. Так же и кузнец... так же и гончар... сердце свое отдает, чтобы закончить сосуд. Все они на руки свои надеются... Без них город не заселится, но на престолах судей не сядут и закона судебного не поймут, да и не будут выносить решения или приговора...»

К а л е б

(после чтения бьет себя по лбу)

Эх, старческая память!

Здесь ясно сказано, что каждый мастер
На судьбищах не должен говорить.

(Джонатану)

Умолкни, сын, и сядь.

Джонатан покорно кланяется и, вздохнув, садится.

Г о д в и н с о н

(снова придвигает Библию к себе)

Еще есть слово:

(читает)

«Кто говорит про нечестивого, что он праведный, тот будет проклят людьми и ненавидим народами».

А б р а г а м С м и т

Спаси нас, господи, и заступись!

Д ж о н а т а н

Я праведным его не называл...

(Обрывает речь, робко взглянув на Калеба, который делает ему знак молчать.)

К а л е б

(Джонатану, добродушно)

Не бойся, мы по правде всё рассудим,
А ты молчи, тебе молчать велели.

Г о д в и н с о н

Чтоб искушенья не было, ты выйди.

Джонатан, с состраданием взглянув на Ричарда, который отвечает ему иронической улыбкой, выходит.

К а л е б

(общине)

Что Ричарда никто не назовет
Здесь праведным — об этом нет и речи,
Но без спасенья нам его оставить
Не хочется.

Р и ч а р д

Да я не погибаю!

Ф и л д и н г

Ну и горяч!

К а л е б

(Ричарду)

Нет, сын, ты погибаешь,
Хоть сам того не понимаешь!

(Общине)

Братья,

Не следует ли с ним повременить, —
Повременил же ведь господь с Содомом, —
Опомнится он, может.

Г о д в и н с о н

Честный брат,

Ведь он ни в чем раскаяться не хочет,
На что же ты надежду возлагаешь,
В чем признаки раскаянья ты видишь?

К а л е б

(озабоченно)

Да, признаков... как будто незаметно...
А всё ж поговорить с ним не мешает.
Его богобоязненная мать
Поможет нам опять направить сына
На добрый путь.

Э д и т

(глухо, но отчетливо)

Должна я вам признаться,
Что потеряла на него надежду,
Он слов моих не принимает к сердцу.

Г о д в и н с о н

Еще одну он заповедь нарушил:
Он мать не почитает.

Р и ч а р д

Что ты, мама!
Зачем поклеп ты на меня возводишь!

Э д и т

(сурово)

Нет, это правда.

Г о д в и н с о н

(делает движение к Эдит)

Вы слышали, братья?

А б р а г а м С м и т

Как очерствело сердце! Жалко парня!
Душа окостенела. Пропадет!

К а л е б

Не будем все-таки терять надежду
Его спасти. Недаром же господь
Его талантом наградил немалым.
Когда мы про подсвечник говорили,
Я притчу о талантах вспоминал.
Так не дадим же, братья, ни растратить,
Ни в землю закопать таланты те,
Что даровал всевышний нашим детям.

Г о д в и н с о н

Но он уже талант свой растерял
И промотал, как пьяница. Да разве
Не мог он научиться на чужбине
Ремеслам нужным? Нет, он предпочел
Постичь искусство дьявола — скульптуру.

Абрагам Смит

А слышал я, что и оно от бога.

Годвинсон

За все века два мастера известны,
Что с божьего пути не уклонялись:
Веселиил и Элиав из храма
Ерусалимского, а все другие —
Отродье Каиново, все потомки
Сидона, Тира. Их ярмом железным
Сковать бы надо! Кто из них был первым?
Юбал и Тубал-Каин. Кто отец их?

Филдинг

Конечно, Каин. Это всем известно.

Калеб

Я вас прошу, как Авраам просил
За грешный город.

(Указывает на Ричарда.)

Эта вот душа
В грехах, быть может, не совсем погрязла;
Быть может, есть в ней хоть одна крупица,
Один порыв, что не противен богу.

Ричард

(иронически)

Спасибо вам за похвалу такую!

Калеб

(Ричарду, не замечая иронии)

Да тяжело ведь бросить камень в брата.

(Общине)

Я предлагаю под надзор общины
Его нам взять. И если через год
Не станет он, как Джонатан, послушен
И воле нашей, и господней волс,
То будет нам как мытарь и как грешник.

Абрагам Смит
Так будет правильно.
Джон Милс
По-христиански.

Филдинг
Чтоб он покаялся?
Абрагам Смит
Господь всемогущ.
Всё может сделать.

Иеремия Ортвин
Взять под наблюденье.
Калев
На год.

Филдинг
На месяц хватит.
Абрагам Смит
На полгода.

Иеремия Ортвин
Три месяца довольно.

Джон Милс
Сорок дней.

Ричард
Да долго ль это будет? Как на рынке,
Идет торговля о душе... Впервые
Признать его я должен правоту.

(Показывает на Годвинсона.)

Я до сих пор не изменил искусству
И от него не отрекусь вовеки.
Всё победив, теперь моя душа
Свободная подобна горной серне.

А вы ее хотели бы взнудать
И привести на поводу обмана
К нему

(показывает на Годвинсона)

в ярмо железное?

Г о д в и н с о н

(во время речи Ричарда начинает трястись, затем устремляет взгляд в пространство, протягивает руки, словно к какому-то видению, и, выкрикнув неестественным, экзальтированным голосом, перебивает Ричарда)

О, горе!

Сион мой! Новый Иерусалим!

Куда тебя ведут? Ой, что я вижу?

Ой, что я слышу! Горе! Горе! Горе!

Цимбалы, бубны, гусли и свирели. . .

И вот подросток в танце непристойном

Кружится перед статуей Молоха!

Вот девушка невинная, роскошно

Одетая, чтобы служить Астарте. . .

О, плачьте, плачьте!

(Хватается за голову.)

Общиной овладевает волнение, кое-кто плачет, кое-кто дрожит от растерянности; Кристабел рыдает; Эдит, сжав руки, смотрит перед собой взглядом, полным отчаяния.

Ф и л д и н г

(бросается к Годвинсону)

Наш отец! Учитель!

Дай нам совет! Спаси нас! Что нам делать?

Г о д в и н с о н

(меняет плачущий тон на грозный)

Велик господь в правдивом гневе. Слушай,

Сиона дочь! Вот хищники летят —

Ты видишь их, жестоких, медноликих?

Спасенья нет тебе. . . Твой бог отрекся

За идолопоклонство от тебя. . .

{Опускает руки; закрывает глаза, словно обессиленный отчаянием.}

К а л е б

Учитель, эти страшные виденья
В предупрежденье нам, а не на гибель?
Наверно, так?

Годвинсон молчит и не открывает глаз.

(Пододвигает Годвинсону Библию ближе.)

Открой святую книгу,
И пусть она укажет, что нам делать.

Г о д в и н с о н

(открывает Библию будто наугад, в действительности же на заложенном заранее тексте; читает глухим голосом)

«Будь проклят тот, кто вылепит или выльет противное
богу создание рук мастера и положит его в тайном ме-
сте».

(Общине, не читая.)

Вы знаете, что отвечал на это
Народ израильский.

К а л е б

(печально и строго)

«Да будет так».

Ф и л д и н г

(фанатически)

Да будет проклят!

А б р а г а м С м и т

(покорно)

Что ж, да будет проклят.

Д ж о н М и л с

Своя душа дороже. Я согласен:
Да будет проклят.

И е р е м и я О р т в и н

Да уж не иначе.

Э д и т

(громко, отчетливо)

И я его кляню.

К р и с т а б е л

Ой, мама! Мама!

Р и ч а р д

(общине)

Все прокляли? А знаете за что?

К а л е б

(показывая на закрытую статую)

За эту мерзость, что от всех скрываешь.

Р и ч а р д

Кто вам сказал, что я свое создание

Скрываю? Вот, смотрите! Вот оно!

(Внезапно сбрасывает покрывало с большой статуи.)

Немая сцена. По лицам присутствующих видно, как религиозное чувство борется в них с естественным удивлением перед прекрасным произведением искусства. На лице у Ричарда появляется выражение триумфа.

Г о д в и н с о н

(общине)

Еще ужасней

Он этим согрешил, чем до сих пор!

Он хочет нас теперь запутать в невод,

Сплетенный князем лжи. С дороги правой

Он хочет сбить, как видно, всю общину.

Община отворачивается, чтобы не смотреть на статую.

Ф и л д и н г

Он слушал дьявола, когда вот это

Творил.

Р и ч а р д

Я слушал только вдохновенье,

А вами правит кто?

(Показывает на Годвинсона.)

Вот этот труп?

Кто ж создал идола? Не я, а вы!

Себя кляните!

Годвинсон

(общине)

Долго ли терпеть нам
Бесчестье слов и дел? Чего вы ждете?
Припомните, что сделал Моисей
С кумиром золотым?

Филдинг

Он сжег его
И пепел дал идолотворцам выпить.

Годвинсон

И мы так сделаем!

(Показывает на статую.)

Сожжем ее!
Сжигайте же всю идольскую мерзость,
Что в этом доме собрана!

Ричард

Не дам!

В эту минуту Филдинг своей большой палкой сбивает статую с помоста, она падает и разбивается. Члены общины хватают всё, что только попадает под руку, всё относящееся к скульптуре, — эскизы, бюсты и т. п., даже инструменты, — топчут, ломают, бросают в камин, в котором Калев разжигает и раздувает огонь.

Годвинсон

(бросается к шкафу, около которого уже стоит Ричард,
готовый к защите)

Здесь идолы страшнее! Посмотрите!

Ричард борется с ним, не пуская Члены общины бросаются на помощь Годвинсону. В дверь из боковой комнаты уже в течение нескольких минут, с тех пор как началась драка, пытается вырваться запертый там Дэви. Кристобел и Эдит подпирают дверь, но на минуту Эдит опускает руки, пораженная тем, что делается около шкафа. Дэви прорывается в дверь, схватывает скульпторский молоток возле разбитой статуи и, пробившись к Ричарду, подает ему молоток.

Дэви

На, дядя, молоток!

Р и ч а р д

(Крепко прижимает одной рукой единственную статуэтку, которую ему удалось спасти, — статуэтку с девизом: «Pereat mundus, fiat ars», — а другой берет у Дэви молоток и замахивается им)

Эй, отойдите!

Легко ранит Годвинсона, тот пронзительно кричит; поднимается крик: «Он сумасшедший! Прочь его! В пушу! Гоните его! Гоните его!» Община наступает на Ричарда с палками, кое-кто бросает кусками глины от разбитой статуи.

(Громким голосом.)

Молчать, отродье подлое! Невежды!
Я сам уйду от вас! Там, в дикой пуще,
Есть дикари — они не хуже вас!
Прочь! Дайте мне дорогу! А иначе
Я сам себе дорогу проложу!
Эй, берегитесь!

(Устремляется сквозь толпу, прокладывая себе молотком дорогу к двери.)

К р и с т а б е л

Что ты, брат! Опомнись!
Вернись! Ой, мамочка!

(Бросается к Эдит.)

Э д и т

(твердо)

Он проклят богом.
Он мне не сын, тебе не брат.

Д э в и

(пробиваясь к Ричарду сквозь толпу)

Ой, дядя,

Возьми меня с собою!

К р и с т а б е л

Дэви, сын мой!

Постой! Не уходи! Я без тебя

Умру!.. Ой, Дэви..

Голос ее срывается. Она пошатнулась. Дэви после минутного колебания возвращается на ее крик и бросается в ее объятия.

Дэви

Мама, я с тобою!

Кристалел порывисто прижимает к себе Дэви. Ричард пробился к порогу и открыл дверь.

Годвинсон и община

(вслед Ричарду)

Будь проклят!

Ричард

(оборачивается с гневным смехом)

Нет, на вас проклятья ваши!

(Исчезает за порогом.)

Община провожает его озлобленными криками и бросает вслед ему куски глины и палки.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Школьная комната в Род-Айленде; она же является и комнатой Ричарда. Большая часть ее занята школьными скамьями, кафедрой, досками и тому подобными вещами; меньшая часть, примерно четверть комнаты, отделена от первой занавесом и перегородкой, заставлена вещами Ричарда и скульпторскими инструментами: в одном углу шкаф, в другом — небольшая незаконченная статуя женщины, тут же стоит и скелет для изучения анатомии. Ричард сидит на кафедре, перед ним ученик читает по книге; другие ученики — кто помоложе, кто постарше — сидят на скамьях.

Ученик

(читает)

«E disse lei: nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria!»

Ричард

Переводите.

Ученик

(переводит)

«И молвила она: нет большей боли,
Чем вспоминать счастливые минуты
В дни горя». Может, лучше: «В дни несчастья?»

Р и ч а р д

Одно и то же.

У ч е н и к

Странные слова!

Мне кажется, приятное припомнишь —
И станет легче на душе.

Р и ч а р д

Дай боже,

Чтоб вы своей не изменили мысли.

У ч е н и к

Читать еще или анализ сделать?

Р и ч а р д

Нет, на сегодня хватит.

Ученики собирают книги и, поклонившись, расходятся. Один ученик
остается и подходит к Ричарду.

Что вам, Чарли?

Ч а р л и

Я показал отцу фигурку вашу,
Да говорит он, что такой товар
Ему не пригодится для торговли,
Здесь этого никто не покупает.
Так вот я вам принес ее назад.

(Делает движение к сумке.)

Р и ч а р д

(останавливает рукой его движение)

Возьмите же ее себе на память.

Ч а р л и

Вы разрешите маленькой сестренке
Отдать ее? Она просила куклу.

Р и ч а р д

Sancta simplicitas! ¹

¹ Святая простота! (лат.). — Ред.

Ч а р л и
Что вы сказали,
Учитель?

Р и ч а р д
Что сказал? Так. Ничего.
(Задумывается.)

Ч а р л и
(подождав)
Так разрешите подарить фигурку?

Р и ч а р д
Пожалуйста...

Ч а р л и
Спасибо.
(Кланяется, уходя.)

Р и ч а р д
До свиданья.
Чарли выходит.

(Один.)

Ужели нет такой на свете силы,
Такой могучей, чтобы здесь к искусству
И красоте людей могла приблизить?
Ведь если оживлять умел я камень,
То почему я оживить не в силах
Сердца людей? Они ведь не из камня.
Они так храбро бились за свободу,
За правду, за святое божье слово,
И не единым хлебом здесь живут.
Я видел сам, как на глазах суровых
Росой прозрачной трепетали слезы,
Когда орган напевом величавым
Людские души потрясал и стены.
И жалко было мне и так завидно,
Что музыка царит и над стенами
И над людьми, а вот мое искусство
Любимое в презренья, как царица

Развенчанная... Не хочу я верить,
Что власть моя царица потеряла.
Я виноват, моя мечта бессильна.
Да, слаб мой разум, неспособны руки
Создать, придумать что-нибудь такое,
Что б волновало всех, как гром органа.
Но где оно и как его найти мне?

(Раздвигает занавес, идет к статуе и открывает ее.)

Что недостойного в моем создании?
Кто может дать совет? Приходят люди,
Уходят молча, как глухонемые,
Как с темною водой в глазах незрячих,
Что смотрят и не видят. Лучше было,
Когда фанатики в ожесточенье
Мои создания разбивали в прах!
Ведь это было все-таки признаньем,
Что может сильным быть мое искусство,
Для них враждебным, злым и нечестивым,
А всё ж великим! Как они боролись
Тогда со мной, как с ними я боролся!..
Да, и врагу я был бы рад теперь,
Но нет его...

(Статуе.)

Так отзовись хоть ты,
Ответь хоть ты мне, глина неживая!
Чего тебе и мне недостает,
Чтоб были мы среди людей живыми?

(Делает поправки.)

Вот так не станет линия вернее?..
А этот жест, быть может, интересней?
А этот взгляд не опустить ли книзу?
Но что-то лицемерное в нем есть...
Похоже это на богинь античных...
А это — на мадонну... А вот это —
На ту, разбитую...

(Бросает работу.)

О, если б знал я,
Что людям надо, я бы дал им... Нет,

Чтобы душа с душою говорила,
Наверно, надо, чтоб сроднились души.
А что их может породнить? .. О боже!
Молю тебя: вдохни в мое создание
Иную душу иль мою возьми! ..

Тихий стук в дверь. Ричард сначала не слышит. Стук повторяется.

Прошу вас!

Входит швея Брукли и несет какой-то сверток. Молча здоровается.

Это вы?

Брукли

Я принесла

Работу вам.

(Вынимает и разворачивает длинную скульпторскую блузу.)

Ричард

Спасибо. Вот вам деньги.

(Вынимает деньги.)

Здесь и за то, что вы мне раньше шили.

Брукли

(прижимает руки к груди, отказываясь от денег)

Нет, господин учитель, не брала

И не возьму.

Ричард

Да что вы? Почему же?

Брукли

Я очень благодарна вам за сына:

Ведь мальчик мой вас уважает больше,

Чем всех учителей.

Ричард

Я очень рад,

Что у меня ученикам неплохо...

Но деньги вы возьмите, а иначе

Я не могу принять от вас работу.

(Заворачивает блузу и подает Брукли, та кладет сверток на стол.)

Б р у к л и

Нет, господин учитель, если так,
То я вас попросила б... Только где там!
Дороже это выйдет... Ну так что ж,
При случае могла б я отработать...

Р и ч а р д

А что же мог бы сделать я для вас?
Охотно сделаю без отработки.

Б р у к л и

Не отдали б вы мне фигуру эту?..

(Показывает на статую.)

Она, как видно, зря стоит у вас?..
А мне бы пригодилась.

Р и ч а р д

Для чего?

Б р у к л и

Да вечно дамы мною недовольны,
Всё им не угодить. Кто ж виноват,
Что не хотят они стоять?

Р и ч а р д

Так что ж?

Простите, что-то я не понимаю.
Шел разговор о статуе...

Б р у к л и

Так вот,

На ней я платья примерять могла бы,
Чтобы не мучить дам...

Р и ч а р д

Что?! Как?!

(Немееет от гнева.)

Б р у к л и

(испуганно)

Простите...

Я... я не знала... не хотела...

Р и ч а р д
(*понежнуго успокаиваясь*)

Ладно...
Оставьте одного меня, я болен...
А деньги вы возьмите. До свиданья.

Брукли, смущенная, берет деньги, кланяется, приседая, и выходит, оставив дверь незакрытой. Едва она вышла, входят трое колонистов: Джонс, О'Патрик и Мак Гарди.

В с е т р о е
Привет вам. Добрый вечер!

Р и ч а р д
(*отвернулся к статуе, чтобы скрыть свое еще не совсем утихшее волнение*)

Добрый вечер!

Д ж о н с
Работаете?

Р и ч а р д
Да...

О'П а т р и к
(*смотря на статую*)

Что ж это будет?
Вы делаете это по заказу
Какой-нибудь общины?

Р и ч а р д
Нет.

Д ж о н с
Наверно,
Хотите вы продать свою работу
В какую-нибудь церковь?

Р и ч а р д
Нет, куда там!
Едва ли кто ее купить захочет.

М а к Г а р д и
Тогда зачем вы лепите ее?

Р и ч а р д

Сказать по правде, я и сам не знаю.

М а к Г а р д и

Для развлечения, значит.

О'П а т р и к

Это кто же?

Святая?

Р и ч а р д

Как бы вам сказать? Мечта.

О'П а т р и к

Ну, хорошо, мечта, но для чего же
Она нужна?

Р и ч а р д

Да как мне объяснить вам,
Зачем нам, собственно, нужна мечта
И что она такое, — но, пожалуй,
Никто на свете без мечты не прожил.

М а к Г а р д и

Да, это так: конечно, молодому
Какие-то мечты на ум приходят.

О'П а т р и к

Понятно, молодость!..

Р и ч а р д

Но ведь с мечтою
Светлее жить не только молодым.

М а к Г а р д и

Иной и правда хоть и седоусый,
А забавляется.

Р и ч а р д

Нет, не всегда
Мечта — забава. За нее порою
Потоки крови люди проливают.

Мак Гарди

Храни господь от этого безумья!

Ричард

Храни господь, хоть нас и не хранил.
Ведь даже в нашей Англии веселой
Из-за мечты лилось немало крови.

О'Патрик

Да разве же мечты — вся наша церковь
Епископальная и десятина?
И наш молитвенник?

Мак Гарди

А наших «прав
Петиция»? А «пункты»?

Ричард

Всё мечты!

Мак Гарди

Что говорите вы? Побойтесь бога!

О'Патрик

И мы гнались по морю за мечтою?

Ричард

Да, нас мечта вела за океан,
За нею мы сквозь пуши пробивались,
И для нее терпели мы невзгоды.

О'Патрик

Так что ж за наважденье это было,
По-вашему?

Ричард

Великая, святая
Мечта, что люди могут быть свободны...

Молчание.

Джонс

(давно отстав от разговора, до сих пор, скучая, прохаживался по комнате; теперь, воспользовавшись перерывом, обращается к Ричарду)

А я по делу к вам, почтенный мастер.
Недавно тут земельку я купил,
И глина есть на ней, а я не знаю,
Хорошая ли глина. Вот смотрите —
Принес я вам образчик.

Ричард

(рассматривая глину)

Для скульптуры

Не пригодится.

Джонс

Нет, я не об этом...

А на горшки она не пригодится?
Мы все втроем решили основать
Союз гончарный. Мы бы и хотели
Посуду продавать, но не простую,
А деликатную. Ведь, слава богу,
Все богатеют, — может, нам торговля
Пойдет на пользу. У меня вот глина,
Он

(показывает на О'Патрика)

дом дает, а он

(показывает на Мак Гарди)

дает нам деньги.

А вас мы просим образцы лепить, —
Вы человек умелый и бывалый,
Вы видели ведь всякую посуду
В Италии — хороший там товар!
Я думал так, что если мастер Ричард
Здесь от безделья может куклы делать...

Ричард

(вскочил с места, схватил шапку)

Простите, господа, пора мне в школу...
А там и в церковь... я пойду... простите!

(Быстро выходит.)

Джонс

С ума сошел?

О'Патрик

Обиделся.

Мак Гарди

Чудак!

Ведь говорил я, что не будет толку.

Джонс

За что же он обиделся?

О'Патрик

За куклы.

Джонс

Какая ж тут обида? За такое!

Ну, может быть, немного пошутили...

Мак Гарди

А он совсем не понимает шуток.

О'Патрик

(смотря в окно)

Смотрите-ка — вон повстречался мастер

В воротах с органистом и магистром..

О чем-то говорят.

Мак Гарди

(смотря в окно)

А вот как будто

Сюда направились.

Джонс

Уйдем отсюда,

Мне с этим мастером не по себе.

О'Патрик

Уйдем, пожалуй. Нам с людьми такими

Учеными и говорить-то трудно.

Джонс

Да, может, кто-нибудь из нас и смог бы,
А только время не к чему терять.

Все трое уходят. Входят магистр и Ричард впереди, продолжая оживленную беседу, начатую на улице. Органист идет вслед за ними; он сначала не вступает в разговор, а только прислушивается и ходит, осматриваясь, по комнате. Ричард, войдя, закрывает занавес, отделяющий боковую комнату от светлицы.

Магистр

...Вы, мастер Ричард, посмотрите шире,
Ваш кругозор так тесен.

Ричард

Нет, магистр.
Всё дело в том, что смотрим мы различно:
Я вверх, а вы — вокруг себя.

Магистр

Ну пусть,
Хоть вряд ли так, — построим параллель:
Вам дорого искусство — я не спорю,
Достойно ли оно, речь не о том, —
Вам дорого искусство, мне — наука.

Ричард

Конечно.

Магистр

Так. Non dubitandum est.¹
Пойдемте дальше: вы в своем искусстве
Дошли когда-то до высот...

Ричард

(с сожалением)

Когда-то!

Магистр

(делает движение рукой, словно успокаивая Ричарда)

При диспуте спокойствие хранить —
Conditio sine qua pop.²

¹ Нет сомнения (лат.). — Ред.

² Непременное условие (лат.). — Ред.

Р и ч а р д

Простите.

Ма г и с т р

Известно вам, почтенный мой коллега,
Что Universitas¹ меня магистром
Именовал...

Р и ч а р д

И что ж — *hominis causa*?²

Ма г и с т р

Nunc prosequor:³ вот вы преподаватель
Вокабул итальянских, я — учитель
По арифметике, хоть я — ученый,
А вы — художник.

Р и ч а р д

Это так, к несчастью

Для нас.

Ма г и с т р

Что ж, пусть для нас — не для науки,
Не для искусства. Люди, поколения —
Лишь звенья малые в цепи великой
Всемирной жизни. И такую цепь
Порвать ничто не сможет. Архимед
Повержен был рукою негодяя.
Он не успел окончить теоремы,
Но через год, а может, через сто
Нашлась рука, что дописать сумела
Ту теорему. И никто не скажет,
Где предка дело, где потомка труд —
Они слились в единой теореме.

Р и ч а р д

Позвольте мне, магистр, и вам ответить
Одним примером. Некий славный мастер,

¹ Университет (лат.). — *Ред.*

² Ради почета, по заслугам (лат.). — *Ред.*

³ Теперь продолжим (лат.). — *Ред.*

По имени неведомый, оставил
Нам статую без рук. Прошли года,
Века, тысячелетья. . . И доньше
Та статуя без рук. Пришлось мне видеть
Немало проб закончить эти руки —
Художники известные трудились —
И что ж? Попытки эти неудачны,
Работа поколений не слилась.

О р г а н и с т

(вступает в беседу)

Но это значит, что сама скульптура
Окончила свой век. И слава богу!

Р и ч а р д

А если так, какая же тут радость?
Когда бы музыка исчезла, я бы
Не радовался.

О р г а н и с т

Музыка бессмертна.

Какая-нибудь песенка и та
Живет века, меняется и снова
Звучит и в церковь божью переходит.
То христианское искусство.

Р и ч а р д

Разве

Скульптура проклята Христом?

О р г а н и с т

Да нет,

Но всё ж скульптура в христианском мире,
Когда она язычеству не служит,
Одна забава.

Р и ч а р д

Как? Буонарроти,
По-вашему, трудился для забавы?

О р г а н и с т

Я никогда его работ не видел,
И мало кто их видит. Те же гимны,

Что в церкви я играю на органе,
Весь христианский мир поет.

Магистр

Но это
Не доказательство.

Органист

Что ж, может быть.
Не мастер я на диспуты. Но только
Никто на свете не живет без песни,
А статуи для богачей стоят.

Ричард

Роса сверкает на былинке каждой,
А бриллиант — на дорогих уборах;
Но оба — дар господень.

Магистр

Это тоже
Не доказательство.

Ричард

Но если бриллиант
На перекрестке положить иль в церкви,
То каждый мог бы на него смотреть,
Как на росинку.

Органист

Нашей бедной церкви
Не покупать брильянтов драгоценных...

Магистр

Коллеги, мы от темы отклонились.
Начнем *ab ovo* и *ad hoc*¹ мы примем
Без доказательств, что скульптура вечна.
А может, в самом деле, мастер Ричард,
Вы здесь как скульптор перестали жить.

Ричард

Не лучше ли тогда, чтобы я умер?..

¹ Сначала и применительно к данному случаю (лат.). — *Ред.*

Магистр

(не обращает внимания, продолжает спокойно дальше)

Вы, как анатом, знания несете
Той молодежи, что своим талантом
Вас может превзойти, и труд ваш долгий,
Упорный, незаметный подготовит
Искусства вашего расцвет блестящий,
Когда для этого пора настанет.
И в этом храме будущем искусства
Вы будете фундаментом незримым.

Ричард

По-вашему, людские души — камни,
Которые годятся на фундамент?
По-вашему выходит — только тело
Бойтся смерти, а живой душе
Не страшно умирать?

Магистр

Нас вера учит,
Что наши души вечны.

Ричард

Ах, магистр!
Я в это верил, но теперь я вижу,
Что душу можно раздавить. И даже
Скорей, чем тело.

(Отходит немного в сторону и склоняется к окну, охваченный грустью.)

Магистр

(не смотря на Ричарда)

Кто ж у нас, коллега,
Здесь душу давит? То в чужих краях, —
У нас, в Род-Айленде, не надевают
Ярма на душу. Вы скажите сами,
Какую же неволю здесь вы знали?
Пришли вы и живете здесь свободно.

Ричард вздрагивает при последних слечах.

Органист
(шепотом)

Оставим же его, он, как струна
Расстроенная, весь дрожит.

(Вслух.)

Магистр,
Я тороплюсь домой, а там и в церковь
На репетицию пора. Мы вместе
Пойдем?

Магистр
Пойдем, коллега.

Органист
Приходите,
Я буду ждать вас, мастер, я сыграю
Вам «Stabat mater», что когда-то вам
Понравилась.

Ричард
Спасибо, только я
Прошу, чтоб вы мне Requiem сыграли.

Органист
Но я прошу вас, мастер, не грустите!

Ричард
Я не грущу...

Органист
Ну, до свиданья, мастер!

Магистр и органист подают руки Ричарду и идут к двери.

Магистр
(уходя)

А диспут мы когда-нибудь закончим.

Магистр и органист выходят. Ричард минуту стоит опечаленный,
затем быстро подходит к окну, открывает его и кричит.

Р и ч а р д
Коллега Брайд! Почтенный органист!

О р г а н и с т
(*подходит к окну*)
Что, мастер?

Р и ч а р д
Вы не помните ли песню
О том, как жил да был в траве кузнечик:
Скрипел, хрипел, никто его не слушал,
А умер — все забыли. Там припев —
«Ой горе, о кузнечике забыли!»

О р г а н и с т
К чему спросили вы меня об этом?

Р и ч а р д
Да так. . . Уж очень песня хороша.

О р г а н и с т
Я органист, а не певец. Прощайте!
(*Оскорбленный, уходит.*)

Р и ч а р д
Коллега Брайд!.. Пойдите!.. Рассердился.
Я вовсе не хотел его обидеть.
Не понял он. . . Но это не впервые,
Что здесь меня не понимают люди.
Да и зачем им понимать? Они
И вправду дали мне приют, работу
И. . . и свободу. Кто же виноват,
Что у меня так беспокойно сердце,
Что опалил его огонь какой-то,
Тот, что ни печь и ни варить не может
И мог бы только жертвы всеسوуженья
Сжигать дотла на алтаре великом. . .
Где ж эти алтари? Я словно воин,
Что на чужбине почитает бога,
Которого никто вокруг не знает. . .
(*Задумывается. Потом смотрит в окно.*)

Смеркается... Ложится тень от пуши...
Вон там дорога лентою белеет...
И кто-то, кажется, идет иль едет...
Вот так и я сюда пришел когда-то...
Тяжел был путь, не выдержал бы Дэви...

(Поет вполголоса.)

«— Куда собрались вы так поздно в дорогу,
Мой Ричард, всё море в тумане.
— Моя королева, молитесь вы богу,
И легче на сердце вам станет.
— Куда вам спешить, подождите рассвета,
Мой Ричард, всё море в тумане».

(Перестает петь.)

Забыл слова, мотив я только помню, —
Бывало, часто мой отец певал...
А мать — та ненавидела баллады...

(Поет.)

«Куда собрались вы так поздно в дорогу,
Мой Ричард, всё море в тумане».

(Снова перестает.)

Как здесь внезапно наступает вечер...
А впрочем, так бывало ведь и в пуще...
Нет, я дороги этой не забуду...

(Поет.)

«На море темно — подождите рассвета,
Мой Ричард...»

(Прерывает пение, всматривается в окно, затем вскакивает, внимательней всматривается вдаль.)

Кто там в самом деле едет?
Сюда?.. Мне кажется... О, боже мой!
Да это Джонатан!

(Бросается к двери, встречается с Джонатаном. Они падают друг другу в объятия.)

Друг! Джонатан!

(Ухаживает за Джонатаном, приглашает его к столу и угощает, вынув из шкафа еду и питье.)

Садись, мой брат, и отдохни с дороги!
Ты долго проблуждал, наверно, в пуше!
Путь отыскать в ней трудно.

Джонатан

Нет, не очень.
Теперь пути в ней проторили люди.
И лет уже прошло с тех пор немало,
Как ты покинул нас.

(Присматривается к Ричарду.)

А всё же, Ричард,
Как рано эти годы положили
Тебе на кудри столько серебра.
И я, я так же изменился?

Ричард

(смотрит на Джонатана)

Нет,
Не очень... Как же ты сюда заехал?
Уж не из-за меня ли?

Джонатан

Да, конечно,
Еще и Риверса хотел я видеть,
К нему и дело есть. Он нам недавно
Прошение прислал через людей, —
Не разрешим ли мы ему вернуться.

Ричард

И что же?

Джонатан

Разрешили.

Ричард

Да?.. Ну, как там
Живут твои?

Джонатан

Спасибо, хорошо.

Р и ч а р д
(с видимым усилием и беспокойством)
А как мои?

Д ж о н а т а н
Все живы и здоровы.
Просили передать тебе привет.
Сестра узнать мне у тебя велела,
Не хочешь ли ты к ней сейчас вернуться.

Р и ч а р д
Душа моя к ней рвется постоянно.

Д ж о н а т а н
Ну, так вернись!

Р и ч а р д
Как будто ты не знаешь.
Меня изгнал ведь приговор общины.

Д ж о н а т а н
То был не приговор, скорей — порыв.
Когда б ты мог порыв тот переждать...

Р и ч а р д
Не мог...

Д ж о н а т а н
Ты не хотел.

Р и ч а р д
Не стоит спорить.

Д ж о н а т а н
И правда, это всё прошло. Теперь
Община приговор забыть готова.

Р и ч а р д
Что ж, может быть... А кто ж ее просил?
Сама сестра?

Д ж о н а т а н
Нет, в сердце материнском
Слезами пробудила Кристабел

Сочувствие, и согласилась мать
Просить общину о тебе.

Р и ч а р д

О боже!

Она меня своим признала сыном. . .

Д ж о н а т а н

Надеется, что ты еще вернешься,
Как блудный сын. . .

Р и ч а р д

Она сказала так?

Д ж о н а т а н

Она сказала это при общине.

Р и ч а р д

Меня назвать при всей общине блудным!.

Д ж о н а т а н

К тебе была община благосклонна.
Сам Годвинсон сказал, что если б ты
Пришел покорно, полный покаянья,
С сердечной скорбью, — он тебя простил бы,
Как и община.

Р и ч а р д

Как он мог подумать,
Что я приду к нему просить прощенья?

Д ж о н а т а н

Не требует он покаянных слов.

Р и ч а р д

Так, значит, делом каяться я должен?

Д ж о н а т а н

Конечно, делом.

Р и ч а р д

Да, конечно, делом!

Джонатан

Советую тебе я покориться,
В покорности и сам ты мир нашел бы,
Тот мир, которого в твоей душе
Вовеки не было.

Ричард

Да и не будет!

Джонатан

Когда-то о себе и я так думал,
Пока не одолел свою гордыню.
А с той поры, как от себя отрекся,
Обрел я в сердце мир и благодать.

Ричард

Как я давно подобных слов не слышал!

Джонатан

Послушай же! И пусть мой голос будет
Не гласом вопиющего в пустыне.
Прошу тебя я, Ричард, покорись,
Прошу и умоляю!

Ричард

Не могу.

И пусть господь меня рассудит с ними!
Не гнется шея перед Годвинсоном,
Не может сердце вынести неправду,
Хотя б от матери.

Джонатан

А для сестры?

Ричард

Зачем же нужен ей покорный Ричард?
Затем, чтоб положить его во гроб?

Джонатан

Оставь ты, Ричард, гордые слова;
Всё это — дым, ты вспомни о живых.
Племянника ведь ты любил, как сына.

Р и ч а р д

Что с ним?

Д ж о н а т а н
Да ничего, хороший мальчик.

Р и ч а р д

Не лепит?

Д ж о н а т а н
Нет, но живопись он любит.
Хотел бы он в Голландию поехать
С товарищами, чтобы подучиться,
Да денег нет. А жалко: пишет он
С большой охотой и совсем неплохо,
Не возражают и родные, — что ж,
Греховного он ничего не пишет.

Р и ч а р д

А что он пишет?

Д ж о н а т а н
Больше всё портреты.
Свой собственный он написал. И вот...

(Вынимает небольшой портрет, написанный на дощечке.)

Тебе его в подарок посылает.

Р и ч а р д

(Присматривается. Голос его дрожит.)
Он стал еще красивей... Ус чернеет...
А взгляд всё тот же дальнозоркий, чистый,
Всё та же искра в нем горит. Мой Дэви!
Мой милый мальчик! Сын души моей!

Д ж о н а т а н

Вернись к нему.

Молчание.

Р и ч а р д

Зачем бы я вернулся?
Чтоб душу молодую погасить?
Теперь он будет помнить, что когда-то

Был у него любимый дядя Ричард,
Свободный, смелый и непримиримый,
Покорный только красоте и правде.
Не омрачу его воспоминанья;
Я не хочу, чтобы мой милый Дэви
И юные друзья его кивали
Мне головою вслед и говорили:
«Был конь, да вот изъездился!» Обидно!

Джонатан

Всё это гордость, Ричард. Ты для славы
Готов души спасенье погубить.

Ричард

Для славы? Где же? Где же эта слава?
Ты не терзай мне сердца!

Джонатан

Извини,

Хотел сказать я...

Ричард

Что там говорить!

Мы всё сказали, что могли, как будто.

Джонатан

Послушай, Ричард, дома, кроме близких,
Есть у тебя еще друзья.

Ричард

Какие?

Кто эти праведники?

Джонатан

Миссис Томсон.

Ричард

Такой не знаю я.

Джонатан

Она — вдова

По Томсону, когда-то Дженни Кембл.

Она недолго замужем была,
Теперь она уже...

Р и ч а р д

Не надо больше!..
Будь Томсон или Кембл — мне всё равно.
Я этой женщины не знаю.

Молчание.

Д ж о н а т а н

Что же
Твоей сестре скажу я о тебе?

Р и ч а р д

Скажи, что я не возвращусь.

Д ж о н а т а н

И это
Твое последнее решение?

Р и ч а р д

Да.

(Отворачивается.)

Д ж о н а т а н

Напрасно ты свои скрываешь слезы.
Я вижу их. Скажу твоей сестре:
Он плакал, это говоря.

Р и ч а р д

(овладевая собой)

Как хочешь...

А Дэви передай, чтоб непременно
В Голландию поехал...

*(Идет к сундуку, вынимает оттуда деньги и дает их
Джонатану.)*

Эти деньги

Отдай ему. Мой заработок горький
На этот раз пусть не на хлеб насущный
Пойдет. Скажи ему: просил твой дядя,
Чтоб мастером ты был и не склонялся
Ни перед кем.

Джонатан
Я деньги передам.

Ричард

А слово?

Джонатан
Нет. Оно греховно.

Ричард

Что ж,
Не говори! Без слов поймет мой Дэви.

Молчание. Джонатан прячет деньги.

Джонатан

Как видно, большего я не дождусь.
С тем и уйду.

Ричард

Останься ночевать!

Джонатан

Я к Риверсу пойду. Ну, будь здоров!

Пожимают друг другу руки. Джонатан направляется к двери.
(Уходя.)

Что матери сказать мне?

Ричард

Ничего.

Джонатан выходит. Во время диалога незаметно наступила ночь.

Теперь только слабый звездный свет немного освещает комнату

(Прислушивается, как затихают шаги Джонатана, затем садится у стола.)

Как одинок я! Боже, боже правый!
Что ж, я достиг желанного: свободы,
Разбил все цепи жаждущего сердца
И сердце вместе с ними. Я свободен.
И нет ни остановки, ни дороги,
И цели нет... До края доборолся...
Теперь, когда я всё преодолел,
Тоска меня же одолеет? Нет!

То, для чего я от всего отрекся,
Пусть и меня спасает. Искра божья!
Мой дом родной когда-то ты сожгла,
Теперь свети, свети мне на чужбине,
Стань очагом домашним.

(Встает, зажигает свечу, ставит ее на постамент, отодвигает занавес, подходит к закрытой статуе, берется за покрывало, немного приподымает его, но останавливается.)

Что хотел

Я изменить в ней? Что теперь мне делать?
Кончать ее? Приблизить ли к природе?
Нет образца... Фантазии дать волю?
Не бьет моя фантазия крылами
Поломанными...

(Опускает покрывало.)

Что ж ты, мысль, молчишь?

Спаси меня!.. Как сердце замирает...
Устало биться?.. Да... И я устал.

(Садится на край пьедестала статуи.)

А может быть, всё это только призрак.
И, может, то была не искра божья,
А только лишь болотный огонек,
Что путника уводит в бездорожье...
И, может, все они не ошибались,
А только я один. Я жизнь свою
Неблагодарному кумиру отдал...
В тяжелый час кумир мне изменил...
Так будь он проклят!..

Что я говорю!

И как не грех до этого дожить?
Прости меня... Кого я умоляю?
Пустыню, что ли? Как тут страшно, боже!

(Выбегает из комнаты.)

Убегая, Ричард оставил дверь открытой; от ветра пламя свечи на постаменте дрожит, и черные тени от статуи, от скелета и от скамей пробегают по стенам и по потолку. Комната некоторое время пуста. Потом входят магистр и мессер Антонио, человек пожилого возраста, у него одежда и манеры венецианского пobile¹ XVII века.

¹ Знатный дворянин (итал.). — Ред.

А н т о н и о

(останавливается у порога и удивленно осматривает комнату)

Позвольте вас спросить, магистр любезный,
Уверены ли вы, что здесь живет он?

М а г и с т р

Ошибки никакой не может быть,
Мессер Антонио.

А н т о н и о

Что ж, это странно...

М а г и с т р

Вы разрешите здесь мне вас оставить?
Уж если так спешите вы покинуть
Род-Айленд наш...

А н т о н и о

Мне надо торопиться!

М а г и с т р

То должен я собрать общину нашу,
Чтоб обсудить нам пункты о торговле.
Переводить с латинского я должен, —
Не все язык здесь этот понимают.

А н т о н и о

От всей души, магистр достопочтенный,
Я вас благодарю за то, что вы
К моим делам вниманье проявили.
А если же равна ученость ваша
Любезности — а в этом нет сомненья, —
То новая земля гордиться может
Великим, дивным светочем науки.

М а г и с т р

Нет, и ученость и любезность наша,
Признаться надо, далеко отстали
От добродетелей венецианских.

А н т о н и о

Нет слов, чтобы достойно вам ответить,
Сдаюсь на вашу милость, мой магистр.

Магистр

Мессер Антонио, я рад служить вам.

Церемонные поклоны. Магистр выходит.

Антонио

И это студия? О нет, пустыня!
Нельзя сравнить ее с той мастерской
Рикардо молодого, где, бывало,
Общались дружно грации и музыки.
Вот эта одинокая фигура —
Как памятник могильный, а над нею
Беззвучно усмехается скелет.
Ужели дому этому под стать
И сам жилец? Подумать страшно!..

На пороге появляется Ричард; увидев Антонио, восклицает.

Ричард

Боже!

Мессер Антонио... Я помешался!
Вы — призрак!

Антонио

Не пугайтесь, милый друг!
Стареет Тонио, но жив и даже
У вас торговлю оживить здесь хочет.

Ричард

(сначала без слов горячо здоровается с ним)
Мой драгоценный друг! Веселым солнцем
Италии ты в дом ко мне вошел!

Антонио

И вовремя — у вас здесь темновато.

Ричард бросается, чтобы зажечь большую лампу. В открытое окно
вдруг врывается громкое звучание органа.

Что это? «Gloria in excelsis»?¹
Что там за музыка?

Ричард

Здесь близко церковь.

¹ «Слава в вышних» (лат.). — Ред.

А н т о н и о
(*прислушивается*)

А хорошо играет органист.

Р и ч а р д
Он здесь единственный в искусстве мастер.

А н т о н и о
Я вижу — вы, как истый пуританин,
Смиренью научились.

Р и ч а р д
Не смиренью,
А только правде. Мастера другого
Здесь нет — и лишь один играет в церкви.

А н т о н и о
А этой комнаты хозяин кто же?

Р и ч а р д
Я здесь не мастер. Был я гончаром
И каменщиком, а теперь учитель.

А н т о н и о
И мастер в трудный час берет работу
Случайную. Ведь даже Аполлон
Работу каменщика взял однажды.

Р и ч а р д
Когда бы голос Аполлон утратил,
И лиру потерял, и только б строил,
Он звался б каменщиком, а не богом.

А н т о н и о
Ай, ай, маэстро! Это то смиренье,
Что паче гордости. Я не поверю,
Чтоб вы талант свой потерять могли
Здесь, в пуще Новой Англии.

Р и ч а р д
Талант?
О, как давно я слышал это слово!
Мессер Антонио, вам я скажу
О том, что я и вымолвить не в силах...

Мне кажется талант мой метеором,
Давно погасшим. Он блеснул внезапно,
Не дав ни света, ни тепла. . .

А н т о н и о

Но он
Всем взор очаровал, кто только видел
Его полет блестящий.

Р и ч а р д

Кто же видел?

А н т о н и о

Мы, академия, весь цвет искусства.

Р и ч а р д

Пришли ко мне вы, словно Одиссей,
Что вызвал из Эреба Ахиллеса
Умершего и говорил с виденьем
О давних днях, о подвигах героя.
Меж мертвым и живым лежал порог
Эребовых ворот, и та беседа
Печаль в бескровной тени пробудила,
И плакали погасшие глаза. . .
*Academia delle belle arti!*¹
То — свет иной, и мне он стал чужим.

А н т о н и о

Он мог бы вашим быть. И вы, маэстро,
Вы были бы у нас не метеором.
Вы стали бы вторым Буонарроти
И поравнялись славой с Донателло.

Р и ч а р д

Я слышу итальянские *soncetti*.

А н т о н и о

Нет, не *soncetti*, нет, не комплименты,
Я только говорю то, что запомнил,
Всё, что вы говорили, что творили,
Всё это память верно сохранила.

¹ Академия изящных искусств (итал.). — *Ред.*

Р и ч а р д
Что говорил, того я не припомню.

А н т о н и о
А кто у нас, в сепасоло,¹ бывало,
Вздымая просветленное чело
И кубком золотым звеня, в веселье,
Вдруг восклицал так громко, громче всех:
«Evviva l'artel!»?²

Р и ч а р д
Это не вернется.
Прочь покатались золотые кубки,
Зря высыхает доброе вино,
Давно чело поникло молодое
И потемнело.

А н т о н и о
Что вам не дает
В Италию вернуться, в край счастливый,
Где путь вам устлали лавры, мирты?

Р и ч а р д
Не только лавры с миртами я помню, —
Там были инквизиции декреты.
И вы их, верно, помните?

А н т о н и о
Не бойтесь,
Теперь всё изменилось.

Р и ч а р д
(печально)
Да, конечно.
Не будет ни декретов и ни лавров.

А н т о н и о
Наш разговор печален и напрасен.
Вы лучше покажите мне работу, —
Не верю я, чтоб не было ее.

¹ Сообщество, кружок единомышленников (итал.). — *Ред.*

² Да здравствует искусство! (итал.). — *Ред.*

Ведь если руки мастеру отрубят,
Он все-таки творить не перестанет.

Р и ч а р д

И показать-то нечего, как будто...
Вот это разве...

(Идет и открывает статую.)

Вы, почтенный друг,
Всегда «судьей искусств» у нас ведь были.
Теперь от вас я приговора жду.
Вы и не знаете, как драгоценно
Мне ваше слово каждое, ваш суд!
Как будто до сих пор я был в пустыне,
Где голоса людского не слышал,
А тут нежданно слышу речь родную.
Она мне будет дорога, хотя бы
Я в ней и смертный приговор услышал.

А н т о н и о

О смертном приговоре нет и речи.
Nunc delectandum est.¹

(Долго и внимательно смотрит на статую.)

Ричард тревожно следит за его взглядом.

Скажите мне,
Когда вы эту начали работу?

Р и ч а р д

Когда я начал? Как бы вам сказать:
Мысль родилась в Венеции когда-то.
Еще тогда я делать стал эскизы,
Во мне всегда жила идея эта,
Где б ни был я. И вот в Массачусетсе
Я сделал статую... но нет ее.

А н т о н и о

А где ж она?

¹ Теперь подлежит обсуждению (лат.). — Ред.

Р и ч а р д
Пожалуйста, прошу вас
Меня о ней не спрашивать.

А н т о н и о
А эту
Вы скоро собираетесь окончить?

Р и ч а р д
Пожалуй, путь мой раньше будет кончен.

А н т о н и о
Что ж, будет жаль. Хорошая работа.
Хоть и немного всё же tormentata.¹

Р и ч а р д
Не удивительно. Я сам измучен.

А н т о н и о
Не обижайтесь на меня, маэстро.
Я не хотел сказать, что не хватает
Вам силы творческой, а только то,
Что дали вы господствовать над нею
Рассудку, что видны в создании этом
Сомнения художника...

(Умолкает, подыскивая выражение своей мысли.)

Р и ч а р д
Не надо
Меня жалеть, я не прошу пощады.

А н т о н и о
(стараясь скрыть смущение)
Да вам она и не нужна, мой друг.
Вы знаете, что критика обычно
Придирчива, порою даже слишком...
Вы только что сказали мне о том,

¹ Вымученная (итал.). — Ред.

Что вы эскизы делали. Хотел бы
Я их вот с этой статуей сравнить.

Р и ч а р д

(идет и достает из шкафа маленькую восковую фигурку)

Одна из них здесь у меня осталась,
И ту я вынес, словно тело друга,
Убитого в сражении последнем.

А н т о н и о

*(присматривается к фигурке, лицо его быстро принимает
восторженное выражение)*

Да это ведь жемчужина, маэстро!
И вам грешно ее от мира прятать!
Вы — пуританин, выросли на текстах,
А притчу про таланты и забыли.

Р и ч а р д

Почтенный друг, я эту притчу знаю,
И как никто...

А н т о н и о

Во имя Аполлона
И всех Камен! Скажите мне, когда
Жемчужину вы эту сотворили?

Р и ч а р д

Еще в Венеции. Потом немного
Я изменил ее лицо.

А н т о н и о

Как будто
Фигурой ваша статуя похожа
На Каролину Д'Орси.

Р и ч а р д

Может быть.

А н т о н и о

Недаром иностранец гениальный
На итальянку засмотрелся!

Р и ч а р д

Нет!

Вы ошибаетесь. Не засмотрелся.
Хотел постичь я святость красоты.
Я даже профанацией считал бы
Ухаживанье.

А н т о н и о

А сама синьора

(ставит тем временем фигурку на стол возле себя)

Ухаживанье даже одобряет, —
Ведь у нее всегда, помимо мужа,
Три чичисбея.

Р и ч а р д

Замужем она?

А н т о н и о

Давно. За тем богатым толстым Фьяски.

Р и ч а р д

Она сейчас по-прежнему прекрасна?

А н т о н и о

Да, держится. Хотя, конечно, годы...

Р и ч а р д

Мессер Антонио, зачем об этом
Вы рассказали мне?

А н т о н и о

Мой милый друг!

Не удивляйтесь моему рассказу;
Всё, что вы слышали, всё это — жизнь,
А то, что здесь, —

(показывает на фигурку)

одна мечта, и только.

Жизнь и мечта в согласье не бывают
И вечно борются, хоть жаждут мира.

Пока борьба кипит — проходит жизнь, —
Мечта же остается. Это значит
Pereat mundus, fiat ars!

(Показывает на девиз, начертанный на пьедестале фигурки.)

Ричард не отвечает на это и задумывается.

(Берет Ричарда за руку.)

Маэстро!

Как друга и как мастера я вас
Прошу, искусством вашим заклинаю,
В Италию вернитесь! Я уверен,
Там оживут мечты и ваша слава,
И расцветет талант под нашим небом.
А мой корабль готов к услугам вашим
С его хозяином.

(Прижимает обе руки к груди и кланяется Ричарду.)

Р и ч а р д

Спасибо, друг мой.

Нет, не могу принять я приглашенья;
Прошу меня понять и извинить.
Хоть солнце итальянское и ярко,
Оно слепому зренья не вернет,
Лишь вызовет в глазах незрячих слезы
Теперь уж поздно. Как мне возвратиться
В тот край, где видели меня когда-то
В расцвете, где когда-то на меня
Немалые надежды возлагали?
Что я там покажу? Чем похваюсь?
Так начал я,

(показывает на фигурку)

и вот как я окончил!

(Показывает на статую.)

Нет, после этого не воскресают!
Зовете вы меня на свой корабль?
Нет, не берите, друг мой, труп с собою, —
И моряки вам скажут: не годится.

(Горько улыбается.)

Человек

(входит)

Почтенный господин! Там вашу милость
Община на собрание ждет, чтоб дело
Закончить.

Антонио

Я сейчас приду.

Человек выходит.

Я должен

Идти, а там пора мне и в дорогу, —
Давно по Свету Новому я езжу,
А к Старому назад — немалый путь,
Нельзя задерживаться мореходам.
Так что ж, маэстро?

Ричард

Нелегко сказать

То, что и раз промолвить было трудно...
Венеции прошу вас поклониться
И скульпторам, что помнят до сих пор
Товарища. Синьоре Каролине
При случае прошу вас передать
Привет мой благодарный и почтенье.
Из всех людей, которых знал я в жизни,
Она дала мне больше всех на свете —
Прекраснейшую светлую мечту.
Пусть бог благословит ее за это!
А вас, мой друг, благодарю сердечно
За дружбу верную.

Антонио

Жаль, что она

Вам ни на что, мой друг, не пригодилась!
Пожимают друг другу руки. Антонио идет к выходу.

Ричард

Мессер Антонио!

Антонио

Что, друг мой милый?

Р и ч а р д
(даёт ему фигурку)

Мечту мою возьмите — пусть идет
В тот край святой, где родилась когда-то.
Я не хочу с душою здесь погибнуть.
Возьмите же ее, поставьте там,
Где некогда ее венчали лавром,
Скажите всем: «Вот Ричарда душа»!

Антонио благоговейно, словно святыню, берет фигурку в руки. Молчаливые поклоны. Антонио выходит.

(Один.)

Моя душа уйдет за океан,
А я останусь здесь бездушным телом
Среди костей, с созданием вот этим
Мертворожденным.

(Статуе.)

Как ты мне противна!
Как ненавистна! От стыда пылает
Мое лицо, что показал тебя!
Так сгинь, проклятая, со мною вместе!
Нет, я себя не в силах пережить, —
Пусть гибнет всё, пусть и следа не будет!

(Замахивается, чтобы сбросить статую с пьедестала, но опускает руки.)

Нет, не поднять руки мне на тебя,
Мое дитя отчаянья и муки.
И жаль тебя, и так мне жаль тебя,
Как жаль отцу несчастного ребенка,
Что родился калекой навсегда. . .
Тебе не быть ни мрамором, ни бронзой
И своего творца не пережить.
Я не успею в землю превратиться,
Как высохнет и распадется глина.
Так пусть стоит до времени. . . А я?
Чего мне ждать! Готово завещанье,
Пора бы в вечный путь. . .

Слышен орган, он играет Requiem.

Мое желанье
Припомнил всё же добрый мой коллега

И Requiem играет. Что ж, спасибо,
Я буду слушать...

(Садится у окна и слушает.)

Грозное звучанье...

Оно мне предвещает муки ада...

Я в нем уже сейчас... О!.. Рая отзвук?

Покой... Покой он вечный обещает...

Теперь я чую, сила пропадает,

Как этот звук. Жить больше не могу я

Единым хлебом... Вот могучий гром!

То ангела труба! То с неба голос!..

Когда ж меня покличет ангел смерти?

Я чувствую: его недолго ждать...

1898—1909

142. ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

Драма-феерия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пролог

Тот, кто плотины рвет.	Русалка.
Потерчата (двое).	Водяной.

Действие первое

Дядя Лев.	Перелесник.
Лукаш.	Лихорадка (без слов).
Русалка.	Потерчата.
Лесовик.	Куц.
Мавка.	

Действие второе

Мать Лукаша.	Килина.
Лукаш.	Русалка.
Дядя Лев.	Тот, кто в скале сидит.
Русалка полевая.	Перелесник.

Действие третье

Мавка.	Мальчик.
Лесовик.	Лукаш.
Куц.	Дети Килины.
Злыдни.	Доля.
Мать Лукаша.	Перелесник.
Килина.	

ПРОЛОГ

Старый-престарый, густой, дремучий лес на Воляни. Посреди леса просторная поляна с плакучей березой и огромным старым дубом. Поляна по краям переходит в кочки и тростники, а в одном месте в ярко-зеленое болото, — это берега лесного озера, образовавшегося из лесного ручья. Ручей выбегает из чащи, впадает в озеро, потом, по другую сторону озера, снова вытекает и теряется в зарослях. Само озеро тиховодно, покрыто ряской и кувшинками, с чистым плесом посредине.

Место дикое, таинственное, но не мрачное — полное нежной, задумчивой полесской красоты.

Ранняя весна. Вдоль опушки и на поляне зеленеет первый ряст, цветут подснежники и сон-трава. Деревья еще голы, но покрыты почками, готовыми вот-вот раскрыться.

На озере туман то лежит пеленой, то колеблется от ветра, то рассеивается, открывая бледно-голубую воду.

В лесу что-то зашумело, ручей зажурчал, зазвенел, и вместе с его водами из лесу выбежал Тот, кто плотины рвет — молодой, белокурый, синеглазый, с буйными и вместе с тем плавными движениями; одежда его меняет цвета — от мутно-желтого до светло-голубого — и поблескивает острыми золотистыми искрами. Бросившись из потока в озеро, он начинает кружиться по плесу, волнуя его сонную воду; туман рассеивается, вода синее.

Тот, кто плотины рвет

С горки в долину
Бегу, бегу и хлыну
От гати к запруде,
Что запрудили люди,
Мосточки сбиваю,
Плотинки все срываю, —
Весенняя вода,
Как воля, молода!

(Волнует воду еще больше, ныряет и снова всплывает, словно ища что-то в воде.)

Потерчата — двое маленьких, бледных детишек в беленьких рубашках — показываются из воды между кувшинок.

Первый

Зачем ты тут блуждаешь?

Второй

Зачем нам спать мешаешь?

Первый

Матушка нас положила
И мягонько постелила
На коренья, на каменья
Тины мягкое плетенье,
И кувшинками покрыла,
И всё пела-говорила:
 «Люли-люли-люлятки,
 Баю, мои ребятки!»

Второй

Зачем же ты тут рыщешь?

Первый

Кого же ты здесь ищешь?

Тот, кто плотины рвет
Русалку молодую,
Для сердца дорогую, —
Царевне этой славной
Нет в целом свете равной!

Избегал я все горы,
Лесов, долин просторы —
Нигде я не заметил
Милей ее на свете.
Всю воду расплещу я,
Русалку отыщу я!

(Бурно мутит воду.)

Потерчат а

Ой, горе! Не пугай!
Нам хатки не ломай.
Нас матушка растила,
В пещерке поселила,
Мы без отца ребятки,
Живем в убогой хатке...

(Цепляются за его руки, умоляя.)

Мы спустимся на дно,
Где холодно, темно,
А там Русалка скрылась,
Над рыбаком склонилась.

ЛІСОВА

ПІСНЯ

Драма-феерія в 3-х діях.

К и ї в.

Друкарня В. П. Бондаренка та П. Ф. Гніздовського, Софійська, 21.

1914 р.

Тот, кто плотины рвет
Пуškai с ним растаетя!
Пуškai ко мне вернетя!

Потерчата ныряют в озеро.

Что ж не всплываешь?

Русалка выплывает, игриво улыбаясь и радостно складывая ладони. На ней два венка: один — большой, зеленый, другой — маленький, как коронка, жемчужный, из-под него спадает кисея.

Русалка

Ты это, мой хорошенький?

Тот, кто плотины рвет
(грозно)

Где пропадаешь?

Русалка

(бросается к нему, но проплывает мимо)

Мечтала я все ночки,
Ждать не хватало мочки!
Роняла слезы частые,
Сбирала в ведра ясные,
Твои словечки вспомнила,
Ведерочки наполнила...

(Всплескивает руками, раскрывает объятия, снова бросается к нему и снова проплывает мимо.)

Червонец кинь — всплеснутся
И через край прольются!

(Звонко смеется.)

Тот, кто плотины рвет
(язвительно)

Давно ли вы в болоте
Богато так живете?

Русалка приближается к нему, он резко отворачивается от нее, вихрем закружив воду.

На дне бы ты сидела,
На рыбака глядела,
Хранила б дорогого
От рака, сома злого,
Чтоб не отгрызли чуба,
Тебе всё это любо!

Русалка

*(подплывает ближе, хватает его за руки, заглядывает
в глаза)*

Ты рассердился?

(Лукаво.)

Всё знаю про голубчика,
Всё, всё про душегубчика!

(Тихо смеется, он встревожен.)

С кем ты водился?
Меня, царевну, губишь,
Дочь мельника ты любишь!
Зимою — долги ночи,
У девки ж черны очи, —
К ней паньчи идут,
Червонцы ей несут.

(Грозит ему пальцем и смеется.)

Всё понимаю,
Тебя, лентяя, знаю,
Но я тебя прощаю,
Ведь я тебя люблю.

(С шутливым пафосом.)

На целый долгий миг тебе я буду верной,
Минуту буду я возлюбленной примерной,
Измену ж утоплю!
Вода не держит следа
С утра и до обеда,
Как и любовь твоя,
Как и тоска моя!

Тот, кто плотины рвет
(порывисто протягивает ей обе руки)

Мир по чести!
Поплывем-ка вместе!

Русалка
(берется с ним за руки и быстро кружится)

Ой, на бережочке,
На желтом песочке,
В жемчужном веночке,
Пропляшу до ночи!
Ух! Ух!

Ухают, брызжут, плещут. Вода так бьется в берега, что даже осока шумит и птицы стаями срываются с тростников.

Водяной всплывает посреди озера. Он древний седой старик, длинные волосы и длинная седая борода, спутанная водорослями, свисает до самого пояса. Одежда на нем — цвета ила, на голове — корона из ракушек. Голос глухой, но сильный.

Водяной

Кто наши воды тихие волнует?

Русалка со своим дружкой останавливаются и бросаются в разные стороны.

Стыдись ты, дочка! Водяной царевне
Кружиться в танце с чуженином! Стыдно!

Русалка

Да разве он чужой? Ты не узнал?
Ведь это Тот, кто рвет плотины.

Водяной

Знаю.

Он не родной, хоть водяного рода.
Изменчив и лукав его характер.
Весною он бурлит, играет, рвет,
Срывает с озера венки роскошные,
Который целый год растят русалки,
Пугает птицу мудрую в лесу,
Вдовице вербе корень подрывает,
И маленьким сироткам потерчатам
Светильники водою заливает,

И размывает берега мои,
И старости моей покой тревожит.
А летом где он? Где тогда он рыщет,
Когда так жадно солнце воду пьет
Из моего ковша, как гриф несытый,
Когда от жажды никнут камыши,
На берегу засохшем изнывая,
И, умирая, лилии склоняют
К воде нагретой вялые головки?
Где он тогда?

Во время этой речи Тот, кто плотины рвет, украдкой кивает Русалке, манит ее поплыть с ним по лесному ручью.

Тот, кто плотины рвет
(со скрытой насмешкой)

Тогда, старик, я — в море.
Меня зовет на помощь Океан,
Чтоб и его не высушило солнце.
А царь морской зовет — так надо слушать.
На то и служба, — сам, наверно, знаешь.

Водяной

Эге, тогда ты в море... что ж... А мне,
Когда б не помогал мой друг старинный,
Приятель добрый мой, осенний дождик,
Пришлось бы с паром мне погибнуть!

Тот, кто плотины рвет, незаметно прячется в воду.

Русалка

Что вы!

Не может пар погибнуть, — вновь из пара
Вода родится.

Водяной

Умная какая!

Иди на дно, довольно тараторить!

Русалка

Сейчас. А он уже куда-то скрылся.
Я расчесу запутанный ситняг.

(Вынимает из-за пояса гребенку из ракушки и расчесывает прибрежные травы.)

Водяной

Ну, расчеши, я сам люблю порядок.
Чеши, чеши! А я тут подожду.
Пока работу кончишь. Да поправь
Кувшинки, чтобы ровно расстилались:
Ковер из ряски ты зашей, как надо,
Его порвал бродяга.

Русалка

Ладно, ладно!

Водяной удобно укладывается в тростниках, наблюдая за работой Русалки; глаза его понемногу закрываются.

Тот, кто плотины рвет
(вынырнув, тихо Русалке)
Ты спрячься за ветлюю.

Русалка, прячется, оглядываясь на Водяного.

Мы поплывем с тобою
На водостоки,
Под быстрые потоки,
Сорвем плотину с ходу,
Дочь мельникову — в воду!

(Хватает Русалку за руку и быстро мчится с нею через озеро.)

Неподалеку от другого берега Русалка останавливается и вскрикивает.

Русалка

Ой, зацепилась я за дуб корявый!

Водяной просыпается, бросается наперерез и перехватывает Русалку.

Водяной

Так вот ты как? Проклятый соблазнитель!
Узнаешь ты, как совращать русалок!

Пожалуюсь я матери твоей,
Метели Горной, та тебе покажет!

Тот, кто плотины рвет
(с хохотом)

Пока что будет, я тут нагуляюсь!
Прощай, Русалка, наполняй ведерки!
(Бросается в лесной ручей и в нем исчезает.)

Водяной
(Русалке)

Ступай на дно! Не смей три лунных ночи
Являться над водой из глубины.

Русалка
(сопротивляясь)

С какого времени русалки стали
Рабынями в воде? Ведь я свободна!
Свободна, как вода!

Водяной
В моих владеньях
Знать берега обязана вода!
Ступай на дно!

Русалка
Я не хочу!

Водяной
Не хочешь?
Отдай сюда венец жемчужный!

Русалка
Нет!
Мне подарил его морской царевич.

Водяной
Носить венец тебе уж не придется,
Тебя за ослушание возьмет
Тот, кто в скале сидит.

Русалка
(со страхом)

Нет, нет, отец мой!
Я буду слушаться!

Водяной
Ступай на дно!

Русалка
(медленно опускаясь в воду)
Иду, иду... А можно забавляться
Мне с рыбаком?

Водяной
Уж ладно — забавляйся.

Русалка спустилась в воду по плечи и, грустно улыбаясь, смотрит
вверх на отца.

Чудная ты! Я о тебе забочусь,
Пойми — тебя он погубил бы только,
Повлек бы он тебя колючим руслом
Лесного ручейка да искалечил
Всё тело белое и на безводье
Покинул бы тебя.

Русалка
Но он красивый!

Водяной
Опять ты за свое?!

Русалка
Нет, нет! Иду!
(Ныряет.)

Водяной
(посматривая вверх)
Уж солнце по-весеннему пригрело...
Фу, душно как! Пора и прохладиться.
(Погружается в воду.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

То же самое место, только весна уже в разгаре, лесная опушка словно затянута нежной зеленой дымкой, кое-где уже и вершины деревьев покрыты зеленым цветом. Озеро стоит полное, в зеленых берегах, как будто в венке из руты.

Из лесу на прогалину выходят дядя Лев и племянник его Лукаш. Лев — уже старый, почтенный человек, с очень добрым лицом; по-полесски длинные волосы белыми волнами опускаются на плечи из-под серой войлочной шапки-рогатки; одет Лев в полотняную одежду и в светло-серую, почти белую, свитку; на ногах лапти, в руках клевня (небольшой невод), у пояса на ремешке ножик, через плечо сплетенный из лыка кошель (торба) на широком ремне. Лукаш — совсем еще молодой хлопец, красивый, чернобровый, стройный, в глазах его есть что-то детское; одет тоже в полотняную одежду, только из более тонкого полотна; рубаха навывпуск вышита белыми нитками, с отложным воротником, подпоясана красным поясом, у воротника и на рукавах красные застёжки; свитки на нем нет; на голове широкополая соломенная шляпа; у пояса ножик и ковшик из лыка на веревочке.

Дойдя до берега озера, Лукаш остановился.

Л е в

Ты что ж остановился? Тут ведь рыбу
Ловить не будешь: очень вязко, топко...

Л у к а ш

Да вырезать хотел себе я дудку, —
Смотри, какой хороший здесь тростник.

Л е в

Но у тебя ведь прорва этих дудок.

Л у к а ш

Ну сколько же?.. Из липы, из калины,
Из вербы — вот и всё. А мне бы надо
Еще и тростниковую, та лучше —
Звончей играет.

Л е в

Да уж забавляйся,
На то бог праздник дал. А завтра надо
Нам хатку ставить. Ведь пора уже
В лес выгонять скотину. Посмотри-ка,
Уже трава пробилась между рястом.

Лукаш

Да как же здесь мы жить с тобою будем?
Считается нечистым это место. . .

Лев

Как для кого! А я, племянник, знаю,
И как где быть, и как с кем обходиться:
Где отрещусь, где вколочу осину,
Где просто трижды плюну, да и всё.
Посеем возле хатки дикий мак,
Терлыч посадим около порога —
И не страшна нам никакая сила.
Ну, я пойду, а ты, Лукаш, как хочешь.

Расходятся. Лукаш идет к озеру и исчезает в тростнике. Лев идет
берегом и скрывается за вербами.

Русалка

(выплывает на берег и кричит)

Дедуся! Лесовик! Беда! Спасите!

Лесовик

(маленький бородатый старичок, проворный в движениях, важный на вид; в коричневой одежде цвета коры, в мохнатой куньей шапке)

Ну что тебе? Чего кричишь?

Русалка

Там хлопец

Тростник на дудки режет!

Лесовик

Ой-ой-ой!

Всего-то и беды! Ну и скупа!
Здесь хатку собираются поставить,
И то не спорю я, не брали б только
Сырого дерева.

Русалка

Ой, горе! Хатку?

Здесь будут люди, что живут под крышей
Соломенной! Я их не выношу!
Я не терплю соломенного духа!

Я их топлю, чтобы отмыть водою
Тот ненавистный дух. Защекочу —
Пускай только придут!

Лесовик

Стой! Не спеши ты.
В той хатке поселится дядя Лев,
А он приятель нам. Он всё шутя
Осиною да терлычем пугает.
Люблю я старика. Когда б не он,
Давно б уж этого не стало дуба,
Что столько видел разных наших сборищ,
И танцев, и лесных великих тайн.
Уж немцы меряли его, вставали
Втроем вокруг и охватить пытались
Могучий ствол. Давали много денег,
Чеканных талеров, что людям милы.
Поклялся жизнью дядя Лев тогда,
Что дуб рубить вовек он не позволит.
И я тогда же бородой поклялся,
Что дяде Льву и всей его родне
В лесу вот этом будет безопасно.

Русалка

Ой ли! А мой отец их всех утопит!

Лесовик

Пускай не пробует! Я завалю
Всё озеро листвою прошлогодней.

Русалка

Ой, ой, беда, как страшно! Ха-ха-ха!

(Исчезает в озере.)

Лесовик, что-то ворча, закуривает трубку, сев на сваленном дереве. Из тростников слышен голос дудочки, нежный, переливчатый, и по мере того, как он растет, развивается, — растет, развивается всё в лесу. Сначала на вербе и ольхе задрожали сережки, потом береза листвою залепетала. На озере раскрылись белые лилии и зазолотели цветочки на кувшинках. Дикая роза раскрывает нежные бутоны. Из-за ствола старой, полузасохшей, расщепленной вербы выходит Мавка в светло-зеленой одежде, с распущенными черными, с зеленым отливом, косами, расправляет руки и проводит ладонью по глазам.

М а в к а

Ох, как спала я долго!

Л е с о в и к

Долго, дочка!
Уж сон-трава, взгляни-ка, отцветает,
Вот-вот кукушка маслице сколотит,
И красные наденет черевички,
И станет людям отмерять года.
Уже из теплых стран слетелись гости.
Вон желтыми пушинками на плесе
Уже утята дикие плывут.

М а в к а

Кто ж разбудил меня?

Л е с о в и к

Видать, весна.

М а в к а

Весна еще так никогда не пела,
Как нынче. Или это мне приснилось?

Лукаш снова играет.

Нет... стой... Ба! слышишь? То весна
распелась!

Лукаш играет, приближаясь.

Л е с о в и к

Нет, это хлопец заиграл на дудке.

М а в к а

Какой? Не Тот ли, кто плотины рвет?
Я от него совсем не ожидала!

Л е с о в и к

Нет, человек, племянник дяди Льва,
Лукаш.

М а в к а

А я совсем его не знаю.

Л е с о в и к

Да он впервые здесь. Он издалёка,
Не из лесов, а из боров сосновых,
Где наша бабка зимовать привыкла;
Осиротел он с матерью-вдовою,
А дядя Лев к себе обоих принял. . .

М а в к а

Хотела бы увидеть я его.

Л е с о в и к

Зачем тебе?

М а в к а

Наверно, он красивый!

Л е с о в и к

На хлопцев не заглядывайся, дочка,
То девушкам лесным небезопасно. . .

М а в к а

Какой же стал ты, дедушка, сердитый!
Ты так меня держать отныне будешь,
Как Водяной Русалку?

Л е с о в и к

Нет, родная,
Я не держу тебя. То Водяной
Привык в трясине топкой спокон веку
Живое всё засасывать. А я
Люблю свободу. Забавляйся с ветром
И с Перелесником шути, как хочешь,
Всю силу леса, и воды, и гор,
И воздуха обворожи собою,
Но обходи людские тропы, дочка!
По ним не воля ходит — там печаль
Несет свой груз. Ты обходи их, дочка!
Раз только ступишь — и пропала воля!

М а в к а
(смеется)

Ну как же так, чтоб воля — да пропала?
Так невзначай и ветер пропадет!

Лесовик хочет что-то сказать, но входит Лукаш с дудочкой; Лесовик и Мавка прячутся.

Лукаш хочет надрезать ножом березу, чтобы из нее нацедить соку. Мавка бросается и хватает его за руку.

Не тронь! Не тронь! Не режь! Не убивай!

Лу к а ш

Да что ты, девушка? Что я — разбойник?
Хотел я только соку из березы
Добыть себе.

М а в к а

Не смей! То кровь ее!
Не пей же крови из моей сестрицы.

Лу к а ш

Березу ты сестрою называешь?
Кто ж ты, скажи!

М а в к а

Лесная Мавка я.

Лу к а ш

(не столько удивленно, сколько внимательно присматривается к ней)

А, вон ты кто! От стариков не раз
Про мавок слышал я, но только сроду
Не видел сам.

М а в к а

А хочешь посмотреть?

Лу к а ш

А почему бы нет? Что ж, ты совсем
Как девушка... да нет, скорей как панна,
Вся тоненькая, с белыми руками,
И как-то не по-нашему одета...

А что ж глаза не зелены нисколько?

(Всматривается.)

Да нет, теперь зеленые... а были,
Как небо, синие... вот потемнели,
Как облако... нет, черные как будто,
А может, карие... Чудная ты!

М а в к а

Что ж, нравлюсь я тебе?

Л у к а ш
(стыдясь)

Я разве знаю?

М а в к а
(смеясь)

А кто же знает?

Л у к а ш
(совсем застыдившись)

Спрашиваешь тоже!..

М а в к а
(искренне удивляясь)

А почему нельзя спросить об этом?

Вон роза наклонилась, вопрошая:

«Что, хороша я?»

А яшень шепчет ей, качая ветви:

«Нет краше в свете!»

Л у к а ш

Не знал я, что они ведут беседы.

Я думал — дерево совсем немое.

М а в к а

У нас в лесу нет ничего немого.

Л у к а ш

Ты что ж, вот так сидишь в лесу всё время?

М а в к а

Я сроду из него не выходила.

Лукаш

Давно на свете ты живешь?

Мавка

По правде,
Я никогда не думала об этом...

(Задумывается.)

Но кажется мне, что всегда жила я...

Лукаш

И всё была такая, как теперь?

Мавка

Как будто всё такая...

Лукаш

Чья же ты?
И есть ли у тебя родня?

Мавка

Конечно,
Есть Лесовик, зову его «дедуся»,
А он меня «родная» или «дочка».

Лукаш

Так кто ж он — дед или отец?

Мавка

Не знаю.
Не всё ль равно?

Лукаш

(смеется)

Какие вы чудные
В лесу! А кто же твоя мать, скажи мне,
Или там бабушка, как тут зовут?

Мавка

Мне кажется порою, что ветла
Та старая и сухонькая — мама.

Она меня на зиму приняла
И мягкой трухой устелила
Всё ложе мне.

Лукаш

Ты там и зимовала?
А что же ты там делала всю зиму?

Мавка

Спала, конечно. Что ж зимою делать?
Спит озеро, спит лес и тростники.
«Засни, засни», — скрипела верба мне.
Всё белым только виделось во сне:
На серебре сияли самоцветы,
Цветы и травы снежно-белым светом
Блестели там. И тихой чередою
Звезда летела с неба за звездою,
Росли сугробы. . . Белою постелью
Земля укрылась. Словно ожерелье
Из хрусталя, играло всё, сверкало. . .
А я спала. Так вольно грудь дышала.
Раздумья розовые тихо шли,
Узоры легкие по белым снам плели,
Мечты, всё золотые, голубые,
Не летние, спокойные такие.

Лукаш

(заслушавшись)

Как говоришь ты. . .

Мавка

Нравится тебе?

Лукаш утвердительно кивает головой.

А мне милей язык твоей свирели!
Ты мне сыграй, а я тут покачаюсь.

Мавка сплетает длинные ветви на березе, садится на них и качается тихо, как в колыбели. Лукаш играет, прислонившись к дубу, и не сводит глаз с Мавки. Он играет веснянку. Мавка, слушая, невольно отзывается и тихо-тихо начинает подпевать.

Сладко он играет,
Душу надрывает,

Грудь мне белую терзает,
Сердце вынимает.

На голос веснянки откликается кукушка, потом соловей, расцветает ярче дикая роза, белеет цвет калины, боярышник стыдливо розовеет, даже черный безлиственный терновник раскрывает нижние цветы. Мавка, зачарованная, тихо качается, улыбается, а в глазах, сквозь слезы, — тоска. Лукаш, заметив это, перестает играть.

Лукаш

Ты плачешь, девушка?

Мавка

Я разве плачу?

(Проводит рукой по глазам.)

А ведь и правда. Нет же! Это росы.
Заходит солнце... Видишь, уж встает
На озере туман...

Лукаш

Еще ведь рано!

Мавка

Ты не хотел бы, чтобы день кончался?
Лукаш утвердительно кивает головой: не хотел бы.
А почему?

Лукаш

Домой покличет дядя.

Мавка

А ты со мною хочешь быть?

Лукаш кивает, подтверждая.

Вот видишь,

И ты, совсем как яшень, отвечаешь.

Лукаш

(смеясь)

По-здешнему мне надо научиться, —
Всё лето жить нам здесь придется.

М а в к а
(радостно)

Правда?

Л у к а ш

Уже и строиться начнем мы завтра.

М а в к а

Шалаш поставите?

Л у к а ш

Лачужку, может,

А может, даже хату.

М а в к а

Вы — как птицы:

Всё вы хлопчете, всё вьете гнезда,

Чтобы потом их бросить.

Л у к а ш

Нет, мы строим

Навеки...

М а в к а

Как навеки? Ты ж сказал,

Что вы здесь поживете только летом.

Л у к а ш

(смущенно)

Да я не знаю... Дядя Лев поведал,

Что здесь дадут мне и надел, и хату,

Ведь осенью женить меня решили...

М а в к а

(с тревогой)

На ком?

Л у к а ш

Не знаю. Дядя не сказал мне,

А может, не нашел еще невесты.

М а в к а

Что ж сам себе ты не отыщешь пары?

Л у к а ш

(поглядывая на нее)

Нашел бы, может, я, да...

М а в к а

Что?

Л у к а ш

Не знаю.

(Наигрывает на дудочке что-то очень жалобное, потом опускает руку с дудочкой и задумывается.)

М а в к а

(помолчав)

Скажи, а люди женятся надолго?

Л у к а ш

Навек!

М а в к а

Вот так же и у голубей...
Я всё завидовала им: так нежно
Они друг друга любят... Я ж на свете
Не знаю ничего нежней березы,
За то ее сестрицей называю,
Да только слишком уж она грустна:
Всё никнет, бледная, в своей печали, —
Я на нее смотрю — и часто плачу.
Ольхи я не люблю — она жестка,
Осина — та всегда меня пугает,
Она сама боится — всё дрожит.
Дубы суровы слишком! А терновник
Задирист, как боярышник, как роза,
А ясень, клен и явор — горделивы.
Калина так кичится красотой,
Что ей уж безразлично всё на свете, —
Такой была и я ведь год назад,
Теперь об этом вспомнить неприятно...

И если рассудить, то среди леса
Совсем я одинока...

(Печально задумывается.)

Лукаш

Ну, а верба?

Ее ты назвала своей мамой.

Мавка

Ах, верба! Что ж... с ней хорошо зимою,
А летом... видишь, как она суха,
И всё скрипит, всё зиму вспоминает...
Нет, я совсем, совсем тут одинока...

Лукаш

Но не одни деревья ведь в лесу, —
Здесь и другой немало разной силы.

(Несколько язвительно.)

Да ты не прибедняйся, мы слышали
Про ваши танцы, шутки да утехы.

Мавка

Но это всё — как будто вихрь внезапный.
Вдруг налетит, завертит и покинет.
У нас не так, как у людей: навеки!

Лукаш

(подходя ближе)

А ты хотела б?

Вдруг слышен громкий оклик дяди Льва.

Голос

Эй, Лукаш, ау-у!

Го-го-го-го! А где ты?

Лукаш

(отзывается)

Я иду!

Голос

Иди скорей!

Лукаш
Ну что за нетерпенье!
(Откликается.)

Иду, иду.

(Хочет идти.)

Мавка
Вернешься?

Лукаш

Я... не знаю.

(Идет в прибрежные заросли.)

Из лесной чащи вылетает Перелесник — красивый юноша в красной одежде, с красноватыми, буйно развевающимися, как ветер, волосами, с черными бровями, с блестящими глазами. Он хочет обнять Мавку, она уклоняется.

Мавка

Не тронь меня.

Перелесник

А почему?

Мавка

Иди

Взгляни, как в поле всходы зеленеют.

Перелесник

Зачем нужны мне эти всходы?

Мавка

Там же,

Во ржи, твоя Русалка полевая.

Она сейчас уж начала тебе

Сплетать из трав венки зелено-ярый...

Перелесник

Уж я ее забыл.

Мавка

Забудь меня.

Перелесник

Не насмехайся! Хочешь — полетим!
Я понесу тебя к горам зеленым —
Ведь так хотела ты увидеть пихты!

Мавка

Теперь я не хочу.

Перелесник

Но почему?

Мавка

Мне расхотелось.

Перелесник

Выдумки какие!

Скажи мне: почему?

Мавка

Да нет охоты.

Перелесник

(льстиво евется вокруг нее)

Полетим-ка в горы! Там мои сестрицы,
Горные русалки, вольные, как птицы,
Будут хороводом по траве кружиться,
Молнией искриться!

Папоротник-цветик для тебя найду я,
Звездочку сорвем мы с неба золотую,
На снегу нагорном выбелим сквозную
Фату кружевную.

Мы тебе добудем лесную корону,
Мы Змею-царицу сбросим наземь с трона,
Каменные горы дадим в оборону!

Будь моей желанной!

Стану утром рано

Тебя одевать я

В дорогие платья,

Веночки сплетая,

В хоровод вступая,

На крыльях летая

Над багряным морем, где хоронит солнце
Золото в глубины, провожая день.

Мы потом заглянем к звездочке в оконце;
Звездочка, как пряха, даст нам волоконце, —
Будем вышивать мы бархатную тень.
А потом, к рассвету, в час, как в небе встанут
Облака сквозные, словно спозаранок
Пьют овечки воду на лугу привольном,
Отдохнем мы славно на цветном. . .

М а в к а
(нетерпеливо)

Довольно.

П е р е л е с н и к

Как ты оборвала речь мою сердито!
(Грустно и вместе с тем лукаво.)

Прошрое-то лето, видно, позабыто?

М а в к а
(равнодушно)

Прошрое-то лето так давно минуло!
То, что летом пело, то зимой заснуло.
И не вспомнить снова!

П е р е л е с н и к
(таинственно, напоминая)

А в лесу дубовом?

М а в к а

Что ж там? Я искала ягодок, грибов. . .

П е р е л е с н и к

Ну, а не искала ль ты моих следов?

М а в к а

Помню — кудри хмеля я в лесу срывала.

П е р е л е с н и к

Для моей постели — чтоб пышнее стала?

М а в к а

Чтоб мой волос черный хмелем перевило.

Перелесник

Думала: быть может, приласкает милый?

Мавка

Нет, меня береза нежно колыхала.

Перелесник

Всё же ты... кого-то... будто целовала?

Мавка

Ха-ха-ха! Не знаю!

Не припоминаю!

Я пойду, украшу мелким рястом косы...

Перелесник

Ой, смотри! Их смоят холодные росы!

Мавка

Ветерок повеет,
Солнышко пригреет,
Высохнет роса!

(Исчезает в лесу.)

Перелесник

Ты постой, молю я!

Без тебя умру я!

Где ты, где, краса?

(Бежит тоже в лес.)

Между деревьями одну минуту мелькает его красная одежда, и словно эхо отзывается: «Где ты, где, краса?..» По лесу играет багряный закат солнца, вскоре он гаснет. Над озером встает белый туман. Дядя Лев и Лукаш выходят на поляну.

Лев

(сердито ворчит)

Проклятый Водяной! Чтоб высох он!
Я рыбы наловил, и только выплыл
На плес, на душегубке, и хотел
Поплыть к другому берегу, а он,
Схватился цепко лапою за днище —
Не двинуться! Чуть-чуть — и утопил бы!

А я не будь дурак — схватил рукою
За бороду и замотал, как мычку,
Да ножик из-за пояса, — ей-ей,
Чуть не отсек! А он-то, дух проклятый, —
Кувырк! — и лодку мне перевернул!
Я еле выбрался живым на берег
И рыбу растерял... Чтоб ты пропал!

(Лукашу)

А тут еще тебя там зацепило, —
Кричу, аукаю, хоть пропадай!
И где застрял ты?

Лукаш

Здесь я, говорю же,
Вырезывал вот дудку.

Лев

Что-то долго,
Племянничек, вырезаешь ты!

Лукаш

(смущенно)

Да разве, дядя...

Лев

(улыбнулся и подобрел)

Врать бы не учился,
Еще ты молод! Языка ведь жалко!
Вот набери-ка хворосту мне лучше
Да разожги огонь, — хоть обсушусь я:
Ну как такому мне домой вернуться?
Пока дойдем, и та вдруг нападет —
Не тут бы вспоминать — чур меня, чур!
А после будет вытрясать всю душу...

Лукаш идет в лес; вскоре слышно, как он хрустит сухими ветками.

Лев

*(садится под дубом на толстый корень и пробует высечь
огонь, чтобы зажечь трубку)*

Да, как же! Высечешь! И губка смокла...
И трут потерян. Ах ты, лихорадка

Тебя возьми!.. А может, выросла
Тут свежая?

(Ощупывает дуб, ищет губку.)

Из озера, из тумана, появляется белая женская фигура, больше похожая на полосу мглы, чем на человека; протянутые длинные белые руки, загребая воздух, шевелят тонкими пальцами, как только она приближается ко Льву.

(Испуганно.)

Ой, что за привиденье?

А, знаю! Хорошо, что я заметил.

(Освоившись, вынимает из сумки какие-то корни и зелья и протягивает навстречу привидению, словно обороняясь от него. Оно мгновенно отступает. Лев причитает, заговаривая чем дальше, тем быстрее.)

Щипля-девица,

Огневица-трясовица!

Иди ты себе на кочки, на болота,
Где люди не ходят, петухи не поют,
Куда мой голос не доходит.

Тут тебе не ходить,

Белого тела не сушить,
Желтых костей не ломить,
Черной крови не пивать,
Веку не укорочать,
Вот тебе полынь —
Сгинь, сгинь, сгинь!

Привидение отступает назад, к озеру, и сливается с туманом. Подходит Лукаш с охапкой хвороста, кладет перед дядей, вынимает из-за пазухи кремень и огниво и разжигает огонь.

Лукаш

Вот нате, грейтесь, дядюшка.

Лев

Спасибо.

Ты старому-то дяде угождаешь.

(Разжигает от огня трубку.)

Теперь другое дело!

(Укладывается возле огня на траве, положив кошель под голову, попыхивает трубкой и щурится на огонь.)

Лукаш
Вы бы, дядя,
Мне сказку рассказали.

Лев
Ишь какой!
Ишь маленький... Какую б ты хотел?
Про Оха-чародея? Про Трёмсина?

Лукаш
Я слышал их. Вы знаете такие,
Каких никто не знает.

Лев
(подумав)
Ну так слушай!

Я про Волну-царевну расскажу.

(Начинает спокойным, певучим, размеренным голосом.)

Кабы нам теплая хата
Да добрые люди,
Говорили б мы сказку,
Баяли байку
До самого света...
За темными лесами,
Да за глубокими морями,
Да за высокими горами,
А есть там дивный-предивный край,
Там, где правит Урай.
Уж как в том краю солнце не догорает,
Месяц не угасает,
А звезды ясные по полю ходят,
Хороводы водят.
И вот у самой ясной звезды да нашелся сын
Белый Палянин,
Личиком ясный,
Белый, прекрасный,
Золотой волос по ветру развеивает,
Серебряное оружие в рученьках сияет...

Лукаш
Хотели про царевну...

Л е в

Подожди!..

Вот как стал тот Белый Палянин расти-
вырастать,

Стал он себе думать-гадать,
Про свою жизнь размышлять:
Из всех я, говорит, красотой удался,
А только я счастья не дождался.

Скажи ты мне, мать-Заряница,
С кем мне, молодцу, обручиться:
С дочкой ли царской,
Княжеской, боярской,
С дочкой ли дворянской
Или же с простой крестьянской?
Пришлась бы мне, молодому,
Царская дочка к дому...

(Начинает дремать.)

Вот и пошел он к синему морю
И положил у берега жемчужное монисто...

Л у к а ш

Вы, видно, дядя, что-то пропустили.

Л е в

Да что ты? Разве? Ты мне не мешай!
...Вот и разбежалась по морю волна ветровая,
А из той волны да кони вылетали,
Как жар пылали,
В красную коляску запряжены...
А в той коляске...

(Смолкает, побежденный сном.)

Л у к а ш

И кто же в той коляске был? Царевна?

Л е в

(сквозь сон)

А?.. Где царевна?

Лукаш

Вот уж и заснули...

(Некоторое время смотрит задумчиво на огонь, потом встает, отходит дальше от костра и похаживает по поляне, тихо-тихонечко, еле слышно, поигрывая на дудочке.)

В лесу темнеет, но тьма не густая, а прозрачная, какая бывает перед восходом луны. Возле костра отблески света и извивы теней словно водят причудливый танец; близкие к огню цветы то поблескивают красками, то гаснут во тьме. На краю леса таинственно белеют стволы осин и берез. Весенний ветер вздыхает, обегая опушку леса и развевая ветви плачущей березы. Туман на озере белыми волнами наплывает на черные заросли, тростник перешептывается с осокой, спрятавшись во мгле.

Из чащи выбегает Мавка, бежит торопливо, словно от кого-то убегая; волосы ее развеваются, одежда разметалась. На поляне она останавливается, оглядываясь; прижимает руки к сердцу, затем кидается к березе и еще раз останавливается.

Мавка

Ой, спасибо тебе, ноченька, чернокрылая,
Что ты личико закрыла мне!
И вам, стежечки-дорожечки,
Что вели меня до березочки!
Спречь скорей меня, сестра милая!

(Прячется под березу, обнимая ее ствол.)

Лукаш

(подходит к березе, тихо)

Ты, Мавка?

Мавка

(еще тише)

Я.

Лукаш

Бежала?

Мавка

Словно белка.

Лукаш

Ты убегала?

Мавка
Да.

Лукаш
Но от кого же?

Мавка
Он как огонь.

Лукаш
Да где он?

Мавка
Тсс! Молчи!
Вдруг снова прилетит...

Молчание.

Лукаш
Как ты дрожишь! Я слышу, как береза
Трепещет и листвою шелестит.

Мавка
(отступает от березы)
Ой, горюшко! Боюсь я прислоняться,
Не устоять мне.

Лукаш
Прислонись ко мне.
Я удержу и защитит сумею.

Мавка прислоняется к нему. Они стоят, прижавшись друг к другу. Лунный луч идет по лесу, стелется по поляне и закрадывается под березу. В лесу отзываются напевы соловьев и все голоса весенней ночи. Ветер порывисто вздыхает. Из сияющего тумана выходит Русалка и тихо подсматривает за молодой парой. Лукаш, прижимая к себе Мавку, все ближе наклоняется к ней и внезапно целует.

Мавка
(вскрикивает с болью счастья)
Звезда упала в сердце!..

Русалка
Ха-ха-ха!
(Со смехом и плеском бросается в озеро.)

Лукаш
(испуганно)

Что это там?

Мавка

Не бойся, там Русалка.
Подруги мы, и нас она не тронет.
Она упряма — любит насмехаться,
Ну и пускай!.. Мне это всё равно,
Всё, всё на свете.

Лукаш
Что ж, и я?

Мавка

Нет, нет,
Ты сам мне свет, и ты милей и краше,
Чем тот, что знала я, но ты мне стал
Еще милей, когда мы обручились.

Лукаш
Так мы уж обручились?

Мавка

Ты же слышишь —
Нам соловьи звенят венчальным звоном...

Лукаш
Я слышу... Вот они уж не щебечут,
Не шелкают, а только повторяют:
«Целуй! Целуй! Целуй!»

(Целует ее долгим, нежным, трепетным поцелуем.)

Я зацелую

Тебя до смерти!

Срывается вихрь, и белый цвет метелью вьется по поляне.

Мавка
Не дано мне смерти...
А жалко...

Лукаш
Что ты? Что ты? Не хочу я!
Зачем я так сказал?!

М а в к а

Нет, так прекрасно
Звездой летучей умереть...

Л у к а ш

Да полно!

(Говорит лаская.)

Не говори об этом! Не хочу!
Не говори совсем!.. Нет, говори!
Чудной язык твой, только почему-то
Приятно слушать... Что же ты молчишь?
Разгневалась?

М а в к а

Я слушаю тебя...

Твою любовь...

*(Берет в руки его голову, поворачивает к лунному свету
и внимательно смотрит в глаза.)*

Л у к а ш

Зачем же так? Мне страшно,
Когда ты мне заглядываешь в душу...
Я не могу так! Говори, шути,
Расспрашивай, скажи, что любишь, смейся...

М а в к а

Твой голос чист, как будто ручеек,
А очи — непрозрачны.

Л у к а ш

Может, месяц

Неясно светит.

М а в к а

Может...

(Склоняется головой к его сердцу и замирает.)

Л у к а ш

Что с тобою?

М а в к а

Тсс... пусть расскажет сердце... так неясно
Всё говорит оно, как эта ночь.

Лукаш

Что там прислушиваться? Ну не надо!

Мавка

Не надо, говоришь? Не буду, милый!
Нет, нет, любимый! Я не буду, счастье!
Не буду вслушиваться, мой хороший!
Ласкать тебя я буду, мой любимый!
Ты любишь ласки?

Лукаш

Я ведь не влюблялся
Еще ни разу. Я совсем не знал,
Что сладки так для сердца ласки!

Мавка страстно ласкает его, он вскрикивает с радостной мукой.

Мавка!

Ты душу мою вынешь!

Мавка

Выну, выну!
Возьму себе всю эту душу-песню,
А сердце я словами зачарую...
Я целовать буду губы пригожие,
 Чтоб загорелись,
 Чтобы зарделись
Губы, на дикую розу похожие!
Буду манить я глаза голубые,
 Чтобы играли,
 Чтобы сияли,
Чтобы огни рассыпали цветные.

(Внезапно всплескивает руками.)

Да чем же приманить мне эти очи!
Цветами я не убрана!

Лукаш

К чему!
И без цветов ты хороша.

М а в к а

Хочу я

Вся для тебя украситься цветами
Лесной царевны краше!

(Бежит на другой конец поляны, далеко от озера, к цветущим кустам.)

Л у к а ш

Подожди!

Я сам тебя украшу.

(Идет к ней.)

М а в к а

(грустно)

Неприглядны

Цветы в ночи... теперь уснули краски...

Л у к а ш

Тут светляки в траве, я соберу их,
Чтобы они в твоих светились косах,
Чтобы сияли, как венок из звезд.

(Кладет несколько светлячков ей на волосы.)

Дай посмотрю я... Ой, как ты красива!

(Не помня себя от счастья, порывисто ее обнимает.)

Еще набрать, еще! Я уберу
Тебя, как королевну, в самоцветы.

(Ищет в траве под кустами светлячков.)

М а в к а

А я с калины цвета наломаю.

Она не спит от песни соловьиной.

(Срывает белые цветы и украшает себе одежду.)

Р у с а л к а

(снова выходит из тумана; шепчет, повернувшись к тростникам)

Потерчата, подойдите,
Огонечки засветите.

В тростниках замерцали два блуждающих огонька. Затем выходят Потерчата, в руках у них мерцают плосечки, то ярко вспыхивая, то погасая. Русалка привлекает Потерчат к себе и шепчет, показывая вдаль на белую фигуру Лукаша, что виднеется во мраке между кустами.

Смотрите-ка, вон тот, что там блуждает, —
Такой, как ваш отец, что вас покинул,
Он вашу мамку бедную сгубил.
И жить ему не надо!

Первый младенец
Утопи.

Русалка
Не смею. Лесовик мне запретил.

Второй младенец
Мы маленькие, мы не одолеем.

Русалка
Легче дымки,
Невидимки,
С огоньками сиротинки,
Тише тихонькой былинки, —
Вы пойдите-ка в тростник,
Не услышит Лесовик;
А как встретит,
Не заметит —
Был и сник!
Промелькните вы зарницей
Над водицей!
Над кустами полыхните,
По болоту проведите, —
Где он станет,
Там и канет.
Канет он на дно болота...
А потом — моя работа!
Торопитесь!

Потерчата
(расходясь один за другим)
Разойдемся мы с тобою,
А сойдемся над водою.

Русалка
(радостно)

Разошлись!

(Подбегает к болоту, брызгает водой с пальцев позади себя через плечо.)

Из-за кочки выскакивает Куц, молоденький чертик-барчук.

Куц-Куц, поклонись,
К моей ручке приложись!

(Властно протягивает ему руку, он целует.)

Куц

За что же, Русалка?

Русалка

Для тебя не жалко.
Приготовлю завтрак — только не зевай!

(Показывает вдаль на Лукаша.)

Где еще такой ты видел каравай?

Куц

(махнул рукой)

Не попал в болото —
Не моя забота!

Русалка

Будет хлопец твой,
Будет радость бабке, матушке родной!

Куц прыгает за кочку и исчезает. Русалка в тростнике следит за Потерчатами; они мелькают на бегу, вспыхивают, мерцают, снуют, перебегают.

Лукаш

(отыскивая светляков, замечает огоньки)

Какие светляки! Они летают!
Таких я и не видел. А большие!
Сейчас я их поймаю!

(Гоняется то за одним, то за другим, они незаметно заманивают его к болоту.)

М а в к а

Не лови!

Любимый, не лови! То Потерчата!

Они тебя погубят!

Лукаш не слышит, увлеченный погоней, и отбегает далеко от Мавки.

Л у к а ш

(внезапно вскрикивает)

Ой, спасите!

Болото здесь!.. Засасывает, тянет!

Мавка прибегает на его крик, но не может добраться до него, так как он увяз далеко от берега. Она бросает ему один конец своего пояса, держась за другой.

М а в к а

Лови!

Пояс не достает до руки Лукаша.

Л у к а ш

Нет, не достать! Что ж это будет?

М а в к а

(бросается к вербе, что стоит, наклонясь над болотом)

Ой, верба, верба-матушка, спасай!

(Быстро, как белка, влезает на вербу, опускается по крайним веткам, бросает снова пояс — он на этот раз достает до Лукаша.)

Лукаш хватается за конец. Мавка притягивает его к себе, потом подает руку и помогает влезть на вербу. Русалка издает глухой стон досады и исчезает в тумане. Потерчата тоже исчезают.

Л е в

(проснулся от крика)

А? Что такое? Снова привиденье?

Чур-чур! Исчезни!

(Вглядывается.)

Эй, Лукаш? Ау!

Л у к а ш

(отзывается с вербы)

Я, дядя, здесь!

Лев

А ты-то тут зачем?

(Подходит и заглядывает на вербу.)

Залез на вербу, да и с девкой.

Лукаш слезает с вербы, Мавка там остается.

Лукаш

Дядя!

Я здесь чуть-чуть в болоте не увяз,
В окно я провалился, да она...

(Указывает на Мавку.)

Спасла меня от смерти.

Лев

А зачем же

Слоняешься ты ночью здесь, как будто
Потерянный?

Лукаш

Я светляков ловил...

(Обрывает речь.)

Лев

(замечает светляков на Мавке)

Ба! Так бы и сказал, тогда б я знал!
Теперь я вижу сам, чье это дело.

Мавка

Так я же, дядечка, его спасла.

Лев

Вишь — «дядечка»! Племянница какая!
А кто ж его заставил лезть в ловушку?

(Укоризненно качает головой.)

Лесная нечисть! Вот вся ваша правда!
Ну, попадись мне только Лесовик, —
Уж он не вырвется, — в пенек дубовый
Зажму я бородище-помелище,
Так он узнает. Видишь, подсылает
Своих девчат, а сам — и я не я!

М а в к а

(быстро слезает с вербы)

Он невиновен! Пусть Змея-царица
Меня накажет, если я солгала!
И невиновна я.

Л е в

Теперь я верю, —
Змеей у вас напрасно не клянутся.

Л у к а ш

Она меня спасла от смерти, дядя,
Ведь без нее пропал бы я, ей-богу!

Л е в

Ну, девушка, души ты не имеешь,
Да сердцем, видно, добрая. Прости,
Что накричал я сгоряча.

(Лукашу)

Зачем ты
За светляками побежал в болото?
На кочках разве там они сидят?

Л у к а ш

Те светляки летучие такие!

Л е в

Эге! Я знаю!.. Это Потерчата!
Ну, подождите, приведу я завтра
Щеняток с волчьим зубом, и посмотрим,
Кто раньше заскулит!

Г о л о с а П о т е р ч а т

(отзываются жалобно, словно лягушачье кваканье)

Нет, нет, дедуся!

Мы неповинны!

Мы у трясины

Ягодки брали.

Мы и не знали —

Гости ли, кто там,

Мы б не всплывали

Со дна болота...

Ой, утону —
Ну, плакать, ну!

Л е в

Смотри, как сникла мигом эта пара,
Отродье колдовское! Да пускай,
Я уж найду, кто прав, а кто виновен...

(Лукашу)

А не пора ли нам домой, племянник?
Пойдем тихонько.

(Мавке)

Будь здорова, девка.

М а в к а

А завтра вы придете? Покажу
Вам дерево хорошее для хаты.

Л е в

Я вижу, обо всем ты разузнала.
Бойка! Что ж, приходи, я к вам привык.
И вам-то к нам ведь привыкать придется.
Пойдем! Прощай!

(Идет.)

М а в к а

(больше Лукашу, чем Льву)

Я буду дожидаться!

Лукаш отстает от дяди; сжимая молча обе руки Мавки, беззвучно
ее целует и, догнав дядю, идет с ним в лес.

(Одна.)

Если б ты, ночка, скорей миновала!
Не обижайся! Я ведь не знала
Дня ни единого, чтобы такую
Быть мне счастливой, как с ясной тобою!
Что ж ты, береза, стоишь тоскливо?
Видишь, сестра моя, как я счастлива!
Не роняй, верба, слез над водою,
Будет ведь, матушка, милый со мною!..

Лес мой, отец мой, я и не знаю,
Как эту ноченьку я скоротаю?
Ночь коротка, да длинна разлука...
Что ж суждено мне — счастье иль мука?!

Месяц спрятался за темную стену леса, тьма наплыла на прогалину, черная, бархатная. Ничего не видно, только тлеют на земле угли, оставшиеся от костра. да по венку из светлячков заметно, где ходит Мавка между деревьями; веночек светится то целым созвездием, то отдельными искрами; затем тьма и его покрывает. Глубокая полночная тишина, только порой легкий шелест слышится в лесу, словно вздохи во сне.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Позднее лето. На темной матовой листве в роще кое-где видна осенняя прозолоть. Озеро обмелело, береговая отмель стала шире, тростники сухо шелестят листвою.

На поляне уже построена хата, засажен огород. На одной ниве — пшеница, на другой — рожь. На озере плавают гуси. На берегу сушится белье, на кустах торчат горшки, кувшины. Трава на поляне чисто выкошена, под дубом сложен стожок. По лесу перезванивают бубенцы — где-то пасется скот. Слышно, как неподалеку кто-то играет на дудочке бойкую плясовую мелодию.

М а т ь Л у к а ш а

(выходит из хаты и зовет громко)

Лукаш, ау! Да где ж ты?

Л у к а ш

(выходит из лесу с дудочкой и расписной палочкой в руках)

Здесь я, мама.

М а т ь

А что, не хватит ли тебе играть?
Ты всё играешь, а работа стой!

Л у к а ш

Какая же работа?

М а т ь

Как «какая»?
А кто ж загон хотел огородить?

Лукаш

Да хорошо, огорожу, успею!

Мать

Когда ж оно, твое «успею», будет?
Тебе бы всё гоняться по логам
С пролазою, с прибудою такой.

Лукаш

Да кто гоняется? Я скот пасу,
А Мавка помогает!

Мать

Отвяжись ты
С такой-то помощью!

Лукаш

Вы говорили,
Когда она пасет коров, то больше
Дают удоя.

Мать

Колдовское племя!

Лукаш

И кто вам только угодит — не знаю!
Как хату ставили, то не она ли
Деревья приносила? Огород
С кем вы сажали? Кто засеял поле?
Когда-нибудь родило так, как нынче?
А видишь, как украсила цветами
Под окнами — и посмотреть-то любо!

Мать

На что нужны ее цветы! Ведь в хате
Нет у меня на выданье невесты...
А на уме у вас цветы да песни!

Лукаш пожимает нетерпеливо плечами и хочет идти.

Куда ты?

Лукаш

Городить иду ограду.

(Идет за хату, через некоторое время слышно постукивание топора.)

Мавка выходит из лесу, пышно украшенная цветами, с распущенными косами.

Мать

(неприветливо)

Ну, что тебе?

Мавка

Где, тетенька, Лукаш?

Мать

Да что ты всё за ним? Не подобает
За парубком так девушке гоняться.

Мавка

Никто об этом мне не говорил.

Мать

Ну так хоть раз послушать не мешает.

(Неприятно смотрит на Мавку.)

И что ты так растрепана всегда?
Нет чтобы аккуратней причесаться, —
Всё ходишь будто ведьма. Неопратно.
Что это за одежда на тебе?
Оно и неудобно при работе.
Есть у меня кой-что с умершей дочки,
Поди оденься — там висит на жердке.
А это можешь положить в сундук.

Мавка

Что ж, хорошо, могу переодеться.

(Идет в хату.)

Оттуда выходит дядя Лев.

Мать

Сказала бы спасибо!

Л е в

Что, сестрица,
Ты каждый раз всё девку заедаешь?
Иль в чем перед тобою провинилась?

М а т ь

Ты лучше бы не вмешивался, братец,
Когда не трогают. А то еще
Собрал бы ты всех ведьм сюда из леса.

Л е в

Когда бы ты хоть с толком говорила,
Так я тебя и слушал бы, а то.
«Всех ведьм из леса»?! Где ж в лесу тут
ведьмы?
Все ведьмы в селах водятся...

М а т ь

Да ты
Уж в этом смыслишь... Что ж, ну, причай
Лесную погань, может, и дождешься
Когда-нибудь добра!

Л е в

Вот и дождусь.
Лесное племя вовсе не поганю, —
Идет из леса всё богатство...

М а т ь
(насмешливо)

Как же!

Л е в

Бывают люди из таких-то девок!

М а т ь

Какие люди? Пьян ты, что ли, а?

Л е в

Да что ты знаешь? Вот покойник дед
Говоривал, что знать бы только слово,
И в лесовичке может поселиться
Душа такая, как у нас с тобою.

М а т ь

Ну а куда же колдовской-то дух,
Куда он денется?

Л е в

Опять о том же?
Пойду-ка да возьмусь я за работу,
Чем эту жвачку здесь жевать!

М а т ь

Иди!

Я не мешаю!

Лев идет за хату, сердито потрянув головой. Мавка выходит из хаты переодетая: на ней рубаха из холстины, тесно сшитая и заплата на плечах, узкая юбка из набивки и полинялый канифасовый фартук, волосы гладко зачесаны в две косы и заложены вокруг головы.

М а в к а

Вот, переделалась.

М а т ь

Теперь другое дело. Я пойду
И той порою с птицею управлюсь!
Хотела я пойти на коноплю,
Да здесь еще не кончена работа,
Ты что-то к ней не очень...

М а в к а

Почему же?

Всем, что умею, рада я помочь.

М а т ь

В том-то и дело — нет ни в чем уменя:
Неважной ты помощницей была.
Сгребали сено — голова болела...
Как только жать ты будешь...

М а в к а

(в страхе)

Жать? Как можно!

Хотите вы, чтоб я сегодня жала?

М а т ь

А что ж такого? Разве нынче праздник?

(Берет за дверями в сенях серп и подает Мавке.)

Вот, на-ка серп — попробуй. Как управлюсь,
Так и сменю тебя.

(Идет за хату, взяв из сеней подситок с зерном. Вскоре слышно, как она зовет: «Цыпоньки! Цыпоньки! Тю-тю-тю! Тю-тю-тю! Цирр...»)

Лукаш выходит с топором и приближается к молодому грабу,
чтобы его срубить.

М а в к а

Не тронь, любимый, —
Ведь он сырой, ты видишь.

Лукаш

Не мешай!

Мне некогда!

Мавка с грустью смотрит ему в глаза.

Ну где мне взять сухого? ..

М а в к а

(быстро выволакивая из лесу сухое дерево)
Найду еще; а много ли их нужно?

Лукаш

Что ж? Разве я одним огорожу?

М а в к а

А почему ты стал так неприветлив?

Лукаш

Да видишь... мать всё за тебя ругает! ..

М а в к а

Какое дело ей? И что ей нужно?

Лукаш

А как же? Я ведь сын ей... .

М а в к а

Ну так что ж?

Л у к а ш

Невестка ей такая не по нраву...
Ведь род лесной она совсем не любит...
Свекрови доброй из нее не будет!

М а в к а

В лесу у нас нет никаких свекровей,
Невестки да свекрови — для чего,
Не понимаю!

Л у к а ш

Ей нужна невестка,
Нужна ей помощь, — мать уже стара;
Начни чужую заставлять работать —
Совсем не то... Работницы не дочки...
Ты, правда, этого не понимаешь...
Чтобы людские понимать заботы,
И вправду надо не в лесу родиться.

М а в к а

(искренне)

Ты Расскажи мне, я пойму, мой милый,
Ведь я тебя люблю... Я ж поняла
Все песни, что играл ты на свирели.

Л у к а ш

Да песни что! Наука небольшая!

М а в к а

Не оскорбляй цветка своей души,
Ведь из него любовь возникла наша!
Он даже папоротника чудесней:
Он клады создает — не открывает.
Как будто у меня другое сердце
Тогда родилось вдруг. И в ту минуту
Не чудо ль огненное...

(Вдруг обрывает.)

Ты смеешься?

Лукаш

И вправду мне смешно как будто стало...
Одета ты, как в будни, а такое
Всё говоришь, как проповедь на праздник.

(Смеется.)

Мавка

(дергает на себе одежду)

Сожгу всё это.

Лукаш

Чтобы мать заела?

Мавка

Что ж, если для тебя в одежде этой
Я изменилась вдруг!

Лукаш

Так я и знал.

Теперь начнутся разные упреки...

Мавка

Нет, милый, я тебя не упрекаю,
А только — грустно, что не можешь ты
Своею жизнью по себе равняться.

Лукаш

Я как-то не пойму, что говоришь ты.

Мавка

Ведь я за то тебя и полюбила,
Чего ты сам в себе не понимаешь.
Хотя душа твоя поет об этом
Чистосердечно голосом свирели.

Лукаш

А что? Скажи...

Мавка

Оно еще прекрасней
Всей красоты твоей, хорошей, милой,
О нем в словах и я сказать не в силах...

(Грустно-влюбленно смотрит на него и молчит минуту.)

Сыграй ты мне, любимый, на свирели,
Пускай она всё горе зачарует.

Л у к а ш

Ой, мне теперь играть совсем не время!

М а в к а

Так приласкай меня, чтоб я забыла
Весь этот разговор.

Л у к а ш

(оглядывается)

Тсс! Мать услышит!

Она и так тебя всё называет
Пролазою.

М а в к а

(вспыхнув)

Да! Кто не вырос с вами,
Тот не поймет вас! Значит, я пролаза?
За что? За то, что так тебя люблю я?
Что первая сказала? Иль позорно,
Что не скуплюсь я сердцем, что сокровищ
Оно своих не прячет, только ими
Любимого так щедро одарило,
Не дожидаясь от него залога?

Л у к а ш

Надеялась, что расплачусь я после.

М а в к а

И снова странное какое слово —
«Я расплачусь»... Ты мне принес дары,
Какие захотел, а я — свои,
Не мерены, не считаны...

Л у к а ш

Что ж, видно,
Никто из нас друг другу не должник,
О том сама сказала ты — запомни.

Мавка

Зачем всё это я должна запомнить?

Мать

(выходит из-за хаты)

Ты так-то жнешь? А ты вот так городишь?

Лукаш поспешно поволок дерево за хату.

Что ж, коли, девонька, ты жать не хочешь,
То я не принуждаю. Как-нибудь
Сама управлюсь я, а там на осень,
Даст бог, найду себе невестку в помощь.
Есть вдовушка — проворная такая, —
Сама через людей она справлялась.
Да я сказала, что когда б Лукаш
Согласен был. . . Ну что ж, давай, голубка,
Мне, что ли, серп, — ведь нет у нас другого.

Мавка

Я буду жать. Идите к конопле.

Мать идет через поляну к озеру и скрывается за тростником. Мавка взмахивает серпом и наклоняется к житу. Из жита появляется Русалка полевая; зеленая одежда на ней просвечивает кое-где сквозь плащ золотых волос, которые покрывают всю ее небольшую фигурку; на голове синий венок из васильков, в волосах запутались розовые цветы куколя, ромашки, повилики.

Русалка полевая

(с мольбой бросается к Мавке)

Сестрица, пожалей!
Не погуби красы моей!

Мавка

Я должна. . .

Русалка полевая

Былинки уж посорваны,
Цветочки все оборваны,
Мои цветочки-звездочки
Все сорваны с бороздки.
Мак мой жаром пламенел,
А теперь он почернел;

То не кровь ли пролилась,
На бороздке запеклась. .

М а в к а

Сестрица, я должна! Твоя краса
Весною расцветет еще дышнее.
Мое же счастье, коль теперь завянет, —
Вовек не встанет.

Р у с а л к а п о л е в а я

(ломает руки и шатается от горя, как от ветра колос)

Ой, горюшко! Коса моя!
Коса моя золотая!
Ой, горькое! Краса моя!
Краса моя молодая! . .

М а в к а

Твоей красе недолго жить придется,
На то она растет, чтобы погибнуть.
Зачем меня о милости просить, —
Не я — другой придет ее сгубить.

Р у с а л к а п о л е в а я

Видишь, сестрица, как волны гуляют
С края до края.
Дай нам пожить среди вольного рая.
Видишь, как лето сияет,
Жито в полях еще не полегло, —
Горе-злосчастие к нам не пришло!
Только минутку бы, только мгновение!
Скоро краса моя кончит цветение,
Ляжет на землю сама. . .
Сжался. Не будь как зима,
Дай ты мне воли, избавь от страданья!

М а в к а

Рада б исполнить желанье,
Только сама я теперь не на воле.

Р у с а л к а п о л е в а я

(шепчет, склонившись к плечу Мавки)

Но ведь могло же случиться, что в поле
Острым серпом ты поранила руку?

Сжался, взгляни ты на муку!
Капельки крови и той для спасенья довольно.
Стоит краса моя крови пль нет?

М а в к а

(проводит себе серпом по руке, кровь брызжет на золотые косы Русалки полевой)

Вот тебе — видишь? — ответ!

Русалка полевая склоняется низко перед Мавкой, благодарит ее и исчезает в жите. От озера приближается мать, а за ней полнолицая молодница, в красном платочке с каймой, в темно-красной юбке с мелкими и ровными сборками, в таких же сборках и зеленый фартук с нашитыми на нем белыми, красными и желтыми лентами; рубашка густо выткана красным и синим, монисто звенит монетам на белой, пухлой шее, крепкая кайма тесно перетягивает стан, и оттого круглая плотная фигура кажется еще пышней. Молодица идет быстрой походкой, старуха еле поспекает за ней.

М а т ь

(молодице, любезно)

Сюда, Кишинка, — здесь, вот, у березы.
Найдете зелье. Вот тысячелистник, —
Вы собирались им попарить крынки?
Он, милая, хорош для молока.

К и л и н а

Куда девать мне молоко — не знаю!
Скорей бы ярмарка — куплю посуду.
Корова-то ведь турецкого завода —
Покойник мой купил еще, — такая
Молочная, и господи! Вот в поле
Я кое-как управилась, да надо
И в хате поприбраться бы. Ой, тетя,
Вдове — хоть надвое вот разорвися!

(Пригорюнилась, поджав губы.)

М а т ь

Так вы уже управились с работой?
Что ж, работающий всё в труде осилит.
А вот... у нас хоть маленькая нивка,
И то не спорится никак...

К и л и н а

(смотрит на ниву, где стоит Мавка)

А кто же

Там жнет у вас?

М а т ь

Да так, одна сиротка...

(Шепотом.)

Уж, прости бог, такая недотепа...

К и л и н а

(подходит с матерью к Мавке)

Ну, здравствуй, девушка! Как жнется нынче?

М а т ь

(всплескивает руками)

Ой, горюшко! Еще не начинала!

Ой ты, беда моя! Что за работа!

Бездельница! Негодница! Лентяйка!

М а в к а

(глухо)

Порезала я руку...

М а т ь

Отчего бы!

К и л и н а

Давай сюда мне серп — а ну-ка, я.

Мавка прячет серп за спину и враждебно смотрит на Килину.

М а т ь

Отдай же серп, коль говорят! Не твой!

Вырывает серп из рук Мавки и дает Килине; та набрасывается на жито и жнет, как огнем палит, даже солома свищет под серпом.

М а т ь

(довольная)

Ну и работница!

К и л и н а

(не отрываясь от работы)

А если б кто
Крутил мне перевясла, я бы враз
Всю нивку выжала.

М а т ь

(зовет)

Лукаш! Пойди-ка!

Л у к а ш

(выходит; Килине)

Бог помощь!

К и л и н а

(продолжая жать)

Благодарствую!

М а т ь

Лукаш,

Снопы вязать сможешь молодиче,
А то «помощница» калекой стала.

Лукаш принимается вязать снопы.

Ну, жните, деточки, а я пойду
Да вам киселика сварю на полдник.

(Идет в хату.)

Мавка отошла к березе. Прислонилась к ней и сквозь длинные ветви смотрит на жнецов. Килина некоторое время так же старательно жнет, потом разгибается, выпрямляется, смотрит на склоненного над снопами Лукаша, усмехается, тремя широкими шагами подбегает к нему и звонко хлопает ладонью по плечу.

К и л и н а

А ну, быстрее! Ползешь ты, как улитка,
Работник тоже!

(Заливается смехом.)

Л у к а ш

(выпрямляется)

Быстрая какая!

Не трогай лучше! Я ведь поборю!

К и л и н а

(бросает серп, подбоченивается)

А ну-ка! Кто кого — еще увидим!

Лукаш бросается к ней, она перехватывает руки; они «меряют силу», упираясь ладонями в ладони; некоторое время силы их равны. потом Килина немного подалась назад, громко смеясь и играя глазами; Лукаш, разгорячившись, широко раздвигает ей руки и хочет ее поцеловать, но в то время, когда его губы уже касаются ее губ, она подбивает его ногой, он падает.

К и л и н а

(стоит над ним, смеясь)

А что? Кто поборол? Не я тебя?

Л у к а ш

(встает, тяжело дыша)

Подбить ногой — подумаешь!

К и л и н а

Ах, так?

В хате стукнула дверь. Килина снова бросилась жать, а Лукаш вязать. Быстро загон потемнел от жнивья и покрылся снопами; несколько охапок жита на разложенных перевяслах лежат, как побежденные и еще не связанные пленники.

М а т ь

(с порога сеней)

Жнецы, кончайте! Полдничать идите!

К и л и н а

Я кончила свое, а вон Лукаш
Никак не справится.

Л у к а ш

Да мне недолго.

М а т ь

Ну, так кончай, а вы сюда идите!

Килина идет в хату. Дверь закрывается. Мавка выходит из-за березы.

Лукаш

(немного смутился, увидев ее, но быстро оправился)

Ах, это ты? Вот довяжи снопы,
А я пойду.

Мавка

Вязать мне не под силу.

Лукаш

Ну, так зачем тут надзирать явилась,
Коли помочь не хочешь мне?

(Вяжет один.)

Мавка

Скажи ей,

Чтобы она сюда не приходила;
Я не люблю ее — она лукава,
Как выдра.

Лукаш

Ты совсем ее не знаешь.

Мавка

Нет, голос я и смех ее слыжала!

Лукаш

Но этого ведь мало.

Мавка

Нет, довольно.

И хищная она, как рысь.

Лукаш

Еще что?

Мавка

Пускай она к нам больше в лес не ходит.

Лукаш

(выпрямляется)

Как будто ты лесной царицей стала, —
Кому-то в лес ходить ты разрешаешь,
Кому-то — нет.

М а в к а

(мрачно, с угрозой)

У нас в лесу есть ямы,
Прикрытые ветвями, буреломом, —
Ни зверь, ни человек их не заметит,
Пока не упадет...

Л у к а ш

И говорит ведь
О хитрости, лукавстве — уж молчала б!
Нет, я совсем не знал тебя, как видно.

М а в к а

Я, может, и сама себя не знала...

Л у к а ш

Так вот послушай: если я обязан
Тебя еще расспрашивать — кто смеет
Ко мне ходить, кто нет, то лучше сам я
Вновь из лесу отправлюсь на село.
Там как-нибудь с людьми не пропаду.
Здесь у тебя сидеть я не намерен,
Как лис в капкане.

М а в к а

На тебя капканов
Не ставила. Пришел по доброй воле.

Л у к а ш

А захочу, так и уйду по воле,
Никто ничем меня тут не привяжет!

М а в к а

Тебя я разве привязать хотела?

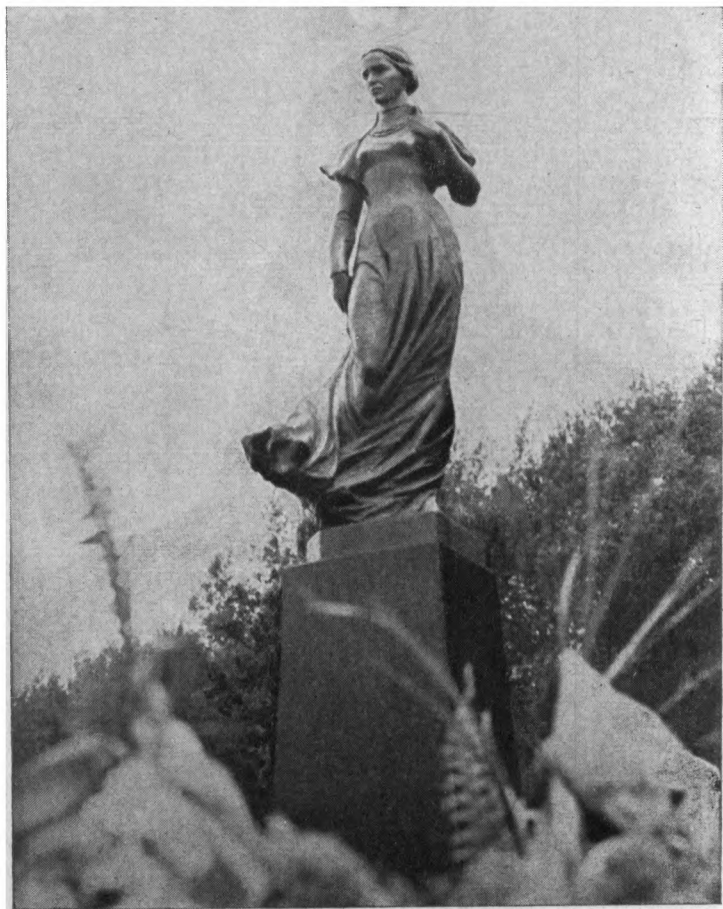
Л у к а ш

К чему вся эта болтовня пустая?

*(Довязав последний сноп и не глядя на Мавку,
пошел к хате.)*

Мавка села на борозде и склонилась в грустном раздумье.

Дядя Лев
(*выходит из-за хаты*)

О чем, голубушка, ты загрустила?

Мавка
(*тихо, грустно*)

Проходит лето, дядюшка...

Лев

Об этом
Как не грустить! Да только мне казалось,
Что уж тебе к зиме не нужно вербы.

Мавка

А где ж мне жить придется?

Лев

Да по мне бы,
Не тесною была б с тобою хата...
Что ж, если у сестры такой характер,
Что с ней не сговоришься. Я пытался
И так и эдак... Да когда бы я
Был тут хозяином, то не спросил бы;
Но я уж отдал им надел и хату,
И воля не моя. Я сам к зиме
Опять в село, домой уйду отсюда...
Когда бы там могла ты поселиться,
Я принял бы тебя.

Мавка

Нельзя мне, дядя...
Когда б могла, пошла б. Вы, дядя, добрый.

Лев

Не человек, а хлеб, голубка, добрый.
А ведь и правда, крепко я лесную
Породу вашу полюбил. Вот буду
Я умирать — как зверь приду я к лесу,
Под этим дубом пусть и похоронят...
Дубочек милый, будешь ли стоять ты,
Когда седой поникну головою?..

Да где! Покрепче были ведь дубы,
И те повырублены. . . Зеленой же
Хоть до мороза, друг ты мой кудрявый,
А там. . . иль даст господь весны дожждаться? . .

(Стоит, грустно опираясь на палку.)

Мавка медленно выбирает полуувядшие цветы из снопов жита и складывает их в пучок. Из хаты выходят мать, Килина и Лукаш.

М а т ь

(Килине)

Куда спешите вы? Да посидите!

К и л и н а

Ой, что вы, тетенька, уж я пойду.
Смеркается — идти мне будет страшно.

М а т ь

Лукаш, ты проводил бы.

Л у к а ш

Что же, можно.

К и л и н а

(посматривая на него)

Поди, работа у него. . .

М а т ь

Какая

Работа вечером? Иди, сынок,
Да проводи Килинку до дороги.
Одной-то вечером в лесу тоскливо.
Да так еще пригожа молодица —
А вдруг кто нападет.

К и л и н а

Ой, что вы, тетя!

Теперь меня совсем вы испугали!
Идем, Лукаш, пока не свечерело,
А то вдвоем бояться будем!

Л у к а ш

Я-то?

В лесу бояться? Ого-го! Нисколько!

М а т ь

Да у меня он хлопец молодец.
Уж вы его той чести не лишайте!

К и л и н а

Нет, это я шутя...

(Замечает дядю Льва.)

О! Дядя Лев!

Вы дома?

Л е в

(делает вид, что недослышал)

А? Идите на здоровье.

(Идет в лес.)

К и л и н а

Ну, так бывайте, тетенька, здоровы!

(Хочет поцеловать старуху в руку, но та не дает, обтирает себе рот фартуком и трижды, «с церемонией», целуется с Килиной. Килина, уже на ходу.)

Так живы будьте, нас не позабудьте!

М а т ь

Здоровы будьте, да и к нам прибудьте!

(Идет в хату и закрывает дверь за собой.)

Мавка поднимается и тихой, словно усталой походкой идет к озеру, садится на согнутую вербу, склоняет голову на руки и тихо плачет. Начинает накрапывать мелкий дождик, густой сеткой заволакивает поляну, хату и лес.

Р у с а л к а

(подплывает к берегу и всматривается в Мавку, удивленная и заинтересованная)

Ты плачешь, Мавка?

М а в к а

Разве никогда ты

Не плакала, Русалочка?

Русалка

О, я!

Коль я заплачу на одну минутку,
То должен кто-то до смерти смеяться!

Мавка

Русалка! Никогда ты не любила...

Русалка

Я не любила? Это ты забыла,
Что настоящею зовут любовью.
Любовь ведь, как вода, несет и кружит,
Играет, рвет, ласкает, нежит, топит.
Где жар — она кипит, а встретит холод —
И станет льдом. Моя любовь такая!
А вот твоя — соломенного духа,
Ребенок слабый. Клонится от ветра,
Под ноги стелется. А встретит искру —
Сгорает, не борясь, и остается
Лишь черный уголь от нее да пепел.
Когда же ею кто пренебрежет,
Она лежит и киснет, как солома,
В воде холодной и пустой досады,
Под горестным раскаянья дождем.

Мавка

(поднимает голову)

Раскаянья? Но ты спроси березу,
Не кается ль она за ночь былую,
Когда весенний ветер расплетал
Ей косу длинную?

Русалка

А что ж ей грустно?

Мавка

Что милого она обнять не может,
К себе его навек прижать ветвями.

Русалка

А почему?

М а в к а

Да он весенний ветер.

Р у с а л к а

Зачем же было ей любить такого?

М а в к а

Он нежным был, тот юноша весенний,
Он с песнями ей раскрывал листочки;
Лаская, развивал он ей веночек
И с нежностью кропил росой косу...
Он настоящий был весенний ветер,
Другого бы она не полюбила.

Р у с а л к а

Ну, так пускай теперь опустит траур
Хоть до земли, она вовек не сможет
Обнять тот ветер — он уже промчался.

*(Тихо, без плеска, отплывает от берега и исчезает
в озере.)*

Мавка вновь склонилась, длинные черные косы упали до земли. Подымается ветер и гонит серые тучи, а вместе с ними черные стаи птиц, отлетающих в теплый край. Потом от сильного порыва ветра дождевые тучи расходятся, и виден лес — уже в ярком осеннем уборе на фоне густо-синего предзакатного неба.

М а в к а

(тихо, с глубокой грустью)

Да... он уже промчался...

Лесовик выходит из чащи. Он в длинном плаще цвета старого золота с темно-красной полосой внизу, вокруг шапки обвита ветка созревшего хмеля.

Л е с о в и к

Дочка, дочка,
Наказана ты тяжко за измену!..

М а в к а

(поднимает голову)

Кому же изменила я?

Лесовик

Себе.

Покинула высокие вершины,
На мелкие тропинки опустилась.
С кем, дочка, схожа ты? С простой служанкой,
Батрачкою, что горькою работой
Краюшку счастья получить хотела
И не смогла, и только стыд последний
Ей нищенкою стать еще мешает.
Припомни ты, какой была ты в ночь,
Когда любовь твоя лишь расцветала:
Тогда казалась ты лесной царевной,
Венок из звезд сиял на темных косах, —
Тогда и счастье руки простирало
К тебе так жадно и несло дары!

Мавка

Так что же делать мне, когда все звезды
В венке и в сердце у меня погасли?

Лесовик

Нет, для тебя не все венки увяли.
Ты оглянись вокруг, какой здесь праздник!
Плащ золотой надел уж ясьень-князь.
Лесная роза — пышные кораллы.
На гордый пурпур белизну сменила
Калина, что цветами вас венчала,
Где соловей пел свадебные песни.
И верба старая с березой грустной
Уж в золото и в пурпур убрались
На праздник осени, и только ты
Лохмотья нищенки не хочешь сбросить;
Забыла ты, что никакая скорбь
Вовек не может красоты осилить

Мавка

(порывисто встает)

Так дай мне праздничный убор отныне,
И снова буду я лесной царевной,
И счастье упадет к моим ногам,
Моей вымаливая ласки.

Лесовик

Дочка,

Давно готово платье для царевны,
Да где-то всё причудница скрывалась
И ради шутки нищенкой оделась.

(Раскрывает свою мантию и достает запрятанную под нею пышную, золотом вышитую порфиру и серебряную кисею, надевает порфиру поверх одежды на Мавку.)

Мавка идет к калине, быстро ломает красные кисти ягод, свивает венок, распускает косы, украшает венком голову и склоняется перед Лесовиком. Он набрасывает ей серебряную кисею на голову.

Теперь-то за тебя уж я спокоен.

(Важно, кивнув ей головой, быстрой походкой идет в чащу и исчезает.)

Из леса выбегает Перелесник.

Мавка

Вновь ты?

(Хочет убежать.)

Перелесник

(пренебрежительно)

Не бойся, не к тебе. Хотелось
Мне навестить Русалку, ту, что в жите,
Да, вижу, уж она заснула. Жалко...
Как ты бледна.

Мавка

(гордо)

Тебе так показалось!

Перелесник

Так показалось? Дай-ка присмотрюсь я!

(Подходит к ней. Мавка отступает.)

Да ты чего пугаешься? Я знаю,
Что ты обручена, — не трону я.

Мавка

Прочь! Не глумись!

Перелесник

Да не сердись ты, — что ж,
Давай-ка побратаемся!

Мавка

С тобою?

Перелесник

А почему бы нет? Теперь, когда
По осени и солнце холодеет,
И в нас остыла кровь. Ведь мы когда-то
С тобой друзьями были, а потом уж
Любили иль играли — трудно вспомнить, —
Теперь пора брататься. Дай мне руку!

Мавка несколько нерешительно подает ему руку.

Позволь же мне ты братским поцелуем
Лица коснуться бледного...

Мавка отстраняется, он все-таки ее целует.

Цветами

Лицо твое внезапно зацвело,
Невинными осенними цветами.

(Не выпуская ее руки, осматривается вокруг.)

Взгляни, как там летает паутина
И кружится, по воздуху качаясь...
Вот так и мы...

(Вдруг увлекает ее в танце.)

Вот так и мы!

Кинемся, ринемся

В танец и мы!

К звездам пречистым,

К искрам лучистым,

К ясным да красным огням золотистым,

Тем, что сверкают,
Тем, что летают,
Тем, что в круженье пылают, сгорают!
Так вот и я...
Так вот и я...
Будь же как искра, подружка моя!

(Быстро кружит ее в танце.)

Серебряная вуаль на Мавке взвилась вверх, как блестящая змейка, черные косы развились и смешались с огненными кудрями Перелесника.

М а в к а

Хватит!.. Ой, хватит!

П е р е л е с н и к

В щедрой растрате
Пусть, о любимая, сердце сгорит!
Счастье не вечно,
Так быстротечно, —
Тем и прекрасно, что вечно летит!

Танец становится безумным.

Сдружимся,
Скружимся,
Вихрем закружимся!
Встанем,
Достанем
Огнистого рая!

М а в к а

Хватит... Пусти меня... Я... умираю.

Голова ее падает ему на плечо, руки опускаются, он мчит ее, утомленную, в танце.

Вдруг из-под земли появляется темный, широкий, страшный Призрак.

П р и з р а к

Отдай, она моя! Пусти ее!

Перелесник

*(останавливается и выпускает Мавку из рук, она бес-
сильно опускается на траву)*

Кто ты такой?

Призрак

Иль ты меня не знаешь?

Тот, кто в скале сидит.

Перелесник вздрогнул, быстрым движением кинулся прочь и исчез в лесу. Мавка очнулась, поднялась немного, широко раскрыла глаза и с ужасом смотрит на Призрака, протягивающий руки, чтобы взять ее.

Мавка

Нет, не хочу я!

Я не хочу к тебе! Ведь я живая!

Тот, кто в скале сидит

Я поведу тебя в далекий край,
В тот край безвестный, к тихим, темным водам,
Что спят спокойно, как глаза умерших;
Немые скалы там стоят над ними
Свидетелями всех былых событий.
Спокойно там. Ни дерево, ни травы
Не шелестят, мечтами не томят,
Неверными, бессонными мечтами.
Туда и ветер не заносит песен
О недоступной воле; не горит
Огонь палящий; молнии с разлету
Ломаются о скалы и не могут
В твердыню тьмы и тишины пробиться.
Тебе и жить бы в том краю далеком:
Бледнеешь от огня, в движенье млеешь,
Твое всё счастье — тень. Ты нежива!

Мавка

(встает)

Нет! Я жива! И жить я буду вечно.
Есть в сердце у меня то, что бессмертно.

Призрак
Откуда ты об этом знаешь?

Мавка

Муку
Свою люблю, и ей даю я жить.
Когда бы захотеть могла я только
Ее забыть, пошла бы я с тобою,
Но никакая сила в целом свете
Желанного забвенья мне не даст.

В лесу слышится шорох человеческих шагов.

Вон тот идет, кто дал мне эту муку.
Сгинь, привиденье! Вот моя надежда!

Тот, кто в скале сидит, отступает в темную чашу и там затихает. Из лесу выходит Лукаш, Мавка идет навстречу Лукашу. Лицо ее выделяется смертельной бледностью на фоне яркого одеяния, умирающая надежда расширила ее большие темные глаза, движения ее порывисты и странны, словно что-то в ней обрывается.

Лукаш
(увидев ее)

Какая страшная! Чего ты хочешь?

(Спешит к хате, стучит в дверь; мать открывает, не выходя, Лукаш матери у порога.)

Пора готовить, мама, сватам хлеб, —
Я завтра буду свататься к Килине!

(Идет в хату.)

Дверь закрывается. Тот, кто в скале сидит, выходит и приближается.

Мавка
(срывает с себя порфиру)

Бери меня! Забвения хочу!

Тот, кто в скале сидит, прикасается к Мавке, она, крикнув, падает ему на руки; он набрасывает на нее свой черный плащ. Оба проваливаются в землю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вся в тучах, ветреная осенняя ночь. Последний желтый отблеск луны гаснет в хаосе голых ветвей. Стонут филины, хохочут совы, назойливо кричат сычи. Внезапно всё покрывается протяжным, тоскливым волчьим воем, он становится всё сильнее, сильнее и вдруг обрывается. Наступает тишина.

Начинается болезненный рассвет поздней осени. Безлистый лес еле виднеется на пепельном небе черной щетиной, а внизу по опушке стелется редяющий мрак. Проступают белые стены хаты Лукаша. У одной стены чернеет какая-то фигура, прислонившаяся в изнеможении к дверному косяку, в ней с трудом можно узнать Мавку; она в черной одежде, в серой непрозрачной кисее, только на груди красуется маленький калиновый пучок. Рассветает. На поляне виден большой пень, там, где стоял когда-то столетний дуб, а неподалеку от него свежая, еще не поросшая муравой могила. Из лесу выходит Лесовик в серой свитке и в шапке из волчьего меха.

Лесовик

(присматриваясь к фигуре у хаты)

Ты, дочка?

Мавка

(приближаясь к нему)

Я.

Лесовик

Что ж, разве отпустил
Тебя назад Тот, кто в скале сидит?

Мавка

Ты вызволил меня своим злодейством.

Лесовик

Отмщенье ты злодейством называешь?
Отмщенье то, что праведно воздал я
Тому, кто оскорбил тебя изменой?
Не справедливо разве, что узнал он
Отчаянье скитаний одиноких,
В подобье волчьем по лесу блуждая?
И вот теперь он оборотень дикий!
Пусть он скулит, пусть причитает, воет,
Пусть человеческой он жаждет крови —
Он не погасит муки злой!

М а в к а

Но я

Его спасла, не радуйся же. В сердце
То слово я волшебное нашла,
Что зверя обращает в человека.

Л е с о в и к

(топает от злости ногой и ломает с треском свой посох)

Быть дочерью лесной ты недостойна!
Дух у тебя не вольный, не лесной,
А сельский, рабский!

М а в к а

О, когда б ты знал,
Когда б ты знал, как было страшно всё.
Сном каменным заснула я в пещере,
Глубокой, черной, влажной и холодной,
Когда пробился искаженный голос
Сквозь стены непрístupные, и вой
Протяжный, дикий горестно разнесся
По темным мертвым водам, и в ущельях
Он разбудил давно умерший отзвук...
И тут проснулась я. Огнем подземным
Моя печаль взорваладушный склеп,
И вырвалась я вновь на свет. И слово
Уста мои немые оживило,
И я свершила чудо... Я постигла —
Нигде забвенья мне не суждено.

Л е с о в и к

Где ж он теперь? Зачем он не с тобою?
Ужель его неблагодарность вечна,
Как и твоя любовь?

М а в к а

Ах, если б видел
Ты, дедушка!.. Он в образе людском
Упал к моим ногам, как будто яшень
Подрубленный, и поднял взгляд ко мне
Страдающий, исполненный печали,

В раскаянье горячем, без надежды...
Ведь только человек смотреть так может!..
Еще и слова не сказала я,
Как на ноги вскочил он, заслонился
Вдруг от меня дрожащими руками
И бросился, не говоря ни слова,
В овраг, в терновник, там исчез из глаз.

Лесовик

Так что же собираешься ты делать?

Мавка

Не знаю... Я теперь, как тень, блуждаю
У этой хаты и уже не в силах
Ее покинуть... Только сердцем слышу —
Вернется он...

Лесовик молча грустно качает головой. Мавка вновь прислоняется к стене.

Лесовик

Несчастное дитя,
Зачем ушла от нас ты в край угрюмый?
Иль нет тебе в родном лесу покоя?
Смотри — уже и верба ждет тебя,
Она давно уж ложе постелила,
Грустит, не знает — где ты запропала.
Иди-ка отдохни!

Мавка

(тихо)

Нет, не могу я.

Лесовик, шумно вздохнув, медленно уходит в лес. Из лесу слышится отчаянный топот, словно кто-то во весь опор гонит коня, потом останавливается.

Куц

(выскакивает из-за хаты, потирая руки, и останавливается, увидев Мавку)

Ты, Мавка, здесь?

Мавка

А ты зачем тут рыщешь?

Куц

Я притащил коня за гриву в стойло.
Ну, повозил меня он напоследок,
Теперь уж никого не повезет!

Мавка

Ты, ненавистный, опозорил лес!
Ты так-то с дядей уговор свой держишь?

Куц

Да уговор наш умер вместе с ним.

Мавка

Как? Умер дядя Лев?

Куц

Вон и могила.
Под дубом схоронили, а пришлось вот
У пня ему покоиться, бедняге.

Мавка

Да, оба полегли... он словно знал,
Чтс зимовать ему уж не придется...

(Подходит к могиле.)

Ой, как же сердце плачет по тебе,
Мой друг единственный! Когда б мне слезы
Живительные, я б смочила землю,
Барвинок бы бессмертный на могиле
Твоей взрастила. А теперь бедна я,
И никнет скорбь моя, как мертвый лист...

Куц

Скорбь не пристала мне, а всё ж я должен
Признаться — старика, конечно, жалко.
Умел он жить всегда в согласье с нами.
Бывало, держит черного козла
При лошадях, чтоб мог на нем я ездить.
Я молнией промчусь на нем бывало,
А лошади стоят себе спокойно.
Вот эти бабы жить-то не умеют,
Как надо, с нами, — продали козла,
Срубили дуб. Нарушили условие.

Ну, я ж им отплатил! Коней их лучших
Заездил насмерть, купят — вновь заезжу,
И ведьму, что чертовке повивалкой
Была, просил, чтоб скот их, не жалея,
Она испортила, — пускай же знают!
А Водяной стожок им подмочил,
А Потерчата хлеб им погноили,
А Лихорадка их трясет за то,
Что засорили озеро пенькою.
В лесу теперь добра уж им не будет.
Здесь вот и Злыдни возле хаты ходят.

Злыдни

(маленькие, заморенные существа, с вечным мучительным выражением голода на лице, появляются из-за угла хаты)

Мы здесь. А кто зовет нас?

Мавка

(бросается им наперерез к двери)

Прочь! Уйдите!

Никто вас тут не звал!

Один Злыдень

Слетело слово —

Уж не вернется.

Злыдни

(салятся на пороге)

Мы изголодались!

Когда бы дверь скорее нам открыли!

Мавка

Я не пушу туда!

Злыдни

Так дай поесть нам!

Мавка

(со страхом)

Но у меня нет ничего. . .

Злыдни

Отдай же

Калину ту, что возле сердца! Дай!

М а в к а

То кровь моя!

З л ы д н и

Пускай! Мы любим кровь!

Один Злыдень бросается ей на грудь, сосет калину, другие дергают его, чтоб и самим попробовать; грызутся между собой и рычат, как собаки.

К у ц

Не человек она — постойте, Злыдни!

Злыдни останавливаются, стучат зубами и свищут от голода.

З л ы д н и

(Куцу)

Давай нам есть, а то тебя съедем.

(Бросаются к Куцу, тот отскакивает.)

К у ц

Ну-ну! Потише!

З л ы д н и

Мы изголодались!

К у ц

Вы подождите, баб я разбужу,

Вот будет вам еда, а мне забава.

(Берет комок земли, бросает в окно и разбивает стекло.)

Г о л о с м а т е р и Л у к а ш а

(в хате)

Ой! Что такое? Снова эта нечисть?

К у ц

(Злыдням, шепотом)

А, видите, — проснулась. Вот уж скоро

Вас позовет. Теперь сидите тихо,

А то старуха закланет вас так,

Что вы провалитесь, — она умеет.

Злыдни съезживаются у порога темной кучей. Из хаты, сквозь разбитое окно, слышно, как встает мать, потом доносится ее голос, а затем голос Килины.

Голос матери Лукаша
Уже и рассвело, а та всё спит.
Килина! Эй, Килина! Ну и спит же!
Чтоб ты навек заснула... Встань! Эй, встань...
Чтоб ты совсем не встала!

Голос Килины

(сквозь сон)

Да чего там?

Мать

(язвительно)

Пора уже тебе доить корову,
Молочную, турецкого завода,
Ту, что купил еще твой муж-покойник.

Килина

(уже проснувшись)

Нет, подою я ту, что тут застала,
Да нацежу три капли молока —
Фунт масла будет.

Мать

Вот ведь не смолчит!
Кто виноват, что нет у нас удоя?
С такой, как ты, хозяйкой... ох, и горе!
Ну и невесточка! И где взялась ты
На нашу голову?

Килина

А кто ж велел

Меня просватать вам? У вас была ведь
Какая-то неряха, — надо б вам
Принять ее, одеть бы хорошенько,
Вот и была бы добрая невестка!

Мать

А что ж ты думаешь? Вот и была б.
Лукаш-то глуп — он зря тебя посватал;
Она была такой послушной, доброй,
Прикладывай хоть к ранам... Называешь
Ее неряхой, а, гляди, сама

Зеленое-то платье перешила
Да и таскаешь — хоть бы постыдилась!

К и л и н а

Да уж у вас походишь в новом, как же!
Вон муженька всё где-то ветер носит,
А ты бедуй с свекровушкой проклятой,
Не то жена, не то вдова — оторвыш!

М а т ь

Какой бы муж мог усидеть с тобою?
Беда лихая! Всё, что было, съела
С детьми своими, — вон они сидят! —
Пускай бы так на вас насели злыдни!

К и л и н а

Насядут пусть на тех, кто их зовет!

(При этих словах открывает дверь из хаты.)

Кудц убегает в болото. Злыдни вскакивают и вбегают в сени. Килина с ведром в руках быстро пробегает к лесному потоку, с грохотом набирает ведром воду и возвращается назад медленной походкой. Замечает близ дверей Мавку, та стоит у стены обессиленная, опустив серую кисею на лицо.

К и л и н а

(останавливается и ставит ведро на землю)

А это кто? Очнись, пьяна ты, что ли?
Или замерзла?

(Тормошит Мавку за плечо.)

М а в к а

(через силу борется с тяжелой усталостью)

Сон одолевает...

Вновь зимний сон...

К и л и н а

(открывает ей лицо и узнает)

Зачем сюда пришла?
Тебе не заплатили за работу?

М а в к а

(как и прежде)

Да мне никто и заплатить не может.

К и л и н а

К кому же ты пришла? Его здесь нет.
Я знаю, ты к нему пришла? Признайся —
Он твой любезный?

М а в к а

(так же)

Тогда чудесный
Рассвет был ясный, не как сейчас...
Он уж погас...

К и л и н а

Ты безрассудна!

М а в к а

(так же)

Вольно мне, чудно...
Тучка по небу плывет, бесприютно,
Грустно идет, бесприветно блуждая...
Молния где ж голубая?

К и л и н а

(дергает ее за руку)

Вон! Не морочь меня! Что ты стоишь?

М а в к а

(как бы приходя в сознание, отступает от дверей)
Стою да смотрю, как живете счастливо.

К и л и н а

А чтоб ты стояла, как чудо, как диво!

Мавка превращается вдруг в вербу с сухой листвой и плакучими ветками.

(Придя в себя от изумления, враждебно.)

Ага! Я в добрый час тебе сказала!
Ну-ну, теперь недолго настоишься!..

М а л ь ч и к

(выбегает из хаты; Килине)

Ой, мама, где вы? Хочется нам кушать,
А бабка не дает!

К и л и н а

Да отвяжись ты!

(Потихоньку, наклонившись к нему.)

Я там пирог припрятала под печью;
Как бабка выйдет в кладовую — съешьте.

М а л ь ч и к

Кто здесь воткнул сухую вербу, мама?
Скажи, зачем?

К и л и н а

И всё-то знать ты хочешь.

М а л ь ч и к

Я срежу дудочку.

К и л и н а

Режь, мне не жалко!

Мальчик срезает ветку с вербы и возвращается в хату.
Из леса выходит Л у к а ш. Худой, с длинными волосами, без свитки, без шапки.

(Вскрикивает радостно, увидев его, но тотчас же досада сдерживает ее радость.)

Ага, явился! Где тебя носило
Так долго?

Л у к а ш

Не скажу.

К и л и н а

Ишь, «не скажу»!
Таскался, шлялся где-то, — леший знает
Где, по каким краям, да «не скажу»!
Ой, милый, мне и спрашивать не надо. . .
Ведь знаю я, что есть корчма на свете,
Где до сих пор гуляет свитка с шапкой.

Л у к а ш

В корчме я не был.

К и л и н а

Кто, дурак, поверит!

(*Причитает.*)

Сгубила я головушку навеки
С тобою, пьяницей!

Л у к а ш

Молчи! Не вой!

Килина останавливается, взглянув на него со страхом.

Вот я теперь поговорю с тобою!
Где дядин дуб? Один пенек торчит!

К и л и н а

(*сначала смутилась, но быстро оправилась*)

А что ж нам было с голоду-то делать?
Пришли купцы, купили, да и всё.
Большое счастье — дуб!

Л у к а ш

Но дядя Лев

Поклялся не рубить его.

К и л и н а

Так дяди

На свете нет, — что значит эта клятва?
Когда бы ты поклялся или я!
Да я весь этот лес продать бы рада
Иль вырубить, — тогда б земля была,
Как у людей, взамен чертовской пуши.
А тут, как вечер, — высунуться страшно!
И что нам толку жить в таком лесу?
Блуждаем в нем, как оборотни-волки,
И скоро впрямь по-волчьи мы завоем!

Л у к а ш

Цыц! Цыц! Молчи! Молчи!

(*В голосе его слышится безумный страх.*)

Что говоришь ты?

Продать нам лес... срубить... и вот тогда уж
Не будет так... Как ты сказала?

К и л и н а

Как?

Что волк...

Л у к а ш
(закрывает ей рот)
Не говори!

К и л и н а
(вырываясь)

Побойся бога!
Ты пьян, иль одурел, или кто сглазил?
Иди-ка в хату.

Л у к а ш
Я сейчас... иду...
Вот только... только бы воды напиться.

(Становится на колени и пьет из ведра. Потом встает и смотрит задумчиво перед собой, не двигаясь с места.)

К и л и н а
Ну? Что ж ты думаешь?

Л у к а ш
Я? Так... не знаю...

(Нерешительно.)

Никто тут не был без меня?

К и л и н а
(жестко)

И быть тут мог? А кто же

Л у к а ш
(опустив глаза)
Не знаю...

К и л и н а
(злобно усмехнувшись)

Ты не знаешь,
Да, может, я-то знаю.

Лукаш
(тревожно)
Ты?

Килина

А что ж?
Я знаю ведь, кого ты ожидаешь,
Да только зря. Напрасно будешь ждать!
А то, что было, превратилось в столб...

Лукаш
Что говоришь ты?

Килина

То, что слышишь.

Мать

*(выбегает из хаты и бросается с объятиями к Лукашу.
Он холодно принимает это приветствие)*

Сын мой!..
Сыночек мой! Ой, сколько натерпелась
Я с этой ведьмою!

Лукаш
(вздвигнув)
С какой?

Мать

(показывает на Килину)

Вот с этой!

Лукаш
(горько усмехаясь)

И эта ведьма? Видно, суждено вам
Теперь свекровью ведьмовской назваться.
Кто ж виноват? Ведь вы ее пригнали.

Мать

Когда б я раньше знала, что она
Неряха, нерадивица!..

К и л и н а

(вступает в разговор)

Ой, горе!

Кто б говорил! А уж таких-то ведьм,
Таких нерях, как ты, не видел свет!
И мать же у тебя, Лукаш, ой, злюка!
Железо дай — перегрызет!

Л у к а ш

А ты,

Как видно, крепче самого железа.

К и л и н а

Уж от тебя защиты не дожждаться!
Какая мать, такой же и сынок!
С какого ж горя брал меня? Чтоб только
Мной помыкать?

М а т ь

(Лукашу)

Да неужели ты

Ей не прикажешь рот закрыть? За что я
Должна терпеть попреки от нее?

Л у к а ш

Ну дайте же вы мне хоть час покоя!
Вам хочется, чтоб я не только хату —
И свет покинул. И покину, что ж!

К и л и н а

(матери)

Что? Дождалась?

М а т ь

Тебе б того дожждаться

От сына своего.

(*Рассерженная, идет к хате, на пороге встречается с Ки-
линым сыном; он выбегает с дудочкой в руках.*)

Уйди ты, злыдены!

(*Толкает мальчика и входит в хату, хлопнув дверью.*)

М а л ь ч и к

Вы, тятенька, пришли?

Лукаш

Да, мой сыночек.

(Слово «сыночек» насмешливо подчеркивает.)

Килина

(обиженно)

Ну, так скажи ему, как должен звать он, —
Не дядькой ли?

Лукаш

(несколько пристыженный)

Да я ведь ничего...

Иди, иди сюда, малыш, не бойся.

(Гладит мальчика по белой головке.)

Сам, что ли, сделал дудочку-то?

Мальчик

Сам.

А как играть — не знаю. Кабы вы!..

(Протягивает Лукашу дудочку.)

Лукаш

Моя игра давно уж миновала!..

(Грустно задумывается.)

Мальчик

(хныча)

И... Значит, не хотите вы? Ну мама,
Ну почему мне тятка не сыграет?

Килина

Еще чего! Изволь ему играть!

Лукаш

А дай сюда мне дудку.

(Берет дудку.)

Неплохая.

Из вербы сделал?

М а л ь ч и к

Как же, вот из этой.

(Показывает на вербу, в которую превратилась Мавка.)

Л у к а ш

Ее я здесь еще не видел будто.

(Килине)

Ты посадила?

К и л и н а

Кто ее сажал?

Торчал сучок от вербы и разросся.

Тут, как в воде, растет всё — ведь дожди!

М а л ь ч и к

(капризно)

Что ж не играете?

Л у к а ш

(задумчиво)

Сыграть мне, что ли?

(Начинает играть, сначала тихо, затем громче, переходит вскоре на ту веснянку, которую играл когда-то Мавке. Голос дудки начинает говорить словами.)

Сладко он играет,

Душу надрывает,

Грудь мне белую терзает, сердце вынимает...

Л у к а ш

(выпускает из рук дудку)

Мальчик, испугавшись крика, убежал в хату.

Ой! Что это за дудка? Чары! Чары!

Скажи, колдунья, что это за верба?

(Хватает Килину за плечо.)

К и л и н а

Да отвяжись ты, я откуда знаю?

С лесным отродьем я ведь не знакома

Так, как твоя родня. А если хочешь,
Возьми топор, сруби ее: не жалко!

(Подает ему из сеней топор.)

Лукаш

*(Взяв топор, подошел к вербе, ударил по стволу; она
вздрагнула и зашелестела сухой листвой. Он замахнулся
вторично — и опустил руку.)*

Нет, не поднять мне рук, нет, не могу я...

И что-то сердце сжало...

Килина

Дай-ка я!

*(Вырывает у Лукаша топор и широко замахивается
на вербу.)*

В этот миг с неба огненным змеем-метеором слетает Перелесник
и обнимает вербу.

Перелесник

Я выручу тебя, моя голубка!

Верба вдруг вспыхивает огнем. Достигнув вершины, огонь перебра-
сывается на хату; соломенная крыша занимается, пожар быстро
охватывает хату. Мать Лукаша и дети Килины выбегают
из хаты с криком: «Горит! Горит! Спасайте, ой, пожар!..»
Мать с Килиной суетятся, выхватывая из огня всё, что только мож-
но выхватить, и на мешках и узлах выносят скорчившихся злыдней,
которые потом прячутся в мешки. Дети бегают с ведрами к воде,
заливают огонь, но он еще сильней разгорается.

Мать

(Лукашу)

Что ты стоишь? Спасай свое добро!

Лукаш

*(уставив глаза в стропила, покрытые кудрявым огнем,
как цветами)*

Добро? А может, там и зло сгорает?

Стропила с треском рушатся, искры столбом взвиваются высоко
вверх, потолок проваливается, и вся хата превращается в костер.
Приближается тяжелая белая туча, идет снег. Скоро сквозь белый
снеговой зансон никого не видно, только багряное колеблющееся
пятно обозначает место пожара. Затем багряное пятно гаснет, и
когда снег рдеет, то открывается черное пожарище, оно дымит и
шипит от сырости. Матери Лукаша, детей Килины и узлов с добром
уже не видно. Сквозь снег виднеется недогоревший сеной сарай,
телега и еще кое-что из предметов крестьянского обихода.

К и л и н а

(с последним узлом в руках, дергает Лукаша за рукав)

Лукаш!.. Что ты стоишь? Остолбенел?
Помог бы мне носить узлы-то!.. Слышишь?

Л у к а ш

Уж вы и злыдней всех повыносили.

К и л и н а

Да прикуси язык! Что говоришь ты?

Л у к а ш

(смеется тихим, странным смехом)

Я вижу то, чего тебе не видно...
Теперь я мудрый...

К и л и н а

(испуганно)

Что ты говоришь?

Ой, муженек, мне страшно... Что с тобою?

Л у к а ш

Чего боишься? Дурня не боялась,
А мудрого боишься?

К и л и н а

Ой, Лукашик,

Пойдем-ка на село!

Л у к а ш

Я не пойду.

Я не пойду из леса. Здесь останусь.

К и л и н а

Да что ж ты будешь делать здесь?

Л у к а ш

А надо

Всё что-то делать?

К и л и н а

Как же будем жить мы?

Лукаш

А надо жить?

Клинка

Да что на самом деле,
Или с ума сошел ты, или что?
С испугу всё с тобою приключилось.
Пойдем скорей в село, покличу бабку,
Чтоб выгнала испуг!

(Тянет его за руку.)

Лукаш

(смотрит на нее с беспечной улыбкой)

А кто же здесь
Огарки эти будет караулить?

(Показывает на телегу и утварь.)

Клинка

(хозяйственно)

Ой, правда ведь! Еще и порастачат!
Как только вот узнают, что горело,
Так из села и набегут людишки!
Так ты уж, что ли, тут, Лукаш, останься.
Я побегу да выпрошу лошадок, —
Ведь наши-то все в стойле погорели! —
Всё на воз соберем да и отправим
К родным твоим, попросим, чтоб пустили...
Ой, горе! Надо ж как-нибудь спастись...

(Последние слова произносит, уже убегая в лес.)

Лукаш провожает ее тихим смехом. Вскоре она скрывается из виду. Из лесу приближается какая-то высокая женская фигура в белой длинной рубаше и в белом, повязанном по-старинному, кисейном платке. Она идет пошатываясь, словно от ветра, падает, порой останавливается и низко нагибается, как будто ищет чего-то. Подойдя ближе, она останавливается возле кустов ежевики, растущих неподалеку от пожарища, выпрямляется, и тогда видно ее похudevшее лицо, похожее на лицо Лукаша.

Лукаш

Кто ты, скажи? Зачем сюда явилась?

Ф и г у р а

Я — несчастная Доля.
Ох, меня в эти дебри
Завело своеволие.
Теперь я страдаю,
Словно тень я блуждаю,
Низко припадаю, тропочки не знаю
К невозвратному раю.
Ой, уж, видно, ту тропку
Белым снегом укрыло...
Ой, себя в этих дебрях
Я навек схоронила...

Л у к а ш

Ты сломи, моя Доля,
Хоть вон ту ежевинку,
Чтоб себе разместить, по снегам провести
Небольшую тропинку.

Д о л я

Здесь когда-то весною
Я по лесу ходила,
Для приметы по тропкам
Дивоцветы садила.
Ты сломал дивоцветы,
Смяли их твои ноги...
Всё кругом бурьяны, где искать я стану,
Где искать дороги?

Л у к а ш

Разгреби, моя Доля,
Хоть руками долинку:
Не найдешь ли под снегом
Дивоцвета былинку.

Д о л я

Холодны мои руки,
Я и пальцем не двину...
Горько я рыдаю, вижу я и знаю,
Что уж скоро сгину.
(Застонав, движется.)

Лукаш

(протягивая к ней руки)

Как прожить мне без счастья —
Ты скажи, посоветуй!

Доля

(показывает на землю у него под ногами)

Одиноким, забытым,
Веткой срезанной этой.

(Идет, шатаясь, и исчезает в снегах.)

Лукаш наклоняется к тому месту, которое показала Доля, находит брошенную им дудку из вербы, берет ее в руки и идет по белой поляне к березе. Садится под длинными, поседевшими от снега ветвями, вертит в руках дудочку, порой улыбаясь, как ребенок. Легкая белая прозрачная фигура, напоминающая лицом Мавку, появляется из-за березы и склоняется над Лукашом.

Фигура Мавки

Сыграй, сыграй, подай ты сердцу голос!
Ведь от меня одно оно осталось.

Лукаш

А, это ты? Ты упырем пришла,
Чтоб выпить кровь мою. Что ж, выпей, на!

(Открывает грудь.)

Живи моею кровью. Так и надо,
Я сам тебя ведь погубил...

Мавка

Нет, милый,
Ты дал мне душу так, как острый нож
Дает беззвучной вербной ветке голос.

Лукаш

Я душу дал? А тело уничтожил!
Кем стала ты теперь? Ты — призрак! Тень!
(С невыразимой тоской смотрит на нее.)

Мавка

О, не жалею мое тело!
Ясным огнем засветилось оно,
Чистым и ярким, как будто вино,

Вольными искрами к небу взлетело,
Легкою нежной золой
Ляжет, как в землю родную вернется,
Новою вербою к солнцу пробьется,
Новым началом конец будет мой.
Станут ходить ко мне люди,
Много людей отовсюду придут,
Радость и горе свое принесут,
Сердце мое говорить с ними будет,
В горестях радовать их
Шелестом веточки вербной негромкой,
Голосом дудочки нежной и тонкой,
Грустными росами с веток моих.
Я им спою всё, что знаю,
Всё, что когда-то ты мне напевал,
Всё, что весенней порою играл,
Всё, что теперь вспоминаю...
Милый, играй, умоляю!

Лукаш начинает играть. Сначала игра его грустна, как зимний ветер, как сожаление о чем-то потерянном и забытом, но вскоре побеждающая песнь любви покрывает печаль. Как меняется музыка, так меняется зима вокруг: береза шелестит кудрявой листвой, весенние звуки откликаются в зацветающем лесу, тусклый, зимний день сменяется ясной, лунной весенней ночью. Мавка вспыхивает вдруг прежней красотой в звездном венке. Лукаш бросается к ней с призывом счастья.

Ветер сбивает белый цвет с деревьев. Цвет летит, летит и закрывает влюбленную пару, а затем переходит в густую метель. Когда она немного утихла, виден вновь зимний пейзаж с тяжелым навесом снега на ветвях деревьев. Лукаш сидит один, прислонившись к березе, с дудкой в руках, глаза у него закрыты, на губах застыла счастливая улыбка. Он сидит неподвижно. Снег шапкой налег ему на голову, запылил всю фигуру и падает, падает без конца...

25 июля 1911

143. АДВОКАТ МАРТИАН

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Адвокат Мартиан Эмилий.

Аврелия — его дочь.

Валент — его сын.

Альбина — его сестра.

Люцилла — ее дочь, племянница Мартиана.

Констанций — писец у Мартиана.

Брат Изоген — знатный христианин, принадлежащий к клиру.

Ардент — молодой христианин.

Мим — немой раб.

Привратник — германец.

Центурион вигилов.

Стража, соседки.

Действие происходит в городе Путеолы у Неаполитанского залива, в доме Мартиана, в III веке н. э.

1

Перистиль (домовой дворик) в жилище Мартиана, окруженный крытой колоннадой, простого, даже строгого стиля, с комнатами, выходящими в колоннаду; с одной стороны комнаты расположены в два этажа, узкая лестница ведет наверх. Дворик посыпан песком и кое-где засажен колючими растениями, главным образом агавами; в разных местах стоят скамейки из серого камня. Посредине круг-

лый бассейн без цветов и украшений; около него большие солнечные часы и меньшие — водяные (клепсидра); там же столб с привязанной к нему медной доской, молотком и большим фонарем на крюке. В глубине перистилия узкие ворота с окошком в одной стороне и калиткой — в другой. За воротами открывается красивый вид на море. На переднем плане с одной стороны к перистилию примыкает довольно большой таблин (комната для работы) Мартиана, тоже очень простой, без украшений, заставленный полками и корзинами, где сложены в большом порядке кодексы, таблицы, свитки и подшивки пергаментов, а также письменные принадлежности. В таблине только задняя стена каменная, боковые заменены раздвижными занавесами. Действие происходит одновременно в таблине и в перистиле.

Констанций, молодой человек весьма скромного вида, готовится в таблине всё для работы: раскладывает разные документы на столике, придвигает к столику кресло со скамейкой для ног и складной стул-треножник, разглаживает восковые таблицы и оттачивает стиль (палочку для писания).

Мим, немой раб, стирает пыль с солнечных часов, смотрит, куда падает на них тень, потом вдруг начинает бить молотком по медной доске громко и резко, словно в набат, но при этом сохраняет спокойный вид, будто вокруг полная тишина.

Сбоку, из прохода за таблинном, выходит Мартиан, пожилой, но еще не старый человек, берет Мима за плечо, улыбается и подает рукой знак — прекратить стук. Мим останавливается, отходит в сторону, берет грабли и разравнивает песок между агавами. Мартиан входит в таблин.

Мартиан

Привет Констанцию.

Констанций

Привет патрону.

Мартиан

Мой верный Мим, как рок неумолимый,
Мне не дает проспать часы работы.

(Садится в кресло.)

На очереди что у нас сегодня?

Констанций

Теперь нам предстоит заняться делом
О конфискации земли церковной
У местной общины.

Мартиан

Прекрасно. Дело

Уже я подготовил для защиты,
А ты в законах наших поищи,

На срок какой за погребальным братством
Закреплены права на эту землю, —
Она кладбищенской считалась прежде,
Хотя уже давно там не хоронят.

Констанций достает с полки кодекс, садится на скамейку и просматривает статьи законов. Мартиан берет один из свитков, лежащих на столе, и внимательно читает.

Констанций

(несмело, не поднимая головы)

Патрон, позволь сказать о частном деле.

Мартиан

Каком?

Констанций

Твоем.

Мартиан

Что? Я не понимаю.

Констанций

Твоя жена...

Мартиан

(жестко)

Нет у меня жены.

Констанций

Прости... Но я сказать тебе обязан,
Что Туллия уже к суду прибегла,
С тебя взыскать желает половину
Имущества, как будто долю после
Развода вашего.

Мартиан

(явно пораженный, но владея собой)

Так что ж, пускай.

Констанций

Ты не поручишь разузнать подробно?

М а р т и а н

Подробности я на суде узнаю.

К о н с т а н ц и й

Я слышал, у нее в суде поддержка,
Ведь муж ее...

М а р т и а н

(сухо)

Мне это безразлично.
Ну что, нашел закон?

К о н с т а н ц и й

Пока не вижу.

Оба читают молча. В это время за воротами раздается какой-то глухой гул голосов, который потом стихает. Открываются ворота, привратник-германец заходит с улицы в перистиль, подает Миму табличку и показывает ему знаками, чтобы он передал ее кому-то на верхний этаж. Мим берет табличку и проходит с ней в таблин. Привратник пробует задержать его, но тот сердито смотрит и качает головой. Привратник машет рукой и снова идет за ворота. Мим входит в таблин и подает табличку Мартиану, а сам останавливается на пороге.

М а р т и а н

Что это? От кого, кому посланье?
Оно без подписи.

(Читает.)

«Я жду тебя
В любое время дня и даже ночи.
Ты будешь как в раю. Целую крепко
Так, как люблю тебя».

(Пожимает плечами.)

Не понимаю.

(Усмехаясь.)

А это, может быть, тебе, Констанций?
Тогда меня ты извини.

(Подает ему табличку.)

Констанций

(не беря)

Нет, нет,

Об этом нечего и думать, право!

Мартин

Чего ж ты так пугаешься? Посланье

Весьма учтиво и не без огня.

(Знаками спрашивает Мима, где он взял табличку. Тот указывает на ворота и повторяет жесты, которые ему делал привратник.)

(Уже с досадой.)

Всё это очень странно!

(Подает знак Миму, тот уходит.)

Констанций

Верно, шутка.

Мартин

Но ведь сейчас не первое апреля!

(Выходит в перистиль и на пороге обращается к Констанцию.)

Пока иди. Я позову попозже.

Констанций с кодексом выходит направо.

Мартин

(Зовет, подняв голову.)

Аврелия!

Аврелия

(отзывается из верхней комнаты)

Иду!

(Сбегает по ступенькам вниз к отцу.)

Аврелия — молодая красивая девушка, в ее голосе и движениях чувствуется что-то нервное, порывистое.

Мартин

Скажи, ты знаешь,

Кто это написал?

(Показывает ей табличку.)

Аврелия
(быстро взглянув)

Ах!..

(Выхватывает табличку, прячет в одежде и хочет бежать назад.)

Мартин

Стой!

Аврелия останавливается.

Кому же
Послание? Оно без обращения.

Аврелия

Я думала... а впрочем... я не знаю...

Мартин

(сурово)

Не понимаю, дочь, что заставляет
Тебя держаться, словно ты росла
Невольницей где-то в гинекее.
Посланья тайные... И кто ж тебя
Так дерзко вызывает на свиданье
«В любое время дня и даже ночи»?..
И почему он не придет сюда,
Чтоб честно попросить твоей руки?
Иль понимает сам, что недостоин?

Аврелия молчит.

Ну! Говори!

Аврелия

Да то совсем не «он»...

Мартин

«Совсем не он»?.. Ты неудачно шутишь.

Аврелия

Я не шучу... Письмо писала мама.

Мартин

(как громом пораженный)

Что говоришь ты?! О, какая наглость!

А в р е л и я

Не говори про маму так! Какая
В том наглость, что она меня так любит?
И я ее люблю! О да, люблю!
Она меня давно к себе зовет,
И я давно бы к ней уйти решилась,
Когда бы не была я так позорно
И непростительно труслива!

(Рыдает.)

М а р т и а н

В и ж у,
Какую я ошибку совершил,
Скрывая матери твоей поступки,
Которыми она меня клеймила.

А в р е л и я

(перестает плакать, спокойнее)

Да это всё равно. Не мне судить вас;
Пускай она виновна пред тобою,
Но предо мной ничем не провинилась.

М а р т и а н

Она покинула тебя ребенком.

А в р е л и я

Она должна была покинуть дом,
А если я здесь и сейчас живу,
То в том виновен только ты.

М а р т и а н

(гневно)

Опомнись!

В и н о в е н я, что дал очаг родимый,
Что не живешь у отчима под кровлей?
Находишь в этом ты вину?

А в р е л и я

Отец мой!

Молчу я, чтобы не гневить тебя.

М а р т и а н

Теперь твое молчанье не поможет.
Уже ты нанесла удар тяжелый,
Так лучше до конца мы объяснимся.
Коль хочешь променять свой дом родимый
На отчима жилище...

А в р е л и я

Ну так что же?
Ведь, замуж выходя, сменить пришлось бы
Мне дом родимый на жилище свекра?
И это было б для тебя ударом?

М а р т и а н

Тут разница большая.

А в р е л и я

Я не вижу.
Вот если б девушка стремилась замуж
Лишь по любви! Но разве не бывает,
Что замуж девушки идут, желая
С родительскою кровлею расстаться?
Страшней, чем отчим, нелюбимый муж,
Но для меня, отец мой, дом родимый
Темницей стал...

М а р т и а н

Да неужели, дочка?

А в р е л и я

Ты погляди, отец, как я живу:
Сама с собой весь день, и даже слуги —
Иноязычные, глухонемые.
Ты слуг таких нарочно подбираешь,
Чтоб пересудами не занимались,
Чтобы никто не знал, что в этом доме
Обряды христианские...

М а р т и а н

Ты знаешь,
Что *должен* я таиться.

А в р е л и я

Да, я знаю,
Но мне от этого ничуть не легче.
Ведь ты, отец, был *вынужден* запрятать
Меня за стенами от христианок,
Чтоб я не заражалась от подруг
Мятежным духом и неосторожно
Себя не выдала с тобою вместе,
А если б у меня нашлись подруги
Язычницы, ты был бы недоволен.
Вот потому живу я, как в пустыне.

(С горьким смехом.)

И на пустыню дворик наш похож:
Песком покрыт, репейником колючим,
Агавами! Совсем пустыня!

М а р т и а н
(спокойно)

Дочка,
Что я могу тебе сказать на это?
Лишь то, что в нашей общине ты можешь
Найти немало девушек цветущих,
Что добровольно так живут, как ты,
От пышности отрекшись и веселья.

А в р е л и я

Они своей живою верой живы,
А я ведь ради мертвой погибаю.

М а р т и а н
(в ужасе)

Как «ради мертвой»? Страшные слова...
Так неужели... ты в Христа не веришь?!

А в р е л и я
(печально)

Я верю, но мертва такая вера.

М а р т и а н

Всё это бред какой-то несусветный!

А в р е л и я

А я, отец, не создана для света —
Ни для небесного, ни для земного.

М а р т и а н

Аврелия! Меня ты убиваешь
Такою речью!

А в р е л и я

Лучше я умолкну.

(Склоняется, печально и покорно опустив руки.)

М а р т и а н

Нет, дочка, я молю, молчать не надо!
Скажи мне всё, откройся — пусть я знаю
Болезнь твоей души! Ее, быть может,
Удастся вылечить.

А в р е л и я

Нет, это трудно...

Чем может жить, отец, такая вера?
Она, как наш слуга, глухонема,
Ей лишь дано следить, как жизнь тихонько
Передвигается, подобно тени
На солнечных часах. Вот я не смею
Заботиться об узниках и нищих,
Как эти девушки, которых ныне
Ты ставишь мне в пример.

М а р т и а н

На эти средства,

Что должен я потратить для того,
Чтоб двор тебе пустыней не казался,
Я тайно помогаю неимущим...
Тебе ходить не надо к заключенным.
Мне легче вызволять их из темницы
И на суде права их защищать,
Ничем не подорвав к себе доверья
И в судьях подозрения не вызвав.

А в р е л и я

И без меня ты мог бы это делать
Гораздо лучше. Жалкую одежду,

Что я ношу, отдал бы неимущим,
Когда б я умерла...

(Нервно.)

Пожалуй, больше
Я помогла б тебе своею смертью!

М а р т и а н

Речей подобных я не заслужил.
Тобой владеют мелкая досада
И суетность. А «жалкую одежду»
Сменить другою можешь, побогаче.

А в р е л и я

Я не гонюсь за пышною одеждой,
Зачем и для кого мне наряжаться?

М а р т и а н

Ты мне язычницу напоминаешь.
«Зачем и для кого» рядиться? Скоро
У нас настанет пасха, светлый праздник,
Когда и нищий хочет приодеться.

А в р е л и я

Ему среди людей приятно в церкви.

М а р т и а н

Нам разве нужно праздновать на людях?
Ведь то языческие развлечения —
На праздник в шумных оргиях собираться
И дико буйствовать, а христиане
Вдали от глаз людских встречают праздник.

А в р е л и я

Мои, быть может, и греховны мысли,
Но всякий раз, как празднуем мы так,
Замкнувшись ото всех, меж тем как люди
Собираются веселою толпой, —
Мне кажется, что мы все отщепенцы,
Которых бог признать не хочет в небе,
Как мы не признаем его открыто
Перед людьми.

М а р т и а н

Когда-то я так думал,
Но наша община и сам епископ
Меня уверили, что больше пользы
Я церкви принесу работой тайной,
Чем если добровольно смерть приму.

А в р е л и я

Лишь о себе — не о тебе я мыслю.

М а р т и а н

Ужели ты Христа любить не можешь
Глубокою и тайною любовью?

А в р е л и я

Мертва моя любовь, мертва и вера.

М а р т и а н

Аврелия! Страшны твои слова.

А в р е л и я

Страшнее то, что кроется за ними. . .

(После паузы.)

Отец, припомни праздник рождества,
Когда ты мне рассказывал впервые
О том, как бог родился в Вифлееме!

М а р т и а н

Да разве я могу забыть об этом?
Мне вновь хотелось бы увидеть радость,
Которая светила в детских глазках,
И вновь почувствовать тот сладкий трепет,
Что от тебя воспринял я тогда,
Когда ты на руках моих сидела.

А в р е л и я

(мечтательно)

Я долго не могла заснуть той ночью. . .
И всё я думала о сыне божьем,
Родившемся под ангельское пенье
В сиянии звезды новорожденной.

Я мыслями стремилась к Вифлеему,
Несла дары с тремя волхвами вместе,
Там было золото, и благовонья,
И всё, что я могла отдать младенцу.
Я устилала пол ковром пурпурным,
Цветами щедро ясли осыпала,
Ребенка тонкой тканью пеленала,
Игрушки делала из самоцветов.

М а р т и а н

Безгрешны эти мысли для ребенка,
Но взрослая, мечтая так, впадает
В язычество.

А в р е л и я

А ты, отец, не бойся!
Мои мечты погасли... Помнишь, ты
На следующий день сказал мне тихо:
«Дитя мое, знай, никому не надо
Рассказывать, что я тебе поведал...»
Об этом с горечью припоминала
Недавно я, когда обряд свершали
Не в церкви, а в обычном доме. «Боже! —
Я думала. — Так вот мои дары!..»

М а р т и а н

Христос не ждет от нас великолепия.

А в р е л и я

А всё же я слыхала, что в церквях
Иконы есть, торжественное пенье,
Но это всё, увы, не для меня.
Я только без запрета вижу в окна
На улицах языческий обряд:
Веселье сатурналий, и весталок
Процессии, и шествие жрецов,
И думаю: «Хоть ложна эта вера,
Но почему в ней столько красоты,
А наша правда выглядит так жалко?»
Любовь моя от этих дум мертвеет...

М а р т и а н

Аврелия! Умей как христианка
Значенье высшей красоты постигнуть,
Которую язычники не знают.

А в р е л и я

Я этой высшей красоты не вижу!..
Нет, впрочем, раз я видела ее,
Но ты сказал, что мне не надо было...

М а р т и а н

О чем ты?

А в р е л и я

С мамою я как-то в цирк
Пошла... Ты на нее еще сердился...

М а р т и а н

Я знал, что повело ее туда
Пустое любопытство. Для тебя же
То был удар — ты заболела ночью,
В жару металась, в ужасе кричала...

А в р е л и я

И все-таки один я только раз
Могла тогда воочию увидеть
Той высшей красоты живую мощь,
Такую страшную...

М а р т и а н

Ты вся дрожишь,
Едва припомнишь это. Нет, напрасно
Тебя туда водили!

А в р е л и я

А быть может...

Зачем мне было видеть, в самом деле,
Как девушка, вся — красота и юность,
В одежде белой встала на арене,
Как расцвела средь поля золотого
Лиля белая? Зачем пришлось мне
Услышать, как эоловою арфой
Звенел девичий голос: «Аллилуйя!»?

Зачем, зачем тогда я пурпур этот
Живой увидела? . . Я понимаю
Тех обезумевших людей, что вдруг
Потоком на арену устремились,
Крича: «Мы христиане! . .»

(Голос ее звучит истерически.)

М а р т и а н

Тише, тише,
Дочь, успокойся.

А в р е л и я
(нервно смеясь)

Что? Услышат люди
На улице, как мы, от всех укрывшись,
Кричим, что мы приверженцы Христа?

М а р т и а н
Я *должен* укрываться.

А в р е л и я
Да, я знаю.
И ты б хотел, чтоб я уста сомкнула,
А только сердцем обращалась к богу?
Не так ли?

М а р т и а н
(тихо и покорно)
Да, конечно, дочка.

А в р е л и я
Знай же,
Что так я не могу. Чтобы молчанье
Хранить, забыть всё нужно. Если ж надо
Забыть мне всё, что видела я в цирке,
Тогда тебя покинуть я должна.

М а р т и а н
Зачем же, доченька?

А в р е л и я
Тогда забуду
Лилею белую, когда раскроюсь
Прекрасной розою, хоть не святою.

И для того, чтоб я легко забыла
Арену золотую, пусть коврами
Мне златоткаными устелют путь.
Пусть гром трубы святой притушит голос,
Эоловою арфою звучащий.
Я позабыть могу кровавый пурпур,
Когда мой стан оденет шелк багряный
И лучших юношей толпа в безумстве
Твердить мне будет: «Мы твои рабы!»

М а р т и а н

(с ужасом смотрит на нее)

Аврелия! Откуда эти мысли?

А в р е л и я

От матери.

М а р т и а н

Она тебя учила? ..

А в р е л и я

Она мне с кровью всё передала,
Ведь я ее дитя!

М а р т и а н

А не мое?

А в р е л и я

Ты сам хотел лишить меня наследства.
Уста замкнувши, ты замкнул и сердце,
Я не хочу прислушиваться больше
К тому, что стонет в сердце, как в темнице.
Пусть даже стон замолкнет... Отпусти же
Меня ты к матери.

М а р т и а н

Ты ожидаешь,

Что отчим твой тебя тотчас нарядит
В багрец и золото?

А в р е л и я

Мать говорила,

Что деньги, и немалые, получит
Откуда-то.

М а р т и а н
Откуда, ты не знаешь?

А в р е л и я
Не спрашивала я. Мне безразлично.

М а р т и а н
Она с *меня* взыскать судом желает
Владенья половину.

А в р е л и я
(*неприятно удивленная*)
Так ли это?

М а р т и а н
Тебя она затем зовет, как видно,
Чтоб требовать имущество вернее.

А в р е л и я
Не говори так! Я не буду слушать!..
Нехорошо, что мать отнять решила
Имущество... А впрочем... Если взвесить...
Она действительно имеет право.

М а р т и а н
(*резко*)
Недурно взвесила!

А в р е л и я
Отец, подумай,
Она тебе и жизни половину,
И молодость когда-то отдала.

М а р т и а н
Стыдись! Зачем бросаешься словами?
Ужель ты думаешь, что так и надо
Жизнь продавать за звонкую монету
И отдавать ее тому, кто купит?
Иди! И впрямь ты не мое дитя!

А в р е л и я
(*тоже разгорячившись*)
Да! Не твоя! Твоей быть не хочу я!
Твоею быть — и, значит, всё отдать:

И молодость, и красоту, и душу,
Замкнуться и от жизни отказаться,
А что же мне взамен? Лишь рабский жребий,
Тоска, бесцельное существование!

М а р т и а н

Всё это можно вытерпеть за деньги,
По-твоему?

А в р е л и я

Я всё уже сказала,
Всё, как я думаю, и мне теперь
Уж нечего добавить.

(Поворачивается, чтобы уйти, но останавливается.)

Мама завтра

В Египет едет, потому что отчим
Туда легатом цезаря назначен.
И если к ней приду еще сегодня,
Она меня возьмет в Александрию,
Где буду в роскоши я жить царевной
Египетскою!

М а р т и а н

Дочкой Клеопатры?

Аврелия молча метнула в отца взгляд, полный ненависти, и быстро
пошла вверх по ступеням.

(Бросился было за ней, но остановился.)

Нет... Что я ей скажу?..

(Обессиленный, опускается на каменную скамейку.)

Как недостойно,

Как низко всё! Зачем сказал я это?

Из комнаты, что в глубине перистилия, выходит В а л е н т, молодой
человек, напоминающий Мартиана не только красивой внешностью,
но и движениями, хотя у него и нет отцовской сдержанности и са-
мообладания.

В а л е н т

Приветствую тебя, отец.

М а р т и а н

О, сын мой,
Когда бы мог узнать мое ты горе!

В а л е н т

Я слышал всё, что вы тут говорили.

М а р т и а н

И что ж?

В а л е н т

Сестра кой в чем была права.

М а р т и а н

Да?..

В а л е н т

(мягко, но решительно)

Разумеется, она по-женски
Несдержанно с тобою говорила,
Но нелегко дался ей разговор.
Аврелию я понимаю. Сам я
Себя считаю в этом доме лишним.
Отец, зачем мы здесь нужны тебе?

М а р т и а н

Так не спросил бы ты, детей имея.

В а л е н т

Я знаю, ты нас любишь. Мы тебя
Ведь тоже любим.

М а р т и а н

Но твоя сестра
Не доказала этого.

В а л е н т

Что делать?

Не виноваты мы, что ты не видишь
От нас с сестрой ни помощи, ни счастья.
Мы у тебя лишь можем *находиться*,
А *жить* не смеем, потому что станем

Камнями преткновенья на пути
Твоем тяжелом. Разве не разумней,
Чтоб мы из дома твоего ушли?
И если ты нас любишь, неужели
Тебе не тягостно и самому,
Что для тебя мы губим наши жизни?

М а р т и а н

Зачем ты говоришь всё «мы»? Конечно,
Я воспитать твою сестру не мог,
Но ведь тебя я воспитал иначе:
Ты в школе был и окружен друзьями,
Тебя ведь я не прятал от людей.

В а л е н т

От этого не легче. Ведь не знает
Аврелия, как тяжело с людьми,
А то б не жаловалась на «пустыню»...
Терпел я в школе ежедневно муки,
Нет, пытки подлинные! Школяры
На «римлян» и на «христиан» делились,
Раздоры, драки часто поднимали;
Два лагеря непримиримых были,
Как на войне. И эти и другие
Меня дразнили «междуверцем», даже
Теперь за мной осталась эта кличка, —
Всё потому, что, твой завет храня,
К религии кажусь я равнодушным,
Среди язычников и христиан —
Холодным и бесстрастным отщепенцем...
Никто не знает, что кипит во мне!

М а р т и а н

Мой сын, господь во все проникнет тайны,
За всё воздаст тебе.

В а л е н т

За что, отец?
И чем я заслужил почет у бога?
Чем сам себе я славу заслужил?

М а р т и а н

Кто научил тебя тщеславию?

В а л е н т

Ты.

Я трепетал, когда ты вел рассказ
О входе господина в Иерусалим,
И там толпа огромная народа
«Осанна сыну божьему!» — кричала,
И лес ветвей над нею колыхался,
То был триумф!

М а р т и а н

Не наивысший, сын мой.

Терпя и надругательства и муки,
Сын божий возносил венец терновый
Над царскими. Вот *это* был триумф,

В а л е н т

И то не наивысший. Там, на небе,
Воссел Христос направо от отца,
А в Судный день, при громогласных трубах,
Пришествия второго явит славу...

М а р т и а н

(набожно)

Да будет так, Валент. Но всё же слава
Принадлежать должна Христу — не людям.

В а л е н т

Но был апостол Павел человеком,
И всё же он прославился везде.
Ареопаг и мудрецы седые
Склоняли головы пред ним. Народы
Различных стран его твердили имя.
Он светочем был веры. Ах, отец мой,
Всё мог бы я стерпеть за эту жизнь!

М а р т и а н

Не всем дано такое.

В а л е н т

Знаю, слава

Святая мне вовек не суждена, —
Ведь сыном-проповедником не вправе
Обзаводиться Мартиан Эмилий.

М а р т и а н

Сын адвоката может приучиться
К делам отцовским. Правда, тут задача
Скромней...

В а л е н т

А я, отец, не отвергаю
Твоих задач, но не влекут меня
Законов свод и комментарий к ним.
К тому же христианские дела
Встречаются не часто.

М а р т и а н

Слава богу!

В а л е н т

Так вот... С тобой я буду откровенен...
Я б не насытился такую славой,
Какая у тебя. Был я в суде,
Когда ты выступал. Мне непонятно,
Как мог ты говорить! И на трибуну
Еще ты не вступил, как там клепси́дра,
Холодный часомер, роняла капли,
Ведя неумолимый счет минутам,
Которые короткий час слагали,
Что для защиты правды предназначен.

М а р т и а н

Так что ж, Валент? Небесные светила
И те имеют свой порядок точный
И знают, как, когда светить им надо.
К порядку я привык. Быть может, речь
Плохой тебе казалась?

В а л е н т

Нет. Напротив.

Она была прекраснейшей на свете.
И что же? Перед кем ты сыпал перлы
Ума? Засушенные старики
Тем временем в пергаментх искали
Параграфы карающих законов,
А ты взывал к сердцам и душам судей!

М а р т и а н

Ведь судьи соблюдать должны законы,
А я к народу с речью обращался,
И отклик я как будто находил.

В а л е н т

Толпа рукоплескала не тогда,
Когда ты достигал вершин искусства,
А лишь когда ты становился плоским,
И я краснел от тех аплодисментов.

М а р т и а н

Всегда ли так бывает?

В а л е н т

Может, нет,
Но всё ж, отец, я за тебя обижен.
Последний проповедник из предместья
Добился большей славы у народа,
Чем ты, у нас первейший адвокат!
Я б этого не потерпел!

М а р т и а н

Послушай,
Неужто слава — высшая награда?
И ничего почетней лавра нет?
Священный дуб, оливковая ветка
И пальмовая ветвь — не равноценны ль
Они все лаврам славы?

В а л е н т

Может статься,
Кому что нравится. Моя сестра
Лилеей хочет быть, а то и розой,
А я желаю лавров. Вот какой я!
Я исходил уже дороги к славе:
Писать стихи пытался, прозу, драмы,
Наукой занялся, но всё напрасно,
К писанью нет таланта у меня.
Живое дело и живое слово —
По мне. Я сын оратора недаром!
Но предо мной стеной, сырой и серой,
Вставала на дороге осторожность.

Пробить я эту стену не старался,
Твои, отец, советы почитая,
И вот теперь нашел я путь окольный,
Который повредить тебе не может...

М а р т и а н

Какой же это путь?

В а л е н т

Пойду я в войско.

М а р т и а н

О боже мой!

В а л е н т

Отец, ты ужаснулся?

А разве мало христиан военных?

М а р т и а н

Но христиане служат поневоле,
А ты лить хочешь добровольно кровь,
Под цезарским орлом, приняв венцы
Из рук нечистых!

В а л е н т

Руки, что почище,
Венцы не держат для таких, как я.
Людские души я спасти не смею
От дьявола, так буду отгонять
От нас германцев варварские орды.
Пойду туда, где закипает битва,
А там меня никто уже не спросит
Про веру. Там нужна одна отвага
И крепкий меч, а это всё найдется.
Сегодня запишусь я в легион.

М а р т и а н

Сегодня?!

В а л е н т

А зачем мне дольше медлить?
В поход когорты выступает завтра.
И всё готово у меня.

М а р т и а н

Ах, сын мой!

К о н с т а н ц и й

(входит)

Прости, патрон, что я тебя тревожу.
Брат Изоген пришел к тебе по делу.

М а р т и а н

Проси в таблин.

Констанций уходит.

Валент, поговорю

С тобой потом. Прошу, не отлучайся.

В а л е н т

Пожалуй, час еще я здесь побуду.

(Идет через перистиль в свою комнату.)

Мартиан направляется в таблин, где встречается с Изогеном, старым, степенным, сдержанно-строгим человеком.

И з о г е н

Мир брату моему.

М а р т и а н

Мир и тебе.

(Указывает Изогену на кресло. Тот садится. Мартиан — против него на скамейке.)

И з о г е н

(всматриваясь в Мартиана)

Мне кажется, ты в тяжком горе?

М а р т и а н

Брат мой,

Ох, гибнут мои дети!

И з о г е н

Что же с ними?

Я видел их здоровыми недавно.

М а р т и а н

Они больны не телом, а душою.
Я их обоих потеряю. Дочь
Уходит к матери, а сын — в войска.
Обоим — гибель верная.

И з о г е н

Ужасно!

Зачем же ты пускаешь их на гибель?
Ты им отец — сдержи своею властью!

М а р т и а н

Не смею, брат мой. Говорил я с ними,
Но не как власть имеющий, — как тот,
Кто в глубине души вину скрывает.

И з о г е н

А в чем твоя вина?

М а р т и а н

Я, как язычник,
Детей обрек на жертвоприношенье
И их держал на медленном огне, —
Теперь они бегут.

(Замолкает, тяжело подавленный.)

И з о г е н

Брат Мартиан,
Тебя я всё еще не понимаю,
Хотя готов помочь тебе советом.

М а р т и а н

(с внезапным порывом надежды схватил Изогена за руку)

Да, брат мой, дай совет и помоги
Моих детей мне привести к спасенью!
Ты из любви к Христу спаси нас, брат мой!

И з о г е н

Я ль не хочу помочь, но что мне сделать?

М а р т и а н

Проси епископа, чтоб он позволил
Мне к церкви приобщить моих детей.
Я буду сам просить, ты поддержи.

Изоген

Теперь не время.

Мартин

Брат мой! Ни минуты
Ждать больше не могу!

Изоген

И мы не можем.
Епископа в темницу заточили.

Мартин

Когда?

Изоген

Сегодня. Завтра будет суд.

Мартин

И это так внезапно?

Изоген

Ты ведь знаешь,
Что вновь для нас пришло плохое время.
Закон для христиан — уж не отец,
А отчим злой. Затем я и пришел
Тебя просить, чтоб к завтрашнему дню
Ты подготовился к защите.

Мартин

Трудно.
Короткий срок. И я не знаю дела.

Изоген

Со мной всё относящееся к делу,
Я передам тебе. Прочти и взвесь,
Как повести защиту.

(Подает Мартиану груды пергаментов. Тот внимательно рассматривает их.)

Тем временем Аврелия быстро и осторожно сбегает вниз и идет к воротам. Посредине перистилия останавливается и хочет направиться в таблии, но, решительно тряхнув головой, идет к воротам. По дороге срывает лист агавы, накальвается, но, сдержав боль, прячет листок под покрывало и, не оглядываясь, выбегает в калитку за ворота.

М а р т и а н
(рассмотрев пергаменты)

Очень трудно,
Но выполнимо, если бог захочет.

(Решительно.)

Что ж, брат мой, я готов с большим усердьем
Всю ночь до утренней зари трудиться,
Чтоб сделать всё, что только в наших силах.
Но удели мне времени немного,
Позволь сюда позвать моих детей,
Сам расспроси ты их о нашей вере —
Я их учил, как наш закон велит, —
И тут же, коль они достойны будут,
Введи их в общину.

И з о г е н

Нет, не могу.
Как раз теперь особенно высоко
Стоять в глазах язычников ты должен.

М а р т и а н

Но это ведь не я вступаю в церкви!

И з о г е н

Ты думаешь, никто и знать не будет,
Чьи дети в общину со мной придут?
Известие о том молниеносно
Весь город облетит! И только выйдешь
Ты на трибуну, как толпа завоюет:
«У адвоката дети — христиане!»
Тебе и слова не дадут промолвить.
А где ж теперь защитника найти нам?
Ты знаешь сам, что нет у нас другого,
Да и к другим нельзя нам обратиться:
Все адвокаты здесь — не христиане,
И ни один из них тебе не равен.
Из Рима звать нет времени у нас.
К тому же ты влиятелен в столице,
Друзей имеешь при дворе, в сенате,
Лишь ты — никто другой нам не поможет!

М а р т и а н

Подумай, брат мой, я же человеком,
Отцом обязан быть! И как покинуть
Своих детей, чтобы во мраке гибели?

И з о г е н

Но ты их просветил Христовым словом!

М а р т и а н

Верно пустило буйные побеги,
Упав на благостную целину.
Коль не собрать посева, колос ляжет
И загниет. Принявши слово, дети
Стремятся к делу. Ты ведь знаешь, брат,
Когда не может путник отыскать
Родник для утоленья жажды, должен
Хотя б из грязной лужи он напиться,
Чтобы не умереть. Вот так и дети
На всё готовы. Их за это бог
От сердца не отринет. Дочь моя
Высокою мечтою одержима, —
Бывают мученицами такие.
У сына моего отважный нрав,
Он был бы проповедником хорошим.

И з о г е н

Весьма возможно. Только наша церковь
Теперь уже не тем сильна, чем прежде.
При родах ведь всегда и льется кровь,
И крик стоит, но время то минуло.
А вот теперь приходится нам кровь
Щадить, ее во млеко претворяя.
И стала церковь, ласковая мать,
Теперь благоразумна. Наш епископ
Учил всех наших девушек смиряться,
Не добывать себе венцов терновых,
Но господу служить смиренно, тихо.
А проповедников у нас хватает, —
Тебя не могут дети заменить.
Теперь ты наш краеугольный камень,
Поддерживаешь всё строенье наше,

Хоть ты сокрыт от всех; но чуть качнешься —
Опора рухнет и падет наш дом,
Епископа осудят на изгнание,
Церковное имущество изымут, —
Чем будут жить тела и души наши?
Враг точно знает, в чем опора церкви,
Не гонится за овцами, а целит
Он в пастырей, чтоб разогнать всё стадо;
С земли он верующих не сгоняет,
А вырывает землю из-под ног.
И против этого помочь не могут
Кровь, пролитая на арене цирка,
И проповедей гром.

Молчание.

Как знать, быть может,
Твои бы дети вред нам принесли. . .

М а р т и а н
(удивленно)

Как?

И з о г е н

Трудно нам справляться с молодежью,
Она, как буйный конь, поводья рвет
И ни за что ходить не хочет в шорах.
Вчера епископ на собрание шумном
Решил от церкви отлучить Ардента.

М а р т и а н

Ардента?! Да возможно ли? За что?

И з о г е н

За послушанье. Верно, ты слышал,
Что там, на конфискованных угодьях,
Где некогда часовенка стояла,
Теперь для культа цезаря воздвигли
Алтарь и статую?

М а р т и а н

Я это знаю.

Изоген

Ардент задумал статую разбить.

Мартин

Мой бог! Ему грозит такая кара!

Изоген

Он кары не боится. Но опасно,
Что он беду на христиан обрушит.
Его молили этого не делать,
Но ведь Ардент настойчив и упрям.

Мартин

Таким же был его отец покойный, —
«Арканом» мы его прозвали в школе,
И мой горячий друг родному сыну
Чистосердечие принес в наследство.
Мой ум никак не может согласиться,
Что церковь отказалась от Ардента...

Изоген

Решенья нет другого, разве только
Он отречется от своей затеи.
Но я, надежд на это не питая,
Заблаговременно составил письма,
Об отлучении оповещая,
И я готов их разослать повсюду —
По общинам и разным учреждениям,
Языческим, а также христианским, —
В тот день, когда он замысел исполнит.
К тебе ж с большою просьбой обращаюсь —
И лично и от клира: не берись ты
Защитником Ардента выступать,
Хотя б его суду предать решили.
Тебе же лучше будет притвориться
Перед людьми, что ты его не знаешь.

Мартин

Но ведь отец Ардента был мой друг
И перед смертью отдал мне его
На попечение.

Изоген

Ты формально не был
Опекуном. В твой дом Ардент не вхож.
Легко ты можешь в стороне стоять,
Когда захочешь. Брат мой, ты *обязан*
Повиноваться нам, как раб господень,
Как церкви-матери покорный сын.

Молчание.

Мартиан

(в тяжком раздумье)

Но разве мне под силу эти жертвы?
От друга отказаться... и позволить
Любимым детям души погубить...
Кто из людей всё это мог бы сделать?

Изоген

Когда твой друг сожжет твоё жилище,
Что ж, и тогда останется он другом?
И разве в час осады не бывает,
Что и отец ворота не откроет
Родимым детям, гибнущим от жажды,
Не пустит их воды напиться в поле,
Чтоб враг не мог ворваться в те ворота?

Мартиан

Ох, брат мой! Это души, души гибнут!

Изоген

Их души господе ты поручи, —
Он может их спасти от лвиной пасти,
От печи огненной.

Мартиан тяжело вздыхает и молча опускает голову.

(После паузы.)

Так что же, брат мой?
Епископа возьмешь ты под защиту?

Мартиан

(упавшим голосом, словно всё ему безразлично)

Об этом даже спрашивать не надо.

Изоген

(встает)

Не буду отнимать я время. Брат мой,
Останься с миром.

Мартиан

Мир тебе, мой брат.

Когда Изоген вышел, Мартиан, откинув занавеску, зовет.

Валент!

Валент входит в таблин и останавливается перед отцом. Мартиан молча смотрит вниз, не поднимая глаз на сына. Молчание.

Валент

Что ты хотел сказать, отец, мне?

Мартиан

Я думал, что найду совет благой...

Валент

Какой?

Мартиан

Просил я брата Изогена
Ввести вас в общину.

Валент

(радостно)

Его просил ты?

О! Мой отец!

(Целует отцу руку.)

Мартиан

Не радуйся, Валент, —
Брат Изоген не хочет.

Валент

А мы сами

Туда вошли бы, если б ты позволил.

М а р т и а н

Не примет церковь.

В а л е н т

Разве Изоген

Принять иль отказать имеет право?

М а р т и а н

Он знает хорошо, что надо клиру.

В а л е н т

(в запальчивости)

Когда губить угодно клиру души,
То мы всей общине объявим это!
Пускай рассудят сами прихожане!
Я речь произнесу. И ты увидишь —
Я имени отца не опозорю!

М а р т и а н

Нет, сын, не наноси удара церкви,
Не делай жизнь мою совсем напрасной.

В а л е н т

Отец, ведь это рабство духа!

М а р т и а н

Нет,
Прошу не из слепого послушанья
Тебя пред волей братскою смириться.
Брат Изоген настаивал сурово
На принесенье жертвы, и осталось
Склонить мне только голову.

В а л е н т

Пугал он
Тебя гоненьем новым?

М а р т и а н

Сын, поверь мне,
Я ни своей бы жизни не щадил,
Ни вашей молодой, цветущей жизни,
Когда бы знал, что то во славу веры.

Но господа пути неизъяснимы,
Кто их постигнет? Может быть, нужны
И господу рабы глухонемые.

В а л е н т
(печально)

Утешиться я должен этим?

М а р т и а н

Сын мой,
Утешься тем, что ты еще так молод, —
Когда господь возьмет меня к себе,
Ты будешь волен. . .

В а л е н т

Пусть другие тешат
Себя такой надеждой, но не я.

Молчание.

Теперь, отец, с тобой я прощаюсь.
Благослови меня.

(Склоняется перед отцом.)

М а р т и а н
(едва владея собою)

Зови сестру.
Ее благословить хочу я тоже.

В а л е н т
(тихо)

Она ушла.

М а р т и а н

Ушла?! Не попрощавшись!

(Закрывает лицо тогой.)

В а л е н т
(еще тише)

Отец, ты плачешь?

М а р т и а н

Я хотел бы плакать,
Но не умею.

В а л е н т

(падает на колени перед отцом)

Мой отец, прости!
Я вижу, мы тебе разбили сердце!

М а р т и а н

(поднимает его)

Я больше виноват: разбил вам души.
Пускай господь помилует нас всех!

Молчаливое прощание. Валент уходит через перистиль за ворота, вытирая слезы. Мартиан, отдернув занавес в табличке, провожает его долгим взглядом.

2

То же место действия и тот же день, только немного позже. М а р т и а н один работает в табличке. По временам его взгляд блуждает в пространстве и затуманивается от тяжелых мыслей, но он большим напряжением воли принуждает себя работать и наклоняется над пергаментными свитками. За воротами слышится гул голосов, сначала тихий, но постепенно усиливающийся. Потом прорывается тоненький, дрожащий, но встревоженно-резкий голосок девочки: «Ой, мама! Я боюсь! Что с нами будет? Куда же мы приехали?» Другой, более спокойный и глухой женский голос отвечает: «Подожди». Потом за воротами слышен стук, который тотчас же обрывается, словно не по своей воле. Мартиан, услышав голоса, насторожился, выглянул из таблички, пошел к воротам, обойдя М и м а, наклонившегося над клепсидрой, и открыл окошко в воротах.

М а р т и а н

(выглянул в окошко на улицу)

Сестра моя! Альбина!

Быстро открывает калитку и выбегает за ворота. Слышны радостные возгласы. Через минуту привратник-германец отпирает ворота и делает знак Миме; оба вносят в перистиль легкую лэктику (носилки с балдахинном и с занавесками, на четырех ножках, как ложе). В лэктике сидит, откинувшись на подушки, Л ю ц и л л а, тоненькая, очень болезненная девочка-подросток. За лэктикой идет рядом с Мартианом А л ь б и н а, еще не старая, но очень

бледная женщина с седоватыми волосами и печальными, усталыми глазами. По знаку Мартиана слуги ставят лектику вблизи бассейна, вносят вещи прибывших в комнаты в глубине дома; Мим остается в комнатах, а привратник возвращается за ворота и запирает их за собой.

А л ь б и н а

Мартиан мой,
Что у тебя такой привратник странный?
Не хочет отпирать, не разрешает
Стучать в ворота.

Л ю ц и л л а

Да еще кричит
По-варварски, я даже испугалась!

М а р т и а н

Германец он, по-нашему не знает.
А не пускал вас потому, что я
Гостей не принимаю, если занят,
И стука не люблю. А все клиенты
В другие двери входят.

Мартиан с Альбиной садятся на скамейку недалеко от лектики, но не рядом с ней.

Л ю ц и л л а

Дядя, где
Аврелия?

М а р т и а н

(нагнулся, словно поднимая что-то)
Ее нет дома.

Л ю ц и л л а

Жалко!
Я так хотела повидать сестричку!

А л ь б и н а

Еще увидишь, верно, ненадолго
Она ушла.

(Мартиану.)

Не правда ль?

М а р т и а н

Я не знаю.

А л ь б и н а

А мы, идя сюда, там под горою
Вдруг юношу увидели. Похож он
Был на тебя. Не твой ли то Валент?

М а р т и а н

Должно быть.

А л ь б и н а

Если б я наверно знала,
Остановила бы его, а так
Я не решилась.

Л ю ц и л л а

(Мартиану)

Скоро ль будет братец?

М а р т и а н

Не думаю.

А л ь б и н а

(взглянув на брата, тихо)

Ты хочешь...

М а р т и а н

(тоже тихо)

Нет, не стоит.

Потом скажу...

Л ю ц и л л а

Ах, дядечка, скажи,
Сегодня день счастливый?

М а р т и а н

Да, счастливый,
Раз вы приехали.

Л ю ц и л л а

Нет, ты не знаешь...
Боюсь я, чтобы не был день феральный.

Альбина

Да нет же, доченька, ведь я сказала,

Люцилла

Три корабля мы, дядя, пропустили
В Александрии — все они отплыли
По дням феральным.

Альбина

Ну, и пропустили.
И всё равно нас на море качало.

Люцилла

Пускай! Зато доехали живыми.
Могло бы хуже с нами быть!

Мартин

(тихо)

Альбина,
Ужель язычица твоя Люцилла?

Альбина

(тоже тихо)

Да боже сохрани, из-за болезни
Она слаба душою.

Люцилла

Мама! Дядя!

Что вы там шепчетесь? Скажите правду:
Феральный день?

Альбина

Да что ты!

Люцилла

Календарь!

Ой, дайте календарь!..

(Болезненно кривится и хватается за сердце.)

А л ь б и н а

(в тревоге бросается к ней)

Дай, Мартиан,

Прошу тебя. Сейчас, сейчас, дочурка!

Мартиан идет в таблин и приносит календарь — мраморный кубик с текстом, написанным в три столбца на каждой стороне.

Л ю ц и л л а

(просмотрев один столбец)

И вправду день Венеры... Слава богу!

(Успокоенно откидывается на подушки, но снова встревоженно начинает что-то искать.)

Где, мама, булла?

А л ь б и н а

(вынимает из мешочка за поясом небольшой медальон на цепочке)

Вот!

(Хочет снова спрятать.)

Л ю ц и л л а

Нет, дай сюда,

Ты можешь потерять.

(Берет буллу и надевает на шею.)

М а р т и а н

Что ж в этой булле?

Л ю ц и л л а

Там камешек — «змеиный глаз» зовется, —
Что дал жрец Эскулапа в Сиракузах,
Там мама в храм ходила.

М а р т и а н

(Альбине)

Так, Альбина?

А л ь б и н а

(незаметно для Люциллы сделала отрицательный жест)

Она заставила... Что с нею делать?

Люцилла

А в храм Либитины пойдем мы вместе,
Когда я отдохну. Не хочет мама,
Но женщина одна мне говорила,
Что там недуг снимают как рукою.

Мартиан

Да ты и так поправишься, Люцилла.

Альбина

Вот на поправку я и привезла
Ее к тебе. Всегда весна в Египте
Приносит вред ей; раскаленный ветер —
Дыханье ада.

Люцилла

Тут я как в раю, —
Мне так легко дышать...

(Глубоко дышит, радостно улыбаясь.)

Альбина

(тоже улыбается)

Вот видишь, дочка,
Я говорила — хорошо у дяди!

Мим приходит, видит, что круг солнечных часов покрылся тенью, и поднимает молоток, собираясь ударить в доску, но Мартиан подает ему знак, чтобы не делал этого, и указывает рукою на ворота. Мим, оставив молоток, открывает калитку, толкает привратника и показывает ему на боковой проход во дворе; тот выходит во двор, закрывает калитку, запирает ворота тяжелым засовом и удаляется направо через двор в боковой проход.

Мим возвращается и наливает кружкой воду в клепсидру.

Люцилла

(тревожно ищет что-то на груди, с отчаянием)

Ой, мама, горе! Потеряла рыбку!¹

¹ Рыбка — известная эмблема первых христиан; она возникла следующим образом: греческое слово ἰχθῆς (рыба) складывается из начальных букв греческих слов, что означает: «Иисус Христос, сын божий — спаситель».

Альбина

Как, доченька? Она ж была на шее.

Люцилла

Шнурок, наверно, оборвался. . .

(Заламывает и поднимает руки.)

Боже!

Прости меня! Прости! . . Ой, мама, мама!

Зачем же я тебя в тот храм послала!

Господь прогневался за Эскулапа

И рыбку отобрал, чтобы не смела

Я, грешная, позорить знак Христов.

Ох, мамочка, наверно, я умру!

Напрасно ты ходила к Эскулапу!

Альбина беспомощно смотрит на Мартиана.

Мартиан

(тихо Альбине)

Скажи, что не ходила.

Альбина

(так же, качая головой)

Хуже будет.

Люцилла

(неожиданно замечает в руках у Мима свою рыбку; радостно)

Дай, дай сюда! Ты где ее нашел?

Мим не двигается, спокойно разглядывая искусно сделанную рыбку.

Она моя, отдай!

(Мартиану, раздраженно.)

Не понимает?

Он тоже варвар?

Мартиан

Нет, глухонемой.

(Берет у Мима рыбку и подает Люцилле, она радостно прижимает рыбку к сердцу и целует ее.)

Люцилла
(взглянув на Мима)

Какой он страшный!

Мартин

Нет, совсем не страшный.
Мим — добрый и послушный. Если хочешь,
И на руках тебя носить он будет.

(Знаками спрашивает Мима, будет ли он носить Люциллу на руках.)

Мим кивает головой и приветливо улыбается Люцилле. Она тоже улыбается.

Люцилла
(Мартину)

Скажи ему, чтоб отворил ворота.
Мне кажется, отсюда видно море, —
Я посмотрю...

Мартин

Там улица, там люди,
И любопытные во двор заглянут.

Люцилла
(испуганно)

А ты боишься? Тут, наверно, люди
Камнями побивают христиан?

(Матери.)

Ты никуда отсюда не ходи,
Я не пушу на улицу и в церковь.
И никого не надо прятать в доме!
Ты слышишь? Никого! Я не хочу!
А то я заболēju и умру!

Альбина

Храни тебя господь! Ты не тревожься.
Куда ж я тут пойду? Кого я спрячу?
Я не знакома тут ни с кем.

Люцилла

Но в церкви

Ты скоро познакомишься со всеми.

(Мартиану, нервно, постепенно всё больше возбуждаясь.)

Ты, дядечка, не знаешь, что случилось...
Когда я маленькой была... отец мой
Ходил всё в церковь и ходил... И люди
У нас скрывались... И однажды ночью...
Явилась стража, забрала людей.
А с ними и отца... Его в темницу
Упрятали... пытали... жгли железом...
Его к столбу жестоко пригвоздили
И... и...

(Задыхается, хватая себя за грудь и стонет.)

Альбина

(бросается к ней)

Люциллочка!

Люцилла

Воды! Воды!

Мим по знаку Мартиана подает ей воду.

(Напившись и полежав некоторое время молча, матери.)

Так не пойдешь ты?

Альбина

Не пойду, родная.

Я не пойду, всегда с тобою буду.

Люцилла

А люди? Может быть, их дядя прячет?

Мартиан

Нет, у меня не прячется никто.

И ты не бойся, нас никто не тронет.

Меня здесь уважают.

Люцилла
(облегченно вздыхает)

Хорошо!

(Закрывает глаза.)

Пожить бы мне хоть годик так спокойно,
Я стала бы здоровой.

Мартин

Дай-то боже!

Не год, а до замужества живи тут.

Люцилла

Какой ты добрый!.. Право, нет счастливей
Аврелии! Есть у нее отец...

(В голосе ее дрожат слезы.)

Альбина

(Мартиану)

Позволишь в комнату ее внести?
Уже темнеет.

Мартин

Для нее готовы

И комната удобная, и ужин.
Вы у себя поужинать хотите
Или в триклинии?

Альбина

С тобою вместе.

Мартин

Я ужинать не стану. Надо срочно
Исполнить неотложную работу.
Сейчас велю внести Люциллу.

Люцилла

Нет.

Сама пойду.

Альбина

Тебе же трудно, дочка,

Люцилла

Сама пойду! Дурная есть примета,
Коль в новый дом приносят на руках.

Альбина

А кто тебе сказал?

Люцилла

Сама я знаю, —
Так девушку в дом жениха относят
Или в могилу.

Альбина

Бог с тобою, дочка!

Мартин

Уж если верить в эти предрассудки,
То думай, что ты скоро выйдешь замуж,
Гостя в моем дому.

Люцилла

Ах, нет, не то!
У христиан ведь к жениху не вносят,
Как у язычников, — я ж христианка.

Мартин

Тогда не надо верить предрассудкам.

Люцилла

(упрямо)

Я все-таки сама пойду.

(Сходит с лектики; Альбина помогает ей. Сделав несколько шагов, останавливается и вскрикивает.)

Ой, боже!

Альбина

Что? Что с тобой?

Люцилла

Зачем я разрешила
Внести себя сюда?

(Стонет и всхлипывает.)

Альбина

Пустое, дочка, —
Ведь это в перистиль, а не в жилище.

Люцилла

(спокойнее, но недоверчиво)

Ты вправду думаешь?

Альбина

Конечно, дочка!

Не думаю, а твердо это знаю:

Зовут в Египте домом всё строенье,

Но перистиль здесь домом не считают.

(Уводит дочь, тихо успокаивая ее, через боковой проход во внутренние комнаты.)

Мартиан, проводив Альбину и Люциллу, тотчас возвращается и знаками дает Миму приказание подать гостям ужин, а сам идет работать в таблин, но, убедившись, что там уже темно, а в лампе нет масла, снова выходит в перистиль. Пока Мим носит через перистиль ужин гостям из кухни, Мартиан, оставшись один, заходит в комнаты своих детей; из комнаты Аврелии выносит цепочку и лилию, из комнаты Валента какие-то таблички, которые несет, прикрывая тогой, и прячет в ящик в таблине.

Альбина

(Подходит к занавесу в таблине; в руках у нее миска с какой-то едой и чаша с вином.)

Прости. Я, Мартиан, тебе мешаю?

Я только на минутку. Не найдешь ли
Лекарство из алоэ?

Мартиан

Есть как будто.

Сейчас зажгут огонь, тогда поищем.

Выходит и приказывает Миму зажечь свет. Тот приносит масло, наливает в лампу и в фонарь около клепсидры, потом приносит горящую лучину и зажигает свет в таблине и перистиле, Мартиан тем временем разговаривает с Альбиной.

(Увидев у Альбины еду и вино.)

Ты что, мне принесла сюда мой ужин?

Альбина

(в замешательстве ставит принесенное на скамейку)

Да, нет... Люцилла непременно хочет,
Чтоб принести твоим пенатам жертву.

Мартиан

Нет у меня ни алтаря, ни статуй.

Альбина

Не слушает! Ее я убеждала.
«Ты, говорит, лишь в атриум поставь —
Пенаты вмиг найдут».

Мартиан

Сестра, мне тяжело,
Что дочь твоя, рожденная от Феста,
Не бога чтит, а призраки пустые!

Альбина

Она чтит бога и его боится,
Но у нее есть страх, вернее ужас,
Пред всем, что представляется ей грозным
Или таинственным... Ах, Мартиан мой,
Пылающая рана жжет мне сердце,
Всё это — суеверье! Но что делать?
Ты видел же... Есть матери, что сами
Своих детей предать готовы смерти
За веру, я же... Мартиан, должно быть,
Меня осудишь ты?

Мартиан

О нет, Альбина,
Я никого не осуждаю.

Альбина

Легче

Тем матерям — их дети гибнут *сразу*,
Однажды терпят муку, я же вечно...

М а р т и а н

С какого времени?

А л ь б и н а

Со смерти Феста.

Семь лет уже прошло в тяжелых муках.
Люцилла родилась такую слабой,
Ведь я жила тогда в тревоге вечной...
Порою я свое терзаю сердце,
Что перед девочкою виновата, —
Я ради церкви часто покидала
Младенца хворого и отравляла
Своим перегорелым молоком.
Еще в утробе я ее травила
Своею кровью, что горела жаром
Высоких устремлений!.. Но потом,
Когда ее отец скончался в муках,
Решила я, что — господи, прости! —
Уже семья родная заплатила
Кровавый долг. Я больше не могла
Сиротку-девочку напрасно мучить...
Ах, брат мой! Ты не думай, что душа
Моя нашла успокоенье. Где там!
Теперь попала в вечную неволю
Моя душа, да жаль, не умерла... .

М а р т и а н

К чему «неволя вечная»? Ты можешь
На волю вырваться.

А л ь б и н а

Когда умру?

М а р т и а н

Да нет, еще на этом свете.

А л ь б и н а

Брат мой!

Как утешать меня ты можешь этим?
Я смерти не могу желать ребенку!

М а р т и а н

Не смерти — лишь выздоровленья. Дочка
Вернет себе здоровье, выйдет замуж,
И ты опять почувствуешь свободу.

Альбина тяжело вздыхает, безнадежно махнув рукой.

А л ь б и н а

Дай боже, Мартиан, чтоб никогда ты
Не знал такой беды с детьми своими!

М а р т и а н

(глухо)

Я знаю худшую, быть может.

А л ь б и н а

Что ты?

М а р т и а н

Пренебрегла ты верой для ребенка,
А я — наоборот.

А л ь б и н а

Ужели выгнал
Ты за язычество детей своих?

М а р т и а н

Нет, дети — христиане, но я знаю:
Им тяжело в доме, где дышит вольно
Лишь раб глухонемой.

А л ь б и н а

Не понимаю...

М а р т и а н

Спокойно можешь обещать Люцилле,
Что в церковь ты совсем ходить не будешь,
Пока вы тут. Я не хожу ведь тоже
Туда.

Альбина

Ты отлучен от церкви, что ли?

Мартиан

Совсем не то — христианин я тайный.

И это воля общины моей.

Своих цепей не сброшу я до смерти.

Молчание. Альбина сжимает брату руку.

Голос Люциллы

(издалека)

Ну, мама! Где ты?

Альбина

(откликается)

Здесь я, здесь я, дочка!

(Торопясь.)

Дай мне лекарство, Мартиан. Пойду я.

Мартиан выносит из таблина склянку. Альбина берет ее и уходит к дочери. Мартиан отдает Миму еду и вино, что принесла Альбина, и велит вынести. Мим выходит. Полная тишина. Свет фонаря в перистиле борется с тьмой, наплывающей из углов. Мартиан сидит в таблине, склонившись за работой. Вдруг слышится тревожный стук в ворота. Мартиан вскакивает и бежит к воротам.

Мартиан

(еще на ходу)

Кто там?

Голос за воротами

Ардент. . . Скорее спрячь меня!

Мартиан открывает окошко в воротах. При мерцающем свете фонаря видно бледное, изуродованное и окровавленное лицо Ардента.

Мартиан

С тобой беда?

Ардент

Я статую разбил.

Мартиан всплескивает руками.

Они увидели... бегут... скорее
Укрой меня!

М а р т и а н

Я не могу. Не смею.
Беги быстрее, тут лекарь недалёко,
И у него укрыться безопасней.

А р д е н т

Я не дойду... Я истекаю кровью...
Меня толпа избила... Ради бога!
Спаси меня! Христа припомни раны!

М а р т и а н

Не смею, сын мой!

А р д е н т

Я и вправду сын твой.
Отец мой завещал...

(Замолкает, прислушивается. Издалека слышится рев толпы и топот ног.)

Молю, скорее

Пусти меня!

К о н с т а н ц и й

(выбегает из своей комнаты, что у самых ворот)

Патрон, позволь мне спрятать
Ардента у себя?

М а р т и а н

Нет, невозможно.
Нельзя у нас укрыть Ардента.

К о н с т а н ц и й

Боже!

Умрет он здесь, у самого порога!
Пущу его! Смотреть нет больше силы!
Его убьют, затопчут, растерзают!

Мартин молча удерживает его за руку, чтобы тот не открывал за-
пора. Констанций старается освободить руку, порываясь к воротам.

Ар д е н т

Пусти меня!

М а р т и а н

Тебя пустить нельзя мне.

Ар д е н т

Господь тебя не пустит в царство божье!
Проклятие тебе! Пилат!!

(Исчезает за окошком.)

Рев толпы приближается.

М а р т и а н

(отпускает Констанция)

Ар д е н т мой!

(Хочет отодвинуть засов, чтобы открыть, но сильный стук нескольких кулаков в ворота пугает его, и он останавливается.)

(Дрожащим голосом.)

Кто там стучится?

Несколько голосов

Стража и народ!

М а р т и а н

(стараясь овладеть собою)

Что надо вам?

Г р у б ы й г о л о с

Ты спрятал здесь злодея!

М а р т и а н

Какого?

Т о т ж е г о л о с

Сам ты знаешь! Открывай!

Альбина

(выбегает)

Что это тут?

Мартин

Иди, сестра, к Люцилле,

Я постараюсь отвести беду.

Альбина уходит.

Мартин

(уже твердым голосом)

Я не открою никому. Лишь слугам
Закона.

Голос

Открывай скорей, тут стража!

Мартин

А кто мне поручится, что толпа
Не забежит в мой дом?

Голос

Центурион

Вигилов здешних.

Мартин

Ты?

Голос

Да, я.

(Тот же голос обращается к толпе.)

Эй, люди!

Сюда идти не надо. Поглядите,
Не побежал ли он по той дороге.

(Затем Мартиану.)

Теперь спокойно открывай.

Мартин открывает. Стража входит в перистиль, впереди — центурион.

Мартин

(центуриону)

Прошу вас,

Служебный долг без шума выполняйте, —
Здесь у меня больная.

Стража расходится по комнатам возле перистилия, осматривает таблин, заходит налево в помещение для рабов и из левого прохода выводит Мима и привратника. Другие вигилы задерживают Констанция.

Центурион

(указывая на задержанных)

Мартиан!

Кто это?

Мартиан

Двое тех — мои рабы,

А тот — писец.

Центурион

(страже)

Из них тут нет похожих

На беглеца?

Несколько голосов из стражи

Да нет же! Тот избитый,

В крови, и внешность у него другая.

По знаку центуриона стража отпускает задержанных. Центурион идет к правому проходу. Мартиан останавливает его.

Мартиан

В одну лишь комнату я вас просил бы

Не заходить, больную не тревожить.

Центурион

Кто болен, разберем!

(Страже.)

Ищите всюду!

Стража идет в проход, оттеснив Мартиана, так что он не успевает пройти раньше нее. Через минуту раздается резкий крик. Люцилла в белой ночной тунике с широкими рукавами выбегает в перистиль, за нею встревоженная Альбина, Мартиан бросается за ними.

Альбина

Куда ты, доченька?

Люцилла

(мечется)

Ах, где нам скрыться?

(Натыкается на лектику и взбирается на нее.)

Сюда, ко мне, скорее, мама! Прячься!

Альбина

Зачем же?

Люцилла

Чтобы стража не схватила.

Альбина

Не стража это... это...

(Тихо брату.)

Мартиан,

Что ей сказать?

Мартиан

Да. это... к сыну гости..

Легионеры...

Люцилла

(сдавленным голосом)

Нет! Неправда! Нет!

Слышится бряцанье оружия, стража возвращается в перистиль. Люцилла поспешно задерживает занавески лектики.

Центурион

Вы всюду здесь искали?

Один из стражи

Всюду.

Люцилла издает глухой стон. Центурион подбегает к лектике.

Центурион

Кто тут?

Альбина

(хватает его за руку)

Я умоляю! Не смотри!

Центурион

Я должен.

(Раздвигает занавеску и заглядывает в лектику.)

Люцилла с хриплым криком приподнимается, тотчас же падает. Лежит неподвижно в обмороке.

Центурион

(Альбине, немного растерянный)

Прости, матрона, я не знал. . .

Снова стук в ворота.

Голос за воротами

Эй, стража!

Нашли его! Нашли! Вот здесь он! Здесь он!

Центурион

(Мартиану, вежливо)

Прости нас, господин, за беспокойство,
Но мы обязаны, ты знаешь. . .

Мартиан молчит. Центурион подает знак страже и уходит вместе с ней за ворота.

Альбина

(тем временем ухаживавшая за Люциллой, вскрикивает)

Боже!

Люцилла холодеет!

Мартиан

(склонился к Люцилле, вздрогнул и быстро отвел руки Альбины от Люциллы)

Нет, сестричка. . .

То обморок. . .

(Подает знак рабам, те уносят лектику с Люциллой направо.)

Альбина

(бьется у него в руках)

Пусти меня, пусти!

Мартиан

Сестра моя, иду и я с тобою.

(Выходит направо.)

Рабы возвращаются, привратник уходит налево. Мим остается в перистиле. Немного погодя слышатся горькие рыдания Альбины. Мартиан выходит и стучит в дверь к Констанцию, тот выходит из комнаты.

Прошу тебя, ты позови соседок,
Нельзя же так ее оставить с трупом.

Констанций

Ужель твоя племянница скончалась?

Мартиан

Да.

Констанций

Мир ее душе... Иду, патрон мой.

(Выходит.)

Мартиан идет к Альбине. Мим тем временем спокойно поправляет фитили ламп в табличке и в перистиле, смотрит на клесидру, заравнивает около нее растоптанный и взрытый ногами песок. Констанций проводит двух женщин через перистиль в правый проход, что-то им шепчет, те грустно качают головами и вздыхают. Проводив женщин, Констанций возвращается в свою комнату.

Мартиан

(ведет Альбину под руку и усаживает на скамейку подальше от света)

Сядь здесь, сестричка. Матери не надо
Смотреть на эту горькую работу.

Альбина плачет у него на плече.

Альбина
(переставая плакать)

Она сказала правду. . .

(Снова плачет.)

Мартиан
(тихо)

Что?

Альбина

Зачем
Внесли ее мы на руках в твой дом!
(Сильнее плачет.)

Мартиан

Сестра, не следует об этом думать.
То божья воля.

Альбина

Правда, Мартиан мой,
Господь меня карает по заслугам!
Отступница! Ленивая раба!

Мартиан

Господь наш милосерден. То не кара.
Нет, он свое создание успокоил
И дал ему почить от тяжких мук.

Альбина

(после минутного успокоения снова раздражается плачем)

Ой, доченька! За что же ты меня
Так наказала?

(Внезапно отрываясь от Мартиана, берет его за руку
и шепчет.)

Как она умела
Читать все сокровеннейшие мысли. . .
Она сказала раз: «Ты ненавидишь
Свою любовь ко мне. . .»

(Сдвинула брови и погрузилась в тяжкое раздумье.)

М а р т и а н

Не береги
Воспоминаний. Снова бог зовет
Тебя к работе. Так иди покорно.

А л ь б и н а

(не меняя выражения лица)

Куда?

М а р т и а н

Туда, где ты трудилась с мужем.
Там будешь среди братьев.

А л ь б и н а

Ты — мой брат,
А всё ж меня ты гонишь; и они
Не примут и «изменницей» окрестят.

М а р т и а н

Сестра, в ком сердце — тот не бросит камень
В тебя.

(Тихо, проникновенно, печально.)

А я уже не в силах больше
Цепями сковывать родные души.
Я должен быть один. Таким, как я,
Немыслимо иметь семью родную,
Немыслимо кого-нибудь звать другом.
Так далеко тебе уехать надо,
Чтоб тень моя тебя не достигала,
Живи там на свету, а не во мраке.

А л ь б и н а

(снова плачет)

А как же я Люциллочку покину?
Смотреть кто будет за ее могилой?

М а р т и а н

Родных лишь мертвыми принять могу я
В своем дому, и твой ребенок сможет

Последним сном в моем саду забыться.
Я не сажал еще цветов — теперь же
Взращу здесь дивный сад.

А л ь б и н а

(с рыданиями падает в его объятия)

Спасибо, брат мой!

Мим подходит к клепсидре, смотрит на часы и начинает громко бить
молотком по доске.

(Вскочила.)

Что это?

М а р т и а н

Службу исполняет Мим,
Знак подает, что нам пора ложиться.

А л ь б и н а

(встает)

Тебе пора на отдых.

М а р т и а н

Нет, я буду

Работать до утра.

А л ь б и н а

Так я пойду.

Пойду... последний раз взгляну на дочку...
Ой, доченька! Да как же без тебя
Мне тяжела свобода!

(Уходит плача.)

М а р т и а н

(подходит к дверям комнаты Констанция)

Ты не спишь,

Констанций?

К о н с т а н ц и й

(выходит)

После потрясений можно ль
Забыться сном?

М а р т и а н

Тогда пойдем со мною.
Нам надо этой ночью поработать.

К о н с т а н ц и й

Как можешь ты работать?

М а р т и а н

Но я должен.

Идут в таблин, Констанций впереди, садится к столу, приготовляет
таблички.

К о н с т а н ц и й

Боюсь, что буду я писать неровно,
Рука дрожит.

М а р т и а н

Не важно, разберу.
Я всё равно потом скажу иначе,
А это так, для прояснения мысли.
Так легче думать.

(Садится в кресло.)

К о н с т а н ц и й

(поднимает голову и вскрикивает)

Мой патрон! Ужасно!
Ты стал совсем седым!

М а р т и а н

Не важно это.
Диктую.

(Диктует. Констанций пишет.)

«Уважаемые судьи!

Холодным разумом прошу вас взвесить
И разобрать простое это дело.
Оно прозрачным станет, как хрусталь,
Когда его не замутит дыханьем
Пристрастья. Разглядеть хрусталь нам легче
При ровном и спокойном освещенье...»

Констанций

(выпускает стиль из рук)

Прости... Нет сил...

Мартин

Дай. Я окончу сам.

*(Берет стиль и табличку и пишет медленно, но твердой
рукой.)*

24 ноября 1911

Х[они]

144. КАМЕННЫЙ ХОЗЯИН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Командор дон Гонзаго де Мендоза.

Донна Анна.

Дон-Жуан.¹

Долорес.

Сганарель — слуга Дон-Жуана.

Дон Пабло де Альварес } отец и мать донны Анны.

Донна Мерседес

Донна Соль.

Донна Консепсьон — грандесса.

Мариквита — горничная.

Дуэнья донны Анны.

Гранды, грандессы, гости, слуги.

1

Кладбище в Севилье. Пышные мавзолеи, белые фигуры статуй скорби, мрамор между кипарисами, много ярких тропических цветов. Больше красоты, чем печали. Донна Анна и Долорес. Анна одета в светлое, с цветком в волосах, вся в золотых украшениях. Долорес в глубоком трауре, стоит на коленях у могилы, убранной свежими венками из живых цветов.

¹ Здесь имя дано во французском, а не испанском произношении: «Жуан», а не «Хуан»; такое произношение освящено вековыми традициями в мировой литературе. По той же причине дана итальянская форма слова «донна», а не испанская — «донья».

Долорес
(встает и вытирает платком глаза)
Пойдем, Анита.

Анна
(садится на скамью под кипарисом)
Погоди, Долорес.
Тут хорошо.

Долорес
(садится рядом с Анной)
Ужель тебе мила
Могильная краса? Тебе, счастливой!

Анна
Счастливой?

Долорес
Разумеется, счастливой.
Ведь ты идешь по собственной охоте
За командора?

Анна
Кто б меня заставил?

Долорес
И нареченного ведь ты всем сердцем,
Наверно, любишь?

Анна
Разве дон Гонзаго
Того не стоит?

Долорес
Почему так странно
Ты отвечаешь на мои вопросы?

Анна
Ты ставишь необычные вопросы.

Дон. Эх вь могом слоди прудути?

Д. Н. Кинка,

а пофим нимки.

Дон. Поже, вите чербуе!

Взи шь Короовоо вавбуе своето!

Д. Н. И комунименту факни уперше ешо,

ушо вавбуе а не сердце, забоди повман,

а Короовоо ~~зигуа мте гурман~~ ~~ваивуе~~, ~~саворито~~,

~~вола и в думан, го филово седе.~~

Анна. ~~Ушо хь вавбуе ешо у вавман~~
~~в вавбуе, в вавбуе, в вавбуе на сави~~

~~серце?~~
Дубе факто?

~~Хида вавману леже на вавбуе~~

~~серце мте думан?~~

Д. Н. О, саворито, все може знати.

Ушо фа, ушо вавбуе фел сердце в руке

Анна. ~~Ушо~~ ^{наме} сердце вавмане не раз?

Долорес

Ну, что тут необычного, Анита?
Ведь мы с тобою верные подруги,
И ты могла бы мне сказать всю правду.

Анна

Сначала ты подай пример, Долорес.
Я от тебя нимало не таюсь,
А у тебя всё тайны.

Долорес

Что ты, Анна?

Какие тайны?

Анна

Разве ни одной?
А ну-ка, погляди в глаза мне прямо.
(Заглядывает ей в глаза и смеется.)

Долорес

(со слезами в голосе)

Не мучь меня, Анита!

Анна

Даже слезы!

О господи, здесь подлинные страсти!
Долорес закрывает лицо руками.

Довольно!

(Берет в руки серебряный медальон, висящий на черном
шнурке на груди у Долорес.)

А это что?

Что в этом медальоне? Тут, наверно,
Портрет твоих родителей покойных?

(Раскрывает медальон раньше, чем Долорес успева
ет схватить ее за руку.)

Кто он такой, прекрасный этот рыцарь?

Долорес

Он... мой жених.

А н н а

Жених? А я не знала,
Что ты невеста, милая Долорес.
Что ж никогда я вас не вижу вместе?

Д о л о р е с

И не увидишь.

А н н а

Почему? Он умер?

Д о л о р е с

Нет, жив.

А н н а

Он изменил тебе, Долорес?

Д о л о р е с

Он мне ни в чем не изменял.

А н н а

(нетерпеливо)

Довольно

С меня загадок. Скрытничай, коль хочешь.
Я не люблю вторгаться в душу силой.

(Хочет встать.)

Долорес удерживает ее за руку.

Д о л о р е с

Сядь, Анна, рядом. Разве ты не знаешь,
Как трудно сдвинуть каменную глыбу?

(Кладет руку на сердце.)

А у меня лежит на сердце камень,
Такой тяжелый... так давно... что, право,
Он вытеснил из сердца все стремленья
И все желанья, кроме одного.
Ты думаешь, я плачу по моим
Умершим близким? Нет, моя Анита,
То камень выдавил из сердца слезы...

А н н а

Так ты давно невеста?

Долорес

От рожденья.

Вернее, до рожденья моего
Нас обручили матери-подруги.

Анна

Как это неразумно!

Долорес

Нет, Анита.

То, верно, воля неба, чтобы я
Его своим по праву называла,
Хотя он и не мой.

Анна

Но кто же он?

Мне странно то, что я его не знаю.

Долорес

Он — Дон-Жуан.

Анна

Какой? Ужели тот?..

Долорес

Да, тот, тот самый. Кто еще другой
Из сотен тысяч всяческих Жуанов
Так просто может зваться «Дон-Жуан»,
Без титула и без других отличий?

Анна

Теперь я понимаю... Впрочем, как же?
Ведь много лет, как нет его в Севилье...
Ведь изгнан он?

Долорес

Я видела его

В последний раз, как в Кадиксе мы были.
Скрывался Дон-Жуан тогда в пещерах,
Жил контрабандой... И порою плывал
С пиратами... Тогда одна цыганка
Покинула свой табор для Жуана.

А он вернулся в Кадикс и привез
Какую-то алжирскую пиратку.
Пиратка эта отравила брата
Из-за Жуана. . . А потом пошла
В монахини.

А н н а

Всё это точно сказка.

Д о л о р е с

Однако это правда.

А н н а

А за что

Его изгнали? Что-то я слыхала
Неясное. . .

Д о л о р е с

Он, будучи пажом,
На поединок вызвал принца крови
Из-за инфанты.

А н н а

А инфанта эта

Его любила?

Д о л о р е с

Говорят. Но я

Не верю.

А н н а

Почему?

Д о л о р е с

Когда б любила,
То для него покинула б Мадрид
И королевский двор.

А н н а

Легко ли это?

Долорес
Любви не надо легкого пути.
Ведь стала дочь толедского раввина
Отступницей.

Анна
А после?
Долорес
Утопилась.

Анна
Он, право, странен, нареченный твой.
И вкус его, признаться, тоже странен...
Цыганка, басурманка и еврейка...

Долорес
Ты забываешь про инфанту!

Анна
Ну,
С инфантою еще неясно дело!

Долорес
Однако он в изгнание бежал
С благочестивой, гордой аббатисой.
Сам инквизитор — дед ее.

Анна
Да что ты?

Долорес
А после аббатиса та держала
Таверну для контрабандистов.

Анна
(смеется)
Право,
Он не без юмора, твой Дон-Жуан!..
А ты как будто этим всем гордишься,
Своих соперниц помнишь, как трофеи,
Что жениху достались на турнире.

Долорес

Я горько им завидую, Анита.
Зачем я не цыганка, не могу
Отречься от свободы для Жуана?
Зачем я не еврейка? Я бы веру
Втоптала в прах, чтобы ему служить!
Корона — дар ничтожный! Я бы, Анна,
Родных бы для него не пожалела. . .

Анна

Долорес, бойся бога!

Долорес

Ах, Анита,
Завидую я этой аббатисе,
Что отдала спасение души,
Что отреклась от рая для Жуана!

(Сжимает руки Анны.)

О, этой страшной зависти и боли
Тебе вовек, Анита, не понять.

Анна

А я бы не завидовала им,
Покинутым, несчастным. . . Ах, прости,
Забыла я, — он и тебя покинул!

Долорес

Меня не покидал он никогда.

Анна

Опять загадки! Почему, Долорес?

Долорес

Ходила я к Жуану в ту пещеру,
Где он скрывался. . .

Анна

(с горячим интересом)

Ну и что же, что же?

Долорес

Лежал он раненый. Жену алькада
Хотел украсть и увезти. Алькад
Жену убил, а Дон-Жуана ранил. . .

Анна

Но как же добралась ты до него?

Долорес

Теперь уж я сама не понимаю. . .
Всё было как в горячечном бреде. . .
Ходила я за ним, носила воду,
Запекшиеся раны обмывала,
И выходила. . .

Анна

Ну, а дальше что?
Иль это всё?

Долорес

И это всё. Он встал,
Здоров и цел, а я домой вернулась.

Анна

Такой же, как была?

Долорес

Такой же, Анна,
Как от причастия. И ты не думай,
Что он добился моего согласия.
О, никогда!

Анна

Но ты, Долорес, любишь
Его безумно.

Долорес

Это не безумье!
Таится в сердце у меня любовь,
Как будто кровь таинственная в чаше
Святого Граля. Да, невеста я.

И чистоты моей не замарают
Никто на свете, даже Дон-Жуан.
Он это знает.

А н н а

Как?

Д о л о р е с

Душою чует.

Конечно, он ко мне питает чувство,
Но только это чувство — не любовь,
Ему названья нету... На прощанье
Он перстень снял с руки моей и молвил:
«О, благороднейшая сеньорита,
Когда вас будут мною попрекать,
Ответьте им, что я жених ваш верный,
Перстнями я с другой не обменяюсь
Уже вовек, даю вам слово чести».

А н н а

Он так сказал? Быть может, это значит,
Что он одну тебя на свете любит?

Д о л о р е с

(грустно качает головой)

Лукавым словом сердца не обманешь...
Меня с любимым лишь мечта связала.
Таковыми обрученными, как мы,
Пристало быть на небе райским духам,
А тут — какое адское страданье!
Ты не поймешь. Ведь у тебя, Анита,
Сбываются все сны и все мечты...

А н н а

«Все сны и все мечты»... Да так ли это?

Д о л о р е с

Чего ж еще тебе недостает?
Есть у тебя любовь, богатство, юность
И скоро будет честь и уваженье,
Пристойное супруге командора.

А н н а

(засмеявшись, встает)

Но где же тут «все сны и все мечты»?

Д о л о р е с

(со слабой усмешкой)

Они тебе уж не нужны, пожалуй.

Обе девушки прогуливаются между памятниками.

А н н а

Кто может без мечтаний жить, Долорес?

Одну мечту я с детства сохранила.

Она, наверно, выросла из сказок,

Что бабушка рассказывала в детстве.

Я так любила их. . .

Д о л о р е с

О чем мечта?

А н н а

Да так, причуды! . . Вижу, как в тумане,

Я неприступную, крутую гору,

На той горе суровый, крепкий замок —

Орлиное гнездо. . . И в этом замке

Принцесса молодая. . . И не может

Никто добраться до ее покоев

По страшной круче. . . Рыцари и кони,

Срываясь, разбиваются, и кровь

Багровыми ручьями омывает

Подножье. . .

Д о л о р е с

О, жестокая мечта!

А н н а

В мечтах всё можно. А потом, Долорес. . .

Д о л о р е с

(перебивает)

Потом один герой достиг вершины,

Добился он руки и сердца девы. . .

Сбываются уже твои мечтанья:
Прекрасная принцесса — ты, Анита,
А рыцари разбившиеся, верно,
Те женихи, которых ты отвергла,
А тот счастливый рыцарь — дон Гонзаго.

А н н а
(смеется)

Нет, командор мой — он сама гора,
А рыцаря счастливого как будто
И нет на свете...

Д о л о р е с
Это даже лучше.
Ну что ты можешь рыцарю вручить
В награду?

А н н а
Приготовлю лимонад
Для прохладенья!

(Замолкает. Меняет тон.)

Посмотри, Долорес,
Как странно свет мерцает в этом склепе...
То ярче, то слабее. Видишь? .. Видишь? ..
Там кто-то есть.

Д о л о р е с
Да нет же, это мыши
Летучие вокруг лампы выются.

А н н а
Постой, я загляну туда, Долорес.
*(Заглядывает в решетчатые двери склепа, хватая
Долорес за руку и указывает внутрь склепа.
Шепотом.)*

Смотри — там вор. Я тотчас кликну стражу...
(Бросается бежать.)

В эту минуту раскрываются двери склепа. Долорес вскрикивает и
без чувств опускается на скамью.

Дон-Жуан

(выходя из гробницы, к Анне)

Прошу вас, сеньорита, не бегите
И не пугайтесь, я отнюдь не вор.

Анна возвращается и наклоняется к Долорес.

Долорес

(очнувшись, стискивает ей руку)

Он, Анна, он!.. В своем ли я уме?

Анна

Вы Дон-Жуан?

Дон-Жуан

(кланяясь)

К услугам вашим, донна.

Долорес

Как вы сюда попали?

Дон-Жуан

На коне,

Потом пешком.

Долорес

О боже мой, он шутит!

Вы головой рискуете своею!

Дон-Жуан

Впервые слышу я, чтобы ценилось
Во мне не сердце, полное до края,
А голова, в которой, сеньорита,
Хоть мысли есть, да небольшого веса.

Анна

А что тяжелого есть в вашем сердце?

Дон-Жуан

О сеньорита, пусть узнает это
Лишь та, что сможет взять его в ладони.

Анна

Так ваше сердце взвешено не раз.

Дон - Жуан

Вы думаете?

Долорес

Прячьтесь! Вы погибли,
Коль вас увидят!

Дон - Жуан

Если уж теперь,
Прекрасных глаз выдерживая взгляды,
Я не погиб, то где ж моя погибель?

Анна улыбается. Долорес опускает на лицо черную вуаль и отворачивается.

Анна

(махнув рукой)

Ступайте уж назад в свое жилище!

Дон - Жуан

О, только ручка женская одна
Беспечно может посылать в могилу.

Долорес

(снова поворачиваясь к Дон-Жуану)

Ужели вы живете в этом склепе?

Дон - Жуан

Как вам сказать? Я должен тут прожить
Лишь день один да ночь — с меня довольно.
Здесь, при дворе могильном, этикет
Суровее, чем при дворе кастильском,
А я и там, при всем своем усердьи,
Всех церемоний выдержать не мог,
Так где уж тут!

Анна

Куда же вы пойдете?

Дон - Жуан

И сам еще не знаю.

Долорес
Дон-Жуан,
Здесь есть тайник под церковью, вы спрячьтесь.

Дон-Жуан
О, вряд ли веселее там, чем здесь.

Долорес
А вам бы всё веселье!

Дон-Жуан
Почему же
Не веселиться?

Анна
Ну, а если б кто
На маскарад позвал вас — вы пошли бы?

Дон-Жуан
С великой радостью!

Анна
Тогда прошу вас,
Сегодня ночью в нашем доме бал
Дает отец мой Пабло де Альварес,
Последний бал перед моею свадьбой.
Все будут в масках, кроме стариков,
Родителей, меня и жениха.

Дон-Жуан
(Долорес)
Вы будете, надеюсь, сеньорита?

Долорес
Как видите, я в трауре, сеньор.
(Отходит в сторону.)

Дон-Жуан
Я траура совсем не признаю
И ваше приглашенье принимаю.
(Кланяется.)

А н н а
Какой у вас костюм?

Д о н - Ж у а н
Еще не знаю.

А н н а
Жалею. Я узнать бы вас хотела.

Д о н - Ж у а н
Узнаете по голосу.

А н н а
Ужели
Я голос ваш запомню с первой встречи?

Д о н - Ж у а н
Тогда по перстню, что ношу на пальце.
(Показывает перстень на мизинце.)

А н н а
Он постоянно с вами?

Д о н - Ж у а н
Постоянно.

А н н а
Вы так верны?

Д о н - Ж у а н
Так верен, сеньорита.

Д о л о р е с
(выходя из боковой аллеи)
Сюда идут! Я вижу: дон Гонзаго!

Дон-Жуан скрывается в склепе. Анна идет навстречу Командору.

К о м а н д о р
(медленно приближается; он не очень молод, важен и сдержан, с большим достоинством носит белый командорский плащ)

Вы тут одни? А где дуэньи ваши?

А н н а

Дуэньи в церкви. Милая Долорес
Не любит лишних глаз, когда бывает
На дорогих могилах!

К о м а н д о р

(сдержанно кивая Долорес)

Понимаю.

(Анне.)

А я искал вас, дорогая Анна,
Затем, чтобы спросить, в каком наряде
Вы будете сегодня на балу.

А н н а

Я буду в белом. А зачем вам это?

К о м а н д о р

Так, некоторые соображенья. . .

А н н а

Меня узнаете в любом наряде.
Я не надену маски.

К о м а н д о р

Превосходно.

Я даже и представить не хотел,
Что будете вы в маске.

А н н а

Почему же

Вы мне о том ни слова не сказали?

К о м а н д о р

Я вашу волю не хотел стеснять.

Д о л о р е с

Как странно слышать мне, что нареченный
Стеснять боится малым принуждением
Желанья той, которую так скоро
С собою свяжет узами навеки.

Командор

Ее свяжу не я: закон и небо.
Я сам ее свободнее не буду.

Долорес

Мужчины так не часто говорят,
А говорят — так редко держат слово.

Командор

Теперь я понимаю, сеньорита,
Зачем не вышли замуж вы доньне.
Без веры в брак не следует вступать.

Анна

А все ль питают веру?

Командор

Донна Анна,
Когда б я вам или себе не верил,
Я б тотчас возвратил вам ваше слово,
Пока не поздно. А когда дадим мы
Великий тот обет...

Анна

Мне, право, страшно!

Командор

Любви глубокой не страшны обеты.
Ужель вам страшно, Анна?

Анна

Это шутка.

(К Долорес.)

Ведь я тебе сказала: он — гора!

Командор

Вы шутите? Вы веселы сегодня.

Анна

А почему бы мне не веселиться,
Когда я, как на каменную гору,
Могу на вас надеяться, не так ли?

Командор

(подает Анне руку, чтобы вести ее. Анна принимает.)

Так, донна Анна. Докажу вам жизнью,
Что вы не ошибаетесь.

Идут. Долорес немного позади.

Анна

(неожиданно громко обращается к Долорес)

А знаешь,
Он на портрете мне казался лучше,
Чем в жизни.

Долорес испуганно, молча глядит на Анну.

Командор

Кто это?

Анна

Жених Долорес.

Командор

Кто он такой?

Анна

Покуда это тайна.
Он будет на балу у нас сегодня.

Все трое уходят.

Сганарель

*(слуга Дон-Жуана; выходит, оглядывается,
приближается к склепу)*

Эй, господин!

Дон-Жуан

(выходит)

Как? Ты уже вернулся?

Сганарель

Привет от донны Соль. Она не хочет,
Чтоб к ней вы шли. Она молвы боится.
У ней дуэнья старая и злая.
Она решила вырваться из дому,
Прийти сюда одна...

Дон - Жуан

Уже? Так быстро?

Сганарель

Вы словно недовольны?

Дон - Жуан

(не слушая его)

Раздобудь

Мне где-нибудь костюм для маскарада,
Да понарядней.

Сганарель

Как же вы узнали,

Что будет донна Соль на маскараде
У молодой невесты командора?

Вы, значит, там с ней встретиться решили,
Чтоб взять сюда?

Дон - Жуан

(занятый другими мыслями)

Кого?

Сганарель

Да донну Соли!

Кого ж другого? Не за ней мы разве
В Севилью прискакали?

Дон - Жуан

Я не знаю.

Посмотрим.

Сганарель

А когда вы разминетесь,
Так что прикажете мне делать с нею?

Дон - Жуан

Ступай в таверну, а ее пошли
Назад к супругу.

Сганарель

Ах, сеньор, сеньор!
Я выказал бы больше благородства,
Будь господином я, а вы — слугой.

(Уходит.)

Дон-Жуан скрывается в склепе.

2

Внутренний дворик (patio) в доме сеньора Пабло де Альварес, в мавританском стиле, засаженный цветами, кустами и невысокими деревьями, окруженный строениями, с галереей под аркадами, расширенной выступом крыльца и лоджией (глубокой нишей); кровля галереи — плоская, с балюстрадой, как восточная крыша, расширенная в середине так же, как и галерея внизу; на оба этажа галереи ведут из дворика отдельные лестницы, широкие и низкие — вниз, высокие и узенькие — вверх. Дом и галерея ярко освещены. Внутри дворика света нет. На переднем плане — беседка, оплетенная виноградом. Дон Пабло и донна Мерседес — отец и мать Анны — разговаривают с Командором во дворике. Наверху по галерее прогуливаются несколько гостей, их еще не много, — с ними донна Анна.

Командор

Могу ли попросить я донну Анну
Спуститься на минуту к нам сюда?

Донна Мерседес

Спустишь, Анита, к нам! Здесь дон Гонзаго!

Анна

(наклоняясь через балюстраду, глядя вниз)

А вам так трудно к нам наверх подняться?
Иль вверх всходить горе не подобает?

(Смеется, сбегает по лестнице во дворик.)

Донна Мерседес

Анита, ты смеешься слишком громко.

Дон Пабло

И шутки мне не нравятся твои.
Обязана ты помнить...

Командор

Не браните
Мою невесту за ее веселость,
Которой не смутила близость брака.
Я к шуткам донны Анны привыкаю.

Донна Мерседес

Пожалуй, нам пора к гостям подняться.

Командор

Прошу, оставайтесь тут. У нас в Кастилье
Нельзя уединяться обрученным.
Но я не задержу вас, донна Анна,
Примите этот маленький подарок
В знак искренней любви и уваженья.

*(Вынимает из-под плаща дорогой жемчужный головной
убор и склоняется перед Анной.)*

Донна Мерседес

Какие жемчуга!

Дон Пабло

О командор!

Не слишком ли подарок этот дорог?

Командор

Для донны Анны?!

Анна

Вот вы для чего

Меня спросили утром о наряде!

Командор

Быть может, неудачен выбор мой,
Но мне казалось — к белому наряду
Подходит белый жемчуг...

Анна

Дон Гонзаго,

Вы быть хотите полным совершенством,
А это слишком, это угнетает.

Донна Мерседес
(*тихо толкая Анну*)

Опомнись, Анна! Поблагодари!

Анна молча отвешивает Командору глубокий церемонный поклон.

Командор
(*подымает диадему над ее головой*)

Так разрешите возложить мой жемчуг
На эту непокорную головку,
Склоненную впервые предо мною.

Анна
(*сразу поднимая голову*)

А разве вам иначе не достать?

Командор
(*надевая диадему на голову Анны*)

Как видите, достал.

Дворик заполняется толпой нарядных гостей в масках и без масок; одни спустились с верхней галереи, а другие вошли через входные ворота. Между теми, которые вошли в ворота, маска в черном, очень широком домнно, лицо тщательно закрыто маской.

Голоса из толпы гостей
(*которые спустились с галереи*)

Где наш хозяин?

Хозяйки где?

Дон Пабло
Здесь, дорогие гости.

Донна Мерседес
(*к вновь прибывшим*)

Такие гости, дорогие гости
Наш дом украсили.

Пожилая гостья
(*из вновь прибывших, другой, шепотом*)

Поди, уже смекнула,
И сколько нас, и сколько будет стоять.

Вторая гостья
(тоже шепотом к первой)

Мерседес не замешкает в подсчетах,
Скорей не поспешит в гостеприимстве...

Гостья - девушка
(здороваясь с Анной)

Анита, как же ты нарядна нынче!
(Тише.)

Но только в белом ты бледна немного.

Анна

О, ничего, теперь такая мода.
(Еще тише.)

Могу я одолжить тебе белила,
А то твой лоб, пожалуй, слишком красен.

Девушка

Спасибо, не хочу.

(Отворачивается и начинает поправлять маску
и волосы так, чтобы закрыть лоб.)

Молодая дама
(тихо, указывая глазами на Анну)
Какой убор!

Другая молодая дама
(с иронией)
Единственная радость бедной Анны!

Старый гость
(дону Пабло)

Ну что, дон Пабло, вас теперь, наверно,
Его величество к себе приблизит, —
Такого зятя тесть вы...

Дон Пабло

Наш король
Не по зятьям, а по заслугам ценит.

Старый гость

Порой мы слишком долго ждем оценки.

Дон Пабло

Ну, это вам известнее, пожалуй.

(Поворачивается к другому гостю.)

Вы, граф? Как счастлив я! Какая честь!

Хозяин, хозяйка, Командор и гости идут в дом по широкой лестнице. Маска «Черное домино» остается во дворике, незаметно отступая в тень кустов. Анна с молодыми дамами появляется на верхнем крыльце. Слуги разносят лимонад и другие прохладительные напитки.

Дон-Жуан

(в мавританском костюме, в маске, с гитарой появляется во дворике, останавливается против галереи и поет)

У меня в краю родимом
Есть одна гора крутая,
И сверкает на вершине
Диамантовый дворец.
Горе мое, Анна!

В том дворце в хрустальном зале
Чудо-роза распустилась,
На атласных лепесточках
Не роса, а жемчуга.
Горе мое, Анна!

И на ту крутую гору
Нет ни лестниц, ни тропинок.
Во дворце из диамантов
Ни дверей, ни окон нет.
Горе мое, Анна!

Но кому-то и не надо
Ни ступенек, ни тропинки, —
С неба спустится он к розе
На живых крылах любви.
Счастье мое, Анна!

Во время песни «Черное домино» слегка выступает из кустов, в конце песни снова скрывается.

Командор
(*выходит на верхнее крыльцо к концу песни*)

Что это тут за песни, донна Анна?

Анна
Не знаю, мавританские, должно быть.

Командор
Я спрашиваю не о том.

Анна

О чем же?

(*Не дождавшись ответа, берет у слуги стакан лимонаду и спускается к Дон-Жуану. Подает ему лимонад.*)

Угодно ли вам жажду утолить?

Дон-Жуан
Благодарю. Не пью я лимонада.

Анна бросает стакан в кусты.

Командор
(*идя следом за Анной*)
По вкусу ли вам песня, донна Анна?

Анна

А вам?

Командор
Признаться, вовсе не по вкусу.

Дон-Жуан
Жалею, что не угодил сеньору.
Мне думалось, счастливым обрученным
Приятна будет песня о любви.

Командор
Припев у вашей песни неуместный.

Дон-Жуан
Его, увы, не мог я опустить, —
Ведь эта песня в мавританском стиле.

А н н а

А вы к костюму подбирали песню?

С галереи спускается толпа молодежи; заметив Анну, окружает ее.

Г о л о с и з т о л п ы

О донна Анна, донна Анна, просим
Поласковее быть в последний вечер
Девической несвязанной свободы!

А н н а

Чем, господа, могу я вам служить?

П е р в ы й р ы ц а р ь

Мы просим, чтоб вы сами указали,
С кем танцевать желаете сегодня.

А н н а

Чтоб я сама просила?

В т о р о й р ы ц а р ь

Не просите, —
Приказывать вы можете, мы будем
Рабами в этот вечер!

А н н а

Хорошо,
Что только в этот вечер. Я не знаю,
Что вам на это скажут ваши дамы.
Иль, может, вас от них спасают маски?

Т р е т ь и й р ы ц а р ь

(срывая маску)

Все звезды меркнут перед солнцем!

А н н а

Верно.

Ваш комплимент без маски обойдется.
Он слишком стар для этого, пожалуй.

Рыцарь снова надевает маску и скрывается в толпе.

А н н а
(к молодежи)

Что ж, станьте в ряд, я буду назначать!
Все встают в ряд. Дон-Жуан тоже.

К о м а н д о р
(тихо, Анне)

Что это, местный ваш обычай?

А н н а

Да.

К о м а н д о р
Мне тоже стать?

А н н а
Не надо.

Командор отходит в сторону.

Кавалеры,
Готовы ль вы?

(Дон-Жуану.)

Зачем же вы, поклонник
Изменчивой планеты, тоже стали?
Ведь вам обычай запрещает танцы?

Д о н - Ж у а н
Для необычной я забыл обычай.

А н н а
За это я даю вам первый танец.

Дон-Жуан кланяется по-восточному: прикладывает правую руку к сердцу, к губам и ко лбу, потом складывает руки накрест на груди и склоняет голову. При этих движениях на мизинце его блестит золотой перстень.

Д о н - Ж у а н
Один?

А н н а

Один. Второго вам не будет.

(Обращается к остальным рыцарям.)

А вам, сеньоры, дам я знак рукою,
Пусть каждый твердо свой черед запомнит.

(Быстро показывает рукою на каждого кавалера по очереди. Один кавалер остается неотмеченным.)

Последний кавалер

А как же я? Когда же мой черед?

Один из толпы

Вы будете последним, очевидно.

Смех. Кавалер стоит смущенный.

А н н а

(последнему)

Со мной танцует первым мусульманин
Лишь потому, что в светлом царстве божьем,
По-видимому, будет он последним.
А вы, сеньор, я думаю, католик,
И вам не страшно танцевать последним.

Последний кавалер

Впервые в жизни я хочу быть мавром!

Д о н - Ж у а н

Не в очередь попал ваш комплимент, —
Вам, видно, суждено души спасенье!

А н н а

(хлопает в ладоши)

Мои рабы! Довольно! Время танцам!

(Первая поднимается вверх, за ней молодежь.)

Со второго этажа гремит музыка. Начинаются танцы, которые распространяются на оба этажа галерей. Донна Анна идет в первой паре с Дон-Жуаном, потом ее перехватывают по очереди и другие кавалеры. Командор стоит в углу ниши, прислонившись к выступу стены, и смотрит на танцы. «Черное домино» следит снизу и незаметно для себя выходит в освещенное место перед крыльцом. Дон-Жуан, окончив танец, склоняется через перила, замечает «Черное домино» и сходит вниз. «Черное домино» в это время поспешно скрывается в тень.

М а с к а подсолнечник
(подходит сбоку и хватает Дон-Жуана за руку)

Ты Дон-Жуан! Я знаю!

Д о н - Ж у а н

Я хотел бы
Знать так же верно, кто под этой маской.

М а с к а подсолнечник
Ты знаешь хорошо! Я донна Соль!
(Срывает с себя маску.)

Д о н - Ж у а н

Простите, но в подсолнечнике трудно
Узнать большое солнце.¹

Д о н н а С о л ь

Ты смеешься?
Ты мало надо мною насмеялся?

Д о н - Ж у а н

Когда же? Где?

Д о н н а С о л ь
(запальчиво)

Я с кладбища иду.

Д о н - Ж у а н

Кто видел вас?

Д о н н а С о л ь

Еще недоставало!
Никто, конечно.

Д о н - Ж у а н

Ну, так в чем же дело?
Как будто встретиться на маскараде
Не веселее, чем среди могил?

¹ Игра слов: имя донны Соль означает по-испански «солнце».

Донна Соль
(шарит рукой за поясом)
О, я забыла дома свой кинжал!

Дон-Жуан
(с поклоном подает ей свой стилет)
Прошу, сеньора.

Донна Соль
(отталкивает его руку)

Прочь!

Дон-Жуан
(пряча кинжал)

Не понимаю!
Чего же хочет милая сеньора?

Донна Соль
Не знаете?

Дон-Жуан
Нет, признаюсь, не знаю.

Донна Соль
Вы помните, что вы мне написали?

Дон-Жуан
Я вам писал, сеньора: «Бросьте мужа,
Коль он вам ненавистен, и бегите».

Донна Соль
С кем?

Дон Жуан
Разве непременно нужен спутник?
Ну что же, я могу вас проводить.

Донна Соль

Куда?

Дон-Жуан
До Кадикса.

Донна Соль
Зачем?

Дон-Жуан

Не понимаю!
Ужели мало вырваться на волю?

Донна Соль

Так вы затем назначили свиданье,
Чтоб это мне сказать?

Дон-Жуан

А для чего же
Вы на свиданье шли? Иль вы хотели
Лишь подсластить немного горький ужин
Супружеских обязанностей? Право,
Я сладких блюд готовить не учился.

Донна Соль

(направляясь к ступенькам крыльца)
Вы мне еще заплатите за это!

Черное домино

(выходя на свет, преграждает путь донне Соль. Неестественно измененным голосом)

Твой муж тебе позволил плату брать?

Донна Соль вскрикивает и стрелой выбегает за ворота. «Черное домино» хочет скрыться в тень, но Дон-Жуан преграждает ему путь.

Дон-Жуан

Ты кто такая, маска?

Черное домино

Тень твоя.

(Стремительно убегает от Дон-Жуана, прячась за кустами, вбегает в беседку и стоит там, притаившись.)

Дон-Жуан, потеряв из виду «Черное домино», направляется в поисках его в другую сторону. На верхнем выступе галереи донна Анна танцует сегидилью.

Первый рыцарь

(когда Анна окончила танец)

Сейчас вы танцевали, донна Анна,
По рыцарским сердцам.

А н н а

Да неужели?

Я думала, что по полу танцую.

Иль так сердца у рыцарей тверды?

Второй рыцарь

(подходит к Анне и кланяется, приглашая ее танцевать)

Теперь со мной.

А н н а

(складывая ладони)

Помилуйте, сеньор.

Второй рыцарь

Я подожду. Но очередь за мною?

А н н а

О да, сеньор.

Встает и, смешавшись с толпой гостей, исчезает из виду. Появляется снова на узенькой лестнице, спускается во дворик и направляется к беседке. «Черное домино» поспешно, но бесшумно выбегает оттуда и прячется в кустах. Анна в изнеможении падает на широкую скамью в беседке.

Д о н - Ж у а н

(приближаясь к Анне)

Вы здесь одна? Вам дурно, сеньорита?

А н н а

(садится прямее)

Нет, я устала.

Д о н - Ж у а н

На гору взбираться?

А н н а

Признаться, так всего сильнее устала
Я нынче от бесчисленных острот.

Д о н - Ж у а н

Я не шутил.

А н н а

Но что ж еще?

Д о н - Ж у а н

Я думал

О том, что заставляет сеньориту
Стремиться так в нагорную темницу.

А н н а

В темницу? Мне казалось, просто в замок,
А замки на горе стоят обычно.
Величественней там и неприступней.

Д о н - Ж у а н

Я очень уважаю неприступность,
Когда основа у нее не камень,
А что-нибудь живое.

А н н а

На живом

Не долго устоишь, устанешь скоро.
Нет, властная и гордая душа
Жить может только на горе высокой.

Д о н - Ж у а н

Нет, донна Анна, там не будет воли.
С вершины горной видны человеку
Свободные просторы, только сам он
Навек привязан к узкому пространству.
Неверный шаг — и он сорвется в пропасть.

А н н а

(*задумчиво*)

Так где же в мире нам искать свободу? ..
Ужель она в такой судьбе, как ваша?
Вы меж людьми живете диким зверем,
Затравленным охотниками в поле.
Лишь маска вас спасает.

Д о н - Ж у а н

Между нами

Взаимная охота, сеньорита.
А маска — лишь охотничья уловка.
Сейчас ее не будет.

(*Срывает маску.*)

Донна Анна,
Поверьте мне, лишь тот свободен в мире,
Кого отвергло общество. В изгнание
Обрел я долгожданную свободу.
Видали вы людей, идущих смело
За зовом сердца, и не помышляя
О том, что скажут люди? Я таков!
Мир никогда не будет мне темницей.
Я легкою фелукой пролетаю
В морских просторах. Перелетной птицей
На берега далекие лечу
И узнаю манящие красоты
Чужих краев, неведомых донныне.
В лучах свободы все края прекрасны,
Все рощи представляются Эдемом,
Все воды отражают небеса!

А н н а
(тихо)

Да... это жизнь!

Пауза. Наверху снова музыка и танцы.

Д о н - Ж у а н

Как странно! Снова танцы...

А н н а

Что ж странного тут?

Д о н - Ж у а н

Если умирает
Больной и старый, все вокруг рыдают.
А тут хоронят юную свободу,
А все танцуют...

А н н а

Разве вы, сеньор,
Не танцевали?

Д о н - Ж у а н

О, когда б вы знали,
Что думал я тогда!

А н н а

А что?

Д о н - Ж у а н

Я думал:

«Когда б, не выпуская из объятий,
Домчать ее на лошади горячей
До Кадикса!»

А н н а

(встает)

Однако, слишком много
Вы позволяете себе, сеньор.

Д о н - Ж у а н

Ужели так нужны вам, донна Анна,
Ничтожные законы этикета,
Расшатанная изгородь, которой
Окружено достоинство сеньоры?
На вашу честь не посягну я силой.
Не тем я страшен женщинам, не бойтесь.

А н н а

(снова опускается на скамью)

Я не боюсь вас.

Д о н - Ж у а н

Я впервые слышу

Такую речь из женских уст. Быть может,
В себе вы этим будите отвагу?

А н н а

Моя отвага мне не изменяла
Еще ни разу в жизни.

Д о н - Ж у а н

И сейчас

Вы в ней уверены?

А н н а

Как никогда!

Д о н - Ж у а н

Скажите мне всю правду, донна Анна,
Знавали вы хотя бы миг свободы?

А н н а

Во сне.

Д о н - Ж у а н

И в грезах?

А н н а

Да, в чудесных грезах.

Д о н - Ж у а н

Что ж вам мешает гордые мечтанья
Осуществить? Ведь только за порог
Переступить — и целый мир широкий
Откроется для вас! Я вам готов
И в счастье и в несчастье быть опорой,
Хоть вы и сердце предо мной замкнете.
Всего дороже для меня — спасти
Ваш гордый, вольный дух! О донна Анна,
Я вас искал так долго!

А н н а

Вы искали?

Ведь вы меня не знали до сих пор!

Д о н - Ж у а н

О, я не знал лишь вашего лица
И как зоветесь вы. Но я искал
По разным странам, в разных женских лицах
Хотя бы отблеск вашего сиянья.
И если нам не суждено быть вместе,
То, значит, в мире, сотворенном богом,
Нет правды, справедливости и смысла!

А н н а

Молчите! Не дурманьте разум мой
Горячей речью. Мне отваги хватит,
Чтоб вместе с вами выйти в мир широкий.

Д о н - Ж у а н
(вскакивает и протягивает Анне руку)
Идемте!

А н н а
Нет. Одной отваги мало.

Д о н - Ж у а н
Что ж держит вас? Ужели этот жемчуг?
Колечко это, может быть?

А н н а
Нисколько!
(Снимает жемчуга с головы, кладет их на скамью.
Снимает с пальца обручальное кольцо и держит его
на протянутой ладони.)

И ваш сюда же положите перстень.

Д о н - Ж у а н
Зачем он вам?

А н н а
Не бойтесь, не надену.
В Гвадалквивир хочу швырнуть всё это,
Когда мы будем мост переезжать!

Д о н - Ж у а н
Нет, перстня я отдать вам не могу.
Просите, что хотите. . .

А н н а
Я не стану
Вас ни о чем просить. Хотелось мне
Проверить лишь на деле, есть ли в мире
Хотя б один свободный человек,
Иль это только «мавританский стиль»
И жалко вам во имя вашей воли
Пожертвовать несчастным этим перстнем?

Д о н - Ж у а н
Всю жизнь мою берите!

А н н а
(снова протягивает руку)

Перстень!

Д о н - Ж у а н

Анна!

Что в перстне этом? Он — не знак любви.

А н н а

А что ж? Кольцо из цепи? Дон-Жуан,
И вам не стыдно в этом признаваться?

Д о н - Ж у а н

Я слово чести дал его носить.

А н н а

Ах, слово чести?

(Встает.)

Что ж, спасибо, сударь, —
Вы мне напомнили об этом слове.

(Надевает снова жемчуга и кольцо и порывается
отойти.)

Д о н - Ж у а н

(падая на колени)

Я умоляю, донна Анна!

А н н а

(возмущенно)

Будет!

Что это за комедия! Вставайте!

(Оборачивается и видит приближающегося
к беседке Командора.)

Прошу вас, дон Гонзаго, проводите
Меня на галерею.

К о м а н д о р

Донна Анна,

Скажите имя этого сеньора.

А н н а

Жених Долорес, вот кто этот рыцарь,
Иначе он не смеет называться.

Д о н - Ж у а н

Но у меня есть имя — Дон-Жуан.
Испании знакомо это имя!

К о м а н д о р

Вы — тот преступник, королем лишенный
Дворянских прав и чести? Как вы смели
Сюда явиться, в честный дом?

Д о н - Ж у а н

Права

Король дает, король и отнимает.
А честь моя со мной, как эта шпага.
Ее никто и никогда не сломит!
Быть может, вы испробовать хотите?

*(Вырывает шпагу из ножен и становится в позу,
готовый к поединку.)*

К о м а н д о р

(складывает руки накрест)

С изгнанником встречаться в поединке
Не к чести командору короля.

*(Берет Анну под руку и, повернувшись спиной
к Дон-Жуану, уходит.)*

Дон-Жуан бросается вслед за Командором и хочет проткнуть его
шпагой. Из кустов появляется «Черное домино», хватаят Дон-
Жуана за руку обеими руками.

Ч е р н о е д о м и н о

(не меняя голоса, так что можно узнать голос Долорес)

Неблагородно сзади нападать.

Анна оглядывается. Дон-Жуан и Долорес убегают за ворота.

К о м а н д о р

Не оборачивайтесь!

А н н а

Их уж нет.

Командор
(выпускает руку Анны и меняет спокойный тон на грозный)

Как он сюда пробрался, донна Анна?

Анна
Я вам сказала: он жених Долорес.

Командор
Зачем же было падать на колени?

Анна
Кому?

Командор
Ему, конечно, перед вами!

Анна
Но ведь не мне? К чему же ваш вопрос?

Командор
И вы могли позволить. . .

Анна
Боже правый!
Ну кто на это просит разрешенья?
Быть может, ваш кастильский этикет
Приказывает спрашивать у дамы:
«Позвольте опуститься на колени».
У нас за это просто осмеяли б.

Командор
Как любите вы надо всем смеяться!

Анна
Но смилуйтесь! Когда б я всякий раз,
Отказывая, проливала слезы,
То я б давно проплакала глаза!
Ужели вам бы этого хотелось?
Вам странно то, что я за ним вослед
Не протираю рук, не плачу горько,
Не каюсь перед вами на коленях

В любви преступной, налетевшей бурей
На сердце беззащитное мое?
Была бы я Изольдой из романа,
Да что-то нет сегодня настроенья,
Хотела б я в фанданго закружиться.
О, там уже играют! Ла-ла-ла...
Пойдемте, дон Гонзаго, я помчусь,
Как белая волна, в певучем танце,
А вы спокойно стойте, точно камень,
Который знает: танец своевольный
Волна окончит у его подножья.

Командор ведет Анну под руку наверх, туда, где танцуют.

3

Пещера на берегу моря вблизи Кадикса. Дон-Жуан сидит на камне и точит свою шпагу. Рядом стоит Сганарель.

Сганарель

И что вы точите всё эту шпагу?

Дон-Жуан

Привычка.

Сганарель

Вы теперь на поединки
Уже ведь не выходите.

Дон-Жуан

Да не с кем.

Сганарель

Людей не стало, что ли?

Дон-Жуан

Есть, да только
Не стоят этой шпаги.

Сганарель

Может, шпага
Кого не стоит?

Дон - Жуан
(грозно)
Помолчи!

Сганарель

Простите
Бесмысленную шутку. Сам не знаю,
Откуда эта дурь во мне берется.
Как будто кто толкает!

Дон - Жуан

Не мешай!

Сганарель, усмехнувшись, отходит в сторону. Дон-Жуан продолжает точить шпагу.

Ах, лезвие зазубрилось! Проклятье!

(Отбрасывает шпагу.)

Сганарель

(бегом возвращается, шепотом)
Сеньор, бежим скорее!

Дон - Жуан

Что случилось?

Сганарель

Открыли нас. Поблизости, я видел,
Монах какой-то бродит.

Дон - Жуан

Что ж такого?

Сганарель

Наверно, инквизиции шпион
Или палач с отравленным стилетом.

Дон - Жуан

Шпионов не боюсь, я к ним привык,
А шпага у меня длинней стилета.
Веди его на краткую беседу,
Скажи ему, что исповеди просит
Великий грешник Дон-Жуан.

Сганарель

Отлично.

Вы не дитя, а я при вас не нянька.

Выходит и сразу же возвращается, ведя за собой монаха невысокого роста, стройного, в одежде «невидимок», с черным капюшном, закрывающим всё лицо, с прорезанными отверстиями для глаз.

Дон-Жуан

(встает навстречу со шпагой в руке)

Отец мой, или, может, лучше, брат мой,
Скажи мне, чем обязан я такому
Святому посещению?

Монах делает рукой знак в сторону Сганареля.

(Сганарелю.)

Ступай.

(Видя, что тот медлит, говорит ему шепотом.)

Монах-то с женской ручкой!

Сганарель

Ну их всех!

(Махнув рукой, выходит.)

Дон-Жуан кладет шпагу на камень. Монах откидывает капюшон, открывается лицо Долорес.

Дон-Жуан

Долорес?! Вы? Опять в пещере этой...

Долорес

Я снова здесь, чтоб снова вас спасти.

Дон-Жуан

Меня спасти? Но кто же вам сказал
О том, что я в спасении нуждаюсь?

Долорес

Сама я знала это.

Дон-Жуан

Я не болен.

Как видите, силен, свободен, весел.

Долорес

Вам хочется, чтобы казалось так.

Дон-Жуан

*(на миг задумывается, но тотчас резким движением
вскидывает голову)*

Я вижу, сеньорита, вас одежда
В монашеские ввергла настроенья.
Но вам в грехах моих я не покаюсь.
Мои грехи не для ушей девичьих.

Долорес молча вынимает два пергаментных свитка и протягивает их
Дон-Жуану.

Простите, сеньорита. Не хотел я
Обидеть вас. Мне было б это горько.
А это что такое?

Долорес

Прочитайте.

Дон-Жуан

(быстро разворачивая пергаменты)
Здесь булла папы... Короля декрет.
Прощаются мне все мои проступки
И все грехи... Но почему? Откуда
Бумаги эти взяли вы, Долорес?

Долорес

(потупив глаза)

Вы не догадываетесь?

Дон-Жуан

Долорес!

Я понимаю. Снова перед вами
В долгу великом я. Но вам известно,
Что я привык платить свои долги.

Долорес

А я сюда пришла не за долгами.

Дон-Жуан

Я верю вам. Но я-то не банкрот.
Я вам в залог вручил когда-то перстень,
Теперь готов я выплатить весь долг.

Уж не изгнанник я, а гранд испанский,
И не должно быть стыдно вам, Долорес,
Стать под венец со мной.

Долорес
(стонет)

О боже правый!
Я думала, что может так случиться...
Зачем должна я схоронить навеки
Последнюю мечту...

(Голос ее прерывается спазмой долго сдерживаемых рыданий.)

Дон - Жуан

Я оскорбил вас?
Но чем, Долорес?

Долорес

Вы не догадались?
Вы думаете, если гранд испанский
Осиротевшей дочери гидальго,
Как будто нищей кошелек с деньгами,
Швыряет обручальное кольцо,
То девушка должна запеть от счастья,
Не захлебнуться горечью?

Дон - Жуан

Долорес,
И вы меня обязаны понять,
Ни пред одною женщиной на свете
Не виноват я от рожденья.

Долорес

Правда?
Пред женщинами вы не виноваты
Совсем ни в чем?

Дон - Жуан

Ни в чем не виноват.
Я каждый раз давал им очень много!
Порыв, мечту и счастья краткий миг.
С них этого хватало. А иным
И этого казалось слишком много.

Долорес

А вы-то сами большего хотели?

Пауза.

На этот раз платить вам не придется.
Назад возьмите золотой залог.

(Хочет снять перстень с правой руки.)

Дон - Жуан

(задерживает ее руку)

Но это ваше по святому праву.

Долорес

Нет. Я сама отныне не своя.
И видимое тело не мое.
Душа, что в этом теле, — только дым
Зажженной мною жертвенной лампы,
Которая горит за вашу душу
Пред богом. . .

Дон - Жуан

Ничего не понимаю!

У вас глаза сейчас такими стали,
Как у заколотой, кровавой жертвы. . .
Откуда эта булла и декрет?
Как вы добыли их? Я умоляю,
Скажите мне!

Долорес

Зачем вам это знать?

Дон - Жуан

Быть может, я решу от них отречься.

Долорес

Отречься вы не можете, я знаю.
А как они добыты? Не впервые
Для вас погубит женщина себя.
Хоть это было бы в последний раз!

Дон-Жуан

Скажите мне, не то я буду думать,
Что их позорным способом добыли,
Затем что честного скрывать не надо.

Долорес

«Позорный»... «честный»... Как теперь далёко
Всё это от меня... Ну что ж, скажу:
Я за бумаги заплатила телом.

Дон-Жуан

Что?!

Долорес

Больше не могу я объяснять.
Вы знаете обычаи двора,
Велят за всё платить, когда не златом,
Так...

Дон-Жуан

Боже мой! Как страшно мне, Долорес!

Долорес

Вам страшно, Дон-Жуан? Не ожидала.

Дон-Жуан

А вам не страшно?

Долорес

Мне ничто не страшно.
Зачем мне беспокоиться о теле,
Когда не побоялась я и душу
Свою отдать, чтоб заплатить за буллу?

Дон-Жуан

Но кто ж душою платит?!

Долорес

Те, кто любят
Душою чистой. Я горда, Жуан,
Что я душою выкупаю душу.
Не каждой женщине такое счастье!

Святой отец освобождает вас
От адских кар за то, что я решилась
Окончить жизнь в суровом покаянье
За ваши все грехи. В монастыре
Я по жестокому уставу буду
Простой монахиней. Обет я дам
Молчанья, бичеванья и поста.
Должна я отказаться от всего...
От самых дорогих воспоминаний
И от мечты... Вы слышите, Жуан?
Я о душе лишь вашей помнить буду,
Забуду о своей. Моя душа
Пойдет за вас на вечное страданье.
Прощайте.

Дон-Жуан стоит молча, потрясенный, подавленный. Долорес делает шаг к выходу, но сразу останавливается.

Нет! Еще последний раз
Я загляну в глаза его! Отныне
Уж больше мне они светить не будут
В могильной тьме того, что будет зваться
Моею жизнью... Вот вам ваш портрет.

(Срывает с себя медальон и кладет его на камень.)

Должна я помнить только вашу душу
И больше ничего...

Дон - Жуан

А если б я
Сейчас сказал вам, что одно мгновенье
Земного счастья с вами для меня
Дороже рая вечного без вас?

Долорес

(в экстазе, как мученица во время пытки)

Я не прошу меня не искушать!
Полуобман!.. Когда б он мог до края
Наполнить недоверчивое сердце!
Святая дева, дай мне принести
И эту жертву за него!.. Жуан,
О, говорите мне слова любви,

Твердите мне слова любви! Не бойтесь,
Я не поверю в них! .. О Дон-Жуан,
Возьмите перстень ваш.

*(Снимает и протягивает Дон-Жуану перстень, но рука
бессильно опускается, и перстень падает наземь.)*

Дон - Жуан

(поднимает перстень и надевает снова на руку Долорес)

Нет, никогда

Я не возьму. Носите вы его
Или мадонне дайте. Как хотите.
На этот перстень можно в покаянье
Глядеть монахине. Он не пробудит
В ее душе воспоминаний грешных.

Долорес

(тихо)

Да, это так.

Дон - Жуан

А вашего вовеки

Я не отдам.

Долорес

Зачем он вам, Жуан?

Дон - Жуан

Есть у души желанья и привычки,
Как, впрочем, и у тела. Я б хотел, Долорес,
Чтоб вы могли меня понять сейчас.

Долорес

Пора уж мне идти... Я вас прощаю
За всё, что вы...

Дон - Жуан

За что? Не омрачайте
Воспоминания об этом миге!
За что меня прощать? Теперь я вижу,
Что я ни в чем не виноват пред вами.
С моею помощью достигли вы
Высокой и пречистой благодати!

Ужель меня прощать за это надо?
О нет, наверно, вы ошиблись в слове?
Могло ли ваше ласковое сердце
Родить такое слово? Не нужны вам
Слова такие. Вы отныне выше
И чести и позора. Так, Долорес?

Долорес

Мне кажется, что больше слов не нужно.

(Хочет идти.)

Дон - Жуан

Еще одно мгновенье... Вы в Мадриде
Проведали сеньору де Мендоза?

Долорес

(останавливается)

Вы... спрашиваете меня о ней?

Пауза.

Дон - Жуан

По-моему, вам рано в монастырь.

Долорес

(превозмогая себя)

Я видела ее.

Дон - Жуан

Как ей живется?

Долорес

Я, кажется, счастливее ее.

Дон - Жуан

Меня она уже забыла?

Долорес

Нет.

Дон - Жуан

Почем вы знаете?

Долорес
Я сердцем чую.

Дон - Жуан
Что ж, это всё, что мне хотелось знать.

Долорес
Я ухожу.

Дон - Жуан
Вы даже не спросили,
Зачем мне это нужно.

Долорес
Не спросила.

Дон - Жуан
И вам не тяжело?

Долорес
Легкого пути
Я не искала никогда. Прощайте.

Дон - Жуан
Прощайте. Я всегда вам буду верен.

Долорес поспешно опускает капюшон и, не оглядываясь, выходит из пещеры. Входит Сганарель и с укором глядит на Дон-Жуана.

Дон - Жуан
(скорее самому себе, чем слуге)
Чудеснейшую выковал я душу!

Сганарель
Свою небось?

Дон - Жуан
Вопрос ты задал едкий
Без умысла.

Сганарель
Вы думаете, сударь?

Дон - Жуан
А ты что думаешь?

Сганарель
Что я видал вас,
Случалось, с молотом и наковальней,
Но кузнецом не видел вас ни разу.

Дон - Жуан
Еще увидишь.

Сганарель
Поздно!

Дон - Жуан
Почему?

Сганарель
Судьба сеньора в монастырь ушла.

Дон - Жуан
Так ты подслушивал?

Сганарель
А вы не знали?
Кто держит слуг, тот должен бы привыкнуть,
Что он живет свой век в исповедальне.

Дон - Жуан
Но чтобы так бесстыдно признаваться!..

Сганарель
...То надо быть слугою Дон-Жуана,
Ведь ваша искренность, сеньор, известна.

Дон - Жуан
Ну, замолчи!.. То тень моя ушла,
А не судьба. Судьба моя в Мадриде.
Седлай коня! Мы полстим за нею!

Сганарель уходит. Дон-Жуан берет в руку шпагу и, усмехаясь, про-
водит ладонью по лезвию, пробуя, насколько оно отточено.

Дом Командора в Мадриде. Спальня донны Анны — большая, пышно, но в темных тонах убранная комната. Высокие узкие окна с балконами доходят почти до полу. Жалюзи на них спущены. Донна Анна в сером с черным полутраурном платье сидит у столика, перед открытой шкатулкой, перебирая драгоценности и примеряя их перед зеркалом.

Командор

(входя)

Куда вы собираетесь?

Анна

На завтра

К наряду выбираю ожерелье.

Хочу пойти взглянуть на бой быков.

Командор

Как, в полутрауре?

Анна

(с досадой отодвигая шкатулку)

Ах, этот траур!

Когда ему конец?!

Командор

(спокойно)

Еще дней восемь.

По дяде траур тянется недолго.

Анна

Но любопытнее всего, что я-то

Его ни разу даже не видала.

Командор

О, это безразлично! Вы отныне

Принадлежите к дому де Мендоза,

И всех усопших родственников память

Должны вы чтить.

Анна

Пошли им долгой жизни,

Великий бог! Теперь по дяде траур,

А раньше был по тете, перед ней же —

Не ошибиться бы! — мы чтим память
Какого-то троюродного, что ли,
Не то четверюродного брата. . .

Командор

Но на кого вы сердитесь?

Анна

Я только

Припомнить захотела, сколько дней
Я не носила траура по ком-то
С тех пор, как вышла замуж.

Командор

Целый месяц!

Анна

(с иронией)

Ах, целый месяц? Это много, правда?

Командор

Не понимаю я досады вашей.
Ужели вы для праздного веселья
Готовы пренебречь так беззаботно
Старинными обычаями?

Анна

(встает)

Что вы?

Когда обычай я нарушала?
Что сделала позорного? Скажите!

Командор

Но о позорном речи быть не может,
Поскольку самый крошечный проступок —
Уже ступенька в пропасть. Не забудьте,
Что мне достался командорский плащ
Не просьбами, не силой, не деньгами,
А только честностью. В роду Мендоза
Все доблестные рыцари без страха,
Все дамы без упрека. Допустимо ль,
Чтоб были вы осуждены толпою,
Когда вы завтра. . .

А н н а
(раздраженно)

Не пойду. Довольно!
Запрусь вот здесь и за порог не выйду.

К о м а н д о р
Но почему же нужно запираяться?
Мы с вами завтра вместе выйдем в церковь.

А н н а
Но я совсем не собиралась в церковь!

К о м а н д о р
Однако мы обязаны пойти.
Там проповедь читает брат Иньиго.

А н н а
Но он скучнейший в мире проповедник!

К о м а н д о р
Согласен с вами я, но королеве
Он нравится, и потому-то ходит
Весь двор туда, а если из грандесс
Лишь вас одной не будет, все заметят.

Анна тихо вздыхает. Командор вынимает из кармана молитвенные
четки из дымчатого хрусталя.

Я к полутрауру купил вам четки,
А позже закажу из аметистов.

А н н а
(берет четки)

Спасибо, но зачем...

К о м а н д о р
Затем что надо
Вам пышностью всех дам превосходить.
Я вас прошу, когда придем мы в церковь,
Не позволяйте донне Консепсьон
Сесть рядом с королевой. Это место
Принадлежит лишь вам. Прошу вас помнить,

Что наше место первое повсюду
И нас никто не может заменить, —
Да будет в том порукой честь Мендоза
И ордена священный чистый стяг.
Когда не только донна Консепсьон,
Забуть захочет это королева,
То я немедленно покину двор,
Все рыцари мои пойдут за мною;
И пусть его величество король
Тогда корону держит хоть руками,
Чтоб не слетела. Верьте, я сумею
Хранить отважно рыцарское право,
Но нужно, чтобы рыцари мои
Во всем и всюду были безупречны.
И потому должны мы соблюдать
Не только предписанья нашей чести,
Но всякое веленье этикета,
Хоть вам оно и кажется порой
Назойливым, бессмысленным и лишним...

А н н а

Терпение святое!

К о м а н д о р

Это верно,
Поможет лишь терпение святое
Тому, кто хочет устоять на гребне
Высоких прав и трудных обязательств.
Права без обязательств — произвол.

Анна снова вздыхает.

Вздыхаете? Что ж, было вам известно,
Какие вас обязанности ждут.
Сознательно судьбу вы избирали,
Раскаиванье пришло к вам слишком поздно.

А н н а
(гордо)

Раскаиваться я не собираюсь.
Я отдаю вам должное. Вы правы.
Мои причуды — это так, пустое...

К о м а н д о р

Вот это речь, достойная грандессы!
Теперь я узнаю свою супругу.
Какой-то миг я был в вас не уверен,
И так тогда мне стало одиноко,
И показалась трудною борьба,
Борьба за то, что нас должно поставить
Ступенью выше.

А н н а

(оживляясь)

Но ступенью выше
Лишь трон один!

К о м а н д о р

Да, только трон.

Пауза.

Давно бы
Я вам поведал план свой, если б видел,
Что вы живете тем же, чем и я.

А н н а

Вы этого не видели?

К о м а н д о р

Я каюсь.

Отныне ж верю: каждый шаг мы вместе.
Поймите, высочайшая вершина
Увенчана достойно лишь тогда,
Когда совет на ней гнездо орлица.

А н н а

Орлица?

К о м а н д о р

Да. Одна орлица может
На самом остром, самом гладком пике
Надежное гнездо себе построить
И жить в гнезде том, не боясь ни жажды,
Ни солнечных лучей, ни грозных молний,
За это ей наградой — высота...

А н н а
(подхватывая)

...В кристально чистом воздухе нагорном,
Где нет влекущих запахов долин!
Не так ли?

К о м а н д о р
Так.

Анна подает руку, он крепко пожимает ее.

Спокойной ночи, Анна.

А н н а
Вы из дому идете?
К о м а н д о р
На совет
Капитула. Спокойной ночи, Анна.
(Выходит.)

Анна сидит задумавшись. Входит горничная Мариквита.

А н н а
Ты, Мариквита? Где моя дуэнья?

М а р и к в и т а
Она себя почувствовала худо
И прилегла. Когда велит сеньора,
Я тотчас позову ее.

А н н а
Не надо,
Пусть отдыхает. Заплети мне косы
И уходи.

М а р и к в и т а
(заплетает Анне косы)
Сеньора, я хотела
Вам кое-что сказать. Я дожидалась,
Пока сеньор отправится...

А н н а
Напрасно.
Нет у меня секретов от супруга.

М а р и к в и т а

Я знаю это. Вы, моя сеньора,
Совсем святая! Так я и сказала
Тому слуге, когда брала цветы.

А н н а

Какой слуга? Что за цветы?

М а р и к в и т а

Под вечер

Один слуга принес цветы граната
Сеньоре от кого-то.

А н н а

(гневно)

Быть не может!

Цветы граната, говоришь ты? Мне?

М а р и к в и т а

Не знаю... Он сказал... Оно, пожалуй,
Немножко дерзко. Ведь цветы граната —
Знак страсти. Но зачем я поясняю!
Ведь это всем известно.

А н н а

Мариквита,

Я знать должна, кто оскорбил меня!

М а р и к в и т а

Он не назвал себя. Он лишь сказал,
Цветы мне отдавая: «Донне Анне
От мавра верного».

Анна вскрикивает.

Сеньора знает,

Кто их прислал?

А н н а

(растерянно)

Не надо мне цветов...

М а р и к в и т а

Я принесу, хоть взглянете.

А н н а

Не надо!

Мариквита, не слушая, выбегает и тотчас же возвращается с гроздью гранатовых цветов.

(Отталкивая цветы рукой и отворачиваясь.)

Прочь выбрось их!

М а р и к в и т а

Я б их себе взяла,

Когда они сеньоре не угодны...

Я так люблю цветы...

А н н а

Возьми, конечно...

М а р и к в и т а

Вот завтра и цветами уберусь.

А н н а

Ступай, ступай!

М а р и к в и т а

Не отворить ли окна?

Здесь душно!

А н н а

(задумчиво, безразлично)

Отвори.

М а р и к в и т а

(отворяя)

И жалюзи?

А н н а

Нет, будет видно с улицы.

М а р и к в и т а

(отворяя жалюзи)

Ну где там!

Теперь на улицах совсем безлюдно.

Тут не Севилья! Ах, сейчас в Севилье

Все улицы звенят, гремят от песен

И воздух вьется в быстрой мадриленье!

А тут... тут воздух каменный...

А н н а
(*нервно*)

Довольно!

Мариквита, болтая, высовывается из окна и оглядывается по сторонам; неожиданно делает рукой какое-то резкое движение, словно выбрасывая что-то.

(*Заметив это*)

Ты что там, Мариквита?

М а р и к в и т а
(*невинно*)

Ничего.

А н н а
Ты бросила цветок кому-то?

М а р и к в и т а

Что вы?

Я отгоняла муху... Что, сеньоре
Я не нужна уж больше?

А н н а

Нет, ступай.

М а р и к в и т а
(*кланяется, приседая*)
Хороших снов сеньоре!

А н н а

Доброй ночи!

Мариквита вышла, оставив в комнате гранатовый букет. Анна, оглянувшись на дверь, замечает это и, взяв букет дрожащею рукою, с грустью глядит на него.

(*Тихо*)

От мавра верного...

Д о н - Ж у а н бесшумно появляется в окне, ловко спрыгивает в комнату, падает на колени перед Анной и покрывает поцелуями ее платье и руки.

(*Роняя букет, вскрикивает.*)

Вы?!

Д о н - Ж у а н

Я! Ваш рыцарь!

Ваш верный мавр!

А н н а

(опомнившись)

Сеньор, кто вам позволил?..

Д о н - Ж у а н

(устало)

Зачем нам лицемерить, донна Анна?
Ведь я видал, как вы сейчас держали
Цветы мои.

А н н а

О, это я случайно!

Д о н - Ж у а н

Благословляю случаи такие!

(Простирает руки к Анне. Она пытается оттолкнуть их.)

А н н а

Я умоляю вас меня оставить!

Д о н - Ж у а н

Бойтесь вы меня?

А н н а

Я не должна

Вас принимать...

Д о н - Ж у а н

Бессильные слова!

Когда-то я слышал от вас другое!
О Анна, Анна, где же те мечты
Прекрасные?

А н н а

Девические грезы...

Пустая сказка...

Д о н - Ж у а н

Всё на свете сказка:
На кладбище, — вы помните ли, Анна, —
Сквозь смех и слезы родилась та сказка,
В веселом танце расцвела впервые,
А выросла, печальная, в разлуке...

А н н а

Пора уж ей окончиться.

Д о н - Ж у а н

Но как?

Пусть верный рыцарь вызволит принцессу
Из каменной темницы, и возникнет
На смену сказке песня о свободе.

А н н а

(качает головой)

Нельзя ли, чтобы тем кончалась сказка,
Что рыцарь возвращается обратно,
Поняв, что опоздал спасти принцессу?

Д о н - Ж у а н

О нет! Такого в сказке не бывает!
Так может получиться только в жизни,
И то в ничтожной только.

А н н а

Ничего мне

От вас не нужно. Я вас не просила
Спасать меня, жалеть или веселить.
Я ни на что не жалуюсь.

Д о н - Ж у а н

О Анна,

Я разве сам не вижу?

(Нежно)

Эти очи,

Когда-то гордые и огневые,
Теперь надели траур, погасили
Лучистые огни... А эти руки
Когда-то были нежными стеблями, —

Теперь они как из слоновой кости,
Как руки мученицы... Это тело...
Оно волною вольной изгибалось,
Теперь оно — как та кариатида,
Что вечно держит каменную тяжесть.

(Берет ее за руку.)

Любимая, стряхни же эту тяжесть!
Разбей холодный камень!

А н н а

(бессильно)

Не могу...

О, этот камень... он не только давит,
Он душу каменит... всего страшнее...

Д о н - Ж у а н

Нет, это только страшный сон под камнем!
Я разбуджу тебя своей любовью!

*(Жадно обнимает Анну, она склоняет голову к нему
на плечо и рыдает.)*

Ты плачешь? Эти слезы просят мести!

Слышно, как издали звенит ключ в замке, потом на лестнице слышны тяжелые и уверенные шаги Командора.

А н н а

Шаги Гонзаго! Дон-Жуан, бегите!

Д о н - Ж у а н

Бежать? О нет! Теперь, когда могу я
Ему уже не уступать дороги...

К о м а н д о р

(входит и видит Дон-Жуана)

Вы? Здесь?

Д о н - Ж у а н

Я здесь, почтенный командор!

Пришел благодарить вас за любезность,
Оказанную мне когда-то. Ныне
Я ровня вам. Известно ли вам это?

Командор молча обнажает свою шпагу, Дон-Жуан — свою, и оба вступают в поединок. Донна Анна вскрикивает.

Командор
(оглядываясь на нее)

Приказываю вам молчать!

В эту минуту Дон-Жуан вонзает шпагу ему в шею. Командор падает мертвым.

Дон-Жуан

Конец!

(Вытирает свою шпагу краем плаща Командора.)

Анна

(бросается к Дон-Жуану)

Что сделали вы?

Дон-Жуан

Только победил
Противника на честном поединке.

Анна

Но это не признают поединком.
Вы понесете кару за убийство.

Дон-Жуан

Мне это, право, всё равно.

Анна

Но мне
Не всё равно, чтоб люди называли
Меня двойной вдовою — и по мужу
И по любовнику.

Дон-Жуан

Но мы ведь с вами
Любовниками не были.

Анна

И это
Известно только *нам*. А кто поверит?
Я не хочу с позорною печатью
Изменницы нечестной и коварной
В гнезде осином этом оставаться.

Дон-Жуан

Бежим отсюда!

А н н а

Вы с ума сошли!

Нести с собой в дорогу тяжкий камень?
Уйдите от меня, иначе криком
Я созову людей и всем скажу,
Что вы меня хотели обесчестить,
Предательски убивши командора,
Сеньора де Мендоза.

Д о н - Ж у а н

Донна Анна,

Ужель вы это скажете?

А н н а

(твердо)

Скажу.

Д о н - Ж у а н

А если я скажу, что вы моя
Любовница, что вместе мы убили?

А н н а

Так не по-рыцарски?!

Д о н - Ж у а н

А вы, сеньора?

А вы иначе поступить хотите?

А н н а

Я только защищаюсь. Если вы
Оставьте мой дом сию минуту,
То я скажу, и все тому поверят,
Что ночью к нам разбойники проникли.

Дон-Жуан стоит в нерешительности.

Ну, что еще? Вам не о чем и думать!

Дон-Жуан молча удаляется через окно. Анна несколько минут глядит в окно, ожидая, пока он отдалится от дома. Потом хватается драгоценности из шкатулки, выбрасывает их в окно и начинает отчаянно кричать.

А н н а

Разбой! Грабеж! Сюда! Спасите! Люди!

На ее крик сбегаются люди. Она падает как бы без чувств.

Кладбище в Мадриде. Памятники преимущественно из темного камня, строгий стиль. В стороне гранитная часовня старинной архитектуры. Ни цветов, ни растений. Холодный сухой зимний день. *Д о н н а* Анна в глубоком трауре медленно проходит аллеей, неся в руках серебряный надгробный венок. За ней идет старая *д у э н ь я*. Обе подходят к могиле, на которой возвышается памятник Командору — большая статуя с командорским жезлом в правой руке, опирающаяся левой рукой на меч с развернутым над рукоятью меча свитком. Анна молча опускается на колени перед могилой, кладет венок к подножью статуи; перебирая четки, шевелит губами.

Д у э н ь я

(дождавшись, пока Анна перебрала все четки)

Осмеливаюсь я просить сеньору
Позволить мне уйти лишь на минуту.
Здесь рядом, у ворот, живут родные.
Я только попрошу у них перчатки.
Свои я, как на грех, забыла дома,
А холод лютый.

А н н а

Это непристойно,
Чтоб я осталась здесь совсем одна.

Д у э н ь я

Прошу прощенья, добрая сеньора.
Ведь я стара, страдаю ревматизмом.
Сеньора видит, как опухли руки,
От боли не спала я этой ночью.

А н н а

(взглянув на протянутые руки дуэньи)
Опухли, верно. Что ж, тогда ступайте,
Но только возвращайтесь поскорее.

Д у э н ь я

Моя сеньора — ангел милосердья!

(Уходит.)

Как только дуэнья ушла, из-за ближайшего памятника появляется
Д о н - Ж у а н, Анна вскакивает.

Д о н - Ж у а н

О, наконец я вижу вас!

А н н а

Сеньор!

Так это вы дуэнью подкупили?

Д о н - Ж у а н

О нет, я только улучил минуту.
Но если б даже это было правдой,
То в этом виноваты только вы.

А н н а

Я? Почему?

Д о н - Ж у а н

Но кто еще другой
Виновен в том, что я брожу часами
По кладбищу и поджидаю вас?
И лишь затем, чтоб издали увидеть,
Как вы здесь под охраною дуэньи
Читаете притворные молитвы
Над гробом «незабвенного»...

А н н а

(останавливает его движением руки)

Молчите!

Во-первых, вас никто не заставляет,
А во-вторых, честны мои молитвы,
Затем что я, хотя и против воли,
Была причиной смерти человека,
Что так любил и чтил меня.

Д о н - Ж у а н

Сеньора,

Безмерно велики успехи ваши.

А н н а

В чем?

Д о н - Ж у а н

В лицемерии.

А н н а

Я не желаю

Выслушивать всё это!

(Хочет уйти.)

Дон - Жуан
(удерживает ее за руку)
Донна Анна!

Я не пушу вас!

Анна
Что ж, мне звать на помощь?!

Дон - Жуан
(выпускает ее руку)
Я умоляю выслушать меня.

Анна
Согласна я, но вы, сеньор, оставьте
Язвительность. И говорите кратко.
Я не хочу, чтоб кто-нибудь увидел
Нас тут вдвоем.

Дон - Жуан
Не понимаю, Анна,
Зачем носить вам цепи добровольно?
Я думал — наконец разбился камень,
Исчезла тяжесть, ожил человек!
Но нет, непроницаемей и тверже
Покров из камня, замку в час осады
Подобен дом ваш. Двери на замках,
На окнах жалюзи не пропускают
Ни взгляда, ни луча. И даже слуги
Мрачны, суровы, неподкупны...

Анна
Значит,
Уж вы пытались подкупать их?

Дон - Жуан
Анна,
Есть у отчаянья свои права!
Ведь, приходя к вам честно, слышишь
только:
«Сеньора никого не принимает».

Анна
Ну посудите сами: разве можно
Вдове недавней в трауре глубоком

С таким беспутным рыцарем, как вы,
Наедине встречаться?

Дон - Жуан

Вы ли это?

Мне кажется, что я теряю разум!
Черты всё те же, и осанка та же...
Но вот слова... Кто научил вас им?
Кто подменил вам душу?

Анна

Дон-Жуан,

Моя душа ничуть не изменилась.
Моя душа была с рожденья гордой,
Такой же и осталась. Потому-то
Живу я как в твердыне неприступной,
Чтоб никогда никто не смел сказать:
«Обрадовалась вдовушка, как видно!»
Ужели сами вы стерпели б это?

Дон - Жуан

Но у меня есть шпага, донна Анна!

Анна

Так что ж — вы обезлюдите Мадрид?
Не уничтожить вам свою шпагой
Косые взгляды, шепоток, усмешки,
Намеки, пожимания плечами,
Что следовали всюду бы за мной.

Дон - Жуан

Бежим отсюда!

Анна

Ха-ха-ха!

Дон - Жуан

Смеетесь?!

Анна

Когда б не засмеялась, то зевнула б.
Вам было бы приятнее?

Д о н - Ж у а н
Сеньора!

А н н а
Я в третий раз выслушиваю это.
Уж, право, надоело мне.

Д о н - Ж у а н
Я вижу.
Вы сами камень, без души, без сердца.

А н н а
Но не без разума — вы признаете?

Д о н - Ж у а н
Я это признаю.

А н н а
Зачем, скажите,
Нам убегать теперь? Какой в том смысл?
Когда невинных дев вы обольщали
И крали мужних жен, вам приходилось
Скрываться с ними, убегать от света.
А кто изгнанник, тот всегда беглец.
Но самого себя послать в изгнание,
И для чего? Чтобы связать судьбу
С вдовою независимой? Нелепость!
И чем была б я вам, когда пошла бы
Сейчас вослед за вами? Верно, только
Короткою забавой.

Д о н - Ж у а н
Донна Анна,
Я никого так не любил, как вас!
Всегда вы были для меня святыней.

А н н а
Зачем же вы всё время порывались
Свою святыню свергнуть с пьедестала?

Д о н - Ж у а н
Но мне она была нужна живая.
Не мертвая, не каменная!

А н н а

Камень

Необходим для тех, кто хочет строить
Свою судьбу и счастье.

Д о н - Ж у а н

Неужели

Доныне верить в каменное счастье
Вы продолжаете? Но я-то видел,
Как задохались вы под этим камнем!
Но я-то слышал, как рыдали вы,
Мне на плечо склонясь! За эти слезы
Он жизнью заплатил.

(Указывает на статую.)

А н н а

Не провинившись.

Д о н - Ж у а н

(отступает от нее, пораженный)

Ну, если так. . .

А н н а

Не он виновен был

В моей неволе. Он страшнее тяжесть
Носил всю жизнь.

Д о н - Ж у а н

По собственной охоте.

А н н а

И я пошла по собственной охоте
На этот брак. Но он меня любил
И потому без ропота сносил
Свою судьбу. Большое это счастье
Поставить пред собою на вершине
Того, кого ты любишь.

Д о н - Ж у а н

Ах, вершины. . .

Вы знаете мои об этом мысли.

А н н а

Что стоят мысли перед светом счастья?
Ну разве мне страшна была б неволя
За каменной стеною этикета,
Когда б я знала, что в моей твердыне
Меня любимый ждет? Что все замки
И жалюзи на окнах лишь скрывают
От праздных глаз святилище мое...

Д о н - Ж у а н

Опять, как раскаленное железо,
Вонзаются мне в сердце ваши речи!
Рисуете вы мне картину счастья,
Чтобы опять сказать: «Не для тебя».
Когда и чем я заслужу вас, Анна?
Я из-за вас в стыде каком-то тайном
Считаюсь неприкаянной душою
Среди чужих людей, врагов лукавых.
Живу я жизнью серой и бесцветной,
Бессмысленной! И что вам нужно, Анна?
Иль должен я сложить у ваших ног
Свою так буйно вскормленную волю?
С отчаянья, поверите ли, Анна,
Мне даже это в мысли приходило
Настойчиво.

А н н а

С отчаянья — и только?

Д о н - Ж у а н

Ужели вы хотите между нами
Поставить принужденье? Не бойтесь,
Что победит оно любовь живую,
Дитя свободы?

А н н а

(указывая на статую Командора)

Он сказал однажды:
«Любви глубокой не страшны обеты».

Дон - Жуан

В минуту эту ничего другого
Вы не нашли, одно воспоминанье
О нем?!

Анна

Но что еще мне вам сказать?

Дон - Жуан
(хватая ее за руку)

Нет, так не может дальше продолжаться!
Иначе я клянусь вам, что тотчас же
Я расскажу, что я убил. . .

Анна

Угрозы?

Дон - Жуан

Нет, не угрозы, а предсмертный стон.
Я изнемог под каменную ношей,
И стынет сердце! Не могу я, Анна,
С остывшим сердцем дальше жить. Спасите
Или добейте!

(Стискивает ее руки в своих и весь дрожит, глядя ей в глаза.)

Анна

Стойте. . . я должна
Еще подумать. . .

(Задумывается.)

От стены по аллее медленно идет донна Консепсьон — важная грандесса — с девочкой и дуэньей. Анна их не видит, так как стоит спиной к дсрожке. Дон-Жуан первый замечает идущих и выпускает руки Анны.

Девочка

(подбегает к Анне)

Добрый день, сеньора!

Донна Консепсьон

Сеньора молится. Оставь, Розина.

А н н а
(растерянно)

О донна Консепсьон, дитя! Я рада
Увидеть вас... Такая неприятность...
Моя дуэнья к родичам зашла
И задержалась... А идти домой
По городу одной мне...

Д о н н а К о н с е п с ь о н

Донна Анна,
Ведь с вами рыцарь, он проводит вас.

(Дон-Жуану.)

Приветствую сеньора де Маранья,
Не знала я о том, что вы в родстве,
Обязаны развлечь вы донну Анну,
А то недолго захворать с печали.

(Девочке, убежавшей вперед.)

Розина, подожди!

(Анне.)

Мое почтение!

Дон-Жуан кланяется. Донна Консепсьон едва кивает ему в ответ и проходит дальше за девочкой. Дуэнья, идущая позади нее, несколько раз с любопытством оглядывается на Анну и Дон-Жуана.

А н н а

Ступайте и убейте эту даму.
Но это не конец. Еще немало
Придется потрудиться вашей шпаге.
Что ж, торжествуйте! Вам уж не придется
Спасать меня, карабкаться к вершине.
Сама принцесса упадет с горы!

(В отчаянье хватается за голову.)

Вы, очевидно, одного хотели,
Меня подстерегая из засады:
Чтоб я в своем позоре и бесчестье
Досталась вам как легкая добыча!
Не будет этого!

Дон - Жуан

Клянусь вам, Анна,
Я этого не мог желать, поверьте!
Я презираю легкие победы.
Скажите мне, что я могу исправить?
Готов я сделать всё, что вы велите,
Чтобы не видеть вас в таком смятенье.

Пауза. Анна думает.

Анна

Я завтра созову гостей на ужин.
Вы приходите тоже. Я приму вас.
Прстойнее нам видеться на людях.
И я, быть может... Ах, идет дуэнья!

Дуэнья

(приближаясь)

Моя сеньора...

Анна

Вы не виноваты
В том, что стары для службы.

Дуэнья

(жалобно)

О!..

Анна

Пойдемте.

(Молча кивает головой Дон-Жуану.)

Тот низко кланяется. Анна с дуэньей уходят.

Сганарель

(выходя из часовни)

Могу ли я поздравить господина?
Вы, кажется, приглашены на ужин?
Не рады вы как будто... Это правда...
В том доме ужин... Угостят, пожалуй,
Еще с тарелок этого сеньора...

(Указывает на статую Командора)

Д о н - Ж у а н

Так что ж такого?

С г а н а р е л ь

Ничего такого.

Но если б находился командор
Напротив вас на завтрашней пирушке...

Д о н - Ж у а н

Ты думаешь, я дрогнул бы? Нисколько!
Ведь я уже встречался с ним не раз.

С г а н а р е л ь

До смерти. Но мертвец страшней живого
Душе христианина.

Д о н - Ж у а н

Не моей!

С г а н а р е л ь

Однако вы б его не пригласили
Туда на завтра...

Д о н - Ж у а н

Разве приглашают

Хозяина?

С г а н а р е л ь

Ну, хоть оповещают.

Д о н - Ж у а н

Так что ж, ступай, оповести его.
Ты, видно, стал держаться этикета
С тех пор, как служишь у меня, у гранда,
А не изгнанника.

С г а н а р е л ь

А как сказать?

От имени сеньора?

Д о н - Ж у а н

Ну конечно.

Сганарель

Зачем же мне? Пожалуй, проще вам.

Дон-Жуан

То беспокоился об этикете,
А то внезапно ищешь простоты!
Эх, Сганарель, ты заячьей породы!
Нет, не пошел тебе Мадрид на пользу.

Сганарель

А вам Мадрид ничем не повредил?

Дон-Жуан

Ну, ну, ступай, оповести его!

Сганарель

(делает шаг вперед, но останавливается и оглядывается на Дон-Жуана)

А если я вам принесу ответ?

Дон-Жуан

Еще бы! Я его и дожидаюсь!

Сганарель

(подходит к статуе, низко кланяется и произносит насмешливо, но с дрожью в голосе)

О господин недвижно величавый!
Я вам принес привет от Дон-Жуана,
Сеньора де Маранья из Севильи,
Маркиза де Тенорио и гранда.
Мой господин достиг высокой чести,
Он приглашен в ваш дом сеньорой Анной,
Супругой вашей доброю, на ужин.
Но если это каменному гранду
Хоть в малой мере будет негодно,
Мой господин на ужин не придет.

Дон-Жуан

Ну, это ты напрасно.

Сганарель

Нет, сеньор.

Иначе ни к чему всё это.

(Вскрикивает.)

Судары!

Он отвечает! Даже на бумаге!

Дон-Жуан

Что отвечает?

Сганарель

(читает)

«Приходи, я жду».

Дон-Жуан подходит. Сганарель указывает на свиток пергамента в левой руке статуи.

Дон-Жуан

(после паузы)

Ну что ж, авось и я не без девиза!

Уходят с кладбища.

6

Парадная зала для приемов в доме Командора. Не очень большая, но красиво убранная резными шкафами, буфетами с дорогой посудой, оружием и пр. Посредине длинный стол, накрытый для званого ужина, вокруг стола массивные дубовые стулья. Стол упирается в стену, на которой висит большой портрет Командора с черным крепом на раме. На противоположной стене, над другим концом стола висит длинное узкое зеркало, достигающее до пола. Стул, стоящий на почетном месте, находится напротив портрета, спинкой к зеркалу. Слуги становятся за стульями, готовые прислуживать у стола. Один из слуг распахивает дверь в соседнюю комнату. Донна Анна вводит группу гостей. Гости преимущественно пожилые, важные, надменные. Почти все в темном. Сама Анна в белом платье, отделанном широкой черной каймой.

Анна

Прошу садиться, дорогие гости.

(Самому старшему из гостей, указывая на центральное место.)

Сеньор, вот ваше место.

Старший гость

Нет, сеньора,
Простите, я не сяду. Пусть сегодня
Оно пустует. Будет нам казаться,
Что наш хозяин где-то задержался
И очень скоро должен появиться.
Мы без него тут собрались впервые,
И трудно привыкать к печальной мысли,
Что взгляд его закрыт рукою смерти.

Анна

(садится в конце стола под портретом Командора, против центрального места, оставшегося свободным; подает знак слугам, чтобы начинали обносить гостей, уже занявших свои места)

Мои друзья и гости, угощайтесь,
Бокалы подымайте, пейте, ешьте.
Простите, если плохо занимает
Беседа вдовья. Нелегко вдове
Поддерживать в хозяйстве тот порядок,
Какой приличен рыцарскому дому
Достойному.

Донна Консепсьон

(шепотом своей соседке, более молодой даме)

Как будто бы достойно
Без уваженья, нарушая траур,
Устраивать парадные приемы.

Донна Клара

(соседка донны Консепсьон)

Но донна Анна до сих пор во всем
Вела себя достойно.

Донна Консепсьон

Донна Клара!

Я знаю то, что знаю...

Донна Клара

(бросив на Анну косой взгляд)

Неужели?..

Слуга
(с порога)

Маркиз Тенорио.

Анна
Проси сюда!

Дон-Жуан входит и останавливается у дверей.
(Отвечая ему на поклон, обращается к гостям.)

Позвольте вам представить, господу,
Сеньора де Маранья из Севильи,
Маркиза де Тенорио.

(Дон-Жуану.)

Сеньор,

Прошу садиться.

Дон-Жуан ищет глазами место за столом и садится на центральное место. Увидев против себя портрет Командора, вздрагивает.

(Слуге.)

Дай вина сеньору.

Слуга подносит Дон-Жуану самый большой и лучший кубок.

Первый гость
(сосед Дон-Жуана)

Я узнаю ваш кубок. Надо вспомнить
Того, кто из него недавно пил.

(Протягивает свой кубок к Дон-Жуану.)

Да будет вечно дух его отважный
Витать над этим благородным домом.
Да будет вечной память...

Дон-Жуан
(чокаясь с гостем)

...и покой.

Старая грандесса
(сидящая справа от Анны, шепотом, склоняясь к хозяйке)

Я плохо знаю этих де Маранья.
Не Дон-Жуан ли это?

А н н а

Он зовется
Антонио-Жуан-Луис-Уртадо.

Старая грандесса
Ага, тогда не тот!

Донна Консепсьон
(*услышав этот разговор, иронически улыбаясь, шепчет соседке*)

Как раз тот самый!

Старый гранд
(*своему соседу, молодому гранду*)
Не знаете, чем этот де Маранья
Достойнее других, что так нескромно
На это место сел?

Молодой гранд
(*мрачно*)
Не знаю, право.

Старый гранд
Наверно, тем, что честь его *м о л о ж е*,
А наша уж состарилась.

Молодой гранд
Должно быть.

Донна Консепсьон
(*Дон-Жуану, громко*)
Скажите мне, пожалуйста, сеньор, —
Вчера я расспросить вас не успела, —
Мне не хотелось перебить беседу,
Которую вели вы с донной Анной
Над свежую могилой командора, —
Но все-таки мне интересно знать:
В каком же вы родстве между собою?

Д о н - Ж у а н
Мы с донной Анной не в родстве.

Донна Консепсьон

Ах, так...

Тогда у вас отзывчивое сердце!
И вы верны Священному писанию:
«Скорбящего утешь...»

Анна

(слегка повышенным голосом)

Мои родные!

Позвольте мне сейчас вам пояснить,
Зачем я так внезапно, необычно
На ужин позвала вас...

(Дон-Жуану.)

Ах, простите,
Вы, кажется, сказать хотели что-то?

Дон-Жуан

Прошу вас, продолжайте, донна Анна.

Анна

(рыцарям)

К почтенным родственникам обращаюсь!
Скажите мне, мои родные, прямо,
Бывало ль, что ронять мне приходилось
Честь рода вашего?

Рыцари

О, никогда!

Анна

(дамам)

Но вы-то, дамы, знаете отлично,
Как женщине, живущей в высшем свете,
Защита и совет необходимы.
А где искать защиты и совета
Вдове несчастной, если бог всевышний
Ее не взял в святейшую обитель?
Мой траур — слишком тонкая преграда
Для всех сердец, надменных и недобрых,
Желающих колючим осуждением
Невинную пронзить несправедливо.

Скажите, братья, укажите, сестры,
Где мне искать защиты?

Донна Консепсьон

Было б лучше,
Чтоб не от чего было защищаться!

Дон-Жуан

Еще верней — насмешек не бояться,
Не отдавать себя им на съеденье.

Старейший гость

(пытливо глядя на Дон-Жуана)

О, донна Анна ведь вполне свободна
И может делать всё, что не пятнает
Достоинства семейства де Мендоза.
А если кто-нибудь ей помешает
Держать высоко знамя нашей чести,
Кто б ни был он — пускай запомнит твердо:
В роду Мендоза рыцарей довольно
И шпаги их всегда к услугам дамы.

Дон-Жуан

Так много шпаг не надобно сеньоре,
Пока еще остра моя одна!

(До половины вытаскивает свою шпагу из ножен.)

Старейший гость

(Анне)

Достаточно ль вам только этой шпаги,
Чтоб защититься?

Дон-Жуан

Если мало шпаги,
То я найду защиту и другую.

Старейший гость

(снова Анне)

Он вправе так держаться, Анна?

Анна

Да.

Старейший гость

Мы лишние, сеньоры, в этом доме.

(Встает.)

За ним другие гости.

Маркиз еще, как видите, не выбрал
Удобнейшего средства для защиты.
Наедине он, может быть, решится
Быстрее, чем публично, и решенье
Он сообщит нам не позднее чем завтра,
Иначе сами мы его отыщем.

(Кланяется Анне и выходит.)

Следом за ним удаляются все гости. Донна Анна и Дон-Жуан остаются наедине.

Дон - Жуан

Вот и сомкнулись каменные стены!

(Горько, желчно усмехаясь.)

Нежданно сказка кончилась! И рыцарь
С принцессою в темнице оказались!

Анна

Чем не по сердцу вам такой конец?
Зачем именовать вам этот замок
Темницею, а не гнездом орлиным?
Его сама свила я на утесе,
Преодолев и труд, и страх, и муку,
Привыкла к поднебесной высоте.
Зачем не быть вам тут со мною вместе?
Ужель боится ваш крылатый дух
Скалистых круч и пропастей бездонных?

Дон - Жуан

О нет, боюсь я лишь того, что может
Сгубить свободу.

Анна

Нет у вас свободы,
Ее давно лишила вас Долорес.

Д о н - Ж у а н

Она меня свободы не лишала.
Долорес за меня распяла душу
И умертвила сердце!

А н н а

Для чего же?
Чтоб возвратить вам цепи светской жизни,
Когда-то ненавистные для вас!

Д о н - Ж у а н

О, верно, я б не выдержал их долго,
Когда б не вы. Я б разорвал их снова.
Другого, видно, нет пути к свободе.

А н н а

Кто их на миг наденет добровольно,
Тому они навек вопьются в душу, —
Я это знаю хорошо, поверьте! —
Уже с души стряхнуть их невозможно,
Но можно силой и упорством духа
Их сделать неразрывной цепью власти,
Которая скует весь мир и кинет
Вам под ноги, как жалкую рабыню!
Без власти нет свободы!

Д о н - Ж у а н

Может быть.
Я власть имел над душами людскими.

А н н а

Так вам казалось только. Эти души
Под вашей властью лишь испепелялись
И превращались в прах. И лишь одна
Осталась неразрушенной — моя,
Затем что я равна вам.

Д о н - Ж у а н

Потому-то
Я так стремлюсь вас победить!

А н н а

Напрасно.

Не лучше ли, соединяя силы,
Нам овладеть крутой горою вместе?
С таким трудом я на нее всходила,
А вам довольно только этот перстень
С мизинца снять и мне надеть на палец.

Д о н - Ж у а н

Я должен вам отдать кольцо Долорес?!

А н н а

Должны. Долорес я не убивала,
Тогда как вы убили человека,
Который должен бы лежать меж нами
Порогом страшным, непереходимым.
Но я готова преступить и этот
Крутой порог. Отваги мне достанет.

Д о н - Ж у а н

Меня во многом обвиняли люди,
Но признавали все мои враги
И все друзья мою отвагу.

А н н а

Хватит

Отваги вам, чтоб выбраться отсюда.
Вас не пугают шпаги де Мендоза,
Я это знаю.

Д о н - Ж у а н

Что же будет с вами?

А н н а

Ах, обо мне, сеньор, не беспокойтесь.
Любое горе легче мне, чем помощь
Неискренняя ваша.

Д о н - Ж у а н

Вот мой перстень!

(Срывает перстень с мизинца и протягивает его Анне.)

А н н а

(меняясь с ним перстнями)

А вот и мой. И скоро я вручу вам
Еще один, чтобы печати ставить
На командорских актах.

Д о н - Ж у а н

Что вы!

А н н а

Да,

Добьюсь — и сделаю вас командором.
Избранник мой, должны вы стать высоко
В глазах двора и света. Всем известно,
Что рыцарем бесстрашным были вы
И в горестные времена изгнания,
А уж теперь вы станете примером
Всех рыцарских достоинств. Вам легко!

Д о н - Ж у а н

(обретает речь)

По-вашему, легко мне захлебнуться
В бездонном океане лицемерья,
Каким давно привык я называть
Суровый кодекс рыцарских достоинств?

А н н а

Жуан, Жуан, к чему слова пустые?
Что значит «лицемерие»? Признайтесь,
И вы порой неискренни бывали,
И вам порой случалось лицемерить,
Чтоб обольстить девическую душу.
Откуда же теперь такая строгость?
Иль цель для вас чрезмерно высока?

Д о н - Ж у а н

(в раздумье)

Так мне дается место командора
От мертвого хозяина в наследство? ..
Как это странно. . . рыцарю свободы
Дается в руки каменный таран
Для добыванья городов и замков. . .

А н н а

Но, кажется, в изгнании вы были
Морским пиратом?

Д о н - Ж у а н

Был я принужден...

А н н а

Принуждены? Так где же тут свобода?
Лишь принужденье убивать и грабить,
Чтоб не убили люди или голод.
Свободы я не вижу тут.

Д о н - Ж у а н

Но власть

За мною признаете?

А н н а

Никогда.

Была то лишь «взаимная охота», —
Я помню, как вы это называли, —
А ловчим быть — невелико искусство!
О, вы еще не видывали власти,
Не знаете, что значит обладать
Не парой рук, а тысячею сильных,
Вооруженных рук, готовых к бою,
Умеющих и разрушать, и строить,
И добывать всемирные престолы.

Д о н - Ж у а н

(увлеченный)

О, гордая мечта!

А н н а

(приближаясь, страстно шепча)

Добыть престол!

Да, вы должны в наследство получить
Мечту и эту вместе с командорством!

(Подбегает к шкафу и достает оттуда белый командорский плащ.)

Дон-Жуан вздрагивает, но не может отвести глаз от плаща, увлеченный словами Анны.

(Продолжает.)

Жуан, взгляните! Этот белый плащ —
Одежда командора! Он, как знамя,
Вокруг себя отважных собирает,
Всех тех, кто не боится слез и крови,
Чтобы спаять навеки воедино
Гранит и мрамор, мужество и власть
Для памятника славы!

Д о н - Ж у а н

Донна Анна!

Не женщина вы! Я не знал вас раньше.
И чары ваши больше женских чар!

А н н а

(приближается к Дон-Жуану с плащом в руке)

Наденьте этот плащ.

Д о н - Ж у а н

(хочет взять плащ, но останавливается)

Не надо, Анна.

Мне кровь на нем мерещится еще.

А н н а

Он этот плащ не надевал ни разу.
А если б даже так? А если кровь?
С какой поры вы так бонетесь крови?

Д о н - Ж у а н

Да, это верно. Нечего бояться.
Давайте плащ мне. Я его надену.
Я полностью наследство принимаю.
Теперь хозяин в этом доме — я!

А н н а

О, это вы по-новому сказали!
Я жажду вас скорей таким увидеть,
Каким должны вы сделаться навек.

【Протягивает ему плащ. Дон-Жуан надевает его. Анна снимает со стены и дает ему меч, командорский жезл и шлем с белыми перьями.】

Взгляните, как величественны вы!

Дон-Жуан подходит к зеркалу, вглядывается и вдруг вскрикивает.

Что с вами?

Дон-Жуан
Он!.. его черты!

(Бросает меч и жезл и закрывает лицо руками.)

Анна

Не стыдно ль?!

Что вам привиделось? Взгляните снова.
Да это вы ль, отважный Дон-Жуан?

Дон-Жуан
(со страхом открывает лицо. Смотрит. Сдавленным от сверхъестественного ужаса голосом)

Не я!.. Он... каменный!.. Меня не стало...

(Шатаясь, отскакивает от зеркала в сторону и прижимается к стене, дрожа всем телом.)

В это время в зеркале появляется фигура Командора, такая же, как на памятнике, только без меча и жезла, выступает из рамы, идет тяжелой каменной походкой прямо на Дон-Жуана. Анна бросается между Командором и Дон-Жуаном. Командор левой рукой ставит ее на колени, а правую кладет на сердце Дон-Жуана. Дон-Жуан застывает, пораженный смертельным оцепенением. Донна Анна вскрикивает и падает ниц к ногам Командора.

29 апреля 1912

145. ОРГИЯ

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А н т е й — певец.

Г е р м и о н а — его мать.

Э в ф р о з и н а — его сестра.

Н е р и с с а — его жена.

Х и л о н — его ученик.

Ф е д о н — скульптор.

М е ц е н а т — богатый, знатный римлянин, потомок известного Мecenата.

П р е ф е к т.

П р о к у р а т о р.

Г о с т и на оргии, рабы, рабыни, танцовщицы, мимы, хор панегиристов.

Действие происходит в Коринфе во время римского господства.

1

Садик у дома певца-поэта Антея, небольшой, обнесенный глухими стенами, с калиткой в одной из них; в глубине садика — дом с навесом на четырех столбах и с двумя дверьми: одна ведет в андронит, другая — в гинекей. Гермiona, старуха мать Антея, сидит на пороге гинекея и прядет шерсть. Слышен стук в калитку.

Г е р м и о н а

(не поднимаясь с места)

Кто там стучит?

Г о л о с

(за калиткой)

Хилон Алкмеонид.

Гермиона
(кричит в другие двери)

Антей, к тебе твой ученик пришел!
(Сидит по-прежнему, только ниже спускает покрывало.)

Антей
(молодой, но мужественный, выходит и открывает Хилону калитку)

Сегодня ты, Хилон, явился поздно.
Ученики все разошлись.

Хилон
(совсем молодой человек, говорит заикаясь, с явной неловкостью)

Прости...
Но... я, признаюсь, не пришел учиться...

Антей
(приветливо)

Будь гостем.
(Садится на скамейку под деревом и указывает Хилону место рядом с собой, но тот стоит.)

И садись же.

Хилон
Я по делу...

Антей
Столь неотложному, что сесть не можешь?

Хилон
Да нет, конечно... но прости... я должен
Тебе сказать спасибо за ученье...
Я больше не приду.

Антей
Как так?

Хилон молчит.

А впрочем,
Мне спрашивать об этом не пристало.

Должно быть, я тебе не угодил
Своим ученьем? Что же, не стыдись, —
Мне — не тебе — приходится стыдиться.

Х и л о н
(искренне)

Нет, нет, учитель мой! Ты так не думай,
Свидетель Аполлон, что я ученье
Твое не меньше чту, чем культ мистерий!

А н т е й

Тогда не понимаю. . .

(Перебивает сам себя, ударив ладонью по лбу.)

Догадался!

(Видно, что и ему несколько неловко.)

Хилон, послушай. . . подождать могу я,
Пока окончишь ты мою науку. . .
Да и совсем не брать хотел бы деньги
Я от тебя, когда платить не можешь. . .

Х и л о н

Учитель мой, и ты ведь не богат.

А н т е й

Хилон, тебе скажу я откровенно,
Хоть молод ты еще, чтоб это слышать,
Но трудно мне иначе объяснить. . .
Да, песня, слово, музыка приносят
Мне заработок, но свое искусство
Ценю неизмеримо выше денег.
Я никому еще не дал таланта
И дать не мог — во власти бога это, —
Так если я учу людей простых,
Не тронутых рукою Аполлона,
Я обучить могу их в малой мере:
Перебирать рукой умелой струны
И выражать возможно ярче мысли, —
За это мне они немного платят —
И с ними мы в расчете. Если ж бог
Избранника пошлет мне молодого,

Чтоб я служил ему своим уменьем,
И вижу я, что мертвые те формы,
Которые ему я излагаю,
Воспринятые им, вдруг оживают,
А гений молодой и в старой форме
Бурлит, сверкая самоцветом, точно
Сок виноградный в хрустале старинном, —
Тогда мой труд оплачен. Даже больше,
Я словно чувствую свою вину,
Что не могу ему служить как надо,
Как бы хотел. Теперь ты понимаешь?

Х и л о н

Учитель мой...

(Волнение мешает ему говорить, он низко опускает голову и прикрывает лицо ладонью.)

А н т е й

Когда теперь твой гений
Уж перерос те формы, ту науку,
Которой я владею, что ж, мой мальчик, —
Покинь меня, советую тебе я.
Но только — заклинаю Аполлоном! —
Ученье не бросай. Иди в Афины,
Ты сможешь там найти, наверно, то,
Чего нельзя найти у нас в Коринфе.
А после, школы разные окончив,
Учись еще и знание добывай
Из книг и у людей, повсюду в мире,
Но никогда не говори себе:
«Окончил я ученье».

Х и л о н

Твой совет,
Учитель мой, в меня вливает смелость.
Признаюсь я тебе, что не покину
Ученья, удалившись от тебя,
Ведь я вступаю в школу...

(Снова замолкает.)

А н т е й

А в какую?

Х и л о н

В ту школу, что открыл здесь Меценат.

А н т е й

Латинскую?!

Х и л о н

Да, всё латинским стало...

А н т е й

Как? Я, и ты, и наша речь родная —
Уже латинские?

Х и л о н

Что ж, я ошибся.

Их римскими скорей назвать бы мне.

А н т е й

Когда ты у меня не научился
Ошибки понимать, то в новой школе
Ошибок больше сделаешь *таких*.
И я не знаю, что ты там усвоишь, —
Ошибки лишь. В поэзии латинской,
Мне кажется, тебе ведь я открыл
Всё то, что изучения достойно.
Не верю я, чтоб риторы в той школе
Тебе могли бы новое открыть,
Ведь я их знаю. Думаю, ты мог бы
Их поучить.

Х и л о н

И я уверен тоже,
Что там учителя ни в чем не могут
С тобой сравниться. Всё же я обязан
Пойти туда.

А н т е й

А кто тебя заставил?

Х и л о н

Когда б остался я с тобой, учитель,
Моя судьба с твоей была бы схожа.

А н т е й

А почему тебя пугает это?
Неужто я среди певцов последний?

Х и л о н

Нет, не среди певцов...

А н т е й

Среди людей?

Х и л о н

Я не скажу — последний, только всё же
Ты в обществе не занимаешь места,
Которого достоин по таланту.

А н т е й

А ты чего добиться в жизни хочешь,
Когда окончишь школу Мецената?

Х и л о н

Могу я ритором стать в этой школе,
А позже в академии, пожалуй.
А то поеду в Рим. Там хорошо
Живут воспитанники Мецената,
Ведь род его ту силу сохраняет,
Которой Августом был наделен.
Но и теперь, пока еще учусь я,
Вступить могу я в хор панегиристов
На службу к Меценату.

А н т е й

(возмущенно)

Ты? Ты вступишь
В тот хор панегиристов, в эту свору
Врагов искусства жалких и продажных?
О, лучше б ты навеки онемел,
Лишился рук, оглох, чем пасть так низко!..
И это был мой лучший ученик!..

Пауза.

Хилон

Прими ж, учитель, эту благодарность...

(Подает Антею деньги, достав их из кошелька.)

Антей

(отводит его руку)

Я ничему тебя не научил!

Уйди ты с глаз моих!

Хилон, понурившись, уходит.

Гермиона

Антей, напрасно

Не взял ты денег. Ведь стократ богаче

Его отец, чем мы. И как-никак,

А всё ж ты честно заслужил.

Антей

Нет, мама!

Один позор я заслужил — не больше.

Гермиона

А в чем же твой позор? Не понимаю.

Быть может, в том, что заработок свой

На ветер ты пускаешь. Так, сынок мой,

Как нищим нам с тобой придется жить.

И хорошо ли это будет, если

Твоя семья пойдет просить подачек

У римлян тех, что ты так ненавидишь?

Антей

Еще нам хлеба своего хватает.

Ты не гневи богов.

Гермиона

На всё их воля...

Наверно, так хотелось Афродите,

Чтоб вместо девушки богатой я

Взяла в свой дом невестку — дочь рабыни,

Танцовщицы...

А н т е й
Опять ты упрекаешь?

Г е р м и о н а
Нет, это не упреки, только правда.
И разве ты не выкупил Нериссу,
Отдав отца наследство и свои
Доходы?

А н т е й
Все-таки не Афродиту
Вини ты. Эллинские боги *в с е*
Мне выкупить велели из неволи
Ребенка эллинского рода. Так же
Могла попасть бы в рабство дочь твоя,
Моя сестра..

Г е р м и о н а
Ох, сын мой, между ними
Различия почти не существует!
Хватило денег выкупить Нериссу,
А вот приданое для Эвфросины
Мы дать едва ли сможем. Чем же доля
Рабыни хуже доли старой девы?

А н т е й
И без приданого сестра дороже
Всех дочек богачей.

Г е р м и о н а
Кто это знает?
Она у нас — не римлянка, не ходит
Везде и всюду. Вечно в гинекее
И за работой. Если ж и пойдет
Она на праздник, то в таком наряде
Никто и не посмотрит на нее.

В дверях гинекея появляется Э в ф р о з и н а, но Гермiona, не замечая ее, продолжает.

Нерисса всё ж принарядиться может,
У Эвфросины же и ленты нет.

Эвфрозина

(молодая, но не совсем юная, одета по-будничному, видно — только что оторвалась от работы. Нагибается и обнимает мать)

Ах, мамочка! Зачем мне эти ленты?
Для красоты не нужно украшенье,
А нет ее, и ленты не помогут!

(Смеясь, целует мать и поднимается.)

Как, мамочка, заправить голубей?
Я уж сварила их.

Гермиона
(встает)

Не тронь, не тронь,
Я их сама заправлю — ты не сможешь!

(Поспешно идет в дом.)

Эвфрозина

(подходит к Антею и кладет ему руку на плечо)

Ты почему печалишься, мой братик?
Наверно, мама снова тут ворчала?
Пустое — лишь старушечья привычка.

Антей

(отвечает не сразу, словно не слышит ее. После паузы слова прорываются у него как бы через силу)

Хилон меня покинул.

Эвфрозина
(удивленно)

Что случилось?

Антей

Вступить он хочет в хор панегиристов.

Эвфрозина

Да что ты говоришь?!

(На минуту немеет от удивления и гнева, затем овладевает собой.)

А впрочем, ясно,
Он в мыслях неустойчив.

А н т е й

А талантом
Учеников всех превзошел, как на смех!

Э в ф р о з и н а

Мне кажется, Аполлодор, который
Пришел к тебе из школы Мецената,
Не только мыслями, талантом тоже
Хилона превосходит. Я слышала,
Как он читал отрывок «Антигоны» —
Речь Гемона, — и я едва смогла
Сдержать душившие мне горло слезы!

А н т е й

(с мягкой улыбкой, обнимая сестру за плечи)

Ты у меня сама ведь Антигона!
Мне кажется, что я б простил Хилону,
Когда бы совершил он свой поступок,
Чтобы спасти в беде сестру такую.

Э в ф р о з и н а

Зато уж я сестре той не простила б!

А н т е й

О, ты б не приняла ни этой жертвы
И ни другой. Однако же, сестричка,
Когда бы стать хотел я богачом —
То для тебя лишь.

Э в ф р о з и н а

О, напрасно это,
Я не хочу.

(Смеется.)

Мне мама бы тотчас же
За деньги жениха купить сумела,
И это было бы плохой покупкой.

А н т е й

Да где уж там богатство! Если б мог я
Тебя избавить от нужды...

Эвфрозина

Нужды?

А в чем ее ты видишь?

Антей

Коль не вижу,

То в этом я тебе одной обязан.

Эвфрозина

И маме и Нериссе.

Антей

Нет, ты знаешь...

Мать отработала уже свое...

А вот Нерисса.

Эвфрозина

Та еще успеет.

И разве жизнь твоя уж так сладка,

Что и медовый месяц вам не нужен?

Антей

Мне как-то стыдно наслаждаться счастьем,

Когда я думаю, что за него

Ты платишь тяжкою работой... Счастье

Берем себе, а что тебе досталось?

Эвфрозина

Мне брат достался. Пусть навеки буду

Безбрачной я — завидовать не стану

Ни женщинам, ни матерям счастливым,

Ведь их любовь семье одной лишь служит,

Моя ж — Элладе всей. В тебе, Антей мой,

Надежда наша вся.

Антей

О Эвфрозина,

Как можно всю надежду возлагать

На одного?

Эвфрозина

Один лишь Аполлон

Из всех богов не разлюбил Элладу,

И есть еще у ней надежда жить,
Пока жив на Парнасе Аполлон
И музы будут с ним.

А н т е й
(с улыбкой)

Я не бесславлен,
Хоть ты одна приносишь мне триумфы,
Ты Ника для меня!

Э в ф р о з и н а
Но Ника знать
Должна свою работу. Подожди.

(Отламывает с лаврового куста две ветки, сплетает их в венок и становится на цоколе колонны в позе богини победы — Ники, простирая руки с венком.)

Приди, склоняя гордое чело!

Антей подходит, не переставая улыбаться, и склоняет голову перед Эвфрозиной, а у нее улыбка борется со слезами искренней взволнованности, когда она возлагает на голову брата лавры.

Н е р и с с а
(молоденькая, стройная, очень изящная, красиво одетая, появляется на пороге гинекея и удивленно вскрикивает)

Что тут такое?

Эвфрозина, застыдившись, соскакивает с цоколя.

А н т е й
Ника тут венчает
Поэта своего. Когда ж Харита
Ему гранат протянет или розу,
Тогда иметь он будет все дары,
Которые лишь смертный пожелает.

Э в ф р о з и н а
(неловко чувствует себя от холодного взгляда Нериссы)
Вот роза расцвела.

(Антею)

Но всё же Ника
Должна идти на кухню — маме в помощь.
Сегодня прямо оргия у нас:

Купили рыбы, и как раз нам тетка
Дала вина и пару голубей.
А если я медовики спекла бы,
Сам Меценат завидовал бы пиру!

*(С несколько вынужденным смехом исчезает в дверях
гинекея.)*

Н е р и с с а

Чудная Эвфрозина — всё смеется.

А н т е й

Что ж, молода...

*(Снимает лавры с головы, держит их в руке, а потом
кладет рядом с собой на скамейку, на которую садится.)*

Н е р и с с а

Но я моложе, верно,

И всё ж...

А н т е й

«И всё ж есть у меня причуды», —
Хотела ты сказать?

*(Смеется, обнимает ее, она сдержанно принимает его
ласки.)*

Да что с тобой?

Уж не больна ли ты, иль кто обидел?

Н е р и с с а

А ты не знаешь? Верно, и соседи
Все выучили наизусть те речи
О выкупе моем и о приданом
Твоей сестры, что мать твердит всё время.

А н т е й

Уж так всё время!

Н е р и с с а

Что же, это правда.
Мне и самой неловко Эвфрозине
Глядеть в глаза.

А н т е й

Тебя ведь Эвфрозина
Ни в чем не обвиняет.

Н е р и с с а

Знаю это.
Она твоя недаром Антигона...

А н т е й

Нериссочка! Вот это просто стыд, —
Подслушать, а потом прийти с упреком.

Н е р и с с а

Подслушать! Не такие здесь палаты,
Чтобы повсюду не было всё слышно.

А н т е й

(немного обиженный)

Палаты есть теперь у римлян только.
Тебе за Мецената надо б выйти.

Н е р и с с а

(мягче, чем до сих пор)

За бедность я тебя не укоряю,
Но разве каждая жена не хочет
Для мужа своего больших достатков?

А н т е й

И для себя притом.

Н е р и с с а

И для себя.

А разве это плохо? Я, признаться,
Не приспособлена ходить в ярме
Так, как твоя сестра.

А н т е й

Ты и не ходишь.

Н е р и с с а

Ты думаешь, от этого мне легче?

А н т е й

А раз не легче, так сама работай.

Н е р и с с а

Есть у людей на то рабыни.

А н т е й

Это,

Нерисса, странно слышать от тебя.

Н е р и с с а

Не оттого ль, что я была рабыней?
Так что ж, я б заработала на воле
Тем, чем тогда, коль ты бы мне позволил.
А если никому я не нужна
И всем мешаю, как порог высокий,
Ты виноват один.

А н т е й

Родная, хватит...

Н е р и с с а

Так разреши мне выступать в театре,
И я твою сестру озолочу,
А матери невесткой стану милой.
Я больше заработаю за танцы,
Чем ты за пенье и свое искусство.

А н т е й

Нерисса, будет! Это голос горя,
И в э т о м я повинен. Извини!

(Целует ее, она прижимается к нему с видом обиженного ребенка.)

Любимая! Сокровище! Не дам,
Не дам тебя толпе на поруганье!
И к ней на оргию ты не пойдешь, —
Она понять не может, что такое
Святая оргия, служенье богу!

Н е р и с с а

А ты бывал на оргиях?

А н т е й

Давно.

Еще подростком. Здесь, в Коринфе, тайно
Гетерия певцов существовала:
Ведь римляне содружество любое
Считают преступленьем.

Н е р и с с а

Что же, были

Те оргии пышны?

А н т е й

Представь себе:

В таких домах мы собирались часто,
Как этот мой. . .

Н е р и с с а

(разочарованно)

Ах, так! . .

А н т е й

У нас в кратёрах

Вода торжествовала над вином,
Цветы у нас бывали лишь в ту пору,
Когда они цвели в садах и в поле,
Когда ж сходила в Тартар Персефона,
Она все украшения отнимала.

Н е р и с с а

А оргии бывают без цветов?

А н т е й

У нас бывали, шумные какие!

Н е р и с с а

Они же были тайными, сказал ты?
Так что же, буйства оргий не слышали
Чужие со двора?

А н т е й

А разве можно

Услышать было, как сердца стучали,
И разве глаз горячее сиянье
Могло пройти сквозь каменные стены?

Н е р и с с а

А ваши песни?

А н т е й

Вдохновеньем были

Они сильны, — не гулом голосов,
И в сдержанном вздыханье тихих струн
Угадывать могли мы ураганы,
Что бушевали у певца в душе.
А кудри буйные вились как тирсы,
Кричали взоры там: «Эвоэ Вакх!»
Когда б одна вода была в кратерах,
И то бы пьяными мы возвращались.
Хотел бы я, чтоб ты хоть раз попала
На нашу оргию! В святом безумстве
Ты в танце бы менадою зашлась.

Н е р и с с а

Бывала я на оргиях не раз.

А н т е й

А всё ж не на таких!

Н е р и с с а

Зато на лучших.

А н т е й

Не может это быть.

Н е р и с с а

Не знаю, право,

Какими были ваши, только те,
Которые ребенком я видала,
Как сон прекрасный были.

А н т е й

Преступленья

Водить детей на оргии такие!

Н е р и с с а

Но мать моя *должна* была!

А н т е й

Я знаю...

Прости меня, сказал я, не подумав,
Я должен был бы знать, как тяжело
Танцовщицы-рабыни билось сердце,
Когда она единственную дочку,
Едва забывшую свои пеленки,
Вела на то позорище.

Н е р и с с а

Об этом

Мне мама ничего не говорила.
Всегда на оргию я шла веселой,
Там лакомства я получала вдоволь,
Мне иногда игрушки доставались,
Ласкали все меня...

А н т е й

Не вспоминай!

Меня бросает в дрожь при мысли... Ясно,
Что ласки их бесстыдными все были,
А слово каждое дышало грязью!

Н е р и с с а

Не знаю, я тогда не понимала
Ни взглядов грязных, ни бесстыдных слов,
Но красоту я знала и ребенком,
Мое сердечко от похвал дрожало,
Как струночка под плектроном на лире.
И мы вдвоем на возвышенья были —
Две радуги — большая с малой — вместе
На ясной высоте. А покрывала,
Прозрачные и пестрые, мелькали,
Вились дугой средь облачков густых
Курений золотисто-ароматных.
Тогда казалось мне, что я танцую
На облаках небесных, а с земли
Ко мне цветы одни лишь долетают.
То гости нам наверх цветы бросали,
Теря свой разгоряченный разум...

А н т е й

А в тех цветах невидимо таился
Холодный змей разврата и бесстыдства.

Н е р и с с а

Я ж говорю, что я того не знала!

А н т е й

Зато теперь ты знаешь, что для римлян
Танцовщицы-рабыни означают.
И понимаешь, что с тобою было б,
Когда б ты выросла среди этих оргий,
Подобно матери твоей несчастной,
Погибшей, как разбитая игрушка,
Больной, покинутой, презренной всеми.

Н е р и с с а

Тебя должна благодарить я, знаю.
Не бойся, этого я не забуду.

А н т е й

Я разве этого хочу, Нерисса?

Н е р и с с а

Нет, нет, забыть я не имею права,
Что из меня ты сделал человека,
Из «маленькой танагрской обезьяны».

А н т е й

Оставь! Я не люблю речей подобных
И прозвища того я не терплю,
Что грубо римляне ребенку дали,
Прекрасной нежной девочке Эллады.
Их зависть разбирала: неуклюжи,
Грузны все римлянки, когда сравнить
С моею «ветроногою» Нериссой!

Н е р и с с а

(задумчиво)

Зачем мне это?

А н т е й

Что, моя родная?

Н е р и с с а

Вот эта «ветроногость», как сказал ты...
Уж не танцовщица я больше.

А н т е й

Как?

Ужель тебя не радует, Нерисса,
Хвала моя, моих друзей сердечных?
И разве мало в нашем скромном доме
Сокровищем сокрытым быть, но ценным,
Таким, что даже цезарь не владеет?

Н е р и с с а

«Сокровищем сокрытым»... Так, признаться,
Тебя счастливее я уродилась,
«Сокровище сокрытое» ведь ты,
А я, Антей, не радуюсь, что лиры
Твоей не слышит свет широкий, — я лишь
И узкий круг твоих учеников.
Когда бы я могла, то я тебя бы
Поставила на пьедестал высокий,
Подобно Аполлону-Кифареду!
Пускай весь мир твой узнал бы песни,
Творимые тобой на пьедестале!

А н т е й

Ты, верно, думаешь, что вдохновенье
От пьедестала подниматься может?

Н е р и с с а

Я в том уверена!

А н т е й

Да ты ребенок...
Но если ты так любишь пьедесталы,
Так утешайся: изваял Федон
По твоему подобию Терпсихору
И дал ей пьедестал вполне высокий.

Н е р и с с а

Что будет с этой статуей он делать?

А н т е й

Нам принесет.

Н е р и с с а

Оставит здесь?

А н т е й

Наверно.

То будет от Федона дар в знак дружбы.

Пауза.

Ты приумолкла, словно загрустила.

О чем, Нерисса?

Н е р и с с а

Думаю о том,

Как много этот дом еще схоронит

Сокровищ скрытых, будто бы гробница...

А н т е й

Я не люблю подобных разговоров.

Н е р и с с а

Вот будет каменная Терпсихора,

Я у нее молчанью научусь.

А н т е й

Нерисса, ты капризная сегодня.

Н е р и с с а

Раз так, я уйду...

(Встает.)

А н т е й

(задерживает ее, обнимая)

Нет, нет, родная!

Н е р и с с а

(освобождаясь)

Пусти меня!

Слышен стук в калитку.

К тебе стучится кто-то.

Нерисса уходит в гинекей. Антей открывает калитку и выпускает **Федона** — молодого скульптора.

А н т е й
Привет, Федон!

Здороваются.

Ф е д о н
Я только на минутку,
Мне некогда.

А н т е й
А что? Работать надо?

Ф е д о н
Свою работу я пока закончил,
Но есть еще заботы — должен быть я
На оргии в палатах Мецената!

А н т е й
(пораженный)
Ты приглашен туда?

Ф е д о н
С тобою вместе.

А н т е й
Что это, шутка иль издевка?

Ф е д о н
Правда,
Я и пришел затем, чтоб приглашенье
Вручить.

А н т е й
А кто тебе его принес?

Ф е д о н
Сам получил у Мецената в доме.

А н т е й
Ты у него был? Для чего?

Ф е д о н
По делу...
И знаешь, я никак не мог подумать,
Что он такой.

А н т е й
Какой?

Ф е д о н

Он так приветлив,
И странно, чтобы знатный господин
Так разговаривал. . .

А н т е й

Чему дивишься?
Что бедняка художника пускает
Вельможа знатный на порог? Тому ль,
Что кое-как и римлянин приемлет
Красу искусства?

Ф е д о н

Нет, не «кое-как»,
Ведь он знаток большой и настоящий!
Вот и тебя он первый оценил.

А н т е й

Он первый? Но давно имел я школу,
Когда в Коринфе Меценат и не был!

Ф е д о н

Что школа! Далека она от славы,
Как глиняная чаша от скульптуры.

А н т е й

Похожее на славу что-то было,
Раз господин услышал обо мне.

Ф е д о н

Сказать по правде, случай лишь слепой
Помог тебе: один твой ученик,
Вступить желая в хор панегиристов,
Пропел, чтоб показать свое искусство,
Эпиталаму ту, что ты сложил
На собственное бракосочетанье.

Антей делает жест оскорбленного, но Федон, не обращая внимания,
продолжает.

Мы с Меценатом этого коснулись,
Я рассказал ему, кто автор песни,

И он мне дал тотчас же порученье
Позвать тебя на оргию к нему,
А это стоит многого, мой друг.

А н т е й

(сдерживая досаду, вызванную последними словами Федона)

С каким ты мог к нему явиться делом?

Ф е д о н

Купил мою скульптуру он недавно,
Так я ее к нему доставил, чтобы
Рабы-носильщики не повредили.

А н т е й

Какую ты ему скульптуру продал?

Ф е д о н

Прости... Мне не мешало б заручиться
Твоим согласием... только господа
Не любят ждать...

А н т е й

Так ты Нериссу продал?

Ф е д о н

Нет, статую богини Терпсихоры.

А н т е й

Ты б самую богиню тоже продал,
Когда сумел бы, в римский дом разврата!

Ф е д о н

(встает обиженный)

Ты этого не смеешь говорить мне!

А н т е й

Обидчивость тебе ведь не к лицу:
Ты лучшее творенье продал тем,
Кто презирает всё для нас святое.

Федон
(с запальчивостью)

Никто там ничего не презирает!
Там ценят гений, и там дарят славу,
Не только деньги. Я не продавал
Скульптуру Терпсихоры. Я оставил
Ее для созерцанья, словно в храме.
Не слишком ли она свята для храма,
По-твоему?

Антей
По-моему, кощунство —
Приравнивать дом римлянина к храму!
За деньги иль за славу — ты продался,
Отдав творение свое.

Федон
Антей!
Ты хочешь привести меня к тому,
Чтоб я пошел и выкупил обратно
Скульптуру. Но едва ли вероятно,
Чтоб Меценат ее вернул за деньги.
А может, вдохновенье не угасло
Во мне, и я еще создать сумею
Получше что-нибудь — на выкуп ей.

Антей
Ты купишь новый грех потяжелее.

Федон
Я не пойму, что от меня ты хочешь!
Чтоб был я вынужден весь век сидеть,
Как ты, без хлеба и без славы?

Антей
Должен
Терпеть всё эллин, если хлеб и славу
Добыть он может лишь из римских рук.

Федон
Кто к славе не стремится, тот не эллин, —
Влечение к ней отцы нам завещали,
Наследовав от предков.

А н т е й

Предки брали
Свои венки от матери-Эллады,
Отцы позволили связать ей руки
И тем своих детей венков лишили.
Но вот когда в бесславии Эллада,
Пойми, Федон, что каждый эллин должен
Желанье славы в сердце заглушить.

Ф е д о н

И увеличить родины бесславье?
А чем прославится сама Эллада,
Когда ей дети лавров не добудут?

А н т е й

Но не из вражьих рук их принимать!

Ф е д о н

А почему? Гомер сказал, что «сладко
Хвалу врага принять».

А н т е й

На поле боя,
А не в плену!

Ф е д о н

Пусть даже и в плену —
Всё слава будет славой.

А н т е й

Не надейся!
Не славою теперь венчают нас,
А славу Рим берет, как будто дань.
Тобою проданная Терпсихора
Прославит не Элладу, не тебя,
А тот богатый Рим, что всё ограбил
Во всех краях руками меценатов.
Твое создание его прославит,
А не тебя, ты только раб, который
Своим искусством оргию украсит,

Та оргия останется господской,
Хотя б рабы трудились для нее.

Ф е д о н

Рабам на оргии не будет чести,
Но тот, кто гостем должен быть на ней,
Как я и ты...

А н т е й

Не льсти себя надеждой,
Что я пойду на оргию с тобою!
Ищи господского расположения,
А я «без хлеба и без славы» буду,
Как ты сказал, но, может, не без чести.

Ф е д о н

Я от души советую пойти.

А н т е й

Конечно! И волам удобней в паре
Носить ярмо.

Ф е д о н

Я вижу, ты не веришь,
Что я тебе могу желать добра.
А всё ж, хоть сильно ты меня обидел,
Я не забыл, что мы друзья с тобою.

А н т е й

Так я тебя, не ты меня обидел?!

Ф е д о н

Я Терпсихору всё же откуплю,
А ты обидных слов вернуть не можешь.

А н т е й

И ты не выкупишь того, что сделал.
Ты ведь свое искусство опозорил.
Богиню сделал ты простым товаром.
Пускай из плена выйдет Терпсихора,
Она богиней всё равно не будет.
А мрамор — коль не бог, так просто камень.

Федон

Но если богом стал он, — снова в камень
Не обратится. Так, твое творенье
Всегда созданием искусства будет.
Твоя эпиталама прозвучала
Не хуже и в просторной римской школе,
Чем у тебя в убогом, тесном доме.
А если б ты еще и сам пропел
Ее в палатах гулких Мецената,
На дорогой подыгрывая лире. . .

Антей

Федон! Не говори мне этих слов,
Тебя я навсегда возненавижу!

Федон

Антей! Твое упрямство непонятно.
Ведь не впервые элинам хвалу
От чужеземцев слышать, — в чем позор тут?

Антей

Мне от захватчиков хвалы не надо.
Захватчик лишь тогда хвалить согласен,
Когда чело склоняет побежденный
К его ногам и пыль от ног его
Целует.

Федон

Так у персов лишь бывало
И у восточных варваров. Но в Риме
Никто от нас не требовал такого.

Антей

Не требовал? А кто прошел по грекам,
Как по мосту, в храм славы мировой?
Кого на спинах мы своих несли
Из бездны варварства к вершинам горным?
Ложился кто краугольным камнем
Под мавзолей захватчиков из Рима?
И мы еще должны быть очень рады,
Когда в палатах гулких нам позволяют
Играть на лире, краденной у нас?

Федон

Безмолвствовать той лире лучше, что ли?

Антей

Да, лучше!

Федон

Нет, я думаю, что хуже.

Всё ж лучше созидать нам мавзолеи,
Хотя бы не себе, чем просто быть
Травой придорожной под ногами
Захватчика того же. Лишь захочет,
Растопчет вмиг железною пятою
Всю нашу гордость, буйные мечтанья..

Антей

Что ж? Лучше нам самим всё растоптать,
Чтоб не давать врагам работы лишней?
Жрец красоты так говорит и мыслит?
Осталось лишь одно — вот так и сделать.
Ты не продался, — хуже! Ты отдался
Своим врагам, как мертвенная глина,
И каждый может вылепить, что хочет.
Так кто ж вдохнет в тебя огонь живой,
Коль из творца ты сделался твореньем?
Иди, прислуживайся Меценату,
Забудь великие заветы красоты,
Забудь тираноборца Прометея
Бессмертный образ, и Лаокоона,
За правду мученика, и забудь
Самоотверженную Антигону,
Электру-мстительницу. И не помни
Эллады, скованной, как Андромеда,
Чудовищу оставленная в жертву,
Что ждет в тоске защитника Персея.
Ты не Персей, ты в камень обращен,
Не сознаешь ты высшей красоты
Стремления, хотя бы без надежды...

Федон

Нет красоты в упрямстве от бессилья...
С тобою, вижу, мне не сговориться!
Так будь здоров. Я ухожу.

А н т е й

Прощай!

Ф е д о н

Уже мы не друзьями расстаемся?

А н т е й

Боюсь, как бы не встретились врагами.

Федон, поведя плечами, уходит.

Н е р и с с а

*(выходит из гинекея, едва закрылась калитка
за Федоном)*

Антей, я не могу понять тебя!
Так резко ты с Федоном обошелся,
А чем он виноват?

А н т е й

Ты всё слыхала?

Так надо было слушать хорошенько.
Быть может, это по сердцу тебе,
Что на позор для нас твоя фигура
Поработителя украсит дом?

Н е р и с с а

Какой позор? И кто поработитель?
Чем Меценат виновен, если дед
Его иль прадед с эллинами бились?
Теперь же Меценат не отбирает
У нас сокровищ никаких насильно,
А покупает и недурно платит. . .

А н т е й

Тем золотом, что римляне сдирают
С порабощенных, даже с нас самих.

Н е р и с с а

Не сам же Меценат его сдирает.
Ты, получив отцовское наследство,
Не спрашивал, кто, как его добыл.

А н т е й

Я знал — оно добыто было честно.

Н е р и с с а

Так, верно, думает и Меценат
О том наследстве, что отец оставил.
Немало он Элладе возвращает,
А ты его за это ненавидишь.
По-твоему, так нужно, чтоб у нас
Произведения искусства чахли,
Чтоб с голоду творцы изнемогали,
Чтоб мрамор плесень ела, струны — ржа,
Чтоб эллины, как варвары, тупели —
Всё для того, чтоб Риму не служить?

А н т е й

Довольно служат им, а я не буду.

Н е р и с с а

Никто тебя служить не принуждает.
И разве презирает Меценат
Тебя, к себе как гостя приглашая?

А н т е й

Как гостя? Думаешь и в самом деле,
Что Меценат певца зовет к себе
На оргию для дружеской беседы,
А не для пения гостям в усладу?

Н е р и с с а

А если б ты и спел гостям немного?
Там всё равно твои звучали песни.

А н т е й

Но я тут ни при чем.

Н е р и с с а

Как «ни при чем»?
Ты дал ученикам списать те песни
И, значит, сам их выпустил на свет.
А то, что римлянин их оценил

Получше земляков, — другое дело,
Вини, коль хочешь, в этом Мецената.
Теперь в Элладе только тот прославлен,
Кого похвалит Рим. Коринф оценит
Певца, когда его он потеряет.
Когда б ты в Рим собрался с Меценатом
И там стяжал заслуженный триумф, —
Ведь Рим умеет прославлять таланты! —
А после этого в Коринф вернулся,
Родные лавры вешнюю травую
Тебе бы под ноги тогда стелились.

А н т е й

Топтать родные лавры не хочу я.
Триумфы в Риме — для меня позорны.

Н е р и с с а

Чего ж ты ждешь?

А н т е й

На родине признанья
Без помощи захватчиков любезных.

Н е р и с с а

Когда ж оно придет? Когда умрешь?
Посмертной славой жить — удел обычный
Таких певцов, как ты. Пока живут,
Никто о них не знает, их не слышит,
Как будто похоронены в могиле.
Уйдя глубоко в мысли и мечтанья,
Певцы такие словно недвижимы,
А мимо вакханалией несется
Цветами разукрашенная жизнь,
Бросает розы и венки из лавра
Тому, кто их подхватит на лету.
А вот таким, как ты, достаться могут
Надгробные венки из вялых листьев.
Уж не собрался ль ты повергнуть Рим
Могильной неподвижностью такую?
Будь я как ты, его б я ослепила
И гением Эллады и своим,
На всех бы сценах царствовала я,

Все форумы и портики взяла бы,
Мое бы имя прозвучало громче,
Чем имя Цезаря. Была бы это
Победа подлинная!

А н т е й

Все б сказали:
«Каких певцов купить умеет Рим!
Совсем уже Эллада обнищала!»

(Берет в руки лавровый венок Эвфросины.)

Нерисса, вот единственный венок,
Который я стяжал, но он дороже,
Чем все твои хваленые триумфы.
И коль на гроб венки такие лягут,
Так что ж, пускай скорей приходит смерти!

(Надевает на голову венок с гордой, спокойной улыбкой.)

Н е р и с с а

Антей, пойми! Я больше не могу
Терпеть всё это. Можно задохнуться
В могильном воздухе у нас в дому.
Хоть одному из нас быть нужно в свете.
Я так тебя люблю, что я согласна
На то, чтоб славою твоею жить,
Но не могу я жить совсем без славы —
Я эллинка!

А н т е й

И хочешь добиваться
У римлян этой славы?

Н е р и с с а

Пусть у них
Иль у других, но мне потребна слава,
Как хлеб, как воздух, как вода. И если
Ты для меня того добыть не можешь,
Что мне дороже жизни, я сумею
Сама добыть, а только умирать
Я не хочу, — еще я молодая.

А н т е й

Так чем же ты себе добудешь славу?

Н е р и с с а

Тем, чем добыл бы ты, — своим искусством.

А н т е й

Ты все-таки пойти на сцену хочешь?

(После паузы.)

Ну, что ж, Нерисса, я скажу открыто —
Когда тебя туда влечет не прихоть,
А муза Терпсихора, я не смею
С богиней состязаться. Может, правда,
Ты для Коринфа возродить сумеешь
Таинственные игры Диониса.

Н е р и с с а

О нет, не для Коринфа! Знай, меня
Не здешние рукоплесканья манят.
Хочу, чтоб первенство живой Нериссы
Над каменной Терпсихорой было,
Когда она Танагры танец спляшет
У Мецената нынче.

А н т е й

Что ты, бредишь?

Н е р и с с а

Нет, не в горячке я.

А н т е й

Но ты не можешь

На оргию пойти!

Н е р и с с а

А почему?

Повсюду ходят римлянки — и мы
Могли бы перенять такой обычай. . .
Приду, скажу: «Мой муж теперь болеет,

Но, чтобы не обидеть Мецената,
Прислал меня, свою жену, к вам в гости».

А н т е й

Нет, не пойдешь ты!

Н е р и с с а

Ты меня запрешь?
Тогда уже я твердо буду знать,
Что ты меня перекупил для рабства.
Но помни, и рабыни убегают.
Ты не надейся на замки.

А н т е й

Н е р и с с а!!

Н е р и с с а

Что, господин мой?

Пауза.

Так решай сейчас же:

Ты или я.

А н т е й

Когда б имел я силу
Из сердца вырвать навсегда тебя,
Как ядовитую змею, и бросить
Под ноги римлянам!

Н е р и с с а

(с отрывистым злым смехом)

Раз ты не можешь,
Так должен покориться. И, пожалуй,
Потом меня благодарить ты будешь.
От слова своего не отступлюсь я, —
Не ты, так я добыть сумею славу,
Сегодня же. Достаточно ждала я.

А н т е й

(после тяжелого молчания)

Так я пойду. Приятнее мне будет
Там, среди римлян, чем с тобою здесь.

Нерисса

Иди. Но прежде надо с головы
Снять ветки — неужели так пойдешь ты?

Антей прикасается к голове, снимает лавры, с проникновенной тоской смотрит на них и молча кладет туда, где стояла Эвфрозина, когда надевала на него венок.

Голос Эвфросины

(раздается из глубины дома)

Нерисса! Где Антей? Пора обедать!
Уже большая оргия готова!

Антей мгновенно бросается к калитке.

Нерисса

(догоняя его)

Куда же ты? Переодеться надо!

Антей

Пусти меня! Нас ищет Эвфрозина,
А я не смею ей взглянуть в глаза.

(Выбегает за калитку.)

Эвфрозина

(выходит из дверей)

А где ж Антей?

Нерисса

На оргию пошел.

Он приглашен сегодня к Меценату.

Эвфрозина

Ты шутишь очень странно.

Нерисса

Не шучу я.

Вот там венок домашний вялых лавров, —
Сегодня он нам свежий принесет,
Приняв от знатоков. . .

(Гордо подняв голову, уходит в дом.)

Эвфрозина

(хватаясь за голову)

Так это правда?!

В доме Мецената, потомка того знаменитого Мецената, который жил при Августе.

Большая, пышно убранная для оргии комната, разделенная аркой на две неравные части: в первой, меньшей (на переднем плане), поставлен триклиний для хозяина дома — Мецената и двух самых почетных гостей — Прокуратора и Препфекта, и устроен невысокий помост, застланный коврами, для выступления певцов, мимов и прочих артистов; в другой, большей (на заднем плане), много столов то с ложами вокруг — на греческий лад, то с табуретами — на римский, там сидят и возлежат гости разного положения и возраста, греки и римляне. Пир еще только начался и идет как-то вяло, видно, что гости еще мало знакомы между собой и чувствуют себя неловко перед взорами знатного триклиния, расположенного в основной части комнаты. На помосте хор панегиристов, среди них Хилон заканчивает пение.

Хор панегиристов

(поет)

Свет лишь от света
Вечно родится,
Так и пресветлый
Род Мецената
Светит лучами,
Переливаясь
Блеском своим!

Когда хор закончил петь, Меценат слегка кивнул головой корифею и сделал рукой жест, не то приказывающий, не то пригласительный, чтобы хористы заняли места на пире в задней части комнаты. Хор размещается за самыми дальними столами, в глубине. Рабы разносят напитки и яства, рабыни раздают цветы.

Меценат

(движением пальца зовет раба-домоправителя)

Пускай попрыгают немного мимы,
Потом давай «бескостных» египтянок,
Что будут делать фокусы с мечами,
Но чтобы это всё недолго длилось:
Минуту-две даю для выступления,
И чтоб никто не смел являться дважды.

(Прокуратору и Препфекту.)

Подумайте, и эти обезьяны

Неравнодушны к славе: им похлопай —
И трудно их потом согнать с помоста.

Тем временем домоправитель вышел с поклоном, и на помосте стали появляться мимы, разыгрывая коротенькие фарсы без слов, акробатки-египтянки с мечами, жонглеры и жонглерки с пестрыми мячами и т. п. Гости награждают их хлопками, иногда бросают им цветы и лакомства. Мало обращая внимания на всё это, Меценат и двое его почетных гостей беседуют между собой. Меценат чуть приглушенным голосом, Префект мерно, однотонно и несколько небрежно, Прокуратор громко и непринужденно.

Меценат

Вся эта оргия, признаться должен,
Слегка напоминает царство теней
Перед Плутоновым триумвиратом.
Вы не поверите, как я стараюсь,
Чтоб одолеть немного эту дикость
И недоверчивость, чтобы сплотить
В одну семью две части населенья
Коринфского — и эллинов и римлян.

Префект

Мой друг, и так ты многого добился:
Завел прекрасный хор панегиристов,
Такой и в Риме не всегда услышишь.

Меценат

(махнув рукой)

Э, что это за хор!.. Сказать по правде,
Такой поэзии на кухне место,
Объедки для нее — милей награда,
Чем лавры... Я прошу у вас прощенья,
Что жалким зрелищем вас угощаю.

(Еще тише.)

Пригодно это всё лишь для толпы, —
Но я в дальнейшем постараюсь дать вам
Иное нечто. Мне певца назвали
Чудесного. Не очень он прославлен,
Но грекам в том позор, а не ему.
Я покажу коринфянам, что нужен

Им римлянин, чтоб оценить искусство,
Иначе ни к чему искусство это.

Прокуратор

А скоро явится певец?

Меценат

Не знаю.

Я пригласил его, но был ответ
Мне не совсем понятен.

Прокуратор

Вот еще!

Их приглашать... ты просто б приказал!

Меценат

Приказывать никак тут не годится.
Антей не раб, а вольный гражданин.

Префект

Он римский гражданин?

Меценат

О нет, конечно,
Но всё ж он рода честного. В Коринфе
Его семью глубоко уважают,
Когда-то из нее герои вышли.

Прокуратор

У этих греков все подряд герои!
Кто в ссоре бросит миску через стол
И в лоб соседу влепит — уж зовется
Discobolos!..¹

(Смеется.)

Такие ж их поэты:
Горация по-гречески испортит,
И вот уже в венке лауреата!

¹ Метатель диска (греч.). — Ред.

В Афинской академии ты купишь
Лауреатов пару за обол —
Один поэт, другой философ будет!
Но всё ж разумней — не давать оболы.

Меценат

Не надо забывать, мой друг, что боги
Неблагодарности не любят. Помни,
Что римляне у греков обучались.

Префект

Известно, что негоден ученик,
Когда учителя не превзойдет он.

Меценат

Пусть так, но должен быть он благодарен.

Префект

Рим щедро заплатил за ту науку:
Он Греции покой дал и закон,
Чего ей спокон веку не хватало.

Прокуратор

(в том же тоне)

А Греция, прославленная школой,
Рим научила только бабским сказкам,
Религию подвергла поношенью
И разумом вилять нас приучила
Без всякой цели, словно пес хвостом.
И в этом вся наука. Больше греки
Не знали ничего, не сотворили.
У них и языка нет своего!

Меценат

Ну что ты! Почему же нет? Ты, друг,
Нам говоришь неслыханные вещи.

Прокуратор

У них был ионийский диалект,
Аттический, еще какой, не знаю, —
Что ни писатель, то другой язык,

Но крепкого, устойчивого слова,
Единого, всемирного, как наше,
У греков сроду не бывало.

Меценат

Верно.

Префект

А их поэзия, скажу я честно,
Не стоит ничего в сравнение с нашей.
Изыщества Горация достигнуть
Грек не сумел и никогда не сможет.

Меценат

А всё же уважать родную речь
Нас грек учил. Поэзии латинской
Отец — не римлянин, а пленный грек.

Прокуратор

Он речь господ усвоить был обязан,
А господин имел важнее дело,
Чем речь родную превращать в трохен.

Префект

(Меценату)

Но ты, мой друг, не станешь уверять,
Что этот стих не выглядел дубовым,
А тот язык сплошным уродством не был?

Меценат

Кто знает, друг мой, чем была та искра,
Что людям принесла огонь на землю?
Быть может, это уголек, чуть тлевший,
А всё же чтить ее нам надлежит
И прославлять титана Прометея,
Хотя, возможно, был он просто вором.

Прокуратор

(Префекту, кивая на Мецената)

Вот это плод от греческой науки!

Префект

Наш Меценат известный «грекофил», —
Еще возьмет и отделит от Рима
Коринфскую республику!

(Смеется.)

Прокуратор

Ты шутишь,
А Риму от такого грекофильства
Всё ж может выйти вред.

Меценат

Не беспокойся,
Учительница старая ведь знает,
Что ей при дряхлости нужна опора;
Когда бы, рассердясь, отвергнул Рим
Ее, она бы закричала: «Гибну!»

Префект

И всё же прав наш друг: вред несомненен.
Заигрыванье наше с чужаками
Уже нас привело к тому, что мы
В каких-то варваров преобразились,
Напичкавшись «латынью африканской»
От «римских граждан», только черномазых.

Меценат

Ну что ж, без варваров не обойтись нам:
Ведь обновлять необходимо кровь,
Трудом испорченную и пирами.
Хотел бы ты, чтоб наши все народы
Всегда по-варварски бы говорили?
Едва ли то прибавит славы Риму!

Прокуратор

Пускай молчат, пока не овладеют
Как следует латынью!

Меценат

Трудновато!
Овладевать произношеньем молча —
И Демосфен того бы не добился.

Прокуратор

Так что же делать?

Меценат

То же, что и я:

Учите милостью, дарами даже,
Всех знатных чужеземцев Рим любить.
Кто любит, тот становится подобен
Любимому и телом и душою.

Прокуратор

Ну, ты совсем размяк от грекофильства!
Хотел бы знать, как ты бы собирал
С них подати лишь «милостью с дарами»?
Вот много бы собрал!

Меценат

(смеясь)

Ну, тут я должен
Сложить оружие. Сильней ты в этом.

Раб - атриензий

(входит)

Пришел певец Антей.

Меценат

Зови сюда.

Постой! Когда он петь начнет, я знак
Подам, — пускай танцовщицы выходят
Сюда, но ты смотри, чтобы не раньше!
Иди и точно выполняй.

Атриензий выходит.

Рабы

Мне постоянно портят распорядок.
Им не понять, что оргия не пляски.

Антей

(у порога)

Привет вам, достославные.

Меценат

Привет!

Поближе подойди. Любимцу музы
Стоять не подобает у порога.

Антей подходит ближе, но места для него нет, он стоит перед возлежащими гостями.

(Гостям.)

Друзья, вот самый драгоценный перл
Коринфского залива.

Антей

Ты, преславный,
Чрезмерной милостью меня осыпал,
Коринфу же воздал ты мало чести.

Меценат

Как, мало чести?

Антей

Но ведь невозможно
Все перлы сосчитать в заливе нашем,
Чтобы решить, какой из них дороже.

Префект

Всем надлежит любить родимый город,
Но забывать при том не надо правду
И благодарность. Если есть в Коринфе
Жемчужины искусства и науки,
То в этом лишь заслуга Мецената.

Меценат

Заслуга петушина, мой друг.

Прокуратор

Как это, Меценат, понять прикажешь?

Меценат

Я, как петух, в навозных кучах роюсь,
Выскивая перлы дорогие.

Префект

Но ты их не глотаешь, как петух,
А им даешь оправу.

Антей молча идет.

Меценат

Стой, Антей!

Куда идешь?

Антей

Туда, где быть я должен.

Меценат

Я вижу, ты обиделся.

Прокуратор

На диво

Обидчивы все греки!

Антей

Это верно,

И как же до сих пор мы не привыкли,
Что победитель волен звать наш край
Навозной кучею, а нас, пока мы
Не вставлены в «оправу», — лишь навозом.

Меценат

Моим словам *ты* придаешь колючки,
Не я. И вся моя вина лишь в том,
Что мой язык немного поскользнулся, —
Его ведь боги скользким сотворили.
Вини Юпитера иль Прометея, —
Кто больше виноват, ты лучше знаешь.

Префект

Я обойду на этот раз виновных
И обращусь к заслугам. Меценат,
Сейчас хочу поднять я тяжбу против
Тебя.

Меценат

Не понимаю.

Префект

Этот жемчуг
Не ты, а я открыл впервые.

Меценат

Правда?

Префект

И тем еще моя заслуга больше,
Что я, найдя, его не проглотил,
Хоть проглотить, конечно, был обязан.

Меценат

Хотел бы это я понять яснее.

Префект

Здесь тайны нет! В Коринфе я когда-то
Открыл или, верней сказать, закрыл
Гетерию, что скрытно собиралась.
Среди певцов, туда входивших, этот
Был самым младшим. Поощрил его я,
Принявши во вниманье возраст нежный,
И он один из всех остался жив.
Я знаю хорошо, что в целом крае
Гетерий больше нет и их не будет.

Антей

Ты ошибаешься, — всё ж есть одна.

Префект

Где?

Антей

На Парнасе. Девять и один —
Для тайных оргий сходятся они там
И закрываются от глаза власти
Густыми тучами.

Меценат

Ха-ха! Вот метко!

Префект

(сменив свой однообразно-небрежный тон на резкий)

Не так-то уж и метко, Меценат!
Те «девять и один» — Феб и камни —
Не тайная гетерия всё это,
А хор панегиристов. Им ведь нужно
Амброзию и нектар заработать,
Вот и должны они кого-то славить.

Антей

Кого?

Префект

Конечно, только гений Рима.
Парнас, Олимп и все святые горы
Теперь его империи достались,
И только тем богам живется сладко,
Кого мы взяли в римское гражданство,
К кому благоволит наш Меценат,
Всемирный, знаменитый гений Рима.
Те ж боги, что ему не покорились, —
Те были изгнаны или распяты.

Антей

И что ж? Они от этого погибли?

Меценат

(шепотом, наклоняясь к Префекту)

Любезный друг, прости, но для толпы
Все эти шутки выглядят кощунством.

Префект

(снова сдержанно)

Простят пусть боги, — римлянин не мог
Слова последние оставить греку.

Меценат

(громко Антею)

От языка людей уже мы сыты.
Пора ответить языком богов
Тебе, Антей.

А н т е й

Прости меня, преславный,
Но муза помогать мне не желает,
Не голодна она сегодня, верно,
Я без нее — как лира без струны.

М е ц е н а т

Мой друг у ней отбил охоту, что ли?

П р е ф е к т

За правду извиняться я не буду,
А музе, что не голодна *сегодня*,
Знать надо, что и у богов есть *завтра*,
Но лишь тогда, когда его заслужат.

А н т е й

Не раз пред тем, кто забывает завтра,
Открыта вечность.

В атриуме слышен шум.

М е ц е н а т

Что это за шум?

А т р и е н з и й

(с порога)

Преславный господин, одна гречанка
Пришла и просит разрешить войти,
Чтоб постоять у вашего порога,
Пока певец Антей исполнит песни.

М е ц е н а т

Да кто ж она? Какого рода?

А т р и е н з и й

Будто

Она себя зовет женой Антея.

М е ц е н а т

Что ж, пусть войдет.

Атриензий уходит. На пороге появляется Нерисса и молча кланяется.

А н т е й

Зачем ты здесь, Нерисса?

Нерисса молчит и стыдливо закрывается покрывалом.

Вернись домой!

М е ц е н а т

Антей, прошу прощенья!
Здесь я хозяин и не разрешаю
Своих гостей отсюда прогонять.
Ты волен оставаться или нет,
Но и твоя жена свободна тоже,
Пока она в гостях у Мецената.

А н т е й
(Нериссе)

Ты хочешь здесь остаться?

Н е р и с с а
(тихо, но твердо)

Я останусь.

П р о к у р а т о р
(тихо Меценату)

Ты сделал хорошо — она смазлива.
И где он раздобыл такую нимфу?

М е ц е н а т

Такие ножки лишь найдешь в Танагре.
Уж мне поверь, я разбираюсь в этом.

(Нериссе.)

Вы замужем давно?

Н е р и с с а

Нет, первый месяц.

М е ц е н а т
(Антею)

Антей, ужель тебе еще нужна
Подмога музы в твой медовый месяц?

И так ты должен петь, подобно богу,
Коль эта грация перед тобою!
Но почему она под покрывалом?

А н т е й

Так ей велит наш эллинский обычай.

М е ц е н а т

Но в доме у меня обычай римский,
И у него свои права. Ты должен
Позволить ей откинуть покрывало.

Нерисса, не ожидая ответа Антея, открывает лицо и стыдливо
смотрит на Мецената.

О боги! На нее, друзья, взгляните!
Ведь это мраморная Терпсихора,
Которую купил я у Федона!
Случайность? Нет, случайности такой
Не может быть!

(Нериссе.)

Он изваял тебя?

Н е р и с с а

Да, господин.

М е ц е н а т

Ты танцевать умеешь?

Н е р и с с а

Не знаю...

М е ц е н а т

Как не знаешь? Терпсихора
Не знает, что она богиня танца?

А н т е й

Нет, вовсе не танцовщица она
И танцевать вне дома не умеет.

М е ц е н а т

Так я приду когда-нибудь в твой дом.

А н т е й

Мне этим честь окажешь. Но не знаю,
Придется ли тебе Нериссу видеть:
Ведь у меня жена и мать с сестрою
Лишь в гинекее могут находиться,
А я тебя там принимать не смею.

М е ц е н а т

Плохой у вас обычай!

А н т е й

Он — старинный,
Не я его установил, преславный.

П р о к у р а т о р

Но ты его охотно принимаешь!

М е ц е н а т

Не удивительно. Я понимаю
Антея ревность. Вот и я поставил
Не в атриум фигуру Терпсихоры,
А в свой таблин, подальше от людей.

А н т е й

(искренне)

За то благодарить тебя я должен.

М е ц е н а т

Так докажи нам делом благодарность
И спой.

(Рабу.)

Эвтим, ты принеси скорее
Ту лиру, что сегодня я купил.

Эвтим приносит большую, пышно украшенную лиру.

Антея, вот эта лира — дар всемирный:
Рога у ней от туров пущ германских,
Слон Африки дал кость для украшения,
Край аравийский золото прислал,
А дерево — индийский лес дремучий,

Мозаика — из дальнего Китая,
И струны итальянские, всех лучше,
Оправлены британским серебром.

А н т е й

Лишь эллинского ничего нет в лире?

М е ц е н а т

Вся будет греческой, твоей лишь станет,
Ты в дар ее получишь от меня,
Коли захочешь. Прикоснись же к струнам.

А н т е й

*(небрежно касается струн, не беря лиру из рук раба.
Струны отзываются тихим, но удивительно красивым и
чистым звуком. Антей вздрагивает от удивления)*

Какой прекрасный, небывалый звук!
Дай лиру, мальчик!

(Берет в руки лиру.)

Тяжела она!

М е ц е н а т

Держать ее тебе ведь не придется.
На то есть раб. Эвтим, стань на колени!
И как певец прикажет, так держи.

Эвтим становится на колени и поддерживает Антею лиру.

А н т е й

Нет, к этому ей привыкать не надо.
Рабов в своем я доме не имею,
Ей, верно, в воздухе висеть придется,
На ремешке.

М е ц е н а т

Как у рапсодов древних!
Прекрасно! Так повесь ее, Эвтим,
Туда, где, видишь, та большая лампа.

Эвтим вешает лиру на большой канделябр, сняв с него светильник. Антей поднимается на помост и ударяет по струнам сильнее, чем прежде. Услышав аккорд, Хилон и Федон одновременно вскакивают со своих мест.

Х и л о н

(товарищам-хористам, которые сидят там же за задними столами, занятые едой и разговорами)

Внимание, друзья! Антей играет!

Ф е д о н

Антей! Пропой свою эпиталаму!

Антей останавливается, опускает руки и склоняет голову. Пауза.

М е ц е н а т

Скажи, Антей, мне, что с тобой? Ты болен?
Иль, может, эта лира неудобна?

Н е р и с с а

(Меценату, говоря с порога)

Мой муж недавно перенес болезнь.

(Антею, заботливо и нежно.)

Антей, ты слишком напрягаешь силы.
Прошу, позволь мне лучше за тебя
Здесь выразить большую благодарность
Преславному. Танцовщицей не бывши,
Станцюю по обычаю Танагры,
Как мать меня учила. Пусть простят мне.

М е ц е н а т

Согласен я, хотя бы лучше было,
Когда бы сочетались в вас обоих
И музыка и танец воедино.

А н т е й

Моя жена сказала не подумав,
Я нахожу в себе довольно силы,
Могу играть и петь — без всяких танцев.
Меня просили так, — я дал согласие,
А танец твой, Нерисса, не для оргий.
Остановился я, перебирая
В уме те песни, что сейчас уместны.

Федон

Пропой эпиталаму! Это кстати!

Антей

Совсем некстати, — мы ведь не на свадьбе!

Меценат

А почему? Представь, что в этом доме
Мы Рим с Элладаю венчаем нынче.

Антей

Я вижу оргию перед собою,
Не свадебный напев я вспоминаю,
Скорей вакхический.

Прокуратор

Вот это лучше!

Антей снова подходит к лире. Меценат делает знак, чтобы гости замолчали; шум голосов затихает, только изредка слышен звон посуды там, где гости пьют.

Антей первую строчку произносит медленно и без музыки, затем быстро без прелюдии начинает петь, подыгрывая себе, громко, уверенно, в темпе вакхического танца.

Антей

Теперь, талант могучий, послужи певцу.
Звени! Звени! Играй! Играй!
Духа оргии пробуди!
Голос дай немоте рабов!
Оживи в нас вялую кровь!
Волю дай нашей силе скрытой!

Меценат делает знак атриензию, вбегают танцовщицы и корибанты и пускаются в вакхический танец.

Вакхический танец начнем!
Сменит оргию пыл весны!
Сгинет в душах холод и страх,
Как от солнца нагорный снег!
Дионис! Ты яви нам чудо!

Играет в том же темпе наигрыш без слов и не видит, что Нерисса незаметно очутилась в группе танцовщиц. Спустя некоторое время Антей меняет темп на более медленный и мягкий, переходя на другой тон.

Мерного танца
Лад гармоничный,
Тихое, ясное лето
Вслед за безумной, шумной весной —
И воцарится торжественный праздник.

При перемене темпа танцовщицы остановились, только Нерисса танцует, всё время находясь позади Антея; танцует беззвучно, тихо, плавно, мерно. Антей всё не видит ее, захваченный игрой, и снова берет прежний темп, с еще большим пылом.

Звени! Звени! Играй! Играй!
Дай изведать нам страсти мощь!
Дай упиться избытком сил! . .

Танцовщицы и корибанты снова окружили Нериссу в вакхическом хороводе, но Меценат останавливает их внезапным движением и громким окриком.

Меценат

Все стойте! А Нерисса пусть танцует!

При этом окрике Антей останавливается, оборачивается и не может сразу опомниться от удивления и обиды, увидя Нериссу во главе танцовщиц. Меценат, заметив это, хлопает в ладоши.

Эй, музыка! Вакхическую пляску!

Появляются музыканты с двойными флейтами, кимвалами, тимпанами, играют вакхический танец. Нерисса, после недолгой растерянности, блеснув глазами, пускается в быстрый танец с неистовыми, но прекрасными движениями менады. Некоторые из гостей прихлопывают им в лад ладошами и прищелкивают пальцами. Меценат, движением позвав Эвтима, шепнул ему что-то на ухо, тот приносит изящную шкатулку и подает ее Меценату.

Антей

Нерисса! Стой!

Меценат

О нет, танцуй, богиня!

Танцуй, прекраснейшая Терпсихора!

(Вынимает из шкатулки бриллиантовое ожерелье, поднимает его обеими руками вверх и манит им к себе Нериссу.)

Нерисса, не переставая танцевать, приближается к Меценату, глаза ее горят, движения напоминают ловкие увертки хищного звереныша. Гости вскакивают с мест и толпятся, каждый стараясь лучше увидеть Нериссу. Ее осыпают цветами и рукоплесканиями.

Голос из хора панегиристов
Вот наша муза!

Прокуратор
(с вожделием)

Лакомый кусочек!

Префект

Да, эта муза голодать не будет.

Нерисса, приблизившись к Меценату, опускается перед ним на одно колено и откидывается назад, словно готовая упасть в изнеможении, но прекрасная и манящая улыбка играет на ее устах. Прокуратор бросается, чтобы поддержать ее, но Меценат опережает его, надев ожерелье на шею Нериссе и тем же движением поддержав ее.

Нерисса

Спасибо, господин!

(Хочет поцеловать его руку.)

Меценат

Не так, богиня!

(Целует ее в губы.)

Нерисса встает.

Префект

(с места, немного приподнимаясь с ложа и протягивая чашу с вином)

Иди, вакханка, отдохни у тигра!

Нерисса, улыбнувшись, направляется к нему. В толпе сдержанный смех. Антей вдруг срывает лиру с канделябра и с размаху бросает ее в Нериссу. Нерисса, пошатнувшись, падает.

Нерисса

Спасите! Он меня убил!

Антей наклоняется к ней и видит, что она умирает.

Антей

(тихо и как будто спокойно)

Убил...

Префект
(кричит рабам)

Сюда вигилов!

Антей
Стой, дай мне закончить.

(Срывает с лиры одну струну. Обращается к Хилону и Федону, которые стоят впереди толпы.)

Друзья мои, вот вам пример хороший.

(Душит себя струною и падает мертвым рядом с Нериссой.)

28 марта 1913
Египет

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературное наследие Леси Украинки весьма обширно. Это лирика разных жанров, сатира и легенды, эпические и драматические поэмы, монументальные драмы в стихах, переводы многих писателей народов мира на украинский и русский языки. Кроме того, Леся Украинка писала прозу, литературную критику, публицистику, научные произведения.

На украинском языке первые публикации стихов Леси Украинки появились в 1884 г. в журнале «Зоря» («Заря», Львов): «Конвалія» («Ландыш», № 22, с. 186) и «Сафо» (№ 23, с. 195—196). В дальнейшем в периодике стихи, рассказы, статьи печатались более или менее систематически. Выходили изредка отдельные книги, переводные и оригинальные. В 1885 г. во Львове — книга «Вечорниці» — рассказы Н. Гоголя в переводе Леси Украинки и Михайла Обачного (псевдоним брата поэтессы). В 1888 г. в Киеве — «Жалібний марш («Траурный марш»). Слова Лесі Українки. Музика М. Лисенка». В 1892 г. во Львове — «Книга пісень Генріха Гейне», в которой большинство переводов (92 стихотворения) осуществила Леся Украинка. В 1903 г. в Киеве — «Детские игры, песни и сказки Ковельского, Луцкого и Новоград-Волынского уездов Волынской губ., собранные Ларисой Косач. Муз. записана К. Квиткой». В 1887 г. во Львове вышел женский альманах «Перший вінок» («Первый венок»), в котором помещены поэма Леси Украинки «Русалка» и стихи «На зеленом бугорочке...», «Любка» и «Лето красное минуло...».

Острый памфлет на клерикализм и националистов — прислужников мракобесия — «Пророчий сон патріота» («Пророческий сон патриота») и дополняющая его статья «„Безпardonний“ патріотизм» напечатаны в 1895 г. в № 9 журнала «Народ» за подписью «Н. С. Ж.». «Пророчий сон патріота» распространялся отдельными оттисками как пропагандистская литература.

На страницах периодической украинской прессы печатались статьи, рассказы: «Така її доля» («Такова ее судьба»), «Біда навчить» («Беда научит»), «Школа», «Релігійний дур на Україні» («Религиозное изуверство на Украине»), «Про переселенців у Росії» («О переселенцах в России») и поэмы «Роберт Брюс, король шотландський» (1893), «Давня казка» («Старая сказка») (1893).

И. Я. Франко явился инициатором издания первого сборника оригинальных стихов Леси Украинки «На крилах пісень» («На

крыльях песен»). Издание осуществлялось за границей, во Львове, вышло из печати тиражом в 500 экземпляров в марте 1893 г. (эта дата указана на обложке, на титульной странице указана дата: 1892 — планированное время выхода книги).

Вышедшая за пределами царской России, книга все же не вполне избежала рогок цензуры, пристально следившей за издательской деятельностью Франко (см. об этом: В. Курашова, Переслідування творів Лесі Українки царською цензурою. — В сб.: «Леся Українка. Публікації, статті, дослідження», Київ, 1956, с. 453—483).

Сборник «На крилах пісень» включает почти все напечатанные к тому времени стихи (69 лирических произведений) и три ранние поэмы: «Русалка», «Самсон», «Лунная легенда». Царская цензура решительно запретила ввозить книгу в Россию (см.: «Леся Українка. Документи і матеріали», Київ, 1971, с. 97). Запрещение строго соблюдалось. Даже два экземпляра, высланные из Львова автору, были конфискованы. Леся Українка впервые увидела свою книгу в июне 1894 года, когда проезжала через Львов в Софию.

Второй сборник стихов Леси Українки напечатан также во Львове под названием «Думи і мрії» («Думы и мечты») в 1899 г. В течение шести лет после выхода первой книги оригинальных стихов поэтесса опубликовала в периодике около 25 новых лирических произведений, две поэмы — «Давня казка» и «Роберт Брюс, король шотландський» и драматическую сцену «Іфігенія в Тавриді». Кроме этого она включила в сборник 25 неопубликованных стихотворений, распределила все его содержание на четыре раздела: «Поэмы»; «Мелодії» (1893—1894); «Невільницькі пісні» (1895—1896); «Відгуки» («Отзвуки») (1896—1899). Хронологический принцип сохранен, в основном, и при расположении стихотворений внутри разделов.

Третий поэтический сборник Леси Українки «Відгуки» издан в 1902 г. в Черновцах. Поэтесса снова распределила лирические произведения на разделы: «Із циклу „Невільницькі пісні“»; «Ритми»; «Хвилини» («Мгновения»); «Легенди»; включила и те стихи, которые были созданы непосредственно в Карпатах; в конце книги помещена драматическая поэма «Одержима».

Книги, изданные за границей, могли попасть на территорию Украины только в обход цензуры, как нелегальная литература. Поэтому возник замысел попытаться напечатать сборник в Киеве. Сборник повторял название книги «На крилах пісень» и должен был стать итогом для всего двадцатилетнего творческого пути. Поэтесса хотела включить в новую книгу лучшие произведения, пересмотренные и доработанные в более зрелом возрасте. С другой стороны, имея в виду придирчивость цензуры, поэтесса готовила материалы осторожно и предусмотрительно: провела «автоцензуру», сделала вынужденные купюры, изъяла ряд стихотворений. Но и это не спасло положения. Цензура бесцеремонно вторгалась в подготовку издания, наиболее выразительные гражданские стихи были или вовсе изъяты, или обескровлены, искажены. Так, например, в цикле «Невільницькі пісні» снято название цикла, изъяты стихотворения «До товаришів» («Товарищам»), «Хвилина розпачу» («Минута отчаяния»), «Ангел помсти» («Ангел мести»), «Fiat po!» («Слово, чому ти не твердая криця...») («Слово, зачем ты не твердая сталь...»). В большинстве стихотворений цикла сделаны купюры. Искажены и

многие другие произведения: «Негода», («Непогода»), «Поворіт» («Возвращение»), «До товариша» («Товарищу»), «Весна зимова» («Зимняя весна») и др.

В дальнейшем Леся Украинка не делала попыток издания сборников стихов, печаталась только в периодике и альманахах; многие лирические произведения были опубликованы посмертно в разное время и в различных изданиях — в периодике, в собраниях сочинений писательницы. Наиболее значительной и объемной публикацией является книга «Неопубліковані твори» (Львів, 1947).

Леся Украинка написала более десяти поэм. Пять ранних поэм печатались в периодике и альманахах, а затем включались в сборники «На крилах пісень» и «Думи і мрії». Последующие поэмы публиковались в периодике. «Роберт Брюс, король шотландський» был издан отдельной брошюрой в Коломые в 1894 г. В 1899 г. Леся Украинка пыталась осуществить печатание поэмы «Давня казка» на Восточной Украине и представила для печатания в альманахе «Хвиля за хвилею» («Волна за волной»), но цензор запретил основную часть произведения, в которой, по его выражению, «изображены сцены восстания». В альманахе произведение Леси Украинки не появилось. Поэма «Одне слово» запрещалась царской цензурой неоднократно. В конце 1903 г. Леся Украинка изменила название на «Чужий» («Чужой») и предложила его для альманаха «З потоку життя» («Из потока жизни»). Но и на этот раз цензор запретил печатание. Поэму удалось напечатать только в 1908 г. Остальные поэмы были опубликованы в периодике. Поэма без названия «Се ви питаєте за тих...» («Это вы спрашиваете о тех...») при жизни поэтессы не печаталась.

Все драматические произведения печатались в периодике, отдельным изданием вышел в Киеве в 1910 г. драматический этюд «Йоганна, жінка Хусова» («Йоганна, жена Хуса»).

При жизни поэтессы только один раз, в 1911 г., была сделана попытка многолетнего издания. В Киеве вышел том первый, включивший пять пьес и три прозаических произведения (Леся Украинка, Твори, книга 1, Київ, 1911). Содержание: «Вавілонський полон» («Вавилонский плен»); «На руїнах» («На развалинах»), «Три хвилини» («Три мгновения»), «В дому роботи, в країні неволі...» («В доме труда, в краю неволн...»), «Йоганна, жінка Хусова», «Над морем», «Приязнь» («Дружба»), «Розмова» («Разговор»). На этом издание прекратилось.

В советское время началось систематическое научное изучение всего наследия Леси Украинки и его публикация. К десятилетию со дня смерти было подготовлено семитомное собрание сочинений, напечатанное в 1923—1925 гг. В него включены почти все известные к тому времени произведения: т. 1 — лирика, т. 2 — поэмы и стихотворные переводы, т. 3, 4, 5 — драматические произведения, т. 6 — художественная проза, т. 7 — статьи. В 1927—1930 гг. осуществлено двенадцатитомное издание, включившее дополнительно некоторые не печатавшиеся раньше произведения.

В конце 30-х и в начале 40-х годов было обнаружено и опубликовано довольно значительное число не печатавшихся стихотворений, незавершенных драматических произведений, писем и статей. В послевоенные годы произведения Леси Украинки в оригинале и в пере-

водах печатались много раз. Среди этих изданий укажем на следующие: «Твори» («Сочинения»), тт. 1—5, Киев, 1951—1956; «Твори», тт. 1—10, Киев, 1963—1965. В основу расположения материала во всех этих изданиях положен хронологический принцип. Последнее издание в двенадцати томах подготовлено Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР, вышло в Киеве в 1975—1979 гг. (Леся Українка, Зібрання творів, тт. 1—12, Київ, 1975—1979; т. 1 — стихотворения, т. 2 — поэмы и поэтические переводы, тт. 3—6 — драматические произведения, т. 7 — проза, т. 8 — литературно-критические и публицистические статьи, т. 9 — записи народного творчества, тт. 10—12 — письма). Это — одно из наиболее полных научно-критических изданий сочинений Леси Украинки. Тексты проверены по автографам и прижизненным публикациям, внесены необходимые уточнения и исправлены ошибочные написания отдельных слов и фраз. Уточнены по автографам и прижизненным изданиям даты, места написания ряда произведений, уточнены посвящения. В значительно более полном объеме представлены статьи и письма поэтессы.

Сочинения расположены по жанрово-хронологическому принципу. В первом томе представлены стихотворения, опубликованные в трех прижизненных изданиях, подготовленных самой поэтессой, затем стихотворения, напечатанные вне сборников и опубликованные посмертно по автографам. В первый том не включены поэмы, опубликованные в прижизненных сборниках. Они представлены во втором томе в хронологической последовательности вместе с поэмами, написанными позже. В основу выбора текста положены последние прижизненные издания (за исключением тех случаев, когда правка носит явно цензурный характер), неопубликованные при жизни произведения напечатаны по автографам.

Драматические произведения Леси Украинки почти все были опубликованы при ее жизни и получили высокую оценку в критике. Однако на сцене театров они, за очень редким исключением, не появились. Краткую и неудачную сценическую историю имела только ранняя и нехарактерная для стиля поэтессы пьеса «Голубая роза». Об одной попытке сценического воплощения текстов драматургии Леси Украинки вспоминает О. Стешенко: «Это было в 1913 году. Мы устроили в ее честь вечер в Украинском клубе. Моя сестра поставила силами своих учеников спектакль из Лесиных произведений. Исполняли Лесины драматические этюды «Иоганна, жена Хуса» и «Айша и Мухаммед». Леся была этим очень обрадована, но досидеть до конца ей уже было трудно» («Леся Украинка в воспоминаниях современников», с. 110). Украинский театральный коллектив под руководством Миколы Садовского, в котором собрались лучшие артисты предреволюционной эпохи, в 1911 г. сделал попытку поставить «Лісову пісню». Леся Украинка отнеслась к этому намерению с глубоким вниманием, хотела помочь советами, описанием костюмов, декораций и т. д., но высказала опасение, что постановщик «подменит мечту бутафорией». М. Садовский потребовал права переработки текста, Леся Украинка не согласилась, и постановка не была осуществлена. М. Садовский поставил драму «Камінний господар» («Каменный хозяин») в январе 1914 г. Исполнитель роли Дон-Жуана, впоследствии народный артист СССР, И. Марьяненко считал

это первое театральное воплощение драматургии Леси Украинки и для себя, и для украинского театра того времени «вершиной творческого роста» (И. О. Мар'яненко, *Минуле українського театру*, Київ, 1951, с. 216).

Подлинная сценическая история драматургии Леси Украинки началась в советскую эпоху. «Лісову пісню» в 1918 г. поставил Киевский Первый государственный драматический театр имени Т. Г. Шевченко. В том же году киевский «Молодий театр», во главе которого стоял Лесь Курбас, поставил «У пущі» («В пуще»). В Первом госдрамтеатре им. Шевченко в 1920—1923 гг., во главе которого одно время находился А. Довженко, а заведующим литературной частью был П. Тычина, много раз ставились «Лісова пісня», «Камінний господар», «Адвокат Мартіан», «Оргія» и другие произведения Леси Украинки. В 1921 г. Украинский показательный театр поставил «Лесную песню» в Москве.

До Октября Лесю Украинку переводили на русский язык редко и случайно. Можно выделить работу известного украинского поэта и драматурга, старшего друга писательницы — М. П. Старицкого (1840—1904). Для статьи о ее творчестве он перевел отрывки из стихотворений «Скрізь плач, і стогні, і ридання...», «Contra spem spero!», «Мій шлях», «Слово, чому ти не твердая криця...» и отрывки из поэмы «Давня казка». Статья и цитаты из стихов напечатаны в журнале «Русская мысль», 1902, кн. 10.

И. Рукавишников был единственным более или менее известным русским писателем, который специально переводил Лесю Украинку («Книга нового созвездия», кн. 5, СПб., 1909). Его внимание привлекли пейзажные стихи («Гей, піду я в ті зелені гори...») («Ой, пойду я в бор дремучий...»), «Хотіла б я уплисти...» («Уплыть бы мне хотелось...»), «Останні квіти» («Последние цветы») или стихи трагического звучания («О, горе нам...», «Розбита чарка»). Большое значение для популяризации поэтессы имел перевод стихотворения «Досвітні вогні» («Предрастветные огни») в статье-некрологе «Памяти Леси Украинки» («Рабочая правда» (СПб), 1913, 30 июля).

Ни поэмы, ни драмы до Октября на русский язык не переводились. Впервые в 1922 г. Ю. Олеша перевел и издал в Харькове драматическую поэму «В катакомбах». В периодике в дальнейшем появлялись переводы отдельных стихотворений и драм, переводы из Леси Украинки включались в антологии украинской поэзии, изданные в 20-е годы.

В 30-е годы крупные русские поэты, мастера перевода (Николай Браун, Маргарита Алигер и др.), не только представляли украинскую писательницу всесоюзному читателю, но и стали пропагандистами, организаторами ее изданий.

В 1940 г. в Киеве были изданы «Избранные стихи» Леси Украинки под редакцией Я. Городского, а в 1941 г. в Москве в Детиздате — небольшой сборник «Стихи и поэмы». Значительно более полным явился трехтомник 1950 г., вышедший под редакцией М. Рыльского, Н. Брауна и А. Дейча: т. 1 — стихотворения, поэмы, т. 2 — драматические произведения (послесловие А. Дейча), т. 3 — проза, рассказы, статьи, письма.

В «Библиотеке поэта» Лесья Украинка издавалась дважды. В Большой серии ее «Избранные произведения» вышли в Ленинграде

в 1951 г. под редакцией Н. Брауна, А. Дейча, М. Рыльского, вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Дейча. В 1958 г. в Малой серии были изданы «Стихотворения и поэмы». Вступительную статью написали М. Рыльский и А. Дейч. В сборник включены только две поэмы: «Одно слово» и «Изоolda Белорукая», драматических произведений нет вовсе. Это дало возможность представить лирику довольно полно, даже в сравнении с предыдущими многотомными изданиями.

Наиболее полным изданием Леси Украинки на русском языке является «Собрание сочинений» в 4-х томах, под редакцией Н. Брауна, А. Дейча, М. Рыльского, вступительная статья А. Дейча и М. Рыльского, М., 1956—1957. т 1 — стихотворения и поэмы, тт 2 и 3 — драматические произведения, т. 4 — рассказы, статьи, письма. Последующие издания, совершенствуя переводы, базировались на материалах четырехтомника.

Лесю Украинку переводили главным образом талантливые, опытные русские советские поэты: Н Заболоцкий, П Антокольский, А. Прокофьев, М. Исаковский, Н Ушаков, М. Алигер, Н Браун, В. Звягинцева, М. Комиссарова, М. Светлов, В. Рождественский, В. Державин и др. В эту работу включились поэты различных направлений, что обеспечило воссоздание художественного богатства Леси Украинки.

В 30-е годы пьесы Леси Украинки шли на сценах профессиональных и самодеятельных театров сравнительно часто. В начале 1939 г. Киевский русский драматический театр (теперь Академический театр имени Леси Украинки) осуществил первую постановку «Каменного хозяина» на русском языке. В 1952 г. «Каменный хозяин» появился на сцене Тбилисского русского театра имени А. Грибоедова. Впоследствии пьесы Леси Украинки получили распространение во всем Советском Союзе благодаря постановкам русских театров во многих городах и гастроям украинских театров в Москве, Ленинграде, Минске, Риге и т. д. Начиная с середины 50-х годов пьесы Леси Украинки ставятся также на сценах Варшавы, Праги, Софии. Киевский и Львовский оперные театры ставят оперу «Лесная песня» В. Кирейко и балет «Лесная песня» Н Скорульского.

Настоящее издание — одно из наиболее полных собраний избранных стихотворных произведений Леси Украинки на русском языке.

Тексты подготовлены с максимальным учетом прижизненных изданий, автографов и других документальных данных, позволяющих установить окончательное изъятие авторской воли. При этом использованы материалы украинских изданий, главным образом двенадцатитомного Собрания сочинений 1975—1979 гг., как наиболее полного научно подготовленного. Переводы заново сверены с оригиналом и отредактированы для данного издания.

Все произведения сгруппированы в трех разделах: «Стихотворения», «Поэмы», «Драматические произведения». Внутри каждого раздела материал расположен в хронологическом порядке. Циклы представлены в том виде, в каком они окончательно сложились. Случаи, когда цикл приводится не полностью, отмечены редакторским указанием в заглавии: «Из цикла...» Авторские примечания даются под строкой без специальной оговорки. Примечания от редакции приве-

дены в особом разделе в конце книги. Они содержат оригинальное заглавие произведения, необходимый историко-литературный комментарий, наиболее существенные варианты, разъяснения отдельных слов и выражений. Ссылки на сб. «Леся Украинка в воспоминаниях современников» даются в сокращении: Восп. Остальные библиографические сведения приводятся в развернутом виде.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Перевод стих. «Надія». В первой публикации — под загл. «Песня изгнанницы». Самое раннее из дошедших до нас произведений поэтессы. В стихотворении речь идет о ссылке за революционную деятельность тетки поэтессы, Елены Антоновны Косач, которая долго жила в семье брата, занималась воспитанием Леси, имела на нее большое влияние. Е. А. Косач принадлежала к участникам киевского кружка «бунтарей». Ее арестовали в Петербурге весной 1879 г. в связи с покушением на киевского генерал-губернатора Дрентеля. Распоряжением министра внутренних дел от 21 апреля 1879 г. «ввиду крайней политической неблагонадежности» Е. А. Косач выслали в Олонецкую губернию, а затем, в 1881 г., по решению «особого совещания» — в Тобольск, на пять лет. Позже, со слов Леси Украинки, Ольга Кобылянская так характеризовала Е. Косач: «Каким мучениям и издевательствам подвергалась эта девушка, трудно себе представить. Куда ее только не бросали и какими способами не подступали к ней, чтобы «добыть» нужные сведения, — в это трудно поверить, но, однако, она вышла из всего этого честно и в конце концов возвратилась домой... Было что-то необычайное в этой женщине» (цит. по кн.: Л. І. Міщенко, Політична поезія Лесі Українки, Львів, 1974, с. 15). Сестра поэтессы О. П. Косач-Кривенюк вспоминает: «Об аресте тети, а впоследствии (в мае 1879 года) исылке Леси узнала через несколько месяцев уже в Луцке. Известие это потрясло и опечалило Лесю, и под его влиянием Леся в Луцке в конце 1879 года или в начале 1880-го написала свое первое стихотворение «Надежда». Об этом не раз говорила мне сама Леся» (Восп., с. 46).

2. Перевод стих. «Сафо». Одно из самых ранних произведений поэтессы. *Сафо* (Сапфо, VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса. Согласно легенде, она бросилась в море из-за неразделенной любви к юноше Фаону.

3—11. Перевод цикла «Подорож до моря» (1. «Прощай, Волино! прощай, рідний куточок! . . .», 2. «Далі, все далі! он латані ниви. . .», 3. «Красо Україно, Подолля! . . .», 4. «Сонечко встало, прокинулось ясне. . .», 5. «Велике місто. Будинки високі. . .», 6. «Далі, далі від душевного міста! . . .», 7. «Ой, високо сонце в яснім небі стало. . .», 8. «Вже сонечко в море сіда. . .», 9. «Кінець подорожі. . .»). Написано под впечатлением путешествия к Черному морю. *Комаров* Михаил Федорович (1844—1913) — украинский библиограф, издатель, общественный деятель, проживал в Одессе, Леся Украинка бывала часто в его семье. *Вольвь, Подолье* — районы Правобережной Украины; Леся Украинка считала себя по рождению и воспитанию вольнянкой

и очень любила природу этого края, собирала тут фольклор, использовала его в пьесе «Лесная песня».

1. *Славу́та* (Славутич) — народное опозитизированное название реки Днепр. *Случь* — река в бассейне Днепра, протекает в Хмельницкой, Житомирской и Ровенской областях Украины.

5. После строфы 4 в первой публикации было:

Теряется взгляд на просторе широком,
А думка не знала,
Где б счастье она повстречала.
Надежду, любовь свою — в небе высоком
Иль в море покой свой искала?

Нет, думка! Приюта в лазурном просторе
Искать бесполезно,
Напрасно ты бросишься в бездну:
Любовь и надежда не в звездах, не в море,
А в людях и в дружбе их тесной!

Там встретиться можешь с правдивой душой
И с думой свободной,
Где светел луч правды народной,
Там мир и любовь будут, думка, с тобой,
Покой — лишь в могиле холодной! . .

6. В первой публикации после строфы 1 было:

И свершилось, о чем я мечтала,
Что ждала я с таким нетерпеньем,
Нас на волнах морских закачало
В ясный утренний час, в воскресенье.

7. *Аккерман* (ныне Белгород-Днестровский Одесской области) — старинный город на берегу Днестровского лимана, в XVI—XVIII вв. находился под властью турок. Поэтическое описание турецкой крепости в Аккермане навеяно поэтессе реальными впечатлениями, переданными ею в письме к брату Михаилу (см.: Собр. соч., т. 3, М., 1950, с. 145). *Байдак* — нищий, бродяга.

12. Перевод стих. «Остання пісня Марії Стюарт». Впервые напечатано в 1888 г., под загл. «Прощальна пісня Марії Стюарт» со следующим авторским примечанием: «Сонет этот написала знаменитая несчастная Мария Стюарт, сидя в темнице, 1586 г. 22 ноября, после того, как узнала, что смертный приговор ей уже подписан жестокой соперницей Елизаветой. Прочувствованная лебединая песнь Марии, созданная в такую минуту, поражает еще больше совершенной литературной формой сонета».

13. Перевод стих. «До натурн».

14. Перевод стих. «До мого фортепіано». С детских лет у поэтессы проявилась любовь и склонности к музыкальному творчеству.

«Мне иногда кажется, — писала она, — что из меня скорее бы вышел хороший музыкант, чем поэт, вот только беда, что «природа» сыграла со мной скверную штуку». Болезнь и операция руки заставили ее отказаться от занятий музыкой. В автографе и первой публикации после строфы 5 было:

Теперь седою тучею осенней
Судьба меня все тяжелей гнетет. . .
Опять печаль? С чего начну с волненьем?
Кто осенью весняночки поет?

После строфы 6:

Мой друг! Такие дивные мгновенья —
Я при тебе так много знала их —
И струн твоих пленительное пенье
Будило в сердце стаи грез моих.

Хоть не всегда я прямо говорила
С людьми, хоть странный жребий свой
От близких, самых дорогих таила,
Но от тебя не скрыла, милый мой!

В сб. «На крыльях песен» 1893 г. после строфы 5 было:

Среди неволи, тяжкого ненастья
И мне сияла радостная даль,
Я знала не одну минуту счастья
И забывала горе и печаль.

После строфы 6:

Мой друг, твое мне дорого звучанье!
Ты мне его так щедро отдавал,
Ты облегчал души моей страданья,
Меня ты в горе нежно утешал!

(Перевод П. Жура)

15. Перевод стих. «Contra spem spero!». В автографе содержится 11 строф, в первоначальных публикациях — 9. После строфы 6:

В темноте и глухой и унылой
Не позволю я сердцу заснуть,
Хоть бы тяжело мне на сердце было,
Хоть бы смерть налегла мне на грудь.

Смерть наляжет на грудь тяжелее,
Свет суровая мгла заслонит,
Ну, а сердце забьется сильнее —
Может, лютую смерть победит.

Создание стих. связано со следующим эпизодом революционной борьбы. Летом 1889 г. знакомые Леси Украинки киевские студенты приехали во Львов для встречи с местными прогрессивными украинскими деятелями. 17 августа они были арестованы вместе с И. Франко, М. Павлыком, польским писателем Яном Каспровичем и др. В конце октября 1889 г. студенты были высланы в Россию; они пытались перевезти через границу партию нелегальной литературы, но австрийские власти связались с органами царской охранки, и задержанные очутились в киевской Лукьяновской политической тюрьме. По этому поводу Леся Украинка писала брату Михаилу сразу же после событий: «Печальная новость меня очень-очень опечалила. Сначала я чуть не заплакала, потом разозлилась почему-то в высшей мере, а потом на меня навалился какой-то дух упрямства, и я решила сегодня писать, как смогу, целый день, и вообще — буду теперь работать вдвое больше».

16. Перевод стих. «Мій шлях». В автографе вместо ст. 5—6 в строфе 2 было:

Пути мы в одиночку не найдем,
Вернее путь, коль вместе мы пойдём!

Вместо строфы 2 было:

Ох, долог этот путь и очень труден,
Трудней для тех, кто одинокий!
Но этот путь тяжелый не безлюден,
И не одна иду я в свет широкий.
Одной недолго сбиться мне с пути,
А вместе будет нам верней идти!

После строфы 5 было:

Когда кому-нибудь блеснут те звезды вочи
И он их встретит гимном вольным, шумным, —
Пусть мне ничто не светит в мраке ночи, —
Не назову певца того безумным,
Затем что ясный светлый луч подчас
Дорожной пылью скрыт от наших глаз.

17. Перевод стих. «Коли втомлюся я життям щоденним...». В первопечатном тексте по цензурным обстоятельствам был снят эпиграф, а также ст. 34—36, 39, 59, 65—70.

18—24. Перевод цикла «Сім струн» (1. «Do (Гімн)», 2. «Re (Пісня)». 3. «Mi (Коліскова)», 4. «Fa (Сонет)», 5. «Sol (Rondeau)», 6. «La (Nocturno)», 7. «Si (Settina)». Цикл построен как музыкальная гамма, все стихотворения обозначены названиями нот, в подзаголовках приводятся названия стихотворных и музыкальных жанров. Ниже приводится по автографу первоначальная редакция стих. «Fa (Сонет)»:

Фантазия, ты волшебства полна,
Ты создаешь миры в пустом просторе,
Бесстрастные одушевляешь зори
И мертвых будишь от немого сна.

Ты жизнь даешь волне холодной в море,
Где ты, фантазия, там радость и весна;
И зажигаешь ты, фантазия, одна
Живой огонь в склоненном долу взоре.

Фантазия, богиней легкокрылой
Мир золотых мечтаний ты открыла
И радугой с землей его связала,
Ты ясное и тайное слила,
И если бы душа тебя не знала,
Была бы жизнь как черной ночи мгла.

Дядя Михайло — Михаил Петрович Драгоманов (1841—1895), брат Олены Пчилки, матери Леси Украинки; публицист, ученый и общественный деятель буржуазно-демократического, впоследствии либерально-буржуазного направления. Был вынужден эмигрировать в Швейцарию, затем в Болгарию, где Леся Украинка провела у него более года (1894—1895).

25—28. Перевод цикла «В дитячому крузі» (1. «На зеленому горбочку...», 2. «Літо краснее минуло...», 3. «Мамо, іде вже зима...», 4. «Тішся, дитино, поки ще маленька...»). В первоначальном варианте весь цикл имел загл. «Дитячі» («Детские»); стих. 2 — «Поле»; стих. 4 — «До руської дитини» («Украинскому ребенку»).

29—31. Перевод цикла «Сльози — перли» (1. «Сторонька рідна! коханий мій краю!..», 2. «Україно! плачу сльїзми над тобою...», 3. «Всі наші сльози тугою палкою...»). Посвящен украинскому писателю-революционеру Ивану Яковлевичу Франко (1856—1916), который считал его самым ярким образцом политической поэзии после «Заповіта» Т Шевченко. Стихи были запрещены царской цензурой. Киевский цензор Федоров, пересказав содержание близко к тексту, писал в докладной записке Петербургскому цензурному комитету: «Изложенное содержание не оставляет сомнения в их (стихов. — С. Ш.) вредной тенденции и делает невозможным появление их в прессе» (Куликов І. Леся Українка. — видатний український мислитель-революціонер, Харків, 1962, с. 51).

2. В автографе после строфы 2:

Да разве такой я желала б работы?
Мирилась бы разве с твоими цепями?
Достаточно в сердце отваги, немало охоты...
Да скована я кандалами!

После строфы 4:

И снова тяжелые эти рыдания
В груди у меня закипают.

Ужели не кончатся горькие эти страдания,
Что бедное сердце терзают?

32—36. Перевод стих. из цикла «Крымські спогади» (1. «Негода», 2. «Бахчисарай», 3. «Бахчисарайський дворець», 4. «Бахчисарайська гробниця», 5. «Надсонова домівка в Ялті»). В сентябре 1890 г. Лесья Украинка отправилась в путешествие по Крыму, посетила Севастополь, Ялту, Бахчисарай. Под впечатлением увиденного, часто непосредственно на месте, были написаны стихи, которые впоследствии составили цикл «Крымские воспоминания», перекликающийся с крымскими мотивами Пушкина (см. № 2, 3) и Мицкевича (№ 4).

1. В первоначальном варианте после строфы 5 было:

Море сильное! Что тебе сила?
Стон — ответ на удары глухие.
Пусть бы лучше волна уж покрыла
Ту добычу могучей стихии.

Коль нужда тебе, сильное море,
Дать исход своей силе напрасной, —
Затопи ты степные просторы
Стороны этой бедной, несчастной.

(Перевод П. Жура)

Брат Михайло — Михаил Петрович Косач (1869—1903), старший брат поэтессы, воспитанник Киевского и Дерптского университетов, профессор математики Харьковского университета. Ближайший друг и соавтор по переводам Леси Украинки, выступал как литератор под псевдонимом Михайло Обачный. *Надсон* Семен Яковлевич (1862—1887) — русский поэт, умер в Ялте. «Огни догорели», «цветы облетели» — цитаты из стих. Надсона «Умерла моя муза... Недолго она...».

37. Перевод стих. «Досвітні огні». В ранних редакциях после строфы 2:

Раскинула темная ночь свои чары,
Нахлынули злые кошмары.
Как черные тучи страшны,
Мне снятся тяжелые сны —
Неясные призраки, свары.

После строфы 5:

Сияют оконца лучами привета,
И радостью сердце согрето,
Огни золотые блестят,
Лучами отваги горят.
Зовут: «К созиданию! к свету!»

(Перевод П. Жура)

В дооктябрьской «Правде» (1913, № 15) в некрологе «Памяти Леси Украинки» перевод стихотворения дан без этих строф.

- 38—49. Перевод цикла «Мелодії» (1. «Нічка тиха і темна була...», 2. «Не співайте мені сеї пісні...», 3. «Горить мое серце...», 4. «Знов весна і знов надії...», 5. «Дивлюсь я на яснії зорі...», 6. «Стояла я і слухала весну...», 7. «Хотіла б я пісню стати...», 8. «Перемога», 9. «До музи», 10. «То була тиха ніч чарівниці...», 11. «Давня весна», 12. «У чорную хмару зібралася туга моя...»).
12. В последнем издании сняты ст. 14, 15.

50. Перевод стих. «На мотив з Міцкевича». Навеяно содержанием стихотворения Мицкевича «Сомнение», откуда взят и эпиграф. В автографе входил в цикл «Романсы».

51. Перевод стих. «Коли вже зачепили сі питання...». Леся Украинка перевела стихотворение атеистического содержания неизвестного немецкого поэта по просьбе М. Павлыка, редактора прогрессивного украинского общественно-политического журнала «Народ» (издавался во Львове и Коломые в 1890—1895 гг.). Позиция автора показала Лесе Украинке неясной, и, возражая ему, поэтесса написала стихотворное послание редактору журнала, изложив свое отношение к религии, клерикализму и новым модным мистическим учениям. Однако по неизвестным нам причинам Павлык не напечатал стих., и первая публикация состоялась лишь в 1930 г. *Зевс, Один, Брама, Иегова* — верховные божества у древних греков, германцев, индийцев, иудеев. *Деисты* — последователи учения, которое признает существование бога только в качестве безличной первопричины мира, но не вмешивающегося в мирские дела. В XVII и XVIII столетиях в борьбе против феодально-церковного мировоззрения деизм имел определенное прогрессивное значение, разоблачая религиозные мифы и служителей культов. *Детерминисты* — последователи учения о закономерной, необходимой связи всех явлений и их причинной обусловленности. *Спиритизм* — признание загробной жизни «духов» умерших и возможности общения с ними при помощи специальных приемов. Спиритизм получил особенно большое распространение в кругах аристократии и декадентствующей интеллигенции во второй половине XIX в. Свое отношение к нему Леся Украинка высказала в письме к украинской писательнице Ольге Кобылянской: «Я думаю, что если бы духи, которые обычно показываются во время салонных сеансов, и в самом деле существовали, то они меня так же мало бы интересовали, по крайней мере не больше, чем обыкновенные, бесспорно существующие, но смешные людишки, которые до старости увлекаются маскарадами и мистификациями... Я вообще давно уже потеряла веру в духов и спиритических и всяких других, добрых и злых, небесных и подземных (да собственно сознательно у меня никогда не было этой веры)». *Дант* — Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия», в которой описывается путешествие поэта по загробному миру.

52. Перевод стих. «Пророчий сон патріота». Впервые напечатано под криптонимом «Н. С. Ж.». Стих. является ответвдью на проватиканские статьи, напечатанные в газете «Буковина», № 27—32 за 1895 г. Цитаты из этих статей использованы в произведении. Одновременно со стихотворной сатирой Леся Украинка отправила в жур-

нал «Народ» статью «„Беспардонный“ патриотизм», в которой также разоблачила украинских буржуазно-националистических приверженцев папы и католической реакции. В письме к редактору журнала М. Павлыку от 9—21 мая 1895 года поэтесса так объясняла обстоятельство и цель своего выступления: «...Посылаю вам две патриотические вещи. Как видите, новый для меня жанр (жанр)... Вам, может быть, удивительно, что я взяла столь поверхностный тон, но говорить основательно на такие темы—это значило бы стрелять из пушек по воробьям... Можно было бы и совсем не писать, но очень уж рассердили меня эти беспардонные господа, тем более, что они мне еще дома надосли. Если понадобится, я им и впредь не спущу». Посвящено редактору газеты «Буковина» в течение 1895—1899 гг. Осипу Маковею (1867—1925), украинскому поэту, прозаику, общественному деятелю буржуазно-демократического направления. *Коллизей* — огромный амфитеатр-цирк в древнем Риме, один из сохранившихся до нашего времени памятников римской архитектуры. *Форум* — площадь в древнем Риме, предназначенная для народных массовых собраний, на ней сосредоточивались общественная и политическая жизнь Рима. *Капитолий* — холм в Риме, на котором расположены дворцы, музеи и пр.; в древности на этом холме, имевшем значение крепости, помещались храмы, посвященные Юпитеру, Минерве и Юноне. *Скала Тарпейская* — южный склон Капитолийского холма, с которого сбрасывали государственных преступников. *Святоюрские башни* — кафедральный собор Юра (Юрия) во Львове, резиденция митрополита, центр клерикализма. *Золотые ворота* — главные въездные ворота древнего Киева. У Леси Украинки — символ православия на Украине. *В Риме будучи, не видеть папы*. Восходит к старинной поговорке, бытовавшей в Европе с XV в. *Русин* — местное галицийское название украинцев. *Галицкое я узрел обличье Под святою римскою тиарой!* Имеется в виду львовский митрополит Сембратович, который в 1895 г. получил чин кардинала. *Тиара* — тройная корона римского папы. *«Неть бо власти, аще не от бога»* («Ибо нет власти не от бога») — цитата из Евангелия. *«Русский Сион»* — львовская клерикальная газета, издавалась в конце XIX в.

53—66. Перевод из цикла «Невільничі пісні» (1. «Мати-невільниця», 2. «І все-таки до тебе думка лине...», 3. «Ворогам (Уривок)», 4. «Північні думи», 5. «До товаришів», 6. «Поет під час облоги», 7. «Товарищі на спомин», 8. «Грішниця», 9. «Хвилина розпачу», 10. «О, знаю я, багато ще промчить...», 11. «Ангел помсти», 12. «Гіат пох!»), 13. «На вічну пам'ять листочкові, спаленому приятельською рукою в непевні часи», 14. «Слово, чому ти не твердая криця...»). Эпиграф из стих. Байрона («Сонет к Шильону»). Впоследствии по цензурным условиям были сняты: загл. цикла, эпиграфы и строфы 11, 12, 15 в стих. 7. Другой цикл с таким же загл. — см. № 97—98.

1. В автографе рукой Олены Пчилки (матери поэтессы) рядом с заглавием написано «Галя». Имеется в виду Ганна Ковалевская-Деген, дочь революционерки-народоволки М. П. Воронцовой-Ковалевской. М. П. Воронцова-Ковалевская (1849—1889) была сослана на вечную каторгу в Сибирь, в г. Кара. В 1889 г. вместе с товарищами она отравилась в знак протеста против расправы над заключенной Н. Сигидой («Карийская трагедия»).

6. Эпиграф — «Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова. Цитата неточная, у Некрасова:

Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать.

«Тенденциозной» Леся Украинка называет гражданскую поэзию.

10. *Изида* — древнеегипетская богиня неба, земли, материнства и плодородия. В храме Изиды статуя богини находилась под покровом. *Атлантида* — мифическая страна, которая опустилась на дно моря; она считалась страной развитой культуры и общественной справедливости.

11. *Марс кровавый* — бог войны у древних римлян. *Корде Шарлотта* (1768—1793) — французская монархистка, убившая в 1793 г. деятеля французской революции Марата. Существует рассказ, что Марат был убит кинжалом, когда находился в ванне. Его возлюбленная так рыдала над трупом, что растрогала Шарлотту.

12. «*Fiat nox!*» Полемическое противопоставление библейскому изречению «Да будет свет!» имеет в виду «бога земного», порождающего хаос и мрак, голод и бедность. *Прожегий* (греч. миф.) — титан-богоборец, защитник людей, похитил с Олимпа огонь и научил людей пользоваться им.

13. Стих. написан в связи с делом Ветровой, получившим широкую огласку. 24 февраля 1896 г. в Петропавловской крепости после двухдневных страшных мучений умерла заключенная, слушательница Высших женских курсов Мария Ветрова. Она сожгла себя, облившись керосином из лампы, в знак протеста против издевательств жандармов. «Ветровские» демонстрации охватили всю Россию. В Киеве было арестовано более 200 участников протеста. Проводились повальные обыски. В эти дни Леся Украинка была в Киеве; с тревогой она писала матери: «Мамочка, будь добра, найди мои письма, которые я просила тебя спрятать, когда уезжала из Колодяжного, и спрячь их». Многие товарищи Леси Украинки вынуждены были уничтожать листки с ее революционными стихами. Об обстоятельствах создания стих. рассказывает в своих воспоминаниях Оксана Стешенко.

14. В одной из прокламаций РСДРП в феврале 1903 г. пятая строфа стихотворения, в переводе на русский язык неизвестного автора, взята эпиграфом:

Звякнет клинок о железо цепей,
Эхо пройдет по твердыням царей.
Встретится звяканье многих мечей
С гулом иных, не тюремных речей.

Листовку издал организационный комитет по созыву II съезда РСДРП. На одном из экземпляров листовки есть оттиски печатей Киевской, Екатеринославской, Одесской организаций РСДРП.

67. Перевод стих. «Відгуки». *Эолова арфа* (греч. миф.) — арфа воевателя ветров Эола, издавала нежные звуки при восходе солнца

и легчайшем ветерке. Золовой арфой называют рамку с натянутыми струнами, которую обычно помещают на крыше; от дуновения ветра струны начинают звучать.

68. Перевод стих. «До товарища». Адресовано Михаилу Васильевичу Кривенюку (1871—1924), товарищу поэтессы, позже — мужу ее сестры Ольги (см. письмо Леси Украинки к матери от 5(18) января 1904 г.). Он привлекался в 1896 году по делу Союзного совета киевских объединенных студенческих организаций и землячеств, обвинен в хранении и распространении антиправительственных изданий и содержался в киевской Лукьяновской тюрьме. В автографе имеются еще три зачеркнутые строфы. После строфы 1:

Злая доля забрала мой жизненный рай,
И у вас его тоже забрала.
Сокрушая родной наш, невольничий край,
Беспощадная буря взыграла.

После строфы 3:

Но не знают они, что отраднa для нас
Даже снежная буря зимою,
Что нас так утешает в безрадостный час
Даже гомон дождя за тюрьмою.

После строфы 4:

Если б знать, что последние тернии нам
Чёла ранят, остры и кровавы,
Пусть язвили б сильней, — непокорны врагам,
Мы стояли б, как рыцари славы.

В сб. «На крыльях песен» 1904 г. в ст. 1 снято цензурой слово «в тюрьме».

69. Перевод стих. «Як дитиною, бувало...»

70—76. Перевод цикла «Кримські відгуки» (1. «Імпровізація», 2. «Уривки з листа», 3. «Східна мелодія», 4. «Мрії», 5. «Зимова ніч на чужині», 6. «Іфігенія в Тавріді (Драматична сцена)», 7. «Весна зимова»).

6. В 1898 г. Леся Украинка жила в Ялте на вилле «Ифигения», где она задумала написать драму о героине древнегреческого мифа Ифигении. В Ялте была написана только одна сцена. Олене Пчилке поэтесса писала о замысле и его реализации: «„Ифигению“, как видишь, посылаю, она уже дня три как написана... Монолог, я сама вижу, страшно длинный, когда-нибудь потом, для сцены (!) можно будет сократить, а для чтения, я думаю, можно так оставить... Это я пишу для того, чтобы ты и Мих. Петр. не думали, будто бы я отступила от своего принципа исключения монолога из современной драмы. «Ифигения» именно не будет современной; в ней будет хор,

реплики *a parte* (в сторону (итал.). — *Ред.*) и, может быть, даже *deus ex machina* (букв.: «бог из машины» (лат.). — неожиданная развязка. — *Ред.*)». *Ифигения* (греч. миф.) — дочь царя Агамемнона, была обречена на жертву богине *Артемиде*. Но богиня жалилась над ней, окутала ее облаком, перенесла в *Тавриду*, сделала своей жрицей. Позже брат царевны-жрицы *Орест* со своим другом Пиларом приплыл в Тавриду и нашел там сестру. *Фиал* — чаша для вина. *Эреб* (греч. миф.) — самая мрачная часть подземного царства, ад. *Гадес* (Аид, греч. миф.) — бог подземного царства. *Лагона* (греч. миф.) — мать богини охоты *Артемиды* и бога солнца, покровителя искусств *Аполлона (Феба)*. *Электра* (греч. миф.) — сестра *Ифигении*. *Ахиллес* (Ахилл, греч. миф.) — главный герой поэмы Гомера «Илиада». Согласно мифу, на его теле было только одно уязвимое место — пята; отсюда выражение — ахиллесова пята. *Арголида* — в Древней Греции область на Пелопоннесе. *Мойра* (греч. миф.) — одна из трех сестер, богинь судьбы. *Аргос* — главный город древнегреческой области Арголиды. *Стикс* и *Лета* (греч. миф.) — реки подземного царства, воды которых заставляли умерших забывать пережитые при жизни страдания; «кануть в Лету» — быть забытым, исчезнуть без следа.

7. Адресовано М. В. Кривенюку, как и стих. «Товарищу» (см. примеч. 68).

77. Перевод стих. «Порвалася нескінчена розмова...». Посвящения ни в автографе, ни в ранних публикациях стихотворения нет. Впервые оно приведено в украинском издании 1951 г. на основании желания поэтессы, высказанного в письме к матери, Олене Пчилке, от 5 января 1904 г.: «Над стихотворением «На полуслове разговор прервался...» я прошу написать: „Памяти С. М.“». С. М. — Сергей Константинович Мержинский (1870—1901), близкий друг Леси Украинки, активный участник социал-демократических кружков Киева и Минска. С. Мержинскому Леся Украинка посвятила ряд лирических стихотворений (см. № 83, 87).

78. Перевод стих. «Зоря поезії».

79. Перевод стих. «Забута тінь». *Суровый Дант* — цитата из стих. Пушкина «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»). *Данте* (см. примеч. 51) принимал участие в политической борьбе, в 1302 г. был изгнан из родного города Флоренции и вынужден скитаться в эмиграции. С его творчеством связано имя *Беатриче Португари*. В сказаниях о поэте сообщается, что он влюбился в Беатриче, когда ей было девять лет, видел ее лишь несколько раз, но помнил всю жизнь. Данте женился на Джемме Донати, которая делила с ним все невзгоды скитаний. О биографической основе стих. см. воспоминания Г. Лысенко (Восп., с. 93—94).

80. Перевод стих. «Поворіт». Тема перекликается с письмом Леси Украинки к брату Михаилу из Вены в марте 1891 г.

81. Перевод стих. «Як я люблю оці години праці...». В первой публикации (1923) — под загл. «Часы труда», не принадлежащем

Лесе Украинке. *Перелесник* — персонаж украинского фольклора, бес-соблазнитель, по ночам является женщинам в виде огненного змея или красивого юноши.

82. Написано на русском языке как шуточный ответ на вызов русского поэта Г. А. Мачтета (1852—1902), близкого знакомого писательницы. Людмила Старицкая-Черняховская вспоминает об обстоятельствах написания стихотворения: «Она вообще была невероятно способна к языкам: в совершенстве владела немецким, французским, английским и итальянским языками. Могла писать на всех этих языках не только прозой, но и стихами. Кстати, расскажу один любопытный факт. В конце девяностых годов в Киев стал наезжать наш незабвенный друг Григорий Александрович Мачтет. Он интересовался украинскими делами и украинской литературой, познакомился с Лесей, очень полюбил и ее, и ее дарование. Однажды он попросил Лесю пробы ради написать ему стихотворение по-русски, и Леся, подхватив шутку, написала русское стихотворение. Мачтет был от него в восторге».

83. Перевод стих. «Хотіла б я тебе, мов плющ, обняти... Посвящено С. К. Мержинскому (см. примеч. 77).

84—86. Перевод стих. из цикла «Легенди» («Сфінкс», «Ра-Менеїс», «Трагедія»). 1. *Либия* — древнее название Африки. 2. *Урея* (Уреус) — змея, кобра, в Древнем Египте считалась священной. Ее символическое изображение цари Египта носили в своей короне в знак властвования над Верхним и Нижним Египтом. «*Ля Иллага!*» («Ла Илаха илаллах») — «Нет бога, кроме аллаха» (арабск.) — начальная фраза мусульманской молитвы. *Шейх* — старейшина арабского племени, деревни; глава мусульманской религиозной общины, секты, школы. *Джавры* (гяуры) — у мусульман общее название всех иноверцев.

87. Перевод стих. «Уста говорит: «він навіки згинув!»...» Посвящено С. К. Мержинскому (см. примеч. 77).

88. Перевод стих. «Королівна». «*Requiem*» — католическая заупокойная молитва. «*Miserere*», «*De profundis*» — названия псалмов, исполняющихся при католическом богослужении.

89—96. Перевод цикла «Ритми» (1. «Де поділися ви, голосніі слова...», 2. «Чи тільки ж блискавицями літати...», 3. «Якби оті проміння золоті...», 4. «Хотіла б я уплисти за водою...», 5. «Ні! я покори́ти її не здолаю...», 6. «Якби вся кров моя уплинула отак...», 7. «О, як то тяжко тим шляхом ходити...», 8. «Чом я не можу злинути угору...»). В сб. «На крильях песен» 1904 г. цикл подвергся цензурному вмешательству: стих. 6 было исключено, стих. 5 — сокращено наполовину, в стих. 7 снято упоминание о красном знамени.

3. *Эмпирей* (греч. миф.) — наиболее высокая часть неба, наполненная чистым огнем и светом, место пребывания богов.

4. *Офелия* — героиня трагедии В. Шекспира «Гамлет».

6. *Орифламма* — букв.: «золотое пламя» — так называлось в

средние века боевое французское знамя: оно было золотым по цвету, с острыми концами, напоминающими языки огня.

97—98. Перевод стихотворений из второго цикла «Невільницькі пісні» (1. «Забуті слова», 2. «Віче»). Второй цикл «Невільницькі пісні» был составлен поэтессой специально для сборника «Отзвуки» из стихотворений, напечатанных в периодике после выхода предыдущей книги стихов. Он является как бы продолжением цикла в сборнике «Думы и мечты» (см. № 53—66). *Жанна д'Арк* — героиня освободительной войны французов против английских захватчиков в XV столетии, сожженная на костре англичанами. *Орифламма* — см. примеч. 89—96. *Свобода, братство, равенство, наш край* — воспоминания о детских играх, когда вместе с братом Михайлом девятилетняя Леся организовала «тайное общество», где произносились речи о борьбе за свободу, пелись «красные песни». «*Каленые ножи*» — слова из песен повстанцев-гайдамаков. «*Домой спешите, гуси, Волк за горой!*» — слова из детской песни-игры, здесь употребляется как пароль, извещающий об опасности.

99—103. Перевод стих. из цикла «Хвилини» (1. «Талого снігу платочки сивенькі...», 2. «Гей, піду я в ті зелені гори...», 3. «Темна хмара, а веселка ясна...», 4. «Ой, здається — не журюся, таки ж я не рада...», 5. «Ой, піду я в бір теменький, там суха смерека...»).

104. Перевод стих. «*Ниобея*». *Ниобея* (греч. миф.) — дочь Тантала, жена фиванского царя Амфиона. Она гордилась своими многочисленными детьми перед богиней Латоной, имевшей только двух детей — Аполлона и Артемиду. Дети Латоны отомстили за обиду матери, убив стрелами детей Ниобей. Неутешная Ниобея превратилась в скалу, из которой лился поток слез. Леся Украинка ошибочно называет Ниобею «дочерью Прометея».

105. Перевод стих. «Гострим полиском хвилі спалахують. .

106. Перевод стих. «Дим». В автографе имеются зачеркнутые первоначальные вступительные строки:

«Дым, — я себе твердила, — даже дым
в родном краю нам сладостен и дорог».
Так говорил еще старик Гомер.
И, знать, дымок от очагов домашних
не ел слепых очей, а гекатомбы
не столько жгли, сколько об этом пели. . .

После ст. 42 в автографе вычеркнуто:

«А тут от кашля просто рвется грудь!
Ну, дым! Того гляди, в краю чужом
пока берутся солнце, море, воздух
уврачевать, так он уж вгонит в гроб. . .

«Дым, — я себе твердила, — даже дым. . .» и т. д. Эти строки, так же как выражение Чацкого «И дым отечества нам сладок и приятен» (Грибоедов, «Горе от ума», действ. 1, явл. 7) и стих Державина «Отечества и дым нам сладок и приятен» («Арфа», 1798), восходят к античной поговорке: «И дым отечества сладок». *Полента* — национальное итальянское блюдо, каша из маисовой муки. «*Ризайя*» — рисовое поле. *Sampierdarena* (Сампьердарена) — железнодорожная станция близ Генуи.

107. Перевод стих. «Бранець». *Кондотьеры* — наемные отряды в XIV—XV вв.; люди, готовые сражаться за любое, хорошо оплачиваемое дело. *Баяр* — прозвище Пьера дю-Террайля, «рыцаря без страха и упрека» (1476—1524), отличавшегося особой храбростью и честностью. В конце XIX в. в Мезиере ему поставлен памятник.

108. Перевод стих. «Було се за часів святої Германдади. . .». *Священна Германдада* — отряды, созданные в XV в. правительством Испании для поимки преступников; они не имели отношения к инквизиции, как, по-видимому, считала поэтесса. *Торквемада* Томазо (кон. XV в.) — «великий инквизитор» Испании, главный судья инквизиции, известен крайней жестокостью своих приговоров.

109. Перевод стих. «Напис в руїні». *Тутмес, Рамзес, Тарак, Менефт* — имена египетских фараонов.

110. Перевод стих. «Ой не зникли золоті терни. . .»

111—113. Перевод цикла «Пісні про волю» (1. «Ось вони йдуть. Корова у них має. . .», 2. «Чого марсельську пісню чути? . . .», 3. «„Нагаечка, нагаечка!“ — співають накінець. . .»).

1. «*Смело, друзья!*» — популярная революционная песня, приписываемая поэту-революционеру М. И. Михайлову; в измененном варианте стала гимном народовольцев.

2. *Гимн Марселя* — «Марсельеза», французская песня времен буржуазной революции, сочиненная в 1792 г. Руже де Лилем (первоначально песня марсельских волонтеров, затем — национальный гимн Франции). В русском тексте П. Л. Лаврова («Отречемся от старого мира. . .») песня стала популярной в России.

3. В автографе вычеркнута последняя строфа:

Неужто, как невольники, мы, упершись в бока,
Под пятками плантатора ударим трепака?
Иль мы хотим, отдав себя на божью благодать,
Такою «карманьолю» тиранов испугать?

«*Нагаечка, нагаечка!* . . .» — припев студенческой песни: «Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя, так вспомни же, нагаечка, восьмое февраля» — 8 февраля 1899 г. во время революционной демонстрации казачки секли студентов нагайками.

114. Перевод стих. «Мріє, не зрады! Я так довго до тебе тужила. . .».

115. Перевод стих. «Веселый пан». Стих. 115—118 были опубликованы в киевском сатирическом журнале «Шершень» под криптонимом «Лука» (Л. Ук(раинк)а) (см. об этом воспоминания Оксаны Стещенко — Восп., с. 109). Незвизрая на весьма умеренное направление этого издания, Леся Украинка решила принять в нем участие, используя возможность оперативно откликаться на события революции. В стихах «Веселый пан», «Практичный пан», «Пан-политик» и «Пан-народолюбец» изображен тип буржуазного либерала, псевдонародника, спекулирующего на народном движении. Вскоре журнал «Шершень» был запрещен царской цензурой, аналогичные издания на украинском языке больше не появлялись. В жанре стихотворной публицистической сатиры Леся Украинка в дальнейшем не выступала.

116. Перевод стих. «Практичний пан». См. примеч. 115. «Продуценты» — производители.

117. Перевод стих. «Пан-політнк». См. примеч. 115.

118. Перевод стих. «Пан-народовець». Стих., вероятно, имеет в виду газету «Світова зірниця» («Утренняя заря»), издававшуюся с февраля 1906 г. в Могилеве помещиком Иваном Волошиновским. В том же «Шершене» (№ 15 от 14 апреля 1906) опубликована эпиграмма на эту газету. См. также примеч. 115.

119. Перевод стих. «За горою блискавці. . .»

120—125. Перевод цикла «Весна в Єгипті» (1. «Хамсін», 2. «Дихання пустині», 3. «Афра», 4. «Вітряна ніч», 5. «Вість з півночі», 6. «Таємний дар»). Три зимы (с 1909 по 1913 г.) Леся Украинка провела в Египте, в курортном городке Гелуан. Цикл «Весна в Египте» написан в апреле 1910 г. В это время (11 апреля 1910) она сообщила матери о работе над циклом: «За последние дни хоть воспрянула духом, и под влиянием хамсина могла писать только на египетские темы: «Хамсин», «Дыхание пустыни», «Афра» (так называются стихи). Ох, если бы ты видела этого рыжего демона хамсина, как он превращает мир в желтый кошмар! Действительно, злой дух — Тифон! . . . А потом уже «тихий хамсин», без песка и летающих в воздухе камней, только с желтым колоритом и с t° 30° «в тени», а потом еще было «дыхание пустыни» с той же t°, но уже без желтого колорита, а потом была «афра» — мертвая тишина с белым от жары небом (t° все та же), наконец северный ветер и дождь. Теперь у нас t° Гомерова Олимпа, и мы наслаждаемся. А то были такие «египетские ночи», что чуть с ума не сошли. . . Но я удовлетворена, так как хотела знать, что такое настоящая Африка. Теперь знаю».

Впервые цикл «Весна в Египте» был опубликован в журнале «Рідний край», который издавала и редактировала Елена Пчилка. Леся Украинка осталась недовольна редакторской правкой; об этом и других аналогичных случаях она писала Н. К. Кибальчич 24 апреля 1910 года: «Вот, например, «Вісник» все «выправляет» форму моих стихотворных произведений, хотя я убедительно просила «оставить мои грехи на моей совести», выправляет старательно, вплоть до

полного уничтожения размера... Что поделаешь?! Подумаешь: уже скоро тридцать лет будет, как я взяла в руки перо для стихов (правда, я его взяла немножко рано), а меня все еще «правят» (вот и мама в «Ріднім краю» немного «выправила»), — наверно, я так и умру «молодой писательницей», которая без редакторской палки и шагу ступить не смеет... Не знаю почему, например, в русской литературе ни один редактор не отважится выправлять какого-нибудь Андрея Белого etc., а меня все «выправляют» — неужели я хуже Андрея Белого! Не думайте, что во мне говорит мания непогрешимости — нет, мои редакторы, наверно, умнее меня, только зачем они мне портят размер?..» В первой публикации цикл датирован 23—30 марта 1910.

126. Перевод стих. «Сон» («Тепло та ясно... Чи се Єгипет?»). В автографе это стих. переписано среди стихотворений цикла «Весна в Египте» (после стих. «Афра»), однако в прижизненных изданиях в состав цикла не включалось.

127—130. Перевод части стихотворений цикла «З подорожньої книжки» (1. «На стоянці», 2. «Мрії в бурю», 3. «Земля! Земля!», 4. «Епілог («Хто не жив посеред бурі...»)). Л. Старицкая-Черняховская вспоминает: «Предпоследняя поездка была для нее особенно трудной. Уезжала она совсем больная. Ехать пришлось на каком-то итальянском пароходе, плохо приспособленном для пассажиров. Даже порядочного отопления на нем не было. На второй день пути поднялась страшная снеговая буря на море... Пароход швыряло и бросало, как щепку, и он несколько дней носился, облепленный снегом и льдом, словно призрак, посреди волн и метели, не зная, куда несет его буря. Вспоминая об этом путешествии, Леся говорила: „Это было что-то до того невыносимое, что я всей душой желала, чтобы мы разбились и поскорее пошли ко дну!“» (Восп., с. 81).

1. *Великий Могол* — правитель империи из династии Моголов в Индии (XVI—XIX вв.).

131. Перевод стих. «Хто вам сказав, що я слабка...». Впервые стих. опубликовано в 1945 году по автографу, в котором вычеркнута последняя, незавершенная строфа:

Что ж, буду жить я, как живет
Волна в часы покоя —
Как будто спит поверхность вод...

Последняя строка по смыслу дополнена переводчиком С. Я. Маршакom:

Но море ждет прибоя.

132. Перевод стих. «На роковини». Написано к пятидесятилетней годовщине со дня смерти Шевченко (см. письмо к матери от 9 марта 1911 г.).

ПОЭМЫ

133. Перевод поэмы «Роберт Брюс, король шотландский». В автографе имеются примечания Леси Украинки к двум словам: «Шотландия — Шкоция. Название Шкоция вернее, но для гармонии стиха мы употребляем «Шотландия»; *Герольд* — слуга или рыцарь, который сообщал волю королевскую и решения правительственные». *Роберт Брюс (1277—1329)* — шотландский родовитый дворянин, возглавил восстание горожан и крестьян против владычества англичан и одержал окончательную победу в 1314 г. при Баннокберне. После этой победы постановлением парламента Роберт Брюс был признан главой всей Шотландии. Вскоре был подписан договор между Шотландией и Англией, подтвердивший самостоятельное правление Шотландии. Образ освободителя страны нашел отражение в художественной литературе. В частности, Роберт Бернс в 1793 г. создал стих. «Брюс к своим людям при Баннокберне», навеянное обстоятельствами борьбы французских республиканцев против иноземных завоевателей. Леся Украинка, сохраняя историческую достоверность, исключает участие парламента в событиях, основную роль отводит трудовой массе, крестьянству. *Дядя Михайло* — М. П. Драгоманов (см. примеч. 18—24). *Король Эдвард* — очевидно, Эдуард I (1239—1307), английский король, вел длительную борьбу за присоединение Шотландии, умер во время похода против Роберта Брюса.

134. Перевод поэмы «Давняя казка». В автографе имеется более 50 строф с описанием болезни героя-певца, снятые автором при подготовке поэмы к печати. На полях автографа — замечания Олены Пчилки, расшифровывающие автобиографическую основу этих описаний. Кроме того, в автографе имеются следующие варианты в гл. 4. После строфы 17:

Собираются толпою
Горожане и крестьяне,
Беспокоен край широкий,
Приближается восстанье.

После строфы 33:

Он приветливо промолвил:
«Я прошу у вас прощенья,
Что не вышел вам навстречу —
Болен уж не первый день я.

Что ж, прошу — садитесь, гости!»
Все по-прежнему стояли
И немедленно поэту
Речи графа передали.

После строфы 56:

Если цепи и найдутся,
Чтоб мое сковали слово,

Звон их будет громче речи,
Громче языка любого.

После строфы 61:

А борьба не прекратилась
До сих пор в родимом крае,
И сейчас она ведется —
Страшная и затяжная.

И. Франко в статье 1898 г. справедливо оценил поэму как «одно из лучших и наиболее характерных украшений нашей новой литературы» (Восп., с. 329).

135. Перевод поэмы «Одно слово». В первой публикации — с подзаголовком «Рассказ старого якута». Сюжет произведения построен на ошибочном предположении, что в якутском языке нет слова «свобода». В заметке «Критико-филологические замечания о ложках дегтя в бочках меду» Агафангел Ефимович Крымский (1871—1942), украинский писатель, ученый-филолог, близкий друг Леси Украинки, указал, что в якутском языке это слово имеется. Очевидно, под влиянием его критики, выпускаемая в 1908 г. поэму отдельной книгой, Леся Украинка заменила слово «якут» на «туземец». Впоследствии А. Крымский по поводу этого эпизода писал: «Прочитав эту поэму, я опубликовал статью «Ложка дегтя в бочке меду», где было сказано, что поэма великолепна, но в основе ее лежит ошибка: в якутском языке существует понятие «свобода» и целых три синонима этого слова, — и привел их. Замысел поэтессы был хорош, идея правильна, но что касается якутского языка, то он был выбран неудачно. Леся Украинка вполне спокойно приняла мою критику и очень досадовала по поводу такой ошибки... Случай с поэмой «Одно слово», повторяю, был единственным в творчестве Леси Украинки и особенно подчеркивает ее беспримерное отношение как писательницы к своему творчеству!» (Восп., с. 266). Образ политического ссыльного, возможно, подсказан судьбой украинского поэта-революционера Павла Арсеньевича Грабовского (1864—1902), проведенного в ссылке всю сознательную жизнь. Одно из изданий поэмы сопровождалось следующими авторскими пояснениями: «*Тойоном* зовут на севере всякого начальника»; «*Всполохом* называется многокрасочное сияние на небе, которое очень часто бывает видно ночью в холодных северных краях»; «*Юртою* называется шалаш, покрытый войлоком или звериными шкурами. В таких юртах живут люди в холодных северных краях»; «*Тайгой* называются в Сибири огромные темные леса, которые покрывают собой почти всю эту страну».

136. Перевод поэмы «Віла-посестра». Мотивы народного творчества увлекали Лесю Украинку с детства. С украинским фольклором она знакомилась непосредственно в народе и по литературным источникам. С фольклором славянских народов она познакомилась также очень рано. В семье Косачей знали и любили сборник «Сербські народні думи і пісні» (переложено М. Старницьким, Київ, 1876). В песнях этого сборника встречается мотив дружбы юноши с девушкой.

В думе «Андрей и Марко» сестрой (*посестрой*) Марка становится шинкарка Марпя, а в думе «Марко и сестра капитана Летка» посестрой становится вила. В сборнике М. Старицкого есть примечание: «*Вила* — существо девичье, живущее в горах, подобно нашей русалке, или, точнее, мавке. Только вила сербская более добродетельна; она очень красива, обладает чудесным голосом; временами проказничает с юнаками, но больше заботится о них и о Сербии». Поэма создавалась сразу же после смерти С. К. Мержинского (см. примеч. 77). Леся Украинка писала близкой подруге Вере Григорьевне Крыжановской: «Достаточно, если я скажу, что в последний день я не старалась бы сохранить в нем жизнь, если бы это было в моей власти; лишь присутствие его родных мешало мне ввести ему морфий (меня упорно преследовала эта сумасбродная мысль)... Но довольно об этом, а то я снова сойду с ума...» *Юнак* (сербск.) — герой — персонаж эпоса южнославянских народов. *Пернач* — символ власти. *Янычары* — отборная пехота в султанской Турции (до 1826 г.), комплектовалась из пленных христиан, обращенных в мусульманство.

137. Перевод поэмы «Изольда Білорука». В своем произведении украинская поэтесса обратилась к мотивам всемирно известного романа о Тристане и Изольде. Этот средневековый рыцарский роман (Леся Украинка знала его в свободной обработке французского ученого Жозефа Бедье) создан на основе народных преданий и легенд. В нем воплотилось народное представление о праве человека на земное счастье, на реальные чувства в противовес католической средневековой проповеди аскетизма. Леся Украинка выделила в сюжете романа эпизодический образ Изольды Белорукой, придав всему произведению глубоко демократическое содержание. *Моргана, Мерлин, Урганда* — волшебники, персонажи средневековых рыцарских романов.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

138. Перевод драматической поэмы «Одержима». Написано в Минске в течение одной ночи у постели смертельно больного С. К. Мержинского (см. примеч. 77). В ответ на замечание И. Я. Франко, что драма слишком лирична, Леся Украинка рассказала об обстоятельствах ее создания: «... Я писала в такую ночь, после которой, верно, долго буду жить, если уж тогда жива осталась. И даже писала, не исчерпав скорби, а в самом ее апогее». В произведении отразилась евангельская легенда о Христе и Марии Магдалине, существенно переосмысленная поэтессой. Изменение имен (Христос — Мессия, Мария Магдалина — Мириам) продиктовано, очевидно, цензурными соображениями.

1. *Гадаринское озеро* — озеро возле города Гадара (ныне Мукса) в Палестине. *Галилея* — северная часть Палестины. *Назарет* — небольшой город в Галилее, в котором, согласно евангельской легенде, провел детство Христос. *Ваал* — в религии племен древней Сирии (финикиян, филистимлян и др.) бог неба, солнца, плодородия; в культе Ваала были особенно распространены человеческие жертво-

приношения; в переносном значении служение Ваалу — погоня за материальными благами.

2. *Гефсиманский сад* — местность возле Иерусалима в Палестине. *Вельзевул* (Веельзевул, библи.) — одно из имен Сатаны.

3. *Голгофа* — гора близ Иерусалима, на которой, по преданию, был распят Христос.

4. *Синедрион* — совет старейшин в древней Иудее, выполнявший функции высшего религиозного учреждения, правительственных и судебных властей. *Астарот* (Астарты) — в древней Сирии и Финикии богиня земного плодородия и любви. *Преторианец* — в Древнем Риме воин привилегированных императорских войск. *Саддукеи* — представители религиозно-политической группировки в Иудее во II в. до н. э. — I в. н. э., которые выражали интересы рабовладельческой знати, жрецов и правителей страны.

139. Перевод драматической поэмы «В катакомбах». Первоначально была посвящена «уважаемому побратиму А. Е. Крымскому». В письме к А. Е. Крымскому от 27 января 1906 г. Леся Украинка рассказала, что написанию драмы предшествовало глубокое изучение материалов о сущности христианства: «Собственно говоря, я уже раньше думала, что нынешняя форма христианства является логическим и роковым следствием его первичной формы... В древнейших памятниках, в «Деяниях апостолов», в посланиях апостола Павла, в аутентичных фрагментах первоначальной галилейской пропаганды я вижу зерно этого рабского духа, этого узкосердного политического квинтэссенциализма, который так разыгрался потом в христианстве. Как хотите, но не случайно в притчах и везде в Евангелии так часто употребляется слово «раб» и антитеза «господина и раба» как единственно возможная форма отношений между человеком и его божеством... Разве не против этого восстает мой раб — прометеист? Он совершенно правильно думает, что пока будут господа и рабы (на земле или на небе, все равно), будут и посредники между ними, надсмотрщики, экононы и т. д. ...Моя поэма относится к середине II века христианской эры (или же второй половине его), а тогда уже определилась достаточно духовная тирания всяких «подпасков» божьих, — осталось только продолжать постройку на прекрасно заложенном фундаменте духовной темницы».

Катакомбы — подземные ходы и пещеры в пригородах древнего Рима, место богослужений и погребения у первых христиан. *Рахиль* (библи.) — одна из жен патриарха Иакова, долгое время оставалась бездетной. *Термы* — особые бани, сооружавшиеся в древнем Риме. *Агала* — совместная вечерняя трапеза у первых христиан. *Осанна* — букв.: «спаси!», «благослови!» — молитвенный возглас у христиан. *Маремма* — заболоченная низменность на западе Апеннинского полуострова. *Мессия* — букв.: «спаситель», одно из наименований Иисуса Христа. *Эдем* — земной рай, где жили Адам и Ева до грехопадения; переносно — благодатный уголок земли. *Прометей* — см. примеч. 53—66.

140. Перевод драматической поэмы «Кассандра». Первое упоминание о «Кассандре» встречается в письме поэтессы к Ольге Кобылянской от 14 марта 1903 г. из Сан-Ремо. Указывается, что она из-

брала для драмы героиню античного сказания Кассандру «потому, что эта трагическая пророчица, со своей никем не признанной правдой, со своим тщетным пророческим даром... беспокойный и страстный характер: она предвидит беду и предсказывает ее, но никто ей не верит, ибо хотя и говорит она правду, но не так, как нужно людям; она знает, что так ей никто не поверит, но иначе говорить она не умеет... Она знает, что ее родная Троя погибнет, и семья, и все, что ей мило, и должна поведать об этом во весь голос, так как это правда; и, зная эту правду, не делает ничего для борьбы...» *Кассандра* — в «Илиаде» Гомера прекрасная дочь троянского царя Приама, которая после уничтожения Трои попадает в руки аргосского царя Агамемнона и погибает вместе с ним от руки его жены Клитемнестры и наместника Эгиста. В античных сказаниях троянского цикла о Кассандре сообщается, что она получила дар пророчицы от Аполлона, но отказалась залатить ему своей любовью, тогда разгневанный бог сделал так, что ее предсказаниями никто не верил, и люди отворачивались от нее. Этот трагический мотив был использован у многих писателей от «Энеиды» Вергилия до «Елены Спартанской» Э. Верхарна и «Ахилейды» С. Выспянского.

1. *Киприда* — одно из имен богини Афродиты, по названию острова Кипр, возле берегов которого она родилась из морской пены. *Арес* — бог войны, сын Зевса и Геры. *Гекатомба* — большое жертвоприношение богам. *Эпиметей* — брат Прометея (см. примеч. 53—66), полная его противоположность, муж *Пандоры*, владеющей ящиком с человеческими несчастьями. *Мойра* — см. примеч. 70—76.

2. *Ахейцы* — греки. *Сибилла* — прорицательница. *Гелиос* — бог солнца. *Атриды* — дети Атрея, Агамемнон и Менелай.

3. *Пелид* — герой Ахилл, сын Пелея.

4. *Артемиды* — дочь Зевса, сестра Аполлона, богиня луны, лесов и охоты; изображалась девой, вооруженной луком и стрелами.

5. *Пентезилея* — царица амазонок, помогала троянцам в войне, была убита Ахиллесом. *Лидия* — рабовладельческое государство в западной части Малой Азии. *Ифигения* — см. примеч. 70—76. *Медуза Горгона* — чудовище в виде женщины со змеями вместо волос и взглядом, обращавшим людей в камень. *Фиал* — сосуд. *Харон* — перевозчик душ через подземные реки в царстве мертвых.

7. *Палладион* — статуя вооруженного божества (чаще всего Афины Паллады), считавшаяся охранителем города. Палладион Трои, подаренный Зевсом, должен был охранять троянцев до тех пор, пока он находится в стенах города; был похищен греками благодаря хитрости Одиссея.

8. *Гадес* — см. примеч. 70—76.

141. Перевод драматической поэмы «У пущи». Леся Украинка начала работу над поэмой в 1898 г., написав первое, часть второго и третье действия под загл. «Скульптор», 13 января 1903 г. она писала И. Я. Франко по поводу его мелких, случайных работ по принуждению и о нереализованных замыслах: «И часто я думала об этих «свернутых головах», и об этих корреспонденциях, и об этой полемике. Думала и тогда, когда писала свою драму о скульпторе среди пуритан в диких пущах первых американских колоний».

Загл. изменялось несколько раз: «Ричард», «Похороненный художник» и др. В 1907—1909 гг. произведение было завершено и в 1910 г. опубликовано. «В пуще» появилось после долгих поисков и носит не только реальный, но и символический характер. В одном из писем Леся Украинка сообщала Ивану Франко, что думала о нем, о его положении среди клерикалов и реакционеров, когда писала драму.

Действие первое. *Ханаан* — древнее название Палестины. «*Оставьте мертвым мертвых погребенье*» — согласно евангельским легендам, ответ Христа на просьбу ученика похоронить отца. *Осия* (Иосия, библ.) — предполагаемый автор одной из книг, входящих в Библию, иудейский царь. «*Новый Ханаан*» — переносное название Америки, где обосновались переселенцы из Англии. *Я стал волком, как вавилонский царь*. Согласно библейской легенде, вавилонский царь Навуходоносор, впав в безумие, уподобился волу и стал питаться травой. *Что не к чему иконам поклоняться, Что церковь англиканская греховна*. Английская протестантская секта пуритан (возникла в XVI в.) ставила задачей очистить англиканское исповедание христианства от остатков католицизма, в том числе требовала отмены икон и скульптур религиозного содержания. Пуритане, переселившись в Америку (Массачусетс), стремились свои поселения превратить в показательные общины «библейского» образца, с суровыми аскетическими требованиями, ханжеской моралью, во главе общины должна была стоять небольшая группка «избранных» лиц. *Никсы* — в германской мифологии фантастические существа, напоминающие русалок. *Господь ее накажет, как Сапфиру*. Согласно библейской легенде, бог умертвил Аналию и его жену Сапфиру за сокрытие части денег, вырученных от продажи имущества. *Египетская скверна* — по библейской легенде, бог наслал на египтян «десять казней», среди них наказание «скверной» — язвами, чесоткой и т. п. *Как от жены беспутной Потифара*. По библейской легенде, жена Потифара пыталась соблазнить раба Иосифа Прекрасного, но он бежал от нее. *Голиаф* (библ.) — великан, побежденный Давидом.

Действие второе. *Виклифовцы, лолларды* — религиозные секты в Англии в XVI—XVIII вв., выступавшие против католицизма. *Марфа и Мария* (еванг.) — сестры Лазаря, жительницы Вифании, где их встретил Христос. *Содом и Гоморра* (библ.) — города, уничтоженные небесным огнем за грехи их жителей. «*Целуя, предаешь*» — по евангельской легенде, эти слова произнес Христос, когда Иуда поцелуем указал на него страже. *Веселил и Элиав* (библ.) — по библейской легенде, искусные мастера предметов религиозного культа. *Отродье Каиново*. По библейской легенде, Каин убил своего брата Авеля, запятнав этим свое потомство, к которому причислялись жители финикийских городов *Сидона* и *Тира*. *Юбал и Тубал-Каин* — потомки Каина. *Как Авраам просил за грешный город*. По библейской легенде, патриарх Авраам просил бога пощадить Содом и Гоморру, если в этих городах найдется хотя бы десять честных жителей. *Молох* — в религии древних финикийян, карфагенян и некоторых других народов Востока бог солнца, огня и войны, которому приносились человеческие жертвы; в переносном смысле — нечто, требующее тяжелых жертв. *Астарта* — см. примеч. 138.

Действие третье. «*E disse lei...*» и т. д. Цитата из «Божественной комедии» Данте («Ад», 5, с. 121—123). Десятина — один из видов церковного налога. А наших «прав Петиция»? А «пункты»? — правовые положения, которые отстаивали английские буржуазные политики в борьбе против королевской власти. *Архимед повержен был рукою негодяя*. Знаменитый греческий математик и механик, согласно преданию, был убит римским солдатом в тот момент, когда чертил на песке геометрические фигуры. *Статую без рук*. Статуя Венеры Милосской была найдена поврежденной, без рук. *Буонарроти Микеланджело* (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт. *Одиссей* — герой гомеровской поэмы; в XI песне поэмы рассказывается о том, как он вызвал из царства мертвых убитого Ахилла и разговаривал с ним. *Донателло* (1386—1466) — итальянский скульптор. *Камены* (римск. миф.) — богини-покровительницы искусств и наук, тождественные древнегреческим музам. *Чичисбей* — в XVI—XVIII вв. в Италии постоянный спутник замужней женщины, сопровождавший ее на прогулках. «*Stabat mater*», «*Gloria*» — начальные слова католических гимнов. *Requiem* — см. примеч. 88. *Ахиллес* — см. примеч. 70—76.

142. Перевод драмы «Лісова пісня». Леся Украинка связывала замысел своей драмы-феерии с воспоминаниями детства, с образами украинского народного творчества; она делилась с матерью, Оленой Пчилкой, в письме от 20 декабря 1911 г.: «А я «нервнодушна» к этой пьесе, она мне подарила больше дорогих минут вдохновения, чем какая-либо другая. Относительно влияния Гоголя, то, насколько могу уловить сознанием, его не было. Мне кажется, я просто вспомнила наши леса и затосковала по ним. И, кроме того, я давно уже эту мавку в «уме держала», еще с той поры, как ты в Жаборице мне что-то о мавках рассказывала, когда мы шли каким-то лесом с маленькими, но очень частыми деревьями. Потом я в Колодяжном в лунную ночь убегала одна в лес (об этом никто из вас не знал) и там ждала появления мавки. И под Ничемным она мне грезилась, когда мы там ночевали — помнишь? — у старого Льва Скулинского... Видно, нужно было мне о ней когда-нибудь написать, а теперь почему-то пришло «надлежащее время» — я и сама не знаю почему. Зачаровал меня этот образ на всю жизнь». По воспоминаниям Оксаны Штененко, в пьесе заложена и полемика с «Утонувшим колоколом» Гауптмана (см. Восп., с. 107). К изданию «Лесной песни» Леся Украинка приложила ноты народных волинских мелодий, записанных ею самой и предназначенных для исполнения Лукашем в 1, 2 и 3-ем действиях. Ноты сопровождаются следующим примечанием: «Все эти мелодии следует играть solo, без оркестрового сопровождения и без искусственной аранжировки; если трудно переходить от одной мелодии к другой в том порядке, как здесь указано, без долгих искусственных модуляций, то лучше пусть они отделяются одна от другой просто паузами, как это обычно бывает, когда играют деревенские музыканты, потому что именно здесь-то и следует сохранить деревенский стиль без лишней хитростей». *Перелесник* — см. примеч. 81. *Потерчата* — в украинском фольклоре фантастические существа, внебрачные дети, утопленные матерями и ставшие болотными огонь-

ками. *Куц* — в украинском фольклоре черт-лесовик. *Злыдни* — в украинском фольклоре — маленькие существа, приносящие в дом горе. *Терлыч* — растение. *Ситняг* — растение.

143. Перевод драматической поэмы «Адвокат Мартіан».

1. *Центурион* — первоначально в древнеримской армии начальник центурии, отряда в сто человек, в дальнейшем — начальник небольшого отряда. *Вигилы* — в Древнем Риме стражи. *Гинекей* — женская половина древнегреческого дома. *Легат* — в Древнем Риме наместник провинции. *Ареопаг* — в Древней Греции высшее судилище.

2. *Феральные дни* — в Древнем Риме дни поминовения умерших, в которые не рекомендовалось что-либо предпринимать. *Булла* — грамота, постановление или распоряжение папы римского; иногда продавалась за деньги как «отпущение грехов». *Эскулап* — римский вариант имени Асклепия, древнегреческого бога врачевания. Один из важнейших храмов Эскулапа находился в Сиракузах. *Либицина* (римск. миф.) — богиня-покровительница мертвых, владевшая силой исцеления болезней. *Пилат Понтий* — римский наместник в Иудее, согласно евангельской легенде, утвердил смертный приговор Христу.

144. Перевод драмы «Каменный господар». Обстоятельства создания и замысел драмы изложены Лесей Украинкой в письме к А. Е. Крымскому от 24 мая 1912 г. «... Вот позавчера окончила начатую еще перед пасхой новую вещь, но какую! Боже, прости меня и помилуй! Я написала Дона Жуана! Вот того самого, «всмирного и мирового», не дав ему даже никакого псевдонима. Правда, драма (опять драма) называется «Каменный хозяин», так как идея ее — победа каменного, консервативного начала, воплощенного в Командоре, над раздвоенной душой гордой, эгоистической женщины — донны Анны, а через нее и над Дон Жуаном, рыцарем свободы... Так или иначе, но вот уже и в нашей литературе есть Дон Жуан, собственный, не переведенный, оригинальный тем, что его написала женщина (это, кажется, впервые случилось с этой темой)». В письме к Ольге Кобылянской от 3 мая 1913 г. речь идет об авторском понимании стиля и характеров драмы: «Если читатель жалеет, почему произведение не длиннее, чем оно есть, это, собственно, большой комплимент автору, так как вещи скучные или неудачные всегда кажутся чрезмерно длинными, хотя бы занимали мало страниц... Я не люблю обилия украшений и узоров на статуях, а эта драма должна была напомнить скульптурную группу — таков был мой замысел, а об исполнении судить не могу. Что касается характеров, то я не ставила перед собой цели прибавлять нечто новое к сформировавшемуся в литературе образу Дон Жуана, разве только подчеркнуть анархизм в его характере. Он именно должен был быть таким, каким его привыкли более или менее себе представлять, а если так, то незачем было его обрисовывать детально. Донна Анна, казалось мне, уже и так заняла чрезмерно много места в драме, значительно больше, нежели ей первоначально предназначалось... Жаль мне также, что я не сумела поставить Долорес так, чтобы она не

казалась бледной рядом с донной Анной, — это не входило в мои намерения. . . так бывает в жизни, что женщины, подобные Долорес, должны отступать в тень перед Аннами и становиться жертвами собственно не Дон Жуанов, а своей нечеловеческой экзальтации».

1. *Алькад* — старшина общины, судья в Испании. *Чаша святого Граля* (Грааля) — согласно легенде, возникшей в средние века, чаша, в которую собрали кровь распятого Христа.

2. *Изменчивая планета* — название луны, принятое в средние века. *Сегидилья* — испанская песня и танец быстрого темпа. *Фелюка* (фелюга) — небольшое парусное судно на Средиземном и Черном морях. *Фанданго* — испанский народный танец умеренного темпа.

3. *Булла* — см. примеч. 143.

4. *Капитул* — коллегия духовных и светских лиц для помощи епископу в католической церкви. *Мадриленья* — испанский танец.

5. *Сеньор де Маранья из Севильи, маркиз де Тенорио*. В сказаниях о Дон-Жуане изображены два героя: дон Жуан Тенорио, волокита, обольститель, после смерти попадающий в ад, и дон Жуан де Маранья, который раскаялся в своих прегрешениях и постригся в монахи. Леся Украинка своего героя называет обоими именами, соединяя черты двух образов.

145. Перевод драматической поэмы «Оргия». *Оргия* — у древних греков торжественное празднество в честь бога вина и веселья Вакха; в переносном значении — разгульное, разнузданное пиршество.

1. *Андронит* — мужская часть древнегреческого дома. *Гинекей* — см. примеч. 143. *Антигона* (греч. миф.) — дочь фиванского царя Эдипа, добровольно последовала за своим отцом в изгнание, похоронила брата вопреки запрету нового царя и за это была казнена. *Гетерия* — букв.: товарищество, содружество; название тайных обществ в Древней Греции. *Кратер* — сосуд для смешивания вина с водой. *Персефона* — владычица подземного царства. *Менады* — букв.: иступленные, безумные; жрицы бога вина и веселья Вакха, вакханки. *Аполлон-Кифаред* — бог солнца, покровитель искусств, играющий на струнном инструменте кифаре. *Терпсихора* — одна из девяти муз, покровительница танцев. *Лаокоон* — жрец Аполлона; возражал против ввода в Трою деревянного коня, за что боги наслали на него змей, задушивших его с двумя сыновьями. *Электра* — см. примеч. 70—76. *Андромеда* — дочь царя Кефа; за то, что мать ее хвалилась красотой дочери, Посейдон наслал на страну чудовище, пожиравшее людей. По предсказанию оракула, страна должна была избавиться от чудовища, если ему отдадут Андромеду. Повеление оракула было исполнено, но Андромеду спас Персей, убивший чудовище и увезший Андромеду как свою жену в Аргос. *Игры Диониса*. Игры в честь бога вина и веселья Диониса (Вакха) носили шумный, экзотический характер.

2. *Триклиниум* (триклиний) — в древнем Риме квадратный обеденный стол, с трех сторон которого ставились лежа для возложения во время еды. *Плутонов триумвират* — трое судей: Минос, Эак и Радамант, которые были облечены правом судить умерших после того, как их тени попадали в Аид, царство бога Плутона. *Обол* — мелкая серебряная монета у древних греков, шестая часть

драхмы. *Поэзии латинской Отец* — не римлянин, а пленный грек. Андроник, пленный грек, перевел «Одиссею» Гомера на латинский язык и тем самым положил начало латинскому литературному языку. *Трохей* — название размера в античном стихосложении. «*Латынь африканская*». Покорив северную Африку, римляне насаждали среди местных жителей латинский язык, который туземцы искажали. *Демосфен* (383—322 до н. э.) — древнегреческий оратор. *Атриензий* — раб, обслуживающий *атриум*, приемную комнату в древнеримском доме. *Девять и один* — девять муз и бог Аполлон. *Таблин* — одно из помещений в древнеримских домах, рабочая комната. *Корибанты* — фригийские жрецы, совершавшие служения богине Кибеле, сопровождав их пением и танцами; в переносном значении — комические актеры. *Вигилы* — см. примеч. 143.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Леся Украинка. 1886.
2. *С. 51*. Титульный лист сб. «На крыльях песен». 1892.
3. *С. 79*. Автограф стихотворения «Предрассветные огни».
4. *С. 153*. Титульный лист сб. «Думы и мечты». 1899.
5. *С. 195*. Титульный лист сб. «Отзвуки». 1902.
6. *Между с. 304 и 305*. Леся Украинка. 1878 или 1879.
7. *На обороте*. Леся Украинка. 1884.
8. *С. 315*. Автограф драмы «Кассандра».
9. *Между с. 336 и 337*. Леся Украинка с Э. М. Комаровой и братом Михаилом. 1889.
10. *На обороте*. Леся Украинка с матерью Оленой Пчилкой. Ялта. 1897.
11. *С. 535*. Титульный лист драмы «Лесная песня». 1914.
12. *Между с. 560 и 561*. Леся Украинка и Ольга Кобылянская. 1901.
13. *На обороте*. Группа украинских писателей на открытии памятника И. П. Котляревскому в Полтаве. Сидят: М. Коцюбинский, В. Стефаник, Леся Украинка, Г. Хоткевич, В. Самийленко. Стоят: Олена Пчилка, М. Старицкий. 1903.
14. *Между с. 592 и 593*. Леся Украинка. 1913.
15. *На обороте*. Памятник Лесе Украинке в Киеве. 1973.
16. *С. 691*. Черновой автограф драмы «Каменный хозяин».

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Леси Украинки. *Вступительная статья С. М. Шаховского* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Надежда. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	49
2. Сафо. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	49
3—11. Путешествие к морю. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	
1. «Прощай, Воляны! Прощай, мой край любимый...»	50
2. «Дальше, всё дальше! Как плахты в заплатках...»	50
3. «Краса Украины, Подолье!..»	52
4. «Солнце проснулось, солнышко встало...»	53
5. «Как город велик, как дома в нем высоки...»	53
6. «С душным городом время расстаться...»	54
7. «Ой, высоко солнце в ясном небе встало...»	55
8. «Уж солнце идет на покой...»	57
9. «Путь кончится вскоре...»	58
12. Последняя песня Марии Стюарт. <i>Перевод А. Чепурова</i>	58
13. Природе. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	59
14. К моему фортепьяно (<i>Элегия</i>). <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	59
15. <i>Contra spem spero!</i> <i>Перевод Н. Ушакова</i>	60
16. Мой путь. <i>Перевод П. Карабана</i>	61
17. «Когда я утомлюсь вседневной жизнью...» <i>Перевод П. Жура</i>	62
18—24. Семь струн	
1. Do (<i>Гимн</i>). <i>Перевод М. Замаховской</i>	64
2. Re (<i>Песня</i>). <i>Перевод И. Сергеевой</i>	65
3. Mi (<i>Колыбельная</i>). <i>Перевод М. Замаховской</i>	66
4. Fa (<i>Сонет</i>). <i>Перевод Р. Минкус</i>	67
5. Sol (<i>Rondeau</i>). <i>Перевод Р. Минкус</i>	67
6. La (<i>Nocturno</i>). <i>Перевод М. Замаховской</i>	68
7. Si (<i>Settina</i>). <i>Перевод М. Замаховской</i>	69

25—28. В детском хороводе	
1. «На зеленом бугорочке...»	Перевод В. Звягинцевой . . . 69
2. «Лето красное минуло...»	Перевод В. Звягинцевой . . . 70
3. «„Мама, зима у ворот“...»	Перевод И. Сергеевой . . . 70
4. «Тешься, играй, пока детство не минет...»	Перевод В. Звягинцевой . . . 72
29—31. Слезы — перлы.	Перевод Н. Заболоцкого
1. «О милая родина! Край мой желанный!...» 73
2. «В слезах я стою пред тобой, Украина...» 73
3. «Все наши слезы мукой огневою...» 74
32—36. Из цикла «Крымские воспоминания»	
1. Непогода.	Перевод Вс. Рождественского 75
2. Бахчисарай.	Перевод П. Карабана 76
3. Бахчисарайский дворец.	Перевод Вс. Рождественского 76
4. Бахчисарайская гробница.	Перевод Вс. Рождественского 77
5. Домик Надсона в Ялте.	Перевод Вс. Рождественского 77
37. Предрасветные огни.	Перевод В. Звягинцевой 80
38—49. Мелодии	
1. «Ночь была и тиха и темна...»	Перевод В. Звягинцевой 80
2. «Этой песни не пойте, не надо...»	Перевод В. Звягинцевой 81
3. «Горит мое сердце...»	Перевод В. Звягинцевой 81
4. «Вновь весна, и вновь надежды...»	Перевод В. Звягинцевой 82
5. «Гляжу я на ясные звезды...»	Перевод В. Звягинцевой 82
6. «Стояла я и слушала весну...»	Перевод В. Звягинцевой 82
7. «Я песнею стать бы хотела...»	Перевод В. Звягинцевой 83
8. Победа.	Перевод Е. Благиной 83
9. Музе.	Перевод Н. Чуковского 84
10. «Эта тихая ночь-чаровница...»	Перевод М. Комиссаровой 84
11. Давняя весна.	Перевод М. Комиссаровой 85
12. «В ненастную тучу кручина моя собралась...»	Перевод М. Комиссаровой 86
50. На мотив из Мицкевича.	Перевод Н. Чуковского 86
51. «Раз вы затронули вопросы эти...»	Перевод П. Карабана 87
52. «Пророческий сон патриота...»	Перевод П. Карабана 88
53—66. Невольничьи песни	
1. Мать-невольница.	Перевод М. Комиссаровой 90
2. «И все-таки к тебе...»	Перевод В. Звягинцевой 92
3. Врагам (Отрывок).	Перевод Н. Чуковского 92
4. Полночные думы.	Перевод В. Звягинцевой 93
5. Товарищам.	Перевод Н. Ушакова 94
6. Поэт во время осады.	Перевод Б. Слуцкого 95
7. Другу на память.	Перевод Н. Ушакова 97
8. Грешница.	Перевод М. Комиссаровой 99
9. Минута отчаяния.	Перевод М. Алигер 106
10. «О, знаю, злых метелей прошумит...»	Перевод И. Сергеевой 107
11. Ангел мести.	Перевод Н. Чуковского 108
12. Fiat poxi!	Перевод М. Комиссаровой 109

13. Вечной памяти листка, сожженного дружеской рукой в тревожное время. <i>Перевод А. Чепурова</i>	111
14. «Слово, зачем ты не стала боевая...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	112
67. Отзвуки. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	112
68. Товарищу. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	113
69. «Упадешь, бывало, в детстве...» <i>Перевод С. Маршака</i>	114
70—76. Крымские отзвуки	
1. Импровизация. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	115
2. Отрывки из письма. <i>Перевод Н. Брауна</i>	116
3. Восточная мелодия. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	118
4. Мечты. <i>Перевод М. Алигер</i>	118
5. Зимняя ночь на чужбине. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	121
6. Ифигения в Тавриде (<i>Драматическая сцена</i>). <i>Перевод А. Дейча</i>	125
7. Зимняя весна. <i>Перевод А. Дейча</i>	130
77. «...Незавершенным разговор прервался...» <i>Перевод О. Цуканова</i>	132
78. Звезда поэзии (<i>Импровизация</i>). <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	133
79. Забытая тень. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	134
80. Возвращение. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	136
81. «Как я люблю часы моей работы...» <i>Перевод Н. Чуковского</i>	137
82. Imromptu	139
83. «Хотела бы, как плющ, тебя обнять я...» <i>Перевод О. Цуканова</i>	140
84—86. Легенды	
1. Сфинкс. <i>Перевод Н. Брауна</i>	140
2. Ра-Менеис. <i>Перевод Н. Брауна</i>	141
3. Трагедия. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	145
87. «Уста твердят: ушел он без возврата...» <i>Перевод А. Островского</i>	146
88. Королевна. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	147
89—96. Ритмы. <i>Перевод Н. Брауна</i>	
1. «Вы, слова мои громкие, где вы теперь...»	151
2. «Иль молниями только им носиться...»	152
3. «Когда бы солнца ясные лучи...»	152
4. «Уплыть бы мне хотелось по теченью...»	152
5. «...Нет! Я покорить ее, видно, не в силах...»	154
6. «Когда бы вся кровь моя вот так же уплыла...»	156
7. «Как тяжело идти мне той дорогой...»	156
8. «Зачем я не могу взлететь к высотам...»	157
97—98. Из цикла «Невольничьи песни»	
1. Забытые слова. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	159
2. Вече. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	160
99—103. Из цикла «Мгновения»	
1. «Талого снега платочки раскиданы...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	162
2. «Гей, пойду в зеленые я горы...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	163
3. «Туча, дождь, а радуга дугою...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	163

4.	«Ой, как будто не печалюсь, всё же я не рада...»	Перевод А. Прокофьева	164
5.	«Ой, пойду я в бор дремучий, где сосна сухая...»	Перевод А. Прокофьева	164
104.	Нюбоя.	Перевод Н. Брауна	165
105.	«Острым блеском вдруг волны заискрились...»	Перевод В. Зягинцевой	167
106.	Дым.	Перевод А. Щербакова	167
107.	Пленник (Средневековый мотив).	Перевод Н. Заболоцкого	170
108.	«То совершилось в дни священной Германдады...»	Перевод О. Цакунова	172
109.	Надпись в руине.	Перевод Н. Брауна	173
110.	«Не погibli золотые терны...»	Перевод А. Островского	175
111—113.	Песни про волю.	Перевод Н. Заболоцкого	
1.	«Люди идут и знамена вздымают...»		175
2.	«Откуда льется гимн Марселя?..»		176
3.	«„Нагачка, нагачка!“ — поет иной подчас...»		178
114.	«Мечта, не предай! По тебе я так долго тужила...»	Перевод А. Островского	179
115.	Веселый пан.	Перевод Бр. Кежуна	179
116.	Практичный пан.	Перевод Бр. Кежуна	180
117.	Пан-политик.	Перевод Бр. Кежуна	181
118.	Пан-народолюбец.	Перевод Бр. Кежуна	181
119.	«За горой зарницы блещут...»	Перевод Н. Заболоцкого	182
120—125.	Весна в Египте.	Перевод Н. Ушакова	
1.	Хамсин		183
2.	Дыхание пустыни		184
3.	Афра		185
4.	Ветреная ночь		185
5.	Вести с севера		186
6.	Тайный дар		187
126.	Сон («Солнышко греет... Это Египет?..»)	Перевод Н. Ушакова	188
127—130.	Из путевой книжки		
1.	На стоянке.	Перевод Н. Брауна	189
2.	Грезы в бурю.	Перевод М. Комиссаровой	191
3.	Земля! Земля!	Перевод Вс. Рождественского	193
4.	Эпилог («Кто еще не жил средь бури...»)	Перевод А. Чепурова	194
131.	«Кто вам сказал, что я хрупка...»	Перевод С. Маршака	196
132.	В годовщину.	Перевод П. Жура	197

ПОЭМЫ

133.	Роберт Брюс, король шотландский (Шотландская легенда)	Перевод Г. Шенгели	201
134.	Старая сказка.	Перевод М. Светлова	215
135.	Одно слово.	Перевод М. Комиссаровой	241
136.	Виля-посестра.	Перевод М. Комиссаровой	247
137.	Изольда Белорукая.	Перевод П. Антокольского	255

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

138. Одержимая. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	265
139. В катакомбах. <i>Перевод П. Антокольского</i>	288
140. Кассандра. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	312
141. В пуще. <i>Перевод Н. Брауна</i>	405
142. Лесная песня. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	532
143. Адвокат Мартиан. <i>Перевод А. Дейча</i>	626
144. Каменный хозяин. <i>Перевод М. Алигер</i>	689
145. Оргия. <i>Перевод А. Дейча</i>	782
Примечания	839
К иллюстрациям	873

Леся Украинка

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979,
880 стр.
План выпуска 1979 г. № 387

Редактор *Д. М. Климова.*
Художник *И. С. Серов.*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.*
Техн. редактор *В. Г. Комм.*
Корректор *Ф. Н. Аврунина.*

ИБ № 1703

Сдано в набор 13.07.79. Подписано к печати 25.10.79. М 07190. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 46,72. Уч.-изд. л. 38,29. Тираж 40 000 экз. Заказ № 827. Цена 3 р. 40 к.

Изд-во «Советский писатель», Ленинградское отделение, 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000. Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

